

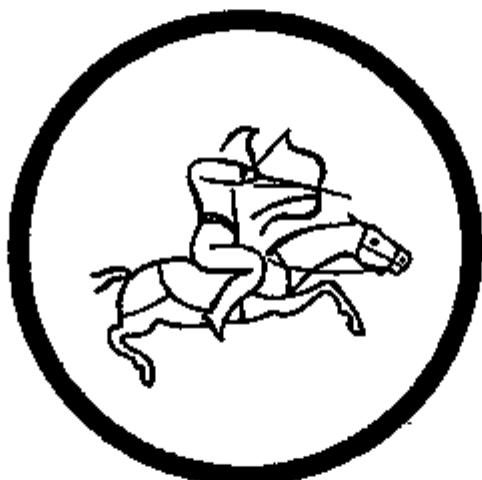
Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш. Марджани
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
им. В.М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

Выпуск 14

Т.Б. Никитина

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ IX–XI вв. ВЕТЛУЖСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Казань, 2012

ББК 63.4
Н 62

Серия «Археология евразийских степей»

Выпуск 14

Печатается по решениям Ученого совета Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Ученого совета Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М.Васильева.

Ответственный редактор:
доктор исторических наук Е.П.Казаков.

**Рукопись подготовлена при финансовой поддержке РГНФ
(проект № 09-01-24102а/В)**

**Рецензенты: к.и.н. А.Г. Ситдиков,
д.и.н. К.А. Руденко.**

Н 62 Никитина Т.Б.
Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 14. – Казань. 2012. – 408 с.

ISBN-978-5-94950-062-0

Впервые опубликованы в полном объеме материалы погребальных памятников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв., раскопанные Марийской археологической экспедицией. В результате введена в научный оборот фундаментальная база источников, которые позволят на новом качественном уровне проанализировать этнокультурные процессы в регионе и решить многие спорные вопросы в средневековой истории. Работа представляет значительный интерес для исследователей, занимающихся изучением средневековой археологии Волго-Камья, Среднего Поволжья и финно-угорских народов Восточной Европы.

ISBN-978-5-94950-062-0

**© Никитина Т.Б., 2012
© Институт истории АН РТ, 2012
© МарНИИЯЛИ, 2012**

ОТ РЕДАКТОРА

В эпоху средневековья одной из крупных общностей была поволжско-финская, занимавшая территорию Окско-Волжского региона. Народы её прошли нелегкий исторический путь, испытывая написк кочевников Восточной Европы, позднее – воздействие растущей силы Руси и Волжской Болгарии. Ассимиляционные процессы привели к тому, что на р. Оке исчезли целые народы: мещера, мурома.

По данным «Повести временных лет», фольклорным материалам (В.А. Акторин), марийские племена ранее проживали намного западнее. По мнению Т.Б. Никитиной, основное этническое ядро марийцев пришло на территорию современного проживания не ранее середины VI в. н.э. [Никитина, 2002. С. 167].

Таким образом, появление предков марийского народа на современной территории произошло в процессе миграций, которые часто вызывались изменениями военно-политической обстановки в сопредельных областях. По письменным и археологическим материалам известно, что глобальные события периода формирования Первого тюркского каганата привели к массовым миграциям народов на обширной территории Евразии. Одна из таких миграций фиксируется по появлению в лесостепи Восточной Европы, на площади от бассейна р. Белой до Пензенского края, большого числа памятников турбаслинско-именниковской общности. Дискуссия об их этнокультурной принадлежности, которая велась долгие годы, ещё не закончилась, но материалы новых памятников ([1] Коминтерновский могильник и др.) позволяют утверждать, что население, оставившее такие памятники, является поздними сарматами, которые в бурную середину VI в. н.э. были вынуждены отойти к северу. Пензенская группа этого населения непосредственно проживала на территории мордвы, оказывая влияние на более северные племена волго-окских финнов. Элементы культуры этого населения (сложные конструкции могильных ям, биритуальность в обряде: трулосожжение и трупоположение, культ коня, культовые изделия аланского круга и др.) отразились даже в Безводниковском могильнике поволжских финнов [Казаков, 2007. С. 268 – 273]. Судя по материалам этого памятника, такое воздействие проявилось с середины VI в. н.э. [Краснов, 1980].

Известные языковеды выделяют в марийском языке поздний пласт индоиранских заимствований, отличающийся от раннего, присутствующего всегда компонента [Гордеев, 1967. С. 180 – 203; Казанцев, 1985. С. 63], которые могли быть заимствованы в турбаслинско-именниковское время.

Таким образом, можно полагать, что глобальные евразийские события середины – второй половины VI в. н.э. затронули и земли волго-окских финнов. Одним из результатов этого стала миграция предков марийского народа на восток, в том числе и в леса левого берега р. Волги. Значение этого события можно оценивать по-разному, но не исключено, что мари, уходя к востоку, сохранили себя как этнос, избегнув судьбы мещеры и муромы.

Работа Т.Б. Никитиной посвящена анализу богатейших некрополей Марийского Поволжья IX–XII (в основном X–XI) вв. н.э., когда уже сформировались специфические элементы погребального обряда и вещевого комплекса. Несмотря на сохранившееся сходство, особенно в традиционном женском костюме, с мордвой и муромой, у населения края выработались этноспецифические черты. К ним относятся: шапочка головного убора с богато украшенными налобными венчиками и окантовкой бронзовыми (золотистыми в то время) цепочками в несколько рядов; обувь в виде «ладочек» из мягкого материала, отличающаяся определенной стандартизацией как в отношении техники изготовления, так и по декоративным элементам; нагрудные, в том числе и культовые, подвески и т.д.

По вещевому инвентарю мужские захоронения четко отличаются от женских: в них обычной находкой являются остатки колчана со стрелами, топоры, мечи, предметы огнива – кресала, кремни, трубицы для трута.

Богатейший материал для археологов, этнографов, искусствоведов представляют жертвенные комплексы, с которыми связаны глубокие и сложные идеологические представления, изученные пока еще в недостаточной степени. Особенно важно, что благодаря природным условиям, в захоронениях и жертвенных комплексах хорошо сохранились предметы, изготовленные из органических материалов: кожаные, шерстяные и тканевые изделия, благодаря чему имеется возможность в ряде случаев выявить покрой их и форму; иногда определяется вид тканей, вплоть до шелка, и даже их цвет. Всё это позволяет реконструировать костюм средневекового населения Марийского края.

Локализация рассматриваемого региона на одном из наиболее интенсивных участков Волжского торгового пути, расположенного между Русью и Волжской Болгарией, обусловила насыщенность памятников изделиями, привезенными из отдаленных районов Восточной Европы. Особенно много их поступало из Волжской Болгарии, которая фактически граничила с землями марийцев.

Расцвет Волжской Болгарии приходится на первую половину домонгольского периода, конкретнее – на последнюю треть X–XI вв.: в это время страна стала своеобразным ремесленным центром всего северо-востока Восточной Европы. В многочисленных мастерских изготавливались высококачественные поделки из цветных и драгоценных металлов, имеющие большой спрос в мире языческих соседей, окружающих страну. В обмен на них болгары получали меха и другие товары, которые с большой выгодой перепродают за серебряные дирхемы и прочие эквиваленты товарного-денежного обмена в страны Востока.

Достаточно назвать только один вид товаров, имеющих большой спрос в финно-язычном мире, – это поясные наборы, принесённые из мира евразийских кочевников. У волжских болгар, которые сами сформировались в результате миграции этих народов, традиция носить поясные наборы обусловила расцвет отрасли по их изготовлению. Среди купеческих товаров находились, видимо, целые тюки комплектов поясных наборов с разнообразными металлическими накладками. Масса их попадала в земли мордвы, мари, на Верхнюю Каму и даже в Приполярный Урал [Казаков, 2010. С. 53–61].

Для населения Марийского Поволжья пояса были не только экзотикой, привнесённой из другой страны, но и знаком богатства, престижа (погр. 5, 14 Веселовского могильника и др.). За редким исключением все типы поясных накладок находят аналогии в памятниках Волжской Болгарии, где зафиксированы следы их производства. Вместе с поясами реализовывались и поясные сумочки, которые, судя по тенкоженс-

той коже (т.н. «булгари»), из которой они изготовлены, также в массе привозились из страны болгар.

Благодаря богатству вещевого материала в могильниках Вятско-Ветлужского междуречья, изучение средневековой истории марийцев имеет хорошую археологическую базу. Основным исследователем в этом направлении являлся Г.А. Архипов, который за три десятилетия опубликовал много работ, в том числе фундаментальную монографию, посвящённую рассматриваемому периоду [Архипов, 1973]. Т.Б. Никитина успешно продолжает эту работу, подготовив предлагаемую книгу; выполнена она на методическом уровне, который освещён в её эпиграфе, когда рассматриваются не группы выбранных вещей, а погребальные комплексы в целом. Автор провела большую работу по сбору материалов, которые за полстолетия были утеряны или разбросаны.

Т.Б. Никитиной опубликованы 195 погребальных комплексов из 5 могильников. Это, несомненно, важнейший материал для освещения средневековой истории не только Марийского Поволжья, но и всего северо-востока Европы. Например, в Волжской Болгарии, где с 60-х гг. X в. н.э. мусульманство вытеснило язычество, датировку многих вещей из поселений и городищ нередко определяют по их аналогиям в языческих марийских могилах, многие из которых сопровождаются монетами, в том числе – чеканенными в столичном центре страны болгар.

В целом монография Т.Б. Никитиной является заметным явлением в современной археологической литературе, причём материалы её важны для широкого круга историков, этнографов, искусствоведов, культурологов.

Е.П. Казаков

«Только публикация с полным воспроизведением комплексов и иллюстраций (и тем больше одинаковых, тем ценнее) отвечает современному уровню науки... Если же выборочность неизбежна, лучше отобрать целые характерные комплексы, ограничивающие их число, чем давать произвольную подборку изолированных вещей».

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы //СА.1971. № 3.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование охватывает территорию, ограниченную с юга р. Волгой, с запада – р. Ветлугой, с востока – р. Вяткой. Северная граница проходит по болотистой местности в Нижегородской и Кировской областях, где сближаются мышми притоками бассейны рек Ветлуги и Вятки.

Археологические памятники Ветлужско-Вятского междуречья IX – начала XI вв. немногочисленны и обладают устойчивой серией ярко выраженных признаков, позволяющих считать, что они оставлены однородным этнокультурным массивом населения, несмотря на то, что расположены на значительном расстоянии друг от друга. В настоящее время на указанной территории известны 9 могильников (рис. 1, №№ 1 – 9): Веселовский, «Черемисское кладбище», Ефанихинский, Юмский, Кочергинский, Лопъяльский, «Нижняя стрелка», Дубовский, Русенихинский. К этому же кругу древностей исследователями отнесены Кантауровский и Борисковский могильники (рис. 1, № 10, 11) [Архипов, 1973. С. 9], расположенные за пределами обозначенной территории.

В монографии обобщены материалы 5 могильников.

Самобытная культура населения, сохранившая в богатом вещевом инвентаре и погребальном обряде, уже более столетия привлекает внимание исследователей и музеиных работников различных научных центров. В результате материалы оказались разобщенными по музеям страны: в Йошкар-Оле в Национальном музее Республики Марий Эл, в Нюкнем Новгороде в Нижегородском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике, в Кирове в Кировском областном краеведческом музее, в Санкт-Петербурге в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого, Государственном Эрмитаже, в Москве в Государственном Историческом музее, Государственном объединенном музее Республики Татарстан, Ветлужском краеведческом музее г. Ветлуги и Шахунском

народном фольклорно-этнографическом музее г. Шахуньи Нижегородской области. Я выражаю благодарность администрации и сотрудникам Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, Кировского областного музея за предоставленную возможность работать с коллекциями, особую признательность администрации Национального музея Республики Марий Эл и Ветлужского краеведческого музея за разрешение использовать неопубликованные ранее экспонаты в моей работе.

Еще О.Н. Бадер писал о важности могильников Поветлужья для изучения этногенеза марийского народа и выражал сожаление, что материалы поветлужских могильников – «Черемисского кладбища» и Веселовского – не изданы [Бадер, 1951. С. 156; Бадер, 1951а. С. 34]. С того времени мало что изменилось. В полном объеме до настоящего дня не опубликован ни один памятник. Отчеты о раскопках большинства объектов не отражают исчерпывающей информации о памятниках; в них, за исключением могильника «Нижняя стрелка», не даны материалы по комплексам. Отдельные вещественные артефакты или фрагменты погребального обряда неоднократно публиковались и были использованы для построения хронологических схем и этноисторических реконструкций. Субъективная выборка материала не могла обеспечить комплексного анализа и порождала появление различных, зачастую полярных точек зрения, в интерпретации могильников.

Целью данной работы является, в первую очередь, полная публикация материала по комплексам и на этой основе последующая его интерпретация.

Основу работы составили материалы МарАЭ 1956–58 гг. 1963 г., 1965 г., 1980–1981 гг., 1980–81 гг. из раскопок А.Х. Халикова, Г.А. Архипова, В.Ф. Генинга. Благодаря активной работе А.Х. Халикова и Г.А. Архипова была создана солидная

источниковая база для изучения марийской культуры эпохи средневековья.

В исследование включены также данные, полученные автором при раскопках 1987–88 гг., 2007–2009 гг. Для наиболее полной картины проведена работа с полевыми отчетами, коллекциями и, по возможности, с полевыми записями, публикациями предшествующих лет.

К сожалению, по различным причинам часть коллекций не удалось найти. Утерянные или полностью разрушенные вещи отмечены в тексте (*). Отдельные вещи даны по полевым запискам или старым публикациям, поэтому их контуры отличаются небрежностью, иногда схематичностью и не всегда дано профилированное сечение. Но, поскольку они типологически все же читаются, я посчитала целесообразным включить их в работу.

При публикации комплексов в целом сохранены порядок описания и нумерация вещей в погребениях в соответствии с отчетом, хотя они не всегда логичны и последовательны. Изменения вносились только в том случае, если в отчете были фактические ошибки или потеряна часть информации, например, описание содержимого кошелька или вещей под костяком и т.д. В названии комплексов в первой позиции сохранено наименование по тексту отчета, вторая позиция

дана по определению автора настоящего исследования. Например, Веселовский могильник: «Ритуальный комплекс 19. Жертвенный комплекс» или Дубовский могильник: «Погребение 34. Жертвенный комплекс». Утерянные данные восстанавливались из полевых записей, коллекционных описей. Редактирование текста отчетов сводилось только к сокращению в описании вещей, поскольку каждая вещь прорисована индивидуально. Описание материала, из которого изготовлены вещи (медь, бронза, серебро), сохранено в соответствии с отчетом, хотя без дополнительного лабораторного анализа это следует признать условным. Также приблизительным можно считать указание видового состава животных, из которых пошита одежда, так как в отчетах нет ссылок на лабораторные анализы.

Работа выполнена в основном в рамках проекта РГНФ № 09-01-24102а/В «Погребальные памятники IX–XII вв. Волго-Вятского междуречья». Я выражаю благодарность сотрудникам отдела археологии МарНИИЛИ: зав. отделом В.В. Никитину, с.н.с. Д.Ю. Ефремовой, м.н.с. А.В. Акылбаеву, лаборанту Т.Л. Кувшинской, участвовавшим в процессе работы над проектом в сборе материала и подготовке иллюстраций.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МОГИЛЬНИКОВ IX–XI ВВ. ВЕТЛУЖСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Изучение средневековых могильников началось еще во второй половине девятнадцатого столетия. В 1874 году в Императорскую археологическую комиссию поступили сведения о древнем могильнике у с. Лопьяля бывшего Уржумского уезда, которые дважды, в 1897 и 1904 годах, проверялись С.К. Кузнецовым [Отчет ИОАИЭ, 1888; ОАК, 1877. ХХIV; 1907. С. 136 – 137], но точное местонахождение могильника установить не удалось. Вещи неоднократно публиковались, могильник вначале упоминался под названием Лопьяловский, а затем утвердилось название Лопьяльский [Смирнов, 1952. С. 164].

В 1891 году крестьянин починка Загребинского (Белевского) передал в Вятку (ныне г. Киров) вещи, найденные на берегу р. Юмы, левого притока р. Пижмы, правобережного притока р. Вятки. В отчете А.А. Спицына приводится перечень этих вещей, среди которых значатся «два витые серебряные ожерелья» (травы), «на колбочке лучшего ожерелья вырезана тамга, три массивные медные запястья чепецкого типа с точечным орнаментом, три запястья из тонких медных листовых полосок с несколько расширенными концами, девять небольших медных височных колец со следами прикрепления к ним в виде привесок посеребренных бляшек» и т.д. В августе 1891 года А.А. Спицын посетил место находок и произвел раскопки «с низа левого ската, где была обнаружена новая поклажа. Порядка в расположении вещей не было». Вероятно, указывает он, «вещи спустились сверху. Затем были заложены раскопы выше и ниже по течению реки, но безрезультатно. Тогда вернулись на первоначальное место и нашли еще два узла с вещами» [Спицын. Отчет за 1891 год].

В 1889 или 1890 году (в разных источниках дана различная дата) в Императорскую археологическую комиссию поступили вещи, найденные у пос. Борисово (в настоящее время территория г. Казани) на загадном берегу озера Дальний Кабан в Татарии. Здесь были обнаружены два костяка головой на С и СЗ и вещи, аналогичные находкам на памятниках Ветлужско-Вятского междуречья X–XI вв. У А.П. Смирнова встречается название могильника Борисовский, в более позднее время утвердилось написание Борисковский. Часть обнаруженных вещей в настоящее время находится в Государственном объединенном музее Республики Татарстан [Смирнов, 1958. С. 165; Казаков, 1999. С. 67].

В 1908 году был открыт и обследован еще один аналогичный могильник в Ветлужском уез-

де Нижегородской губернии (ныне Ветлужском районе Нижегородской области) на р. Луданге, левом притоке р. Ветлуги, известный у местного населения под названием «Черемисское кладбище». Памятник обследовал сотрудник Музея антропологии этнографии (г. Санкт-Петербург) В.И. Каменский. По словам участника раскопок И.И. Белоусова, жителя д. Верхняя Слудка, В.И. Каменский искал погребения с помощью большого круга (т.е. металлоискателя) затем закладывал шурфы и вскрывал погребения. Следы от шурfov сохранились и по настоящее время. Материал этих раскопок с кратким отчетом В.И. Каменского находится в Музеи антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге [Коллекция № 1265]. При раскопках были вскрыты 16 погребений, из них 4 трупоположения, 9 трупосожжений, способ захоронения в трех случаях не ясен. Исследователем было установлено, что при трупоположении и при трупосожжении вещи раскладывались в порядке их расположения на одежде при жизни. При трупосожжении кости разбрасывались по могильной яме длиной в 2 аршина и шириной пол-аршина. Ямы чаще ориентированы на север с небольшими отклонениями. Никаких подстилок под костями не зафиксировано. Вместе с костями обнаружены сопровождающие вещи. Иногда там, где должны были быть ноги, находили медный или железный котлы. Недалеко от котлов к северу втыкали в землю копье и боевой или рабочий топор, иногда и то и другое. Еще севернее от головы находили два или три серебряных перстня вместе с обрывками медных спиралевидных пронизок, медных цепочек и бубенчиков. Ближе к голове располагались железный ножик, точильный бруск, кремень, форма для литья и иногда тигли. Драгоценные вещи – в основном украшения – располагались чаще «в грудке» (в куче – Г.Н.) на бересте, связывались ремнем и накрывались деревянным лотком, который при трупоположении выкладывался иногда еще и в котел [Отчет к коллекционной описи 1265. С. 63–70].

В 1927 (1929) году¹ неподалеку от могильника «Черемисское кладбище» у хутора Веселовского Ветлужского уезда Нижегородской губернии (ныне Шахунского района Нижегородской области) на р. Какше, левом притоке р. Ветлуги начаты раскопки еще одного могильника, получившего название Веселовский. Раскопки про-

¹ Встречаются разночтения в опубликованных ранее работах.

водились экспедицией Ветлужского краеведческого музея, были раскопаны 13 погребений. В литературе существует неверная информация о том, что работами руководил М.П. Званцев. В действительности раскопки производил директор музея И.И. Разумов по согласованию с Академией наук и Б.С. Жуловым, руководившим Комплексной антропологической экспедицией по Центральной промышленной области [Запись И.И. Разумова]. Судя по краткому отчету И.И. Разумова, на могильнике были обнаружены трупоположения и трупосожжения, а также два комплекса вещей между могилами. Из описаний следует, что в отдельных погребениях найдены наконечники копий в изголовье, железные и медные котелки в ногах. В медных котлах стояли деревянные чаши. К сожалению, описание обряда дано суммарное, и его невозможно использовать в статистической обработке. Из текста краткого отчета следует, что существовал (или существует – ?) и более подробный отчет (доклад) с фотографиями и прорисовками процесса раскопок, который был отправлен в Нижегородский краеведческий музей, но, к сожалению, следы его утеряны. И.И. Разумов был арестован в годы репрессий, и все, что связано с его именем, уничтожено. Возможно, этим обстоятельством объясняется отсутствие отчета.

Краткая информация о находках у хут. Веселовского была опубликована на страницах «Нижегородской коммуны» М.П. Званцевым, членом Нижегородской археолого-этнографической комиссии [Званцев, 1929], и с этого времени раскопки Веселовского могильника стали связывать с именем М.П. Званцева.

В 1928–1930 гг. было проведено обследование Кочергинского могильника у д. Кочергино или Дубрава Советского района Кировской области, отмеченного еще А.А. Спицыным. Работы проводили сотрудники Вятского отряда Антропологической экспедиции под руководством М.В. Талицкого. Несмотря на значительную площадь, вскрытую раскопками, обнаружены всего 5 захоронений, которые впоследствии были опубликованы в полном объеме [Талицкий, 1940]. Последующее обследование памятника в 1957 году не дало результатов.

К этому же кругу памятников А.П. Смирнов относил находки около г. Кирова (бывшая Вятка), обнаруженные в 1929, 1930 гг. при хозяйственных работах. А.П. Смирнов в «Очерках древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья» назвал место находок Вятским могильником [Смирнов, 1952. С. 166]. Но поскольку дальнейшее изучение находок в этом месте не было, данный некрополь в археологичес-

кой литературе больше не рассматривался.

Систематическое изучение средневековых могильников Ветлужско-Вятского междуречья с научной фиксацией результатов раскопок началось после создания на базе МарНИИ Марийской археологической экспедиции (МарАЭ). В 1957 году МарАЭ совместно с Марийским краеведческим музеем произвели стационарные работы на Юмском (Загребинском) могильнике в Свединском районе Кировской области, при участии Нижегородского областного музея были начаты раскопки могильников Веселовского и «Черемисское кладбище» в Нижегородской области. Общее руководство работами осуществлял А.Х. Халиков. Непосредственным руководителем раскопок Юмского (Загребинского) могильника являлся аспирант ИЯЛИ КФАН СССР В.Ф. Генинг. Заложены два раскопа площадью 494 кв.м., обнаружены 9 погребений, остатки большого кострища и несколько вещей [Генинг. Отчет за 1957 год]. На памятнике «Черемисское кладбище» в раскопках принимали участие Г.А. Архипов, И.С. Вайнер, Ф. Бекмұлина и сотрудники Ветлужского музея. На могильнике вскрыта площадь 738 кв.м., на которой зафиксированы 13 погребений.

На Веселовском могильнике были заложены 3 раскопа. Раскоп 1 имел площадь 63 кв. м. не дал ни одного погребения. Раскоп 2 площадью 108 кв.м. содержал остатки двух полуразрушенных погребений и показал наличие еще нескольких совершенно разрушенных погребений (находки отдельных обломков железных котлов, топора, кресала и т.п.). Раскоп 3 площадью 639 кв. м содержал 13 погребений. В раскопах Веселовского могильника принимала участие Е.А. Халикова, которой сделаны интересные зарисовки по реконструкции древнемарийского костюма.

Раскопки на Веселовском могильнике были продолжены Марийской археологической экспедицией в 1958 году. Основной раскоп был заложен к западу от раскопа 3 1957 года, имел площадь 297 кв. м и выявил 15 погребений. Кроме того, к югу от раскопа 2 предшествующего года заложена траншея площадью 45 кв.м. Еще одна траншея площадью 72 кв.м. была протянута вглубь дюны в юго-западном направлении. Обе траншеи не содержали погребений.

В результате исследований 1957–58 гг. было признано, что могильники Юмский, «Черемисское кладбище» и Веселовский исчерпаны.

В 1958, 1963 и 1965 годах МарАЭ под руководством Г.А. Архипова были начаты раскопки аналогичного Дубовского могильника на левом берегу Волги в Горномарийском районе Марийской АССР (ныне Кильмарский район Республики Марий Эл) и вскрыты 30 погребений. Могильник располагался на краю жилого поселка, и дальнейшее его изучение было невозможным. В 1980-е годы, в связи с работами по подготовке

* В архивах Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, который образован на базе Нижегородского краеведческого музея, отчет не числится.

к строительству Чебоксарского водохранилища, поселок был снесен, и исследование памятника продолжено. В 1980–1981 годы [Архипов, 1964; 1983. С. 135; 1984] на могильнике изучены еще 52 погребальных комплекса. В 1984 году при осмотре ложа Чебоксарского водохранилища было вскрыто еще одно разрушенное погребение и проведен сбор подъемного материала [Никитин. Отчет МАЭ за 1984 год. С. 127–129].

В 1987 году разведочным отрядом МарАЭ под руководством В.В. Никитина был открыт новый могильник «Нижняя стрелка» в пойме левого берега р. Волги у д. Починок в Юринском районе Республики Марий Эл. В этом же году на памятнике начаты археологические раскопки под руководством автора данной работы: была исследована площадь 492 кв.м, обнаружены 39 погребений, 11 жертвенных комплексов, ряд отдельных вещей и сосудов. Работы были продолжены в 1988 году: на раскопанных 128 кв.м располагались 13 столбовых и костровых ям, погребений не обнаружено. В одной из ям найдены жженые кости и железные предметы (удила, стремена, пряжка). Памятник является переходным от древностей IX–XI вв. к памятникам XII–XIII вв. [Никитина, 1990]. В 2004 году при проведении мониторинговых исследований в Юринском районе объект дополнительно осмотрен отрядом В.В. Никитина, собран небольшой подъемный материал [Никитин. Отчет за 2004 г.]. В 2007 году после поступивших сведений о незаконных раскопках кладоискателей в Юринском районе могильник еще раз обследован Т.Б. Никитиной, на площади 45 кв.м обнаружены 1 погребение и 2 жертвенных комплекса.

В последние годы в МарНИИЯЛИ поступили сведения о частых кладоискательских раскопках в Поветлужье и значительных разрушениях на памятниках, в том числе и на могильниках. Для проверки информации в 2007 году одним из отрядов МарАЭ под руководством Т.Б. Никитиной были проведены разведочные работы, в результате которых выявлено, что Веселовский могильник и могильник «Черемисское кладбище» не исчерпаны, представляют интерес для изучения и систематически в течение нескольких лет подвергаются разграблению неизвестными людьми. В 2008 году на этих памятниках были произведены дополнительные раскопки.

На Веселовском могильнике вскрыта площадь 41 кв.м, на которой обнаружены 2 целых (1 – кремация, 1 – кенотаф), 2 разрушенных захоронения [Никитина. Отчет за 2008 год] и собран многочисленный подъемный материал из обнажений и старых отвалов. Исследование показало, что могильник в целом исчерпан. Внимание кладоискателей в основном привлекают отдельные вещи из отвалов. Осмотр отдельных участков показал, что действительно предшествующие раскопки (особенно в 1929 г.) проводились недостаточно тщательно и в последующем целесообразно провести обследование от-

валов с соблюдением методики с целью получения вещественных коллекций, в которых нуждается местный районный музей.

На могильнике «Черемисское кладбище» вскрыта площадь 115 кв.м, на которой изучены 2 погребения (1 – ингумация, 1 – кремация) и один жертвенный комплекс, собран многочисленный подъемный материал из обнажений и старых отвалов. Полученный материал относится к X–XI вв. В результате выявлено, что в расположении могил нет системы, они сосредоточены небольшими группами, иногда на значительном расстоянии друг от друга и вполне вероятно, что не все погребения выявлены.

В 2008 году дополнительно осмотрен Южный могильник, на котором в отвалах кладоискательских вкопов обнаружены многочисленные вещи. Характер кладоискательских вкопов и их местонахождение показали, что могильник полностью не изучен и находки погребений на нем еще возможны.

При подготовке монографического исследования «Марийцы в эпоху средневековья» [Никитина, 2002] мною были пересмотрены материалы погребальных памятников Поветлужья, датированные Г.А. Архиповым XII–XIII вв. [Архипов, 1986], на Высокумском II и Руткинском могильниках выделены погребения юнца XI в., рубежа XI–XII вв. [Никитина, 2002. С. 201–205]. В целом вышеупомянутые памятники относятся к XII–XIII вв., отдельные погребения более раннего времени не определяют лицо памятников и в настоящую монографию не включены. Лопьяльский могильник представлен лишь разрозненными сборами. В настоящее время известны находки украшений, орудий труда и котлов у д. Стрюки Орочского района Кировской области и на правобережье Вятки в Малмыжском районе. Несмотря на внешнее сходство этих находок с материалами марийских могильников, они не составляют единых закрытых комплексов, поэтому не могут быть однозначно интерпретированы и не введены в данное исследование. Более убедительна интерпретация находок у д. Квантаврово Борского района Нижегородской области [Архипов, 1973. С. 119, рис. 2]. Находки шумящих подвесок с трапециевидной основой и круглых ажурных подвесок с волютами и т.д. (Нижегородский историко-архитектурный музей, колл. 1920) позволяют их связать с древнемарийской культурой. Но находки располагаются за пределами рассматриваемой в работе территории.

В 2009 году автором данной работы был открыт новый, ранее неизвестный, Русеникинский могильник на правом берегу р. Ветлуги в Воскресенском районе Нижегородской области. Его исследование начато в 2009 году, материалы находятся в обработке и в предлагаемой монографии не использованы.

В работе использованы данные 195 погребальных комплексов из 5 могильников Волго-Ветлужско-Вятского междуречья.

ГЛАВА 2. ОПИСАНИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ

ВЕСЕЛОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

Могильник расположен на дюнном возвышенности левого берега р. Маляя Каща, левого притока р. Ветлуги, в 700 м к ЮЗ от д. Семеново (Вороваткино) в Шахунском районе Нижегородской области. Поверхность покрыта сосновым лесом (рис. 2–1). В разные годы (1927 (1929), 1957, 1958, 2007 гг.) на памятнике была вскрыта площадь более 1148 кв.м и изучены 47 погребальных комплексов (рис. 3, 4). Судя по наличию вещей из разрушенных захоронений, фактическое число погребений было больше. До настоящего времени сохранилась информация о 34 погребальных комплексах.

Погребение 1. Трупосожжение (рис. 5).

Могильная яма подпрямоугольной формы со скругленными углами (форма приближается к овалу) вытянута по линии С – Ю, имеет заполнение на глубине 55–70 см. Северная половина разрушена кладоискательской ямой. Сохранившаяся часть могилы имеет размеры 95 х 42 см. По центральной линии располагались три скопления пережженных костей и пепла, на которых в определенном порядке лежали отдельные предметы. Следов прокала или обгорелости на предметах в яме не обнаружено.

Сопровождающий инвентарь. В южном конце ямы лежали два железных крючка (№ 1) (рис. 5 – 8). Порядок расположения украшений соответствовал их месту в составе костюма. В южной половине ямы располагались украшения головного убора, состоявшего из медной цепочки (общая длина 103 см – 72 звена) (№ 2) (рис. 5 – 1) и двух височных колец из медной проволоки (№ 3, 4) (рис. 5 – 4, 5). На височных кольцах сохранились остатки войлока и шерсти. Севернее головного убора лежали нагрудные украшения с остатками шерстяной и меховой одежды, остатки пронизок из перевитой медной проволоки и шерстяной нити* (№ 5), бронзовая подвеска (№ 6) (рис. 5 – 7), медная скользгама (№ 7) (рис. 5 – 6), обломки подвески из посеребренной листовой меди (№ 8) (рис. 5 – 2), половина медного бубенчика (№ 9) (рис. 5 – 3) и фрагменты пронизок из перевитой медной проволочки на шерстяной нити. Очевидно, все вещи и остатки трупосожжения сверху были прикрыты лубом, слабые следы которого прослеживались в отдельных местах ямы.

Судя по расположению украшений, погребенный ориентирован головой на ЮЗ (аз. 195°).

Погребение 2. Трупоположение (рис. 6 – 8).

Могильная яма отчетливо выявилась на глубине 40 см, имела овальную форму размерами 215 х 60 см, вытянута с В на З. Западная часть ямы разрушена кладоискательским перекопом. В верхней части засыпи могильной ямы в потребованном слое обнаружены: подвеска из медного дирхема, глиняная лялечка (рис. 7 – 8), фрагменты кожаного ремня с пряжкой и накладками из низкопробного серебра (рис. 7 – 4, 6, 7, 9; 296 – 43).

На глубине 50 см обнаружены остатки мужского костяка, лежавшего вытянуто на спине головой на З (аз. 267°). Левая рука положена на таз, правая не сохранилась. Череп уничтожен кладоискательской ямой. Покойник, одетый в меховую одежду или укрытый мехом, былложен на подстилку из сосновых досок и прикрыт сверху лубом.

Сопровождающий инвентарь: в изголовье – железный топор (№ 1) (рис. 8 – 7), на труда – бляха из низкопробного серебра (№ 2) (рис. 7 – 5) и остатки ткани (№ 3). На середине лучевых костей левой руки были обнаружены 3 бронзовых браслета (№ 4) (рис. 7 – 1, 2, 3). Справа от таза лежали фрагменты железного кресала (№ 5) (рис. 8 – 9). Выше левого колена были положены: слева – железный втульчатый топор (№ 6) (рис. 8 – 8), справа – восемь железных наконечников стрел (№ 7) (рис. 8 – 2–7). Между бедренными костями найдены два кремня (№ 8), справа от правой бедренной кости – два ножа* (№ 9) и обломки железной пряжки* (№ 10). В ногах был поставлен медный с железной дужкой котелок (№ 11) (рис. 6 – 1), склепанный из листовой меди. Котелок был закрыт телячьей (?) шкурой, поверх которой лежал обломок каменного оселка*. В котелке находилась чаша, выточенная из одного куска дерева (рис. 6 – 2), внутри которой лежали остатки неопределенной коричневой массы.

Погребение 3. Трупоположение (рис. 9 – 12).

Могильная яма подпрямоугольной формы с закрученными углами в юго-восточной стороне разрушена траншесей 1929 года. Яма имела глубину 15–30 см. В сохранившейся части обнаружены остатки женского (?) костяка, лежавшего на спине вытянуто головой на СЗ (аз. 315°), череп – на левом виске. Левая рука слегка согнута в локте и кистью лежала под тазом, правая сильно согнута в локте и кистью, очевидно, ле-

жала на верхней части живота.

Судя по Чертежу и фотографии, сопровождающей чертеж [Отчет 1957 г. Рис. 198], положение кисти правой руки неестественно.

Погребенная лежала на лубянной подстилке, остатки которой найдены под черепом и тазом.

Сопровождающий инвентарь. На черепе и под ним сохранились остатки головного украшения в виде налобной повязки из кожи (общая длина – около 20 см, ширина – 3,5 см) с берестяной подкладкой и тонкими серебряными накладками (№ 1) (рис. 10 – 1). На затылке налобная повязка завязывалась кожаными ремешками. Выше повязки вокруг черепа в 5 рядов обернута медная цепочка, от которой сзади спускались на цепочке бубенчики (№ 2) (рис. 10 – 7, II). На висках попарно подвешены 4 серебряных височных кольца (№ 6) (рис. 10 – 4-6, 9). Около черепа расчищены серьги (№ 3, 7) (рис. 10 – 3, 13): с одной стороны – серебряная с позолотой, отделанная филигранью и зернью; с другой стороны – медная литая*. На шее были надеты две серебряные гривны (№№ 4, 5) (рис. 12 – 2, 3). На груди погребенной вместе с обрывками меховой одежды обнаружены остатки нагрудных украшений. На шерстяном шнурке, перекинутом через шею, по обе стороны груди спускались шумящие коньковые подвески (№ 8) (рис. 11 – 6). Между описанными подвесками располагается нагрудник на кожаной основе, к которой были прикреплены: по краям две шумящие подвески с щитком из трех спиралевидных дисков (№ 9) (рис. 11 – 2), в центре – украшение из подвесок со спиральными пронизками и бубенчиками (№ 10, 11) (рис. 11 – 1)'.

На руках от локтя до кистей под меховой одеждой обнаружены браслеты (рис. 10 – 2, 8, 10, 12; 11 – 5, 7, 9): на правой руке – 7 браслетов (№ 12), на левой – 9 (№ 13). Среди браслетов различаются: четырехгранные – 4 экз., восьмигранные – 10 экз., уплощенно-четырехгранные – 4 экз. Два медных браслета лежали не на костях рук, а чуть выше (№ 14, 15). На пальцах рук зафиксированы по 3 серебряных перстня (№№ 20, 21) (рис. 9 – 1-6). На тазовых костях сохранились остатки кожаного ремня с медной пряжкой, наконечником и накладками из тонкого листового серебра (№ 22) (рис. 11 – 8, 10, 11). Один конец ремня или концевой ремешок опускается вниз. К ремню были подвешены: с правого бока ножны (№ 18). Ножны имеют декоративное или вогивное назначение. Этот предмет имеет следующую конструкцию: две липовые тонкие дощечки, внутри которых пропущены железные модели (тупые) ножей с очень коротким лезвием (рис. 12 – 7), ограниченным медной обоймой. На тыльной стороне (внешней) проложена медная пластина, имеющая в верхней части небольшой выем, через который пропущен кожаный

ремешок, связывающий обе дощечки. Деревянные планки обернуты кожей, поверх которой положены серебряные листовые орнаментированные накладки с позолотой (рис. 12 – 5, 6). Обкладка удерживается с задней стороны вышеуказаний пластиной. Рядом с «ножнами» на кожаном ремешке к ремню были прикреплены железное кресало с литой бронзовой рукояткой (№ 16) (рис. 11 – 3) и кожаный мешочек (№ 19), в котором помещены 7 хремешков и остатки трута (№ 17). Мешочек сильно истлел. По всей вероятности, это была кожаная сумочка, от которой в коллекции сохранилась одна бронзовая обкладка-зажим (рис. 12 – 1). Под тазом около полса обнаружены сильно разрушенные остатки железного ножа* (№ 23).

Помимо всех описанных предметов, на левой стороне груди найдены две kostяные копушка с резным орнаментом (№ 24) (рис. 11 – 4). Копушки висели на кожаных ремешках, прикрепленных к медному колечку.

В коллекции в составе комплекса под номером 12202-12 числятся еще две арочные шумящие подвески (рис. 12 – 4).

Погребение 4. Трупоположение (рис. 13–16).

В форме овальной формы (212 x 70 см), вытянутой с ЮЮВ на ССЗ, на глубине 45 – 55 см вскрыты остатки женского костяка, лежавшего на спине вытянуто головой на ССЗ (аз. 335°). Кости рук вытянуты. Погребенная была положена на лубянную подстилку и сверху прикрыта мехом и лубом. Мехложен ворсом внутрь. Лицо закрыто колгостом.

Сопровождающий инвентарь. В изголовье был поставлен железный, кованый из 5 кусков, котелок с кованой железной ручкой (№ 22) (рис. 13а – 1). Диаметр котелка – 20 см. Рядом с котелком с юго-востока были положены (№ 24): бронзовый браслет (рис. 15 – 1), железный нож*, железное шило с kostяной рукояткой (рис. 16 – 10), с восточной стороны от котла обернутые в бересту остатки медных спиралевидных пронизок с 2 колоколовидными и 4 шаровидными подвесками, обломок медного циткового перстня* и медная пражка (№ 23) (рис. 16 – 15).

На черепе зафиксированы остатки головного убора (№ 20) (рис. 14 – 1). Налобная повязка состояла из кожаной ленты (ширина – 3,5 см, длина – около 15 см), на которую были прикреплены медными заклепками квадратные серебряные накладки (разрушены) с выпуклым орнаментом. На затылке повязка завязывалась ремешком. Выше налобной повязки вокруг головы

* Текст дан по отчету, не соответствует чертежу погребения: коньковые и спиралевидные подвески лежали рядом попарно, а не по краям нагрудника, как сказано в текстовой части отчета; обе серьги с правой стороны.

обертывалась медная цепочка (в два ряда на лбу и в 1 ряд по затылку) (№ 20) (рис. 14 – I). К ремешку подвешивались с обеих сторон по два височных кольца (№№ 21, 25) из некачественного серебра (рис. 14 – б, 7). К медной цепочке, вероятно, за ушами, привешивались на цепочках дополнительные украшения (рис. 14 – 2). К левому уху была прикреплена медная литая серьга (рис. 14 – 3; 293 – I). Поверх волос и головных украшений, очевидно, была надета шапочка с войлочным верхом и меховой оторочкой снизу (мех длинношерстный – лисий?). В области шеи обнаружена серебряная гривна (№ 19) (рис. 14 – 5). На головке гривны вырезан знак.

Погребенная была одета в холщовую длинную рубаху и меховой кафтан. Последний сшит мехом внутрь из очищенной и слегка поддубленной шкуры копытного (телячья) животного (?) и подвешен кожаным ремешком шириной 1,5 см (№ 15), застегнутым бронзовой пляжкой (рис. 16 – II). На поясе с левой стороны от пряжки найдены поясные подвески – 2 экз. (№ 16) (рис. 16 – II). На руках обнаружены браслеты (рис. 15 – 2-6): на правой руке – 5 бронзовых браслетов (№ 8), из которых 4 обычные многогранные и 1 пластинчатый, на левой – 4 бронзовых многогранных и 1 железный (№ 12). На пальцах зафиксировано по 4 щитковых серебряных перстня (№ 7, 10) (рис. 15 – 7-10).

Поверх меховой одежды с шеи на грудь спускались нагрудные арочные шумящие подвески (№ 17 и 18) (рис. 16 – 8, 9). К ремню у левого бока подвешены железное огниво с бронзовой рукояткой (№ 9) (рис. 16 – I3), железный нож с костяной рукояткой (№ 13) (рис. 16 – I2), железное шило (№ 14) с костяной ручкой (рис. 16 – I0). Рядом в мешочек лежали кремешки (№ 11).

В районе kostей стопы вместе с остатками шерстяного чулка сохранились фрагменты обуви с бронзовыми украшениями (№ 4 – 6) (рис. 16 – 3-5). Судя по этим остаткам, возможна следующая реконструкция (рис. 15 – II). Левая нога, одетая в шерстяной, окрашенный в коричневый (желтовато-серый) цвет, чулок, обута в мягкую кожаную тапочку, сшитую из одного куска дубленой кожи. Носок по бокам украшен подвесками, соединенными 3 цепочками и двумя кожаными шнурками, обернутыми медными проволочками. На задней части обуви имеется еще одна подвеска меньших размеров, от которой по заднику в 3 ряда идут медные ребристые пронизки, нанизанные на кожаные ремешки. Обувь на правой ноге совершенно аналогична описанной за исключением украшений щиполотки. Здесь на заднике прикреплены сверху три шаровидные бронзовые пронизки на тонком кожаном ремешке и бронзовая шумящая подвеска с крупным спиральным щитком, имеющим привески в виде утиных лапок.

В ногах были положены: железный топор (№ 3) (рис. 16 – I7) и в деревянном (берестяном – ?) коробе (№ 2), прикрытом сверху куском меха (№ 1), деревянная чашечка*.

Погребение 5. Трупоположение (рис. 17 – 22).

В могильной яме, имеющей овальную форму (205 x 75 см) и вытянутой ЮВВ – СЗ, на глубине 45 – 60 см расчищены остатки kostика на спине вытянуто головой на ССЗ (аз. 322°). Руки слегка согнуты в локтях и кистями лежат на тазу. Погребенныйложен на деревянную подкладку и сверху покрыт шерстяным (грубоканным) полотном и шкурой. Лицо закрыто холщовой тканью.

Сопровождающий инвентарь. В изголовье с левой стороны находился кожаный ремень с медными накладками (№ 30), а в правом углу зафиксировано скопление вещей. Очевидно, в берестяном коробе (№ 29): обломки железного ножа и железное шило с костяной рукояткой*, три щитковых (рис. 18 – 3, 4, 7) и три спиральных (рис. 18 – 9) перстия из некачественного серебра (№ 28), 7 многогранных браслетов (№ 27) (рис. 18 – 8, 10-12), 2 пары височных колец из некачественного серебра (№ 26) (рис. 17 – I, 3). Совместно с височными кольцами обнаружен кусок кожи круглой формы с широкуально-кружковым тисненым орнаментом. Последний предмет, очевидно, являлся подкладкой височных колец (№ 23) (рис. 17 – Ia). Чуть южнее с правой стороны от черепа расчищены фрагменты кошелька из тисненной кожи (№ 21) типа изделия на рис. 19 – 4, каменный оселок* (№ 20), железный нож с остатками деревянной рукоятки (№ 19)*.

С обеих сторон черепа в районе висков лежали серьги, изготовленные из серебра с позолотой (№ 22) (рис. 17 – 2, 4). На шее были надеты две серебряные гривны (№№ 25 и 24) (рис. 22 – 6, 7), на шляпках которых были напараны знаки. С правой стороны от плечевой kostи расчищены фрагменты налобной повязки и бронзовой цепочки от головного убора (№ 18) (рис. 18 – I3). На каждой руке надето по 2 браслета (№№ 8 и 9): по одному браслету из половинок одной серебряной гривны глазовского типа (рис. 18 – 5, 6) и по одному многогранному браслету обычного типа (рис. 18 – 10).

Погребенный был одет в холщовую рубашку и меховую одежду, остатки которой хорошо прослеживаются в области пояса и по правому бедру. Верхняя меховая одежда сшита из плотной телячьей (или молодой лосиной – ?) шкуры, мехом внутрь. Судя по сохранившимся остаткам, она имела длину до середины голени. В талии был притячен боковой клин (рис. 19 – I). Полоски кожи пришиты изнутри швом встык. По талии, подолу и бокам ниже пояса шли узоры, вышитые тонкой проволочкой из некачественного

серебра (?). На груди верхний каftан застегивался бронзовой скользящей (?) (№ 17) (рис. 18 – 1). В области живота сохранился нагрудник (№ 14) (рис. 19 – 2), к которому кожаными ремешками прикреплены 12 подвесок. Щитки арочных подвесок вырезаны из одного куска тонкого листового серебра и сложены пополам в основании, на щитках – штампованный выпуклый орнамент. В центре щитки позолочены.

На талию надевался кожаный ремень с серебряными накладками и шестью концевыми ремешками, опускавшимися по бокам и спереди (№ 12) (рис. 21 – 2-9). К ремню сзади был привязан узкий кожаный ремешок, на который были нанизаны 19 бронзовых колец. К поясу были подвешены: спереди – кошелек из кожи (№ 13) (рис. 19 – 4) с серебряными зажимами в нижней части и серебряными планками на заклепках в верхней части. Слева к верхнему краю планки прикреплен кожаный ремешок с раздваивающимся концом, служившим для завязывания. С другой стороны к нижней части планки на сложенных вдвое медных цепочках был прикреплен кошелек, подобный кошельку, лежащему в изголовье. Весь набор висел на кожаном ремешке, украшенном сердцеобразными накладками из некачественного серебра и закрепленном в центре подвески медной скобой (рис. 19 – 3). В кошельке у пояса находились кремешок и волокнистая масса, возможно, трут. Рядом с кошельком справа на кожаном ремешке висело железное кресало с медной рукояткой (№ 11) (рис. 20 – 7). Сзади имелись подвески: подвеска с левой стороны изготовлена из трех слоев кожи, причем верхний и нижний слои скроены из одного куска, сложенного пополам (рис. 21–21). Средний слой загнут краями, на верхний прикреплен заклепками из некачественного серебра. На верхнем слое заклепками прикреплены накладки из тонкого листового серебра со штампованным орнаментом. Подвеска, обнаруженная с правой стороны, сшиита из двух кусков (рис. 21 – 20). Нижний кусок загибается по краям на верхний и прикреплен к нему заклепками. Наружный слой вверху загнут и пришит на внутренний так, что образует пазуху, в которую были продернуты 2 кожаных ремешка, прикреплявших подвеску к поясу. На лицевой стороне подвески заметны следы серебряных накладок типа накладок левой стороны. К низу подвески пришиты на полоске кожи два когтя молодой рыси.

С обоих боков от ремня опускались декоративные ножны (№ 10 и 15) (рис. 20 – 8). Каждое изделие изготовлено из двух липовых дощечек шириной в 2 см и длиной в 35 см, аналогично строению ножен из погребения № 3. В эти дощечки сверху вбиты железные ножи с коротким тупым лезвием и длинным черенком. С внешней стороны дощечки, скоженные вместе, оберну-

ты в хорошо выделанную кожу, украшенную накладками из листового некачественного серебра в форме ромбиков с циркульным орнаментом. Нижняя часть ножен обложена также листовым серебром с позолотой в отдельных местах. На обкладке имеются проштампованные узоры. Для прочности и украшения обкладки ножны с тыльной стороны имеют во всю длину медиющую пластину, закрепленную на концах заклепками и перевязью. Расширенный верхний конец полоски служил дужкой для прикрепления ножен к поясу (рис. 20 – 9).

На берцовых костях правой ноги, ближе к ступне, расчищены фрагменты и украшения от обуви (№ 5, 16) (рис. 22 – 1, 2, 3), еще одно украшение ближе к колену (№ 7) (рис. 22 – 5). Вдоль берцовых костей левой ноги сохранился фрагмент ремня с накладками (№ 6).

На ногах были шерстяные чулки, на которые надевалась кожаная обувь легкого типа без твердой подошвы (рис. 22 – 8), сшитая из двух кусков плохо очищенной кожи (остатки меха наружу). Верхние части носка и задника украшены ребристыми пронизками на кожаных ремешках в 2 ряда по носку и в 4 ряда – по заднику. Обувь на ноге закреплялась ремешком, пропущенным через подвески на носке, и цепочками, опускавшимися по обе стороны ноги по щиколотке и привязанными ремешками к дужкам шумящих подвесок по бокам задника. Выше щиколотки правой ноги в нижней части голени прикреплялась кожаная полоска на ремешке. На полоске были нашиты украшения типа украшений погребения № 4.

В ногах обнаружены железный наконечник копья, вогнутый втулкой в засыпь ямы (№ 1) (рис. 20 – 5), железный боевой топорик (№ 2) (рис. 20 – 6), железный втульчатый топор (№ 3) (рис. 20 – 7). У левой стопы обнаружены остатки колчана с железной обкладкой и с 9 железными наконечниками стрел: 3 наконечника с плоско-ромбическим пером и 6 – с плоско-подтреугольным пером (№ 4) (рис. 20 – 2-4, 10-12).

Погребение 6. Трупоположение (рис. 23 – 26).

В могильной яме, имеющей подпрямоугольную форму (175 x 55 см), вытянутую с ЮВ на СЗ, на глубине 35 – 40 см расчищены остатки kostяка, лежавшего на спине вытянуто головой на СЗ (аз. 295°). Конечности не сохранились. Дно ямы выложено дубовыми дощечками и покрыто войлоком. Слабые следы древесной обкладки прослеживались и сверху.

Сопровождающий инвентарь. В изголовье погребальной расчищено скопление вещей: деревянный гребешок (№ 21) (рис. 25 – 13), костяная ложечка (?) (№ 20) (рис. 23 – 7), подвеска (№ 19)*, железное тесло (№ 18) (рис. 26 – 1), два железных ножа (№ 15 и 17) (рис. 26 – 5) с

деревянными рукоятками, закрепленными на чешке и обмотанными в одном случае серебряной, в другом — медной проволокой, обломок железных ножниц пружинного типа (№ 16) (рис. 26 – 4), каменный оселок* (№ 14), железный топор (№ 12) (рис. 26 – 6), воткнутый лезвием в землю. Здесь же в клубке (№ 13), связанном кожаным ремешком, находились семь бронзовых и два серебряных браслета (рис. 25 – 1–6), три спиралевидные медные пронизки с бубенчиками. В районе черепа находилась медная цепочка (144 звена, общей длиной 112 см) (рис. 23 – 3). К этой цепи, сложенной вчетверо, прикреплялась сплетенная из мелких медных проволочек цепочка, аналогичная цепочки из погребения № 5. В месте соединения их по вискам с обеих сторон спускались подвески: с одной стороны на кожаном шнуре, частично обвитом медными спиральными пронизками, подвешены 5 коготков молодой рыси и 2 колокольчиковидные привески (рис. 24 – 2). С другой стороны на медных спаренных цепочках общей длиной 29 см, оканчивающихся желтыми пастовыми бусинами (рис. 290 – 10, 11), подвешены раковина (каури) и фигурка конька из рога (рис. 24 – 1). На черепе в области висков найдены по паре серебряных височных колец (№ 10 и 11) (рис. 24 – 4, 5). С шеи на грудь спускались трапециевидные шумящие подвески (№ 9), соединенные между собой цепью из тройных колечек (рис. 24 – 3). Общая длина цепи 65 см, под цепью шла узкая полоска кожи. На поясе был кожаный ремень (№ 7), сохранившийся очень фрагментарно (рис. 23 – 1, 2) и по структуре близкий к ремню из погребения № 5, но здесь отсутствуют задние кольца и всего один наконечник ремня (рис. 23 – 4). Основной ремень был украшен квадратными накладками из тонкого листа некачественного серебра, прикрепленными к коже четырьмя заклепками (рис. 23 – 5). Концевой ремешок украшен подобными же накладками прямоугольной формы (рис. 23 – 6). К поясу привешены слева — железное кресало (№ 6) (рис. 26 – 2) и железный нож с деревянной рукояткой (№ 5) (рис. 26 – 3), справа — кожаный мешочек с кремешком* и завернутыми в мех серебряными перстнями (№ 8) (рис. 25 – 7–10).

В ногах сохранились остатки кожаной обуви, аналогичной обуви из погребения № 4 (№№ 1 – 4) и украшений (рис. 25 – 12).

** В коллекционной описи в перечне вещей в изголовье перечислен кусочек слова.

Погребение № 7. Трупосожжение (рис. 27).

В могильной яме овальной формы (130 x 55 см), вытянутой с ЮВ на СЗ, на глубине 40 см обнаружены остатки трупосожжения. Трупосожжение, очевидно, было совершено на стороне, так как стенки ямы и могильный инвентарь никаких следов обжига или прокала не

имеют. Пережженные кости и пепел положены в центре ямы. Весь остальной могильный инвентарь расположен в следующем порядке с ЮВ на СЗ: в ногах стоял глиняный плоскодонный сосуд (№ 1) (рис. 27 – 9), изготовленный вручную налепом, но на твердой подставке (днище аккуратно срезано). Верхняя часть орнаментирована отпечатками шнура в три ряда и оттисками гребенчатого штампа. В плотном тесте сосуда основной примесью является песок. Цвет поверхности желтовато-серый. Далее к северу расположены: железный наконечник стрелы (№ 2) (рис. 27 – 7), неопределенный железный предмет*, железное тесло (№ 3) (рис. 27 – 8), железный нож с остатками кожаного чехла (№ 8)*. В северо-западной половине были положены медная серьга (№ 4) (рис. 27 – 5), серебряное височное кольцо с отогнутым концом и четырехугольной головкой* (№ 5), латцатая шумящая подвеска (№ 6) (рис. 27 – 6), медная цепочка (№ 7) (рис. 27 – 2) общей длиной в 36 см с подвесками из бубенчиков (рис. 27 – 1), спирали (рис. 27 – 3) и коготка молодой рыси (?) *. Среди женских костей найдена еще одна медная серьга (№ 9) (рис. 27 – 4).

Судя по расположению украшений, погребенный лежал головой на СЗ (аз. 337°).

Погребение 8. Трупоположение (рис. 28).

В могильной яме под четырехугольной формы (135 x 55 см), вытянутой с ЮЗ на СВ, на глубине 60 см были выявлены остатки детского (?) костяка, лежавшего вытянуто головой на ССВ (аз. 10°). Руки согнуты в локтях и кистями сложены на низ живота. Судя по остаткам тканей и меха, обнаруженным в районе пояса, погребенный был одет в холщовую (?) рубаху и меховой кафтан (ворсом внутрь). Никаких следов древесной подкладки и покрытия не обнаружено.

Сопровождающий инвентарь. В области черепа с правой стороны найдены серебряная серьга с позолотой (№ 1) (рис. 28 – 4), в центре серебряное височное кольцо с квадратной головкой (№ 2) (рис. 28 – 1). На груди лежала подвеска — всадница из посеребренной меди (№ 3) (рис. 28 – 2). На руках были надеты браслеты (один на правой и два — на левой руке) (№ 4 и 5) (рис. 28 – 8–10). В районе таза сохранились остатки одежды (№ 6) и кожаного ремня (№ 7) с бронзовыми пряжкой (рис. 28 – 6) и литыми накладками. Основной ремень, имеющий длину 60 см, украшен квадратными накладками (рис. 28 – 3). К нему прикреплялись два концевых ремешка, украшенных сердцевидными посеребренными сверху накладками (рис. 28 – 5). К ремню были подвешены: слева — привеска, состоящая из бусины на ремешке, обвитом медной спиралью (№ 8) (рис. 28 – 7; 290 – 2), а в центре — железное кресало* (№ 9).

Погребение 9. Разрушено. Кенотаф (?)
(рис. 29).

На глубине 50 см выявлены слабые контуры могильного заполнения размерами 135 x 60 см, внутри которого зафиксированы два слабогуммированных пятна. В одном пятне найдены два бронзовых пластинчатых браслета (№ 1) (рис. 29 – 4). Во втором пятне в бесформенной куче остатков меховой одежды на древесной подстилке находились фрагменты кожаного кошелька (№ 2) (рис. 29 – 10), железный нож плохой сохранности с деревянной рукояткой (№ 3), обмотанной серебряной проволокой*. Нож вложен в кожаный футлярчик. Здесь же обнаружены серебряный перстень (№ 4) (рис. 29 – 1), обломки бронзового браслета (№ 5) (рис. 29 – 9), обломки от семи бронзовых бубенчиков (№ 6) (рис. 29 – 2, 3) и остатки кожаного ремешка (№ 7) с бронзовыми пряжкой (рис. 29 – 8), наконечником (рис. 29 – 6) и выпукло-литыми накладками (рис. 29 – 5). Поверхность накладок посеребрена.

В коллекции имеется кожаный кошелек с крышкой, расшитой бронзовой проволокой (рис. 29 – 7), но в описании погребения об этом кошельке нет упоминания. Очевидно, он находился в куче меховой одежды и не был зафиксирован при раскопках, а обозначился только при разборке одежды в кабинетных условиях.

Погребение 10. Трупоположение (рис. 30–31).

На глубине 65–70 см, ниже погребения 4, выявлены следы могильной ямы овальной формы (210 x 60 см), расположенной по линии ЮЗ–СВ. В яме расчищены остатки женского (?) костяка, лежавшего на спине в вытянутом положении головой на ССВ (аз. 10°). Левая рука вдоль туловища, правая слегка согнута в локте, кисть положена на лобок. Погребенная лежала на подстилке из луба и была прикрыта сверху также лубом. На голове сохранились остатки волос коричневого (?) цвета.

Сопровождающий инвентарь. В области висков найдено по паре височных колец из медной проволоки (№№ 8, 9) (рис. 31 – 5). К ним были привязаны кольца меньшего диаметра (рис. 31 – 4). На груди среди остатков меховой одежды выявлены медные украшения от нагрудника (№ 10) (рис. 30 – 1; 31 – 12). Нагрудник состоял из кожаной полосы, на которую ремешками были привиты шумящие подвески с горизонтальным щитком и медными колокольчиковидными шумящими привесками. В состав привесок входили два конька из рога (рис. 30 – 1). На правой руке в районе запястья был надет бронзовый пластинчатый браслет (№ 7) (рис. 31 – 1). На пальце правой руки находился медный перстень (№ 6) (рис. 31 – 10). На пальцах левой руки были надеты два медных перстня (№ 5): один аналогичен перстню с правой руки, второй сделан из тонкой медной пластинки со щитком из четырех мед-

ных полушаровидных бусин (рис. 31 – 6). В районе левой стопы располагались медная пряжка (№ 4) (рис. 31 – 8) и остатки клада предметов (№ 1, 2, 3): клинок железного ножа (рис. 31 – 14), железное острье с круглой головкой (рис. 31 – 13) и обломки отдельных украшений, в том числе глазчатая бусина из синего стекла (рис. 31 – 2; 290 – 1), обломок бронзового перстня (рис. 31 – 11) и различные подвески (рис. 31 – 7, 9).

Погребение 11. Трупоположение (рис. 32–33).

В могильной яме подчетырехугольной формы (200 x 75 см), вытянутой с СВ на ЮЗ, на глубине 60 – 70 см выявлены остатки костяка, положенного на деревянную и войлочную подстилку, вытянуто на спине головой на ЮЗ (аз. 224°), руки согнуты в локтях и кистями сложены на животе. Судя по остаткам, прослеженным в области пояса и груди, погребенный был одет в рубаху из шерстяной ткани и в верхнее платье из меха.

Сопровождающий инвентарь. У височных костей черепа лежали две серьги из серебряной проволоки (№ 2) (рис. 33 – 2). Над поясом по центру могилы найдено железное шило с костяной орнаментированной рукояткой (№ 3) (рис. 33 – 9). В области талии сохранились остатки кожаного ремня с бронзовыми накладками (№ 5) (рис. 33 – 5, 6). К ремню были подвешены: концевой ремешок с накладками из бронзы (рис. 33 – 4, 7) и на тонких ремешках, иногда плетенных, различные предметы: справа у бедра – бронзовый бубенчик (№ 6) (рис. 33 – 3), берестяная коробочка (№ 7)*, железный предмет (№ 8), завернутый в холщовую ткань, перевязанный шнурками. Предмет сильно коррозирован, форму установить невозможно. Слева у бедра найден железный нож с деревянной рукояткой, обмотанной в месте скрепления с лезвием серебряной проволочкой (№ 10). Нож вложен в кожаный футляр (рис. 33 – 8). Сзади, слева к поясу был подвешен кошелек из тисненой кожи обычного типа плохой сохранности, рядом находились кремешок (№ 4), трут из волокнистого растения и обломки серебряного дирхема* (№ 11), железное кресало (№ 12) (рис. 33 – 10).

В ногах погребенного были положены: железный топор (№ 13) (рис. 32 – 2), железная оковка (№ 14) (рис. 33 – 1) от деревянного колчана, семь железных наконечников стрел (№ 15) (рис. 33 – 11, 12) и железный котел (№ 16) (рис. 32 – 1).

Погребение 12. Трупоположение (рис. 34 – 37).

В могильной яме подпрямоугольной формы (205 x 53 см), вытянутой по линии ЮВ – СЗ, на глубине 55 – 65 см располагались останки женского захоронения, положенного на подстилку из деревянных (сосновых) дощечек. Погребенная лежала на спине головой на СЗ (аз. 290°). Руки кистями положены на таз.

Покойница погребена в полном одеянии. На тело (судя по сохранившимся остаткам) была надета рубаха из куньего (?) меха, поверх которой одет кафтан из овчины (?). В районе головы сохранились остатки тонкой шелковой ткани^{*}.

Сопровождающий инвентарь. В изголовье лежали глиняная лялечка (№ 17) (рис. 36 – 10), кусок олова (№ 16), оселок (№ 15)^{**}, лягушка, сильно разложившаяся, форма из белого известняка (№ 14) (рис. 36 – 8) и костяная копоушка с медным проволочным кольцом, на одном конце которого надет коготь молодой рыси (№ 18) (рис. 37 – 11).

На черепе зафиксирована налобная повязка, состоявшая из лубянной основы шириной 3 см, длиной в 38 см, на которую прикреплена кожаная лента шириной 3,2 см, такой же длины с приклепанными на нее накладками из смеси олова и серебра (рис. 34 – 5). Накладки прямоугольной формы (3,2 x 3,5 см) со штампованным выпуклым орнаментом на внешней стороне. Всего на повязке были 10 подобных бляшек. Выше налобной повязки вокруг головы поверх волос черного цвета, зачесанных назад, была обернута в 7 рядов медная цепь (общая длина – 96 см), сзади от которой по затылку спускались на трех звеньях 21 медный бубенчик (№ 13) (рис. 36 – 9). По вискам спускались ряды медной цепочки. Справа цепочки соединены перехватами в виде спаренных медных бус, к которым подшивались с обеих сторон раковины-каури, kostянные коньки. С левой стороны на цепочке крепились когти рыси, а внизу – медные бубенчики. Поверх всех этих украшений на голову была надета шапка, сшитая из куньих (?) шкур мехом внутрь. По обеим сторонам черепа у висков лежали попарно височные кольца (№ 12) (рис. 34 – 1 – 4). На шее была надета серебряная гривна (№ 11) (рис. 37 – 12). С шеи на грудь на кожаном ремешке спускались две подвески (№ 10) (рис. 36 – 6). На ремешке были нанизаны медные бусины (рис. 36 – 1). На запястьях рук надеты по 6 браслетов (№ 9) (рис. 35 – 1-10): по одному серебряному и по 5 бронзовыми. На пальцах правой руки находились 4 серебряных ромбовидных перстня (№ 8), на пальцах левой руки – 3 аналогичных перстня (№ 8а) (рис. 35 – 11-14).

Поверх кафтана в области талии сохранились кожаный ремень (№ 5). Основной ремень состоял из двух полосок кожаной ленты, сложенных вместе (общая длина – 70 см). Ремень украшен литьими серебряными накладками, с позолоченным рисунком и массивной серебряной пряжкой с позолоченным выпуклым рисунком (рис. 37 – 1,2). От основного ремня опускались 4 концевых ремня,

из которых два были украшены серебряными и два – бронзовыми накладками (рис. 37 – 3-8). Один концевой ремень с серебряными накладками и наконечником с позолоченным рисунком имел общую длину 70 см. К поясу с правой стороны были подвешены два железных ножа (один с костяной и другой с деревянной ручкой (№ 6) (рис. 37 – 15,16) с остатками ножен, сплетенных из кожаных полосок, железное шило с костяной ручкой (№ 7) (рис. 37 – 14) и железное кресало с медной рукояткой (№ 7) (рис. 36 – 7). Рядом с кресалом лежали два кремешка. Около костей ног сохранились остатки обуви с подвесками (№ 2 – 4). Судя по ним, обувь была кожаной – типа поршней с мягкой подошвой. Верхний край стянут ремешком, к которому по боковым сторонам задника прикреплялись подвески (рис. 36 – 4). На задниках прикреплены по одной подвеске с умбоновидным щитком (рис. 36 – 2). Носок обуви спереди украшен медными спиралевидными пронизками. В носках был положен железный топор (№ 1) (рис. 37 – 13).

Е.А.Халикова и А.Х.Халиков предложили реконструкцию головного убора, которая опубликована в «Материалах к древней истории Поветужья». В соответствии с этой реконструкцией на ушах были надеты серьги (или одна серьга – ?) «салтовского типа», но в описании погребения упоминания серег нет, не удалось их найти и в коллекции памятника. В данной работе предлагается доработанная реконструкция (рис. 34 – 5).

Погребение 13. Трупоположение (рис. 38 – 40).

В яме, имеющей овальную форму (230 x 70 см), вытянутую по линии ЮВ – СЗ, на глубине 75 – 87 см были расчищены остатки мужского погребения. Кости сохранились фрагментарно. По их расположению можно полагать, что погребенный положен на спину вытянуто головой на СЗ (аз. 335°). Правая рука вытянута вдоль туловища, левая слегка согнута в локте и кистями положена на таз. В районе пояса и груди сохранились фрагменты одежды, покрытия и другие органические остатки. Дно могильной ямы было обложено деревянными (сосковыми – ?) досками, положенными вдоль и сверху закрытых лубом и подстилкой из шкуры (телячьей – ?) мехом вверх.

По фрагментам в районе пояса видно, что погребенный был одет в рубаху из тонкой (плотной) ткани, подпоясанной тесьмой из льняной ткани и шерстяным шнурком. Поверх рубахи был надет кафтан, сшитый из шкуры мехом наружу.

Сопровождающий инвентарь. В северо-западном углу могильной ямы лежали железный проушной (№ 21) (рис. 40 – 2) и втульчатый (№ 20) (рис. 38 – 7) топоры, а справа от черепа были обнаружены 13 наконечников стрел

* В отчете написано, что лицо закрыто шелковой тканью, но в лобовых записях такой информации нет.

** В лобовых записях под этим номером отмечено шило.

(№ 19) (рис. 38 – 1, 3, 4–6) с остатками спекшихся на железе кусков полотняной ткани и кожи с тисненым мелкосетчатым «сотовым» орнаментом. Возможно, что эти остатки относятся к колчану.

На фрагментах черепных костей сохранились куски овчины (?) от шапки. С левой стороны черепа около височных костей лежали две серебряные серьги (№ 18) (рис. 39 – 5). В районе нижней челюсти обнаружена подвеска-амulet из сплава бронзы и серебра (№ 17) (рис. 39 – 4), под черепными kostями в области шеи находилась гривна (№ 16) (рис. 39 – 8). На вещах сохранились остатки тонкой полотняной ткани, которой, вероятно, было закрыто лицо погребенного (?). На груди лежала бронзовая сюльгама (№ 15) (рис. 39 – 6). На остатках тлены левой плечевой кости лежали две шумящие трапециевидные подвески (№ 14) (рис. 39 – 9). На задних скобочках ажурных щитков этих подвесок сохранились следы кожаных ремешков. На правой руке располагались 3 браслета, из них два серебряных и один бронзовый (№ 10) (рис. 39 – 2). На указательном пальце правой руки был ромбощитковый серебряный перстень (№ 12) (рис. 40 – 3). На кисть правой руки положены две кожаные перчатки из хорошо обработанной кожи с тонким зигзаговым швом (№ 11) (рис. 39 – 10). Перчатки были реконструированы в ГИМе. Каждая перчатка сшита из целого куска кожи, сложенного по мизинцу пополам и стачанного по линии указательного пальца. Внутренняя часть большого пальца выкроена вместе с ладонью и четырьмя остальными пальцами, а наружная выкроена и шита отдельно. Перчатки очень короткопалые, длина указательного пальца 5 см, мизинца 3,5 см. В области запястий левой руки найден браслет из согнутой в два оборота гривны (№ 9) (рис. 39 – 3). Поверх остатков кафтана расчищен кожаный ремень (№ 8). Как основной, так и концевые ремни состоят из двух частей – узкая кожаная полоска обернута тонкой кожей, загнутой на обороте. Сверху основной ремень имеет пряжку и наконечники, украшен литыми серебряными накладками квадратной формы с золоченым рисунком, накладки концевого ремня имеют сердцевидную форму, (рис. 40 – 4 – 8). К ремню с левого бока подвешены: костяная расческа с футляром (№ 7) (рис. 39 – 7), железное шило с медной рукояткой (№ 6) (рис. 39 – 1), которые лежали над поясом; железный нож с остатками кожаных ножен (№ 4)*, кошелек из тисненной кожи (№ 3) (рис. 40 – 1), внутри которого находилась волокнистая масса (трут) и 4 хрюмешка (№ 5), железное, сильно проржавевшее кресало калачевидной формы (№ 2) (рис. 38 – 2), которые располагались снизу от ремня. Около костей ступни обнаружены обломки спиралевидных медных пронизок, очевидно, украшавших

кожаную обувь, от которой прослежен слабый тлен (№ 1).

Погребение 14. Трупоположение (рис. 41 – 43).

В могильной яме овальной формы (210 x 60 см), вытянутой по линии СВ – ЮЗ, на глубине 55–60 см расчищены остатки мужского костяка, положенного на спине, вытянуто, головой на ЮЗ (аз. 245°). Правая рука была согнута в локте, и кисть ее лежала в области живота. Кости левой руки не сохранились. Дно могильной ямы устлано древесной (дубовой – ?) обкладкой. Сверху погребенный был покрыт лубом.

Сопровождающий инвентарь. В изголовье погребенного справа лежал кожаный ремень (№ 13), украшенный бронзовыми выпукло-литыми накладками квадратной формы (рис. 42 – 11). От пояса опускался концевой ремешок (длиною 75 см) с сердцевидными бронзовыми накладками (рис. 42 – 8, 10, 12). Погребенный был одет в холщовую рубаху и меховую верхнюю одежду, застегнутую на груди шестью бронзовыми пуговицами (№ 12) (рис. 43 – 11). На правой руке надет медный (№ 10) (рис. 43 – 10), на левой – серебряный браслеты (№ 11) (рис. 43 – 12). Верхняя меховая одежда подпоясана кожанным ремнем (№ 6) с накладками из тонких серебряных пластин (рис. 42 – 2, 3). С основного ремня на плетенных кожаных ремешках опускались дополнительно привешенные вещи. С левого бока у пояса найден каменный оселок (№ 9) (рис. 41 – 1). У правого бедра находились железный нож (№ 8) (рис. 43 – 9) с деревянной рукояткой в кожаных ножнах (ножны сильно фрагментарны, зарисовка не подлежат), кошелек из тисненной кожи (№ 7) (рис. 42 – 7), железное кресало с бронзовой рукоятью (№ 5) (рис. 43 – 13), остатки деревянного колчана с 12 железными наконечниками стрел (№ 4) (рис. 43 – 2 – 6, 8). В юшелье находились два кожаных мешочка – один с трутом и кремешками, второй – с двумя серебряными бактриатами, завернутыми в холщовую тряпку. Кошелек сверху был украшен накладками, следы которых сохранились на коже. Между коленным суставами обнаружены ремешки с бронзовыми литыми сердцевидными накладками и железными прижками (№ 3) (рис. 42 – 4, 5, 6, 9, 11; 43 – 1). На левой ступне лежал железный проушной топор (№ 2) (рис. 43 – 7). В засыпь могильной ямы (глубина 4 см) над ногами был поставлен котел (№ 1) (рис. 41 – 2), склепанный из железных полос.

Оба оттиска с серебряных дирхемов были переданы в отдел numизматики ГИМа и определены сотрудницей отдела С.А. Яниной. Один оттиск изготовлен из дирхема, чеканенного в Волжской Булгарии. Оттиск сделан с лицевой стороны, на которой прекрасным сочным шрифтом выбито имя города Булгар и год чекана

376 г.х. – 986/987 гг. н.э. Второй оттиск копирован с саманидского дирхема, чеканного в Бухаре в 387 г. х. (996/997 гг. н.э.) во время правления Нухр ибн Мансура.

Погребение 15. Труповложение (рис. 44 – 46).

В могильной яме овальной формы (200 x 55 см), вытянутой по линии ЮВВ на СЗЗ, на глубине 70–80 см выявлены кости верхней половины туловища и бедренные кости. Череп сохранился в виде мелких сильно истлевших костей. Судя по имеющимся остаткам, можно полагать, что покойник лежал на спине с вытянутыми конечностями и головой на СЗ (аз. 285°). Кости рук вытянуты, правая слегка согнута в локте. В районе груди и тазовых костей на дне могилы сохранились остатки подстилки из деревянных (сословых – ?) дощечек, покрытых сверху шкурой. Погребенная, очевидно, была одета в одежду, сшитую из шкурок (куньи?) мехом внутрь. Меховая рубаха имела прошивку из такой же шкуры, которая полосой (ширина 3 см) идет вокруг талии мехом наружу. Края прошивок имеют окантовку из пропущенной серебряной нити. Ниже прошивки рубаха была подплосана кожаным ремешком (ширина – 2, 3 см) без нахладок. Сверху был надет кафтан из телячьей (?) шкуры ворсом наружу. Погребенная с плотно прижатыми к бедрам руками, очевидно, была завернута куском грубоватой шерстяной ткани шириной в 13 см, остатки которой почти полностью сохранились в районе пояса. Сверху всех остатков сохранились следы луба, которым, вероятно, была закрыта погребенная.

Сопровождающий инвентарь. Справа от головы положен железный топор (№ 1) (рис. 44 – 3). С обеих сторон черепных костей лежали по паре серебряных высочных колец (№ 2,3) (рис. 45 – 7,8); в районе шеи – одна серебряная и одна медная гривны с разными застежками (№ 4) (рис. 45 – 5,6)*. На холбочке медной гривны сохранились отпечатки шелковой ткани. На грудь нижней рубахи был вшит нагрудник, состоявший из трех прямоугольных кусков кожи (№ 5) (рис. 45 – 2), пристынутых друг к другу в виде перевернутой буквы П. Боковые куски украшены прошитыми серебряными нитками. На основной полосе прикреплены три шумящие привески: в центре привеска с круглым ажурным щитком, по бокам опускаются две одинаковые арочные подвески из тонкой бронзовой пластины, сложенной вдвое.

Меховой кафтан по талии был подплосан кожаным ремнем с медными литыми накладками (№ 6) (рис. 45 – 3,4). На основном ремне – накладки прямоугольной формы, на концевом рем-

не – со срезанными под углом концами. На ремне с правой стороны висела кожаная сумочка с полукруглой крышкой, прошитой серебряными нитками (рис. 45 – 7). В сумочке находились три заостренные сосновые палочки*, рядом располагались железное кресало (№ 7) (рис. 44 – 1), остатки железного шила* с деревянной рукояткой, обломки железного ножа* (№ 8) и каменное точило*. В нижних частях локтевых суставов рук, ближе к запястьям, зафиксированы по 6 браслетов (! серебряный и 5 бронзовых) (№ 9, 10) (рис. 46 – 1 – 8). На пальцах правой руки были надеты два перстня (№ 11), на левой руке – 3 перстня (№ 12) (рис. 46 – 9 – 13).

В ногах лежали на боку глиняный сосуд с плоским (в отчете было указано с уплощенным, что не соответствует изделию) дном, выплеснутый от руки и имевший орнамент в виде гребенчатых оттисков (№ 13) (рис. 44 – 2), обломки железного ножа плохой сохранности (№ 14), 3 кремня (№ 15) и мелкие фрагменты спиралевидных медных обломков, возможно, от украшенной обуви (№ 16).

Погребение 16. Труповложение (рис. 47 – 50).

В яме подпрямоугольной со скругленными углами формы (275 x 50 см) на глубине 50–60 см обнаружены остатки костяка в вытянутом положении головой на ССЗ (аз. 345°). Руки слегка согнуты и лежали на бедрах. Погребенный покоялся на деревянной подстилке и сверху прикрыт лубом; лицо, очевидно, было закрыто тонкой шелковой (?) тканью. От черепа сохранилась нижняя челюсть и зубы (№№ 15,16).

В погребении сохранились остатки от меховой и холцовой одежды.

Сопровождающий инвентарь. В ноговье положен ритуальный комплекс, включавший железное шило, от которого сохранилась костяная рукоять с нарезным орнаментом (№ 1) (рис. 48 – 11), железное кресало с медной рукояткой (№ 2) (рис. 50 – 1), 2 колокольчикообразные медные привески (№ 3) (рис. 48 – 4,5), фрагмент костяной уточки (№ 4) (рис. 48 – 6), медный перстень с пастовой вставкой коричневого цвета (№ 5) (рис. 49 – 12), обломки железного ножа с деревянной рукояткой, обмотанной тонкой серебряной проволокой* (№ 6), 2 костяные копушка с резным орнаментом (№ 7) (рис. 48 – 9,10), медные полые бубенчики (рис. 48 – 2), литая привеска (№ 8) (рис. 48 – 3), медная литая накладка от концевого ремня (№ 9) (рис. 48 – 21), железное тесло (№ 10) (рис. 50 – 6). На шее надета гривна (№ 11) (рис. 48 – 17). Гривна у замка была обмотана тонкой медной проволокой. С двух сторон несохранившегося черепа лежали по паре серебряных высочных колец (№ 12 и 14) (рис. 50 – 2; 293 – 4), с левой стороны – серебряная серьга с позолотой (№ 13) (рис. 48 – 12).

В области груди найдена копушка (№ 17)

* В монографии Г.А.Архипова (1973 г.) и его черновых зарисовках есть еще одна гривна (рис. 45 – 9), которая подлиннее погр. 15. Но в коллекционной описи и описание погребения только 2 гривны. Происхождение предмета на рис. 45 – 9 не установлено.

(рис. 48 – 16). От височных колец к груди тянулся длинная цепочка, к которой было подвешено парное украшение из шумящих подвесок с трапециевидным щитком (№ 18) (рис. 47 – 1). В районе груди также находилась медная сольгама (№ 19) (рис. 48 – 18), застегнутая на ткань, остатки которой сохранились под сольгамой. Вероятно, сольгамой был пристегнут небольшой нагрудник с подвесками на кожаных ремнях, обмотанных медной проволокой, на которых висели пастовая бусина, колоколовидная и бутыльчатая привески (рис. 48 – 7,8) и две костяные копоушки обычного типа (рис. 48 – 14,15). На запястье правой руки надеты 5 медных браслетов (№ 20): 3 из них – восьмигранные (рис. 49 – 3,8,14), один – шестигранный (рис. 49 – 13) и один – пластинчатый (рис. 49 – 5). На левой руке еще 5 медных аналогичных браслетов (№ 27): 3 восьмигранные (рис. 49 – 4), один четырехгранный (рис. 49 – 9) и один пластинчатый без орнамента. На пальцах обеих рук по 5 перстней (№ 21 и 24) (рис. 49 – 1,2,6,7,11,15-19): один перстень медный, остальные серебряные. У левой руки лежали костяная сильно деформированная копоушка (№ 22) (рис. 50 – 5) и железный нож (№ 23) (рис. 50 – 4). На костях голеней сохранились остатки кожаного ремня (№ 25) длиной около 80 см. Ремень украшен металлическими накладками (рис. 48 – 20), имеет наконечник (рис. 48 – 22) и литую пряжку со свободно вращающимся язычком (рис. 48 – 19). В ногах был положен железный топор (№ 26) (рис. 50 – 3).

Ритуальное захоронение 17–18. Кенотаф (рис. 51 – 52).

Яма подчетырехугольной формы (70 x 150 см) вытянута по линии ЮВ – СЗ. На глубине 40–50 см двумя скоплениями были сложены вещи. В северо-западной куче сверху находилась положенная вверх дном латунная (?) полусферическая чаша (диаметр – 14,5 см, высота – 5,8 см) (№ 1) (рис. 51 – 6). Рядом с чашей обнаружены два серебряных височных кольца (№№ 2 и 3) (рис. 52 – 18), медная цепочка длиной около 95 см с привесками в виде бубенчиков и литьих пуговиц (№ 4) (рис. 52 – 1,4) и костяной лошадки*, вероятно, от головного убора, одна калачевидная серьга (№ 5) типа изделия из погребения 16, железный нож с деревянными ножнами (№ 13) плохой сохранности, три очковидные обувные подвески с лапчатыми привесками (№ 8) (рис. 52 – 6) и две очковидные подвески меньшего размера (№ 14) (рис. 52 – 20), остатки кожаного ремня* (№ 15). Под чашей, завернутые в мех, лежали две нагрудные подвески (№ 6) (рис. 52 – 5). От подвески на кожаных шнурках, обвитых медной проволокой, и медных цепочках опускались привески в виде костяных лошадок (4 экз.) (рис. 52 – 9), медных литьих уточек (4 экз.) (рис. 52 – 22), бутыльчатых и колоколовидных под-

весок (3 экз.) (рис. 52 – 2,3), полых парных шариков, состоящих из 2-х половинок (рис. 52 – 8,17), костяная копоушка с кружковым орнаментом (№ 7) (рис. 52 – 19), медный восьмигранный браслет с кружковым орнаментом (№ 16) (рис. 52 – 10).

Весь комплекс сверху прикрыт мехом.

Второй комплекс вещей, расположавшийся в южной части ямы, состоял из: 2 серебряных височных колец (№ 9 и 12) (рис. 51 – 1), двух нагрудных коньковых подвесок (№ 10,11) (рис. 51 – 2), от каждой из которых на б цепочках длиной в 6 см опускались каплевидные привески. Здесь же лежали 5 лапчатых привесок (рис. 51 – 2а), 4 полых медных шарика (рис. 52 – 13), 4 медных бубенчика (рис. 52 – 11), 1 колокольчиковидная привеска, медная цепочка из спаянных вдвое колечек (двойные звенья)* и спиралевидные медные пронизки. Все эти привески, вероятно, относятся к нагрудным украшениям. Тут же зафиксированы остатки кожаной обуви обычного типа со спиралевидными пронизками и одной очковидной подвеской (№ 18) (рис. 51 – 5). Рядом лежали две берестяные стельки (№ 17). Комплекс уложен на подстилку из коры и сверху был прикрыт мехом.

Ритуальный комплекс 19. Жертвенный комплекс (рис. 53, 54).

В неглубокой яме (пл. 60 см) компактной группой на лубяной подстилке, завернутые в ткань и мех, сплюсанные ремнем и обложенные деревянной обкладкой, лежали вещи. По контуру зафиксирован кожаный ремень (№ 4,6) с серебряными штампованными накладками сердцевидной и четырехугольной формы (рис. 53 – 9,11). Для застегивания ремня пряжка заклепана на отдельный ремешок, который соединялся с основным ремнем заклепками в том месте, где находился кошелек с серебряной пластинкой (рис. 54 – 1). Свободный конец ремня с наконечником (рис. 53 – 8) был привязан к основному ремню. Имелся еще один ремешок с накладками и пряжкой, которая крепилась так же, как у основного ремня (рис. 53 – 4,5,7). К поясу подвешивались: кожаный кошелек с серебряной пластинчатой накладкой, на которой выгравированы два льва, стоящие на задних лапах, между ними – символическое дерево жизни с простирающейся над головами львов кроной (№ 2) (рис. 53 – 1). Кошелек был подвешен к поясу на ремешке, перекинутом через пояс. Рядом лежал серебряный дирхем* (№ 1) (подражание), с отверстиями по краям и остатками цепочки. На кожаных шнурках подвешивался второй кошелек (№ 5) с откидной крышкой, украшенной расшивкой из серебряной нити, простроченной в 7 рядов (рис. 54 – 2). Отдельно от пояса лежали браслеты (№ 7) (рис. 53 – 3,10,14). 2 восьмигранных браслета, 1 пятигранно-уголищенный бронзовый браслет; железный

нож с деревянной рукояткой, обмотанной тонкой серебряной проволокой (№ 3) (рис. 53 – 15) с остатками ножен. Последние сделаны из кожи и в нижней части (со стороны лезвия) прошиты и укреплены заклепками и медными накладками, которые не сохранились. Рядом с кошельком лежали фрагменты обуви с одной очковидной накладкой (№ 8) (рис. 53 – 13).

В коллекции есть накладки другого типа (рис. 53 – 2, 6), свидетельствующие о наличии еще одного ремня, но в описании и на чертежах данные о втором ремне не отражены.

В полевых зарисовках Г.А. Архипов в составе комплекса указал железное кресало (рис. 53 – 12). В описаниях погребения и описи такой предмет не значится. Возможно, находился в кошельке и обнаружен при камеральной обработке.

Ритуальный комплекс 20. Жертвенный комплекс (рис. 55 – 57).

На глубине 40–50 см на боку находился железный котел*. Под котлом, на глубине 70–80 см, завернутые в кожаную одежду и ткань лежали вещи. По остаткам кожи и меха, удалось восстановить отдельные детали платья: оно сшито из тонкой кожи, подол и грудь отделаны мехом и украшены узором.

Внутри узла сверху лежала сверху дном латунная(?) чаша (№ 1) (рис. 55 – 2). Под чашей находились 2 бронзовые шумящие нагрудные подвески (№ 2)(рис. 54 – 3), kostяная копоушка с остатками медной цепочки (№ 7)(рис. 56 – 2). У северного края чаши найдены рядом пластинчатая скользгама (№ 3) (рис. 57 – 3), очковидная обувная подвеска (№ 9)(рис. 56 – 10) и кремешки (№ 17). Вещи были завязаны ремнем (№ 6), украшенным серебряными штампованными накладками с позолотой* (рис. 56 – 9), с бронзовой пряжкой (рис. 56 – 8), и массивной бронзовой концевой настягдой (рис. 56 – 5). Длина ремня вместе с пряжкой 150 см. Судя по тому, что в коллекции 2 пряжки и 2 настягдника, кроме основного ремня, был и концевой. У южного края лежали бронзовый восемигранный браслет с кругловым орнаментом (№ 4) (рис. 56 – 3) и ажурная круглая подвеска (№ 10) (рис. 57 – 4). С восточной стороны обнаружена подвеска из медного пластинчатого щитка со штампованным (?) орнаментом (№ 8) (рис. 56 – 4), а рядом железный неопределенный предмет* (№ 16). С северной стороны за полсом найдены обломки железного ножа* (№ 11) и железного шила* (№ 12), под ремнем сохранился носок от кожаной обуви с очковидной подвеской (№ 9а), спиралевидными пронизками и прошивками в виде треугольника у подъема (рис. 56 – 13). Еще одна очковидная подвеска обнаружена севернее (№ 9) (рис. 56 – 11;

297 – 3). Западнее лежали: медная бусина, каменная форма для отливки украшений (№ 13) (рис. 57 – 1), завернутая в бересту, раковина моллюска, и берестяной футлярчик с орнаментом (№ 15) (рис. 55 – 1), железное кресало с медной рукоятью (№ 14)(рис. 57 – 2), железное тесло (№ 18) (рис. 57 – 5).

Ритуальный комплекс 21. Жертвенный комплекс (рис. 58).

На глубине 30–35 см обнаружены разрушенные остатки комплекса вещей. Сохранились следующие предметы: одна очковидная подвеска (№ 1) (рис. 58 – 3), обрывки ремня с круглыми кольцами на одном конце и тонкими серебряными пластинчатыми накладками (№ 2) (рис. 58 – 1, 2), медный четырехгранный браслет (№ 3) (рис. 58 – 4), 2 бубенчика и 3 литые пуговки* (№4), обломки стенок и дна деревянного бочонка (№5), в котором и находились, вероятно, эти вещи. Ремень зафиксирован по краю стенки бочонка.

Погребение 22. Трупоположение (рис. 59 – 61).

Контуры могильной ямы обозначены слабо, погребение было нарушено корнями сосны. Сохранившаяся часть могилы имела размеры 68 x 145 см. Кости погребенного и вещи обнаружены на глубине 60 см. От костяка сохранились: несколько фрагментов черепа и остатки зубов, два позвонка и части тазовой кости, кости рук и фрагмент кости правой ноги. Костяк лежал на спине вытянуто, головой на СЗ (аз. 315°).

Содержащий инвентарь. На костях черепа обнаружены медная цепочка (№ 1) из 120 звеньев, общей длиной 50,5 см*, в области шеи – медная гривна (№ 2) (рис. 61 – 13), фрагменты ожерелья из двух серебряных дирхемов (№ 3), бронзовое бубенчика (№ 4) (рис. 61 – 9), двух медных бусин (рис. 61 – 7), 7 пастовых бус и бисера из пасты (11 красных и 47 синих) (№ 5) (рис. 6 – 8, 10; 290 – 8, 9). В области груди найдены медная скользгама (№ 6) (рис. 61 – 5) и бронзовая подвеска (№ 7) (рис. 61 – 6). На левой руке надеты 5 бронзовых пластинчатых и 2 серебряных четырехгранно-уплощенных браслета (№ 8)(рис. 60 – 1, 3, 5-7). На правой руке два браслета (№ 11) – один медный витой (рис. 61 – 2), второй железный из круглого в сечении дрота (рис. 60 – 4). У левой руки лежала бронзовая листовая очковидная подвеска (№ 9) (рис. 61 – 12) и медная спиралевидная пронизка (№ 10). В области таза расчищен ремень (№ 12), 2 медных кольца (№ 16) (рис. 61 – 4) от ремня. Слева у ног обнаружены железное тесло (№ 15) (рис. 59 – 1), справа – обломки железного кресала (№ 13) (рис. 61 – 1), железного ножа* (№ 14).

Погребение 23. Трупосожжение (рис. 62).

Могильная яма прослеживается слабо, поэтому контуры обозначены приблизительно, разме-

* Накладки в коллекции из зеленого металла (рис. 56 – 9, 12), вероятно, бронзовые.

ры составляют 204 x 65 см, вытянута по линии ЮВ – СЗ. В границах этого заполнения на глубине 45 см зафиксировано 2 скопления женских костей. Основное скопление имело диаметр 40–45 см и толщину залегания костей и пепла до 10 см. Второе скопление женских костей имеет диаметр до 13 см и фиксировалось чуть подальше к северо-западу.

Сопровождающий инвентарь. Расположение вещей вытянуто по линии СЗ – ЮВ. Сверху на малом скоплении вещей лежала серебряная круглая пластинчатая подвеска с остатками заклепки от ушка (№ 1) (рис. 62 – 2). На второе скопление вещей был положен железный проушенный топор (№ 4) (рис. 62 – 3). Под топором остатки дерева, вероятно, от подстилки (№ 3). Здесь же лежали обрывки ремня с литой рамчатой пряжкой (№ 5) (рис. 62 – 1).

К юго-востоку от центральной кучи находились железный нож* плохой сохранности (№ 6) и кремень* (№ 7). В юго-восточном конце ямы был поставлен железный котел, склеенный из отдельных пластин* (№ 8).

Погребение 24. Трупосожжение (рис. 63 – 64).

В отчете при описании погребения упоминается о том, что могильная яма слабо прослеживается, но на чертеже не обозначены ее контуры, поэтому информация о размерах нет. Женские кости и вещи обнаружены на глубине 35–40 см в направлении с СЗ на ЮВ двумя скоплениями (35 x 25 см и 45 x 40 см, толщиной 5–10 см).

Сопровождающий инвентарь. В северо-западном скоплении расчищены железный проушенный топор* (№ 1) и шейное украшение (№ 2) (рис. 64 – 9) с бусиной (№ 3) (рис. 64 – 5). На втором скоплении лежали: медная бусина (№ 3) (рис. 64 – 4), железное овальное кресало (№ 4) (рис. 64 – 10), 3 железных наконечника стрел (№ 6) (рис. 64 – 6, 7), железный нож (№ 7) (рис. 64 – 8). Поперек былложен кожаный ремень, свернут в порядке обычного его ношения (№ 5) (рис. 64 – 1, 2, 3). От него отходили два концевых ремешка, скрепленные с ремнем медными кольцами – одно литое, в качестве второго кольца использована сюльгама, концы которой завязаны. На концах ремней были прикреплены пластинчатые медные накладки*.

В юго-восточном конце ямы стоял прокопченный медный котел с железной дужкой (№ 8) (рис. 63 – 1). Снаружи он обернут берестой. Внутри котла сохранились остатки деревянной чаши (восстановить, к сожалению, не удалось) и берестяного туеса.

Монетовидная подвеска чеканена вправление Нух ибн Насра 333 г.х. (944/945 гг.) [Архипов, 1973, С. 63, 66]. На кончик ремня и накладки, судя по описи, не из этого погребения (рис. 64

– II, 12), а найдены на участке Б/Б, рядом с погребением 24.

Погребение 25. Трупоположение (рис. 65, 66).

В могильной яме подчетырехугольной формы размером 240 x 60 см вытянутой по линии ССВ – ЮЮЗ на глубине 50 см выявлены истлевшие остатки женского (?) костяка, лежавшего на спине, головой на ССВ (аз. 10°). Левая рука вытянута вдоль туловища, правая слегка согнута в локте, и кисти положены на таз.

Сопровождающий инвентарь. В изголовье был поставлен глиняный горшок* (№ 1), который представлен 15 фрагментами керамики из глины с примесью песка. Судя по плану плоскодонный. Левее сосуда обнаружен проушенный топор (№ 2) (рис. 65 – 6). Вдоль левой стороны черепа лежала медная цепочка (№ 9) (рис. 66 – 11) из двух фрагментов (длина первого 150 см, 348 звеньев, второго – 17,5 см, 41 звено) и кожаная шапочка, сохранившаяся в небольших фрагментах. На шее обнаружены медная гривна (№ 11) (рис. 66 – 15) и фрагменты ожерелья из 7 серебряных дирхемов и медных бус (№ 12) (рис. 66 – 2), на груди – медная сюльгама (№ 13) (рис. 66 – 5) и небольшая спиралевидная пронизка (№ 10). На левой руке надеты два бронзовых браслета (№ 14), на правой полусогнутой руке – 3 бронзовых браслета (№ 15) (рис. 66 – 1, 3, 6, 8, 10). Справа у таза расчищено железное калачевидное кресало (№ 16) (рис. 65 – 4) и одна монета – дирхем (№ 17). У правого бедра – железный нож с костяной рукояткой (№ 18) (рис. 65 – 3).

В ногах в углу ямы находились медный котел с железной ручкой (№ 3) (рис. 65 – 5), каменный брускоточило (№ 4) (рис. 65 – 1), железный нож (№ 5) (рис. 65 – 2), еще одно железное калачевидное кресало (№ 6), налогичное вышеописанному, кремешки, медные бубенчики (№ 7) (рис. 66 – 12–14), медная сюльгама (№ 8) (рис. 66 – 9). У котла внешняя поверхность закопчена, но с внутренней стороны были незначительные следы бересты.

Погребение 26. Трупосожжение (рис. 67, 68).

В небольшой яме, не имеющей четких очертаний, положены компактно сожженные кости с пеплом и вещи. Украшения сгруппированы по их функциональному назначению: вместе головные украшения, украшения рук и т. д.

Сопровождающий инвентарь. В северной части найдены медная головная цепочка (№ 1) длиной 51 см из 148 звеньев (рис. 68 – 6), 3 височных медных кольца со связанными концами (№ 2) (рис. 67 – 5, 7), железное калачевидное кресало* (№ 3), костяная копоушка (№ 4) (рис. 68 – 2), 2 поясных серебряных кольца (№ 5, 6) (рис. 67 – 2), 5 крупных и 2 мелких бубенчика (№ 7) (рис. 68 –

4,5,7,8), 2 целых и 2 сломанных медных перстия (№ 8) (рис. 67 – 4). В погребении также обнаружены подвеска в виде кружка из медной проволоки (№ 9), скрученной в плоскую спираль с приглажнутым юнцом (рис. 68 – 10), два вырезанных из тонкой медной пластинки изображения (№ 10) (рис. 68 – 9,11), железное калачевидное кресало* (№ 11), спиралька из медной проволоки, 2 бронзовых браслета* (№ 12): один – гладкий; второй – витой из медной проволоки. Рядом с бронзовой застежкой на ткани (№ 13) (рис. 68 – 12) лежали копоушки (№ 13) (рис. 68 – 3), одна из них с бубенчиком на цепочке, прикрепленные к куску кожи; 2 нагрудные подвески (№ 14) (рис. 68 – 1) и подвеска в виде перстня с лапчатыми привесками (№ 16) (рис. 67 – 1), 2 медных пластинчатых перстия (№ 15) (рис. 67 – 3), клык кабана (№ 17), стеклянная зеленая бусина (рис. 290 – 5), 2 глаучатые бусины (№ 18): одна имеет фон темно-бурый, близкий к черному, глазки белые с голубыми пятнами (рис. 290 – 4), вторая с выпуклыми глазками зеленовато-голубого и желтого цветов на черном фоне (рис. 290 – 3), 4 бубенчика (№ 19) (рис. 68 – 8), остатки кожаной обуви с медными спиральками (№ 20) и обломки берестяного туеска (№ 21).

Погребение 27. Трупоположение (рис. 69, 70).

Погребение, частично разрушенное кладоискательскими перекопами, располагалось в могильной яме, размерами 195 x 62 см, вытянутой по линии ЮЗ – СВ. Погребенный лежал на глубине 60 см на деревянной подстилке, в вытянутом положении на спине головой на СВ (аз. 55°). Левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте и кистью уложена на таз.

Сандовождающий инвентарь. В изголовье, слева от черепа, расчищен клад вещей: глиняное и каменное пряслица (№ 1) (рис. 70 – 21,22), 2 медных перстия (№ 2) (рис. 70 – 7), проволочные спиралевидные пронизки (№ 3) (рис. 70 – 9,18,19), костяная копоушка, к которой привешены три бронзовых шарика (№ 4) (рис. 70 – 13,14), железное тесло (№ 5) (рис. 69 – 3), кремешок (№ 6), бубенчик (№ 7) (рис. 70 – 15).

На черепе и под ним располагалась металлическая цепочка с подвесками-бубенчиками и остатками ткани* (№ 8). Слева от черепа зафиксирована пара височных колец из серебряной проволоки (№ 9a) (рис. 70 – 8). Одно височное кольцо лежало ближе к груди (№ 9) (рис. 70 – 3). В районе шеи найдены фрагменты ожерелья (№ 10) из кусочков кожи и кожаных ремешков и серебряного перстня (рис. 70 – 4), медной бусины (рис. 70 – 16), серебряных гофрированных пронизок (рис. 70 – 6,17), коготка рыси (рис. 70 – 5)?, подвески из монеты (брахтият?) и медных пронизок. В области груди обнаружены 2 костя-

ные копоушки, связанные вместе кожаным шнуром (№ 11) (рис. 70 – 11,12). В области таза найдены: железное калачевидное кресало (рис. 69 – 1) и кремень (№ 12), железный нож с деревянной рукояткой, обмотанной серебряной проволокой* (№ 13), бронзовое навершие еще от одного кресала (№ 14) (рис. 69 – 2). На пальцах левой руки обнаружены 3 серебряных перстия (№ 15) (рис. 70 – 2,10).

В ногах расчищены обломки железного котла*, положенного вверх дном (№ 16), остатки кожаной обуви с бронзовыми спиралевидными пронизками, 2 очковидные и 2 умбоновидные подвески (№ 17) (рис. 70 – 20, 24).

Погребение 28. Трупоположение (рис. 71, 72).

Очертания могильной ямы обозначены нечетко. Яма размером 180 x 65 см, вытянута по линии СВВ – ЮЗЗ. На глубине 67 см расчищены остатки kostяка подростка, положенного на спине головой на СВВ (аз. 70°). Череп сохранился плохо и обозначен контурно. Руки согнуты в локтях и сложены кистями на таз.

Сандовождающий инвентарь. С шеи по груди спускались остатки нагрудного украшения (№ 1), состоящего из кожаного шнурка, на обоих концах которого нанизаны пастовые биконические и тройчатые медные бусы, бубенчики (рис. 71 – 5), костяные пронизки (рис. 72 – 7), к концу шнурка привязаны кольца (рис. 71 – 4). На каждый шнур нанизаны по два кольца, одно из них перевитое (рис. 293 – 8). Нагрудные украшения сверху были прикрыты берестой. На правой руке найдены 4 браслета (№ 2) (рис. 72 – 1,2,4 – 8), на пальцах правой руки – два ромбовидковых серебряных перстия (№ 3) (рис. 72 – 5). На тазу справа лежало железное калачевидное кресало (№ 4) (рис. 71 – 6), справа от таза железный нож с деревянной рукояткой* (№ 5). На левую руку надет бронзовый браслет без орнамента (№ 6) (рис. 72 – 3), на пальцах левой руки – медный перстень (рис. 72 – 6) (№ 7). Слева от таза найден железный проушиный топор (№ 8) (рис. 71 – 3), в ногах – каменное топило (брюсок)* (№ 9).

Погребение 29. Трупоположение (рис. 73, 74).

В могильной яме, почти полностью разрушенной поздними перекопами, вытянутой по линии ЮЗ – СВ, обнаружены остатки украшений и костей погребенного, лежавшего головой на СВ (аз. 60°).

В юго-западном конце находились: 5 бронзовых браслетов (№ 1), из них – 3 пластинчатые с кружковым орнаментом (рис. 74 – 1,2,5), один трехгранный (рис. 74 – 3) и один круглый в сечении с заостренными концами без орнамента (рис. 74 – 7). Тут же лежали 4 браслета из перевитых медных проволок (рис. 74 –

4, 6, 8), 4 бубенчика (№ 2) (рис. 73 – 4), бронзовая подвеска (№ 3) (рис. 73 – 2) и 5 костяных копоушек (№ 3) (рис. 73 – 5), бляха с круглым щитком (№ 4) (рис. 73 – 1), разбитый глиняный сосудик* (№ 5). Восточнее найдены пара бронзовых уточек (№ 6) (рис. 73 – 3), 2 костяных усеченных пирамидки (№ 7) (рис. 73 – 6, 8).

В северо-восточной половине разбросаны кости и отдельные вещи, в том числе обломки медного высочного кольца* (№ 8), две медные штампованные поясные накладки* (№ 9), костяная копоушка обычного типа, костяное прядильце (рис. 73 – 9), кремни (№ 10). В северном углу найдены обломки деревянной чаши неопределенной формы (№ 11).

В перекопе засыпки найдены подвеска в виде плетеного конька (рис. 73 – 10) и грубо вырезанная из медной пластинки фигурка птицы с распростертыми крыльями (рис. 73 – 7).

Погребение 30. Трупосожжение (рис. 75).

В могильной яме, вытянутой по линии ЮЗ – СВ, имеющей подпрямоугольную форму со скругленными углами, на деревянной подстилке в северо-восточной половине на глубине 80 см были найдены завернутые в груботканное полотно пережженные кости. Сверху положены: железная трубица (№ 1) (рис. 75 – 2), обломок бронзового четырехгранного браслета (№ 2) (рис. 75 – 3) и обломок кремешка (№ 3).

Завернутые в ткань пепел и кости были опоясаны кожаным ремнем (№ 8) с тонкими серебряными накладками типа рис. 64 – II, 12. Около полса с левой стороны лежали спиралевидные пронизки и железное кресало (№ 9) (рис. 75 – 7). Южнее ремня лежали: с правой стороны – проушный топор (№ 4) (рис. 75 – 9), железный нож (№ 10) (рис. 75 – 6) и остатки кошелька* (№ 12); с левой стороны – железный нож (№ 11) (рис. 75 – 4), точильный бруск (№ 7) (рис. 75 – 8), бусы* и спиральки (№ 16). Юго-западнее найдены железный втульчатый топор (№ 5) (рис. 75 – 1) и черешковый наконечник стрелы (№ 6) (рис. 75 – 5).

В юго-западном углу вверх дном былложен железный клепанный котел* (№ 13) диаметром 28 см.

В монографии Г.А. Архипова [Архипов, 1973] на рис. 20 – 4 к этому погребению отнесен жетон, но его нет в описании.

Погребение № 31, 32 (рис. 76 – 80).

Погребение 31. На глубине 53 – 54 см от нулевой отметки обозначилось заполнение подпрямоугольной формы размерами 182 x 55 см, вытянутое по линии ЮЗ – СВ. На глубине 60 – 65 см по центру заполнения по продольной оси расчищено несколько вещей (рис. 76 А). У юго-западной стенки на глубине 60 см обозначился край бронзового котелка с железной ручкой (№ 1). В восточной половине по центральной оси обнаружены

три железных наконечника стрелы (№ 4 – 6) (рис. 77 – 6, 10, 11). Стрелы разложены веером, острием к СВ. Между котелком и стрелами ближе к северной стенке лежали бубенчики, пронизки (№ 2) и тлен от бронзы (сам предмет не обнаружен или не сохранился).

Указанное заполнение условно выделим как самостоятельное погребение, но, возможно, это засыпь погребения 32.

Погребение 32 (рис. 76 Б)*.

Заполнение в пределах контуров погребения 31 продолжалось до глубины 77 – 80 см. С северо-восточной стороны на глубине 85 – 95 см обнаружены дополнительные вещи и едва заметное заполнение, которое не фиксировалось на предыдущих глубинах. Общее заполнение имело подпрямоугольную форму размерами 116 x 51 см. Жженые кости лежали достаточно компактным скоплением 35 x 25 см по центру могильной ямы. Кости зафиксированы с глубины 69 см, наибольшее их скопление было на глубине 77 – 80 см. На глубине 72 – 80 см обнаружены вещи.

Сопровождающий инвентарь. Вещи лежали вдоль всей могилы. Описание вещей дано с ЮЗ на СВ. У юго-западной стенки расчищен медный котел, который выявлен с глубины 60 см (дно его зафиксировано на глубине 77 см) (№ 1) и склеян из отдельных листов. Котел завернут в мех и луб (рис. 79 – 6). Внутри находилась деревянная чаша (№ 6) (рис. 79 – 7), выдолбленная из одного куска дерева. Под котлом сохранились остатки меха и следы от древесной подстилки. К северу от котла на глубине 76 см найден железный кочедык плохой сохранности* (№ 7). С восточной стороны от котла на глубине 72 см, чуть выше остальных вещей, расчищена застежка-сюльгама из цветного металла (№ 8) (рис. 78 – 5). Далее поперек могилы на глубине 77 см лежал неопределенный предмет очень плохой сохранности, от которого осталось скопление рассыпающейся железной окалины (№ 9). Совместно с кальцинированными костями найдена бронзовая пластинка на кожаном шнурке с бронзовыми пронизками (№ 10) (рис. 78 – 4). Рядом с пластиной на глубине 78 см расчищены 2 витых бронзовых браслета (№ 11) (рис. 78 – 13). При разборке жженых костей на глубине 80 см найдены несколько фрагментов железных изделий (№№ 10а), среди которых можно различить лишь фрагмент ножа (рис. 79 – 2), вероятно, кресало очень плохой сохранности, и фрагмент каменелого дерева. Почти в центре могилы около северо-западной стенки на глубине 80 см найдены три бронзовых браслета (№ 12): 1 – витой

* В предварительной публикации [Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю., Ахрапов А.В. 2010. С. 50–58] погребение 32 разделено на два, в настоящее время информация уточнена и является наиболее объективной.

(рис. 78 – 14), 1 – граненый с кружевным орнаментом (рис. 78 – 11), 1 – плоский неорнаментированный с расширенными концами (рис. 78 – 12). Ближе к юго-восточной стенке на глубине 80 см найдены 9 наконечников стрел (№ 13) (рис. 77 – 1-5, 7-9, 12), два из которых были поставлены острием к поверхности. В центре могилы на этой же глубине обнаружены бронзовый бубенчик (№ 14), железный предмет с четырехгранным сечением и заостренным концом (№ 15) (рис. 79 – 4) и фрагменты ремня (№ 16). Кожаный ремень сохранился плохо: полоска кожи шириной 2,5 см, пластичатый наконечник ремня (рис. 78 – 10), цельнолитая пряжка (рис. 78 – 3) и поясное кольцо (рис. 78 – 6); от накладок фиксируется лишь тлен. От ремня спускались 3 привески из ткани, обмотанной бронзовой проволокой (рис. 78 – 7, 9), одна из которых завершалась бубенчиком (рис. 78 – 2). Севернее, ближе к северо-западной стенке, зафиксировано скопление металлических вещей, которые сильно деформированы. Создается такое впечатление, что они испытали воздействие большой температуры. Среди них расчистились железный нож (№ 21) (рис. 79 – 3), два медных дротовых браслета (№ 19) (рис. 78 – 8), точильный камень (№ 26). Вещи лежали на лезвии топора (№ 20) (рис. 79 – 1). Чуть выше на глубине 77 см был расчищен амулет из коры дерева в виде антропоморфного изображения (№ 23) (рис. 79 – 5). На глубине 85 см с правой стороны расчищена поясная подвеска (№ 24) (рис. 80 – 1), севернее – бронзовая пряжка (№ 32) (рис. 80 – 3), фрагменты кожи и подвески от обуви (№ 29) (рис. 80 – 2). В ногах находилось скопление вещей: железное тесло (№ 30) (рис. 80 – 11), наконечник копья плохой сохранности (№ 31) (рис. 80 – 9), боевой топорик (№ 34) (рис. 80 – 10), фрагмент кожаного кошелька с бронзовыми бубенчиками (№ 35) (рис. 80 – 5), железный скобель (№ 37) (рис. 80 – 8).

Погребение № 33. Разрушенное (рис. 81, 82).

Погребение полностью разрушено неизвестными людьми, его очертания не отмечены в планах ни одного из известных нам отчетов, но на общем чертеже 1957 г. в этом месте указаны ямы от раскопок 1929 г. Перекоп хорошо фиксирован с глубины 50 см от нулевой точки, имеет форму могилы подпрямоугольной формы, ориентированной длинной стороной по линии СВ – ЮЗ. Размеры зафиксированной части: ширина 70 см, длина прослеженной части 200 см. Часть заполнения уходит в старый перекоп.

В перекопанном заполнении в беспорядке на разных глубинах обнаружены несколько предметов. На глубине 30 – 35 см найдены бронзовый бубенчик (№ 1) (рис. 82 – 3), бронзовая прямоу-

гольная накладка с трилистниками (№ 2) (рис. 82 – 19), костяная пронизка с прорезным орнаментом (№ 3) (рис. 82 – 18) и фрагмент подвески из металла белого цвета (№ 4) (рис. 82 – 1). Второй фрагмент этой же подвески был найден недалеко, но на глубине 45 см. На этой же глубине обнаружен бронзовый бубенчик (№ 5) (рис. 82 – 6). Два бубенчика, но более крупных размеров (№ 6) (рис. 82 – 2), и бронзовая бусина (рис. 82 – 5) найдены на глубине 50 см, еще один бубенчик, на глубине 55 см (№ 7) (рис. 82 – 3). На глубине 70 – 75 см обнаружены бессистемно лежащие следующие вещи: фрагменты кожаного ремня с квадратными накладками (№ 8) (рис. 82 – 12), пронизи из бронзовой проволоки (№ 9), фрагмент перстня (№ 10) (рис. 82 – 10), фрагмент цепочки из сложных звеньев (рис. 82 – 14) и бубенчик (№ 11) (рис. 82 – 13), фрагменты железного кресала (№ 12) (рис. 82 – 17). На дне ямы на глубине 80 см обнаружены куски древесины, вероятно, от подстилки, а также бессистемно разбросанные вещи: конусовидная подвеска (№ 13) (рис. 82 – 11), крестопрорезной бубенчик и две шумящие подвески (№№ 15, 16) (рис. 82 – 7, 8), подвеска в форме стилизованного топорика (№ 17) (рис. 82 – 9). Системы в расположении вещей не прослеживается, следов от костей также нет, куски древесины расположены фрагментарно и в беспорядке. Очевидно, это остатки разграбленного захоронения.

Погребение 34. Разрушенное.

Особое внимание привлекла россыпь мелких фрагментов железной окалины в раскопе 1957 года. Этот квадрат был обозначен цифрой 3, и в нем были найдены, судя по полевым дневникам, дрекем и глиняная лячка. В месте расположения окалины была произведена зачистка и обнаружены (на глубине 90 см от нулевой точки) 4 наконечника стрелы: три черешковых и один втульчатый (рис. 87 – 1-4). Наконечники лежали компактно в неподревоженном состоянии, острием на З. Рядом найдено плохо сохранившееся шило. Вероятно, это остатки разрушенного или недобранного в 1957 г. погребения.

Отдельные находки. В Ветлужском краеведческом музее хранятся вещи из раскопок 1929 года. Документация на них, к сожалению, утеряна, поэтому я выделила их в отдельные находки (рис. 83 – 86). Часть отдельных находок была обнаружена при осмотре отвалов в 2007 году (рис. 87 – 88).

§ 2. МОГИЛЬНИК «ЧЕРЕМИССКОЕ КЛАДБИЩЕ»

Могильник расположен в 3 км к В от д. Валово, в 4 км к ЮВ от с. Макарьевское, в 5,5 км к СВ от д. Минино Ветлужского района Нижегородской области. Площадка могильника занимает дюнное всхолмление левого берега р. Луданги (в 100 м к ЮВ от русла реки) на бывшей дороге из д. Валово к Ветлужско-Сявинскому тракту (рис. 89). Поверхность сильно заросла сосновым бором и мелколесьем. В прошлом она была значительно повреждена раскопками В.И. Каменского и бессистемными кладоискательскими перекопами различных лет, включая газдине ямы 2007 года.

На памятнике вскрыта площадь 853 кв. м, на которой располагались 16 комплексов* (рис. 90).

Погребение 1. Жертвенный комплекс (рис. 91, 92).

На глубине 35 см на светло-желтом песке без признаков могильной ямы и остатков костей обнаружены вещи, компактно лежащие на деревянной подстилке: фрагменты налобной повязки (№ 1) (рис. 91 – 4), нагрудное украшение из бляхи (№ 7) (рис. 91 – 1) с пронизками и подвесками (№ 2) (рис. 91 – 2-3), обувные украшения на кожаной основе (№ 6), по которым можно сделать реконструкцию. Очковидные привески (обнаружено 4 экз.) (рис. 92 – 3, 7-9) располагались по обоям бокам обуви, от них шли на носки в 4 ряда спиралевидные пронизки и выше в 2 ряда медная цепочка; 2 умбоновидные подвески с латчинчатыми привесками (рис. 92 – 5) располагались на пятках, выше них на ремешке – петельные подвески (рис. 92 – 10, 11) и нанизаны медные бусы. Реконструкция обуви изображена на рис. 92 – 12.

Вокруг вышеназванных предметов был свернут в два ряда ремень (№ 3) с серебряными накладками (рис. 92 – 1, 2). К ремню с помощью ремешка была привязана серебряная подвеска (№ 5) (рис. 92 – 6). В комплексе найдены также остатки железной холщуги* (№ 4).

Погребение 2. Разрушенное (рис. 93).

Следов могильной ямы и костей не обнаружено. На зольном пятне найдены девятнадцать фрагментов лепной керамики, из них 3 – с орнаментом зубчатого штампа (рис. 93 – 1, 3, 4), и половина медного бубенчика (рис. 93 – 2). Среди керамики выделяются фрагменты с органикой и шамотом.

Погребение 3. Трупоположение. Разрушенное. План не сохранился (рис. 94).

Очертания могильной ямы установить не удалось. Из текста отчета следует, что погребенный головой был ориентирован на З (вз. – 270°).

Фрагмент черепной коробки был найден в западной части площадки распространения находок. Отдельные фрагменты костей ног лежали в восточной части. Вещи и кости были сильно разбросаны и располагались в беспорядке на глубине от 30 до 70 см.

Сопровождающий инвентарь. На фрагментах черепа в лобной части заметны остатки головного убора в виде следов берестяной ленты с пятнами окиси от серебряных накладок (рис. 94 – 11); от ленты перпендикулярно в два ряда к темени шли такие же ленты. Рядом с черепом на глубине 70 – 75 см компактно располагались следующие предметы: 3 медные колокольчико-видные привески со жгутовой окантовкой по краям*, костяная поделка с отверстием (рис. 94 – 12), каменный бруск*, берестяная коробочка (рис. 94 – 16) и фрагменты ремешка с медными пластинчатыми накладками (рис. 94 – 3) и медной пряжкой (рис. 94 – 7).

Над вышеописанными вещами на глубине 40 – 60 см лежали: костяная подкладка под высокие кольца (рис. 94 – 9), костяной игольник (рис. 94 – 14), спиралевидные пронизки с медными бусами (рис. 94 – 13), отдельно медные бусы, остатки от меховой одежды.

Несколько севернее остатков черепа найдены фрагменты ремня со следами от серебряных круглых накладок и с медными пластинчатыми накладками (рис. 94 – 3, 4). Подобные накладки встречались в восточной группе находок. Тут же лежал обломок железного наконечника стрелы*. Комплекс накрыт железным куплом.

Найдки в восточной группе сильно разбросаны и лежат в беспорядке: медный проволочный перстень с остатками кости фаланги пальца (рис. 94 – 2), медная накладка с дужкой (рис. 94 – 10), медная цепочка, аналогичная цепочкам из погребения 1, мелкие проволочные кольца (рис. 94 – 5, 6), нож с остатками деревянных ножен, обернутых кожей (рис. 94 – 17), фрагмент кожаной сумочки с сотовым узором*. Втульчатый топор, воткнутый в землю лезвием, располагался северо-западнее черепной кости на глубине 66 см.

Погребение № 4. Трупосожжение.

Разрушенное.

Очертания могильной ямы прослеживаются очень слабо и нечетко. Погребение перекопано. Железные кости встречались по всему квадрату А/6, вещи распространены на площади 170 x 55 см. На глубине 10 – 70 см найдены следующие вещи: три наконечника железных стрел с подтреугольной лопастью и боковыми шипами*, расположенные на глубине 10, 15 и 55 см (№ 1); на глубине 15 см сильно деформированные серебряные на-

* Раскопки В.И. Каменского в эти числа не входят.

кладки* (№ 2), медные спиралевидные пронизки обычного типа (см. погребения № 1, 3), расположенные на глубине 65–70 см.

Погребение 5. Трупоположение (рис. 95).

Под перекопанной землей размером 290 x 105 см, прослеженной до глубины 45 см, выявлены слабые очертания могильной ямы, вытянутой по линии Ю – С. В северной части ямы найдены нижняя челюсть (№ 5) и фрагменты детского черепа, южнее – фрагменты кости (№ 13). Погребенный лежал головой на ССЗ (аз. 325°).

Сопровождающий инвентарь. Около остатков черепа обнаружена медная проволочная гривна (№ 3) (рис. 95 – 5). По двум сторонам гривны находились по серебряной серьге (№ 4) (рис. 95 – 2). Рядом лежала спиралевидная пронизка (№ 7), судя по аналогии с материалом из Веселовского могильника, возможно, от головной повязки.

Южнее от вышеописанных вещей расчищены другие находки: медные цепочки с овальными звенями* (№ 8), деформированная серебряная накладка* (№ 9), медная проволочная пряжка (№ 14) (рис. 95 – 1), медный пластинчатый браслет (№ 6) (рис. 95 – 3), лежащий на остатках меха (№ 2), железный нож с остатками деревянных ножен* (№ 1), спиралевидные пронизки (№ 7), 3 обувные накладки с дужками (№ 18) (рис. 95 – 4), одна из них пришита к кожаному ремешку (№ 15) и половина пронизки (№ 10), аналогичной пронизке из погребения 1.

Погребение № 6. Трупосожжение (рис. 96).

В отчете в описании погребения указано, что очертания могильной ямы не заметны. На чертеже отчета очертания показаны пунктиром, размер 215 x 100 см. Судя по расположению вещей, можно предположить, что погребенный лежал головой на С (аз. 360°). На глубине 70 см обнаружены фрагменты костей (№ 10) и нижней челюсти животного (№ 9) и вещи. На расстоянии 80 см к северу от очерченных контуров было обнаружено скопление вещей (ремень и бубенчик). Авторами отчета этот комплекс объединен вместе с погребением. Но, скорее всего, это самостоятельный жертвенный комплекс.

Сопровождающий инвентарь. Инвентарь погребения представлен фрагментами железа, разбросанными в беспорядке по всему погребению (№ 6), медными накладками (№ 7) (рис. 96 – 2, 5, 8), кремешком (№ 8) и пронизкой (№ 11).

Жертвенный комплекс. Комплекс к северу от контуров погребения состоял из свернутого ремня с остатками медных накладок (№ 1). Ремень представлен двумя крупными фрагментами. Узкие ремешки с литыми медными накладками (рис. 96 – 9, 10) с помощью медных колец присоединялись к более широким ремням с медными накладками (рис. 96 – 2). Узкие ремни являлись, вероятно, дополнительными боковыми и

оканчивались продолговатыми медными литыми концевыми накладками (рис. 96 – 7) или пряжками (рис. 96 – 1). К ремню привешен железный нож с деревянной рукояткой, обмотанной тонкой серебряной проволокой (№ 2) (рис. 96 – 4) и подвеска-бубенчик (№ 4) (рис. 96 – 3).

Погребение 7. Трупоположение (рис. 97).

Слабые очертания северной части могильной ямы ориентированы по линии ЮЮЗ – ССВ. В могиле обнаружены фрагменты черепа (№ 8) и тлен костей ног (№ 9), по которым можно определить, что костяк лежал вытянуто головой на ССВ (аз. 10°).

Сопровождающий инвентарь. В 45 см северо-восточнее черепных костей на глубине 40 см располагался глиняный сосуд (№ 1) (рис. 97 – 8) из светлой глины среднего обжига. По краю венчика – резной орнамент.

Под черепными костями лежала медная проволочная гривна или височное кольцо большого диаметра (№ 4) (рис. 97 – 9). У правого виска и севернее черепных костей найдены 2 медных бубенчика (№ 2) (рис. 97 – 5) и спиралевидные медные пронизки (№ 3). Южнее черепных костей сохранились остатки нагрудного украшения (№ 5): на двух меховых основах лежали подвески в виде спиралевидных пронизок, между ними в 2-х случаях kostяные коньки и в 2-х случаях, раковины-каури с колокольчиковидными привесками на концах (рис. 97 – 1-4, 6, 7, 10). Рядом зафиксирован тлен дерева.

Погребение 8. Трупоположение (рис. 98).

Могильная яма подчетырехугольной формы, размерами 240 x 94 см, имела глубину 50 см и ориентирована по линии СВ – ЮЗ. В северо-восточной части ямы лежали кости черепа (№ 1), нижняя челюсть (№ 2), зубы (№ 3) человека. Лучевая кость обнаружена северо-восточнее костей черепа (№ 4) (видимо, переместилась при перекопах), в юго-западной части ямы сохранились остатки костей ног (№ 5). Судя по расположению фрагментов костей, погребенный лежал в вытянутом положении головой на СВ (аз. 30°).

Сопровождающий инвентарь. Около костей черепа обнаружены обломок серебряной калячевидной серьги (№ 12) (рис. 98 – 4) и медная пластинчатая подвеска со штампованным орнаментом (№ 6) (рис. 98 – 1). Между костями черепа и ног найдены 2 медных бубенчика (№ 7) (рис. 98 – 2, 3), обломок железного ножа с чуренком* (№ 8), обломки железных наконечников стрел (№ 9) (рис. 98 – 5, 6), фрагменты неопределенного железного предмета (№ 10). Справа от тлена правой ноги лежали обломки керамики (№ 11). На одном из них зафиксирован зубчатый орнамент.

Погребение 9. Трупоположение. Рызрушенное (рис. 99А).

Очертания могильной ямы выявились лишь в

северной стороне, глубина 38–40 см, яма ориентирована на С с небольшими отклонениями к В (аз. 12°). Погребение разрушено перекопами прежних лет. Из костей сохранился лишь один фрагмент черепной хости (№ 4). Найдены были расположены бессистемно: спиралевидная пронизка обычного типа* (№ 1), медная цепочка* (№ 2), медные бубенчики* (№ 3), фрагмент железа* (№ 5).

Погребение 10. Трупоположение. Разрушенное (рис. 99 Б, В).

В квадрате Ж/4 в восточной половине у стенки найдены кости голени и бедра, расположенные рядом вытянуто с СЗ на ЮВ (№ 1). К З от них на расстоянии 60 см лежали фаланги пальцев ступни (№ 2) и таранная кость (№ 3). На западной границе участка найдены фрагменты тазовой хости (№ 4), кости черепа (№ 5), нижняя челюсть (№ 6), фрагмент плечевой кости (№ 7).

Сопровождающий инвентарь представлен следующими вещами: бронзовые накладки от ремня (№№ 9, 15) (рис. 99 – 1, 3, 7), бронзовая пряжка (№ 12) (рис. 99 – б), бронзовые бусины (№ 11) (рис. 99 – 2, 5), медная цепочка с овальными звенями (№ 10) (рис. 99 – 4), спиралевидная пронизка* (№ 14) обычного типа, фрагменты железа (№ 8) и тлен дерева (№ 13).

Судя по беспорядочному расположению костей и вещей, это скопление не является одним погребальным комплексом. Вероятнее всего, территория повреждена поздним перекопом.

Погребение 11. Трупоположение. Разрушенное (рис. 100).

Могильная яма выявляется очень слабо, погребение совершенно разрушено перекопом, лишь тазовые и половина бедренной кости находились в отдалении друг от друга. По расположению находок можно предположить, что погребение было ориентировано на С (аз. 360°).

Сопровождающий инвентарь. В пределах заполнения находились фрагмент глиняного сосуда, возможно, лягушки (№ 1) (рис. 100 – 7), обрывки ремня с накладками (№ 2) (рис. 100 – 1), накладки 5 видов от ремня (№ 5) (рис. 100 – 1-5). Рядом за пределами заполнения с западной стороны обнаружены накладка от ремня (№ 5), спиралевидные пронизки (№ 6), железный наконечник (№ 7) (рис. 100 – б), медный бубенчик, аналогичный изделию из погребения 2.

Погребение 12. Трупоположение (рис. 101).

Могильная яма прослеживается слабо, имеет овальную форму, размеры 300 x 100 см, вытянута по линии СЗ – ЮВ. От костяка сохранился фрагмент тазовой кости, вещи разбросаны.

Сопровождающий инвентарь. В северной части располагались: железная пряжка с хоботковидным язычком (№ 3) (рис. 101 – 8), фрагменты железа (№ 5), привеска (№ 6) (рис. 101 – 3). Чуть южнее на берестяной подкладке расчищен

литой орнаментированный серебряный колокольчик с железным язычком (№ 1) (рис. 101 – 7). Техника нанесения орнамента следующая: на колоколе вырезали резцом или высекали зубилом гнезда глубиной на 1–1,5 мм, затем вбивали в эти гнезда вставки. Рядом лежали железные удила (№ 4) (рис. 101 – 9). В южной части могильной ямы найдены фрагменты железного котла (№ 16) и 2 железных наконечника стрел (№ 8) (рис. 101 – 2, 6), кремни для высекания огня (№ 12) (рис. 101 – 5). К юго-востоку от них обнаружены фрагменты керамики (№ 15) (рис. 101 – 1), кусочки кожи от кошелька, окантованные медной пластинкой* (№ 11), спиралевидные пронизки (№ 10). Севернее расположены: заготовки костяного наконечника стрелы (№ 13) (рис. 101 – 4), медное кольцо* (№ 9), спиралевидная пронизка и неопределенной формы железный наконечник стрелы*, еще севернее – привеска в форме колокольчика (№ 6), аналогичная вышеупомянутой, черенок железного ножа* (№ 7). В южной части заметен тлен дерева, вытянутый узкой полосой.

Погребение 13. Трупоположение (рис. 102).

Могильная яма подчтывехугольной формы выявлена на глубине 60 см, ориентирована по линии ССЗ – ЮЮВ. Из костей сохранились части черепа (№ 1), ног (№ 2). Судя по расположению костей, погребенный лежал головой на ССЗ (аз. 350°).

Сопровождающий инвентарь. К югу от костей черепа лежали железный нож (№ 3) (рис. 102 – 11), спиралевидные пронизки (№ 6), фрагменты железа (№ 7), к западу от них – две подвески из клыков животного с нарезным орнаментом (№ 5) (рис. 102 – 5, 8). Южнее компактно располагались железный наконечник стрелы острием на В (№ 4) (рис. 102 – 9), в неподтвержденном состоянии украшения обуви: две умбоновидные подвески (№ 8) (рис. 102 – 10, 12), три очковидные подвески (№ 9) (рис. 102 – 1, 2), шесть целых и один обломок медных бус (№ 10) (рис. 102 – 3, 4), фрагменты цепочки (№ 11) (рис. 102 – 6).

Погребение 14. Трупосложение (рис. 103 – 106).

На фоне подзола на глубине 15 см от уровня современной дневной поверхности (-30 – 33 см от нулевой отметки) обозначились аморфные контуры бурого заполнения. На глубине 25 см заполнение приобрело прямоугольные очертания, в заполнении бурого песка стали заметны гумусные включения. Далее все глубины указываются от нулевой точки. Могила имела размеры 203 x 50 см, продольной стороной ориентирована по линии СВ – ЮЗ. На этом уровне в пределах заполнения в противоположных концах могилы у поперечных стенок выявлены два гумированных пятна. Яма А имела округлые очертания,

диаметр 20 см, глубину 7 см, заполнение состоит из гумуса с углистыми включениями. Яма Б имела круглые очертания, диаметр 25 см, глубину 5 см, заполнение аналогичное заполнению ямы А. На глубине 47–49 см заполнение обоих ям срезалось. В заполнении могилы встречались редкие включения крупных кусочков угла. На глубине 62 см около южной стенки могильной ямы обозначилась дужка котла, на глубине 68 см почти по центру могилы под слоем войлока расчищены жженые кости, фрагменты ремня (№ 16), на глубине 70–75 см были обнаружены все остальные кости и вещи. Кости и вещи у северо-западного края могилы лежали глубже на 3–5 см, чем у юго-восточного края.

Погребенный был кремирован. Кости лежали в основном компактным скоплением в центральной части могилы, образуя линзовидное заполнение длиной 125 см. В центре пятна концентрации костей более интенсивная, кости были перемешаны с отдельными вещами. Кости в основном разложены в порядке соответствующем анатомическому: читаются кости черепа, рук, позвонки, тазовые кости. Среди жженых костей фиксируются очень мелкие, возможно птицы или молодых животных. Вещи в основном следов огня не несут. Среди жженых костей иногда встречаются вскипевшие фрагменты и капли бронзы. Создается впечатление, что часть вещей все же была сожжена с покойником. Вещи разложены в порядке ношения их при жизни. По расположению вещей, можно определить, что погребенный был ориентирован на СВ (аз. 40°). Кости и вещи, расположенные рядом с погребенным, сверху закрыты войлоком. Вещи, расположенные в скоплении в изголовье, и котел в ногах погребенного покрытия не имели. Кости были завернуты в мех, возможно, меховой кафтан, опоясанный по центру ремнем. Под украшениями, особенно под обувными, сохранился слой тонкой кожи, возможно, от подстилки, под кожей сохранились фрагменты досок.

Сопровождающий инвентарь. У северо-восточной стенки могилы в изголовье погребенной на дне могильной ямы на глубине 74 см лежало скопление вещей, состоящее из трех керамических лялечек (№№ 1–3) и литейной формы из известняка (№ 4). Две лялечки целые, одна очень сильно разрушена корнями деревьев (рис. 106–4, 5). Литейная форма плохой сохранности, но по отдельным деталям видно, что она предназначалась для отливки мелких шариков. Самая крупная лялечка стояла на железном предмете, от которого сохранилось скопление ржавчины. Под дном лялечки на железном предмете лежал зуб животного. Около черепа, который определен по сохранившимся фрагментам (№ 6), на глубине 75 см найдены два височных кольца (№ 5) (рис. 104–7) и фрагменты цепочки от

головного убора (№ 7) (рис. 105–2). Височные кольца изготовлены из круглой проволоки с заходящими концами. Концы сохранились плохо, поэтому не ясно, были они отогнуты или завязаны. Цепочка состоит из звеньев различного диаметра, общая длина цепочки 134 см. Под kostями черепа заметны следы от какого-то медного украшения, разрушенного окислением. Украшение проследить не удалось, но сохранились две пронизки, одна из которых завершается литым бубенчиком (№ 6-а) (рис. 104–1). Южнее на глубине 73 см найдены фрагменты позумента (№ 8) и нагрудные украшения: на глубине 70 см круглая шумящая подвеска (№ 10) (рис. 104–2), на глубине 72 см – каплевидная подвеска (№ 11) (рис. 105–8) и подвеска, изображающая стилизованную птичку с распахнутыми крыльями (№ 11 а) (рис. 105–7), а на глубине 73 см – спиралевидное украшение (№ 11-б) (рис. 105–1). С левой стороны на глубине 69 см, остринем к стенке погребения, зафиксирован железный топор (№ 9) (рис. 106–1) с остатками деревянного топорища. Под нагрудными украшениями и kostями в этой области лежали три костяные копоушки (№ 14) (рис. 104–4). У правой стенки могилы на глубине 74 см найдены браслет (№ 12) (рис. 105–5) и фрагменты перстня (№ 13) (рис. 104–6). Почти в центре могилы располагался ремень (№ 16) с бронзовыми накладками 2-х типов, пряжкой и наконечником (рис. 105–9–12). Ремень лежал попрек могилы, охватывал кости по кругу; правый край ремня лежал на 5 см выше, чем левый (68–75 см от нулевой точки). С правой стороны вплотную к ремню на глубине 70 см примыкает пронизь с бубенчиком (№ 17) (рис. 105–6). Рядом на глубине 73 см найдены фрагмент еще одной подвески (№ 18) (рис. 104–3), сильно деформированной (создается впечатление, что она побывала в огне), и бронзовый бубенчик (№ 25), также сильно оплавившийся. Севернее пояса среди жженых костей были расчищены мелкие пронизки (№ 15). В районе пояса справа на глубине 70 см найдено скопление сильно окисленных и проржавевших железных предметов (№ 23), среди которых удалось определить ножи и железное калачевидное кресало (рис. 106–2, 3). Рядом с этим скоплением железных вещей найден небольшой фрагмент деревянной чаши (№ 24). С левой стороны под kostями на глубине 74 см найден кремень (№ 19). По центру могилы у пояса на глубине 73–75 см фиксируются очертания железного круглого предмета плохой сохранности. Предмет рассыпался, четких контуров проследить невозможно, но, судя по размерам, это был кинжал* (№26). Под железным топором на глубине 75 см в подстилке найдены медные бубенчики (№ 27) (рис. 104–5; 105–3). От обуви на глубине 74 см сохранились две обмотки из кожаных лент с накрашенными бронзовыми обоймами

(№№ 20, 21) (рис. 104–8). В ногах стоял железный клепанный котел (№ 22). Котел полностью развален, но по отдельным фрагментам видно, что он имел круглое дно и был склепан из горизонтальных полос.

Погребение 15. Ингумация (рис. 107 – 109).

Нечеткие контуры бурого песчаного заполнения на фоне более плотного темно-бурого песка стали заметными на глубине 30 см от уровня современной дневной поверхности (45 см – 48 см от нулевой точки). На глубине 45 см (60 – 63 см от нулевой точки) могильное заполнение выделилось пятном светлого, почти белого песка. Далее все глубины указываются от нулевой точки. Могильная яма имела подпрямоугольную форму со слегка скругленными углами, вытянута по линии СВ – ЮЗ, размеры 202 x 52 см. Глубже заполнение ямы почти не читалось, не считая отдельных мелких кусочков угля. Гуммированные включения стали фиксироваться непосредственно над костяком в области таза и грудной клетки. Вдоль правого края могилы найдены остатки доски. На глубине 79 см обнаружены кости черепа, на 80 – 91 см – кости рук, грудной клетки, тазовых костей. Глубина залегания костей в области коленных суставов составляла 98 см, а кости голеней и ступней были заглублены до 115 см. Несмотря на то, что заполнение могилы не было выражено, по глубине залегания костей и вещей очевидно, что в области ног (от коленных суставов) могила была вырыта глубже на 18 см.

Погребенная лежала на спине головой на СВ (аз. 45°). Череп чуть выше остальных костей и слегка повернут на левый бок лицевым сводом к Ю. Обе руки были согнуты в локтях: правая незначительно и почти вытянута, левая согнута более значительно. Кисти рук лежали на тазовых костях и опущены вниз. На тазовых костях в районе хопчика расчищены мелкие кости, которые принадлежали, по определению антропологов, недоразвитому ребенку 7 – 8 месяцев.

Над костяком в районе грудной клетки и тазовых костей сохранились фрагменты покрытия из луба, на черепе в районе скул с обеих сторон – следы ткани от головного полотенца.

Сопровождающий инвентарь. За черепом и под ним на глубине 85 см найдена бронзовая цепочка, свернутая в несколько оборотов (№ 1) (рис. 107 – 1), общая длина цепочки – 286 см. Под черепом с обеих сторон на глубине 90 см обнаружены высокие кольца (№ 2, 3) (рис. 108 – 9; 109 – 4, 5). Под правым кольцом находилось кольцо такого же диаметра выполненное из кожаного шнурка (рис. 108 – 10). В области шеи обнаружено шейное ожерелье (№ 4), которое состояло из двух монетовидных подвесок (рис. 109 – 6), пронизок из бронзовой проволоки,

колоколовидной подвески (рис. 109 – 8) и перстня с латчатаими привесками, привязанного на кожаном шнурке (рис. 109 – 7). На груди найдена kostянка пронизка (№ 5) (рис. 109 – 14), вероятно, она входила в состав этого же ожерелья. На груди на глубине 90 см обнаружены также 2 kostянные копоушки с геометрическим орнаментом (№ 6) (рис. 108 – 2, 4) и круглая подвеска (№ 7) (рис. 109 – 3). На запястьях обеих рук надето по четыре браслета (№ 8, 9): по 2 граненых с орнаментом (рис. 109 – 11, 12) и по два витых (рис. 109 – 7, 13). На пальцах правой руки – два перстня (№ 10) (рис. 109 – 2), на пальцах левой руки – 1 перстень (№ 11) (рис. 109 – 10). В области тазовых костей находился ремень с бронзовыми накладками (№ 16) (рис. 109 – 15). Ремень был расстегнут, на тазовых костях на глубине 85 см зафиксировано лишь несколько накладок, основная часть ремня находилась под тазовыми костями на глубине 91 см и очень плохо сохранилась. Слева у бедра на глубине 90 см обнаружены фрагменты железных изделий очень плохой сохранности, среди которых возможно восстановить фрагменты ножа* и, вероятно, кресала, рядом лежал кремень (№ 15).

В изголовье обнаружено скопление вещей: на глубине 85 см расчищена круглая подвеска из кожи с тисненным орнаментом (№ 12) (рис. 108 – 8) и пряслице из известняка (№ 13) (рис. 108 – 3), чуть глубже на глубине 90 см – несколько сильно окислившихся железных предметов, среди которых можно определить два шила и нож (№ 14, 14-а). От шилей сохранились две kostянные рукоятки с нарезным орнаментом (рис. 108 – 1, 5), а от ножа – фрагмент рукояти с обмоткой*. Под кожаной подвеской на глубине 90 см лежали 2 бронзовых бубенчика из двух половинок (№ 19, 23) (рис. 109 – 9), бусина (№ 20), пронизок (№ 21) и kostянное навершие от очень миниатюрного шила (№ 22) (рис. 108 – 7). Все вещи в изголовье погребенной, за исключением пряслица, лежали на подстилке из луба с четко выраженными обработанными краями. Возможно, был специальный туесок для вещей.

В ногах погребенной в правом углу могилы на глубине 91 см обнаружен обух топора, лезвие топора было окущено вниз, вероятно топор был воткнут в землю (№ 17) (рис. 108 – 6). В углу на глубине 94 см был расчищен край котла, котел лежал на боку, прислоненный к стенке (№ 18). Сохранность металла плохая, но видно, что котел имел круглое дно и был склепан из полос.

Жертвенный комплекс № 2 (рис. 110 – 111).

На глубине 62 – 64 см от нулевой точки расчищены контуры железной ручки и венчика от бронзового котла (№ 4) (рис. 111 – 2, 3) и две льячки (№ 1, 1а) (рис. 110 – 1, 2). Льячки лежали рядом на боку, ковшичками в противоположные стороны и повернуты друг к другу полой час-

тью ковшей. Внутри бронзового котла стояла деревянная чаша (№ 3) (рис. 110 – 3). Напротив лячек за котлом на глубине 67 см найдена литейная форма, плотно завернутая в бересту (№ 2). Литейная форма со всех четырех поверхностей имела литники и каналы для металла (рис. 111 – 1). Внутри чаши были расчищены фрагменты кожаных ремешков (№ 5), фрагменты ткани и большое количество тлена от металла, рассыпавшегося в порошок. Вероятнее всего, на одежду были нашиты украшения, или на одежде была вышивка проволокой. Отдельные фрагменты удалось фотографировать при расчистке. Среди фрагментов ткани выделяются два плотных мешочка, тую связанные у основания (рис. 111 – 6). Ткань, кожа были свернуты в тугой узел и положены в котел. На глубине 70 см при разборке ткани были найдены две kostяных копоушки с нарезным геометрическим орнаментом (№ 6) (рис. 111 – 4, 5). Дно котелка зафиксировано на глубине 89 см. Котел стоял в берестяном туесе, имеющем дно из деревянных досок (№ 7). Под дном туеса обнаружены пруты от дерева (№ 9), на которых он стоял.

Отдельные находки.

В квадрате В/2 на глубине 30 см обнаружен железный котел, лежащий вверх дном. Котел с плоской ручкой склеян из нескольких листов железа (рис. 93 – 6). Под котлом на глубине 45 – 65 см найдены следующие вещи: деревянный короб с диаметром дна в 30 см и высотой 15 – 17 см, в свернутом виде шерстяная одежда и один восьмигранный браслет со щляпками на несомкнутых концах и кружковым орнаментом по 3 внешним граням*. Сверху одежда и браслет были накрыты деревянной чашей (табл. 93 – 5). Короб был стянут в два ряда ремнем с пластинчатыми штампованными серебряными наклад-

ками и кольцами, через которые был продет тонкий ремешок (рис. 112 – 21). Данное скопление вещей является, очевидно, жертвенным комплексом.

На вскрытой площади могильника найдено также большое количество металлических находок от пояса и бубенчиков (рис. 112), пронизок, цепочек и несколько железных вещей (рис. 113). Закономерности в их расположении нет, они не связаны с конкретными погребениями, а, по всей видимости, происходят из разрушенных кладоискателями могил.

В квадрате Г/7 выявлена яма (яма № 1)* с остатками угля и золы без находок размером 80 x 60 см, глубиной 20 – 150 см, в профиле яма суживается вглубь.

На участке 2 траншеи II прослежена большая яма № 2, заполненная золой. Слой золы в яме имеет мощность 69 см, профиль ямы конусовидный, очертание овальное с С на Ю. Размер заполнения 110 x 70 см, площадь обожженного песка вокруг ямы 250 x 190 см. Найдок нет.

На участке 5 траншеи II находилась большая костриница яма № 3. На глубине 45 см обнаружены следы прокаленного песка размером 210 x 200 см. Прокаленность прослеживается до глубины 140 см, постепенно суживаясь вглубь. В центре ямы на глубине 90 – 130 см находились два зольных пятна, (размером в диаметре 50 см каждое), расположенные на расстоянии 30 см друг от друга. Между ними прослеживались углистые остатки. Возможно, эта костриница яма связана с ритуальным обрядом.

Ямы № 4, 5 имели углистое заполнение без находок, иной информации о ямах не сохранилось.

§ 3. ЮМСКИЙ (ЗАГРЕБИНСКИЙ) МОГИЛЬНИК

Могильник расположен в 3,5 км к ЮВ от д. Загребино и в 2 км к Ю от д. Холмы Юмской администрации Свечинского района Кировской области на левом берегу р. Юмы (рис. 114). Поверхность могильника, как и окружающая местность, покрыта редким мелколесьем и крупным сосновым лесом. В 50 – 60 м к востоку от площадки могильника начинается обширное моховое болото, лежащее примерно на 1,5 – 2,0 м ниже площадки могильника. Вскрыта площадь 494 кв.м, на которой обнаружены 9 погребений (рис. 115).

Погребение 1. Трупоположение. Разрушенное.

Могильная яма, ориентированная в направлении ССЗ – ЮЮВ, шириной 53 см и глубиной до 60 см, сохранилась лишь на длину около 70 см. Остальная часть уничтожена размывом бере-

га. Кроме того, яма испорчена частично корнями деревьев. В заполнении ямы обнаружены небольшое количество жженых костей, мелкие фрагменты сосудов и две медные подвески с колечками*.

Погребение 2. Трупоположение (рис. 116 – 118).

Могильная яма размером 240 x 80 см, глубиной 55 см вытянута по линии ССВ – ЮЮЗ.

В северной стороне ямы обнаружены слабые следы тлена, по которым можно судить, что умерший был положен головой к СЗ (аз. 337°). В момент захоронения на умершем находились следующие вещи: две серебряные серьги (№ 1)

* В отчете номера им отсутствуют, даны автором для более четкого изложения материала. Сохранились только письменные зарисовки ямы 2.

(рис. 117 – 2), три серебряных перстня (№ 2) (рис. 117 – 5), кожаная обувь, украшенная медными спиральками и цепочками* (№ 3).

Все остальные вещи были сложены сверху. Сохранились кое-где остатки небольших кусков меха, вероятно, от одежды. Но определить, был ли одет в нее умерший или завернуты вещи, не удалось*. В северной части погребения обнаружены небольшой точильный бруск (№ 4) (рис. 118 – 7), наконечники стрел со следами древков (№ 5), из них одиннадцать ромбических (рис. 118 – 2), четыре втульчатых (рис. 118 – 3, 4) и два четырехгранных (рис. 118 – 5). В центральной части лежали: сложенный втрое вдоль могильной ямы кожаный ремень (№ 6) хорошей сохранности с пряжкой, наконечником и накладками (рис. 117 – 1, 4, 6, 7), два медных шарика, привязанные к ремешкам с нанизанными спиральными пронизками (№ 7) (рис. 117 – 3), железная пряжка (№ 8) (рис. 117 – 8), железный нож со следами деревянных ножен (№ 9) (рис. 117 – 9), железный нож с kostяной рукояткой (№ 10) (рис. 117 – 10), деревянные ножны, обтянутые кожей и тонкими листочками серебра (№ 11) (рис. 117 – 11), обрывки какого-то кожаного футляра с тонкими серебряными накладками*. Кожаная сумочка (№ 12) (рис. 117 – 12) лежала под перечисленными выше вещами, рядом находились стеклянная с посеребрением бусина* (№ 13), железный втульчатый топор (№ 14) (рис. 118 – 1), железное шило с kostяной рукоятью и с медной бусиной на острие (№ 15) (рис. 118 – 6), кусок кремня для высекания огня (№ 16), бедренная кость лошади (№ 17), на которой сохранились куски кожи, свидетельствующие о том, что был положен кусок мяса. В южной половине обнаружены железный проушной топор (№ 18) (рис. 118 – 8), железный клепаный котел диаметром 27 см (№ 19) (рис. 116 – 1).

Погребение 3. Кенотаф.

Могильная яма прямоугольных очертаний размером 205 x 75 см и глубиной 40 см ориентирована почти в направлении С – Ю. Дно плоское. Следов kostяка и вещей не обнаружено.

Погребение 4. Кенотаф или жертвенный комплекс (?) (рис. 119 – 120).

Очертания могильной ямы прослеживаются лишь в северной стороне: ширина – 70 см, глубина – 50 см. В длину контуры прослежены на 50 см. В яме не обнаружено остатков kostяка. В северо-западном углу находилось беспорядочное скопление вещей. Здесь же около медных вещей сохранились остатки меха и ткани.

Сопровождающий инвентарь: железный топор (№ 1) (рис. 119 – 5), медная пряжка (№ 2) (рис. 120 – 3), медная спиральная пронизка (№ 3), три пары трубчатых подвесок, соединен-

ных попарно (№ 4) (рис. 120 – 13), кожаный ремень хорошей сохранности, свернутый в кольцо (№ 5) (рис. 120 – 1, 2, 3, 5, 6, 18). Несколько бляшек от ремня лежали в стороне. К ремню привешивался кюшелех (рис. 120 – 12). Сохранились большие куски кожи и украшения от обуви: в области носков вдоль края нашиты четыре ряда медных пронизок, сбоку пришивались подвески (№ 6)*, рядом три петельчатые подвески (№ 9) (рис. 120 – 11), умбоновидная подвеска (№ 10) (рис. 120 – 10), умбоновидная бляшка (№ 11) (рис. 120 – 8), два набора медных бус, нанизанных на кожаные ремешки (№ 12) (рис. 120 – 9). В скоплении вещей обнаружены также две kostяные бляхи с отверстиями (№ 7) (рис. 120 – 7), kostяной наконечник стрелы с железным черенком (№ 8) (рис. 119 – 1 скорее, шило), медная спиралька с подвеской в виде полого шарика (№ 13) (рис. 120 – 15), подвеска в форме бутылочки (№ 14) (рис. 120 – 4), два набора спаренных подвесок на цепочках (№ 15) (рис. 120 – 14), кресало с бронзовым навершием (№ 16) (рис. 119 – 4). Среди инвентаря различаются две медные цепочки (№ 17, 18). Одна из них имеет длину 75 см из обычных овальных звеньев и на конце пустые шарики (рис. 120 – 14). К одиннадцатому звену каждого конца прикреплены концы цепочки составленной из в-образных звеньев. Длина ее 43 см. В развернутом виде цепочки образуют дугу с поперечной распоркой. Вторая цепочка длиной 162 см состоит из обычных овальных звеньев. Цепочка соединена круговую. Кроме того, найдены 7 литых бубеников, одна подвеска в виде шарика (№ 19) (рис. 120 – 16, 17) и железный нож (№ 20) (рис. 119 – 2).

Погребение 5. Трупоположение (рис. 121 – 123).

Могильная яма размером 280 x 72 см углублена на 75 см. Костяк очень плохой сохранности лежал вытянуто на спине головой на ССЗ (аз. 350°). Руки были согнуты в локтях и сложены на таз. Под плечевыми kostями и в некоторых других местах сохранились небольшие куски дерева от гробовицы (?). Под медными вещами в области груди обнаружены куски меха и ткани от одежды. Расположение украшений и принадлежности костюма соответствуют в основном назначению, которое они выполняли в костюме в процессе ношения при жизни.

Сопровождающий инвентарь. На шее была надета серебряная гривна (№ 1) (рис. 122 – 8), справа от черепа обнаружена серебряная серьга (№ 2) (рис. 122 – 5). В районе пояса сверху погребенного расчищен ремень с четырьмя кольцами, скреплявшими ремни, накладками, пряжками (№ 4) (рис. 123 – 1, 3-7), на правой руке – четыре медных браслета (№ 5), на левой – один (№ 5a). Среди браслетов один пластинчатый

* Дальнейшее описание не совпадает с текстом отчета, сделано по чертежам и полевым записям.

(рис. 122 – 11), два четырехгранных с орнаментом (рис. 122 – 12), один четырехгранный без орнамента (рис. 122 – 10), один с завязанными концами (рис. 122 – 9). В районе кистей рук обнаружены два серебряных перстня плохой сохранности (№ 6), один с кружковым орнаментом (рис. 122 – 1), второй – с прочерченным*, слева у пояса – медная литая подвеска (№ 7) (рис. 122 – 6), ближе к ступням ног – четыре медные подвески в виде соединенных попарно полушарий (№ 8) (рис. 122 – 4), слева от костяка – костяная расческа (№ 9) (рис. 122 – 7), кожаная сумочка с сотовым орнаментом (№ 10), аналогичная сумочка из погребения 2. Справа в ногах лежали железные наконечники стрел (№ 11) и железный проушный топор (№ 12) (рис. 121 – 3). Три наконечника находились у южной стенки совместно с железным котлом. Наконечники представлены: с плоскоромбическим пером – 13 экз. (рис. 123 – 10), с шипами – 4 экз. (рис. 123 – 8, 9, 13), цилиндрические – 3 экз. (рис. 123 – 11), листовидный – 1 экз. (рис. 123 – 12). Южнее располагались три очковидные (№ 13) (рис. 122 – 2), одна умбоновидная (№ 14) (рис. 122 – 3) подвески, железное шило с костяной рукоятью и медной бусиной на острие (№ 15) (рис. 121 – 1), железный клепаный котел диаметром 26 см (№ 16)*, железный скобель (№ 17) (рис. 123 – 14), железный стержень (№ 18) (рис. 123 – 15), фрагмент сосуда. В коллекционной описи отмечено, что керамика без орнамента.

** В тексте отчета под № 3 обозначена железная пряжка, а на чертеже под № 3 – вости скелета; пряжка в коллекционной описи не значится. В тексте отчета под № 19 обозначен фрагмент сосуда, а на чертеже медная пряжка (рис. 123 – 2). В коллекции имеются фрагменты сосуда с шамотом.

Погребение 6. Трупосожжение (рис. 124 – 125).

Контуры могильной ямы не прослежены. На глубине 45 см находилось скопление жженых костей, вытянутое в направлении С – Ю. Размеры этого скопления 120 x 36 см и толщиной в отдельных местах до 5–7 см. Среди них и над ними в беспорядке лежали вещи.

Сопровождающий инвентарь. В погребении найдены три медных браслета (№ 1) (рис. 125 – 9–11): 1 у северной стенки, два южнее ближе к нагрудным украшениям; медная пружка (№ 1а) (рис. 124 – 3), серебряный перстень (№ 3) (рис. 125 – 1), кресало с медной рукояткой (№ 4) (рис. 124 – 4). В центре заполнения обнаружены фрагменты нагрудного украшения (№ 5–11), состоящего из медных спиралек и бус, надетых на кожаные ремешки, к концам которых привязаны шумящие подвески. В состав набора входили две подвески из бубенчиков (рис. 125 – 4, 7), три шумящие подвески с

лапками (рис. 125 – 2, 5, 6) и конусовидная подвеска (рис. 125 – 8). В состав этого же набора входила медная копоушка (№ 2) (рис. 125 – 3).

Рядом с нагрудным украшением обнаружена медная цепочка, составленная из овальных и круглых звеньев, скрученных из проволоки в три оборота (№ 12). Часть цепочки сплавилась, очевидно, от пребывания в огне. Такая же цепочка располагалась в северной части рядом с браслетом. В южной части заполнения обнаружены крупные куски кожи от обуви (№ 13), из которых нашиты спиральные пронизки по четыре ряда и у пяток по пять медных бусин, нанизанных на ремешки (рис. 124 – 6). В северной части обнаружены остатки ножен (№ 14) (рис. 124 – 7) из дерева с серебряной обкладкой и медной пряжкой, неподалеку – два железных ножа со следами деревянных рукояток (№ 15, 16) (рис. 124 – 1, 2). В центральной части с правой стороны лежала железное шило, испорченное ржавчиной* (№ 17), кусок кремния (№ 18), точильный брускок (№ 19) (рис. 124 – 5). Анализируя инвентарь, можно сказать, что украшения (за исключением браслета) лежали в поряdkе ношения при жизни, а погребенный был ориентирован головой на СЗ (аз. 335°). Один из браслетов, нож и кресало располагались в изголовье.

Погребение 7. Трупосожжение (рис. 126 – 128).

Очертания могильной ямы прослеживаются очень плохо. На глубине 45 см зафиксирована большая масса жженых костей, вытянутая в направлении С – Ю. Наибольшее количество костей находится у южного конца, в середине этого скопления можно было различить крупный фрагмент черепной кости. У северного края скопления костей лежала куча вещей, завернутая в мех (очевидно, в какую-то одежду) и обвязанная сверху кожаным ремнем. Остальные вещи были уложены отдельно.

Сопровождающий инвентарь: в южной стороне обнаружены серебряная гривна (№ 1) (рис. 127 – 8), семь кожаных ремешков (№ 2) и одно височное кольцо (№ 4) (рис. 127 – 5). К концам ремешков привязаны подвески: лалчательные – 3 экз. (рис. 126 – 5, 6), бутыльчатые – 2 экз. (рис. 126 – 4), конусовидные – 1 экз. (рис. 126 – 7), бубенчики из двух полушарий на цепочках – 1 экз. (рис. 126 – 9). Внутри одной пары полушарий подвесок находился кусок березовой смолы /ваты/, употреблявшийся для жевания, что хорошо видно по характерным желобкам и вмятинам на поверхности. Второе височное кольцо лежало севернее (№ 4) рядом с височной цепочкой, уложенной кольцом (№ 5). Длина цепочки 175 см, она составлена из обычных овальных звеньев и 55 см из круглых звень-

* Текст описания не совсем совпадает с текстом отчета, а составлен по чертежам и полевым записям.

ев, свитых в три оборота (рис. 127 – 1).

Почти по центру лежал железный топор (№ 3) (рис. 128 – 3).

Вещи в северной половине были завернуты в мех и связаны кожаным ремнем с накладками и пряжками (№ 6, 12) (рис. 127 – 10–14; 16, 17), около ремня – ножны деревянные с серебряной обкладкой (№ 7) (рис. 128 – 1), неподалеку – две серебряные серьги (№ 8), вторая пара серебряных сережек меньшего размера, от одной из них сохранилось только кольцо (рис. 127 – 2,7). В северной части найдены также остатки кожаной обуви, украшенной спереди медными спиральками, сбоку медными накладками-петлями и сзади у одной – бляшкой со спиралькой и дужкой (№ 9) (рис. 126 – 3,8,10,11). Внутри обувь выстилана берестой (№ 19). Около пояса также находился железный штырь (?) в форме гвоздя в деревянных ножнах с медной обкладкой (№ 10) (рис. 128 – 2), кожаная сумочка (№ 11) (рис. 127 – 15), нагрудный набор из четырех кожаных ремешков, на которые нанизаны медные спиральки, костяные коночки, краснопастовые бусы и на концах три подвески в форме конуса, бутылочек и зуб (клык) какого-то небольшого хищника (№ 15) (рис. 126 – 1). Между топором и ремнем лежали железные наконечники стрел с остатками древков (№ 14) (рис. 128 – 4–9), семь из них плоско - ромбические, один трехлопастный и один четырехгранный, два мотка серебряной тонкой проволоки диаметром 0,2–0,3 мм (№ 13), пряжка медная (№ 16) (рис. 127 – 14), кусок кремня (№ 17), трехцветные шерстяные обрывки поясков (средняя полоска темная) (№ 18).

В коллекционной описи вместе с жжеными костями упомянуты фрагменты ошлакованных сосудов, в отчете о них информации нет. В коллекционной описи и в коллекции числятся фрагменты пластинки, покожей на музикальный инструмент «варган» (рис. 128 – 10).

Погребение 8. Жертвенный комплекс (рис. 129).

На глубине 35 см от поверхности было обнаружено скопление вещей. Следов ямы и остатков костяка или жженых костей не обнаружено. Однако это можно объяснить тем, что почва вокруг сильно попорчена корнями.

Вещи, очевидно, были завернуты в какую-то меховую одежду, куски которой сохранились под медными предметами. Здесь же был поставлен берестяной сосуд-тусесок, от которого сохранились куски днища (№ 8).

Инвентарь представлен двумя перстнями из медной проволоки (№ 1) (рис. 129 – 3): один в четыре витка из проволоки диаметром 2 мм, другой в 5 витков из проволоки диаметром в 1,6 мм, тремя медными браслетами (№ 2–4) (рис. 129 – 6–8), арочной подвеской (№ 5) (рис. 129 – 5), двумя височными кольцами из серебра плохого качества

(№ 6) (рис. 129 – 2), украшениями из ремешков с пронизками и подвесками (№ 7) (рис. 129 – 4), шумящей подвеской (№ 10) (рис. 129 – 1).

Погребение 9. Кремация. Разрушенное.

Могильная яма прямоугольных очертаний шириной 90 см имела глубину 60 см. Длину проследить полностью не удалось. Яма заполнена пестроцветным песком, перемешанным с жжеными косточками, кусочками угля и фрагментами сосудов с примесью шамота. Здесь же найдены обломки двух глиняных льячек (рис. 130 – 19,20).

На территории могильника обнаружено также несколько ям различного назначения: остатки старых перекопов, столбовых ям эпохи функционирования могильника и т.д. В раскопе 1 на уч. В,г/3–4 находилось большое кострище № 1. Над кострищем на глубине 30 см находился глиняный сосуд, перевернутый вверх дном. На глубине 40 см обнаружены следы красного прокала в виде овального пятна размером 300 x 250 см. Прокаленность прослеживается до глубины 110 см. В центре кострища на глубине 65 – 110 см выявлено скопление углей в восьмеркообразном углублении размером у верхнего края 210 x 100. Большие размеры кострища и мощный слой прокаленности свидетельствуют о разведении огромного костра. Несомненно, что кострище связано с погребальным обрядом и использовалось для кремации умершего или при какой-то трауре в честь умерших.

На уч. 6/3 сразу под дерновым слоем обнаружены три железных котла, два из которых лежали перевернутыми вверх дном. Близкое нахождение их у погребений 6 и 7 предполагает связь с этими могилами. С северной стороны могильной ямы 7 на глубине 20 – 30 см были воткнуты железное копье и втульчатый топор.

На уч. в/5 под дерновым слоем на глубине 10 см найдены три железных наконечника копий и на уч. г/5 на глубине 15 см – серебряная грива на глазовского типа.

В 2008 году проведен визуальный осмотр памятника. Поверхность могильника повреждена новыми кладоискательскими вкопами. Около одной ямы найдены выброшенные мелкие украшения и обломки железного котла (рис. 130 – 1–18).

§ 4. МОГИЛЬНИК «НИЖНЯЯ СТРЕЛКА»

Могильник расположен в 7 км к ЮЗ от д. Почкинок, в 200 м к ВСВ от речки Чернушки, левого притока реки Дорогучи на юго-восточном склоне песчаной дюны, вытянутой по линии С – Ю (рис. 131). Поверхность сильно повреждена раскорчевкой леса при подготовке ложа Чебоксарского водохранилища. Южная часть и склоны заросли новой редкой посадкой сосны. Верхние слои на поверхности могильника потревожены, а иногда просто уничтожены, поэтому не всегда удается проследить первоначальные контуры могильных ям. Очевидно, земляными работами были разрушены наиболее мелкие захоронения, так как в современном слое дерна найдены отдельные вещи. Поскольку корчевка и последующая разработка поверхности производились бульдозерами, то часть вещей имела трещины и была раздавлена, особенно в наиболее мелких могилах.

На памятнике изучена площадь 660 кв.м., на которой располагались 40 погребений и 13 жертвенных комплексов, несколько столбовых и костровых ям. Могилами заняты восточная и юго-восточная часть дюны. Погребения располагались неровными рядами или группами захоронений (рис. 132). Заполнение могильных ям обычно слабогуммированное при трупоположении или слабозольное при трупосожжении, и не выразительно на фоне светло-серого песка. Ближе к костям или ко дну могильное заполнение становится более насыщенным.

Погребение 1. Кенотаф (рис. 133).

Очертания могильной ямы удалось зафиксировать на уровне вещей на глубине 40 см. Она имела подпрямоугольную форму и размеры 93 х 52 см, вытянута по линии СЗ – ЮВ. Кости не обнаружены, следов трупосожжения также не прослежено. Вещи располагались компактно в юго-восточном углу могилы в берестяном туеске.

Сопровождающий инвентарь. В туесок была поставлена сумка из шерсти или шкуры (или остатки меховой одежды), в которую были помещены следующие украшения: головная цепочка, от которой сохранилось 70 звеньев различных размеров (№ 1) (рис. 133 – 4-6), серебряная гривна (№ 2) (рис. 133 – 1/2), три бронзовых браслета (№ 3) (рис. 133 – 3,7), перстень (№ 4) (рис. 133 – 9), две бронзовые коньковые подвески (№ 5) (рис. 133 – 10), фрагменты кожаного ремня (№ 6) с накладками из тонкой серебряной фольги очень плохой сохранности (рис. 133 – 1) и пряжкой из тонкой бронзовой проволоки (рис. 133 – 11). Под туеском сохранились кусочки луба. У северо-западной стенки могилы стоял бронзовый клепанный котел из листовой меди с железной ручкой*.

Погребение 2 и 2-а. Парное: трупоположение, трупосожжение (рис. 134 – 135).

Очертания могильной ямы подпрямоугольной формы с закругленными углами выявился на глубине 25 см от уровня современной дневной поверхности. Могильное заполнение выделяется на фоне светло-желтого песка слабым светло-серым цветом, проявилось сразу под слоем подзола. Заполнение имело размеры 210 х 70 см. В засыпи встречены фрагменты железной пряжки, красная пастовая бусина* (рис. 291 – 22), бронзовый литой бубенчик (рис. 135 – 10), крупные куски угля. Могильное заполнение завершилось на глубине 50 см.

Кости и вещи обнаружены на глубине 40–45 см.

Кости плохой сохранности: обнаружены лишь фрагменты черепа и крупные трубчатые кости. Погребенный лежал в вытянутом положении, головой к СЗ (аз. 330°), левая рука согнута в локте, кости правой не сохранились.

Сопровождающий инвентарь. С обеих сторон от черепа в районе висков найдены две бронзовые серьги – височные кольца (№ 1) в форме несомкнутого кольца плохой сохранности, в районе локтевого сгиба правой руки – 9 железных наконечников стрел (№ 2): один втульчатый подтреугольной формы с подромбическим сечением (рис. 135 – 3), 8 черешковых с плоским сечением пира треугольной формы (рис. 135 – 2, 4, 5). Рядом с наконечниками стрел лежал железный втульчатый топор (№ 3) (рис. 135 – 6). Вдоль лучевой кости левой руки располагался железный нож с деревянной рукояткой (№ 4) (рис. 135 – 7). Рукоятка обмотана несколькими рядами серебряной проволоки*. В области тазовых костей обнаружены фрагменты ремня с пряжкой (№ 5) (рис. 135 – 7) и фрагменты кожаного кошелька (№ 5а) (рис. 134 – 3), содержащего кресало с бронзовым навершием (рис. 134 – 2), три кремешка (№ 10), спираль из бронзовой плоской проволоки (рис. 135 – 8), несколько звеньев крупной медной цепочки (рис. 135 – 9), пять бронзовых литых бубенчиков (рис. 135 – 10, 11). У коленно-головного сустава правой ноги – большое точило (№ 6)*.

В ногах обнаружено трупосожжение с женскими украшениями, которое будет рассматриваться как самостоятельное погребение.

Погребение 2-а. Трупосожжение.

В могильной яме погребения № 2 в ногах умершего найдено скопление женских костей с набором женских украшений: два серебряных височных кольца (№ 7) (рис. 135 – 12), три медные спирали из плоской проволоки (№ 8), аналогичные вышеописанным, один литой бронзовый бубенчик (рис. 135 – 11), железная гризина с уплощенными концами во фрагментах (№ 11).

Погребение 3. Кенотаф (рис. 136).

Очертания могильной ямы подпрямоугольной формы с округленными углами выявлены на глубине 30 см от уровня современной поверхности и ориентированы по линии СЗ – ЮВ. Заполнение слабозольное светло-серого цвета имело размеры 121 x 40 см. На глубине 50 см светло-серое заполнение становится незаметным, а в центре могилы обозначается темное пятно окружной формы диаметром 25 см с интенсивным гуммированным заполнением. При расчистке этого пятна обнаружены следующие вещи: бронзовая гривна (№ 1) (рис. 136 – 16), костяные пронизки (№ 2) (рис. 136 – 7, 10), спиральные бронзовые пронизки (№ 3), бронзовые бубенчики двух типов (№ 4, 10) (рис. 136 – 13, 14), две пряжки (№ 5) (рис. 136 – 1, 12), 4 бронзовых браслета (№ 6) (рис. 136 – 3, 6, 9, 15), бронзовая подвеска в виде перстня с привесками (№ 7) (рис. 136 – 5), колоушка (№ 8) (рис. 136 – 11), два щитковых бронзовых перстия (№ 9) (рис. 136 – 2, 8), железный нож плоской сохранности (№ 11). Среди скопления вещей встречаются кусочки кожи от ремня с накладками из тонкой серебряной фольги очень плохой сохранности (рис. 136 – 4). Вещи лежали компактно внутри окружности гривны. В остальной части могилы ни костей, ни вещей не обнаружено. Гуммированное заполнение завершилось на глубине 55 см.

Погребение 4. Трупоположение (рис. 137 – 139).

Под слоем дерна на глубине 15 – 20 см проявились контуры могильной ямы подпрямоугольных очертаний размерами 128 x 63 см, железный котел (№ 14) (рис. 139 – 4-6) и глиняный сосуд (№ 12) (рис. 137 – 3). Глиняный сосуд стоял в северной части могилы, очевидно, в головах погребенного, а железный – в южной, в ногах. Оба сосуда стояли вверх дном. Сосуд изготовлен из глины с органической примесью. Железный котел склепан из тонких железных листов. В засыпи из головье погребенного найден бронзовый витой браслет (рис. 138 – 1). Ниже сосудов примерно на глубине 30 см расчищены остальные вещи и кости. Сохранность костей плохая, сохранились лишь зубы и фрагменты ребер. Костяк лежал, очевидно, головой к ССЗ (аз. 350°).

Сопровождающий инвентарь. В районе головы найдены 2 височных кольца (№ 1) (рис. 138 – 6), бронзовая гривна (№ 2) (рис. 139 – 3), шейное ожерелье (№ 4) из бубенчиков (рис. 138 – 7), костей хищников (рис. 138 – 11), бронзовых проволочных подвесок (рис. 138 – 9, 10) и пронизок, дирхемов. Ближе к груди располагались бронзовые браслеты (№ 6, 7): два аналогичны браслетам в засыпи (рис. 138 – 1), один бронзовый браслет из граненого дрота (рис. 139 – 1) и один из четырехгранных дрота (рис. 139 – 2). Рядом с браслетами положен ремень с бронзо-

выми накладками (№ 5) (рис. 138 – 12 – 14), с правой стороны – шумящая бронзовая подвеска (№ 8) (рис. 138 – 5), обломки двух железных предметов* (№№ 9, 10), железный нож плоской сохранности (№ 11). В центре могилы найдены два наконечника стрелы (№ 13) (рис. 137 – 1, 2).

Погребение 5. Трупоположение (рис. 140 – 143).

На глубине 20 см под слоем дерна обнаружены фрагменты сосуда из глины с примесью шамота. Венчик волнистый. По шейке сосуда и плечикам имеется орнамент из нескольких рядов оттисков шкура и ряда подковок из этого же штампа (рис. 140 – 2).

Сосуд, очевидно, следует связывать с погребением, так как сразу под ним на глубине 25 см от уровня современной дневной поверхности удалось зафиксировать очертания могильной ямы подпрямоугольной формы со скругленными углами размерами 120 x 50 см. Могильное заполнение продолжалось до глубины 65 см. В засыпи могильной ямы у западной стенки могилы обнаружены три дирхема, 4 бубенчика (рис. 143 – 2), подвеска (рис. 143 – 25), бронзовый пластиничатый браслет (рис. 141 – 16), бронзовая гривна (или височное кольцо) (рис. 143 – 4), проущий железный топор (рис. 140 – 4), фиолетовые бусы прямоугольной формы (рис. 142 – 10; 291 – 14).

Костяк лежал на глубине 60 см в вытянутом положении, головой к ССЗ (аз. 290°). Череп повернут влево. Обе руки слегка согнуты в локтях. Сохранность костяка плохая.

Под погребенным сохранились следы досок, досками костяк был закрыт сверху.

Сопровождающий инвентарь. На шее находилось богатое ожерелье из медных спиралей – пронизок, мелких бус с золоченой и серебреной прокладкой (рис. 142 – 11; 291 – 15-17), ребристых (рис. 142 – 8; 291 – 3), глазчатых бус (рис. 291 – 4-6), скорлупок орехов и бубенчиков с крестообразной прорезью (№ 1) (рис. 142 – 1-5; 143 – 10) от ожерелья. Это ожерелье спереди спускалось на грудь и соединялось с нагрудным украшением из бронзовых уточек (рис. 143 – 2), глазчатых бус, серых и голубых ребристых (рис. 291 – 1-3), полосатых (рис. 291 – 7-13), медных пронизок, накладок и бубенчиков (рис. 142 – 7, 10, 15). Над черепом обнаружены 249 звеньев цепочки из бронзовых колечек от головного убора (№ 1а) (рис. 142 – 3) и 5 височных колец из круглой тонкой бронзовой проволоки (рис. 143 – 11, 14, 16). На груди также обнаружена бронзовая спильгама с железным язычком (№ 3) (рис. 142 – 13). На запястьях обеих рук надеты браслеты (№ 2). Общее их количество – 8 экз., все изготовлены из бронзы, но различаются по сечению проволоки (рис. 142 – 6, 12; 141 – 6, 7, 13, 15, 17, 18). На пальцах рук располагались перстни (№ 4): один из круглой проволоки

(рис. 141 – 12), один из крученої проволоки (рис. 141 – 11), один спиральний из серебряной проволоки (рис. 141 – 1), два щитковидных (рис. 141 – 4, 10), один бронзовый из толстого пластинчатого дрота лежал в стороне (№ 5) (рис. 141 – 2). В области пояса зафиксирован ремень с бронзовыми накладками и пряжкой (№ 9) (рис. 143 – 17-20, 22, 23), справа от таза – умбоновидная подвеска с лапчатыми привесками и остатками шерстяного шнурка (№ 6) (рис. 142 – 14). Справа от костяка найдено скопление вещей: бусы прямоугольные (рис. 142 – 1; 291 – 14), фрагмент костяной копоушки с нарезным орнаментом (№ 7) (рис. 142 – 16), железный нож с остатками костяной рукоятки*, кремень, камень (№ 8) (рис. 141 – 19). Все это, вероятно, было помещено в кошелек, который не сохранился. Фрагменты еще одного кошелька обнаружены под тазовыми kostями. Кошелек содержал железное кресало (рис. 140 – 7) и кремень. Еще одно скопление вещей было зафиксировано в ногах погребенного в восточном углу могилы: железный топор (№ 10) (рис. 140 – 3), под № 11 – сланцевое точило, под ним – обломок подвески под дирхем с железным штырьком для подвешивания очень плохой сохранности, под № 12 – железный наконечник стрелы (рис. 141 – 14), медное кольцо (рис. 143 – 15), медный бубенчик (рис. 143 – 21), под № 13 – костяная рукоятка от шила (рис. 142 – 19), два белемнита (рис. 141 – 19). Здесь же находились глиняная лягушка (№ 14) (рис. 142 – 18), песчаник со следами орнамента, вероятно, литейная форма (рис. 142 – 17). Под лягушкой – следы нескольких свинцовых (?) накладок, очень плохой сохранности (рис. 143 – 12, 24), рядом – кремни и обломки неопределенного железного предмета (№ 15). Вещи, очевидно, были положены в берестяной туесок, от которого сохранились фрагменты бересты, украшенной тисненым геометрическим орнаментом (рис. 143 – 13).

Погребение 6. Кенотаф (рис. 144).

На глубине 25 см под слоем дерна обнаружены фрагменты сосуда с утюженным дном. Керамика слабого обжига, поэтому сохранность очень плохая. Под сосудом заметно слабое светло-серое заполнение неопределенных очертаний. Более четкие границы обозначились лишь на глубине 75 см. Могильное заполнение овальной формы размерами 170 x 50 см, длиной стороной ориентировано по линии ССЗ – ЮВВ.

В засыпи могильной ямы зафиксированы хрупкие куски угля. Вещи лежали на глубине 75 см на подстилке из луба, сверху закрыты досками. Костей в погребении не обнаружено. Вещи разложены с С на Ю в порядке их ношения при жизни.

Сопровождающий инвентарь. В северной стороне лежали два серебряных кольца (№ 1)

(рис. 144 – 10; 293 – 6), в области рук – два бронзовых браслета (№ 2) (рис. 144 – 4, 5), чуть ниже – кожаный ремень с пряжками, украшенный металлическими накладками (№ 3) (рис. 144 – 1-3, 8, 9, 11-13), железный нож (№ 4) (рис. 144 – 7) в железных ножнах с войлочной прокладкой изнутри. В южном углу могилы обнаружены бронзовые пронизки из плоской витой проволоки на кожаном ремешке (№ 5) (рис. 144 – 6).

Погребение 7. Труповложение (рис. 145).

Контуры могильной ямы выявлены с глубины 30 см от уровня современной дневной поверхности. Ее прямоугольные очертания имели размеры 125 x 60 см и продолжались до глубины 60 см. В засыпи обнаружены втульчатый топор (рис. 145 – 4) и щитковидный перстень (рис. 145 – 5). Погребение сверху закрыто досками, а на металлических предметах сохранились фрагменты тонкой кожи, вероятно, от покрытия.

Сохранность костей плохая. Погребенный лежал головой к СЗ (аз. 320°), на спине, ноги вытянуты. Череп поюился лицевым сводом вверх.

Сопровождающий инвентарь. В изголовье поперек могильной ямы лежал железный нож с костяной рукояткой (№ 1)*. С обеих сторон от черепа обнаружено по одному высочному кольцу (№ 2) (рис. 145 – 7), в области груди – прямоугольный нагрудник с шумящими подвесками (№ 3) (рис. 145 – 6). Под нагрудным украшением располагались кожаные ремешки с нанизанными бронзовыми пронизками и колокольчатыми привесками (№ 4) (рис. 145 – 3), вероятно, от наконечника и фрагменты железного шила (№ 4а) (рис. 145 – 8). В области талии находились фрагменты кожаного ремня с бронзовой пряжкой и накладками очень плохой сохранности (№ 6) (рис. 145 – 5, 9), на запястьях рук – 3 пластинчатых бронзовых браслета (№ 5) (рис. 145 – 10): 1 браслет – на правой руке, 2 – на левой.

Погребение 8. Трувосожжение (рис. 146).

С глубины 30 см фиксировались следы светлосерого заполнения, но контуры его очень расплывчаты. На глубине 80 см от уровня современной дневной поверхности стало возможным проследить четкие прямоугольные очертания с закругленными углами размерами 200 x 60 см, вытянутые по линии СЗ – ЮВ. В заполнении – зола и угли, заполнение продолжалось до глубины 95 см.

В погребении обнаружены остатки трувосожжения. Кости кальцинированы, разложены по всей могиле в анатомическом порядке. Судя по расположению костей черепа, погребенный лежал головой на СЗ (аз. 340°).

Сопровождающий инвентарь. В области таза найдены бронзовый браслет из граненного дрота (№ 1) (рис. 146 – 1), ременная пластинчатая бронзовая накладка* (№ 2), фрагмент

железного предмета (№ 3), а в ногах – 5 железных наконечников стрел подтреугольной формы (№ 4) (рис. 146 – 2), бронзовые пронизки (№ 5).

Погребение 9. Кенотаф.

На глубине 20 см от уровня современной дневной поверхности выявлены очертания ямы под прямоугольной формой размерами 210 см х 60 см. Заполнение светло-серое, слабозольное, аналогично могильному заполнению. Оно продолжалось до глубины 65 см, затем срезалось. Вещи и кости не обнаружены.

Погребение 10. Кенотаф (рис. 146 – 149).

Слабогуммированное могильное заполнение стало заметно с глубины 25 см от уровня современной дневной поверхности. На этой же глубине в северной части заполнения найден втульчатый топор (рис. 148 – 4). Более четкие контуры обозначились на глубине 50 см. Они имели подпрямоугольную форму, углы слегка округлены, размеры 210 х 60 см, глубина 70 см. Длинной стороной могила ориентирована по линии СЗ – ЮВ. Дно могилы застлано досками, закрытыми тканью и мехом. На вещах также зафиксированы фрагменты ткани от одежды или покрытия.

Вещи в основном лежали в порядке их ношения при жизни, за исключением браслетов и перстней (№ 2), положенных вместе с головным убором (рис. 149 – 9; 300 – 7). Несколько своеобразно расположение серег, обе серьги лежали рядом (№ 8).

Костяка в могиле не обнаружено.

Сопровождающий инвентарь. У северо-западной стенки найден головной убор, состоящий из головного венчика с накладками из серебряной фольги и бронзовых пронизок (№ 1). Внизу лежали три браслета, продетые сквозь серебряные перстни (№ 2) (рис. 149 – 7, 8, 9; 300 – 1), а справа (№ 3) – 2 бронзовых бубенчика (рис. 149 – 1, 3) и бронзовая пряжка (рис. 147 – 1). В могиле также обнаружены фрагменты деревянной чаши (№ 4) (рис. 147 – 7), под которой лежали 9 железных наконечников стрел (рис. 148 – 5, 7–9) и бронзовые бубенчики (№ 4а) (рис. 147 – 4), рядом обнаружена еще одна аналогичная деревянная чаша с серебряными накладками по венчику и с орнаментом из нарезных линий по шейке (№ 6) (рис. 147 – 6) и фрагменты кожаной одежды с двумя круглыми подвесками (№ 5) (рис. 149 – 11, 12; 295), а южнее – два серебряных браслета (№ 7) (рис. 149 – 2, 4). Две проволочные серьги находились близко к головному венчику (№ 8) (рис. 146 – 3; 293 – 2). Кожаный ремень с металлическими накладками и пряжками располагался приблизительно в области пояса (№ 9) (рис. 147 – 5, 8–10). К нему, очевидно, крепился кошелек (№ 10), от которого сохранились тлен от кожи и бронзовые зажимы (рис. 148 – 72). В кошельке или рядом с ним находились бронзовая пряжка (№ 10-а) (рис. 147 – 2), кремень и три ножа с обмоткой из бронзовой или

серебряной проволоки на рукоятке (№ 11) (рис. 148 – 1–3), наконечник стрелы (рис. 148 – 10), южнее – бронзовая цепочка (№ 12) (рис. 149 – 10). В ногах располагались железная линка с деревянной рукояткой (№ 13) (рис. 148 – 11), втульчатый топор* (№ 14) и бронзовые пронизки (№ 15) (рис. 149 – 5).

Погребение 11. Трупоположение (рис. 150 – 152).

Контуры могильной ямы выявлены на глубине 25 см от уровня современной дневной поверхности. Ее размеры 224 х 64 см, форма прямоугольная. На глубине 35 см в северо-западной стороне могилы (в изголовье) обнаружены железный котел* и вещи в туеске. Котел склепан из листового железа и поставлен кверху дном. Под ним – два наконечника стрел (рис. 150 – 2) и железный нож*. Вещи: два браслета (рис. 151 – 4), железное кресало с бронзовыми навершием (рис. 151 – 6), цепочка (рис. 152 – 8), – завернуты в мех и ткань и помещены в берестяной туесок, опоясаный по верху кожанным ремнем с сердцевидными бронзовыми накладками (рис. 151 – 2). На глубине 65 см появились кости и вещи.

Костяк плохой сохранности лежал на спине, головой к СЗ (аз. 308°), очевидно, в вытянутом положении.

Сопровождающий инвентарь. В изголовье с левой стороны лежали железный проушной топор (№ 3) (рис. 150 – 4), две бронзовые гравны (№ 4) (рис. 151 – 9, 10). Гравны были обернуты в бересту. В области талии обнаружены фрагменты ремня с бронзовыми пряжками и накладками (№ 5) (рис. 151 – 1, 11–14), слева у бедра – вещи (№ 6): коготь рыси, кремень, кресало (рис. 152 – 20), два браслета (рис. 152 – 17), лежащие в кошельке, от которого сохранились боковые зажимы (рис. 150 – 1), в ногах – пронизка и котелко (№ 7) (рис. 151 – 7) и железный нож (№ 8) (рис. 150 – 3).

У северо-западной стенки на расстоянии 60 см от черепа зафиксировано скопление вещей и небольшое количество жженых костей, которые, вероятно, являются самостоятельным погребением.

Погребение 11-а. Трупосожжение.

На глубине 65 см от уровня современной дневной поверхности в могильной яме погребения № 11 у северо-западной стенки, непосредственно под вещами, обнаруженными в засыпи, найдено скопление вещей и небольшое количество жженых костей. Вещи располагались компактно, но в беспорядке.

Сопровождающий инвентарь: 2 браслетообразных высочных кольца (рис. 152 – 6), 4 пластинчатых браслета с орнаментом в средней части (рис. 152 – 14, 19, 300 – 5), 1 пластинчатый браслет без орнамента (рис. 152 – 17), 1 крученичный браслет (рис. 152 – 9), 2 бронзовых высочных кольца с бусами (рис. 152 – 7, 16), ожерелье

из бус, бубенчиков, костяных орнаментированных пронизок, скорлупок лесных орехов, бус (рис. 152 – 1-5, 12; 291 – 18-21), льячка (рис. 152 – 15), нож (рис. 152 – 10), неопределенный костяной предмет, вероятно, рукоятка от щила. Южнее обнаружена подвеска (№ 2) (рис. 151 – 8).

Погребение 12. Трупоположение (рис. 153 – 154).

Очертания могильной ямы подпрямоугольной формы с округленными углами размерами 250 х 60 см оконтурились на глубине 30 см от уровня современной дневной поверхности и продолжались до глубины 66 см. В ногах обнаружены угли. Кости и вещи зафиксированы на глубине 60 – 65 см, лежали на досках, закрытых соломой. Под kostяком сохранились фрагменты ткани, возможно, от одежды. Сверху погребенный также закрыт тканью. Костяк удовлетворительной сохранности лежал на спине в вытянутом положении, головой к СЗ (аз. 310°). Череп обращен лицевой частью вверх, обе руки согнуты в локтях, левая рука согнута сильнее, чем правая.

Сопровождающий инвентарь. С обеих сторон черепа найдены по одной серебряной серьгой (№ 1) (рис. 153 – 6, 7), а на шее – витая гривна (№ 2) (рис. 153 – 12). На застывшие правой руки надет браслет (№ 3) (рис. 153 – 9; 300 – 2), в области пояса обнаружена бронзовая пряжка (№ 4) (рис. 153 – 8). С правой стороны от костяка лежал железный нож (№ 5) (рис. 154 – 1), у бедра сконцентрировано скопление вещей (№ 6); кремень, хресало (рис. 154 – 13), стилет (рис. 154 – 7) и точильный камень (рис. 154 – 6). На пальцах рук надеты перстни (№ 7, 8) (рис. 153 – 4, 5). С левой стороны у бедренной кости лежал железный нож (№ 9)* с бубенчиками на рукоятке, под тазом – свернутый в два оборота кожаный ремень (№ 10) с металлическими накладками. Накладки были круглые из олова очень плохой сохранности. Под тазом найдены обломки деревянной чаши (№ 11) (рис. 154 – 14). Между берцовыми костями располагались бронзовые бубенчики (№ 12) (рис. 153 – 1, 10, 11), у ступни правой ноги – пронизки от обуви (№ 13) (рис. 153 – 2, 3) и 11 железных наконечников стрел (№ 14) (рис. 154 – 4, 5, 8, 10-12), в ногах – железный проушной топор (№ 15) (рис. 154 – 3) и втульчатый топор (№ 16) (рис. 154 – 2), воткнутый в землю.

Погребение 13. Частичное трупоположение (рис. 155А).

На глубине 65 см обозначилось темное гумусное заполнение округлой формы диаметром 35 см. Оно содержало кости ребенка, вероятно, грудного, и беспорядочно разбросанные вещи: два маленьких браслета (№ 1) (рис. 155 – 1, 2), костяную уточку (№ 2) (рис. 155 – 6), пряжку из цветного металла (№ 3) (рис. 155 – 4), орнаментированную костяную копоушку (№ 4) (рис. 155 – 5), стеклян-

ную бусину (№ 5) (рис. 155 – 3). Кости и вещи были завернуты в мех.

Погребение 14. Трупоположение (рис. 155Б).

На глубине 90 см под погребением № 11 обозначились очертания еще одного захоронения размерами 145 х 45 см. Могильное заполнение продолжалось до глубины 90 см. На дне обнаружены остатки костяка плохой сохранности: кости черепа и конечностей. Костяк, ориентированный головой к СЗ (аз. 327°), лежал, очевидно, на спине в вытянутом положении.

В засыпи найдена трубчатая шумящая подвеска, которую следует, возможно, связывать с погребением № 14 (рис. 155 – 7).

Погребение 15. Кенотаф (рис. 156 – 158).

На глубине 30 см от уровня современной дневной поверхности выявлены очертания подпрямоугольной могильной ямы размерами 265 х 65 см, глубиной 70 см, вытянутой по линии СЗ – ЮВ. В засыпи найден железный предмет, вероятно, навершие меча (рис. 158 – 7). Могильное заполнение содержало угли. Костей и тленка костяка не обнаружено.

На глубине 60 см на деревянной подстилке, сверху закрытые берестой, расчищены вещи, расположенные в порядке, обычном для трупоположения.

Сопровождающий инвентарь. У северо-западной стены обнаружен фрагмент скобеля (№ 1) (рис. 158 – 3), юго-восточнее – 2 бронзовых височных кольца (№ 2) (рис. 157 – 7), медная бляха из двойном шнурке с пронизками (№ 3) (рис. 157 – 9), скопление железных предметов: топор (№ 4) (рис. 156 – 2) и 7 железных наконечников стрел (№ 4а) (рис. 158 – 8-13). В районе предполагаемых рук обнаружены украшения (№ 5, 5а); 6 бронзовых браслетов (рис. 157 – 3, 4, 16, 18), 2 перстня (рис. 157 – 8, 14). Почти по центру могилы лежали фрагменты кожаного ремня с бронзовыми накладками, кольцом, наконечником и пряжкой (№ 6) (рис. 157 – 2, 5, 6, 11, 12, 15), южнее – еще одно скопление железных предметов (№ 7), включающее 2 железных ножа (рис. 158 – 14) и железное хресало (рис. 158 – 2), фрагменты железной круглой бляхи (№ 8) (рис. 157 – 10), неопределенный железный предмет (№ 9) (рис. 158 – 6), фрагменты оловянных или свинцовых дисков, которые рассыпались (№ 10), и 3 дирхема. В ногах стоял железный клепанный котел (№ 11) (рис. 156 – 1). В северном углу дополнительно расчищены два браслета (№ 12) (рис. 157 – 17) и бронзовая подвеска (№ 13) (рис. 157 – 13). На глубине 65 см под вещами по центру могилы лежал железный меч длиной 1 метр с прямым перекрестьем (рис. 158 – 4). Под мечом, вдоль его, лежал железный книжал с рукояткой, покрытой серебряной фольгой (рис. 156 – 3). Кинжал был, очевидно, помещен в деревянные ножны, также украшенные пластинками из серебряной фольги, имеющие бронзовую пряжку из

круглой проволоки для крепления к ремню (рис. 157 – 1). Под мечом рядом с кинжалом находились 4 железных наконечника стрелы (рис. 158 – 1,5).

Погребение 16. Трупосожжение (рис. 159 – 160).

На глубине 35 см от уровня современной дневной поверхности расчищены жженые кости и вещи. Подпрямоугольная могильная яма размером 145 х 45 см вытянута по линии СЗ – ЮВ. Кости сосредоточены в основном в юго-восточной стороне могилы. Вещи лежали двумя скоплениями. По их расположению можно предположить, что покойник ориентирован головой на СЗ (аз. 330°).

Сопровождающий инвентарь. В северо-западной стороне могилы обнаружены бронзовая гривна из ложновитого дрота (№ 2) (рис. 160 – 12), два витых браслета (№ 1,3) (рис. 160 – 4,6). В центре могилы – неопределенный железный предмет (№ 4) (рис. 159 – 4). В юго-восточной стороне могилы положены кожаный ремень с бронзовыми пряжкой и сердцевидными накладками (№ 6) (рис. 160 – 5,7,8,10), второй ремень имел накладки другого типа (№ 7) (рис. 160 – 9,11,13). Среди составных частей второго ремня обнаружен сultanчик (рис. 160 – 2), который позволяет предполагать, что этот ремень от уздечки. Справа от ремней лежали железный нож с деревянной рукояткой (№ 8) (рис. 159 – 5), железное кресало (№ 9) и кремень (рис. 160 – 1). Ближе к левому краю могилы в двух местах обнаружены наконечники стрел (№ 5) (рис. 159 – 1-3).

Погребение 17. Трупоположение (рис. 161 – 162).

Первичные расплывчатые очертания могильного заполнения появились на глубине 15 см от уровня современной дневной поверхности. На этой же глубине найден железный проушной топор (рис. 162 – 8). Более четко контуры могилы овально-подпрямоугольных очертаний удалось очертить лишь на глубине 40 см. Могильное заполнение продолжалось до глубины 60 см. Костяк лежал на подстилке из ткани и кожи, справа и слева зафиксированы следы древесины.

Сохранность костей удовлетворительная. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, головой к СЗ (аз. 320°). Череп слегка завален влево. Кости рук вытянуты.

Сопровождающий инвентарь. На черепе сохранились фрагменты головного убора (рис. 162 – 13) из бронзовой цепочки с подвесками (рис. 292 – 2), пронизок и стеклянной бусины (№ 1а) (рис. 161 – 4,6,7,9; 162 – 11; 291 – 28) и бронзовые высокие кольца (№ 16), представленные фрагментами (рис. 161 – 8), предположительно от 3 или 4 изделий. На груди зафиксированы две арочные подвески с покрытием из бронзовой фольги с орнаментом (№ 2) (рис. 161 – 5). На запястьях рук надеты браслеты (№ 3, 3а) – 9 экз. (8 экз. из шестигранного дрота с кружковым орна-

ментом, один пластинчатый с желобком) (рис. 161 – 14,15; 162 – 6,12); на правой руке – 5 браслетов, на левой – 4 браслета, а на пальцах – серебряные щитковидные перстни – 6 экз. (№ 4)(рис. 161 – 1,12,13; 162 – 2). Под нагрудными украшениями обнаружены большое количество фрагментов пронизок (рис. 162 – 10), металлические бусы (рис. 162 – 4,5,9) и подвески (рис. 161 – 2,3), костяная пронизка (рис. 161 – 11), вероятно, от наконечника.

В области пояса с левой стороны лежали железное кресало и кремень (№ 5)(рис. 162 – 1,3), справа от бедра – железный кинжал с серебряными накладками от ножен (№ 6)(рис. 162 – 7). На рукоятке прослежены бронзовые пронизки и бронзовая пряжка, с помощью которых кинжал крепился к поясу (рис. 161 – 10). В ногах также расчищены бронзовые пронизки (№ 7) (рис. 161 – 4), очевидно, от обуви. Под kostями левой руки сохранились фрагменты кожаного кошелька*.

Погребение 18. Трупоположение (рис. 163 – 164).

Могильная яма подпрямоугольной формы с округленными углами обозначилась на глубине 25 см от уровня современной дневной поверхности. Могила имела размеры 220 х 80 см и глубину 50 см. В юго-восточной стороне на глубине 25 – 30 см в засыпи обнаружено скопление вещей, завернутых в бересту; цепочка*, 2 серебряных втульчатых высоких кольца (рис. 163 – 3), 6 браслетов (рис. 163 – 4,9) и два серебряных щитковидных перстня (рис. 163 – 1,8). Браслеты были продеты в отверстие перстней. В могильном заполнении по центру могилы заметны сильные углистые включения.

Костяк покоялся на глубине 45 см. Сохранность костей плохая. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой к СЗ (аз. 300°). Левая рука согнута в локте, правая рука вытянута вдоль. Костяк лежал на подстилке из досок.

Сопровождающий инвентарь. На запястье левой руки надет бронзовый браслет (№ 1) (рис. 163 – 2), рядом лежал бронзовый перстень (№ 2)(рис. 163 – 1). Слева у бедренной кости обнаружены кремень (№ 3)(рис. 163 – 5), точильный камень (№ 4)(рис. 164 – 16) и дирхем (№ 8). Справа у бедра обнаружены железный нож плохой сохранности (№ 5)(рис. 164 – 15), 9 железных наконечников стрел (№ 6)(рис. 164 – 5,6,8-14), железные кольца (пряжки – ?)(рис. 164 – 2,3) и дирхем, которые, очевидно, лежали в кошельке, в области пояса – кожаный ремень с бронзовыми накладками (№ 9)(рис. 163 – 6) и бронзовой пряжкой с железным язычком (рис. 163 – 7), а у ступни левой ноги (№ 7): удила (рис. 164 – 7), стремена (рис. 164 – 4) и железный втульчатый топор (рис. 164 – 1).

Погребение 19. Кенотаф (рис. 165 – 167).

Очертания могильной ямы подпрямоугольной формы размерами 140 х 60 см обозначились на глубине 40 см от уровня современной дневной

поверхности. Яма длиной стороной ориентирована по линии СЗ – ЮВ. Ближе к поперечным стенкам по обеим концам могилы заметны скопления вещей. В северо-западном конце могилы сконцентрированы железные вещи (№ 1): наконечники стрел – 4 экз. (?) (рис. 165 – 3), атульчатый топор (рис. 165 – 1), тесло (рис. 165 – 5). Рядом с ними стоял лубяной туесок, облицованный берестой, наголденный завернутыми в мех и ткань вещами (№ 2): бронзовая круглая подвеска (рис. 166 – 1), две трапециевидные шумящие подвески (рис. 166 – 6), 4 бронзовых браслета (рис. 166 – 2-5), кожаный ремень с бронзовыми кольцами и накладками (рис. 166 – 7-10), фрагменты кожаной обуви, обшитой по краю бронзовыми шумящими подвесками (рис. 167 – I-6, 8, 10, II; 296 – 2, 4), бусина с выступающими глазками (рис. 291 – 27). В юго-восточной половине могилы стоял медный котел (№ 3) (рис. 165 – 4). Под ним сохранились куски меховой подстилки. В котле обнаружены кости птицы, вероятно, от жертвенной пищи. Возможно, комплекс 19 является засыпью погребения 19-а.

Погребение 19-а. Кенотаф (рис. 167 – 168).

На глубине 65 см от уровня современной дневной поверхности под погребением № 19 четко обозначились очертания погребальной конструкции из досок. Эта конструкция имела вид рамы, вытянутой по линии СЗ – ЮВ. Длинные стеки выступают за торцевые. Следы креплений незаметны. В качестве дна использовалась доска, которая выступала также за поперечные стеки.

Внутри этой погребальной конструкции расчищены следующие вещи: железный атульчатый топор (№ 1) (рис. 168 – 1), нарезная серебряная гривна (№ 2) (рис. 168 – 14), четыре серьги (№ 3) (рис. 168 – 3, 4, 6, 10), 4 железных наконечника стрелы (№ 4) (рис. 165 – 2, 6), перстень (№ 5) (рис. 168 – 2), 4 граненных браслета (№ 6) (рис. 168 – 7) и височное кольцо (№ 5а) (рис. 168 – 5), кожаный ремень с бронзовыми пряжками, накладками и кошельком (№ 7) (рис. 167 – 9; 168 – 8, 9, 11, 12; 296 – 37). В восточном углу конструкции лежали в большом количестве шкурки животных, свернутые в рулоны полотенца (№ 10), фрагменты кружевов, кинжал плохой сохранности в мелких фрагментах* (№ 8), бронзовая пряжка (№ 9) (рис. 168 – 13) и фрагменты цепочки*.

Следов костяка не обнаружено. Сверху вещи закрыты досками.

Погребение 20. Труповложение (рис. 169А).

На глубине 60 см от уровня дневной поверхности обнаружено могильное заполнение подпрямоугольных очертаний размерами 140 x 58 см, ориентированное длиной стороной по линии СЗ – ЮВ. На этой же глубине расчищены кос-

ти и вещи.

От костяка сохранились лишь фрагменты левой руки в области запястья. Костяк лежал, очевидно, головой на СЗ (аз. 310°).

Сопровождающий инвентарь: В северо-западной части могилы лежали 2 бронзовых бубенчика (№ 1) (рис. 169 – 2), дирхем (№ 2), серебряный перстень (№ 3) (рис. 169 – 1), 2 браслета (№ 4) (рис. 169 – 4, 5), железный нож (№ 5) (рис. 169 – 3), кусочки войлока.

Погребение 21. Кенотаф (рис. 169Б).

На глубине 20 см от уровня современной дневной поверхности наметились очертания заполнения прямоугольной формы размерами 176 см x 48 см, вытянутые с СЗ на ЮВ. На этой же глубине в северной части могильной ямы показался край туеска. При последующей зачистке на глубине 30 см контуры заполнения срезались, а туесок был расчищен почти полностью. Он имел размеры: диаметр 40 см, высоту 20 – 25 см. Туесок изготовлен из луба, обернут в бересту. По верхнему краю обтянут кожаным ремнем с бронзовыми накладками (рис. 169 – 6, 10-13; 296 – 31, 32). К ремню крепились бронзовые цепочки с подвесками (рис. 169 – 7, 9). Внутри туеска обнаружен железный нож* с деревянной рукояткой в кожаных ножнах.

Погребение 22. Труповложение (рис. 170 – 171).

Могильное заполнение обозначилось на глубине 50 см от уровня современной дневной поверхности, подпрямоугольной с округленными углами формы, имело размеры 220 x 60 см и глубину 85 см.

На глубине 80 см обнаружены кости и вещи.

Костяк плохой сохранности лежал на спине в вытянутом положении, головой ориентирован на СЗ (аз. 300°). Кости рук не сохранились.

Сопровождающий инвентарь: Справа в районе плеча расчищены 11 железных наконечников стрел (№ 1) (рис. 171 – 15-18), справа от бедра – кресало с бронзовым навершием (№ 2) (рис. 171 – 8). Кресало, очевидно, находилось в кошельке, от которого сохранились фрагменты бронзовых накладок от окантовки (№ 4) (рис. 171 – 19). В кошельке находились бубенчик (рис. 171 – 10), фрагменты кожаных перчаток и еще одно железное кресало (рис. 171 – 11) и кремень (рис. 171 – 12). В области пояса расчищен кожаный ремень с пряжкой и бронзовыми накладками (№ 3) (рис. 171 – 6, 7, 9; 296 – 11, 12). Под ремнем найден нож (№ 5) (рис. 171 – 13) в кожаных ножнах, от которых сохранились фрагменты кожи и креплений (рис. 171 – 14, 20). Рядом с кошельком обнаружены фрагменты деревянной чашки. Справа у бедра лежал еще один нож с рукояткой с бронзовыми накладками (№ 6) (рис. 170 – 2), в ядоль бедренной правой кости – железный кинжал в кожаных ножнах, обшитых

бронзовыми накладками (№ 7) (рис. 170 – 3), у ступни левой ноги – железный проушины топор (№ 8) (рис. 170 – 1), а в ногах – железный клепанный котел (№ 9) (рис. 170 – 4). Под ремнем в области талии обнаружены крупные кости животного и человеческие ребра, сложенные в кожаный мешок или завернутые в кожу, сверху перевязанную ремнем.

Погребение 23. Кенотаф (рис. 172 – 174).

Очертания могильной ямы подпрямоугольной формы с округлёнными углами выявлены на глубине 20 см от уровня современной дневной поверхности. Могила имела слабогуммированное серое заполнение размерами 220 x 60 см и глубину 85 см, вытянутое по линии СЗ – ЮВ. Костей не обнаружено.

Сопровождающий инвентарь. На уровне первичных очертаний найдены железный котел (рис. 172 – 2-4) и чаша из цветного металла (рис. 172 – 1). Железный клепанный котел стоял у юго-восточной стенки могилы, очевидно, в ногах, и был повернут вверх дном. Чаша располагалась дном вверх в северо-западной части могилы (в головах). Под чашей лежали бронзовые проволочные височные кольца (рис. 171 – 2; 173 – 9), медная цепочка (рис. 173 – 1,2), пронизки (рис. 171 – 1,3) и обломки дирхема, два браслета из круглой проволоки (рис. 171 – 4,5) и медный щитковидный перстень (рис. 173 – 5).

Все остальные вещи найдены на глубине 65 см на дне могильной ямы. Судя по их расположению, погребение ориентировано к СЗ (аз. 323°). Вещи были закрыты берестой и мехом. У восточной стенки могилы сохранились доски. В погребении обнаружена серебряная гравна (№ 1) (рис. 173 – 8), 7 бронзовых браслетов (№ 3): 5 витых (рис. 173 – 3,6), 1 из круглой проволоки с завязанными концами (рис. 173 – 10), 1 пластинчатый (рис. 173 – 7). С левой стороны рядом с браслетами лежали 6 железных наконечников стрел (№ 2) (рис. 174 – 1,2,4-6), с правой стороны у окончания ножа – 1 щитковидный перстень (№ 4) (рис. 173 – 5а). Южнее обнаружены железный нож, на рукоятке которого были привязаны бубенчики (№ 5) (рис. 174 – 3) и кошелек с жетоном (№ 7), почти по центру могилы – кресало (№ 8) (рис. 174 – 8). В юго-восточном углу могилы стоял кверху дном еще один железный клепанный сильно разваленный котел (№ 6), под ним располагался железный проушины топор (рис. 174 – 7).

Погребение 24. Трупосожжение (рис. 175).

На глубине 45 см от уровня современной дневной поверхности выявлены остатки трупосожжения и вещи. Зольное могильное заполнение имеет размеры 180 x 60 см, подпрямоугольную форму, вытянутое по линии СЗ – ЮВ. Кальцинированные кости тонким слоем разбросаны по всей могиле. Расположение вещей соответ-

ствует расположению в могиле с трупоположением.

Сопровождающий инвентарь. В могиле найдены железная круглопроволочная гравна (№ 1) (рис. 175 – 3), два серебряных дирхема (№ 2), у правого края – серебряный браслет (№ 3) (рис. 175 – 1) и обломок железного ножа (№ 4) (рис. 175 – 2).

Погребение 25. Кенотаф (рис. 175 – 176).

На глубине 95 см от уровня современной дневной поверхности обозначились подпрямоугольные очертания могильного заполнения, вытянутое по линии СЗ – ЮВ, размерами 150 x 50 см, и вещи. Следов костяка не обнаружено. Вещи в основном сосредоточены в северо-западной стороне могилы. Расположение вещей приблизительно совпадает с их функциональным назначением, они лежали на меху и сверху также закрыты мехом.

В могиле найдены: серебряная гравна (№ 1) (рис. 176 – 12), 6 бронзовых браслетов (№ 2) (рис. 175 – 5,7), завернутых в бересту, нагрудное украшение (№ 3), состоящее из арочной подвески очень плохой сохранности (рис. 176 – 1) и подвески в форме якоря (рис. 176 – 8). В качестве привесок к ним служили лапчатые и конические привески (рис. 176 – 5,10,11,13), а также парные орехи (рис. 176 – 6), металлическая (рис. 176 – 9) и костяная (рис. 176 – 7) копоушки. Здесь также были найдены бронзовая подвеска-уточка (рис. 176 – 4), одна стилизованных подвеска-уточка (рис. 176 – 10). В могиле обнаружены три перстня (№ 4) (рис. 176 – 2), бронзовая пряжка (№ 5) (рис. 175 – 6), две обувные подвески (№ 6) (рис. 176 – 3), фрагменты деревянной чашки*.

Погребение 26. Трупосожжение (рис. 177).

На глубине 50 см от уровня современной дневной поверхности обнаружено могильное заполнение размерами 60 x 40 см подпрямоугольной формы, вытянутое по линии С – Ю. По всей могиле разбросаны в беспорядке скелетные кости.

Вещи также лежали в беспорядке: кожаный ремень с бронзовыми накладками и наконечником (№ 1) (рис. 177 – 4,6), кошелек с хресалом (№ 2) (рис. 177 – 5), железный втульчатый топор (№ 3) (рис. 177 – 7), 7 железных наконечников стрел (№ 4) (рис. 177 – 1-3). Под вещами и костями сохранились фрагменты деревянной подстилки.

Погребение 27. Трупоположение (рис. 178).

На глубине 95 см от уровня современной дневной поверхности выявлены подпрямоугольные очертания ямы размерами 190 x 70 см, кости человека и вещи. Под костяком местами сохранились доски.

Костяк хорошей сохранности лежал на спине лицевым сводом вверх в вытянутом положении,

головой к СЗ (аз. 300°). Левая рука вытянута вдоль kostика, правая согнута в локте.

Сопровождающий инвентарь. Справа от черепа расчищено височное кольцо из круглой проволоки (№ 1) (рис. 178 – 7). Такое же находилось под черепом. В области грудной клетки с левой стороны найдены дирхемы – 4 экз. (№ 2) и серебряная подвеска-асадница (№ 3) (рис. 178 – 4), у плечевой кости левой руки – браслет (№ 4) (рис. 178 – 10), а на запястье этой же руки – еще один браслет (№ 9) (рис. 178 – 8). У локтевого сгиба правой руки обнаружено железное кресало (№ 5) (рис. 178 – 3), рядом – железный нож (№ 6) (рис. 178 – 12), фрагменты железной пряжки* (№ 7) и накладка* (№ 8). Слева у бедренной kostи расчищен железный наконечник стрелы (№ 10) (рис. 178 – 1), у колена – дирхем (№ 2), а в ногах – еще три железных наконечника стрел (№ 11) (рис. 178 – 5, 6, 11) и железный втульчатый топор (№ 12) (рис. 178 – 2).

** В коллекции имеется бронзовая цепочка (рис. 178 – 9).

Погребение 28. Трупосожжение (рис. 179).

На глубине 30 – 35 см выявлены очертания могильной ямы подпрямоугольной формы размерами 63 x 36 см, длинной стороной ориентированы по линии ССВ – ЮЗЗ. На этой же глубине обнаружены жажные kostи и вещи: железный наконечник стрелы (№ 1) (рис. 179 – 1), железный проушный топор (№ 2) (рис. 179 – 6), под топором обнаружены 11 железных наконечников стрел (рис. 179 – 2, 4). По центру могилы лежал в два оборота скрученный кожаный ремень с металлическими накладками, с внешней стороны на ремне куски бересты (№ 3) (рис. 179 – 3, 5; 296 – 9, 10), на поже были прикреплены кожаный кошелек плохой сохранности с пронизками (№ 4), а под ремнем лежал железный нож плохой сохранности.

Kости разбросаны по всей могиле в беспорядке, среди кальцинированных kostей 4 фаланги пальцев не обожжены. На дне могилы сохранились фрагменты дерева, вероятно, от подстилки.

Погребение № 29. Трупосожжение (рис. 180 – 181).

Могильное заполнение прямоугольных с скругленными углами очертаний размерами 190 x 65 см обозначилось на глубине 45 см от уровня современной дневной поверхности. В могильной засыпке встречен бронзовый перстень (рис. 181 – 3).

Вещи и жажные kostи расчищены на глубине 70 см. Они лежали на доске, закрытой мехом. Kости рассредоточены по всей длине погребения, наибольшая их концентрация – в северной половине могилы.

Вещи лежат в порядке их ношения при жизни. По их расположению возможно предположить, что погребение ориентировано к ССВ (аз. 10°).

Сопровождающий инвентарь. Головной

убор представлял шапочку из меха, по краю обшитую берестой (№ 1). Сверху головной убор украшался несколькими рядами бронзовой цепочки (рис. 181 – 11), а с боков – височными кольцами (рис. 181 – 5; 293 – 3). Нагрудные украшения представлены двумя трапециевидными подвесками (№ 2) (рис. 180 – 6; 294). Вместе с ними обнаружены пронизки на кожаных ремешках, бронзовые бусины (рис. 180 – 2) и костяные коньки (рис. 180 – 1, 3-5). Вероятно, они являлись деталями накосника, который лежал совместно с подвесками. Почти по центру могилы лежали браслеты (по 3 с каждой стороны) (№ 3) (рис. 181 – 1, 2, 8, 12) и 4 перстня (рис. 181 – 4), южнее – кожаный ремень с металлическими накладками, кольцом и пряжкой (№ 4) (рис. 181 – 6, 7, 9, 13), рядом с правой стороны располагался железный нож* (№ 5). Сохранились фрагменты ткани и кожи от обуви (№ 6) с бронзовыми очковидными (рис. 181 – 14) и умбоновидными (рис. 181 – 15) подвесками и цепочками (рис. 181 – 10).

Погребение 30. Трупосожжение (рис. 182 – 183).

На глубине 45 см от уровня современной дневной поверхности обозначилось могильное заполнение подпрямоугольных с округленными углами очертаний размерами 135 x 60 см. Могила вытянута в направлении С – Ю. На этой же глубине расчищены вещи и обилие мелких жажных kostей. Kости рассыпаны с восточной стороны без всякого порядка. Под вещами сохранилась береста, сверху kostи и вещи закрыты кожей, мехом и берестой.

Сопровождающий инвентарь. Вещи расположены приблизительно в порядке ношения их при жизни. По расположению украшений можно сделать заключение, что погребенный ориентирован головой на С (аз. 360°). У северной стенки обнаружено скопление вещей (№ 1), которое состояло из трех височных колец (рис. 183 – 3, 4), трех браслетов (рис. 182 – 1 – 3) и двух kostяных копоушек (рис. 183 – 1). Вдоль восточной стенки в северо-восточном углу лежал железный нож (№ 2) (рис. 183 – 7). Южнее височных колец располагалась железная гривна, сохранившаяся в фрагментах (№ 3) (рис. 183 – 6), еще одно височное кольцо с отогнутым концом (№ 4) (рис. 183 – 10), 5 медных браслетов (№ 5) (рис. 183 – 8, 9), серебряные перстни (№ 5а) (рис. 182 – 4, 5), кожаный ремень (№ 6) с пряжкой (рис. 183 – 11) и бронзовыми накладками (рис. 183 – 5; 296 – 20), железный проушной топор (№ 7) (рис. 182 – 6). На ремне был подвешен кожаный кошелек*, в котором находились маленький кошелек из тонкой кожи с трутром или табаком (?), обломок дирхема и кремень. Под ремнем лежали нож*, обломки железного кресала* и кожаные рукавицы или перчатки. Сохранность вещей под ремнем плохая и не подлежит зарисовке.

Погребение 31. Трупоположение (рис. 184 – 185).

Подпрямоугольные очертания могильной ямы размерами 230 x 60 см обозначились на глубине 40 см от уровня современной дневной поверхности. На этой же глубине расчищены кости и вещи. Костяк удовлетворительной сохранности лежал на спине, головой к СВ (аз. 60°). Череп покоялся на левом боку. Ноги вытянуты, кости рук не сохранились.

Костяк закрыт сверху досками. Доски обнаружены и под костяком.

Сопровождающий инвентарь. Справа от черепа в области шеи найдена серебряная серьга (№ 1) (рис. 184 – 2), справа от бедра – железные наконечники стрел и нож (№ 2) (рис. 184 – 1; 185 – 2-5) и железная пряжка (№ 3) (рис. 185 – 8). В области таза расчищены кожаный ремень с пряжкой и металлическими накладками (№ 6) (рис. 185 – 1, 10-12), привешенный к нему кошелек с дирхемом (№ 5) (рис. 185 – 14, 15), у левого бедра – железное кресало и кремень (№ 7) (рис. 184 – 3; 185 – 9), а у колена правой ноги – железный топор (№ 4) (рис. 184 – 4) и еще один наконечник стрелы (№ 2) (рис. 185 – 13), под костяком – обломки железного предмета, возможно, пряжки или еще одного кресала (рис. 185 – 7) и железная втулка (рис. 185 – 6). Найдено всего 9 наконечников стрел.

Погребение 32. Трупоположение. Первое (рис. 186 – 187).

На глубине 30 см от уровня современной дневной поверхности обозначилась могильная яма подпрямоугольной формы с округленными углами размерами 260 x 60 см. Яма ориентирована длинной стороной по линии СВ – ЮЗ. На глубине 60 см расчищены кости и вещи.

В одной могильной яме выявлены два захоронения. Они будут рассматриваться отдельно под номерами 32 и 33.

В погребении 32 сохранность костяка плохая. Череп, кости рук и ног сохранились в виде тленя. Покойник лежал на спине, головой к СВ (аз. 40°) в вытянутом положении. Правая рука вытянута, а левая согнута в локте. Костяк покоялся на подстилке из досок.

Сопровождающий инвентарь. За черепом обнаружены льячка (№ 1) (рис. 187 – 8), на черепе – фрагмент головного убора из бронзовой цепочки и бубенчиков (№ 2) (рис. 187 – 5) и серебряного височного кольца (№ 2а) (рис. 187 – 6). На запястьях обеих рук были надеты браслеты (№ 3) (рис. 187 – 1, 2): два – на правой руке, один – на левой, а на правой руке – еще два серебряных перстня (№ 4) (рис. 187 – 3). Справа от бедра располагались железный нож и кресало (№ 5) (рис. 187 – 4, 7), а слева – железный пропущенный топор (№ 6) (рис. 187 – 9), у ступней –

бронзовые пронизки и фрагменты кожаной обуви (№ 7) (рис. 186 – 3, 5).

Погребение 33. Частичное трупоположение (рис. 186).

В могильной яме погребения 32 на глубине 60 см в ногах расчищены череп (№ 1), 2 височные кольца (№ 2) (рис. 186 – 2), 3 очковидные подвески (№ 3) (рис. 186 – 1), 2 бронзовых браслета (№ 4) (рис. 186 – 4, 6). Вещи и кости лежат на дереве. Сверху сохранились следы древесного покрытия.

Погребение 34. Трупосожжение (рис. 188).

На глубине 45 см от уровня современной дневной поверхности зафиксированы контуры могильной ямы, вытянутой по линии СЗ – ЮВ. Могила имела размеры 180 x 60 см и прямоугольную форму с округленными углами. На этой же глубине расчищены жженые кости, дерево и вещи.

Мелкие кальцинированные кости сосредоточены по центру могилы линзовидным пятном 100 x 35 см. Вещи находятся в основном в юго-восточной части могилы.

Сопровождающий инвентарь: по центру могилы расчищены кожаный ремень с бронзовыми пряжкой и накладками (№ 1) (рис. 188 – 7, 9, 11), справа – железное кресало и кремень (№ 2) (рис. 188 – 6, 10) и железный нож (№ 3) (рис. 188 – 1). Два железных наконечника стрелы лежали у левой стенки, 4 в южном узле могилы (№ 4) (рис. 188 – 3, 4, 5, 8), у северной стенки – железный втульчатый топор (№ 5) (рис. 188 – 2).

Погребение 35. Трупосожжение (рис. 189).

На глубине 50 см от уровня современной дневной поверхности выявлено могильное захоронение подпрямоугольных очертаний с закругленными углами, ориентированное с СЗ на ЮВ, размерами 220 x 70 см. На глубине 55 см по центру линзовидным пятном 140 x 35 см располагались жженые кости. Вещи обнаружены на этой же глубине по всей могиле: железный наконечник копья (№ 1) (рис. 189 – 6), бронзовая цепочка (№ 2) (рис. 189 – 1), 4 железных наконечника стрел (№ 3) (рис. 189 – 2-4), железный втульчатый топор (№ 4) (рис. 189 – 5).

Погребение 36. Трупоположение (рис. 190).

Очертания могильной ямы подпрямоугольной формы размерами 120 x 55 см ориентированной по линии З – В, обозначились на глубине 45 см от уровня современной дневной поверхности. От костяка сохранились только зубы. По их расположению видно, что погребенный лежал головой на З (аз. 270°).

На этой же глубине обнаружены вещи: височное кольцо (№ 1) (рис. 190 – 2), 3 железных наконечника стрелы (№ 2) (рис. 190 – 1, 4), дирхем (№ 3), бронзовые пронизки и бубенчики (№ 5) (рис. 190 – 3), железный втульчатый топор

(№ 6) (рис. 190 – 5) и рядом с топором – обломки железной пряжки*.

У правой стенки могилы зафиксированы фрагменты досок, вероятно, от подстилки.

Погребение 37. Трупосожжение. Парное (рис. 191).

На глубине 40 см от уровня современной дневной поверхности выявлено могильное заполнение подпрямоугольных очертаний с округленными углами размерами 200 x 75 см. Могила вытянута по линии СЗ – ЮВ. На этой же глубине обнаружены жженые кости и вещи.

Жженые кости сосредоточены двумя линзовидными скоплениями, расположеннымими параллельно друг другу, и представляют, вероятно, остатки двух костяков (захоронение 37 и 37-а).

В захоронении 37 кальцинированные кости представлены крупными фрагментами, разложенными в анатомическом порядке головой на СЗ (аз. 320°). В перемежку с костями находились крупные куски угля.

Сопровождающий инвентарь: С северо-западной стороны обнаружены фрагменты бронзовой цепочки* (№ 1), 2 железных наконечника стрел (№ 2) (рис. 191 – 3, 4).

Захоронение 37-а. Кости второго костяка более мелкие, также разложены в анатомическом порядке.

Сопровождающий инвентарь: дирхем (№ 3), железный нож (№ 4) (рис. 191 – 5), железная пряжка* (№ 5), железный наконечник стрелы (№ 6) (рис. 191 – 2), железный капкан (№ 7), от которого сохранилась часть крепления (рис. 191 – 6), железный проушной топор (№ 8) (рис. 191 – 1).

Погребение 38. Трупосожжение (рис. 192).

На глубине 55 см от уровня современной дневной поверхности оконтурились границы могильной ямы, вещи и жженые кости. Могила имела подпрямоугольную форму с закругленными углами, размеры 175 x 50 см, длинной стороной ориентирована по линии СЗ – ЮВ.

Жженые кости сконцентрированы по центру могилы. Расположение вещей соответствует их местоположению в костюме. Судя по расположению вещей, погребенный лежал головой на СЗ (аз. 330°).

Сопровождающий инвентарь: в северо-западной части могилы обнаружены детали головного убора (№ 1) из нескольких рядов бронзовой цепочки и круглых бубенчиков (рис. 192 – 1, 3, 4), височные кольца (№ 2, 3); 2 – с завязанными концами (рис. 192 – 2), у 2-х один конец отогнут (рис. 192 – 7), юго-восточнее – фрагменты гравни из железного дрота* (№ 4), бронзовые спиральные пронизки (№ 5), железное кресало (№ 6) (рис. 192 – 6).

Погребение 39. Кремация*.

На глубине 15 см от уровня современной

дневной поверхности обозначились контуры могильной ямы округлых очертаний диаметром 50 см и глубиной 15 см. В заполнении – зола, жженые кости, фрагменты керамики. К погребению отнесено условно.

Погребение 40. Трупоположение (рис. 193 – 194).

Могильная яма обнаружена на глубине 45 – 50 см от нулевой отметки, имела подчетырехугольную форму с закругленными углами, размеры 232 x 60 см, вытянута по линии СЗ – ЮВ. Заполнение серое слабогуммированное, стенки ямы слегка скошены ко дну, заплечиков и подбоев не имеют. Вдоль стенок могильной ямы расчищены фрагменты дерева. Подстилки под костяком не зафиксировано. На глубине 50 см появилась кость от черепа, чуть ниже на глубине 50–55 см были расчищены остальные кости и вещи. Сохранность костей плохая, но по фрагментам можно сказать, что погребенный лежал на спине в вытянутом положении головой на СЗ (аз. 300°). Череп покоялся на левом боку, руки были согнуты в локтях и кисти лежали на тазовых костях.

Сопровождающий инвентарь: В районе шеи обнаружено скопление вещей, вероятно, от шейного украшения, в которое входили две круглые подвески из цветного металла (№ 1) (рис. 194 – 1-2), спиральки на кожаном ремешке (№ 2) (рис. 194 – 6), бубенчик из цветного металла (№ 3) (рис. 194 – 5), 3 подвески из дирхемов (№ 4) (рис. 194 – 3), небольшой кожаный кошелек с крышкой (№ 5) (рис. 194 – 7), обломок браслета (№ 6) (рис. 194 – 4), колокольчик из цветного металла (№ 6а) (рис. 194 – 10). Все подражания дирхемам имеют пробитые отверстия, один экземпляр имеет 6 отверстий, расположенных в форме треугольника, надпись на нем почти незаметна (рис. 194 – 3). Рядом обнаружены пять железных черешковых наконечников стрел (№ 7) (рис. 193 – 3, 4, 6-8). В области пояса найден кожаный ремень шириной 2,2 см с бронзовыми накладками, полным кольцом, пряжкой и ременным наконечником (№ 8) (рис. 194 – 12, 14-17). На запястье левой руки расчищены два браслета из цветного металла (№ 9) (рис. 194 – 11, 13). С левой стороны найдена рукоятка от ножа с обмоткой из бронзовой проволоки в кожаном футляре (№ 10) (рис. 193 – 1). В ногах лежал железный проушный топор (№ 11) (рис. 193 – 5) и стоял керамический сосуд (№ 12) (рис. 193 – 2). Сосуд имел плоское дно, шнуровой орнамент по плечику и изготовлен из глины с примесью песка и органики. Под черепом обнаружены две бронзовые серьги (рис. 194 – 8, 9).

На площади могильника зафиксированы также скопления вещей, помещенные в сосуды, ту-

* К погребению отнесено условно. Кости медные, анализ не проводился.

ески, завернутые в ткань, мех, кожу, которые следует считать жертвенные комплексами, а также отдельные вещи.

Жертвенные комплексы расположены по всей площади раскопа, территориально не концентрируются.

Жертвенный комплекс 1.

На глубине 15 см от уровня современной дневной поверхности появилось дно медного котелка и слабое зольное заполнение округлой формы вокруг него. Котелок окончательно был расчищен на глубине 35 см. Котел изготовлен из листовой меди и имел железную ручку*. Стоял вверх дном. Под котелком найдены кости утки. Следов огня на юстиях нет.

Жертвенный комплекс 2 (рис. 195).

На глубине 40 см найдены железные вещи: стремена (№ 1) (рис. 195 – 2), удила (№ 2) (рис. 195 – 3) и пряжка от подпруги (№ 3) (рис. 195 – 1). Вещи располагались компактно в слабогуммированном заполнении подквадратной формы с округленными углами глубиной 10 см.

Жертвенный комплекс № 3 (рис. 195).

На глубине 40 см от уровня современной дневной поверхности между могилами № 3 и № 4 обнаружено скопление вещей: бронзовая пряжка с железным язычком (рис. 195 – 7), железные предметы, вероятно, шило (рис. 195 – 5), обломок ножа (рис. 195 – 4) и железная пряжка (рис. 195 – 6), бронзовый предмет (рис. 195 – 8), бусина (рис. 195 – 9).

Жертвенный комплекс 4 (рис. 196 – 198).

На глубине 30 см от уровня современной дневной поверхности заметны очертания слабогуммированного заполнения подквадратной формы размерами 60 x 55 см. На глубине 50 см на дне располагались два берестяных туеска.

Туесок № 1. Изготовлен из бересты. Дно было деревянное, а по венчику туесок обшил кожей, обернут кожаным ремнем. В туесе находились деревянная чаша, от которой сохранились фрагменты (рис. 197 – 22), кожаная обувь с подвесками (рис. 198 – 3-5, 8), цепочка, вероятно, от головного убора (рис. 197 – 6), гравна (рис. 198 – 11), бронзовые пронизки и бубенчики, бронзовые бусы и мелкие накладки (рис. 197 – 3, 4, 7, 8, 16, 17, 19; 198 – 7), золоченные мелкие бусы (рис. 197 – 1, 2; 291 – 23-26), 8 граненных браслетов (рис. 197 – 5, 18, 21) и один из дрота с желобком (рис. 197 – 9), 6 перстней, связанных вместе (рис. 197 – 10-15), 2 треугольные подвески (рис. 198 – 2), 2 коньковые подвески (рис. 198 – 1), подвеска-уточка из бронзы (рис. 197 – 20), височное кольцо (рис. 198 – 10), пряжка (рис. 198 – 6) и фрагменты подвески-всадницы (рис. 198 – 12). Все вещи сложены компактно и завернуты в кожу. За туеском лежали кресало* и кремень.

Туесок № 2. Он изготовлен из луба, сверху

облицован берестой. В нем содержались завернутые в мех и ткань вещи: серебряная гравна глазовского типа (рис. 196 – 14), дирхем, бронзовая цепочка (рис. 196 – 10), кожаный ремень с пряжкой и позолоченными накладками с изображением трилистника, наконечником (рис. 196 – 5, 6, 8, 9, 13; 296 – 13, 14), бронзовые бубенчики (рис. 196 – 1, 3), нож (рис. 196 – 2), кольцевидная застежка (рис. 196 – 7), петельная застежка (рис. 196 – 11), фрагмент пряжки (рис. 196 – 12). Здесь же стояла деревянная чаша, от которой сохранились небольшие фрагменты (рис. 196 – 4).

Жертвенный комплекс 5 (рис. 199).

На глубине 15 см от уровня современной дневной поверхности появился верхний край бронзового котла, который был полностью расчищен на глубине 40 см. Котел был обернут в бересту. Внутри котла стоял берестяной туесок и деревянная чаша, в них вещи: гравна (рис. 199 – 6), бубенчик (рис. 199 – 7), пронизка (рис. 199 – 3), перстень (рис. 199 – 2), 2 наконечника стрелы (рис. 199 – 4, 5).

Жертвенный комплекс 6 (рис. 199).

На глубине 30 см от уровня современной дневной поверхности прослежено слабое гумусное заполнение округлых очертаний диаметром 35 см. При расчистке заполнения обнаружены свертки ткани, шкурки меха, височные кольца (№ 1) (рис. 199 – 8), фрагменты деревянной чаши (№ 2) (рис. 199 – 12), бронзовый бубенчик (№ 3) (рис. 199 – 9), подвеска (№ 3а) (рис. 199 – 7). Все эти вещи лежали компактно внутри окружности ремня (№ 6). Ремень кожаный, свернут в два оборота и украшен бронзовыми накладками (рис. 199 – 10, 11, 14, 15). Длина ремня 140 см. Кремню крепился кожаный кошелек, внутри которого, очевидно, были дирхемы очень плохой сохранности, рядом – черная бусина (№ 4) (рис. 199 – 13).

Жертвенный комплекс 7 (рис. 200).

На глубине 70 см от уровня современной дневной поверхности прослежено гуммированное пятно диаметром 35 см.

В этом заполнении расчищен берестяной туесок, по верхнему краю окантованный кожей. В туеске находились 2 граненых браслета (№ 1) (рис. 200 – 2, 4) и один уплощенный (рис. 200 – 1), височное кольцо (№ 2) (рис. 200 – 7), 2 трапециевидные подвески (№ 3) (рис. 200 – 9), фрагменты бронзовой цепочки (№ 5) (рис. 200 – 3), сверху лежал в 4 оборота свернутый ремень с бронзовыми пряжками и накладками (№ 4) (рис. 200 – 5, 6). Под подвесками обнаружено железное тесло (рис. 200 – 8).

Жертвенный комплекс 8 (рис. 201 А).

На глубине 40 см от уровня современной дневной поверхности выявлены пятно светло-серого цвета и туесок. Туесок был изготовлен из дерева, с внешней стороны покрытого берес-

той; по верхнему краю в два оборота обернут кожаным ремнем с бронзовыми накладками и наконечником (№ 1) (рис. 201 – 1,2; 296 – 35). В тусске находились кость животного (№ 2), железная пряжка плохой сохранности* (№ 3), два браслета (№ 4): 1 треугольный с насечками на концах*, 1 из четырехгранных дрота (рис. 201 – 3) и бронзовые пронизки.

Жертвенный комплекс 9 (рис. 201 Б).

На глубине 30 см от уровня современной дневной поверхности расчищен берестяной туесок. В нем лежали следующие вещи: головной убор из бронзовой цепочки с бубенчиками и дирхемом (№ 1) (рис. 201 – 4-6,8,9), фрагменты нагрудной бляхи (№ 2) (рис. 201 – 11), бронзовые браслеты – 2 экз. (№ 3) (рис. 201 – 7,10), фрагмент железной пряжки плохой сохранности (№ 4).

Жертвенный комплекс 10 (рис. 202).

На глубине 40 см от уровня современной дневной поверхности обозначилось гумусное заполнение диаметром 35 см. При его расчистке обнаружен деревянный туесок с вещами: 2 арочные подвески (№ 1) (рис. 202 – 6), 2 коньковые подвески (№ 2) (рис. 202 – 2,8), бронзовая пряжка (№ 3) (рис. 202 – 3), костяные подвески (№ 4) (рис. 202 – 5,7), кресало с бронзовым навершием (№ 5) (рис. 202 – 9), железный нож* (№ 6). Под этими вещами расчищены фрагменты кожаного ремня с металлическими накладками и пряжкой (№ 7) (рис. 202 – 1,4) и фрагменты цепочки.

Жертвенный комплекс 11.

На глубине 15 см от уровня современной дневной поверхности найден железный котел, в нем удила и наконечник стрелы*. Костей нет.

Жертвенный комплекс 12 (рис. 203).

Слабогуммированное пятно округлой формы размерами 30 x 35 см обозначилось на глубине 45 см от нулевой отметки. На этой же глубине были расчищены гривна из цветного металла (№ 1) (рис. 203 – 16), браслет (№ 2) (рис. 203 – 8) и бубенчик (№ 3) (рис. 203 – 5). На глубине 47 – 50 см в пределах окружности гривны были обнаружены следующие вещи (№ 4): 1 целый браслет и один представлен двумя половинками (рис. 203 – 7,15), бронзовые пронизки, фрагмент тесьмы из металлической нитки (рис. 203 – 4), обувная подвеска (рис. 203 – 6), несколько полых бубенчиков (рис. 203 – 1-3), фрагменты ремня с накладками, наконечником, пряжками (рис. 203 – 9-14).

Жертвенный комплекс 13 (рис. 204–206).

На глубине 50 см от нулевой отметки зафиксировано слабогуммированное заполнение округлой формы диаметром 25 см, по центру которого располагалась медная цепочка (№ 1).

При расчистке под цепочкой на глубине 53 см обнаружен слой луба, после снятия которого обозначились в беспорядке расположенные следу-

ющие вещи (рис. 206): 2 перстия (№1) (рис. 205 – 18,19), фрагменты кожаного ремня шириной 1,7 см с накладками двух видов (№ 2) (рис. 204 – 1-3,5), пряжка и наконечник из цветного металла (рис. 204 – 1,5), железный нож (рис. 204 – 8), две группы браслетов общим количеством 6 экз. (№ 3) (рис. 205 – 20-23); еще одна пряжка (рис. 204 – 4), полый бубенчик (рис. 205 – 6) и лапчатая привеска от украшения, которое было расчищено ниже (№ 4). Вещи лежали на слое меха и кожи, под которыми обнаружен слой ткани. Ткань имеет плетение рогожка, на одном фрагменте сохранился орнамент (рис. 204 – 6). Под слоем ткани на глубине 55 см расчищены следующие вещи: арочные подвески (№ 5) (рис. 205 – 14,16), тлен от двух трапециевидных подвесок, полностью рассыпавшихся (№ 6). На глубине 57 см найдено нагрудное украшение с круглой основой (рис. 205 – 17), на глубине 60 см – кожаный кошелек (рис. 204 – 7). Внизу лежал слой меха и кожи. Следы швов на кожаном изделии хорошо фиксируются. Одежда была пошита из шкурок некрупного животного, ширина шкурок в высохшем состоянии 25 см. Длина сохранившейся части – 34 см. На коже был расчищен тлен от украшения или вышивки металлической проволокой, декорирующей кожаный нагрудник (рис. 205 – 24). Тлен очень слабый, взять изделие не удалось даже во фрагментах, оно полностью было уничтожено, фото и зарисовку тлена сделать удалось. Это были остатки двух прямоугольных пластин, края одной совпадают со швами на коже. Изделие имело размер 6 x 14 см, на него нашиты 4 полосы тесьмы, на которых фиксируется тлен от 19 рядов пронизок. В слое меха и ткани обнаружены также 5 бубенчиков (4 полых, один литой) (рис. 205 – 7-10) и конусовидные подвески и пронизки (рис. 205 – 2-5,11,12) из цветного металла, которые, вероятно, использовались в качестве подвесок к несохранившимся украшениям, и сюльгама (рис. 205 – 15). Вероятно, что в данном комплексе найдены остатки одежды (платье, кожаный кафтан) с набором украшений, одежда была связана в узел, поэтому не удалось проследить расположение каждой вещи.

На вскрытой площади обнаружены несколько ям и отдельные находки. Большинство ям относятся к столбовым. Ямы № 10,11,12 представляют остатки кострищ. Яма № 9 выявлена с глубины 40 см от уровня современной дневной поверхности, имеет подпрямоугольную форму размерами 52 x 40 см, глубину 12 см и слабогуммированное заполнение. Очертания ямы № 10 обозначились на глубине 75 см, имели размеры 160 x 60 см, глубину 60 см и зольное заполнение. Яма № 11 имела округлую форму диаметром 92 см и зольное заполнение. Очерта-

ния выявлены на глубине 65 см от уровня современной дневной поверхности и продолжались до глубины 125 см, под ямой заметны следы проката.

Особый интерес представляет яма № 12. На глубине 15 см от уровня современной дневной поверхности сразу под слоем дерна заметны ее овальные контуры. Размеры 180 x 120 см, глубина 25 см. В заполнении – зола, угли, костяные кости. У восточного края ямы найдены железные стремена (рис. 210 – 4), удила (рис. 210 – 6) и пряжка (рис. 210 – 3). Вещи сильно обожжены. Яма № 12 представляет, вероятно, остатки

площадки и хостра, над которым производилось трупосожжение.

Отдельные находки.

На территории могильника обнаружены железные и бронзовые котлы и чаши из цветного металла (рис. 207), которые не связаны с конкретными погребениями.

На территории могильника в разные годы были обнаружены также накладки от поясных наборов и другие мелкие украшения или их обломки (рис. 209). Отдельные вещи и сосуды, вероятно, происходят из разрушенных погребений или жертвенных комплексов.

§ 5. ДУБОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

Могильник был расположен на песчаных дюнах второй террасы р. Волги на окраине бывшего п. Дубовая Горномарийского (в настоящее время Кильмарского) района Марийской АССР. У основания террасы располагалось озеро, образованное разливом Волги. Высота террасы над уровнем воды в озере 7 – 8 м (рис. 211). В настоящее время дюна представляет собой остров на Чебоксарском водохранилище, место могильника затоплено. На могильнике изучена площадь более 2000 кв. м., на которой располагались 77 погребений и 8 жертвенных комплексов (рис. 211а, 212). Могильник сильно разрушен, уровень древней поверхности не фиксируется, все глубины замерялись от уровня современной дневной поверхности.

Погребение 1. Трупоположение (рис. 213).

На глубине 50 – 55 см лежал мужской (?) костяк, вытянуто, на спине, руки вдоль тела, ориентированный головой на СЗ (аз. 300°). Очертания могильной ямы незаметны. Сохранность костяка плохая. Кости рук и ног вытянуты, кости ног сведены в области ступней.

Сопровождающий инвентарь. На левой бедренной кости обнаружены железный проушной топор (№ 1) (рис. 213 – 4), справа у голени – железный нож* (№ 2), в ногах, чуть ниже ножа – 2 железные пряжки: одна с подпрямоугольным (№ 3) (рис. 213 – 2) приемником, другая – с круглым (№ 4) (рис. 213 – 1). Язычки не сохранились. В некотором отдалении слева лежала медная штампованные накладка (№ 5) (рис. 213 – 3).

Погребение 2. Трупоположение (рис. 214).

На глубине 62 см лежал мужской (?) костяк на спине, вытянуто; ориентирован головой на ССЗ (аз. 350°). Сохранность костяка плохая.

Сопровождающий инвентарь. В области груди обнаружены фрагменты кошелька (№ 1) (рис. 214 – 2, 4, 6); чуть ниже – 7 медных штампованных накладок (№ 2) (рис. 214 – 7, 8); правее – бронзовая пряжка без язычка (№ 3) (рис. 214 – 9); слева в области груди – обломок железного ножа (№ 5) (рис. 214 – 5), вторая по-

ловина ножа лежала с правой стороны (№ 4); в области пояса остатки ремня (№ 6, 7) с 5 медными накладками и концевой накладкой (рис. 214 – 1, 7). В 35 см слева от костяка на уровне таза обнаружен железный наконечник стрелы (№ 8) (рис. 214 – 3).

Погребение 3. Трупоположение (рис. 215).

На глубине 80 см лежал мужской костяк, ориентированный головой на СЗ (аз. 350°), вытянуто на спине, руки вдоль тела. В области таза и поясницы сохранились остатки воротничной и лубянной подстилки (№ 1).

Сопровождающий инвентарь. На левом плече лежал железный наконечник стрелы (№ 9) (рис. 215 – 4), рядом с левой локтевой костью – медная пряжка (№ 8) (рис. 215 – 8), в районе пояса – кожаный ремень (№ 2) с накладками (42 экз.) (рис. 215 – 1, 2), цельнолитой пряжкой (рис. 215 – 7) и наконечником (рис. 215 – 9). На тазовой кости справа обнаружены остатки плохо сохранившегося кошелька (№ 10), аналогичного кошельку из п. 2. Рядом лежали оттиск с дирхема с отверстием, одна проволочная серьга (рис. 215 – 6) с остатками тонкой шелковой ткани и тонкая свернутая серебряная проволока (№ 7); по-видимому, они лежали в кошельке. Слева у таза – остатки железного ножа с деревянной рукояткой, закрученной тонкой серебряной проволокой (№ 6) (рис. 215 – 11). Между костями ног обнаружены фрагменты второго железного ножа (№ 4) (рис. 215 – 10). На правой бедренной кости найден железный проушной топор (№ 3) (рис. 215 – 3), слева у бедра – 3 железных наконечника стрел (№ 5) (рис. 215 – 5, 12, 13).

Погребение 4. Трупоположение (рис. 216, 217).

На глубине 70 см без заметных очертаний могильной ямы лежал мужской костяк, вытянуто, на спине, руки вдоль тела, головой на СЗ (аз. 340°). Череп повернут вправо.

Сопровождающий инвентарь. В области головы слева расчищено медное височное кольцо (№ 1) (рис. 217 – 4), в области шеи – серебряная

гравна (№ 2) (рис. 217 – 12) и остатки ожерелья из шерстяной нитки с медными спиральками (рис. 217 – 3) с подвеской в виде всадницы (№ 3) (рис. 217 – 2). Справа от черепа найдены 8 железных наконечников стрел (№ 4) (рис. 216 – 2) и железный втульчатый топор, воткнутый в землю (№ 6) (рис. 216 – 4). На левом плече лежал еще один железный проушной топор (№ 5) (рис. 216 – 3), на пояссе – остатки ремня (№ 8) с медными накладками (49 штук) и пряжкой (рис. 217 – 5; 296 – 19, 28, 25). На левой руке надет медный браслет (№ 9) (рис. 217 – 10). Между ног обнаружена бронзовая пряжка (№ 12) (рис. 217 – 6). К поясу с правой стороны, по-видимому, привешивались железный нож (рис. 216 – 1) и кожаный кошелек (№ 11) (рис. 217 – 11), рядом с которыми находились оттиск дирхема, железное кольцо трубчатое (рис. 217 – 9) и привески (№ 10) (рис. 217 – 1).

В ногах обнаружены украшения обуви: на правой ноге сохранились лишь одна очковидная привеска (№ 13) (рис. 217 – 7), на левой ноге 2 очковидные привески (№ 14, 15) (рис. 217 – 8).

Погребение 5. Трупоположение (рис. 217 Б).

На глубине 65 см на боку лежал костяк плохой сохранности головой на СЗ (аз. 300°). Возможно, он был потревожен. Около костяка находился только железный нож (№ 1) (рис. 217 Б – 13).

Погребение 6. Трупоположение разрушенное (рис. 218 Б).

От костяка сохранились лишь часть черепа и одна кость, по-видимому, руки. При нем был обломок железного ножа (рис. 218 – 10). На этом же участке найдена медная пряжка (рис. 218 – 11).

Погребение 7. Трупоположение (рис. 218А).

На глубине 70 см лежали остатки детского костяка очень плохой сохранности, головой на ССЗ (аз. 355°). От костяка сохранились зубы и слабый тлен от позвоночника.

Сопровождающий инвентарь. В области головы обнаружены остатки головного убора в виде цепочки из медной проволоки и 7 медных бубенчиков (№ 6) (рис. 218 – 1) и серебряное височное кольцо (№ 4) (рис. 218 – 4), в области пояса – фрагменты ремня с 24 медными накладками и концевым наконечником (№ 5) (рис. 218 – 2, 3). К ремню, по-видимому, привешивались маленькая костяная пронизка (№ 3) (рис. 218 – 5) и обломок желобчатого браслета (№ 7).

На правой руке был бронзовый желобчатый браслет (№ 1) (рис. 218 – 8), на левой – медный многогранный браслет и медный браслет из круглого дрота (№ 2) (рис. 218 – 6, 9). В изголовье в небольшом отдалении стоял глиняный горшкообразный сосуд с орнаментом (№ 8) (рис. 218 – 7).

Погребение 8. Трупосожжение (рис. 219).

На глубине 70 см двумя скоплениями лежалиоженные кости, уголь и зола вместе с вещами.

Расстояние между скоплениями 10 – 15 см. Трупосожжение производилось на стороне без вешей.

Сопровождающий инвентарь: В северо-западном комплексе находились обрывки медной цепочки с накладкой (№ 1) (рис. 219 – 6, 9) и 2 поясные накладки (№ 2) (рис. 219 – 3, 4).

В юго-восточном скоплении лежали: фрагменты медной цепочки общей длиной в 200 см (№ 3) (рис. 219 – 13, 15), 2 медных височных кольца (№ 4) (рис. 219 – 5), медные браслеты (№№ 5, 6 и 9) (рис. 219 – 10, 11, 12, 14), обломок железного ножа (№ 7) (рис. 219 – 1), маленькое медное височное кольцо-серьга (№ 8) (рис. 219 – 7).

Погребение 9. Трупоположение (рис. 220).

На глубине 55 см лежал мужской (?) костяк головой на СЗ (аз. 305°), вытянуто на спине со сложенными на живот и таз руками.

Сопровождающий инвентарь. На черепе обнаружено медное височное кольцо (№ 1) (рис. 220 – 7), на шее – остатки ожерелья из медных спиралек, медных бусин, стеклянной бусины и медного бубенчика на шерстяной нитке и костяных коньков (№ 2) (рис. 220 – 3-5, 10), за черепом – железное кресало (№ 3) (рис. 220 – 2). На правой руке зафиксирован медный браслет (№ 4) (рис. 220 – 1), у правого бедра – железный наконечник стрелы (№ 5) (рис. 220 – 8), на правом колене – обрывок медной цепочки (№ 6) (рис. 220 – 6). Под черепом находилось еще одно кольцо (№ 7) (рис. 220 – 9), по-видимому, височное.

Погребение 10. Трупоположение (рис. 221).

На глубине 55 см без заметных очертаний могильной ямы лежал костяк плохой сохранности в вытянутом положении головой на СЗ (аз. 330°).

Сопровождающий инвентарь. Под нижней челюстью обнаружены остатки ожерелья из медных спиралек, нанизанных на шерстяную нить, с медной бляхой (№ 1) (рис. 221 – 5) и бусиной (рис. 221 – 4; 290 – 7); слева от черепа – медная накладка от ремня (№ 2) (рис. 221 – 1); слева от таза – обрывок медной спиральной пронизки (№ 3); слева от бедра – железный нож (№ 4) (рис. 221 – 2); медный браслет (№ 5) (рис. 221 – 3); медная накладка (№ 6), аналогичная накладке под № 2; слева у левой голени – такая же медная накладка (№ 7).

Погребение 11. Трупосожжение (рис. 222).

На глубине 70 см компактно лежали вещи сожженными костями. Под ними – остатки подстилки из луба.

Сопровождающий инвентарь. Остатки украшения из медных колокольчиковидных и бутыльчатых привесок, костяных фигурок на кожаных шнурках (№ 1, 4) (рис. 222 – 6-12); обломки трех медных браслетов (№ 2); один –

пятигранный (рис. 222 – 1), второй – сильно окислившийся прямоугольный в сечении (рис. 222 – 2), третий – пластинчатый (рис. 222 – 3), обломки железного ножа (№ 3) (рис. 222 – 5), спирале-видный медный перстень (№ 5) (рис. 222 – 4).

Погребение 12–13. Труповложение, парное (рис. 223).

На глубине 65 см без контуров могильной ямы лежали два костяка подростков, обращенных лицевой частью друг к другу. Кости лежали на спине, вытянуто, головой на СВ (аз. 8°). Погребение 12 (восточное), по-видимому, женское (девушка – 7) лежало на подстилке из луба и ткани, сверху покрытое также лубом. Погребение 13 (западное) подстилки не имеет, но правая сторона была покрыта лубом, по-видимому, часть луба от соседнего погребения. Руки обоих костяков лежали на тазовых костях.

Сопровождающий инвентарь. В погребении 12 выше тазовой кости сохранились остатки ремня (№ 7) с медными накладками (16 штук) (рис. 223 – 1, 2) и медной пряжкой (№ 6) (рис. 223 – 4). Вторая пряжка имела железный язычок (рис. 224 – 3). На левом колене найдены фрагменты железного ножа со следами деревянной рукоятки (№ 5) (рис. 223 – 7). В погребении 13 на обеих руках обнаружены одинаковые медные браслеты (№ 1, 2) (рис. 223 – 5, 6), справа у верхней части бедренной кости – железный звонок* (№ 3), а у костей ног – 3 железных наконечника стрел (№ 4) (рис. 223 – 8, 9).

Погребение 14. Труповложение (рис. 224).

На глубине 85 – 90 см без очертаний могильного заполнения в вытянутом положении лежал женский костяк плохой сохранности, головой на СЗ (аз. 335°). Руки сложены на таз. Кости лежали на подстилке из луба и покрыты сверху также лубом.

Сопровождающий инвентарь. На черепе сохранились фрагменты цепочки с привесками в виде бубенчиков (№ 1) (рис. 224 – 9), справа и слева – медные высокие кольца (№ 2, 3) (рис. 224 – 10), на шее – серебряная гривна (№ 4) (рис. 224 – 12), в области груди – 2 бусины с разноцветными (черный, красный, белый) рельефными глазками (№ 5) (рис. 224 – 7, 8; 290 – 12, 14), чуть ниже – еще бусы (№ 6), но они отличаются сочетанием цветов (желтое и красное поле, пласки зеленого, черного и красного цветов) (рис. 224 – 5, 11) (рис. 290 – 13, 15, 19–21) и трапециевидные подвески (№ 7, 9) (рис. 224 – 3). На правой руке найдены 4 браслета, на левой – 5 (№№ 8, 10) (рис. 224 – 1, 4, 13, 14). На пальцах левой руки – 2 перстия: один ромбовидный, второй – медный спиральный проволочный* (№ 11) (рис. 224 – 6), на пальцах правой руки – 2 серебряных перстия (№ 12)*. На тазу расчищены обломки железного предмета, предположительно

кресала* (№ 15) и ножа (№ 13) (рис. 224 – 2). В ногах – маленький обломок медной спиральки (№ 14).

Погребение 15. Труповложение (рис. 225А).

На глубине 65 см лежал мужской (?) костяк, по-видимому, на правом боку, головой на СЗ (аз. 330°). Ноги чуть согнуты, правая рука вдоль тела, левая согнута к груди. Контуры могильной ямы незаметны.

Сопровождающий инвентарь. В изголовье находилось скопление вещей: железный нож (№ 1) (рис. 225 – 2), обломки неопределенного (кресала?) железного предмета* (№ 2), медных небольшая пластинка* (№ 3) и кремешки (№ 4). Справа у плеча – железный проушной топор (№ 5) (рис. 225 – 1), у локтевого сгиба – еще один нож (№ 6) (рис. 225 – 3).

Погребение 16. Труповложение (рис. 225Б).

На глубине 70 см без очертаний могильной ямы, головой на СЗ (аз. 295°) лежал мужской (?) костяк на спине, вытянуто, левая рука на тазу, правая вдоль тела, череп повернут вправо.

Сопровождающий инвентарь. В изголовье обнаружено скопление вещей: железный нож* (№ 1), железное кресало (№ 2) (рис. 225 – 4), 3 кремешка (№ 3) и 1 плоская бусина из красного янтаря (№ 4) (рис. 290 – 6); под нижней челюстью – ожерелье из мелких глиняных (?) бус* (№ 7), на правой руке – железный браслет (№ 5) (рис. 225 – 5), на правой бедренной кости – перстень из белой бронзы (№ 6) (рис. 225 – 6).

Погребение 17. Труповложение (рис. 226, 227).

Контуры могильной ямы не зафиксированы. На глубине 75 см лежал мужской костяк (всадника – ?), вытянуто, на спине, головой на СЗ (аз. 305°). Левая рука на тазу, правая вдоль тела. Череп чуть повернут вправо.

Сопровождающий инвентарь. Справа у черепа лежал железный проушный топор (№ 14) (рис. 226 – 1), на черепе – 2 серебряных височных кольца (№№ 15, 16) (рис. 227 – 2, 3), на шее – серебряная гривна (№ 13) (рис. 227 – 5). В области нижней части груди в засыпи обнаружены железные удила (№ 12) (рис. 226 – 4). На костяках правой руки надет браслет (№ 8) (рис. 227 – 4). Судя по большому диаметру, можно предположить, что он нашивался на рукав.

На правой голени довольно компактно лежали: ремень, свернутый и завязанный тесемкой из шерстяной нитки (№ 11) (рис. 226 – 2). Ремень узкий (одна накладка в стороне (№ 9), на нем – мелкие серебряные выпуклые накладки, рядом лежали обрывки тисненой кожи*, вероятно, от кошелька, кремешок (№ 10), железное кресало (№ 7) (рис. 227 – 11), железный наконечник стрелы (№ 5) (рис. 227 – 7) и железный нож (№ 4) (рис. 227 – 6), железная пряжка с хоботовид-

ным язычком (№ 3) (рис. 227 – 1) и еще одна железная пряжка меньших размеров (№ 6) (рис. 227 – 10).

В ногах справа лежали 3 железных наконечника стрел (№ 2) (рис. 227 – 8), железная втулка (рис. 227 – 9), стремена (№ 1) (рис. 226 – 3).

Погребение 18. Трупоположение (рис. 228).

На глубине 65 – 70 см в грунте без видимых контуров могильной ямы лежал костяк на спине, вытянуто, головой на СЗ (аз. 310°). Обе руки согнуты: правая незначительно, левая сильнее и сложена на таз. Сохранность костяка плохая.

Сопровождающий инвентарь. В изголовье найден железный нож* (№ 5), на черепе – 2 серебряные серьги-кольца (№№ 2, 12) (рис. 228 – 4), на шее – ожерелье из металлических бусин (№ 11) (рис. 228 – 3), слева от черепа – железное кресало (№ 1) (рис. 228 – 1), на правом плече – перевитое из 3-х медных проволок полукольцо, похожее на браслет (№ 4) (рис. 228 – 5). В области груди обнаружены 2 медных бубенчика (№№ 3, 10) (рис. 228 – 2) и раковина-каури (№ 10) (рис. 228 – 6). Немного ниже располагались 2 медных кольца (№№ 6, 7) (рис. 228 – 9, 10), на правой руке – 3 медных браслета (№ 9) (рис. 228 – 11, 12), на левой руке – железный браслет (№ 8) (рис. 228 – 8). Между ног у колен зафиксированы бубенчики (№ 13), такой же бубенчик и справа от голени (№ 13) (рис. 228 – 7), в ногах – железный проушной топор* (№ 14).

Погребение 19. Трупоположение (рис. 229).

На глубине 70 – 75 см без очертаний могильного заполнения лежал мужской (?) костяк на спине, головой на СЗ (аз. 305°). Кости ног вытянуты, правая рука вдоль тела, левая согнута в локте и положена на таз.

Сопровождающий инвентарь. На черепе лежала медная серьга-кольцо (№ 1) (рис. 229 – 2), рядом – вторая серебряная (№ 9) (рис. 229 – 7), на шее – плохо сохранившаяся железная гривна (№ 2) (рис. 229 – 8), по-видимому, из четырехгранных дрота.

На правой руке надет медный браслет (№ 3) (рис. 229 – 6), на левой руке – медный четырехгранный браслет (№ 4) (рис. 229 – 3). Под браслетами сохранились остатки деревянной подстилки. Справа у стопы лежали железный нож (№ 5) (рис. 229 – 4), медная пряжка с железным язычком (№ 6) (рис. 229 – 5) и железное кресало (№ 7) (рис. 229 – 1), в ногах – железный топор* (№ 8).

Погребение 20. Трупоположение (рис. 230А).

Слабые контуры могильной ямы имели размер 147 x 51 см. На глубине 68 см лежал детский костяк на спине с вытянутыми ногами, головой на СЗ (аз. 285°). Положение рук из-за плохой со-

хранности устанавливается приблизительно: правая вытянута, левая слегка согнута в локте.

Сопровождающий инвентарь. В изголовье обнаружен железный нож* (№ 1), слева от черепа – мединая серьга-кольцо (№ 2) (рис. 230 – 3), на левой руке – 2 витых браслета (№ 4, 5) (рис. 230 – 1), на правой – браслет из медной круглой проволоки (№ 3) (рис. 230 – 2). Вместе с браслетами левой руки были остатки ткани, по-видимому, от рукава одежды.

Погребение 21. Трупоположение (рис. 230Б).

На глубине 20 см на спине головой на СЗ (аз. 288°) лежал костяк взрослого человека. Ноги вытянуты, кисти рук на тазу. Контуры могильной ямы не выявлены. Сопровождающих вещей нет.

Погребение 22. Трупоположение (рис. 230В).

Без видимых очертаний могильной ямы на глубине 25 – 30 см лежали остатки костяка, ориентированного на СЗ (аз. 288°). Кости плохо сохранились, обнаружены лишь фрагменты черепа и мелкие обломки левой руки, положенной кистью, по-видимому, на таз, трубчатые кости от ног.

Выше головы вытянуто зафиксирован слой угля толщиной в 2 – 3 см (рис. 3). Вещей при погребении не обнаружено.

Погребение 23. Трупоположение (рис. 231).

На глубине 25 – 30 см в яме с плохо сохранившимися очертаниями лежал костяк на спине с вытянутыми ногами головой на СЗ (аз. 286°). Руки кистями сложены на таз.

Сопровождающий инвентарь. На черепе обнаружена мединая серьга-кольцо (№ 1) (рис. 231 – 1); под черепом – железное шило (№ 4) (рис. 231 – 3), на тазу – медный перстень (№ 2) (рис. 231 – 2), в ногах – железный нож с остатками деревянной рукоятки (№ 3) (рис. 231 – 4).

В области расположения перстня сохранились остатки кожи или ткани.

Погребение 24. Трупоположение (рис. 232).

На глубине 42 – 50 см в яме со слабо прослеживаемыми очертаниями (212 x 60 см) подчетырехугольной формы лежал костяк (мужской?) в вытянутом положении, головой на СЗ (аз. 328°). Кисть правой руки была положена на таз, левая рука вытянута вдоль тела. Ноги, по-видимому, первоначально были слегка согнуты, затем развалились в разные стороны. Правая бедренная кость имеет рубец и короче левой.

Под левым бедром, тазом, черепом и верхней частью туловища сохранились остатки подстилки из кожи и ткани.

Сопровождающий инвентарь. Слева от черепа найден железный кинжал-нож в деревян-

ных ножнах, обхваченных железными обоймами (№ 2) (рис. 232 – 8), рядом с ним – остатки кожаного ремня (№ 3) с пряжкой (рис. 232 – 6) и 21 накладками (рис. 232 – 1-4; 296 – 5, 6). Здесь же лежали железное кресало с бронзовой рукояткой (№ 4) (рис. 232 – 7) и кремешок. Под черепом обнаружены две серьги (№ 6) (рис. 232 – 5), слева от таза – воткнутый в землю втульчатый топор* (№ 1).

Погребение 25. Трупоположение (рис. 233).

На глубине 40 – 50 см в подчетырехугольной яме (170 x 57 см) со слабо прослеженными очертаниями лежал костяк на спине с вытянутыми ногами, головой на СЗ (аз. 315°). Правая кисть на тазу, левая рука вдоль тела. Череп повернут влево (свалился?), несколько смещены кости правой руки.

Сопровождающий инвентарь. Слева в области плеча найден воткнутый в землю железный проушной топор (№ 1) (рис. 233 – 5). На тазовых костях в куче лежали остатки кожаного ремня (№ 3) с двумя пряжками (рис. 233 – 3, 4) и 23 накладками двух типов (рис. 233 – 1, 2). По-видимому, к ремню был подвешен кожаный кошелек грушевидной формы (№ 4), остатки которого сохранились в виде кожаной полоски с медными зажимчиками*. Здесь же лежали железный нож* (№ 5) в деревянных ножнах и наконечник стрелы (№ 6) (рис. 233 – 6). Поверх этой группы вещей и под ними обнаружены остатки ткани. Чуть ниже, ближе к колену, находились завернутые в холст 5 однотипных железных наконечников стрел (№ 2) (рис. 233 – 6). С правой стороны чуть выше таза обнаружен жгут из кожи (№ 7).

Погребение 26. Трупоположение (рис. 231 Б).

На глубине 35 – 45 см без очертаний могильной ямы обнаружен костяк на спине с вытянутыми ногами головой на ССВ (аз. 4°). Кости рук согнуты в локтях и кистями, сложены на таз.

Сопровождающий инвентарь. На левой руке надет медный браслет (№ 1) (рис. 231 – 8), справа, чуть ниже таза лежали 5 железных наконечников стрел (№ 2) (рис. 231 – 5, 6), вдоль правой бедренной кости – железный нож* (№ 4), на голени правой ноги – железный наконечник стрелы (№ 3) (рис. 231 – 7), у левого колена – медная пуговица* (№ 5). На браслете сохранились остатки ткани.

Погребение 27. Трупосожжение (рис. 234).

На глубине 40 – 50 см в яме подчетырехугольной формы (180 x 60 см) с нечеткими границами расчищены остатки трупосожжения. Яма ориентирована почти на С (аз. 357°). В северной половине ямы зафиксировано углистое пятно размерами 75 x 32 см с мелкими жженными kostочками. По всему пятну разбросаны: медное височное кольцо (№ 1) (рис. 234 – 5), медный

бубенчик с шариком внутри и костяная подвеска. Бубенчик и костяная подвеска привязаны к кожаным шнуркам с нанизанными медными спиральками и обоймами (№ 1а) (рис. 234 – 3). В некотором отдалении от кольца вправо лежали спиралевидная пронизка и витая проволока, вероятно, от браслета (№ 2) (рис. 234 – 4). В средней части пятна лежали 2 восьмигранных браслета (№ 3) (рис. 234 – 1, 6). Южнее браслетов – остатки железного ножа с костяной рукояткой круглой в сечении (№ 5) (рис. 234 – 2). Правее – остатки спекшегося какого-то железного предмета (№ 4). В ногах сохранились спиральные пронизки (№ 6).

В южной части ямы обнаружены медные спиральки, служившие, по-видимому, украшением обуви. Спиральки также лежали в слое угля.

Погребение 28. Трупоположение (рис. 235А).

На глубине 42 см без заметных очертаний могильной ямы в песчаном грунте лежал мужской костяк на спине с вытянутыми ногами головой на СЗ (аз. 300°). Кости правой руки не сохранились, левая рука вытянута вдоль тела.

Сопровождающий инвентарь. Под нижней челюстью в области шеи найдены бусины (№ 1) из желтоватого стекла бочонковидной формы* (2 целые, одна – из двух половинок и 3 обломка), слева и справа от черепа были медные проволочные височные кольца* (№ 2).

Погребение 29. Трупоположение (рис. 235Б).

На глубине 25 – 30 см без заметных очертаний могильной ямы в песчаном грунте лежал костяк на спине с вытянутыми ногами, головой на СВ (аз. 30°). Колени сведены вместе, и берцовые кости лежат впритык. Кости рук и груди не сохранились.

Сопровождающий инвентарь. У черепа по одному с каждой стороны лежали височные кольца из медной проволоки (№ 1, 2) (рис. 235 – 1, 2). Между ног лежал небольшой камешек (№ 3), но причислить его с полной уверенностью к погребальному инвентарю нельзя.

Погребение 30. Трупоположение (рис. 236).

На глубине 75 – 80 см на песчаном грунте без заметных очертаний могильной ямы лежал мужской (?) костяк на спине головой на СЗ (аз. 305°). Ноги вытянуты, руки согнуты в локтях и скрещены. Слева от костяка на 20 см выше обнаружена кость животного (жертвенного – ?) (№ 8).

Сопровождающий инвентарь. В изголовье лежали железные кресало (№ 1) (рис. 236 – 4) и нож (№ 2) (рис. 236 – 1), справа от черепа – железный проушной топор (№ 3) (рис. 236 – 2). В области шеи найдена медная гривна (№ 4) (рис. 236 – 6), на правом плече – медная подвеска (№ 5) (рис. 236 – 5). На руках были надеты ви-

тые браслеты (№ 6, 7) (рис. 236 – 3). Браслет с левой руки аналогичен браслету с правой, но изготовлен из более тонкой проволоки.

Погребение 31. Трупоположение. Разрушение (рис. 237).

На глубине 65 – 80 см без контуров могильного захоронения выявлены череп и два небольших фрагмента кости от левой ноги. Судя по ним, можно предположить, что погребенный лежал головой в северном направлении (аз. 360°). Под черепом, возможно, была деревянная подстилка (?).

Сопровождающий инвентарь. В изголовье найдены фрагменты сильно заржавевшего ножа (№ 1а), рядом с черепом с левой стороны – медное височное кольцо (браслет – ?) (№ 1) (рис. 237 – 5). Южнее в потревоженном состоянии лежали: медные пластинчатые браслеты (№ 2, 6) (рис. 237 – 2, 4), медный бубенчик (№ 4) (рис. 237 – 6), два медных перстня (№ 5, 7) (рис. 237 – 3, 7). Один медный браслет лежал в стороне (№ 3) (рис. 237 – 1). Несколько в стороне в 35–40 см от костяка расчищен развал глиняного сосуда из плотного теста и фрагмент праслица (рис. 237 – 8), которые можно связать с данным погребением лишь условно.

Погребение 32. Трупоположение (рис. 238).

На глубине 65 см в слабо очерченной могильной яме (размеры 212 x 48 см) лежал мужской (?) костяк на спине головой ЗЮЗ (аз. 265°). Ноги вытянуты, кости рук ниже локтей не сохранились. Череп (№ 1) чуть повернут вправо (на юг).

Сопровождающий инвентарь. В районе шеи обнаружена серебряная гривна (№ 2) (рис. 238 – 9), в области таза справа фрагменты ремешка с бронзовыми накладками (№ 3) (рис. 238 – 10), вдоль правой ноги лежал ремень (№ 4), согнутый пополам с медными накладками (рис. 238 – 4, 5, 10), пряжкой (рис. 238 – 7) и наконечником (рис. 238 – 8). Под поясом сохранилась войлочная подстилка на деревянной доске. Очевидно, сверху тоже была доска (луб ?). В ногах обнаружены кресало (№ 5) (рис. 238 – 6), железная пряжка (№ 6) (рис. 238 – 1) и железный нож (№ 7) (рис. 238 – 2), железный проушной топор (№ 8) (рис. 238 – 3), рядом с ремнем 3 железных наконечника стрел* (№ 9).

Погребение 33. Трупоположение частичное или разрушение (рис. 239А).

На глубине 30 см компактно лежали витая гривна (№ 1) (рис. 239 – 2), дирхем (№ 2), железный топор (№ 3) (рис. 239 – 1). Гривна, дирхем лежали вместе с обломком нижней челюсти (№ 4), топор – чуть выше и на расстоянии 15 см к юго-западу.

Погребение 34. Жертвенный комплекс (рис. 239 Б).

На глубине 45 см компактно лежали серебряная гривна (№ 1) (рис. 239 – 5), медное подра-

жение дирхему с ушком (№ 2) (рис. 139 – 3), обломанный железный нож (№ 3) (рис. 239 – 6) и серебряная круглая бляшка (рис. 239 – 4).

Погребение 35. Трупоположение (рис. 239В).

На глубине 50 см на песке без контуров могильной ямы лежал костяк в вытянутом положении головой на СЗ (аз. 300°). Верхняя часть туловища повернута на правый бок, позвоночник изогнут, тазовые кости и ноги лежали в обычном положении. Сопровождающих вещей нет.

Погребение 36. Трупоположение (рис. 240 – 241).

На глубине 35 – 40 см в могильной яме размерами 125 x 45 см лежал женский костяк на спине головой на СЗ (аз. 340°). Череп слегка повернут вправо. Локтевые кости левой руки лежали в области живота, правая вытянута. Кости ног почти не сохранились.

Сопровождающий инвентарь. В изголовье лежали спиральная лялечка (№ 1) (рис. 240 – 7), шило (№ 2) (рис. 240 – 5) и точило (№ 3)*, на левом виске – два височных кольца (№ 4, 5) (рис. 241 – 1), на черепе – бронзовые цепочки в три ряда с подвесками из бубенчиков (№ 6) (рис. 240 – 1-3), у нижней челюсти – остатки ожерелья (№ 7); спиралевидные пронизки, бубенчики (рис. 240 – 4), костяная коньковая подвеска (рис. 241 – 20), в области груди – спиральки (№ 8). На левой руке обнаружены 6 бронзовых браслетов (№ 9) (рис. 241 – 3, 8, 9), на правой – 4 браслета (№ 10) (рис. 241 – 18, 19, 21), на пальцах обеих рук – серебряные перстни (№ 11, 12) (рис. 241 – 12, 17). В районе пояса чуть выше таза найден обрывок ремня (№ 13) с пряжкой и накладками (рис. 241 – 7, 15, 16; 296 – 24–26), на тазовой кости слева – 3 дирхема (№ 14), справа – железное кресало (№ 15) (рис. 240 – 6) и обломок железного ножа* (№ 16), обрывок ремешка (№ 17) с 2 бронзовыми пряжками с железным язычком и с накладками (рис. 241 – 5, 11, 13). Южнее с правой стороны найдена задняя пластина от бронзовой пряжки (№ 18) (рис. 241 – 4), а с левой – накладка от ремня (№ 19) (рис. 241 – 10). Южнее лежал обрывок ремня (№ 20) (рис. 241 – 6, 11).

*В коллекции имеются накладки, местоположение которых не определено (рис. 241 – 14, 22).

Погребение 37. Трупоположение (рис. 242).

На глубине 45 см без контуров могильной ямы лежали остатки женского захоронения, ориентированного головой на СЗ (аз. 324°). Кости сохранились очень слабо.

Сопровождающий инвентарь. В изголовье лежал серебряный перстень (№ 1) (рис. 242 – 2), обломок железного шила плохой сохранности* (№ 2), на черепе – цепочка (№ 3) в 3 ряда с трещинами бубенчиками по вискам (рис. 242 – 12-14).

У левого виска — одна медная бусина (№ 4) (рис. 242 – 8) и 3 бубенчика (№ 4) (рис. 242 – 9-14). В области груди компактно лежали остатки ожерелья (№ 5): спиральные медные пронизки, медные бусины (рис. 242 – 5) и бубенчики (рис. 242 – 4), одна бусина из зеленого стекла (рис. 290 – 27), когти хищника (рис. 242 – 11), бутыльчатые, лапчатые и пластинчатые привески (рис. 242 – 4, 7, 9, 10). Здесь же найдено медное височное кольцо*, 2 обломка медного перстня* и бронзовая пряжка (рис. 242 – 3). На обеих руках — по 3 экземпляра бронзовых шестигранных браслетов (№ 6, 7) (рис. 242 – 15). Слева в области таза и бедра — кремень (№ 8) и обломок сильно заржавевшего ножа* (№ 9). В ногах стоял глиняный горшок (№ 10) (рис. 242 – 1).

Погребение 38. Кенотаф (рис. 243).

На глубине 65 см по линии СВ – ЮЗ без следов костяка лежали вещи и остатки ткани. По их расположению можно сделать заключение, что могила ориентирована на СВ (аз. 25°). Под ремнем и кошельком зафиксирована подстилка из дерева (луб?), такая же подстилка была и под вторым кошельком.

Сопровождающий инвентарь (с севера на юг): серебряная серьга (№ 1) (рис. 243 – 15; 293 – 5), остатки ремня с бронзовыми накладками и пряжкой (№ 2) (рис. 243 – 1, 2, 4), 4 экземпляра наконечников стрел (№ 3) (рис. 243 – 10, 11, 14, 18), ремень с бронзовыми накладками и пряжками (№ 4) (рис. 243 – 1, 2, 16), сильно заржавевший нож* (№ 5). В кожаном кошельке (№ 6) (рис. 243 – 7, 8) находились кресало с бронзовым навершием (рис. 243 – 17) и обрывки медной цепочки длиной 12 см (рис. 243 – 9). Второй кожаный кошелек был чуть южнее (№ 7) (рис. 243 – 6) с остатками ткани и бронзовой пряжкой (рис. 243 – 13) и обломками железного ножа (рис. 243 – 12), рядом — железный втульчатый топор (№ 8) (рис. 243 – 3).

Погребение 39. Трупоположение.

На глубине 30 см проявились слабые очертания могильной ямы размерами 120 x 30 см в виде гуммированного песка. Очень слабые следы тленя ориентированы с ЮВ – СЗ (аз. 340°). Сопровождающих вещей нет.

Погребение 40. Трупоположение (рис. 244).

На глубине 60 – 65 см в могильной яме размерами 155 x 50 см лежал женский костяк плохой сохранности на спине, головой на СВ (аз. 30°). Правые рука и нога были вытянуты, левые конечности не сохранились. Костяк лежал на подстилке из дерева. Покрытия сверху не прослежено.

Сопровождающий инвентарь. В изголовье найдены обрывки спиралевидной пронизки (№ 1, 4) (рис. 244 – 8), кремешок (№ 2), фрагменты железного предмета (№ 3), фрагменты сильно зар-

жавшегося железного ножа (№ 5) (рис. 244 – 4). Справа у виска обнаружено височное кольцо (№ 7) (рис. 244 – 9), у левого виска — проволока, возможно, от второго кольца, но другого диаметра (№ 7а) (рис. 244 – 5), на шее — фрагменты от железной гривны (№ 8) (рис. 244 – 12), чуть правее — остатки ожерелья (№ 9), включавшего спиралевидные пронизки, 2 дирхема. В состав ожерелья входили 3 бубенчика (рис. 244 – 3, 6), бусина шестигранная (№ 11) (рис. 244 – 1; 290 – 23) и бусина из голубой пасты (№ 13) (рис. 244 – 2; 290 – 22). Под дирхемами сохранилась подстилка из дерева (луб?). Дирхемы найдены также чуть выше справа от костяка (№ 6) и в области груди (№ 10, 12). Всего в погребении было 7 дирхемов, каждый с двумя отверстиями и продетыми ремешками. На правой руке надеты 3 браслета (№ 14) (рис. 244 – 7, 10, 11). Украшением левой руки, очевидно, служили перстень, вероятно, спиральный, обломки которого лежали в области таза* (№ 15).

Погребение 41. Трупоположение (рис. 245А).

На глубине 70 см в могильной яме размерами 140 x 35 см лежали остатки женского (?) костяка плохой сохранности головой на СЗ (аз. 280°). Череп — на правом боку.

Сопровождающий инвентарь. Под черепом найдены серьга (№ 7) (рис. 245 – 3), в области шеи и груди — 2 бубенчика (№ 1, 2) (рис. 245 – 4), медные спиральки (№ 3, 4) (рис. 245 – 1). На левой руке надет бронзовый браслет (№ 5) (рис. 245 – 2). В ногах лежал железный нож* (№ 6).

Погребение 42. Трупоположение (рис. 246 – 247).

На глубине 70 см в могильной яме размерами 180 x 50 см лежал мужской костяк на спине головой на СЗ (аз. 340°), с вытянутыми ногами, кисти рук лежали на тазовых костях. Под костяком сохранилась подстилка из дерева и войлока.

Сопровождающий инвентарь. Справа от черепа обнаружена бронзовая цепочка (№ 1) (рис. 247 – 1), слева у черепа — бронзовая серьга (№ 2) (рис. 247 – 4), на шее — серебряная грива (№ 3) (рис. 247 – 6). На левой руке находился браслет из белой бронзы (№ 4) (рис. 247 – 2), слева ближе к тазовым костям — железный нож с деревянной рукояткой, обмотанной серебряной проволокой (№ 5) (рис. 246 – 2). Слева на тазовой кости находились 4 железных наконечника стрел (№ 6) (рис. 246 – 6-9), серебряный щитковый перстень (№ 7) (рис. 247 – 8), фрагмент ремня с застежкой (№ 12) (рис. 247 – 7) и серебряными накладками (рис. 247 – 3, 5), под тазовой костью — остатки кожаного кошелька грушевидной формы (№ 13) (рис. 247 – 10) и два бронзовых кольца (рис. 247 – 9). В кошельке находились два дирхема и костяной свисток*. Между

бедренными костями найдены фрагменты прямоугольной железной пряжки плохой сохранности* (№ 8), обломки двух кресал (№ 10) (рис. 246 – 3,5) и фрагмент железного кольца (№ 9) (рис. 246 – 4), в ногах – железный втульчатый топор (№ 11) (рис. 246 – 1).

Погребение 43. Трупоположение. Разрушенное или частичное (рис. 245Б).

Сохранились лишь череп (№ 1) и гравна (№ 2) (рис. 245 – 5), которые лежали на глубине 35 см.

Погребение 44. Трупосожжение (рис. 248А).

На глубине 40 см в могильной яме размерами 165 x 40 см лежали остатки захоронения, совершенного по обряду кремации. Кальцинированные кости и сопровождающий инвентарь располагались по всей яме равномерно. Яма вытянута по линии ССЗ – ЮВВ.

Сопровождающий инвентарь. Представлен рукояткой шила* (№ 1), железным ножом* (№ 2), двумя браслетами (№ 3,4) (рис. 248 – 1), накладками из очень тонкого серебра (№ 5) (рис. 248 – 2,3), обрывками ремешка, железным кресалом* (№ 6).

Погребение 45. Трупоположение (рис. 249 – 250).

На глубине 65 см в могильной яме подпрямоугольной формы с округленными углами размером 175 x 50 см лежал мужской скелет, вытянут, на спине головой на С (аз. 360°), кисти рук сложены на тазу. Под костяком зафиксирована подстилка из бересты и войлока, сверху покрыты лубом.

Сопровождающий инвентарь. С обеих сторон черепа располагались одинаковые серьги (№ 1,2) (рис. 250 – 13), в области груди – две монеты – дирхемы (№ 3), на локтевой кости правой руки лежала бронзовая застежка (№ 4) с остатками железной иглы (рис. 250 – 18), на запястьях рук – по два бронзовых браслета (№ 5,6) (рис. 250 – 14,16,17). Вокруг тазовых костей, сверху и снизу лежал ремень (№ 7) (рис. 250 – 1,2) с пряжкой (рис. 250 – 15), накладками (рис. 250 – 3,4,5,8) и концевыми ремешками (рис. 250 – 6,7,11). Здесь же были три бронзовых кольца (рис. 250 – 12). Слева у бедра, вероятно, висел кошелек (№ 11) (рис. 250 – 10), рядом лежали kostная рукоятка шила (рис. 249 – 3) и нож (№ 12) (рис. 250 – 9). Слева у бедренной кости лежали железные проущиной топор (№ 8) (рис. 249 – 2) и 4 наконечника стрелы (№ 10) (рис. 249 – 4,5), а в ногах – второй втульчатый топор (№ 9) (рис. 249 – 1).

Погребение 46. Трупосожжение (рис. 251).

На глубине 50 см в могильной яме размером 95 x 30 см, вытянутой по линии СЗ – ЮВ, лежали остатки трупосожжения. Кальцинированные

кости уложены 2 скоплениями. Погребальный инвентарь располагался по всей длине ямы на подстилке из бересты, кожи и ткани. Кости и вещи покрыты лубом. Расположение вещей соответствует их местоположению в могиле при трупоположении и свидетельствует о том, что погребенный ориентирован головой на СЗ (аз. 325°).

Сопровождающий инвентарь. В северо-западной части ямы лежали 6 монет-дирхемов (№ 1), медные спиральные пронизки (№ 2), подвеска-всадница (№ 3) (рис. 251 – 7), составляющие, очевидно, часть ожерелья. Южнее кальцинированных костей лежал браслет (№ 4) (рис. 251 – 5). В середине ямы в свернутом виде уложен ремень (№ 5) с бронзовой пряжкой (рис. 251 – 8), накладками (рис. 251 – 3,4). В южной половине ямы лежали обломок железного ножа плохой сохранности (№ 6) (рис. 251 – 1), два бронзовых браслета (№ 7) (рис. 251 – 6) и один железный наконечник стрелы (№ 8) (рис. 251 – 2).

Погребение 47. Трупоположение (рис. 252А).

На глубине 40 см в могильной яме размером 75 x 25 см обнаружен лишь тлен костей (№ 1) в области Черепа и ногах. Судя по расположению вещей и тлена, погребенный ориентирован головой на СЗ (аз. 330°). Яма имела подпрямоугольную с округленными углами форму. Вещи располагались в обычном при захоронении порядке.

Сопровождающий инвентарь. В северной половине зафиксированы остатки ожерелья, состоящего из спиральных пронизок (№ 2), 2 дирхемов (№ 3). Группа вещей размещалась в средней части ямы: два бубенчика (№ 4) (рис. 252 – 4,5), два браслета (№ 5,6) (рис. 252 – 9,10), обрывок ремня с одной накладкой (№ 7) (рис. 252 – 1), набор нагрудных украшений (№ 8), состоящий из спиральных пронизок, бубенчиков (рис. 252 – 6), когтей зверя (рис. 252 – 3) и трех костяных копушек (рис. 252 – 2,7,8).

Погребение 48. Трупосожжение (рис. 248Б).

На глубине 50 см в могильной яме размерами 90 x 40 см, вытянутой по линии СЗ – ЮВ, располагались остатки кремации с погребальным инвентарем. На дне ямы зафиксирована береста. Кальцинированные кости уложены вытянуто по центру ямы. Вещи располагались как на костях, так и ближе к стенкам ямы.

Сопровождающий инвентарь: 3 железных наконечники стрелы (№№ 1,4,5) (рис. 248 – 4,6,7), серебряное височное кольцо (№ 3) (рис. 248 – 5) и бронзовый браслет (№ 2) (рис. 248 – 8). Судя по расположению височного кольца, погребенный лежал головой на СЗ (аз. 340°).

На вещах сохранились обрывки ткани. Воз-

можно, сверху вещи были покрыты тканью или завернуты в нее.

Погребение 49. Трупоположение (рис. 253).

На глубине 65 см в могильной яме размером 190 x 42 см лежал женский костяк головой на СЗ (аз. 340°). Погребение нарушено поздней ямой в области груди. Правая рука вытянута, левая не сохранилась.

Сопровождающий инвентарь. На черепе зафиксированы остатки головного убора и украшений. Головной убор (№ 1) состоял из твердой берестяной основы, покрытой мехом (возможно, мех от шапки), на мех нашиты медные пластиники, почти полностью рассыпавшиеся при расчистке. Выше этой основы-венчика в 3 ряда вокруг головы была бронзовая цепочка (рис. 253 – 12) с бубенчиками-привесками (рис. 253 – 2). Справа чуть выше тазовых костей лежали железный нож (№ 2) (рис. 253 – 3), кальчевидное кресало* (№ 3), кремешок (№ 4). На месте предполагаемых тазовых костей находились серебряные щитковые перстни (№ 5, 6) (рис. 253 – 5, 6) и желтая пастовая бусина (№ 7) (рис. 290 – 17). В ногах сохранились остатки обуви (обрывки кожи) и украшения (№ 8, 9), состоящие из двух умбоновидных (рис. 253 – 9; 297 – 5) и очковидных (рис. 253 – 8, 11) подвесок, медных бусин (рис. 253 – 10) и спиралек.

В изголовье лежал обломок железного ножа* (№ 10), в области плеча – одна пастовая бусина (№ 11): на черном фоне красные глазки с белыми ресничками, разводы голубые (рис. 290 – 34). На краю поздней ямы найден плохо сохранившийся медный браслет (№ 12) (рис. 253 – 7).

Погребение 50. Трупосожжение (рис. 254).

На глубине 45 см в могильной яме размером 170 x 55 см обнаружено небольшое количество пережженных костей и сопровождающие вещи. Яма вытянута по линии СЗ – ЮВ. Остатки кремации были в основном в средней части ямы. Вещи лежали без определенного порядка: железный нож (№ 1) (рис. 254 – 1), железный топор (№ 2) (рис. 254 – 5), бронзовая гривна (№ 3) (рис. 254 – 8), три наконечника стрелы (№ 4, 5) (рис. 254 – 2–4) и бронзовый пластинчатый перстень и браслет (№ 6) (рис. 254 – 6, 7).

Погребение 51. Трупосожжение (рис. 255).

На глубине 70 см в могильной яме размером 105 x 33 см лежали остатки кремации. Кальцинированные кости находились в бересте (тусек – ?) и на ткани, сверху также была ткань. Площадь, занимаемая костями 30 x 17 см. Все вещи погребального комплекса найдены за пределами скопления костей и располагались в порядке, приближенном трупоположению. Судя по местоположению вещей, могила ориентирована на ССЗ (аз. 350°).

Сопровождающий инвентарь. В северной части найдены металлическая чаша (№ 1) (рис. 255 – 5), подвеска-асадища (№ 2) (рис. 255 – 7), два бронзовых браслета (№ 3, 4) (рис. 255 – 4). В южной половине лежали железный наконечник стрелы (№ 5) (рис. 255 – 6), фрагменты кожаного кошелька (№ 6) (рис. 255 – 1) с кресалом с бронзовым навершием (рис. 255 – 3) и кремешок. Около южной стенки ямы обнаружены железный проушной топор (№ 7) (рис. 255 – 2) и железный нож* (№ 8).

Погребение 52. Трупоположение (рис. 256 – 257).

На глубине 60 см в могильной яме подпрямоугольной формы размером 190 x 60 см обнаружен мужской (?) костяк плохой сохранности. Костяк лежал на спине в вытянутом положении головой на С (аз. 360°), череп – на левом боку. Руки согнуты в локтях и кистями уложены на таз. В южной половине – поздняя яма. Под костями и инвентарем сохранилась подстилка из дерева и войлока.

Сопровождающий инвентарь. Справа от черепа на подстилке компактно лежали различные вещи, вероятно, жертвенный комплекс (№ 1): серебряная ложновитая гривна (рис. 256 – 11), серебряная серыга (рис. 257 – 21), спиральки и обрывки цепочки (рис. 257 – 8), бубенчики (рис. 257 – 35), которые составляли украшения головы. Здесь же были изделия, составляющие ожерелье или нагрудное украшение: пронизки, бутыльчатые и конические бронзовые привески (рис. 257 – 1-7, 10-15, 18), лапчатые привески, хотти хищника (рис. 257 – 17), раковины-каури (рис. 257 – 16), амулет из кости (рис. 257 – 23), копоушки (рис. 257 – 9, 41), костяная привеска с орнаментом (рис. 257 – 42), костяные кольца (рис. 257 – 27, 31, 32, 37), два кольца (рис. 257 – 40), одна треугольная подвеска (рис. 257 – 20), одна медная бусина с обрывками спирали (рис. 257 – 19) и одна бляшка от ремня (рис. 257 – 30). Под черепом и рядом с ним лежали 2 серебряных височных кольца (№ 2, 14) (рис. 257 – 22). На обеих руках – по одному браслету (№ 3, 4) (рис. 257 – 38, 39), справа у таза – железный втульчатый топор (№ 5) (рис. 256 – 5), на тазовых костях поперек лежали обрывки ремня (№ 6) с пряжкой (рис. 257 – 33), концевыми накладками (рис. 257 – 24, 25), накладками (рис. 257 – 28, 29). Между бедренными костями у самого таза – два кремешка (№ 7), рядом, с левой стороны, – маленькое сильно заржавевшее железное кольцо (№ 8) (рис. 256 – 4). Чуть ниже таза, с левой стороны, были остатки кожаного кошелька (№ 9), содержащего ряд предметов: кресало с бронзовой рукояткой (рис. 256 – 6), второе железное кресало (рис. 256 – 8), 2 бронзовые фигуры грифона на коже (рис. 257 – 43; 299 – 2), костяной односторонний гребень (рис. 257 – 34),

медная цепочка, круглая накладка (рис. 257 – 44) и бубенчик (рис. 257 – 36), дирхемы. Здесь же над юшельком был железный нож с тонкой серебряной намотанной на деревянную рукоять проволокой (№ 10) (рис. 256 – 7). Слева у таза лежали железный нож* (№ 15) и 8 железных наконечников стрел (№ 15а) (рис. 256 – 1-3), щитковый серебряный перстень (№ 16) (рис. 257 – 26). Украшения обуви представлены 3 очковидными подвесками (№№ 11, 12) (рис. 256 – 9, 10). Одна накладка и привеска-пуговка лежали в области левого колена (№ 13).

Погребение 53. Труповложение (рис. 258).

На глубине 80 см в могильной яме подпрямоугольной формы, вытянуто по линии С – Ю, размером 150 x 50 см лежал костяк на спине, головой на С (аз. 360°). Руки были согнуты, кистями лежали на тазу, ноги вытянуты. Под костяком сохранились остатки бересты и шкуры. Сверху зафиксированы небольшие кусочки кожи, вероятно, от покрытия.

Сопровождающий инвентарь. В изголовье найдены небольшой обрывок спиральной пронизки и хвост хищника (№ 1) (рис. 258 – 10, 15), справа от черепа – серебряная серыга* (№ 2). В области шеи – серебряная ложновитая гравна* (№ 3) и тут же подвеска-всадница (№ 4) (рис. 258 – 14). На правой руке обнаружены серебряный и бронзовый браслеты (№ 5, 6) (рис. 258 – 2, 13), на левой руке – 2 бронзовых браслета (№ 7, 8) (рис. 258 – 3), чуть выше тазовой кости с левой стороны – серебряный щитковый перстень (№ 9) (рис. 258 – 5) и с каждой стороны – по бронзовому бубенчику с обрывками медной цепочки (№ 10) (рис. 258 – 9, 12). Под локтевыми костями расчищен железный нож*, под тазовыми костями обнаружены 2 кремешка, остатки ремня с накладками из тонкой серебряной фольги, рассыпавшиеся при расчистке, фрагмент железного ножа с деревянной рукояткой (рис. 258 – 17) и каменный брусков (рис. 258 – 1) (вещи под костяком на чертеж не нанесены).

На костях правой ноги лежали железный наконечник стрелы (№ 11) (рис. 258 – 4) и щитковый перстень (№ 13) (рис. 258 – 6), на левой ноге – 4 железных наконечника стрелы (№ 12) (рис. 258 – 16, 18), чуть южнее – обрывки ремня (№ 14) с бронзовыми накладками (рис. 258 – 7, 8) и 2 медных бубенчика (№ 15) (рис. 258 – 11).

Погребение 54. Труповложение (рис. 252Б).

На глубине 45 см в могильной яме овально-подпрямоугольной формы размером 80 x 25 см были остатки детского (?) захоронения. Кости не сохранились: чуть заметны контуры черепа. Судя по тлену от черепа, костяк лежал головой на С3 (аз. 330°). На дне ямы обнаружены небольшие фрагменты луба (№ 3).

Сопровождающий инвентарь: медная спиралька (№ 1), литая подвеска-пуговица (№ 4) (рис. 252 – 11), накладка* (№ 4) от ремня и два маленьких обломка от железного ножа* (№ 2).

Погребение 55. Труповложение (рис. 259).

На глубине 45 см в могильной яме подпрямоугольной формы на подстилке из луба (?) обнаружены череп и вещи. Других костей нет. Могильная яма очерчивается слабо, имеет размеры 78 x 42 см, вытянута по линии ЮЮВ – ССЗ.

Сопровождающий инвентарь. У черепа находились железная гривна во фрагментах (№ 1), серебряное височное кольцо или браслет (№ 2) (рис. 259 – 6), восьмигранный серебряный браслет – 2 экз. (№ 3) (рис. 259 – 5), железный наконечник стрелы (№ 9) (рис. 259 – 1), с правой стороны – железный втульчатый топор (№ 4) (рис. 259 – 8), серебряный перстень (№ 8) (рис. 259 – 4). Чуть южнее располагались обрывки ремня (№ 5), от которого сохранились две пряжки (рис. 259 – 2, 3), южнее – железное кресало с бронзовой рукоятью (№ 6) (рис. 259 – 7) и железный нож* (№ 7).

Погребение 56. Труповложение (рис. 260).

Могильная яма имела подпрямоугольную с округленными углами форму, вытянута по линии С – Ю. На глубине 60 см лежал женский костяк на спине головой на С (аз. 358°), кости правой руки были согнуты в локтевом суставе и кистью уложены на таз, кости левой руки не сохранились. Ноги были вытянуты, череп покоялся на правом боку.

Сопровождающий инвентарь. На черепе находились медная цепочка с привесками (№ 1) (рис. 260 – 12, 13), на левой стороне черепа – височное кольцо (№ 2) (рис. 260 – 14). Слева от черепа – бутыльчатая подвеска (№ 3) (рис. 260 – 3) и железное шило плохой сохранности (№ 9) (рис. 260 – 2). Под черепом у правого виска найдены височные кольца (№ 11, 12) типа (рис. 260 – 14), у нижней челюсти – железное кресало (№ 4) (рис. 260 – 8). На запястье правой руки обнаружены 4 бронзовых браслета (№ 5) (рис. 260 – 5, 6, 9), в области таза – обломки железного котла (№ 6). Котел сильно проржавел, сохранилась только ручка (рис. 260 – 10). Южнее котла располагался железный нож (№ 7) (рис. 260 – 1), в ногах серебряное обгоревшее кольцо (№ 8) (рис. 260 – 4) и обломок тяжкое обгоревшего щиткового перстня* (№ 8а). На плечевой кости правой руки обнаружен небольшой обрывок медной спиральной пронизки (№ 10) (рис. 260 – 7). Над погребением в засыпи найдены подвеска-всадница (рис. 260 – 11) и дирхем.

Погребение 57. Трупоположение (рис. 261А).

На глубине 65 см на правом боку головой на С (аз. 360°) лежал костяк. Позвоночник искривлен, очевидно, при жизни, поэтому и захоронен на боку. Контуры могильной ямы фиксировались условно, она имела подпрямоугольную форму, размеры составили 176 x 60 см.

Сопровождающий инвентарь. На черепе находился маленький медный бубенчик (№ 1) (рис. 261 – 4) и 2 височных кольца-серьги (№ 2) (рис. 261 – 2), в области груди – серебряный перстень (№ 3) (рис. 261 – 1), на тазовых костях – маленький бубенчик (№ 4), аналогичный вышеописанному, и глазчатая бусина (№ 5), имеющая на желтом фоне глазки желтые с внешним и белым ободком, ресницы желтые, синие и вишневые (рис. 290 – 24). Слева от бедра обнаружены фрагменты спиральных пронизей (№ 6) (рис. 261 – 3).

Погребение 58. Трупоположение (рис. 262, 263).

В могильной яме подпрямоугольной формы размерами 200 x 40 см на глубине 60 см в вытянутом положении на спине лежал костяк головой на СВ (аз. 15°). Череп повернут на левый бок. Кости левой руки чуть согнуты в локте; ноги, очевидно, были вытянуты. Кости правой руки не сохранились.

Сопровождающий инвентарь. В изголовье лежал клад (?) вещей или жертвенный комплекс (?), состоящий из следующих предметов (№ 1): обрывки бронзовой цепочки (рис. 263 – 12), две коньковые подвески (рис. 263 – 22), подвеска-птица (рис. 263 – 9), обрывки спиральных пронизок (рис. 263 – 16), медные бубенчики (рис. 263 – 2, 4) и 3 накладки (рис. 263 – 18). У правого виска найдена серебряная серьга-кольцо (№ 2) (рис. 263 – 1), у затылка – обрывки цепочки и бубенчики (№ 13) (рис. 263 – 3, 12), слева от черепа – железный проушной топор (№ 12) (рис. 263 – 26). На правой руке находился серебряный пластинчатый браслет (№ 3) (рис. 263 – 23). На браслет правой руки надеты два перстия (рис. 263 – 10, 11). Два других браслета располагались на левой руке (№ 4, 5) (рис. 263 – 24, 25). В области таза лежали остатки ремня с накладками, наконечником и пряжкой (рис. 263 – 13–15, 17, 19, 20, 21; 296 – 30) (№ 16) и фрагменты сильно заржавевшего ножа (№ 18), спекшиеся железные наконечники – 4 экз. (№ 6, 9) (рис. 262 – 1, 2), кресало* (№ 8). С левой стороны, очевидно, на поясе, висел кожаный кошелек (№ 7), содержащий 4 бубенчика (рис. 263 – 5, 6), обрывки спиральной пронизки, фрагмент ремешка с 3 накладками (рис. 263 – 27), одну целую и верхнюю часть второй копоушки (рис. 263 – 7), обломанную костяную подвеску (рис. 263 – 8) и бусы: одну черную с белыми разводами, голубыми глазка-

ми и белыми ресничами на красном фоне (рис. 290 – 28), две продолговатые зеленые из стеклянной пасты (рис. 290 – 30, 31), одну круглую лимонного цвета (рис. 290 – 25) и одну бочонковидную желтого цвета с черными продольными линиями (рис. 290 – 32). Рядом с остатками хомута обнаружены фрагменты заржавевшего железа (№ 14). В области колен лежали 2 бубенчика (№ 17) (рис. 263 – 4), а ногах – обрывки ремня (№ 10) с накладками типа рис. 263 – 14, 15 и железный втульчатый топор (№ 11) (рис. 262 – 3).

С левой стороны вдоль края сохранились остатки дерева (№ 15) – обкладка стенки ямы; остатки подстилки из дерева сохранились под ремнем в области таза.

Погребение 59. Трупоположение (рис. 264).

На глубине 45 см в могильной яме прямоугольной формы с округленными углами размерами 190 x 43 см лежал женский костяк на спине с вытянутыми ногами, головой на СЗ (аз. 350°). Череп покоялся на правом виске. Правая рука вытянута, левая согнута в локте и кистью уложена на локоть правой руки.

Сопровождающий инвентарь. На черепе и под ним лежали серебряные круглопроволочные ювелирные серьги* (№ 1). В локтевой части правой руки найдены медные бубенчики (№ 2, 3, 4) (рис. 264 – 3), рядом – медные спиральные пронизки (№ 5). Поблизости обнаружен серебряный перстень (№ 9) (рис. 264 – 6), вероятно, надетый на палец левой руки. На одном из пальцев правой руки находился аналогичный перстень (№ 9). Под локтем левой руки найден кожаный кошелек (№ 6), от которого сохранились зажимы и окантовка (рис. 264 – 4, 8), на нем – кремешок (№ 12) и обломок подражания дрекму (№ 13), два обломка железного ножа* (№ 7). В области таза зафиксированы обрывки ремня с накладками (№ 8) (рис. 264 – 2, 5), справа от таза, ближе к бедренной кости, обнаружена железная пряжка (№ 11) (рис. 264 – 1). На ступне лежали медные пронизки (№ 10) от украшений обуви.

Погребение 60. Трупосожжение (рис. 265А).

На глубине 40 см в могильной яме подпрямоугольной формы размерами 130 x 25 см лежали остатки трупосожжения. Яма вытянута по линии ССЗ – ЮЮВ. Кальцинированные мелкие косточки и вещи лежали в северной половине ямы. Украшения разложены по всей длине в порядке, соответствующем их расположению при ингумации. Судя по их месту, следует, что потребленный лежал головой на ССЗ (аз. 340°).

Сопровождающий инвентарь. В северной половине ямы вместе с кальцинированными косточками располагались бронзовая цепочка общей длиной 110 см (№ 1) (рис. 265 – 6), серебряное височное кольцо (№ 2) (рис. 265 – 7), сильно

сплавленные бронзовые браслеты: 5 – с левой стороны (№ 3), 1 – с правой (№ 4) (рис. 265 – 3) и серебряный перстень (№ 5) (рис. 265 – 5).

Южнее от скопления кальцинированных костей на истлевшей подстилке из дерева располагались бронзовая пряжка и накладка (№ 6) от ремня (рис. 265 – 1,4), дирхем (№ 7) и обломки сильно заржавевшего железного предмета с заклепками (№ 8) (рис. 265 – 2) неясного назначения (кресало – ?). В южной части ямы были мелкие фрагменты медной спиральной пронизки (№ 9, 10).

Погребение 61. Трупосожжение (рис. 261 Б).

На глубине 60 см в могильной яме подпрямоугольной формы, вытянутой по линии ЮЮЗ – ССВ, размерами 85 x 35 см лежали остатки трупосожжения. По стенкам и частично на дне ямы сохранилась деревянная обкладка. Остатки кремации (кальцинированные кости и зола) размещались почти по всей яме. Единственный предмет – железный нож* (№ 1) лежал в южной части ямы.

Погребение 62. Трупоположение (рис. 265 Б).

На глубине 45 см в могильной яме подпрямоугольной формы размерами 115 x 35 см лежали остатки женского (?) захоронения головой на ССЗ (аз. 345°). Кости, за исключением почти полностью истлевшего черепа и нескольких позвоночных дисков, не сохранились.

Сопровождающий инвентарь. В изголовье вне ямы лежал железный нож* (№ 1), по обе стороны черепа – серебряные серьги-кольца (№ 2,3) (рис. 265 – 9), в области груди – остатки ожерелья: медные спиральные пронизки с дирхемами и бубенчиком (№ 4), чуть южнее – 2 бронзовых браслета (№ 5) (рис. 265 – 8,10).

Погребение 63. Трупоположение (рис. 266).

На глубине 70 см в могильной яме подпрямоугольной формы с округлыми углами размерами 185 x 60 – 65 см лежали остатки женского захоронения. Костяк покоялся на спине, ноги вытянуты, левая рука согнута в локте, кости правой не сохранились. Череп чуть наклонен вправо.

Сопровождающий инвентарь. На черепе сохранились обрывки медной цепочки общей длиной 120 см с бубенчиками (№ 1) (рис. 266 – 5, 8-10). У правого виска лежали 2 медных крючка (№ 2) (рис. 266 – 3,4), височная медная подвеска-серьга (№ 3) (рис. 260 – 12) и 2 височных кольца из медной проволоки типа изделий из погребения 36 (№ 4). На левой руке были 2 бронзовых браслета (№ 5,6) (рис. 266 – 1,2). Справа от тазовой кости лежали обломок железного ножа* (№ 7), железное кресало с бронзовой рукоятью (№ 8) (рис. 266 – 11), 3 маленьких кремешка (№ 9), обломанная костяная копоушка (№ 10) (рис. 266 – 6) и обломок второго железного ножа* (№ 11). В ногах слева найден проущий железный топор* (№ 12).

Погребение 64. Жертвенный комплекс (?- в отчете обозначен кенотафом) (рис. 267).

На глубине 50 см компактно на песке без следов гумуса лежали в беспорядке следующие вещи: обрывки ремня с сердцевидными бляшками (рис. 267 – 4), бронзовая пряжка с железным язычком (рис. 267 – 1), концевая бронзовая накладка (рис. 267 – 3), одна накладка из 2-х полушарий (рис. 267 – 2), медные бубенчики* и спиральки, железное кольцо, кусок железного шлака и остатки деревянной чаши, имеющей по краю накладки, изготовленные из дирхемов*. Здесь же были удила и псалии (рис. 267 – 5,6) и две железные пряжки (рис. 267 – 7,8).

Погребение 65. Жертвенный комплекс (?- в отчете обозначен кенотафом) (рис. 268).

На глубине 65 см компактно, но в беспорядке, находились обрывки ремня с накладками (рис. 268 – 6), бронзовая пряжка с железным язычком (рис. 268 – 5), две очковидные привески* от обуви типа изделий из погребения 52, два обломанных ножа в чехле с деревянной рукоятью*, обмотанной серебряной проволокой.

Рядом лежала уздечка с накладками и решетками (рис. 268 – 1-4) и два стремени (рис. 268 – 7).

Погребение 66. Трупосожжение (рис. 269 – 270).

На глубине 65 см лежали остатки захоронения всадника. Очертания могильной ямы выявились лишь на уровне расположения сопровождающих вещей в виде слабогуммированного песка. Размеры ямы 105 x 40 см. Яма ориентирована по линии ЮВВ – СЗЗ.

Сопровождающий инвентарь. Вещи располагались двумя компактными скоплениями: в первом, западном, – 4 монеты, очевидно, в составе ожерелья (№ 1), стремена (№ 2) (рис. 269 – 2), пряжка (№ 3) (рис. 270 – 15), удила (№ 4) (рис. 270 – 16,18), уздечка с накладками (№ 5) (рис. 270 – 8,17), остатки деревянной чаши с серебряными накладками по краю (№ 8) (рис. 269 – 1); во втором, восточном, скоплении лежали обрывки уздечки (№ 6) (рис. 270 – 6,7,11) и ремня (№ 7) (рис. 270 – 1-5; 296 – 40,47), фрагменты кожи с бронзовыми бубенчиками, вероятно, от кошелька (рис. 270 – 10,12).

Все вещи были расположены на подстилке из бересты и сверху также покрыты берестой.

Погребение 67. Трупосожжение (рис. 271).

На глубине 105 см в могильной яме овально-подпрямоугольной формы размерами 150 x 45 см обнаружены остатки трупосожжения. Яма вытянута по линии СВ – ЮЗ. Вещи располагались по всей яме, однако пережженные кости с некоторыми вещами располагались в северо-восточной части ямы (№ 1). Под обрывками ремня и железными наконечниками стрел сохранились остатки бересты (№ 2). Очевидно, вся яма была застлана берестой.

Сопровождающий инвентарь. Вместе с пережженными костями найдены медные накладки, очевидно, от венчика деревянной чаши (№ 3), петелька и обломок дужки от котла (№ 4) (рис. 271 – 8). Сильно коррозированный железный предмет (№ 10), железный нож* (№ 5) и еще один сильно заржавевший железный предмет (№ 7), возможно, кресало, располагались блоке к центру ямы.

В центре могилы зафиксирован свернутый в два оборота ремень (№ 6) с наконечником и накладками (рис. 271 – 5-7; 296 – 1,2). Юго-западнее лежали 10 железных наконечников стрел (№ 8) (рис. 271 – 1-4). Железный топор (№ 9) располагался у южной стенки поперек ямы, очевидно, топорищем в северном направлении (рис. 271 – 9).

Погребение 68. Труповложение (рис. 272).

На глубине 105 – 110 см в яме размерами 175 x 50 см обнаружены остатки мужского (?) костяка, лежавшего в вытянутом положении на спине головой на СВ (аз. 40°). Руки согнуты в локтях и кисти на тазовых костях. В области тазовых костей зафиксированы остатки подстилки или одежды.

Сопровождающий инвентарь. Справа у черепа находился железный наконечник копья (№ 1) (рис. 272 – 11), с обеих сторон черепа – височные кольца (№ 2, 3) (рис. 272 – 6), в области живота – железный нож (№ 4) (рис. 272 – 12), справа около таза боевой топор (№ 5) (рис. 272 – 13), воткнутый в землю. На запястьях правой руки обнаружены 3 бронзовых браслета (№ 6), на левой (№ 7) – 1 браслет (рис. 272 – 1,2, 4). На тазовых костях с левой стороны находились остатки кожаного кошелька (№ 8) с бронзовыми пуговицами (рис. 272 – 3), медными спиральками, монетой и сильно деформированное кресало (№ 9) (рис. 272 – 5). На правой бедренной кости и в ногах расчищены железные наконечники стрел – 11 экз. (№ 10,11) (рис. 272 – 7-10).

Погребение 69. Жертвенный комплекс (рис. 268).

На глубине 65 см в яме окружной формы диаметром 36 см компактно располагались: удила железные (№ 1) (рис. 268 – 9), стремя (№ 2) (рис. 268 – 8) и обрывки кожаного ремня с накладками (№ 3) (рис. 268 – 10-14).

Погребение 70. Труповложение (рис. 273).

На глубине 60 см без заметных очертаний могильной ямы лежали остатки женского костяка, ориентированного головой на С (аз. 360°). Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте и кистью лежала на тазовых костях.

Сопровождающий инвентарь. В изголовье найдены мелкие обломки сильно заржавевшего

железного котла (№ 1). Судя по сохранившимся частям установлено: диаметр верхней части 23 см, дно округлое; склепан из листов железа. С обеих сторон от черепа лежали серьги (№ 2) (рис. 273 – 6,7) и височные кольца (№ 3,4) (рис. 273 – 8). Под черепом зафиксированы остатки меховой шапочки, на шапочке – медные цепочки (№ 5) в несколько рядов с бубенчиками и очковидными привесками (рис. 273 – 1-3). В районе шеи – ожерелье, от которого сохранились бусы (бисер) (№ 6). На запястье левой руки надет браслет (№ 7) (рис. 273 – 11), а на пальцах – 2 перстня (№ 8) (рис. 273 – 9), на запястье правой руки – 3 браслета (№ 9) (рис. 273 – 12,13). На тазовых костях обнаружены фрагменты ремня с пряжкой (№ 10) (рис. 273 – 4). На тазовой кости справа заметны сильно истлевшие фрагменты кожаного кошелька (№ 11), а в ногах, очевидно, остатки обуви, от которой сохранились две пары медных спиралек (№ 12) (рис. 273 – 5).

Погребение 71. Труповложение (рис. 274-275).

На глубине 97 см без очертаний могильной ямы лежали остатки мужского (?) костяка, ориентированного головой на ССВ (аз. 10°). Погребенный захоронен в вытянутом положении, руки вдоль тела. Под черепом – подстилка из бересты.

Сопровождающий инвентарь. Слева от черепа лежали наконечник копья (№ 1) (рис. 275 – 12) и втульчатый топор (№ 2) (рис. 274 – 2). На черепе сохранилась медная цепочка (№ 3) (рис. 274 – 4,5), остатки обшивки шапочки (№ 4), слева почти под черепом – привески (№ 7) (рис. 274 – 1), в области челюсти – серьга (№ 6) (рис. 274 – 3; 293 – 7), в области шеи – гривна (№ 5) (рис. 274 – 10). На обеих руках обнаружены бронзовые браслеты (№ 9, 13) (рис. 275 – 1), в области пояса – ткань от ремня и фрагмент железного кресала (№ 8) (рис. 274 – 6). Около браслета левой руки обнаружена деревянная рукоять ножа* (№ 14), на тазовой кости справа – бронзовая пряжка (№ 11) (рис. 274 – 7), обломок серебряного перстня* (№ 15) и остатки сильно истлевшего кошелька (№ 12). На правой бедренной кости в области колена лежали 10 наконечников стрел (№ 16) (рис. 275 – 2-9); между колен – еще один щитковый перстень* (№ 17), обломок ножа* (№ 18) и кольцо от железной пряжки (№ 19) (рис. 274 – 8). В ногах располагались: сильно заржавевшая железная пряжка (№ 20) (рис. 274 – 9) и украшения обуви (№ 21) – спиралевые пронизки и две парные умбоновидные привески (рис. 275 – 10,11).

В статье Г.А. Федорова-Давыдова, посвященной описанию нумизматического материала, упоминаются 3 монеты [Федоров-Давыдов, 1984. С. 161]. Упоминаний о монетах в тексте отчета и в коллекционной описи нет.

Погребение 72. Жертвенный комплекс (рис. 276).

На глубине 74 см на подстилке из луба компактно, покрытые сверху берестой, лежали следующие вещи: бронзовые браслеты (6 экз.) (№ 1, 2) (рис. 276 – 10, 13–15), украшения от накосника (№ 3), состоящего из костяной лошадки (рис. 276 – 6), трех бугыльчатых привесок (рис. 276 – 2), спиралевых пронизок (рис. 276 – 4, 5) 7 бубенчиков (рис. 276 – 3, 8, 9), копоушки (рис. 276 – 12), бусины (рис. 276 – 11; 290 – 16), бронзовой цепочки (№ 4) (рис. 276 – 7), обломанного железного ножа (№ 5) (рис. 276 – 1).

Погребение 73. Трупоположение (рис. 276, 277).

На глубине 95 см (череп) – 125 см (кости ног) лежали в вытянутом положении остатки мужского (?) костяка, ориентированного головой на ССЗ (аз. 350°). Кости левой руки вытянуты, правая слегка согнута в локте. Очертания могильной ямы размерами 190 x 58 см слабо прослежены на уровне костяка, имеют овально-подпрямоугольную форму.

Сопровождающий инвентарь. Справа от черепа стоял берестяной туесок с завернутыми в мех и перетянутыми ремнем вещами (№ 1). Под туеском была деревянная подстилка. В туеске находились: медная цепочка (рис. 276 – 19), два височных кольца (рис. 276 – 20), перстень (рис. 277 – 17). В области тазовых костей обнаружены обрывки ремня (№ 6) с накладками и пряжками (рис. 277 – 7–13, 16, 18, 19, 21; 296 – 7, 8), слева чуть выше таза – нож (№ 2) (рис. 277 – 15), слева у бедра лежал кожаный кошелек (№ 4) (рис. 277 – 6) с монетой и костяной расческой (рис. 276 – 16–18), на пальцах левой руки – перстень (№ 3) (рис. 277 – 17), аналогичный вышеописанному. Под тазовыми костями зафиксированы фрагменты подстилки из дерева и меха (возможно, от одежды). На правой бедренной кости обнаружены 7 наконечников стрел (№ 5) (рис. 277 – 2–5), между бедренными костями обломок железного предмета (№ 8). В ногах располагались наконечник стрелы (№ 7) (рис. 277 – 20), железный втульчатый топор (№ 9) (рис. 277 – 7) и фрагменты ремня (№ 10).

Погребение 74. Трупоположение (рис. 278).

На глубине 75 см лежали в вытянутом положении остатки женского костяка, ориентированного головой на ССЗ (аз. 345°). Могильная яма очерчивается лишь на уровне костяка и имеет размеры 145 x 40 см. Под тленом от черепа и в области груди сохранились фрагменты деревянной подстилки.

Сопровождающий инвентарь. В области черепа расчищены бронзовая гривна (№ 1) (рис. 278 – 17) и два височных кольца (№ 2) (рис. 278 – 16), в области груди – две коньковые подвески (№ 3, 4) (рис. 278 – 3) и чуть ниже – бронзовые браслеты на правой (5 экз.) (№ 5) и

левой (4 экз.) (№ 6) (рис. 278 – 2, 6, 8, 11) руках, рядом – по три перстия на каждой руке (№ 7, 8) (рис. 278 – 1, 4, 5, 7, 9, 10). На тазовых костях сохранился тлен от ремня (№ 8а). В ногах обнаружены украшения обуви (№ 9 – 11) (рис. 278 – 14, 15) и сосуд из глины с примесью органики (№ 12) (рис. 278 – 18).

Погребение 75. Трупоположение (рис. 279).

На глубине 95 см обнаружены остатки от разрушенного поздней ямой погребения. Контуры слабые, ширина заполнения 75 см. Судя по расположению сохранившихся костей, мужской (?) костяк лежал головой на СЗ (аз. 340°) на спине. Левая рука вытянута, правая согнута в локте. Под тазовыми костями и под обрывками ремня прослеживается подстилка.

Сопровождающий инвентарь. В области локтевых костей обнаружены медные браслеты по одному на каждой руке (№ 5, 7) (рис. 279 – 2, 5), справа – железный втульчатый топор (№ 2) (рис. 279 – 9), кремешок (№ 3), около тазовых костей слева – 4 экземпляра наконечников стрел (№ 4) (рис. 279 – 3, 7) и нож (№ 8) (рис. 279 – 8), в области пояса – фрагменты ремня с накладками и наконечником (№ 6) (рис. 279 – 1, 4, 11). Бронзовое височное кольцо находилось на правой стороне чуть выше тазовой кости (№ 1) (рис. 279 – 6). В разрушенной части в перекопе найден наконечник копья, вероятно, связанный с этим погребением (рис. 279 – 10).

Погребение 76. Трупоположение (рис. 280).

На глубине 95 см в вытянутом положении на спине обнаружен мужской (?) костяк, ориентированный головой на С (аз. 360°). Руки вытянуты. Могильная яма прослежена на уровне костяка, размеры ее 150 x 38 см.

Сопровождающий инвентарь. У черепа слева лежал наконечник копья (№ 5) (рис. 280 – 7), на локтевых костях – медные браслеты: на правой руке – 1 экз. (№ 1), на левой – 2 экз. (№ 3) (рис. 280 – 4, 6), рядом с браслетами левой руки – бронзовые бубенчики (№ 6) (рис. 280 – 1, 2). На тазовой кости справа обнаружены обломки медной спиральной пронизки (№ 4) (рис. 280 – 5), у левой бедренной кости ближе к колену – височное кольцо (№ 2) (рис. 280 – 3).

В статье Г.А. Федорова-Давыдова, посвященной описанию нумизматического материала, упоминаются 3 монеты [Федоров-Давыдов, 1984, С. 160 – 164]. Упоминаний о монетах в тексте отчета и в коллекционной описи нет.

Погребение 77. Трупосожжение (рис. 281).

На глубине 100 см выявлены границы могильной ямы размерами 90 x 45 см. Яма ориентирована длинной стороной по линии ССВ – ЮЗЗ. Остатки кремации с угольками располагались в

западной части ямы двумя группами, вещи – в восточной. Следов действия огня на вещах нет.

Сопровождающий инвентарь: подвеска ажурная с привесками (№ 1) (рис. 281 – 3, 4, 5, 9), 4 браслета (№ 2, 3) (рис. 281 – 6, 7), пряжка от ремня (№ 4) (рис. 281 – 2), южнее еще один браслет (№ 5) (рис. 281 – 10), кресало с бронзовой рукоятью (№ 6) (рис. 281 – 1) и рядом – браслет бронзовый (№ 7) (рис. 281 – 11), медная спиральная пронизка (№ 9) и черешковой наконечник стрелы (№ 8) (рис. 281 – 8).

Погребение 78. Трупоположение. Разрушенное (рис. 282 А).

На глубине 90 – 95 см обнаружены кости левой ноги. Погребение разрушено поздней ямой, сохранилась лишь юго-восточная часть. Судя по расположению костей, погребенный лежал головой на СЗ.

Сопровождающий инвентарь. В районе ступней находились наконечник стрелы (№ 1) (рис. 282 – 3), обломок калачевидного кресала (№ 2) (рис. 282 – 1), бронзовая пряжка с железным язычком (№ 3) (рис. 282 – 4), в ногах – железные втульчатый топор (№ 4) (рис. 282 – 5) и фрагмент ножа (№ 5) (рис. 282 – 2).

Погребение 79. Трупосожжение (рис. 283, 284).

На глубине 80 см расчищены остатки захоронения, совершенного обрядом кремации. Границы ямы не прослеживаются. Вещи разложены по линии СЗ – ЮВ. Пережженные кости располагались в центре. Судя по расположению вещей, могила была ориентирована на СЗ (аз. 340°).

Сопровождающий инвентарь. В северной части находились костяная ложечка (палочка) в костяной чащечке (№ 1) (рис. 284 – 12) вместе с украшениями, которые обычно располагались у черепа (№ 2): медная цепочка и подвеска (рис. 284 – 6, 7), две серьги (рис. 284 – 2, 3), рядом – 2 подвески (№ 3) (рис. 284 – 1), по-видимому, височные украшения. В средней части могилы обнаружены железные кольца (№ 4) (рис. 283 – 9, 10), южнее лежали железная пряжка (№ 5) (рис. 283 – 8), бронзовая пряжка (№ 6) (рис. 284 – 8) и обломок железного ножа, костяной предмет неопределенной формы* (№ 8), обрывки ремня с накладками и наконечником (№ 9) (рис. 284 – 9–11), чуть южнее – 6 наконечников стрел (рис. 283 – 2, 3, 6, 7) и шило (№ 7) (рис. 283 – 1). Южнее располагались остатки кожаного кошелька грушевидной формы (№ 10) с тиснением и бронзовыми зажимами по краю (рис. 284 – 4, 5), 2 ножа, один из них – в деревянных ножнах* (№ 11). В области предполагаемых ног были наконечник копья (№ 12) (рис. 283 – 5), боевой топор (№ 13) (рис. 283 – 4) и петельки от обуви (№ 14) (рис. 284 – 13).

Погребение 80. Жертвенный комплекс (рис. 285 А).

На глубине 55 см компактно были уложены вещи без костяка. Все вещи завернуты в ткань, возможно, мех. Ремень опоясывал их в не-

сколько рядов. Под вещами – береста.

Сопровождающий инвентарь. Ремень располагался по кругу и имел накладки (№ 1) (рис. 285 – 2, 3, 4), внутри окружности ремня располагались фрагменты одежды, расшитой металлической нитью (рис. 285 – 6), и кошелек (№ 2) (рис. 285 – 7), а в нем – одна монета; железное кресало (№ 3) (рис. 285 – 5) и кремешок, 4 подвески (№ 4) (рис. 285 – 8) и 3 бубенчика (№ 5) (рис. 285 – 1).

Погребение 81. Трупоположение (рис. 285 Б).

На глубине 75 см выявлены остатки костяка плохой сохранности без вещей. Костяк лежал вытянуто, ориентирован головой на ССЗ (аз. 350°). Могильная яма не очерчивается.

Погребение 82. Жертвенный комплекс (рис. 282 Б).

На глубине 60 см обнаружены браслет бронзовый (№ 1) (рис. 282 – 6), обломок, очевидно, височного кольца* (№ 2) и бронзовая, литая бляха* (№ 3).

Погребение 83. Трупоположение. Разрушенное (рис. 286 – 287).

От могильной ямы сохранилась лишь северная часть, контуры подпрямоугольной формы размерами 85 х 36 см. Костяк расчищен на глубине 88 см, лежал на спине головой на С (аз. 360°). Сохранность костей плохая, левая рука согнута в локте. Остальные кости не сохранились. Сверху костяк закрыт войлоком и лубом. Под костяком зафиксированы следы подстилки.

Сопровождающий инвентарь. В районе висков обнаружены два височных кольца (№ 1) (рис. 286 – 2, 3), рядом – серебряная гривна (№ 2) (рис. 287 – 9) и остатки головной цепочки (№ 3) (рис. 287 – 7), в области груди – бронзовая подвеска (№ 7) (рис. 286 – 4), между ними – пронизки (№ 6) (рис. 287 – 3, 5) и подвеска (№ 7) (рис. 287 – 8). На запястье левой руки располагались два бронзовых браслета, обломки еще трех браслетов находились слева от руки на тазу (№ 5) (рис. 287 – 1, 2, 4, 6), на тазовой kostи слева – перстень (№ 8) (рис. 286 – 1).

Отдельные находки.

В кв. Л/4 на глубине 40 см обнаружено скопление вещей, состоящее из бус, бронзовых пряжек и накладок.

В кв. Е/4 на глубине 45 см обнаружены обрывки кожаного ремня с накладками различной формы (рис. 288 – 7 – 12), по которым можно сделать реконструкцию (рис. 288 – 13, 14), мелкие фрагменты от кошелька, бронзовый браслет (рис. 288 – 2), медные спиральки (рис. 288 – 5) и 4 бубенчика и раковина-каури (рис. 288 – 3, 4), серебряная серьга (рис. 288 – 1), одно стремя (рис. 288 – 6). Данное скопление вещей, вероятно, являлось жертвенным комплексом.

Значительный подъемный материал был собран в 2004 году в размытой части дюны (рис. 289).

ГЛАВА 3. ДАТИРОВКА И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ МОГИЛЬНИКОВ ВЕТЛУЖСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

§1. ДАТИРОВКА ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ

К датировке памятников неоднократно обращались многие исследователи (А.Х. Халиков, Г.А. Архипов, Л.А. Голубева, Т.Б. Никитина, Н.А. Лещинская и др.). В результате проведенных исследований хронологические рамки рассмотренных погребальных памятников Ветлужско-Вятского междуречья определены в преде-

лах IX–XI вв. В большинстве случаев датировался могильник или отдельные погребения по монетам или выборочным вещам, имеющим выраженную хронологическую характеристику. Использование полного комплекса позволяет уточнить хронологию отдельных погребений и могильников в целом.

ВЕСЕЛОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

По результатам первых раскопок М.П. Званцев датировал памятник XII–XIII вв. [Званцев, 1929]. К этой же дате присоединился О.Н. Бадер [Бадер, 1951а. С. 34]. А.Х. Халиков считал, что могильник функционировал в основном в X – первой половине XI вв. и лишь погребение 10 возможно отнести к IX в. [Халиков, Безухова, 1960. С. 55–56]. Г.А. Архипов конкретизировал датировку: п. 10 – IX в., п. 20 – IX–X вв., к X в. отнес пл. 4, 7, 11, 17–18, 24, к X–XI вв. – пл. 2, 3, 4*, 5, 6, 8, 9, 12, 13, 15, 16, 25 и к XI в. – пл. 1, 14, 22, 26, 29 [Архипов, 1973. С. 66, 67].

Датировка Г.А. Архипова, базирующаяся на детальном сравнительном анализе вещевых комплексов Веселовского могильника с многочисленными находками из марийских, мордовских, ломоватовско-родановских и половско-чепецких захоронений с привлечением нумизматического материала, кажется вполне обоснованной. Остались неясными хронологические характеристики пл. 19, 21, 23, 27, 28 и вновь раскопанных пл. 30, 31. С появлением нового материала по эпохе средневековья, особенно на древнерусской территории, стало возможным проработать перечисленные выше комплексы, а также уточнить хронологические характеристики отдельных датированных ранее погребений.

В 4-х погребениях Веселовского могильника (пл. 14, 24, 26, 27) обнаружен нумизматический материал середины X – начала XI вв. [Никитина, 2002. С. 313], из них только две являются полноценными монетами (пл. 24 и 27), остальные представляют оттиски с монет или их подражания. Монеты имеют пробитые отверстия,

монета из п. 24 пробита дважды. Есть упоминание еще о находках монет в п. 22, которые, по определению С.А. Яниной можно отнести к XI в. [Архипов, 1973. С. 66].

К числу наиболее ранних погребений относится погребение 10 (рис. 30, 31), которое хорошо проанализировано предшественниками и имеет четкий комплекс IX в.: браслеты с отогнутыми концами, серьги и перстень аланского типа.

К рубежу IX – X вв. и началу X в., вероятно, относятся пл. 3, 5. Погребение 4 включено мной в одной из статей [Никитина, 2009] в раннюю группу ошибочно в результате досадного недоразумения, связанного с опечаткой: вместо п. 4 должно быть п. 5.

В погребении 5 (рис. 17–22) найден топор-чекан, который по классификации А.Н. Кирпичникова относится к I типу, в п. 81 Подболотьевского могильника датируется IX–X вв. [Архипов, 1973. С. 45]. Этим же временем датируются подобные топоры в других муромских могильниках [Гришаков, Зеленеев, 1990. С. 35]. В Крюково-Кужновском мордовском могильнике аналогичные изделия обнаружены в п. 55-а и п. 213 [Материалы по истории мордвы, 1952. Табл. XXXIV–7; XXXIX–1]. Погребение 213 датируется VIII–IX вв. [Вихляев, Беговаткин и др., 2008. С. 144], п. 55 – X в. [Вихляев, Беговаткин и др., 2008. С. 146]. Многогранная фибула с шипами имеет аналогии в странах Скандинавии в памятниках IX–XI вв. [Мальм, 1967. С. 162] и древней Руси X – начала XI в. [Мальм, 1967. С. 161]. Таким образом, комплекс п. 5 Веселовского могильника относится к началу X в.

Следующая группа относится к X веку.

Комплекс, известный как погребение 20 (рис. 54–57), Г.А. Архипов датировал IX–X вв. [Архипов, 1973. С. 65–66] по нагрудной пластин-

* Цитирую по Г.А. Архипову, в работе которого п. 4 исключено в две хронологические группы. Не исключено, что это результат опечатки. Судя по тексту, п. 4 Г.А. Архипов датировал X в.

чатой подвеске. Близкие по форме изделия обнаружены в пп. 31, 90 Елизавет-Михайловского [Материальная культура, 1969. Табл. 28–8; 39–2] и п. 119 Крюково-Кужновского [Материалы по истории мордвы, 1952. Табл. V–4] могильников конца VIII–IX вв. [Вихляев, Беговаткин и др., 2008. С. 144], в п. 257 Крюково-Кужновского [Материалы по истории мордвы, 1952. Табл. II–5] и п. 132 Пановского [Материальная культура, 1969. Табл. 20–5] могильников стадии II, датированной X в. [Вихляев, Беговаткин и др., 2008. С. 146]. Следовательно, п. 20 Веселовского могильника не выходит за пределы X в.

В составе погребений 17 и 18 (рис. 51–52) находились подвески-уточки типа 1, варианта I по классификации Л.А. Голубевой [Голубева, 1979. С. 17, табл. 4 – I, 2]. Г.А. Архипов датировал это погребение X в. [Архипов, 1973. С. 66]. По особенностям стилистического оформления чаши К.А. Руденко уточнил датировку комплекса последней четвертью X в. [Руденко, 2000. С. 90], что кажется вполне обоснованным.

К этой группе возможно отнести погребение 19. Погребение 19 (рис. 53, 54) не имеет четко выраженных хронологических маркеров. Для уточнения датировки возможна использование украшения пояса. В погребении найдены накладки арочкой формы, имеющие у основания прорез прямоугольной формы со стрельчатым верхом и по краю бордюр из крупных горошин, и накладки листовидных очертаний с бордюром из крупных выпуклин по краю и овалом в центре. Оба типа накладок обнаружены также в п. 20 Веселовского могильника. Аналогия накладкам листовидной формы известны в Каракаевских курганах IX–X вв. на Южном Урале [Мажитов, 1981. Рис. 58–31]. В п. 19 обнаружен также напонечник ремня с округлым нижним краем и геометрическим орнаментом. Идентичный напонечник найден в п. 67 Рождественского могильника в Пермском Предуралье [Белавин, Крыласова, 2008. Рис. 65, 201–10] в комплексе с саманидским дирхемом 954–961 гг. (Абд ал-Малик ибн Мух) с двумя отверстиями [Вильданов, 2008. С. 536]. Таким образом, накладки указывают на дату погребения в пределах X в.

Следующая группа относится к XI в.

Требует уточнения погребение 24 (рис. 63–64). В монографии «Марийцы IX–XI вв.» Г.А. Архипов отнес комплекс к концу X в. Основанием послужила находка дирхема, чеканенного в династии Саманидов (Нух ибн Наср) в 333 г.х. (944/945 гг.). Находка монеты настолько убедила исследователя, что он посчитал возможным удревнить вещи позднего облика, такие, как шестиугольное кресало и рамчатую пряжку с трилистником [Архипов, 1973. С. 63]. При работе с материалами комплекса установлено, что в описании погребения не встречается упоминание о

монете, не значится она и в коллекционной описи памятника. Хотя следует сделать замечание, что в коллекционной описи не значится и ожерелье из двух пластин и медных бус, описанное в отчете под номером 2 и имеющиеся в коллекции. Даже если довериться Г.А. Архипову и все же признать, что в погребении находилась вышеупомянутая монета, то на этом основании удревнить находки вещей позднего облика некорректно. Упомянутая Г.А. Архиповым монета дважды пробита и использовалась в качестве украшения. Известны многочисленные случаи, когда монеты в качестве украшений могли использоваться и на столетие позже их чеканки.

Шестиугольное кресало имеет аналогии в п. 16 Высокумского III могильника, датированного Г.А. Архиповым XII–XIII вв. [Архипов, 1986. Рис. 45 – 7]. Погребение 16 по составу комплекса очень напоминает вышеописанное п. 24 Веселовского могильника, в нем также обнаружена пряжка с лилиевидным ложем, о которой пойдет речь ниже. Шестиугольные кресала по форме приближаются в большей степени к удлиненно-овальным кресалам, которые имеют достаточно широкий ареал распространения и датируются в широком диапазоне начиная с X в. [Евглевский, Потемкина, 2000. С. 187]. Значительная часть их встречена в погребениях, не имеющих узко датируемых признаков. В погребениях с более точной датировкой они относятся к XI в. В Кичилькосском могильнике погребения с овальными кресалами датируются XI в. [Савельева, 1973. С. 97], в позднекочевнических погребениях Восточной Европы – XI–XIV вв. [Евглевский, Потемкина, 2000. С. 193], у мордвы Среднего Приморья – XI–XIV вв. [Петербургский, 2009. Рис. 12 – 6].

Найденная в погребении бронзовая цельнолитая пряжка относится к рамчатым восьмерикообразным присякам с прямоугольным щитком и прорезным фигурным «лилиевидным» (или «в форме трилистника») ложем для язычка. Пряжка имеет широкий ареал распространения. Аналогичные изделия в Новгороде найдены в слоях XI в. [Седова, 1981. С. 144, рис. 56, 1]. В захоронениях могильника на городище Старая Рязань [Дархевич, 1974. С. 62, рис. 40, 2, 30], во Владимирских курганах [Спицын, 1905. С. 54, рис. 353] и в материалах других славянских памятников датируются XI–XII вв. [Седова, 1981. С. 114, рис. 56; Комаров, 2006. Рис. 9–18]. Аналогичные изделия обнаружены также в Волжской Болгарии [Казаков, 1991. Рис. 43–9], в Пермском Предуралье в Рождественском комплексе, на Степанюковом гроббище и Купросском городище [Белавин, Крыласова, 2008. С. 407]. В п. 125 Рождественского могильника такая пряжка находится совместно с шаровидным бубенчиком с щелевидной прорезью [Белавин, Крыласова, 2008. Рис. 88].

Появление линейно-прорезного шаровидного бубенчика по новгородской шкале относится к последней четверти XI в. [Седова, 1981. С. 156].

Таким образом, по совокупности обнаруженных предметов п. 24 возможно датировать второй половиной или концом XI в.

Близким по инвентарю к п. 24 является **погребение 23** (рис. 62), в котором найдены также серебряные круглые пластинки от ожерелья и пряжка, аналогичная пряжке из п. 24. Есть все основания предполагать, что п. 23 одновременно с п. 24 и датируется второй половиной или концом XI в.

Погребение 26 (рис. 67, 68) Г.А. Архипов датировал началом XI в. по наличию 5 подражаний брактеатам [Архипов, 1973. С. 66].

Шумящая нагрудная подвеска с круглым щитком идентична изделию из п. 11 Выжумского III могильника, которое относится к рубежу XI–XII вв. [Никитина, 2002. С. 201–202]. Треугольные шумящие подвески Л.А. Голубевой датируются X–XI вв., причем подвески с тремя петлями относятся к более поздним образцам [Голубева, 1982. С. 120]. Подвески, аналогичные изделиям из п. 26, обнаружены в Кузьминском и Кыпкинском удмуртских могильниках рубежа XI–XII вв. [Иванова, 1992. С. 43].

Ширококонечные пластинчатые браслеты характерны для Владимирских курганов, Тверского, Угличского и Ярославского Поволжья XI–XII вв. [Левашова, 1967. С. 237]. В составе комплекса найден медный перстень с лапчатыми привесками. Такие изделия обнаружены в качестве подвесок в курганном могильнике Плещково – I Тверской области XI–XII вв. [Комаров, 2006. Рис. 3 – 13; 4 – 4,6]. Одна из таких подвесок, но с привесками в виде бубенчиков, найдена в кургане 41, п. 2 совместно с подражанием монетам Оттона III и Адельгейды первой половины XI в. [Комаров, 2006. С. 177]. Битрапециевидная бусина аналогична изделиям седьмой хронологической группы Мининского археологического комплекса, имеющей датировку XI–XIII вв. [Захаров, Кузина, 2008. С. 197. рис. 134–20]. Таким образом, по совокупности предметов, погребение следует датировать второй половиной XI в.

К середине – второй половине XI в. относятся еще несколько погребений.

Из раскопанных в 1957 году 15 погребений Веселовского могильника А.Х. Халиков считал самым поздним **погребение 1** (рис. 5) и отнес его к XI в. [Халиков, Безухова, 1960. С. 56]. Г.А. Архипов уточнил дату погребения второй половины XI в. [Архипов, 1973. С. 66]. Современные находки финно-угорских и славянских древностей подтверждают эту датировку. Браслетообразные завязанные височные кольца кривичского типа встречаются, как правило, в погребениях XI–XII вв. [Левашова, 1967а. С. 16;

Комаров, 2006. С. 7–14]. Витые завязанные браслеты по материалам древнерусских памятников датируются с X по начало XII вв. [Левашова, 1967. С. 219], на северных окраинах Руси обнаружены в комплексах XI в. могильника Нефедьево [Макаров, 1997. С. 120, 125, 126], в погребении второй – третьей четверти XI в. Мининского археологического комплекса [Зайцева, 2008. С. 117–118]. Витые завязанные браслеты из серебра известны в русских кладах X–XI вв. [Корзухина, 1954. Табл. V, XI], в погребении на Старорязанском городище XI в. [Даркевич, 1974. Рис. 47–4; с. 73]. Аналогичные браслеты нередки в памятниках Марийского Поволжья конца XI–XII вв. [Никитина, 2002. Рис. 68Б, 22; 76А, 13; 76Б, 4]. Треугольно-каплевидная подвеска аналогична изделиям из пп. 4, 11 Выжумского III могильника, датированного Т.Б. Никитиной рубежом XI–XII вв. [Никитина, 2002. С. 201] или Г.А. Архиповым XII–XIII вв. [Архипов, 1986. С. 65–67]. Л.А. Голубева эту подвеску включила в третий вариант типа V, датированный XI в. [Голубева, 1982. С. 120].

К п. 1 по комплексу вещей близко **погребение 22** (рис. 59–61), в котором обнаружена аналогичная подвеска треугольно-каплевидной формы, витые завязанные браслеты. В погребении обнаружены также пластинчатые браслеты с расширенными концами. Браслеты шириной от 1 до 3 см с расширенными концами, украшенные орнаментом, нанесенным чеканом-колесиком, встречаются в курганах Южного Приладожья, Тверского, Угличского и Ярославского Поволжья XI–XII вв., Белоозера [Левашова, 1967. С. 237; Макаров, 1997. С. 342, табл. 130, 10; Зайцева, 2008. С. 118]. В курганах Плещково-1 браслеты с расширенными концами залегают совместно с монетами X – начала XI в., но в целом по вещевому комплексу курганы датируются XI–XII вв. [Комаров, 2006. Рис. 7, 8]. В могильнике Оленино на Верхней Волге они найдены в курганах второй половины XI в. [Кашкин, 2003. Рис. 1 – 22; с. 121]. В литературе также встречается упоминание о находках в п. 22 монет, которые, по определению С.А. Яниной, можно отнести к XI в. [Архипов, 1973. С. 66], что соответствует дате вещей.

Погребение 31 (рис. 76–79) по наличию поясных колец, витых браслетов с завязанными концами и пластинчатых широконечных браслетов близко п. 1 и относится к XI в.

Требует уточнения дата **погребения 25** (рис. 65, 66), которое Г.А. Архипов датировал X – началом XI в. В погребении найдена фибула с маковидными головками на концах. Аналогичные изделия широко распространены во всех восточных странах Балтийского моря и в Финляндии, наиболее ранние экземпляры встречены в памятниках конца X–XI вв. [Мальм, 1967. С. 163, 184],

но бытуют и в XI в. На территории древней Руси обнаружены в памятниках XI – нач. XII в. [Седова, 1997. С. 72]. В погребении найдены также браслеты с расширенными концами и звериноголовые браслеты, которые не противоречат дате XI в. Комплекс в целом следует датировать XI в.

Фрагмент дирхема, который входил в состав сакереля и был пробит, обнаружен в погребении 27. Дирхем 1001/1002 гг. (Зияриды, Кабус-Джурда-

жан), что позволяет датировать погребение не ранее середины XI в. [Архипов, 1983. С. 63].

Жертвенный комплекс 21 (рис. 58) имеет в своем составе пластинчатый браслет с изображением звериных головок на концах. Как указывалось выше, подобные «ушастоконечные» (звериноголовые браслеты) на территории Ветлужско-Вятского междуречья получили массовое распространение в конце XI–XII вв.

ЮМСКИЙ МОГИЛЬНИК

А.А. Спицын первоначально датировал памятник X в. [Архив ЛОИА, ф. 5, д. 363, л. 54], А.П. Смирнов – IX–X вв. [Смирнов, 1949; 1952], А.Х. Халиков и Г.А. Архипов – IX–XI вв. [Архипов, 1973. С. 63–68]. Н.А. Лещинской по аналогиям с вещами в погребениях Большетиганского и

Мыдланьшайского могильников, содержащих нумизматический материал уточнена датировка в пределах конца VIII–X вв. [Лещинская, 1995. С. 97–100], что, по моему мнению, соответствует реальному времени его существования.

МОГИЛЬНИК «ЧЕРЕМИССКОЕ КЛАДБИЩЕ»

О.Н. Бадер отнес памятник к VIII–X вв. [Бадер, 1951–а. С. 34]. Этую же датировку поддержал А.П. Смирнов [Смирнов, 1949. С. 89–94; 1952. С. 164–166]. А.Х. Халиков и Г.А. Архипов определили время функционирования могильника в пределах IX–XI вв. [Архипов, 1973. С. 63, 67], делая исключение для п. I, которое считали возможным датировать VIII – началом IX вв. [Архипов, 1973. С. 67]. Судя по вещевому комплексу (внисочные кольца с одним отогнутым концом, головные цепочки, нагрудная бляха с прорезными краями и шумящими подвесками и т.д.), могильник «Черемисское кладбище» функционировал, как и считали предшественники, в период с VIII по X вв. Новые находки на этом памятнике позволяют расширить датировку.

На территории памятника были обнаружены несколько monet: две монеты сохранились в коллекции В.И.Каменского и отнесены к концу X в. Две монеты были обнаружены при раскопках 1957 года (п. II и отдельные находки), обе датированы концом X в. Две монеты на территории могильника были найдены в 2007 г. и определены Д.Г.Мухаметшиным. На одной читается Ал-Муктадир Биллах, Ахмед бин Исмаил, Аш-Шаш, чекана 909/910 гг. Вторая относится к династии Саманидов, но более подробной информации взять невозможно из-за плохой сохранности.

Наиболее ранний комплекс, погребение 1 (рис. 91, 92), относится к рубежу VIII–IX вв. Эта дата была вполне убедительно обоснована Г.А. Архиповым еще в 70-е годы [Архипов, 1973. С. 67] и подтверждается новыми археологическими находками в Урало-Поволжском регионе. Например, нагрудная бляха с фестончатыми краями и шумящими подвесками имеет аналогии в Концов-

ском могильнике [Стефанова, 1982. Рис. 3 – 2-4, 6, 12, 27], а также в погребениях поздней группы гыркесшурского этапа Варнинского могильника, датированных серединой VII в. [Семенов, 1980. С. 60, табл. IV–9, 11]. Поясные накладки с растительным орнаментом и бордюром по краю близки по орнаментальной композиции накладкам из Большетиганского могильника [Казаков, 2007. Рис. 21; Халикова, 1976. Рис. 11] второй половины VIII–IX вв. Точных аналогий изделию на рис. 92 – б неизвестно, но они напоминают поясные подвески Танкеевского могильника [Казаков, 1971. Табл. XVII – 16, 17].

К более позднему периоду XI в. относятся погребения на юго-восточной окраине памятника, раскопанные в 2007 году.

Погребение 14 (рис. 103–106) в составе комплекса имеет треугольно-каплевидную подвеску и поясные накладки.

Треугольно-каплевидные подвески с литыми массивными звеньями для привесок относятся к XI в. [Голубева, 1982. С. 120]. Прямоугольные накладки с шаровидными вздутиями обнаружены в курганах Кумбита и Леонова на территории Южного Приладожья [Мурашева, 2000. С. 109], на территории могильника Минино II на Кубенском озере [Зайцева, 2008. С. 90] и в кургане 2 в Никольском на юго-западном Белозерье [Тухтина, 1966. С. 127]. В.В.Мурашевой такие накладки датированы второй половиной X в. В Никольском кургане совместно с накладками найден динарий с отверстием (Этельред II, 997–1003 гг.) [Равдина, 1988. С. 88]. Ранее XI в. не появляются и шарнирные замки на браслетах [Седова, 1981. С. 119]. Таким образом, погребение следует датировать не ранее начала XI в.

В погребении 15 (рис. 107–109) обнаружены витые браслеты с завязанными концами. При датировке п. 1 Веселовского могильника таким браслетам приведены многочисленные аналогии XI в. Браслеты имеют нанизанные колечки. Браслеты с завязанными концами и нанизанными колечками, но плетеные, обнаружены во Владимирских курганах XI–XII вв. [Левашова, 1967. С. 227–228] и могильниках мещеры и муромы XI в. [Монгайт, 1961. С. 11, рис. 1].

Котел из жертвенного комплекса 2 можно отнести к медным котлам типа М-1 по типологии, разработанной К.А. Руденко. Данный тип в целом датируется IX–X – началом XI вв. [Руденко, 2000. С. 28]. В марийских могильниках котлы первого типа появляются в середине – конце X – начале XI в. [Никитина, Руденко, 1988. С. 87].

Таким образом, датировку могильника «Черемисское кладбище» можно расширить до XI в.

МОГИЛЬНИК «НИЖНЯЯ СТРЕЛКА»

При первых публикациях материала я предварительно по отдельным вещам датировала памятник IX – началом XII вв. [Никитина, 2002. С. 192–194].

Наиболее ранним обликом отличается погребение 25 (рис. 176). Интерес представляет крупная полая подвеска в форме стилизованной уточки с туловом колоколоидной формы и миниатюрной крючкообразной головкой. Аналогичные изделия Л.А. Голубевой объединены в вариант 4 и датированы концом VII – началом VIII вв. [Голубева, 1979. С. 15], в более поздних комплексах встречаются крайне редко. К VIII–IX вв. относится также коническая пронизка от накосника. Не противоречит этой датировке и шумящая уточка-подвеска. Бронзовая котоушка с кружковым орнаментом имеет аналогии в п. 254 мыдланьшайского этапа Варнинского могильника VIII – первой половины IX вв. [Семенов, 1980. Табл. III – 14]. Таким образом, п. 25 возможно датировать IX в.

К раннему этапу относится погребение 7 (рис. 145). Нагрудное украшение в виде прямоугольной пластины с шумящими подвесками имеет аналогии в древностях муромы IX – начала X вв. [Гришаков, Зеленеев, 1990. Рис. 8, 26]. Пластинчатый браслет с отогнутыми концами аналогичен украшениям из погребений второй половины VIII – первой половины IX вв. Варнинского [Семенов, 1980. Табл. III, 7, 8, 10] и Мыдланьшайского [Генинг, 1962. Табл. II, 11] могильников.

К IX в. возможно отнести погребения 2 и 2-а (рис. 134 – 135). Основой для датировки служит кресало с бронзовым навершием в виде двух развернутых конских головок, соединенных с основанием столбиками, близких схематическому изображению животных на подвесках из Прикамья, включенных Л.А. Голубевой в тип III вариант I и датированных VIII–IX вв. [Голубева, 1979. С. 88–91].

К этому же кругу древностей относится жертвенный комплекс 13 (рис. 204 – 206). Ароочные подвески с прорезной основой характерны для урьянской стадии ломоватовской культуры VIII – IX вв. [Голдина, 1985. С. 131–133; рис. 70–17] и мыдланьшайской стадии поломской культуры

этого же периода [Голдина, 1999. рис. 177–15]. Ароочные подвески с изображением стилизованного ростка являются распространенным типом в Пермском Предуралье [Крыласова, 2001. С. 66] и В.А. Обориным датированы IX–XI вв. [Оборин, 1970. С. 21]. Лапчатые привески к подвескам считаются ранним признаком, конические гладкие колокольчики более поздней черты [Крыласова, 2001. С. 67]. В жертвенном комплексе 13 обнаружены лапчатые привески, что подтверждает сравнительно ранний облик данного комплекса. Аналогия круглой ажурной подвеске с лапчатыми привесками с высоко поднятыми стойками и волютами известна в Старобадиковском 2 могильнике VIII–IX вв. [Петербургский, 1987. С. 50–58, рис. 4-2], в пл. 141 и 193 Крюково-Кужновского могильника [Материалы по истории мордовы, 1952. Табл. 1 – 2, 4)], датированных X в. [Вихляев, Беговаткин и др., 2008. С. 146].

Таким образом, можно предположить, что дата жертвенного комплекса 13 приходится на рубеж IX–X вв.

Погребение 1 (рис. 133) содержит нагрудные коньковые подвески с реалистическим изображением коней на круто выгнутых шеях и со свободно опущенными головами. Аналогичные изделия Л.А. Голубевой отнесены к типу VI, варианту 1 и датированы X в. [Голубева, 1979. С. 51].

Хорошо датируется жертвенный комплекс 4 (рис. 196 – 198), который состоит из 2-х туесов. В туесе 1 находился широкосерединный завязанный перстень. Аналогичные перстни появляются в конце X в. и бытуют до XII в. [Комаров, 2006. С. 158, рис. 6–16, рис. 7–8; Недошивина, 1967. С. 256, 257]. Обнаруженная в комплексе коньковая подвеска соответствует X–XI вв. по типологии Л.А. Голубевой [Голубева, 1966. С. 94]. Герметически закрытые грушевидные подвески аналогичны изделиям из Танкеевского могильника IX–X вв. [Казаков, 1971. С. 141]. В туесе 2 обнаружена фибула-застежка с трапециевидным сечением и многогранными головками, которые на территории древней Руси известны

¹ Монеты могильника «Нижняя стрелка» из раскопок 2007 г. определены к.и.в. Д.Г. Мухаметшиним.

в памятниках X – первой половине XI в. [Мальм, 1967. С. 159 – 161; Фехнер, 1963а. С. 79–84; Леонтьев, 1996. С. 170–172; Хвошинская, 1999. С. 39–44], в Прибалтике, Швеции, Норвегии и Готланд в конце IX – первой половине XI в., причем подавляющее большинство приходится на X в. [Мальм, 1967. С. 161], а на территории Эстонии в IX–X вв. [Хвошинская, 2004. С. 83]. Аналогичная фибула обнаружена в п. 42 Мало-Венюкского могильника [Иванова, 1992. Рис. 37–7], который датируется с середины или начала XI в. и функционировал весь XII в. [Иванова, 1992. С. 66]. Фибула из дрота круглого сечения с многогранными головками обнаружена в п. 13 Кичильского могильника с монетами XI в. [Савельева, 1987. С. 154]. Таким образом, жк 4 в целом можно датировать второй половиной X в.

В погребении 30 (рис. 182–183) обнаружен фрагмент дирхема плохой сохранности, на котором Д.Г.Мухаметшин прочитал имя правителя Ал-Муктрафи Биллах (Джафар бин) Абдаллах. Год и место чекана не читаются. По мнению исследователя, монета чеканилась не позже 908 года.

Вещевой материал комплекса имеет несколько более поздний облик. В этом погребении найдена железная тордированная гривна. Подобные гривны считаются скандинавским импортом и были распространены на территории Руси в X–XI вв. Их находки сосредоточены в основном вдоль торговых путей, связывающих Северную Европу со странами Востока [Фехнер, 1967. С. 63; Седова, 1997. С. 66]. Поясные наборы, аналогичные изделиям из п. 30, обнаружены в п. 29 могильника «Нижняя стрелка» и п. 58 Дубовского могильника. Во всех трех погребениях они имеют одинаковую конструкцию, одни и те же типы накладок и идентичные пряжки. Вещевой инвентарь п. 29 могильника «Нижняя стрелка» и п. 58 Дубовского могильника соответствует дате конец X–XI в. В п. 58 Дубовского могильника найдена биконьковая подвеска с изображением человеческой личины между шеями коней, которая характерна для XI в. [Белавин, Крыласова, 2008. С. 381; Оборин, 1970. С. 17].

Накладки из п. 30 могильника «Нижняя стрелка» Е.П. Казаков включил в число болгарских ремесленных изделий [Казаков, 2007. Рис. I-3], но непосредственно среди опубликованных материалов с болгарских памятников таких накладок не обнаружено. Несколько изделий такого типа известно из сборов А.С. Уварова во Владимирской области, отнесенных ко второй половине X в. [Мурашева, 2000. С. 41]. Аналогичные поясные накладки обнаружены в п. 34 Елизавет-Михайловского мордовского могильника [Материальная культура среднецининской мордовы. 1969. Табл. 28 – II. 12], которое отнесено к стадии II, имеющей хронологические границы X – первая половина XI в. [Вихляев, Беговаткин

и др., 2008. С. 146]. В п. 58 Дубовского могильника аналогичные накладки сочетаются с наконечником с овальным нижним краем и геометрическим орнаментом, идентичным наконечнику ремня из п. 67 Рождественского могильника в Пермском Предуралье [Белавин, Крыласова, 2008. Рис. 65, 201 – 10] в комплексе с саманидским дирхемом 954–961 гг. (Абд ал-Малик ибн Мух) с двумя отверстиями [Вильданов, 2008. С. 536]. Пряжки, аналогичные изделиям из п. 30 могильника «Нижняя стрелка», обнаружены также в пп. 46, 60, 64 Дубовского могильника. В п. 46 совместно с пряжкой обнаружены дирхем, два подражания саманидским дирхемам, один односторонний оттиск с подражания куфическому дирхему. По определению Г.А. Федорова-Давыдова монета Насра ибн Ахмеда с дополнительным ушком для подвешивания из серебряной проволоки относится к 301–331 гг.х. (913–943 гг.). Оба подражания саманидскому дирхему Насра ибн Ахмеда имеют отверстия и, по предположению Г.А.Федорова-Давыдова, изготовлены в Волжской Болгарии [Федоров-Давыдов, 1984. С. 161]. В п. 60 Дубовского могильника обнаружена сильно стертая, но без отверстий, монета Бувейхидов с чеканом Руки ад-Дунна Абу-Али Бувейх и Адуд ад Даула Абу Шуджа, имя халифа – ал Мути 949–974 гг. [Федоров-Давыдов, 1984. С. 161].

По совокупности приведенных данных п. 30 можно датировать концом X–XI вв.

В жертвенном комплексе 8 (рис. 201) обнаружен четырехгранный браслет с завязкой в виде спирали. По материалам русских памятников дротовые завязанные браслеты В.П. Левашова датируются концом X – нач. XII вв. [Левашова, 1967. С. 213]. Аналогичные браслеты Н.В. Жилина отмечает в составе второй хронологической группы X – нач. XI вв. [Жилина, 2008. Рис. 2-В].

Котел из кв. В/5 (жертвенный комплекс 5) относится к типу М-3, датированному концом X – началом XI вв. [Руденко, 2000. С. 29].

К этому же периоду на основании находок одностороннего оттиска с монеты Волжской Болгарии (Мумин Бен ал-Хасан, г. Болгар) 970-х г. и витого завязанного браслета относится погребение 27 (рис. 178).

Обломки таких дирхемов обнаружены в погребениях 24 и 31 (рис. 175, 184, 185). В погребении 37 (рис. 191) найден односторонний оттиск с монеты Волжской Болгарии, чеканенной в Суваре в 970-е гг.

В погребении 18 (рис. 163, 164) обнаружен дирхем Бувейхидов с легендой Тадж ал-Милля Адуд ад Дауля, Абу-Шуджа с именем халифа ат-Тан, чекан Мосула, 980/981 гг. Монета имеет отверстие, подтверждающее, что она использовалась в качестве украшения и бытовала долгое время.

Погребение 20 (рис. 169 А) содержит односторонний оттиск с дирхема Волжской Болгарии (чекан Болгара) 988/989 гг. и пластинчатый браслет с расширенными концами, позволяющие отнести комплекс к концу X – началу XI вв.

Следующая группа погребений, объединенная достаточно близким инвентарем, однотипными поясными наборами, относится к более позднему периоду.

В **погребении 4** (рис. 137–139) обнаружен дирхем 909–910 гг. (Ахмед Бен Исмаил, Андерхаб). Монета пробита и использовалась в качестве украшения, что предполагает ее длительное использование. Остальной комплекс вещей отличается более поздним обликом. Витые гривны с раскованными концами находят аналогии в древнерусских древностях, особенно Владимиро-Сузdalской и Новгородской земель, Северо-Восточной Руси, Костромском Поволжье XI – н. XII вв. [Фехнер, 1967. С. 73; Рябинин, 1986. С. 60; Зайцева, 2008. С. 106]. Змеиноголовый браслет с орнаментом «волчий зуб» также может относиться к этому периоду. Височная подвеска с бубенчиком по аналогии с западнофинскими древностями [Горюнова, 1961. Рис. 90-3] и завязанные браслеты встречаются в комплексах XI в. Несмотря на дату монеты первой половины X в., в целом погребение можно отнести к XI в.

К этому погребению по комплексу вещей близки пп. 11 и 11а, совершенные в одной могильной яме и, безусловно, одновременные.

В **погребении 11** (рис. 150–152) обнаружен такой же тип пояса, что и в п. 4, а также гривна радиического типа. Гривны радиического типа бытовали в основном в бассейне р. Сожа [Седова, 1997. С. 66] и датируются XI в. [Фехнер, 1967. С. 64].

В **погребении 11-а** обнаружены змеиноголовые браслеты с орнаментом «волчий зуб» и височные кольца с напускными бусами. В.П. Левашова датирует гладкие бусинные кольца X–XII вв. [Левашова, 1967а. С. 19–23, 40–43]. Е.А. Рябинин отмечает их появление в верхневолжских курганах во второй половине XII–XIII вв. [Рябинин, 1986. С. 58]. К концу XI–XIII вв. относятся их находки в погребениях Вологодской области [Никольская, 1949. С. 37, 38; Сабурова, 1974. С. 92–97. Рис. 5, 13-19; Рябинин, 1986. С. 58]. Поэтому трудно предположить, чтобы на исследуемой территории они появились ранее конца XI в. Кресало с бронзовым навершием со схематическим изображением зверей имеет свои особенности. По сюжету оно приближается к кресалам группы II, типа 4, варианта 2 классификации Л.А. Голубевой первой половины X в. [Голубева, 1964. С. 124], но навершие схематизировано до такой степени, что на рисунке невозможно выделить ни глаз, ни ушей. Усиленная схематизация предполагает более позднюю дату [Никитина,

Руденко, 1998. С. 85]. Несмотря на бытощее мнение, что кресала с биметаллическим навершием обычно не встречаются позже середины XI в., данное изделие имеет очень поздний облик.

В целом вещевой комплекс датируется XI в.

К последним двум погребениям близки захоронения 15 и 16.

В **погребении 15** (рис. 156 – 158) найдены фрагменты такого же пояса, витые и плетенные браслеты с завязанными концами, пластинчатые браслеты с расширенными концами. Все вышеупомянутые вещи позволяют датировать комплекс также второй половиной XI в. Плетеный браслет с завязанными концами и нанизанными колечками аналогичен находкам из Владимира-Суздалских курганов XI–XII вв. [Левашова, 1967. С. 227–228] и могильников мещеры и муромы XI в. [Монгайт, 1961. С. 11, рис. 1]. В погребении найдены 3 монетовидные подвески – подражания куфическим дирхемам. В качестве подвесок они могли сохраняться и в XI в.

В **погребении 16** (рис. 159, 160) обнаружен плетеный браслет, имеющий на концах гнезда для вставки. Аналогичные изделия в русских кладах датируются XI – началом XIII вв. [Левашова, 1967. С. 228]. К этому же времени относятся и другие вещи: витые браслеты с обрубленными концами [Левашова, 1967. С. 221, 228], поясные орнаментированные кольца [Седова, 1981. С. 152].

В **погребении 40** (рис. 193, 194) найден пластинчатый браслет с расширенными концами XI–XII вв. и петлеконечный браслет. Витые петлеконечные браслеты датируются по материалам Новгорода с XI до XIV вв. [Левашова, 1967. С. 222]. В погребении найдены 2 дирхема² (1 – Наср ибн Ахмед, г. Самарканд, 938/939 г.; 2 – Нуух ибн Наср, г. Самарканд, 949/950 г.) и односторонняя имитация саманидскому дирхему XI в.

Более поздним обликом отличаются погребения 5, 33.

В **погребении 5** (рис. 140–143) обнаружены 4 монетовидные подвески, представляющие собой подражание куфическим дирхемам. Подвески пробиты и имеют петельки для подвешивания. В таком виде они могли использоваться длительное время и могут маркировать только нижнюю границу комплекса. Для уточнения даты погребения использованы привозные вещи. В погребении найден витой браслет с заостренными концами, один из которых завязан петлей вокруг другого. Витые тонкоконечные браслеты встречены при раскопках славянских памятников XII–XIV вв. [Левашова, 1967. С. 222]. Этой дате не противоречит и один завязанный конец, так как височные кольца с од-

* Монеты определены сотрудницей отдела нумизматики ГИМа С.А. Яниной [Халиков, Безухова, 1960. С. 52].

ним зализанным концом встречены лишь в погребениях XII–XIII вв. [Левашова, 1967-а. С. 16]. Дате XII в. соответствуют обувные умбоновидные шумящие подвески, встречающиеся в вымских могильниках вплоть до XIII в. [Савельева, 1987. С. 125]. Полая уточка с двумя жгутиками датирована Л.А. Голубевой XI – началом XII вв. [Голубева, 1979. С. 17]. Височные кольца с заходящими и обмотанными проволокой концами найдены в слоях до начала XII в. [Левашова, 1967-а. С. 16]. Витые петлюконечные браслеты в Новгороде встречаются с XI до XIV вв. Немало таких браслетов в Пскове [Королева, 1996. Табл. II – 5, 9; X – 1, 3, 6, 9, 10; Седов, 2007. С. 374]. На основании указанных аналогий комплекс датируется рубежом XI–XII вв.

Жертвенный комплекс 12 (рис. 203) содержит три хорошо датируемых браслета. Витые завязанные браслеты в древнерусских памятниках встречаются с X по начало XII вв. [Левашова, 1967. С. 219], преимущественно в комплексах XI в. (см. п. 1 Веселовского могильника). Анало-

гичные браслеты нередки в памятниках Марийского Поволжья конца XI–XII вв. [Никитина, 2002. Рис. 68Б, 22; 76А, 13; 76Б, 4]. Орнаментированные браслеты с расширенными концами встречаются в XI–XII вв. (см. п. 22 Веселовского могильника). Пластинчатые браслеты с изображением звериных головок на концах на территории Ветлужско-Вятского междуречья получают массовое распространение в конце XI–XII вв.

Таким образом, жк 12 по совокупности данных датируется XI – началом XII вв.

В погребении 33 (рис. 186) найден обмотанный браслет, концы которого имеют шарнирный замок. Обмотанные браслеты по новгородским древностям датируются рубежом XI–XII вв. [Седова, 1981. С. 100]. Шарнирные замки и на пластинчатых браслетах раньше этого времени также не появляются [Седова, 1981. С. 119].

На основании приведенных аналогий могильник, в целом возможно датировать IX – началом XII вв.

ДУБОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

Г.А. Архипов датировал памятник X–XI вв. [Архипов, 1964. С. 187–189; 1973. С. 65; 1984]. В 12 из 83 погребений найдены монеты Саманидов, Булейхидов, Зияридов, Симджуридов, Волжской Булгарии и герцога Ордульфа, подтверждавшие, что основная масса погребений относится к указанному периоду [Федоров-Давыдов, 1984. С. 160–165]. По вещественным комплексам есть основания предполагать, что отдельные захоронения (пп. 7–9, 17, 18, 19, 20, 23, 30) были оставлены несколько позднее и относятся к рубежу XI–XII вв. или началу XII в. Все эти погребения отличаются обеднением инвентаря, что характерно в большей степени для погребального обряда последующего периода.

В материалах Дубовского могильника не удалось выделить погребения IX в., самые ранние захоронения относятся к X в.

В погребении 52 (рис. 256, 257) найдены 2 монеты. Одна монета Волжской Булгарии без отверстия с именем Миканла ибн Джрафара. Г.А. Федоров-Давыдов предполагает, что монеты Миканла ибн Джрафара относятся ко времени не ранее конца 920-х гг. и не позднее конца 950-х гг. В легенде указан Самарканд 306 гх. (918–919 гг.) и помещено имя халифа Муктадира, чье правление закончилось в 932 гг. [Федоров-Давыдов, 1984. С. 162]. Вторая монета Насра ибн Ахмеда была обломана, обломок составил около четверти целого изделия. Год точно не определяется, Г.А. Федоров-Давыдов определил дату приблизительно в пределах 933–941 гг., т.е. ее ранняя граница приближается к дате первой монеты (30-е годы X столетия).

Аналогии пятиугольным накладкам со сложенными боковыми утлами и изогнутыми боковыми стенками с прорезом прямоугольной формы со стрельчатым верхом известны на широкой территории. Они имеются в коллекции А.С. Уварова из Владимирской области [Мурашева, 2000. С. 31], в мордовском Лядинском могильнике, в погребениях первой половины X в. Танкеевского могильника [Казаков, 1971. Табл. XX – 36; Казаков, 1992. С. 288], в могильниках Бирка и «Черная земля» [Jansson, 1986. S. 94. Abb. 10–11]. Оба типа накладок совместно обнаружены также в пп. 3 и 4 Дубовского могильника с монетами Насра ибн Ахмеда: в одном случае чеканенными в 940–941 гг., а в другом – в 936 – 937 гг. Аналогичные изделия найдены также и в п. XII Черемисского кладбища с кресалом со схематическим изображением медведей, повернутых мордами друг к другу, отнесенных Л.А. Голубевой к отделу II типа 4, варианта 2 первой половины X в. [Голубева, 1964. С. 125]. Бронзовая цельнолитая пряжка с пятиугольным щитком и выраженными углами по внешнему облику близка салтовским, хотя полную аналогию найти не удалось. Наконечник ремня с заостренным нижним краем, каплевидными выступами на боковых стенках и верхнем крае имеет аналогии в п. 18 «Нижней стрелкой» с монетой Булейхидов 370 гх. (980–981 гг.). Форма изделия встречается в Гнездовских курганах второй половины X в. [Мурашева, 2000. Рис. 87 – 1Б], в п. 18 Пановского древнемордовского могильника [Материальная культура среднеценинской мордовы, 1969. С. 83 – 6]. Последний

датируется второй половиной XI в. [Вихляев, Беговаткин и др., 2008. С. 147], но известны и более ранние аналогии данному изделию в венгерских памятниках IX–X вв. [Fodor, 1996. С. 90].

Кольца-разделители или бляхи-тройчатки, используемые обычно для уздечки, обнаружены в Танкеевском могильнике в погребениях первой половины X в. [Казаков, 1992. С. 95], в п. 68 Елизавет-Михайловского мордовского могильника [Материальная культура среднецининской мордовы, 1969. С. 145], которое вошло в 11 группу X – первой половины XI в. [Вихляев, Беговаткин и др. 2008. С. 146]. Накосники с крупными коническими привесками найдены в наиболее ранних погребениях IX в. (п. 25), IX – начала X в. (п. 7) могильника «Нижняя стрелка» [Никитина, 2002. С. 192–193] и в п. 1 могильника «Черемисское кладбище».

Фрагмент треугольной подвески с колечками для шумящих привесок близок подвескам типа 1 вариант 3 или типа 3, вариант 2 (более точно сказать нельзя, поскольку не сохранилось ушко для крепления), которые Л.А. Голубева датировала IX–XI вв. [Голубева, 1982. С. 113, рис. 2 – 8, 14]. Костяной гребень украшен чешуйчатым орнаментом, отнесен Н.Б. Крыласовой к типу 4, по материалам могильников Удмуртии датируется VIII–IX вв., в Старой Ладоге с конца IX – по конец X вв. [Крыласова, 2007. С. 257].

Таким образом, вещевой инвентарь данного погребения по взаимовстречаемости вещей и на основании аналогий позволяет датировать комплекс первой половиной X в., что совпадает с датой монетного материала.

К наиболее ранним комплексам относится погребение 67 (рис. 271). Накладки с выступами, оформленными волютами на боковых гранях и вершиной-короной с растительным орнаментом, обозначенным змалью, имеют аналогии в п. 116 Панюнского могильника [Материальная культура среднецининской мордовы, 1969. С. 113] стадии 10 VIII–IX вв. [Вихляев, Беговаткин и др., 2008. С. 144]. Орнаментальный мотив близок изделиям из Армиевского могильника, которые относятся к IX в. [Белорыбкин, 2003. С. 110, рис. 74]. Наконечник ремня по характеру орнамента похож на Наконечник из комплекса Саркела-Белая Вежа, где он найден с монетами 943–954 гг. [Артамонов, 1958. Рис. 35]. Топор по классификации А.Н. Кирпичникова относится к типу VIII, датированному в русских древностях X–XI вв., но появился этот тип в Восточной Европе еще раньше [Кирпичников, 1966. С. 39].

В целом погребение можно датировать началом X в.

Выразителен для датировки комплекс погребения 73 (рис. 277).

В описании значатся четыре монеты, определена только одна: монета без отверстий На-

сра иби Ахмеда 315 гх. (927–928 гг.) [Федоров-Давыдов, 1984. С. 160].

Неорнаментированные накладки подквадратной формы с вытянутым вдоль поперечной оси прорезом прямоугольной формы со стрельчатым верхом имеют аналогии в довольно ранних памятниках начиная с VIII в.: в Большетиганском могильнике конца VIII – первой половины IX вв. [Халикова, 1976. С. 169, рис. 10, с. 171], Болгаре VIII–IX вв. [Полякова, 1983. Приложения с. 138, табл. LIX, 8], Венгрии [Fodor, 1996. С. 186, 2], у мордвы [Материальная культура среднецининской мордовы, 1969. Табл. 33–3; 36–3; 10–10, Ястребов, 1893. С. 12, рис. 14; Материалы по истории, 1952. Табл. XXXIII–5], в Прикамье VIII–IX вв. [Годлина, 1985. С. 201], на Неволинском и Деменковском могильниках в комплексах второй половины VII – второй половины VIII вв. [Генинг, 1979. Табл. С-37, Комар, 2001. С. 114, рис. 1–18], в Пенджикенте Средней Азии в VII–VIII вв. [Раслопова, 1965. Рис. 1, 2; Комар, 2001. С. 116, рис. 3–31], а также в Сибири VI–VIII вв. [Раслопова, 1965. Рис. 1, 24; Киселев, 1951. С. 353, рис. 13]. Встречаются они и у славян во второй половине X в. [Мурашева, 2000. С. 106, рис. 27–1Д]. В марийских памятниках подобные изделия распространены достаточно широко как в начале X в. (п. XII Черемисского кладбища совместно с кресалом первой половины X в., о чем речь шла выше), так и в конце X в. (п. 14 Веселовского могильника с болгарскими монетами 986–987 гг., и саманидскими дирхемами 996–997 гг. (Нух II ибн Мансур)* [Архипов, 1973, рис. 43 – 15, 68].

Накладки квадратные с прорезью со стрельчатым верхом и орнаментом из двух цветков (один венчает другой), изогнутых листьев имеют аналогии в Астраханской области у с. Колобово [Федоров-Давыдов, 1966. С. 115] и в Гнездовских курганах второй половины X в. [Мурашева, 2000. с. 53, рис. 77 – 09].

Сердцевидные накладки с сердцевидным прорезом, подобно квадратным накладкам без орнамента, имеют достаточно ранние аналогии в Танкеевском могильнике [Казаков, 1971. Рис. XX–23], у алан в Тарском могильнике [Кантемиров, Дзаттнаты, 1995. С. 278], а также в X–XI вв. в Муракаевских курганах на Южном Урале [Мажитов, 1981. С. 145, рис. 71–6], у мордвы в Лядинском могильнике [Воронина, 2007. Рис. 14 – 10]. В то же время такие накладки обнаружены совместно с квадратными накладками с орнаментом в одном комплексе п. 14 Веселовского могильника конца X – начала XI вв. В комплексе найдена также костяная расческа. Расчески с футлярами в Западной Европе появились не ранее середины X в. [Фехнер, 1963. С. 40], в Новгороде во второй половине X в. Футляры с двумя парами накладок, по мнению Л. Смирновой, распространены преимущественно

в X – начале XI вв. [Меснянкина, 2008. С. 223].

Таким образом, несмотря на датировку монеты первой половиной X в., вещевой комплекс (расческа, квадратные накладки с орнаментом, а также наличие всех типов накладок с более поздними монетами в других захоронениях) позволяет отнести погребение ко второй половине X в.

В погребении 57 (рис. 261) найдена мозаичная желтая бусина, аналогичная изделию из I группы Мининского археологического комплекса X – начала XI вв. [Захаров, Кузина, 2008. Рис. 170 – I, с. 195].

Судя по находкам монет Насра ибн Ахмеда, чеканенных в Самарканде к середине – второй половине X в. относятся погребения 3, 4, 45, 46, 60 (рис. 215–217, 249–251, 265).

Погребение 58 (рис. 262, 263). В сумке обнаружены бусы, которые можно использовать для датировки. Одна полосатая лимоновидная бусина имеет аналогии среди бус I группы Мининского археологического комплекса [Захаров, Кузина, 2008. Табл. 168 – I, с. 196] второй половины X – начала XI в., что соответствует дате аналогичных бус в Старой Ладоге [Львова, 1968. С. 85]. В этом же погребении обнаружена черная глазчатая бусина с белыми петлями, которая датируется X – началом XI вв. [Захаров, Кузина, 2008. С. 196, рис. 146 – 4,5; Львова, 1968. С. 78; Щапова, 1956. С. 178; Валиуллина, 2000. С. 56; Макаров, 1997. С. 125]. Бусинцы с концентрическими глазками и лимоновидная желтая вполне укладываются в обозначенную датировку.

Накладки идентичны накладкам из п. 30 могильника «Нижняя стрелка», подробно при описании последнего датированы концом X–XI вв. Наконечник ремня с округлым крючком краем и геометрическим орнаментом идентичен наконечнику из п. 67 Рождественского могильника в Пермском Предуралье [Белавин, Крыласова, 2008. Рис. 65, 201 – 10] в комплексе с саманидским дирхемом 954–961 гг. (Абд ал-Малик ибн Мух) с двумя отверстиями [Вильданов, 2008. С. 536].

Таким образом, погребение датируется концом X – началом XI вв.

Этим же временем можно датировать погребение 49 (рис. 253), в котором также обнаружена черная глазчатая бусина, аналогичная бусине из п. 58.

По находкам бус с ресничатыми глазками и глазчатых бус с петлями к вышеописанным потребительским комплексам приближается погребение 14 этого же могильника (рис. 224).

В погребении 24 (рис. 232) обнаружены накладки треугольной формы с каллевидными выступами по трем граням и с растительным орнаментом, выполненным змалью. Аналогичные изделия обнаружены в разграбленном п. 18 кургана 3 Карабаевских курганов X–XI вв. [Макитов, 1981. Рис. 58–74], в п. 123 Крюково-Кужновского могильника X – возможно XI в.

[Вихляев, Беговаткин и др. 2008. С. 145–146].

Хронологическую позицию погребения 68 (рис. 272) определяет топор-чекан с узким лезвием, круглыми щекавицами и грибовидной головкой, который датируется по А.Н.Кирпичникову X–XI вв. [Кирпичников, 1966. С. 33].

Уздечный набор из погребения 66 (рис. 269–270) имеет крупные сердцевидные налобные бляхи-бубенчики и конечные бляхи-бубенцы с прорезями из цветного металла, характерные в большей степени для кочевников Прииртышья и Привалтайских степей [Могильников, 2002. С. 89]. В нижнем Поволжье аналогичные бляхи найдены в кургане Быково XI в. [Федоров-Давыдов, 1966, рис. 1,1], но, по мнению В.А. Могильникова, являются результатом миграции кимаков на запад [Могильников, 2002. С. 90]. В погребении обнаружены также 3 саманидских дирхема Насра ибн Ахмеда и одно подражание саманидским дирхемам того же эмира [Федоров-Давыдов, 1984. С. 166]. Монеты датируются от 938/939 гг. до 940/941 гг. Учитывая, что все монеты пробиты (одна пробита даже дважды), можно сделать вывод, что они использованы в качестве украшения, а значит, могли значительно запаздывать по времени относительно даты их чекана.

Погребение 79 (рис. 283–284) датируется по топору с грибовидной шляпкой и оттянутым лезвием, имеющему аналогии в древнерусских материалах XI в. Среди восточных древностей не встречаются [Кирпичников, 1966. С. 35].

В погребении 56 (рис. 260) обнаружен дирхем династии Симджуридов (Абу-Али, Нисабур) 994/995 гг., который позволяет отнести комплекс к началу XI в.

К XI в. можно отнести погребение 10 (рис. 221) по находке бусины, похожей на навитые серебростеклянные, датированные в пределах конца X – начала и даже середины XII в. [Щапова, 1956. С. 171–172; 1972. С. 87; Захаров, Кузина, 2008. Рис. 161].

Более позднюю дату, не ранее середины XI в., имеют несколько захоронений.

В погребении 18 (рис. 228) содержится пластинчатый браслет с завернутыми концами. Пластинчатые браслеты с зауженными, загнутыми в трубочку концами, по мнению А.В. Арциховского, являются характерным украшением вятичей, где они бытуют с конца XI–XIV вв. [Арциховский, 1930. С. 21; Левашова, 1967. С. 236]. В Новгороде аналогичные находки встречаются в слоях с конца XI до 50 – 60-х годов XIV вв., наибольшее их распространение приходится на конец XII–XIII вв. [Седова, 1981. С. 113], в верхневолжских курганах на вторую половину XII–XIII вв., по верхнеднепровским материалам на конец XII–XIII вв. [Рябинин, 1986. С. 65]. Не противоречит этой дате и находка височного кольца с напускными бусами

[Архипов, 1984. С. 142, рис. 8, 29]. В.П. Левашова датирует гладкие бусинные кольца X–XII вв. [Левашова, 1967а. С. 19–23, 40–43]. Е.А. Рябинин отмечает их появление в верхневолжских курганах во второй половине XII–XIII вв. [Рябинин, 1986. С. 58]. К концу XI–XIII вв. относятся их находки в погребениях Вологодской области [Никольская, 1949. С. 37, 38; Сабурова, 1974. С. 92–97, рис. 5, J3–J9; Рябинин, 1986. С. 58].

Близко по дате к вышеописанному погребению 19 (рис. 229), содержащее в своем комплексе точно такое же височное кольцо с напускными бусами, железную гривну и четырехгранный браслет со звериными головками [Архипов, 1984. С. 145, рис. 11, J2].

Подобные браслеты обнаружены также в погребении 40 (рис. 244) в комплексе с простыми височными проволочными кольцами, бытующими вплоть до конца XIII в., и 7 привесками, представляющими собой литые подражания куфическим монетам. Подражания пробиты, имеют по два или более отверстий, что доказывает факт их длительного использования. Кроме того, здесь найден пластинчатый браслет с расширенными концами, украшенными «волчьим зубом» XI–XII вв. [Левашова, 1967. С. 236]. Вероятно, п. 40 Дубовского могильника относится к рубежу XI–XII вв.

Копированным погребениям близко погребение 20 (рис. 230) и погребение 27 (рис. 234), имеющие в составе инвентаря петлеоконечные браслеты и височное кольцо с напускными бусами.

Рубежом XI–XII вв. также датируется вещевой комплекс погребения 38 (рис. 236), содержащий кальчевидное кресало, железный нож, железный проушной топор, медную гривну из круглой проволоки с нарезкой, имитирующей витые, монетовидную подвеску, два плетеных браслета со вставками на концах. Круглые монетовидные привески с орнаментом на лицевой стороне из расходящихся лучей солнца относятся к концу XI – первой половине XII вв. На территории северо-западной и северо-восточной Руси они распространены почти повсеместно. Встречаются данные привески в памятниках этого же времени на юго-западе и на юге Руси, а также на территории соседних народов [Успенская, 1967. С. 111]. Плетеные браслеты, имеющие на концах припаянный овальный щиток-гнездышко со шнуровой окантовкой для камня, в русских кладах датируются XI – началом XIII вв. [Левашова, 1967. С. 222, 229].

Жертвенный комплекс, названный в отчете погребением 34 (рис. 239 Б), имеет в своем составе фрагмент денария, по определению Г.А. Федорова-Давыдова, чеканенного Герцогом Ордульфом (Отто) или Графом Германом с датой 1059–1071 или 1059–1086 гг.

Погребение 9 (рис. 220) отнесено к более позднему периоду на основании шестиугольно-

го железного кресала, височных проволочных колец и плоского браслета с расширенными концами. Датировка этих изделий уже неоднократно рассматривалась выше.

Овальное кресало и кручевой браслет найдены в погребении 17 (рис. 226, 227). Овальные двуплезвийные кресала широко распространены в средневековых памятниках XII–XIII вв. у славянских, финно-угорских, тюркязычных племен [Колчин, 1953. С. 100; Плетнева, 1973. Табл. 27, 15; Культура Билиара, 1985. С. 126; Иванова, 1979. Табл. VII – б, 7, J1; 1992. С. 59 – 60]. У марицев они также получают распространение в могильниках XII–XIII вв. [Архипов, 1986. С. 62].

К числу наиболее сложных для датировки относится погребение 36 (рис. 240, 241). В погребении находились две монеты Волжской Болгарии, чеканенные в 341 г.х. (952–953 гг.) в Суваре Талибом иби Ахмедом. Обе монеты выполнены одной парой штемпелей, не имеют отверстий. Вместе с монетами находился также односторонний оттиск с подражания саманидскому дирхему Насре иби Ахмеда, пробитый двумя отверстиями [Федоров-Давыдов, 1984. С. 166]. Самые поздние монеты этого правителя в Дубовском могильнике датируются 329 г.х. (940–941 гг.). Таким образом, нумизматический материал относится к середине X в.

В составе комплекса обнаружен браслет, имеющий пластинчатый корпус, сужающийся к овальным или округлым концам, которые отделены от остальной части. Арциховский отмечал распространение овальнооконечных браслетов от Венгрии до Костромской и Пермской губерний [Арциховский, 1930. С. 22]. Древнейший образец из слоя 20–50 г. XI в. в Новгороде М.В. Седовой отнесен к этому типу условно. Остальные овальнооконечные браслеты она датирует периодом от 30-х годов XII до конца XIII вв. [Седова, 1981. С. 112 – 113]. В.П. Левашова отмечает овальнооконечные браслеты в курганах XII в. [Левашова, 1967. С. 139]. Нужно признать, что древнерусские аналогии очень приблизительны, и браслеты существенно отличаются по оформлению. Точные аналогии обнаруженому браслету найдены только в двух захоронениях (пп. 214, 494) Крюково-Кужновского могильника с вещами второй половины X–XI вв. [Вихляев, Беговаткин и др., 2008. С. 276, 287]. Идентичные браслеты обнаружены также в других комплексах Дубовского могильника (пп. 7, 8) с накладками, аналогичными изделиям из погребения 36.

В составе комплекса найден фрагмент украшения, вероятно, от прорезной двухглавой подвески типа VII, варианта 3 по Е.А. Рябинину. Дата этих подвесок в настоящее время документирована по многочисленным погребальным комплексам Вологодской области, Костромского Поволжья, Финляндии и т.д. и определяется XII в. [Рябинин, 1981. С. 21].

В погребении найдено несколько фрагментов ремня, которые располагались в области талии и в ногах. Вероятно, это не одно изделие, последним обстоятельством и объясняется разнообразие накладок, найденных в погребении.

Накладка литая, массивная сердцевидной формы с каплевидными выступами и растительным узором аналогична изделиям из пп. 11 и 40 могильника «Нижняя стрелка».

Накладки из трех выпуклых горошин, соединенных двумя рифлеными ободками, напоминают голову животного с имитацией глаз и носа, идентичны изделиям из пп. 7, 46, 59 Дубовского могильника и п. 31 могильника «Нижняя стрелка». В п. 46 накладки найдены совместно с подражаниями саманидским и куфическим дирхемам и монетой, чеканенной во времена Насра ибн Ахмеда [Федоров-Давыдов, 1984. С. 161]. Подражания пробиты двумя отверстиями, а монета отверстий не имеет. В п. 31 могильника «Нижняя стрелка» такие накладки найдены совместно с оттиском с куфического дирхема и монетой Волжской Болгарии Мумини Бен ал Хасана 970-х гг.

Аналогичные изделия во Владимирской области встречаются в качестве разрозненных находок второй половины X в. [Мурашева, 2000. С. 42, рис. 52 – 1B], у мордвы [Материальная культура среднецинских могильников, 1969. Табл. 19 – 2-3], у волжских болгар во второй половине X–XI в. [Казаков, 1991. Рис. 44–70, 71, с. 137; Казаков, 2001. Рис. 1–51], Пермском Предуралье [Белавин, Крыласова, 2008. С. 420, рис. 200 – 70, 13 – 14].

Накладки квадратной формы имеют вдоль поперечной оси прорезь со стрельчатым верхом, в центре изображение стилизованного, приближенного к ромбу трилистника и побегов. Идентичные изделия встречены в п. 8 Дубовского могильника, пп. 22, 28, 36 «Нижней стрелки». В последнем случае в погребении находилась монета Волжской Булгарии Абдаллах Бен Минсаила, чеканенная в 940-е годы. Изделия имеют аналогии в мордовских могильниках [Материалы по истории мордвы, 1952. Табл. XXXI, 2], на Огурдинском и Рождественском могильниках в Пермском Предуралье [Белавин, 2000. Рис. 47 – 53; Белавин, Крыласова, 2008. Рис. 199 – 3], Вотчинском могильнике коми [Истомина, 1999. С. 94], во Владимирских курганах, Тимирево и Кирьяново Ярославской области второй половины X в. [Мальм, 1963. Рис. 39–1; Мурашева, 2000. Рис. 62–II, 1Д, с. 116], в Новгороде [Козлова, 2004. С. 189, рис. 2, 10]. Старой Ладоге [Михайлов, 1997. С. 252, рис. 2, 4], в средневековых древностях на Кубенском озере [Зайцева, 2008. Рис. 76–1, с. 89].

Наконечник ремня с фигурным нижним краем оформлен в одном стиле с фигуровыми накладками, имеет аналогии в курганах у д. Веськово вто-

рой половины X в. во Владимирской области [Мурашева, 2000. С. 124, рис. 93 – 2Б], в Волжской Болгарии на I Семеновском селище [Казаков, 1991. С. 130, рис. 44 – 94, с. 34]. Е.П. Казаков считает, что в Марийское Поволжье они проникли с торговыми-ремесленных поселений из низовий р. Ахлай и Бездын (устье Камы), возникших в 60 – 70-е гг. X в. [Казаков, 2001. С. 174].

Возникает значительный разрыв между датами кумизматического материала и имеющимися на сегодняшний день датировками вещевого инвентаря: первые показывают середину X в., а вещевой комплекс – вторую половину X–XI вв. Учитывая существующую разницу между чеканкой монеты и временем попадания завезенной монеты в погребение, данный комплекс возможно датировать концом X–XI вв. По-прежнему вызывает вопросы обломок от прорезной двухголовой подвески. Если это действительно обломок зооморфной подвески, то в таком случае погребение было совершено в XII в.

Таким образом, на основании приведенных датировок очевидно, что могильники Ветлужско-Вятского междуречья существовали с IX по XII вв. В рамках этой даты возможно выделить несколько хронологических групп погребений.

1 группа – IX в.: Веселовский могильник – п. 10; могильник «Нижняя стрелка» – пп. 2, 2-а, 7, 25, жертвенный комплекс [3; могильник «Черемисское кладбище» – пп. 1, 5.

2 группа – X в.: Веселовский могильник – пп. 3, 5, 17–18, 19, 20; Дубовский могильник – пп. 2, 3, 4, 45, 46, 60, 52, 57, 67, 73; могильник «Нижняя стрелка»: п. 1, жк 4.

3 группа – X–XI вв.: могильник «Нижняя стрелка» – пп. 18, 20, 24, 27, 29, 30, 31, 37, жк 8; Дубовский могильник – пп. 14, 24, 25, 49, 58, 68, 72.

4 группа – первая половина XI в.: Веселовский могильник – пп. 25, 31; Дубовский могильник – пп. 56, 66, 79, «Черемисское кладбище», жк 2.

5 группа – вторая половина XI в.: могильник «Нижняя стрелка» – пп. 4, 12, 11, 15, 16, 40; Веселовский могильник – пп. 1, 21, 22, 23, 24, 26, 27; Дубовский – п. 10, 34; могильник «Черемисское кладбище» – п. 14, 15.

6 группа – конец XI в. – рубеж XI–XII вв.: могильник «Нижняя стрелка» – пп. 5, 33, жк 12; Дубовский могильник – пп. 9, 16, 17, 18, 19, 20, 27, 30, 40, 36 (?).

§ 2. ЭТНООПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

Грунтовые могильники располагаются на возвышенных местах в поймах крупных рек. В большинстве случаев они не размещались непосредственно на берегу крупной реки, а спрятаны в глубине на малых притоках или старицах, занимая дюнные возвышения. На правом берегу р. Ветлуги располагается только один, вновь открытый, Русенихинский могильник.

Могилы сосредоточены компактными группами, внутри которых прослеживаются достаточно четкие ряды. Группы захоронений на большинстве могильников разделяются значительным пространством без могил.

Над могилами, вероятно, ставились отличительные знаки или сооружения, поскольку, за исключением отдельных случаев (пл. 10 и 4; 31–32 Веселовского могильника), контуры погребений не перекрывают друг друга. Поверхность большей части средневековых могильников была разрушена, контуры погребений фиксировались лишь на уровне обнаружения костей и вещей, поэтому надмогильные сооружения выявить удаётся редко. Но отдельные свидетельства о наличии подобных отметок сохранились на могильниках «Нижняя стрелка» (столбы около пл. 17, 20, 27), «Черемисское кладбище» (п. 14).

Могильные ямы имели подпрямоугольную с закругленными углами, иногда близкую к овалу, форму, ровное дно, отвесные или слегка склоненные ко дну стени. Подбои, заплечиков и ниш не обнаружено.

Захоронения совершались преимущественно на глубине 60–70 см. В могильной яме обнаружены подстилки бересты (?), луба, дерева. Под костяком и над ним также фиксировались фрагменты меха и кожи, которые могли быть как покрывалами и подстилками, так и остатками одежды. Кожа и мех использовались иногда в качестве покрывала; береста и дерево также в отдельных случаях закрывали кости сверху. В отчете Веселовского могильника указано, что в 2-х захоронениях лицевые своды погребенных закрыты холстом и шелком. Вполне вероятно, что это остатки общего покрытия всего костяка.

В 6 погребениях на могильнике «Нижняя стрелка», одном на могильнике «Черемисское кладбище», одном на Дубовском могильнике сбоку от погребенного прослежены древесный тлен или куски дерева. Они могли располагаться с одной, двух, трех или 4 сторон. Первоначально я предполагала, что под костяком, над костяком и по бокам находились остатки досок. Сохранность дерева не всегда позволяла проследить детали. При раскопках вновь открытого Русенихинского могильника удалось выявить, что

древесные фрагменты являются остатками древесной коры, снятой с деревьев большим куском. Таким образом получалась лубаная холода. Вполне возможно, что сходные конструкции были и на других могильниках. Но в пл. 19 и 40 «Нижней стрелки» все же конструкции приближаются к дощатым погребальным камерам.

Преобладают одиночные погребения; коллективные захоронения являются исключением. Погребения 12–13 Дубовского могильника составляют единое коллективное захоронение с ингумациями; погребенные повернуты лицевой частью навстречу друг другу. Своеобразны парные погребения 2 и 11 с «Нижней стрелкой». В могиле с мужскими костями лежали женские кости с набором женских украшений. В пл. 34 и 37 могильника «Нижняя стрелка» зафиксированы парные захоронения с женскими костями. В первом случае обнаружены скелеты грудного ребенка и взрослого человека, кости сложены вместе. В п. 37 находились два скопления женских костей, разложенных в анатомическом порядке: мужчины 30–40 лет и женщины 18–20 лет.

Размеры могильных ям часто превышали рост обнаруженных в них костяков таким образом, что в изголовье или в ногах осталось свободное пространство, которое заполнялось медными, глиняными, железными сосудами или скоплениями вещей. Смысловое значение данного явления в литературе трактуется по-разному. Одни исследователи называют их комплексами даров [Ошибкина, 1979. С. 78; Белоцерковская, 1997], жертвенными комплексами [Генинг, 1967. С. 16; Истомина, 1982. С. 78] или дополнительными комплексами вещей.

В моей монографии «Марийцы в эпоху средневековья» (2002) дана следующая статистика по наличию дополнительных (жертвенных) комплексов в изголовье или ногах марийских захоронений IX–XI вв.: Загребинский – 100%, Кочергинский – 50%, «Черемисское кладбище» – 44,4%, Веселовский и «Нижняя стрелка» – по 61%, Дубовский – 35%. Эта статистика получена в результате подсчета погребений с дополнительными комплексами вещей от общего количества захоронений на могильниках. Это методически не совсем верно. Учитывая то обстоятельство, что могильники значительно разрушены и контуры могильных ям прослежены далеко не всегда, в методическом отношении будет более правильным вести подсчет захоронений с комплексами вещей только от количества неразрушенных потребений с хорошо прослеженными контурами могильных ям. В таком случае процент захоронений с дополнительными комплексами вещей

значительно возрастает. В могильниках Поволжья этот обряд становится обязательным почти для всех захоронений (91–100%), в могильниках на левом берегу Волги («Нижняя стрелка» и Дубовский) они встречаются значительно реже, чем на Ветлуге, но в большей половине захоронений.

Дополнительные комплексы вещей или отдельные вещи обычно располагались в изголовье (могильник «Черемисское кладбище» – 3 экз., Веселовский – 15 экз., Дубовский – 22 экз., «Нижняя стрелка» – 4 экз.) и в ногах погребенных (могильник «Нижняя Стрелка» – 13 экз., Дубовский – 22 экз., Веселовский – 5 экз., Кочергинский – 1 экз., «Черемисское кладбище» – 2 экз.). Скопления вещей включают украшения, бытовые предметы, оружие или производственный инвентарь и соответствуют, по всей видимости, положению погребенного в социальной и хозяйственной структуре, а следовательно, могли быть ему полезными на том свете (п. 4 Веселовского могильника в составе инвентаря нож, шило; п. 6 Веселовского могильника – ножницы, тесло, оселок; п. 12 Веселовского могильника – лячка, литейная форма, кусок олова; п. 27 Веселовского могильника – тесло, прядлица и т.д.). В единичных случаях в погребении мужчин положены женские украшения (п. 13 Веселовского могильника, п. 52 Дубовского могильника), но не в изголовье, а рядом с костяком с правой или левой стороны от головы.

Сосуды также ставились в изголовье или в ногах, при этом металлические ютлы находились преимущественно в ногах. Значительная часть железных сосудов была повернута кверху дном или положена на бок. Медные сосуды были завернуты в бересту и ставились на деревянную подстилку или на веточки дерева. Внутри медного сосуда в большинстве случаев помещалась деревянная чаша. Такой обряд сохраняется и получает более широкое распространение в марийских могильниках XII – XIII вв. [Архипов, 1986. С. 95, 96, 97, 98, 100].

Обычай устраивать дополнительные (жертвенные) комплексы в погребениях характерен для многих синхронных или более ранних культур Верхней Волги, Среднего Поволжья [Спицын, 1901; Рыков П.С. 1930; Кравченко, 1974. С. 149–182; Ефименко, 1975. С. 13–15; Шитов, 1988; Белонерковская, 1997. С. 23–24] и Волго-Уральского региона Халиков, 1962. С. 172; Генинг, 1963. С. 88; Генинг, 1979. С. 91; Халиков, 1977. С. 100; Мажитов, 1978. С. 25–26; Ошибкина, 1979. С. 76, Семенов, 1988. С. 30–31; Голдина, 1987; Останина, 1991. С. 81–84].

Погребальный обряд населения, оставившего некрополи в Ветлужско-Вятском междуречье, довольно сложен и представлен различными способами захоронения: трупоположением, трупосо-

жением. На могильниках зафиксированы также символические захоронения – кенотафы и жертвенные комплексы в межмогильном пространстве.

Ингумация составляет от 25% (Юмский могильник) до 79% (Дубовский могильник) от общего количества захоронений.¹

Большинство костяков лежали вытянуто на спине. Иные положения представляют исключение. В 2 погребениях (пп. 15, 57) Дубовского могильника прослежено захоронение на боку, но в обоих случаях они принадлежали горбунам. В п. 14 могильника «Черемисское кладбище» обнаружено захоронение беременной женщины в позе роженицы. В чреве обнаружен эмбрион ребенка 8 месяцев (определение проведено к.б. наук Е.А. Пузаткиной).

На протяжении всего средневековья преобладает традиция положения погребенных головой в северном с отклонением к западу или востоку направлении. В 5 захоронениях Веселовского могильника погребенные ориентированы головой в южном направлении (пп. 1, 11, 14, 31, 32). Судя по расположению вещей, головой на юг совершено захоронение 7 Юмского могильника. Считать их разновидностью широтной ориентировки нет оснований, так как в отдельных случаях азимут составляет 195°. В 2010–11 гг. у д. Русениха Нижегородской области обнаружен новый могильник, аналогичный вышеописанным. Из раскопанных 11 погребений 10 совершены головой в южном направлении. По инвентарю и погребальной обрядности потребления с южной ориентировкой не отличаются от остальных захоронений на этих памятниках. Все указанные погребения, включая могилы Русенихинского могильника, совершены вдоль небольших пологих склонов. Вероятно, при устройстве этих могильных ям учитывался рельеф местности, потому как голова погребенного размещалась выше, чем ноги.

Частичная ингумация. Разновидностью обряда ингумации является частичное трупоположение, представляющее собой захоронения черепов или сложенных в кучу костей. В пп. 13 могильника «Нижняя стрелка» в яме округлой формы на подстилке из дерева лежали кости ребенка, завернутые вместе с вещами в мешок. Погребение 33 этого же могильника состоит из черепа, положенного совместно с женскими украшениями на подстилку из дерева в ноги кос-

¹ Эти цифры значительно расходятся с подсчетами Г.А. Архипова [Архипова, 1973. С. 12–16]. Данные расхождения возможны и при подсчетах процентного соотношения других черт погребального обряда. Причиной таких расхождений является различная методика подсчета: Г.А. Архипов выделял процент от общего количества раскопанных комплексов, включая жертвенные, которые он называл кенотафами. Настоящие подсчеты произведены только от количества погребений (ингумации, кремации, кенотаф) без учета жертвенных комплексов между могилами, которые не являются, по мнению исследователя, погребениями.

така из п. 32. Сверху череп прикрыт досками.

Частичные захоронения, очевидно, существовали и на других могильниках. На могильнике «Черемисское кладбище» в кв. Г/6 на глубине 10 см найдены сложенные в кучу локтевые и плечевые кости человека с фрагментами черепной коробки. На Дубовском могильнике в пп. 33, 43 на глубине 30–35 см найдены лишь черепа. Но следует иметь в виду, что последние два могильника сильно разрушены. Близкие захоронения, называемые вторичными, в единичных случаях известны также на могильниках поволжских финнов: Раховинском [Полесских, 1991. С. 154], Селикса-Трофимовском [Полесских, 1974], Малышевском [Дубынин, 1948. С. 93; Белекчи, 2005. С. 100].

Кремация составляет от 25% (Дубовский могильник) до 50% (могильник «Черемисское кладбище»).

Следует отметить, что погребения, совершенные по обряду трупосожжения, в отчетах предшественников были описаны наиболее формально. Обобщения этого обряда также зачастую ограничиваются формальным описанием одного или нескольких скоплений жженых костей; пристального внимания характеру и особенностям их расположения не уделялось.

На могильнике «Нижняя стрелка» по обряду кремации захоронены в основном женщины в возрасте до 25 лет (71,4%), мужских захоронений только 14,3% (Определение антропологического материала проведено старшим научным сотрудником Института Этнографии им. Миклухо-Маклая, канд. исторических наук Г. В. Рыкушиной). На остальных могильниках антропологический материал не анализировался, но по сопровождающему инвентарю подтверждается, что большая часть трупосожжений принадлежит женщинам.

На памятниках Поветлужья (Веселово и «Черемисское кладбище») выявлено, что захоронения с трупосожжением располагаются на периферии территории могильников.

На Веселовском могильнике погребения с трупосожжением располагаются на южной и юго-западной окраине памятника поблизости друг с другом, но совместно с могилами с трупоположением. Неподалеку от захоронений с трупосожжением в южной части территории выявлена углистая яма, которая могла быть ямой от костра для совершения обряда сожжения. На могильнике «Черемисское кладбище» к трупосожжению относятся пп. VI, IX–X, XI раскопок 1908 г., пп. 4, 6 из раскопок 1957 г., п. 14 из раскопок 2008 г. Два погребения (№№ 4, 6) располагались на северной окраине могильника, а п. 14 на южной окраине. Кроме того, неподалеку от п. 14 также найдены 2 за кладоискательские ямы с остатками кремации. В обоих случаях могилы с трупосожжением располагались по сосед-

ству с могилами с трупоположением. Местонахождение пп. VI, IX–X, XI неизвестно из-за отсутствия чертежей.

В остальных памятниках Марийского Поволжья четкой закономерности в расположении захоронений с сожжением не наблюдается. Но на могильнике «Нижняя стрелка» большинство трупосожжений (пп. 2а, 30, 35, 38, 37, 26) все же располагаются по окраине территории, занятой могилами. Исключение составляют пп. 16, 28, 34, которые располагаются внутри этой территории.

Сожжение трупа производилось вне могильной ямы, так как ни в одном случае не зафиксированы остатки кострищ в могиле, в то же не наблюдается следов прокала дна и стенок могильной ямы. Кремация происходила на территории могильника над ямами, в которых разводился огонь. В этих ямах сохранились зола и частично обожженные кости, в отчетах данные объекты получили названия кремационных ям. В 1957 году кремационная яма была обнаружена на Юмском могильнике. Очевидно, для сожжения покойников использовалась яма в кв. Г/7 на могильнике «Черемисское кладбище». Ее размеры 80 x 60 см, глубина до 150 см, заполнение зольное с углем. Кострищем, над которым производилась кремация, могла быть яма 11 на западной окраине могильника «Нижняя стрелка». Ее размеры 300 x 250 см, заполнение состоит из красного прокаленного песка, углей. С северной и южной стороны ямы 11 наблюдаются следы столбов, вытянутых в ряды. Можно предположить, что для сожжения трупа устраивалась специальная конструкция или вокруг ямы устанавливались ритуальные знаки.

К сожалению, контуры могильных ям с трупосожжением фиксировались очень слабо и выявлены в единичных случаях. По ним видно, что могильные ямы по форме, глубине и размерам соответствовали могилам с трупоположением. На первый взгляд, исключение составляет п. 26 Веселовского могильника, где кости и вещи лежали компактно в небольшой яме. Но фактически мы имеем дело с обычным компактным расположением костей, вещей и одежды, от которых сохранился лишь тлен, а контуры всей могилы не сохранились или не зафиксированы. Аналогично п. 11 Дубовского могильника.

Представляет интерес наличие в составе женской кости, кроме костей человека, сожженных останков животных. Еще при раскопках могильника «Черемисское кладбище» в 1908 году И.И. Каменский отмечал, что при трупосожжении в составе женской кости фиксируются кости животных, в частности, кости лося [Каменский, Кол.опись. 1265, л. 68]. В описании трупосожжения б этого же памятника А.Х. Халиков также упоминает челюсть животного. Вполне вероятно, что кости мелких животных или птиц при-

существовали в п. 14 Черемисского могильника. Состав женской кости анализировался лишь на могильнике «Нижняя стрелка», где наличие в сожжениях (за исключением п. 2-а) наряду с kostями человека, костей животных подтверждено специалистами. Последующие анализы женской кости безусловно дадут дополнительную ценную информацию для характеристики погребального обряда.

Ориентацию могильных ям возможно установить условно по расположению вещей в могиле. В ориентации могил с кремацией сохраняется та же закономерность, что и в ориентировке погребений с ингумацией.

Кости укладывались в могилу в остывшем состоянии, поэтому ткань и кожа от одежды и подстилок не повреждены огнем. Вещи, найденные в могилах с кремацией, за редким исключением, следов огня не несут. Отдельные случаи обожженных украшений или капли меди позволяют предполагать, что какая-то часть украшений на погребенного перед сожжением все же надевалась.

Для захоронений IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья, совершенных по обряду кремации, традиционно отмечалось несколько вариантов расположения костей и сопровождающего инвентаря [Архипов, 1973, С. 16–17; Никитина, 2002, С. 70–74]:

1 – кальцинированные кости располагаются по всему дну могильной ямы в беспорядке, вещи уложены как при трупоположении или небрежно разбросаны по всей могиле;

2 – обожженные кости концентрируются компактно по центру или в одном конце могильной ямы, а вещи разбросаны по всей могиле или располагаются вместе с костями;

3 – кальцинированные кости расположены 2 или 3 скоплениями, а вещи – по всей могиле.

Несмотря на то, что данная система в целом отражает картину погребального обряда кремации, она слишком схематична, и в ней теряются некоторые интересные детали. Новые находки на указанных могильниках, а также дополнительная работа с полевыми фотографиями и описаниями позволяют детализировать обряд.

В частности, в п. 14 могильника «Черемисское кладбище» значительный интерес представляет то обстоятельство, что кости разложены приблизительно в анатомическом порядке, хорошо читаются достаточно крупные кости черепа и ног. Под kostяком и над ним обнаружены остатки ткани и меха от одежды и мехового покрытия. Украшения разложены как при трупоположении и соответствуют их месту и назначению в костюме. Замотанные в ткань и мех кости, аккуратно опоясаны ремнем в области предполагаемой талии подобно тому, как ремень опоясывал одежду на человеке. Ремень сохра-

няет все накладки, пряжку и подвески. Данное погребение предварительно сожженного трупа целиком имитирует обряд трупоположение.

Судя по полевой фотографии расчистки п. 24 Веселовского могильника, ремень также опоясывал компактно расположенные кости. Это возможно в том случае, если кости были завернуты в ткань, шкуру и т.д. Кости были завернуты в груботканое полотно и опоясаны ремнем и в п. 30 Веселовского могильника. Близкий обряд был зафиксирован в п. 30 синхронного могильника «Нижняя стрелка». Кроме того, в 3-х погребениях могильника «Нижняя стрелка» (пп. 8, 37, 37-а) положение костей приближается к анатомическому [Никитина, 1990. С. 69]. По описанию и чертежам близкий обряд наблюдается в п. 7 Юмского могильника [Генинг, Отчет за 1957 год]. Таким образом, обряд трупосожжения, имитирующий обряд трупоположения, является достаточно распространенным в захоронениях X–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья.

Расположение вещей при трупосожжениях в том же порядке, что при ингумации, и украшения согласно их ношению при жизни, достаточно часто встречается в захоронениях древней мордовы. Аналогичный обряд трупосожжения в мордовских памятниках отмечал в свое время А.П. Смирнов [Смирнов, 1952. С. 154]. Он известен по материалам разных пензенских могильников [Вихляев, 1977. С. 53]. Судя по публикации Лядинского могильника конца IX – начала XI в., тщательно выбранные кости из костра, разложенные в порядке трупоположения с вещами в той же последовательности, что их носили при жизни, в погребальном обряде юнинской мордовы занимали достаточно устойчивые позиции [Воронина, 2007. С. 55]. Это наблюдение подтверждается материалами Крюково-Кужновского могильника, где также довольно часто расположение костей и вещей при сожжениях соответствует таковому при ингумации (пп. 5, 7, 60, 75, 96, 173, 180 и т.д.) [Материалы по истории мордовы, 1952. С. 13, 15, 28, 33, 39, 60, 62]. В п. 7 при этом читались кости черепа, плечевые, тазовые, бедренные и берцовые [Материалы по истории мордовы, 1952. С. 15]. В Крюково-Кужновском могильнике известны также случаи, когда жженые кости были обернуты одеждой (пп. 119, 150) [Материалы по истории мордовы, 1952. С. 45, 52] или кости вместе с украшениями завернуты в ткань или одежду (пп. 168, 228) [Материалы по истории мордовы, 1952. С. 58, 79].

Отдельные случаи расположения украшений в соответствии с их местоположением в костюме зафиксировано в трупосожжении на Безводниковском могильнике (п. 159) [Краснов, 1980. С. 28]. Жженые кости в свертке из ткани и шкуры вместе с частью инвентаря отмечены в п. 23 Кочкинского могильника [Бейлекчи, 2005.

С. 103]. По наблюдениям В.В. Бейлекчи, имитация трупоположения в погребениях муромы в VI – первой половине VIII вв. составляет 33,3%, во второй половине VIII–X вв. – 8,7%, в X – XI вв. этот обряд не наблюдается, но фиксируется обряд частичного трупосожжения (11,1%) [Бейлекчи, 2005. С. 103–105], который также повторяет аналогичное расположение костей и вещей.

Таким образом, обряд трупосожжения, зафиксированный в средневековых могильниках Поволжья, близок обряду трупосожжения поздних финнов: муромы и мордвы.

Особую группу погребений составляют *кенотафы*, к которым отнесены захоронения вещей и одежды в могильных ямах обычных форм и размеров, но без следов костяка. Иногда кенотаф представляет собой пустую могильную яму без костей и вещей. Разделение погребений на ингумацию и кенотаф в некоторых случаях условно, так как в могилах с трупоположениями кости не всегда сохраняются. Но следует отметить, что в большинстве погребений сохранность костей удовлетворительная, и даже хорошая, особенно по соседству с украшениями из цветного металла.

Узлы с вещами, включенные предшественниками в разряд кенотафов [Архипов, 1973. С. 16], правильнее будет называть жертвенными комплексами. О них пойдет речь ниже.

По расположению вещей кенотафы IX–XI вв. различаются.

А) Украшения разложены на дне в соответствии с их местом в костюме, а орудия труда и оружие – в порядке, соответствующем могилам с трупоположением («Нижняя стрелка» – 5, Дубовский – 1, Кочергинский – 1). В данном случае кенотаф близок обряду ингумации.

Б) Вещи расположены компактно одним или двумя скоплениями в могиле обычной формы («Нижняя стрелка» – 4, Веселовский – 3, Юмский – 1). Подобные захоронения близки к погребениям с трупосожжением. К этой же группе следует отнести п. 21 могильника «Нижняя стрелка» с ямой обычной формы, содержащей в лубянном бочонке завернутые в мех и луб вещи.

В) Захоронение не имеет ни вещей, ни костей («Нижняя стрелка» – 1; Юмский – 1).

В погребениях с ингумацией и погребениях-кенотафах древнемарийских захоронений иногда найдены жертвенные комплексы в засыпи могильных ям, располагавшиеся почти у самой поверхности на уровне фиксации первичных очертаний могилы («Черемисское кладбище» – 1, Веселовский – 2, Дубовский – 1, «Нижняя стрелка» – 11). Сосуды представлены железными и медными котлами, керамическими горшками, берестяными туесками, а в п. 23 «Нижней стрелки» – серебряной чашей. Сосуды в засыпи, как и в са-

кой могиле, устанавливались над головой или в области ног. Встречаются два сосуда в засыпи одной могилы. Большинство из них, за исключением берестяных туесов, положены вверх дном. Серебряная чаша была повернута кверху дном, а под ней – высокие кольца и медная цепочка. Берестяные туески содержали бессистемно расположенные украшения, завернутые в мех и ткань. Среди них преобладают украшения головы, рук и поясные. В п. 19 могильника «Нижняя стрелка» в медном котле содержались кости птицы. В п. 18 этого же могильника прослежена интересная деталь: среди вещей находились браслеты, продетых в 2 перстня. Кроме сосудов, в засыпи отдельных погребений найдены также украшения и орудия труда. Наибольшее количество жертвенных комплексов в засыпи погребений на могильнике «Нижняя стрелка» объясняется лучшей сохранностью и более тщательной методикой изучения.

Находки жертвенных комплексов в засыпи, в отличие от дополнительных (жертвенных) комплексов на дне погребения в непосредственном соседстве с костяком, в памятниках соседних культур встречаются значительно реже. Можно указать лишь на отдельные факты в погребальном обряде поломско-чепецких древностей [Семенов, 1980. С. 30; 1985. С. 95; Иванов, 1991. С. 145], где комплексы в засыпи представлены вещами, завернутыми в мех и уложенными в туес или сосуды. Орудия труда и оружие поверх мужских захоронений обнаружены в одном случае на мерянском Хотимльском могильнике [Леонтьев, 1996. С. 216], скопление украшений – в древнемордовском могильнике Выползово 1 [Мартынова, 1988. С. 120]. Наиболее близкие аналогии древнемарийским комплексам известны в муромских могильниках, но имеют достаточно ограниченное бытование в виде единичных случаев на Чулковском и Малышевском могильниках [Отчет А. Дубынина. С. 8, 20–21; Гришаков, 1988. С. 72]. Такой элемент обряда, как медные котлы, обернутые в бересту, с деревянной чашей внутри, можно наблюдать в муромских захоронениях Малышевского могильника [Отчет А. Дубынина. С. 8, 20–21].

Комплексы в межмогильном пространстве фиксируются на всех могильниках Ветлужско-Вятского междуречья и представляют особый интерес: «Нижняя стрелка» (20 экз.), Дубовский (14 экз.), Веселовский (5 экз.), могильник «Черемисское кладбище» (5 экз.), Юмский (6 экз.). На Юмском (Загребинском) могильнике два узла с вещами были найдены в прошлом все А.А. Слизцым.

В публикациях предшественников они встречаются под номинацией погребение-кенотаф и введены в подсчеты при определении процентного соотношения различных способов захоро-

нения [Архипов, 1973. С. 16]. Такой подход не совсем оправдан. Традиционно под кенотафами принято подразумевать совершение символического погребения для погибшего на стороне члена коллектива. Это захоронение, как правило, производилось с соблюдением существующих у тех или иных племен традиций потребального обряда с сохранением общепринятых размеров, засыпи, внутреннего устройства могильных ям и положения инвентаря. Рассматриваемые объекты вернее назвать жертвенные комплексы (жк).

Комплексы вещей в межмогильном пространстве располагаются в небольших округлых или округло-подквадратных ямах, в основном на глубине 15–30 см от уровня современной дневной поверхности. Очертания ямок фиксируются на одном уровне с могилами, но имеют меньшую глубину. Однако контуры ям прослежены не всегда, особенно если речь идет о малых глубинах. Не исключено, что часть таких комплексов не зарывалась в землю, а была оставлена на поверхности кладбищ, о чем могут свидетельствовать неоднократно зафиксированные разрозненные вещи в верхних слоях (подзол, пахота) раскопанных памятников («Черемисское кладбище», Русенихинский могильник).

Строгой закономерности в расположении комплексов на территории могильников не наблюдается. На Веселовском могильнике они располагаются на западе центральной части памятника поблизости друг от друга, не обнаруживая непосредственной связи с конкретными погребениями. На «Черемисском кладбище» два комплекса соотносятся с погребениями: один из них, названный в отчете п. 1 с женским набором украшений, находился с южной стороны от погребения, раскопанного В. И. Каменским в 1908 году. Комплекс с мужским набором находился к северу от п. 6 со стороны головы. На Юмском могильнике комплекс, названный п. 8, с женским инвентарем располагался на южной окраине могильника.

На могильнике «Нижняя стрелка» жк 2, 3, 5, 7, 8, 12, 13 располагаются вдоль восточной окраины могильника, остальные – в центре могильника между погребениями, большинство не обнаруживают тесной связи с последними. Жк 4 возможно связать с пп. 11, 14 (практически одна могильная яма), комплекс расположен с восточной стороны от п. 11 и юго-восточной стороны от п. 14 (со стороны ног). Жк 6 связан с п. 12, жк 10 с п. 17, оба расположены с северной стороны от погребенных со стороны головы. На Русенихинском могильнике все жк располагаются в непосредственной близости друг от друга с юга, (со стороны головы) от погребений.

Таким образом, в большинстве случаев, когда жертвенные комплексы возможно связать с конкретным погребением, они располагаются со

стороны головы погребенных независимо от сторон света.

Комплексы в межмогильном пространстве по содержанию и устройству разделются на 4 варианта. Предварительная информация об этих объектах была дана в публикациях Т.Б. Никитиной [Никитина, 2001; 2002], но после проведенной работы по выявлению и систематизации полных комплексов по погребальным памятникам Ветлужско-Вятского междуречья, отдельные данные были уточнены. Это обстоятельство позволило внести некоторые изменения, скорректировать название объектов (жк – жертвенный комплекс) и сделать более подробную классификацию [Никитина, Ефремова, 2010].

Вариант I. Компактно расположенные вещи – 14 экз. («Нижняя стрелка» – 3; Дубовский – 9, Юмский – 1, «Черемисское кладбище» – 1). Не исключено, что вещи предварительно были сложены в мешок или во что-то завернуты, так как располагались достаточно компактно. В эти скопления входили орудия труда, принадлежности конской сбруи, а также отдельные женские украшения: шейно-нагрудные (гривны), украшения рук (браслеты, перстни). Поясные украшения представлены разрозненными элементами поясного набора: пряжками, единичными накладками, наконечниками. В составе этих комплексов не встречаются этноопределяющие изделия.

Вариант I получил распространение в XI в. – нач. XII в.

Вариант II. Металлическая посуда: железные или медные котлы и чаши из цветного металла («Нижняя стрелка» – 9 экз., «Черемисское кладбище» – 1 экз. Веселовский – 2 экз., Дубовский – 2 экз., Юмский – 3 экз.). Иногда котел повернут вверх дном, под котлами или в них располагались отдельные предметы: бытовые вещи, оружие, орудия труда. Под котлом жертвенного комплекса I «Нижней стрелки» найден почти целый скелет птицы, по всей вероятности, утки. Значительная часть котлов пустые, но не исключено, что в них могла находиться жертвенная пища, не зафиксированная из-за слабой сохранности органики. К сожалению, анализы грунта не производились.

Большая работа по систематизации металлических котлов Волго-Уральского региона проведена К.А. Руденко. Разработанная им хронология, основанная на технологических особенностях изготовления, включает изделия из могильников Ветлужско-Вятского междуречья. Медные котлы (жк I, кв. Г/4, Д/8 из могильника «Нижняя стрелка») включены в тип М-1, который в целом датируется рубежом IX–X – нач. XI вв. [Руденко, 2000. С. 28], а изделия из погребений Ветлужско-Вятского междуречья с серединой X до начала XI в. [Никитина, Руденко, 1988. С. 87]. К этому же типу можно отнести котел из

жк 2 могильника «Черемисское кладбище» раскопок 2007 года. Котел из кв. В/11 могильника «Нижняя стрелка» К.А. Руденко отнесен к типу М-2, который датируется им концом X – нач. XI вв. [Руденко, 2000. С. 29]. Котел из кв. В/5 «Нижней стрелки» к типу М-3, датированному концом X – нач. XI вв. [Руденко, 2000. С. 29]. Железные котлы полусферической формы из кв. В/6, В/5 (жк 5) «Нижней стрелки» включены в тип Ж-4. Данный тип в целом датирован второй половиной IX–нач. XI вв., наибольшее распространение получил во второй половине X – нач. XI вв. [Руденко, 2000. С. 37]. Погребения с железными котлами из могильников Ветлужско-Вятского междуречья относятся в основном к XI в. [Никитина, Руденко, 1998. С. 86]. Вероятно, к этой дате следует отнести и котлы в жертвенных комплексах.

По совокупности данных можно заключить, что данный вариант комплексов вещей в межмогильном пространстве получил свое распространение в XI в.

Вариант III. Вещи уложены в берестяной туесок или в лубяной бочонок, облицованный сверху берестой – 15 экз. («Нижняя стрелка» – 7, Дубовский – 3, «Черемисское кладбище» – 1, Веселовский – 2, Юмский – 2*). Вещи предварительно завернуты в ткань, кожу, мех, которые, возможно, являлись остатками одежды, потому как на сохранившихся фрагментах всегда имеются швы. В отдельных случаях берестяные туесы или лубянные бочонки сохранились достаточно хорошо: они имели деревянное дно. В туес или бочонок, как правило, помещались деревянная чаша и наборы украшений. Во всех комплексах присутствуют пояса или их составные части в виде пряжки, наконечника, отдельных накладок.

Тип I отличается сложным устройством и богатством. Вещи (как правило, целые украшения – головные, нагрудные и рук) завернуты в тканую, кожаную или меховую одежду, сверху стянутую ремнем в узел, и все это положено в туес, лубяной бочонок или деревянную чашу. Непременный атрибут этого типа – емкость, в которой помещались вещи, поверху опоясывалась в два ряда кожаным ремнем с бронзовыми накладками.

По составу комплексы различаются.

Тип IА представлен бочонком, наполненным ярко выраженными этноопределяющими женскими украшениями: головными цепочками, браслетообразными височными кольцами, парными нагрудными подвесками, а также украшениями рук и фрагментами обуви.

* Два комплекса аналогичного типа упоминаются А.А. Спицыным, но в общую статистику мы их не включаем, так как не имеем полной информации.

Тип IБ включает бочонок с сергами, украшениями рук, поясным набором с сумочками. Отличительной особенностью данного вида является отсутствие этноопределяющих женских украшений. Такие комплексы, вероятно, были связаны с мужчинами.

Все комплексы этого типа (и мужские, и женские) отличаются богатством и изысканностью изделий, в них нередки поясные наборы, украшенные пряжками и накладками с позолотой, и датируются с рубежа VIII – IX по XI вв. включительно.

Тип 2 представлен комплексом вещей в туесе (лубянном бочонке), не описанном по внешней стороне ремнем. Внутри такого туеса, как правило, находятся разрозненные единичные вещи – элементы украшений. Предметы располагаются без системы, в большинстве случаев представлены обломками, разрозненными накладками от ремней по 1 – 2 экз. Фрагменты ремня и меха очень мелкие, разорванные.

Вариант IV является переходным между вариантами II и III (Веселовский – 1 экз.; «Черемисское кладбище» – 2 экз., «Нижняя стрелка» – 1 экз.). Берестяной туес или лубянной бочонок, аналогичные описанным в варианте III, дополнительно поставлены в железный или бронзовый котел или под котел, образуя единый комплекс.

Железные котлы полусферической формы из жк 5 «Нижней стрелки», Веселовского могильника и п. З «Черемисского кладбища» включены К.А. Руденко в тип Ж-4 второй половины IX – начала XI вв., с оговоркой, что наибольшее распространение в Поволжье изделия этого типа получают во второй половине X – начале XI вв. [Руденко, 2000. С. 37].

Комплексы вещей в межмогильном пространстве, близкие первому варианту, обнаружены в материалах вымской культуры [Истомина, 1982. С. 83; Савельева, 1971. С. 48; 2005. С. 99]. Значительное количество инвентаря в межмогильном пространстве является характерной чертой для памятников Пермского Приуралья: Огурдинский, Рождественский могильник, могильник Телячий Брод [Крыласова, 1994. С. 5; Белавин, 1995. С. 44]. На Рождественском могильнике в межмогильном пространстве найдены 2 жертвенных комплекса, состоящие из женских украшений, а также сумочки и фрагментов пояса [Белавин, Крыласова, 2008. С. 123]. Для северных удмуртов комплексы вещей в межмогильном пространстве варианта I и котлы отмечены на трех могильниках – Веськакарском IX–XII вв., Варнинском V–X вв. и Мало-Венижском XI–XIII вв. [Семенов, 1991. С. 57; Иванова, 1991. С. 47]. Судя по описаниям М.Г. Ивановой, этот элемент обряда достаточно типичен для чешецких древностей и часто упоминается без ссылки на конкретные памятники [Иванова, 1992. С. 19].

Комплекс вещей, близкий варианту I (авторы раскопок назвали его кладом) обнаружен на Ликинском могильнике X–XIII вв. на берегу р. Лозьвы в Свердловской области, оставленном протомансиейским населением. По всей вероятности, они лежали в мешке из грубого холста, остатки которого сохранились в северной части находок. Рядом с тканью найдены также фрагменты меха, часть предметов была испорчена [Викторова, 1973].

Захоронения жертвенных даров в межмогильном пространстве являются достаточно распространенным обычаем среди населения ломоватской культуры, но имеют свои отличия. В состав комплексов входят кости животных, мелкие фрагменты керамики, стеклянные бусы и обломки различных вещей [Голдина, 1985. С. 33].

Аналогия жертвенным комплексам варианта III среди синхронных древностей близлежащих территорий неизвестны, но находят параллели в материалах рязанско-окских могильников: на территории Гавердовского могильника [Ефименко, 1975. С. 14–17] и могильника Кораблино [Белоцерковская, 1997. С. 20].

Таким образом, анализ комплексов вещей в межмогильном пространстве показал, что вариант III бытовал на протяжении всего периода функционирования могильников с рубежа VIII–IX по XI вв. Жертвенные комплексы вариантов II и IV появляются не ранее середины X в., жертвенный комплекс варианта I в XI в. Несмотря на многообразие жертвенных комплексов или от-

дельных вещей в межмогильном пространстве на памятниках соседних территорий, следует отметить, что комплексы варианта III встречаются только в Ветлужско-Вятском междуречье на протяжении всего рассматриваемого периода, и их возможно считать этноопределяющим признаком погребального обряда марийского населения IX – XI вв. Различия в устройстве и составе вещей комплексов варианта III носят не столько хронологический характер, сколько объясняются социальным, половозрастным или иным статусом предка, которому они предназначались. Подобные жертвенные комплексы продолжают сохраняться и на марийских могильниках XII–XIII вв., например, пл. 6, 14 Выжумского III могильника [Архипов, 1986. С. 97].

Таким образом, к этноопределяющим чертам погребального обряда населения Ветлужско-Вятского междуречья относятся следующие: при трупоположении заворачивание трупа в бересту или положение в берестянную или лубянку холоду; при трупосожжении заворачивание костей в меховую или кожаную одежду, оложенную ремнем т.е. имитация трупоположения); наличие скоплений вещей, связанных с производственной или социальной деятельностью погребенного, в ноговые или в ногах; жертвенные комплексы варианта III в межмогильном пространстве; медные котлы, обернутые в бересту, с деревянной чашей внутри в дополнительных комплексах вещей в могилах, а также в составе жертвенных комплексов в межмогильном пространстве.

§ 3. ЭТНООПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ КОСТЮМА

Для этнокультурной интерпретации могильников значительная информация содержится в костюмах и украшениях, особенно в женском костюмном комплексе.

Использование украшений в качестве этно-определяющего индикатора для выводов исторического характера возможно при соблюдении соответствующей методики исследования. В противном случае, они превращаются в эластичный материал, которым можно иллюстрировать любые, иногда некорректные, несоответствующие исторической действительности, построения.

Являясь наиболее привлекательным в эстетическом плане элементом материальной культуры, а поэтому постоянным предметом обмена и торговли, украшения способны перемещаться на достаточно удаленные от места изготовления территории. Не случайно в Среднем Поволжье и Прикамье мы находим изделия из Прибалтики, стран Скандинавии, Средней Азии. Не приходится удивляться, если в костюме марийской женщины увидишь раковины-каури, родиной которых является побережье Индийского океана.

Для выяснения этнического своеобразия костюма необходимо из общей массы украшений, которые имели декоративное или узко функциональное назначение, выделить элементы, характерные для костюма только одного народа или культуры; именно они играют роль этнического индикатора и, как правило, производились на территории проживания этноса. В исключительных случаях такие вещи тоже могли перемещаться в другие регионы и проникать к представителям иноязычных объединений. Попадая в чуждую среду, они, как правило, использовались не по их прямому назначению и занимали иное место в костюме, чем в своей этнической среде. Наглядной иллюстрацией могут служить ажурные травециевидные подвески из древнемарийских могильников IX – XI вв. В марийском костюме они носились парно на груди, соединенные цепочкой или кожаным ремешком, и являлись этноопределяющей деталью костюма. Иногда аналогичные украшения встречаются в муромских и мордовских могильниках [Никитина, 2002. С. 108], где утратили свое первоначальное назначение, поэтому занимают неопределенное место: включены в состав ожерелья или поясных привесок. Похожая картина наблюдается с рубчатыми славянскими кольцами-перстнями, которые попали в Прикамье и использовались в мужском удмуртском костюме в качестве височных колец [Иванова, 1992. С. 40]. В марийских могильниках Поволжья

также наблюдаются случаи нахождения рубчатых височных колец в районе черепа, т.е., вероятно они использовались в качестве височного кольца: п. 7 Починковского могильника, п. 24 Выжумского III могильника [Архипов, 1986. С. 101, 102]. Примеры аналогичного характера многочисленны. Поэтому рассматривать украшения как источник для этнических построений возможно лишь в составе конкретного костюмного комплекса с выяснением его точного местоположения.

Особенно ярко специфика народного костюма проявляется в украшениях головы. По височным кольцам А.В. Арциховский картографировал расселение славянских племен [Арциховский, 1930], огромное внимание этой категории источников в качестве этнического индикатора уделил В.В. Седов [Седов, 1999]. А.П. Смирнов выделил височные кольца поволжских финнов [Смирнов, 1952. С. 145]. Нахождение отдельных типов височных украшений на той или иной территории, приводит зачастую к выводам об обязательном присутствии носителей этих изделий. Например, по находкам в средневековых марийских захоронениях височных колец-серег так называемого пост-салтовского типа и калачевидных высказано мнение о том, что в IX–XI вв. происходила миграция населения из Пермского Предуралья в Волго-Вятский регион [Крыласова, Подосенова, 2009], о чем пойдет речь более подробно.

Мне кажется делать выводы о миграциях населения по отдельным находкам, даже таким выразительным, как височные кольца, преждевременно. Не подвергая сомнению неоднократно доказанный вывод об этнической особенности височных колец, все же считаю, что для серьезных обобщений исторического порядка недостаточно наличие самого артефакта, т. е. височного кольца того или иного типа, но важны место этого изделия в составе костюмного комплекса, совместимость изделия с другими этническими индикаторами в костюме, соответствие украшения с различными сторонами материальной и духовной культуры, поскольку «общность формы, взятая вне системы, не является показателем общности традиции» [Генинг; 1988. С. 20].

Типология украшений из могильников IX–XI вв. в 1973 году сделана Г.А. Архиповым. Им же была предложена реконструкция отдельных элементов костюма [Архипов, 1961]. Количество коллекций с тех пор возросло более чем в 2 раза, но этот материал был систематизирован в публикациях отдельных памятников [Архипов, 1984; Никитина, 1990-а]. Дублировать их в настоящей работе не имеет смысла, поэтому будут рас-

смотрены только основные, этноопределяющие типы украшений.

Этноопределяющие украшения для могильников IX–XI вв. первоначально выделил Г.А. Архипов: головной убор, состоящий из налобного венчика и медных цепочек; височные кольца с заходящими концами, один из которых отогнут и имеет различное оформление в виде утолщения, грибовидной или многогранной головки; трапециевидные пластинчатые подвески с конскими головками; арочные подвески со сплошной основой; усатые широкосрединные перстни [Архипов, 1973. С. 17–40; 1991. С. 18]. В настоящее время после работы с полными комплексами погребений стало возможным этот список дополнить и уточнить отдельные детали.

В женских захоронениях Ветлужско-Вятского междуречья обнаружены детали головных уборов, которые состояли из нескольких составных частей. В налобной части на черепе обнаружены повязки (пп. 3, 4, 12 Веселовского могильника, п. 1 «Черемисского кладбища», пп. 10, 17 могильника «Нижняя стрелка» и т.д.), которые получили название налобных венчиков. По материалам Веселовского могильника А.Х. Халиковым и Е.А. Безуховой была сделана хорошая реконструкция венчиков: они имели длину 15–20 см, иногда более 30 см, ширину 3–3,5 см и украшены вышивкой или металлическими накладками (рис. 10 – 14; 14 – 1). История зарождения этого элемента убора в Ветлужско-Вятском междуречье и возможные аналогии освещены Г.А. Архиповым [Архипов, 1973. С. 18–19], который склонен был видеть в этом украшении прототип женского головного убора санчуро-яранских марий «короки» [Архипов, 1961. С. 127–138]. По моему мнению, по форме, размерам обнаруженные в погребениях повязки имеют больше сходства с «нашимаком» (термин из мар. яз.), составляющим часть головного украшения марийских женщин «шарпан-нашимак», чем с «корокой», которая является поздним заимствованием от русского населения [Козлова, 1978. С. 301; Молотова, 1992. С. 36]. «Нашимак» предназначается для крепления полотенца «шарпан» на голове. В марийской этнографии существует достаточно устойчивое мнение о том, что головной убор «шарпан-нашимак» является поздним заимствованием у тюрksких народов: татар, башкир или чуваш [Воробьев, 1950. С. 32; Молотова, 1992. С. 37].

Археологические материалы позволяют по-иному взглянуть на этот головной убор. В связи с этим особый интерес представляет фрагмент головного украшения из п. 19 Младшего Ахмыловского могильника VI – VII вв. [Никитина Т.Б. 1999. С. 90], который также по размерам и способу ношения идентичен «нашимаку». Полоски ткани длиной 16 см и шириной 3,2 см, по дли-

ным краям имеющая бронзовые накладки-зажимы и привески с обоих боков лежала на черепе на темени, подвески спускались с обеих сторон в области висков. В п. 19-а могильника «Нижняя стрелка» обнаружены 2 куска шерстяной ткани. Один имеет ширину 30 см, длину 130 см; со всех четырех сторон заметны кромки. Второй кусок прямоугольной формы имеет длину 122 и ширину 31 см. По размерам данные образцы ткани соответствуют головным полотенцам «шарпан». Фактически находок «шарпанов» было значительно больше. В жертвенных комплексах мы неоднократно находим фрагменты прямоугольных кусков тканей шириной 19 – 25 см (кромки сохраняются), но из-за плохой сохранности не можем сделать их полную реконструкцию. Находки «нашимаков» неоднократно встречаются в марийских могильниках XVI – начала XVIII вв., имели длину 20–21 см, ширину 3–3,5 см, богато украшены вышивкой [Никитина. 1992. С. 48]. Мне кажется, что перечисленные факты позволяют удревнить время появления головного убора «шарпан-нашимак» и связать его истоки с эпохой раннего средневековья.

Налобные повязки-венчики обнаружены в погребениях IX–XI вв. совместно с цепочками из цветного металла (рис. 292). Последние встречаются значительно чаще (50 погребений), чем венчики, и находятся в комплексе не только с венчиками, но и с шапочками, а также в качестве самостоятельного украшения. Цепочки обертывались вокруг головы в несколько оборотов и придавали костюму этнографическую выразительность. Численность оборотов, вероятно, зависела от возраста, имущественного и социального статуса носительницы. В п. 12 Веселовского могильника сплошная цепочка обернута вокруг черепа в 7 рядов, в п. 29 могильника «Нижняя стрелка» не менее 5 рядов. Иногда цепочки имели более сложное устройство: каждый ряд был изготовлен из оригинальных звеньев и самостоятельно замкнут, ряды между собой соединялись дополнительными креплениями. От головной цепочки на лоб спускались дополнительные короткие цепочки с шаровидными бубенчиками (рис. 36 – 9; 192 – 3, 4; 196 – 10; 219 – 13, 15), привески со стороны затылка имели длину до 5 см, привески в области висков или за ушными раковинами имели длину 10–15 см и завершались на концах бубенчиками, когтями рыси, коньковыми костяными привесками или иными обергами. По реконструкции предшественников предполагалось, что цепочка надевалась поверх венчика непосредственно на волосы, что мне кажется маловероятным. Во-первых, с практической точки зрения, цепочка, сделанная из множества проволочных звеньев, каждое из которых имеет не залаянный, а просто сомкнутый стык, будет цепляться за волосы, создавая

неудобство, а возможно болезненные ощущения, носившей ее женщине. Во-вторых, женщины не было принято ходить с открытой головой. Вероятнее всего, цепочка надевалась сверху шапочки, как это наблюдается в п. 29 могильника «Нижняя стрелка», п. 70 Дубовского могильника, или поверх какого-то покрывала (рис. 162 – 13) или платка. Г.А. Архипов вполне справедливо писал, что не удалось проследить первоначальное положение цепочек на черепе: они лежат чаще в куче или рядом с черепом, очевидно свалившись. Именно такое расположение для них характерно в большинстве погребений, и оно более вероятно в том случае, если цепочка надевалась поверх убора, полотенца или шапки. В таком случае при опускании покойницы в могилу она могла свалиться за голову. О существовании покрывал или платков можно предполагать по остаткам тонкой ткани в районе нижней челюсти в п. 14 «Черемисского кладбища», по остаткам тонкого шелка на костях черепа в п. 4 Веселовского могильника. Ткань п. 4 Веселовского могильника идентифицирована как лицевое покрытие, но в полевых записях нет упоминания о том, что ткань была найдена на лицевых костях. Правоугольные куски ткани значительных размеров с боковыми кромками в больших количествах были обнаружены в жертвенных комплексах. В жертвенному комплексе 10 могильника «Нижняя стрелка» кусок ткани мелкого саржевого переплетения квадратной формы имел размер сохранившейся части: 40 x 40 см. Фактически кусок был больше. Сохранились 2 боковые кромки, расположенные перпендикулярно друг другу, подогнуты швом в два оборота. Данный образец, вероятно, является остатками платка. Описание головных полотенец-покрывал от головного убора «марпан-нанчак» из п. 19-а могильника «Нижняя стрелка» уже было дано выше.

Яркой выразительной деталью женского головного убора являлись **височные браслетообразные кольца** из медной или серебряной проволоки с заходящими концами, один из которых отогнут и имеет различное оформление: гвоздевидная шляпка, грибовидная гладкая или граненая головка, простое завершение в виде крючка и т.д. (рис. 293 – 3, 4, 6, 8). В могильниках IX – XI вв. их найдено более 120 экз. (рис. 10 – 4, 6; 14 – 6, 7; 17 – 1, 3; 24 – 4, 5; 34 – 1-4; 45 – 7, 8; 70 – 3; 109 – 4, 5; 127 – 5; 181 – 5; 183 – 3, 4, 10; 187 – 6; 200 – 7 и т.д.). У ветлужских женщин в костюме присутствуют по 4 – 6 височных кольца (по 2 – 3 с каждой стороны). Большинство изделий изготовлено из серебряной проволоки. В отдельных случаях к ним привешивались дополнительные подвески или серьги-подвески

(рис. 31 – 5; 293 – 1, 2, 5, 7).

Характерной особенностью костюма населения Ветлужско-Вятского междуречья в IX – XI вв. является наличие подвесок, как к височным кольцам, о чем речь шла выше, так и в виде самостоятельных украшений. В качестве височных украшений использовались подвески с треугольным или арочным щитком. Наибольшее распространение получают первые из них. К этим украшениям крепятся дополнительные шумящие привески на длинных цепочках, спускающихся на грудь (рис. 176 – 1; 198 – 2; 284 – 1).

Серьги-кольца^{*} с грядевидной привеской, овально-треугольной, калачевидной формы, со змеевидным основанием обнаружены в основном в мужских захоронениях по обеим сторонам головы. В женских погребениях они встречаются значительно реже и, как правило, по одному экземпляру. Способ ношения этих украшений различен. А.Х. Халиков, опираясь на местонахождение изделия в п. 4 Веселовского могильника, реконструировал их в качестве ушных серег, но известны случаи, когда изделия привязывались к височному кольцу, дополняя комплекс височных украшений (п. 10 Веселовского могильника). Определить их функциональное назначение не всегда возможно. Специфических для населения Ветлужско-Вятского междуречья серег-кольца не выявлено, но у населения этого региона наиболее распространенными были калачевидные серьги-кольца (рис. 27 – 4, 5; 28 – 4; 153 – 6, 7; 194 – 8, 9; 245 – 3).

Особое положение занимают перстневидные проволочные височные кольца (серьги – ?) (рис. 157 – 7; 190 – 2; 217 – 4; 218 – 4; 219 – ?; 228 – 9, 10). Простая универсальная форма этих украшений первоначально наводит на мысль об их бытовании на достаточно широкой территории. Однако в марийских средневековых захоронениях они обнаружены только в памятниках левобережья Волги: на Дубовском могильнике и могильнике «Нижняя стрелка». Для аналогичных могильников в верхнем течении Ветлуги данные украшения не характерны.

Височные перстневидные кольца имеют значительную представительность: на Дубовском могильнике 26 экземпляров в 16 захоронениях, что составляет 18,8% всех изученных могил; на могильнике «Нижняя стрелка» – 10 экз. (11,3%). Перстневидные височные кольца на Дубовском могильнике обнаружены в 9 мужских и в 6 женских захоронениях. Одно погребение (погребение 59) автор раскопок Г.А. Архипов, интерпретировал как женское, но, судя по инвентарю, это погребение может быть мужским. Следует признать, что выразительных индикаторов, позволяющих делать однозначные оценки половой при-

^{*} Я допускаю использование этих украшений в качестве височных или ушных, это не всегда можно проследить.

[†] В п. 8 местоположение не установлено.

надлежности, нет; антропологический анализ не проводился. По совокупности признаков, я его считаю мужским. Все мужские захоронения с височными кольцами представлены ингумацией, несмотря на то, что погребальный обряд биритуален (ингумация, кремация), ориентированы головой на ССЗ–С3. В мужских погребениях височные кольца являются парными, располагаясь по одному с каждой стороны. В женских погребениях височные кольца представлены, как правило, 1 экземпляром и обнаружены с левой стороны от черепа (пп. 7, 8*, 36, 58), в ногах (п. 56). Женские захоронения ориентированы головой на С – СС3, имеют костюмный комплекс с этноопределяющими марийскими украшениями: головными цепочками, браслетообразными височными кольцами с заходящими концами, один из которых отогнут и т.д. Только в п. 7 Дубовского могильника нет браслетообразных височных колец, но это погребение детское и, вероятно, по этой причине не имеет полного костюмного набора. Погребения с перстневидными височными кольцами расположены в разных частях могильника, но обязательно в соседстве с аналогичными погребениями.

На могильнике «Нижняя стрелка» захоронений с перстневидными кольцами меньше и принадлежат мужчинам, которые носили их по одному с каждой стороны от черепа.

На основании перстневидных височных колец можно предположить, что в Среднее Поволжье пришли носители этих украшений, представленные в основном мужчинами, которые брали в жены женщин-маринек, свидетельством чего являются женские костюмные комплексы с марийскими этноопределяющими украшениями и одним перстневидным кольцом (знак рода мужа). Пока остается открытым вопрос, откуда пришла новая волна переселенцев, но погребения в составе комплекса погребального инвентаря содержат вещи (браслеты с завязанными концами – п. 18. Дубовского, пп. 15, 27 могильника «Нижняя стрелка», браслеты с орнаментом «волчий зуб» – п. 40 Дубовского могильника) западного облика. Указанные выше могильники укладываются в хронологические рамки X–XII вв. Безусловно, датировка погребений с перстневидными кольцами будет уточнена и, вероятно, значительно сужена, но для этого необходимо накопление дополнительного материала.

Существенной деталью головного убора, несущей этноопределяющую нагрузку, являются **накосники**.

Древнейшие формы этого украшения в Ветлужско-Вятском междуречье обнаружены в Младшем Ахмыловском могильнике и представлены различными вариантами: несколькими ремешками, двумя парами ремешков, раздвоенными ремешками,

кистевыми накосниками и шнурами.

В могильниках IX–XI вв. (около 30 погребений), к сожалению, большинство найденных накосников сохранились фрагментарно. Полную реконструкцию дать затруднительно, но очевидно, что преимущественное развитие получают простые формы из шнуров с бусами, а также вариант кистевых накосников из нескольких ремешков или шнуров с бронзовыми бубенчиками, треугольными подвесками, лапчатыми и коническими привесками, костяными коньками, резными костяными пронизками, копушками, когтями зверя и птицы и другими амулетами (рис. 126 – I; 129 – 4; 136 – 7, 10, 11; 145–3; 161–2–4, 11). Накосник из нескольких ремешков идентифицируется с широко распространенным в XVI–XVII вв. у марийцев украшением «ўпинэ» [Никитина, 1992. Рис. 22].

Наиболее многочисленную и разнообразную группу украшений составляют собственно **нагрудные**, среди которых различаются местные и заимствованные изделия, позволяющие установить характер и направление торговых и культурных связей их носителей.

Среди нагрудных украшений в качестве маркеров местной культуры IX–XI вв. Г.А. Архипов выделил ажурные трапециевидные подвески из прямых и зигзагообразных медных проволок, ограниченных с боков чуть наклонными стойками, заканчивающимися имитацией стилизованных (конских – ?) голов, развернутых в противоположные стороны (рис. 24 – 3; 36 – 6; 39 – 9; 47 – 1; 54 – 3 и т.д.). Снизу щиток имеет кольца – петли (10–13 шт.) для шумящих привесок. По нижнему краю щитка на длинных цепочках прикреплены лапчатые или бутыльчатые подвески. По верхней части щитка идут пирамидки зерни (рис. 294). Украшения носились попарно по обе стороны груди и соединялись между собой перекинутыми через шею ремешком или цепочкой. Изготовлены украшения наборной техникой.

Как показывают материалы закрытых комплексов, в число характерных украшений для могильников X–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья можно включить подвески с круглым ажурным щитком, изготовленные в той же технике, что и описанные выше украшения (рис. 57 – 4; 104 – 2; 109 – 3; 149 – 11, 12; 281 – 9). Подвески имеют диаметр 7–12 см, шумящие привески по нижнему краю, волюты по верхнему и нижнему краям (рис. 295). Эти изделия по форме и технике изготовления напоминают мордовские украшения, но у последних имеется на верху значительный выступ, оформленный в большинстве случаев в виде конских головок [Голубева, 1979. С. 53–56]. Украшение, аналогичное мордовским изделиям, найдено только в одном случае в жк 13 могильника «Нижняя стрелка» (рис. 205 – 17). Более близки к изделиям, найденным в марийских захоронениях, му-

ромские украшения с шумящими подвесками или без них [Бейлекчи, 2005. С. 172, 174; Зеленев, Гришаков, 1990. Рис. 8].

Кроме специфических, описанных выше украшений, в погребениях в качестве нагрудных обнаружены биконьковые и арочные подвески, которые так же, как и подвески с трапециевидной основой, носились парно. По способу ношения парных нагрудных украшений мариийский костюм имеет прямые аналогии с мордовским, в котором различные типы украшений (пирамидальные, прямоугольные и пластинчатые трапециевидные с боковыми выступами) также прикреплялись к концам ремня, перекинутого через шею, а затем дополнительно пристегивались или пришивались к одежде в районе груди [Голубева, 1987. С. 104].

Показательной деталью костюма населения Ветлужско-Вятского междуречья являются браслеты, которые располагаются в мужских и женских захоронениях. В женских захоронениях их значительно больше, иногда по 6–16 экземпляров в 1 погребении (пп. 5, 15, 16, 22 Веселовского могильника и т.д.). Особенно много браслетов (80% погребений) обнаружено в Веселовском могильнике. По количеству браслетов в погребениях и количеству погребений с браслетами мариийские могильники близки захоронениям поволжских финнов (муроме и мордве) и существенно отличаются от других памятников окружающих народов. В могильниках Верхнего Прикамья браслеты не очень популярны и в большей степени обнаружены в богатых захоронениях по 1–2, редко 3 браслета, являясь статусным украшением (19,7% мужских и 30,2% женских) [Крыласова, 2001. С. 102]. Немногочисленны браслеты в памятниках чепецкой культуры [Иванова, 1982. С. 58]. В могильниках северо-западной и северо-восточной Руси браслеты встречаются часто, но обнаружены преимущественно по 1–2 экземпляра в погребении, более 3 изделий в одном комплексе является исключением из общего правила [Левашова, 1967. С. 207].

Одной из особенностей ветлужско-вятских могильников является наличие наборного пояса как в мужском, так и в женском костюме. Разделить погребения на мужские и женские возможно лишь условно, так как не проведено антропологического анализа обнаруженных костных остатков. Опираясь на комплекс чисто женских украшений (головной убор, нагрудные украшения и т.д.), можно с уверенностью сказать, что наборные пояса на Дубовском и Веселовском могильниках характерны как для мужских (рис. 42; 123 – 1-4; 163 – 6, 7; 215 – 7-9; 217 – 5, 6; 232 – 2-4), так и для женских (рис. 11 – 10; 45 – 1, 3, 4; 48 – 19-23; 105 – 9-12; 127 – 10-17) захоронений в равной степени. Подтверждающей иллюстрацией этого явления служат материалы

могильника «Нижняя стрелка», где проведено определение антропологического материала. Из 20 определенных костяков с поясными наборами женские захоронения составили 9, мужские – 11.

Большинством исследователей признается, что наборный пояс, являясь показателем социального ранга владельца, принадлежит воину-мужчине [Рыбаков, 1953. С. 54; Плетнева, 1967; Добжанский, 1990. С. 82; Зайцева, 1999; Мурашева, 2000. С. 5]. Наборные пояса зафиксированы преимущественно в мужских захоронениях в славянских памятниках в Ярославском Поволжье [Мальм, 1963. С. 65], на территории Новгородской земли [Михайлов, Соболев, 2000. С. 225]. Только в XI – XIII вв., по мнению В.В. Мурашевой, пояс, украшенный набором металлических накладок, выходит за рамки дружинной среды, особенно на периферийных районах древнерусского государства со смешанным славяно-финно-угорским населением, что связано с сохранением в этих районах традиции ношения украшенного пояса не только мужчинами, но и женщинами [Мурашева, 1997. С. 80; 2000. С. 81]. Право носить наборный пояс остается за мужчинами на территории Средней Швеции, где известна только единственная находка пояса в женском захоронении на о. Отланд [Михайлов, 2005. С. 138]. Пояс является принадлежностью воинского мужского костюма у большинства кочевников [Худяков, Иванов, 2006. С. 513, Добжанский, 1990].

В среде финно-угорских народов не всегда ношение наборного пояса является привилегией мужчин. Необходимость пояса при крою одежды финно-угров очевидна, но пояса женских и мужских захоронений различаются. В женском убранстве обычно используется простой пояс, к которому крепились многочисленные подвески и дополнительные детали, включая бытовые предметы, а в комплекс мужского костюма часто входил наборный пояс. Только в костюме мужчин найден пояс с металлическими деталями у финнов на западе Новгородской земли [Хвощинская, 2004], в памятниках чепецкой древнеудмуртской культуры [Иванова, 1991. С. 41–42; Иванова, 1999. С. 228].

Для захоронений волжских финнов, муромы, мордвы-эрзи Притешья также характерны наборные пояса лишь для мужских комплексов, а в женских – простые пояса [Гришаков, Зеленев, 1990. С. 25–32; Бейлекчи, 2005. С. 55].

В отдельных случаях пояса с пряжками, на конечниками и накладками обнаружены в женских захоронениях чепецкой стадии Варнинского могильника (пп. 6, 25) [Семенов, 1980. С. 68–69], в котором, кроме местного прикамского компонента, прослежены традиции угросамодийского происхождения [Генинг, 1980. С. 147].

Из ближайших соседей использование набор-

нога пояса в равной степени в мужском (90 %) и женском (85%) костюмах характерно в большей степени для синхронного населения Пермского Предуралья [Крыласова, 2001. С. 87, 88], в костюме которого отразилась, по мнению исследователя, общеугорская традиция [Крыласова, 2001. С. 208]. В более ранний период аналогичное явление наблюдается в раннеболгарском Танкеевском, древнемадьярском Большетиганском (вторая половина VIII – первая IX вв.) могильниках [Халикова, 1976. С. 168]. Задокументированы находки наборных поясов в женских погребениях в курганах Южного Урала IX–X вв. (I Бекешевский курган 2, II Бекешевский курган, Лагеревские курганы) [Мажитов, 1981. С. 60, 65, 83]. Более того, В.А. Иванов считает, что отличительной чертой карагуповской, а также неволинской культур является более частая находка наборного пояса в женском костюме, чем в мужском [Иванов, 2006. С. 411].

Пояса различаются по составу деталей, богатству убранства. В литературе имеются различные критерии для типологии поясов. Е.П. Казаков по материалам Волжской Болгарии выделил 3 типа: 1) простые ременные с пряжкой; 2) пояса с пряжкой и накладками; 3) пояса-ремни с концевыми ремешками [Казаков, 1992. С. 100]. Н.Б. Крыласова по материалам Прикамья и Пермского Предуралья выделяет 5 типов поясов как в женском, так и в мужском костюме: I) пояса с пряжкой; II) пояса, один конец которых заканчивался бронзовой пряжкой, другой, наконечником ремня; III) пояса с бронзовой пряжкой и небольшим количеством наложений; IV) пояса без пряжки с небольшим количеством наложений; V) наборные пояса [Крыласова, 2001. С. 89, 95, 96]. В.В. Мурашева по славянским материалам различает три типа поясов: 1) бытовой, который украшен пряжкой или пряжкой и кольцами; 2) пояса с пряжкой и поясным наконечником; 3) наборный пояс, в котором присутствуют бляшки (наличие пряжки и наконечника не обязательно) [Мурашева, 2000. С. 70].

Учитывая, что в погребениях в силу различных обстоятельств (плохая сохранность, потеря во время раскопок или хранения) не всегда сохранились все элементы поясного набора, мы не придерживаемся таких строгих критерии,

предлагая некие жесткие рамки для выделения групп: 1) пояс не сохранился, потому что он мог быть тканым, но о его наличии свидетельствуют находки пряжки и наконечника (либо одного из них) в области талии и таза, поясных подвесок или кошелька, который по этнографическим данным всегда крепился к поясу (Дубовский – 20%; «Нижняя стрелка» – 19,4%); 2) поясные наборы, украшенные не более 10 наложений (Дубовский – 15%, «Нижняя стрелка» – 12,9%); 3) «Полные» поясные наборы, украшенные наложениями по всей длине (Дубовский – 65%; «Нижняя стрелка» – 66,7%).

Очевидно, что для костюма населения Ветлужско-Вятского междуречья в IX–XI вв. характерно преимущественное преобладание «полных» наборных поясов над остальными типами. Этим они значительно отличаются от подобных у народов Прикамья, где наборные пояса составили в среднем 12,1%: в мужских – 5,49%, в женских – 18,7% [Крыласова, 2001. С. 89, 95–96].

Определенное представление об особенностях костюма населения Ветлужско-Вятского междуречья дает обувь. Обувь, реконструированная по фрагментам кожи, ткани и металлическим украшениям, найденным в могильниках IX–XI вв., изготавливались из одного или двух кусков сыроймятной кожи. По бортику обуви через прорези были продеты узкие ремешки, стягивающие верх и дополненные бронзовыми украшениями. Среди них различаются петельные подвески, умбоновидные и очковидные бляшки и горизонтальные планки с шумящими привесками. Фрагменты обуви присутствуют в 80 погребениях. Реконструкция обуви по материалам Веселовского, Дубовского, «Нижняя стрелка» могильников создает полный комплекс, не имеющий аналогий на соседних территориях и позволяющий принять обувные украшения за этноопределяющий признак (рис. 56 – 13; 92 – 8).

Таким образом, своеобразие костюма населения Ветлужско-Вятского междуречья, выраженное через этноопределяющие украшения, проявляется во всех элементах, начиная с головного убора и завершая обувью. Многие детали находят преемственность в традиционном марийском костюме, хорошо изученном по этнографическим материалам.

§ 4. К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ВЕТЛУЖСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Средневековые могильники Ветлужско-Вятского междуречья привлекали внимание исследователей, начиная с XIX века. Однако, признавая их финно-угорский облик, ни один из ученых долгое время не мог дать более четкий ответ на вопрос об их этнокультурной принадлежности.

Оценивая материалы Юмского могильника, А.А. Спицын включил памятник в один круг с древностями р. Пижмы, четко отличая население, оставлявшее их, от известных ему соседних племен – «пижемская чудь есть не камская, не болгарская чудь, а какая-то волжская, западная» [Спицын. Отчет 1891 год]. По его мнению, «юмские вещи наибольшее, все же отдаленное, сходство имеют с находками из раскопок гр. Ф.А. Уваровым Курманского могильника. Это бытовые остатки волжской, не камской чуди» [Спицын, 1893. С. 106]. А.А. Спицын предполагал, что на Пижме находилась северная граница распространения волжской чуди.

В.И. Каменский, раскопавший могильник «Черемисское кладбище», не дал ответ на вопрос об его этнокультурной принадлежности, хотя в отчете указывал на аналогии найденным вещам в материалах курганов Приладожья, Люцинском, Ладинском и Томниковском могильниках, затем в Чердынском уезде, указывающие, скорее, на возможную дату памятника, чем на его этническую принадлежность [комментарий к хол. описи 1265/IV с. 70].

О.Н. Бадер одним из первых включил могильники «Черемисское кладбище» (раскопки 1908 года) и Веселовский (раскопки 1925 года) в раздел марийских памятников [Бадер, 1951. С. 156], руководствуясь, скорее, их территориальным единством с городищами, которые он считал марийскими по керамическому комплексу, а не анализом материала могильников. Материалы могильников тех лет раскопок не опубликованы до настоящего времени.

Первым исследователем аргументированно объединившим могильники Ветлужско-Вятского междуречья (Лопьяловский – позднее написание Лопьяльский, «Черемисское кладбище», Юмский, Вятский, Борисовский – позднее написание Борисовский, Кочергинский) в единый круг древностей, связанных с марийской культурой был А.П. Смирнов [Смирнов, 1952].

Несмотря на выделенные локальные различия марийских памятников, А.П. Смирнов все же последовательно и обоснованно объединил их в одну культуру с общими чертами на всей территории Волго-Вятского междуречья. В своих первых работах он затруднялся выделить четкие критерии в вещевом комплексе и погре-

бальном обряде, объединяющие все могильники в единое культурное пространство. Первоначально при выделении общих черт исследователь обращался, в первую очередь, к хозяйственным традициям [Смирнов, 1949. С. 96–98; 1952]. В последующих работах особое значение при выделении самостоятельной культурной и племенной области исследователь отводил височным украшениям [Смирнов, 1961. С. 129]. В частности, он считал специфическим марийским украшением браслетообразные височные кольца с заходящими концами, один из которых отогнут и имеет утолщение.

Изучение средневековой археологии Марийского края тесно связано с именем А.Х. Халикова. На основе обобщения полученных в результате активной полевой работы материалов исследователь подготовил серию научных статей по истории и культуре средневекового марийского населения, в которых писал о наличии двух, если не трех, внутренних подразделений древнемарийских племен Поволжья, Поветлужья и Вятского бассейна, объединенных в древнемарийскую соплеменность под общим именем «черьемисса» [Халиков, 1976]. Могильники в правобережье Вятки: Юмский (Загребинский), Лопьяльский, Кочергинский он признал марийскими, но отметил их своеобразие по отношению к другим синхронным древнемарийским памятникам.

Существенным прорывом в изучении средневековой марийской культуры стала кандидатская диссертация Г.А. Архипова и на ее основе подготовленная монография «Марийцы (IX–XI вв.)» [Архипов, 1973]. В этой работе сформулированы основные положения по этнической истории марийского народа. На обширном полевом материале автору удалось выделить этнические признаки марийской культуры в погребальном обряде, украшениях и инвентаре; на анализе этих признаков убедительно доказать этнокультурную принадлежность памятников. На основе выделенных характерных черт исследователь сделал верное заключение о том, что марийская культура эпохи средневековья занимает промежуточное положение в среде культур пермских и волжских финнов.

Материалы могильников Ветлужско-Вятского междуречья, как марийских памятников, рассмотрены Л.А. Голубевой в разделе «Марийцы» серийного издания «Археология СССР» [Голубева, 1987] и в разделе «Мари» коллективной монографии «Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века» [Никитина, 1999–6].

В монографии Т.Б. Никитиной «Марийцы в эпоху средневековья» обобщены новые материалы

и выделены дополнительные аргументы в пользу подтверждения призывности могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. культуры средневековых марийцев [Никитина, 2002].

Однако точка зрения о том, что могильники Ветлужско-Вятского междуречья представляют единую общность, которая связана с марийским этносом, не является единственной и бесспорной.

В 80-е годы была высказана новая научная позиция Р.Д. Голдиной и поддержанная ее учениками, прежде всего Н.А. Лещинской. Рассматривая исторические судьбы населения Вятского края, они объединили памятники VI–IX вв. этого региона в еманаевскую культуру [Голдина, 1999. С. 311], а IX–XI вв. – в кочергинскую [Голдина, 1999. С. 325], связав обе культуры с древнеудмуртским этносом [Голдина, 1987а. С. 22–28]. Юмский могильник (всего 9 погребений) отнесен к обеим культурам. Кочергинская культура также включает в себя Кочергинский, Лопъяльский и Стрижевский могильники. Судя по картам расселения народов, опубликованным Р.Д. Голдиной в монографии «Древние и средневековая история удмуртского народа» (1999), Ветлужско-Вятский регион занят целиком, включая правобережье Ветлуги, где расположены Веселовский могильник и могильник «Черемисское кладбище», удмуртами. Марийцы появляются не ранее X в. только в районе Марианско-Чувашского Поволжья, а Вятский бассейн остается за удмуртами вплоть до XIII в. Веселовский могильник и могильник «Черемисское кладбище» рассмотрены Н.А. Лещинской в составе 8–10 хронологических групп древностей Вятского бассейна, которые исследовательница также связывает с еманаевской и кочергинской культурами [Лещинская, 1995. С. 97–100]. Время отступления удмуртского населения в левобережную часть Вятки, по ее мнению, происходит не ранее XI в. Однако собственнико марийские памятники появляются в Вятском бассейне в конце XVI в. [Лещинская, 2002. С. 52]. Следует отметить, что в последней публикации исследовательница уже дифференцирует памятники Вятского бассейна от ветлужских, которые она все же называет марийскими.

Данная научная позиция порождает ряд противоречий в интерпретации могильников IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья.

Во-первых, памятники Вятского бассейна, Юмский, Кочергинский, Лопъяльский, имеющие однаковую материальную культуру, включая этноопределяющие элементы костюма и погребальный обряд, с Дубовским и «Нижняя стрелка» могильниками, расположенными на левом берегу р. Волги, оказались искусственно разделенными по территориальному принципу.

Во-вторых, осталось неясным, к какому кругу древностей отнесены аналогичные могильни-

ки по р. Ветлуге, Веселовский и «Черемисское кладбище».

В последние годы появилась еще одна точка зрения о том, что в IX – XI вв. происходила миграция населения (угров) из Пермского Предуралья в Волго-Вятский регион [Крыласова, Подосенова, 2009; Подосенова, 2009. С. 158–159; Белавин, Крыласова, Козлов, 2010; Белавин, Иванов, Крыласова, 2009. С. 135–138, 226–227]. Эта научная гипотеза перерастает в развернутую концепцию, опирающуюся на многочисленные находки отдельных категорий инвентаря в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья, имеющие аналогии в синхронных погребальных памятниках Приуралья и Прикамья. Основным доказательством присутствия приуральского населения в Волго-Ветлужско-Вятском междуречье является то обстоятельство, что среди этих изделий обнаружены этнические маркеры угорской культуры. «Наличие в Ветлужско-Вятском междуречье представительного комплекса угорских этномаркеров является свидетельством переселения на эту территорию определенной группы (групп) выходцев из Среднего Предуралья» [Белавин и др. 2010. С. 112]. По данной концепции было несколько волн переселения, наиболее массовая в конце IX – XI вв. [Белавин и др. 2010. С. 112]. Угры, по их мнению, обеспечивали безопасность булгарских купцов, создавая или насеяв созданные булгарами (непонятно? Т.И.) опорные пункты на Волжском торговом пути. Распространение угорских изделий могло быть результатом торговли женщинами (невестами), которые, попав в иноэтническую среду, продолжали пользоваться своей посудой, украшениями и бытовыми вещами [Белавин и др. 2009. С. 138]. Исходя из вышеизложенного, получается, что в Ветлужско-Вятском междуречье в IX – XI вв. сложилась мозаичная система расселения, в которой «кутры» группами обитали в приусадебной части и верховых Ветлуги, верховых и среднем течении р. Пижмы» [Белавин и др., 2010. С. 112].

Вопрос об этнической принадлежности прикамско-приуральских племен, следы которых фиксируются в Волго-Вятском междуречье, в данной работе не будет рассматриваться. Это сложная проблема вызывает острые дискуссии у специалистов, занимающихся изучением средневековых древностей Прикамья, Приуралья и Сибири. Не обладая полным комплексом источников и литературы, любые выводы окажутся дилетантскими. В лучшем случае можно присоединиться к одной из существующих точек зрения.

Попробуем выяснить на конкретном материале могильников IX–XI вв. масштабы проникновения вещей прикамско-приуральского облика на территорию Ветлужско-Вятского региона и определить возможную модель и степень вза-

имодействия прикамско-приуральского и местного населения.

А.М.Белавиным, Н.Б. Крыловской и В.А. Ивановым в монографии «Угры Предуралья в древности и средние века» достаточно выразительно обозначены и проиллюстрированы этнические угорские маркеры археологических культур Урала. Вполне справедливо исследователи полагают, что наиболее убедительным аргументом в пользу расширения угорской ойкумены является круглодонная керамика со шнуро-гребичатой орнаментацией.

Наличие круглодонной керамики на городищах бассейна р. Вятки является также основным аргументом сторонников концепции удмуртской принадлежности вятских памятников VIII – XI вв. Именно это обстоятельство явилось поводом к подробному анализу керамики, который былmeno проведен в начале прошлого десятилетия [Никитина, 2002, С. 120–123]. Поскольку новых материалов не появилось¹, а тема, правда, несколько в ином контексте, возникла вновь, позволю повториться в изложении материала.

Круглодонная керамика обнаружена на 3 городища, 1 селище, 3 могильниках VII – XI вв., расположенных на окраине древнемарийской территории в Вятском бассейне. Исключение составляет Дубовский могильник (1 экз.), расположенный на левом берегу р. Волги.

Круглодонные орнаментированные сосуды из глины с примесью раковины были отмечены также в верхних слоях ветлужских городищ [Воловодский, 1951]. При работе с материалами ветлужских городищ следует учитывать следующее обстоятельство: все городища Поветлужья многослойны и сильно повреждены антропогенными воздействиями. Очевидно, керамика второй группы (круглодонная с раковинной примесью и орнаментом) связана с более ранними периодами и оказалась в средневековых слоях в результате переотложения. Подтверждением тому служат материалы Чортова городища, имеющего неразрушенный культурный слой, содержащий только плоскодонную керамику одной группы. В этом отношении интересны наблюдения первого исследователя этих городищ В. И. Каменского: «урочища эти раскапываются ежегодно, слои перемешиваются, – и вещи, следовательно, меняют свое первоначальное положение... В этом смысле такие городища, как, например, Богородское (близ г. Варнавина) или Одоевское, где в настоящее время трудно найти живое место, нетронутое сохой или лопатой какого-нибудь любителя, я считаю особенно опасными для науки; в особенности, если дело

¹ В 2009 году Д.Ю.Ефремовой было визуально исследовано Чортова городища. Материалы находятся в обработке и не опубликованы.

касается гончарства. В этом отношении Чортово городище, близ д. Морзихи, по счастливой случайности, было раскопано очень мало, в нижний слой оставался до мака неприкосновенным. Поэтому, я полагаю, мне и не встретилось в верхнем слое этого городища ни одного черепка, например с примесью раковины» [Каменский, 1909, С. 2].

Наиболее ранним памятником, в материалах которого обнаружены круглодонные сосуды с органической примесью, является Кубашевское городище. Керамический материал эпохи средневековья на этом памятнике немногочисленен. Судя по описи и коллекциям, хранящимся в Национальном музее Республики Марий Эл им. Т.М. Евсеева, он не превышает 400 фрагментов. Г.А. Архипов выделил 2 группы сосудов. Первая группа представлена круглодонными сосудами из плотной глины с примесью растительных остатков. Сосуды выраженного горла не имеют, края венчиков плоско обрезаны, изредка закруглены. На нескольких фрагментах имеются сквозные отверстия по краю. Керамика этой группы в количественном отношении составляет не более четверти. Г.А. Архипов вполне справедливо ее связал с населением азелинского типа [Архипов, 1962-а, С. 224]. Вторая группа керамики более многочисленная, состоящая из фрагментов с примесью дресвы и шамота, близка классической керамике с правобережья Волги. Наличие двух групп керамики свидетельствует о двух группах населения, но еще не дает достаточных оснований утверждать о сложении на их основе новой культуры, как это было принято делать на материалах Кубашевского городища. В таком случае должна складываться керамика со смешанными традициями. В составе второй группы керамики упоминаются круглодонные сосуды котловидной формы с толщиной стенок от 0,6–0,7 см у венчика до 1 см ближе к днищу. К сожалению, ни в отчете, ни в публикации не даны количественные характеристики этой группы керамики. При пересмотре керамической коллекции городища, круглодонных сосудов из глины с примесью шамота в составе древнемарийской керамики не обнаружено. Отраженные в полевых зарисовках и содержащиеся в коллекции фрагменты керамики невелики и не позволяют произвести реконструкцию полного сосуда.

Фрагменты круглодонных сосудов из глины с примесью шамота могли относиться к балановской кухонной посуде из нижнего слоя поселения эпохи бронзы. Точно такая же ошибка была допущена при разборке керамики Сомовских городищ. В первой публикации материалов Сомовского II городища [Архипов, 1979, Рис. 4-4, 5] балановская керамика с шамотной примесью была ошибочно отнесена к круглодонным марийским сосудам. Последующие раскоп-

ки на городище позволили уточнить культурную принадлежность этой посуды. Стратиграфические наблюдения показали, что она залегала в жилищном слое совместно с развалами чирковских сосудов.

На Кубашевском городище найдены также фрагменты от двух сосудов с примесью шамота с орнаментом в виде бессистемно разбросанных ямочных вдавлений, сходных с посудой населения Прикамья [Архипов, 1962-а. С. 220–221, 224].

На Ижевском городище круглодонные или с уплощенным дном чаши из глины с примесью толченой раковины темного цвета составляют вторую группу керамики (16%). Сосуды этой группы все орнаментированы шнуром и круглым сетчатым штампом, по венчику имеются насечки. Эта посуда находит аналогии с керамикой поломской и чепецкой культур [Архипов, 1962-б].

Небольшой процент керамики представлен формами, близкими посуде второй группы, возможно, круглодонной (днище не сохранилось), с аналогичной орнаментацией, но изготовленной из глины с примесью шамота и имеющей цвет светло-коричневый, т.е. приближается к керамике первой группы.

Наиболее массовая серия керамики получена на Еманаевском городище: около 2000 фрагментов керамики от 109 сосудов. Н.А. Лещинская, основной исследователь памятника, выделяет среди этого комплекса три группы сосудов: чаши, миски и сковороды [Лещинская, 1988. С. 85]. К сожалению, исследователь недостаточное внимание уделила группе горшковидных сосудов, ограничившись упоминанием 12 плоских днищ [Лещинская, 1988. С. 89]. Работа с керамическими коллекциями этого памятника убеждает нас, что более достоверная раскладка керамического материала сделана Л.Д. Макаровым в отчете по материалам 1977 года [Макаров, Отчет 1977 года. С. 49]. Им достаточно четко выделены две группы керамики: 1 – горшковидные сосуды с плоскими днищами без орнамента или орнаментированные по венчику и шейке с примесью дресвы, шамота (71,6%); 2 – тонкостенные круглодонные чаши с примесью толченой раковины серого цвета с орнаментом из шнура и решетчатого штампа и насечками по венчику (25,9%). Круглодонная керамика, как это вполне справедливо отмечает Н.А. Лещинская, характеризуется близостью с верхнекамской, чепецкой и комплексами Южной Удмуртии. Наибольшую степень сходства, по ее мнению, керамика обнаруживает с материалами ломоватовской и чепецкой культур, что сказывается в преобладании традиционно прикамских чаш низких профилей с округло-уплощеными днищами и слабо профилированным туловом [Лещинская, 1988. С. 106].

Судя по публикациям предшественников, прикамская керамика на рассмотренных памятни-

ках правобережья среднего течения р. Вятки и вятского бассейна не однородна и, возможно, оставлена различными группами пермского населения: круглодонная посуда Кубашевского городища наследовала азелинские традиции, два сосуда мазунинского облика [Архипов, 1962-а. С. 224], посуда Ижевского городища имеет аналогии с керамикой поломской и чепецкой культур [Архипов, 1962-б. С. 157–158], еманаевская круглодонная керамика обнаруживает близость с ломоватовской и чепецкой посудой [Лещинская, 1988. С. 106].

На погребальных памятниках Ветлужско-Вятского междуречья найдены остатки 24 сосудов. Круглодонные чаши, изготовленные из глины с примесью органики, с орнаментом из веревочных оттисков и штампов обнаружены в Кочергинском, Юмском и Дубовском могильниках IX–XI вв. по 1 экземпляру. Один сосуд из п. 74 Дубовского могильника имеет уплощенное дно и гребенчато-шнуровой орнамент.

Сосуды Дубовского могильника по своим формам и орнаментации несут ломоватово-поломские керамические традиции [Белавин и др., 2009. С. 166]. Сосуд с Юмского могильника ближе к керамике выделенной Р.Д. Голдиной худяковской культуры, последним этапом которой является азелинская культура [Голдина, 1995. С. 229].

Основная масса посуды на могильниках представлена плоскодонными горшками с примесью шамота и песка, соответствующими в целом находкам на городищах. Но на сосудах из пп. 7, 15 Веселовского могильника, 4, 5, 40 могильника «Никняя стрелка», п. 7 Дубовского также имеется орнамент, нанесенный по шейке и венчику сосуда.

Судя по разнородности керамических традиций, напрашивается вывод, что в этнические контакты с вышедшими к Вятке древнемарийскими племенами вступает не азелинское, а пермское население, несущее традиции верхнекамских и чепецкой культур (возможно, разнородное) [Никитина, 2002. С. 197]. Многими исследователями в VIII–X вв. фиксируются миграции верхнекамского и чепецкого населения на нижнюю Каму, среднюю и нижнюю Вятку вплоть до средней Волги [Казаков, 1992. С. 245–247; Семенов, 1989. С. 31; Иванов, 1990. С. 114–115].

В системе доказательства об угорской принадлежности части населения Ветлужско-Вятского междуречья значительный акцент делается на височных подвесках/серьгах с грузиком (так называемых «постсалтовских») и калачевидных [Крыласова, Подосенова, 2009; Подосенова, 2009. С. 158–159].

Обратимся к материалам Веселовского могильника, расположенного в Шахунском районе Нижегородской области, который всеми исследователями относится к марийской средневековой культуре и датируется IX–XI вв. Височные

кольца общим количеством 66 экз. обнаружены в 20 погребениях из 34 исследованных на памятнике. Украшения очень разнообразны в типологическом отношении и имеют аналогии на различных территориях лесостепной полосы Восточной Европы: браслетообразные височные кольца с одним отогнутым концом, наиболее яркие маркеры марийской культуры этой эпохи, составляют 38,2%*, браслетообразные проволочные височные кольца с завязанными концами – 5,9%, браслетообразные витые височные кольца с завязанными концами – 5,9%, браслетообразные проволочные височные кольца с концами, связанными проволокой (?) – 2,9%, браслетообразные височные кольца с завитком на одном конце – 2,9%, перстневидные проволочные височные кольца – 2,9%, кольца-серьги постальтовского типа – 11,7%, кольца-серьги калачевидные – 8,8%, кольца-серьги овальной формы с утолщением в виде колесика, предназначенного для дополнительных подвесок – 2,9%, серьги треугольные с змеевидным основанием – 5,9%. В настоящее время в научной литературе существует достаточно устойчивое мнение, что браслетообразные кольца с завязанными концами связаны с кривичами [Левашова, 1967а. С. 16]. Кольца-серьги овальной формы с утолщением в виде колесика характерны для древностей алан [Ковалевская, 1995. Рис. 7]. Если поставить в прямую зависимость находки височных колец с обязательной миграцией населения, то в Ветлужско-Вятском междуречье в IX–XI вв., судя по материалам Веселовского могильника, присутствовали наряду с марийским населением, которое является преобладающим, славяне из различных уголков древней Руси, угры из Пермского Предуралья, переселенцы с Северного Кавказа. Этническую мозаику населения Ветлужско-Вятского междуречья по материалам могильников, аналогичных Веселовскому, можно добавить представителями мерянских (втульчатые височные кольца (рис. 163 – 3) и муромских (височные кольца со щитком на одном конце и заостренным вторым концом) племен.

В материалах средневековых марийских могильников большинство из перечисленных выше типов височных колец обнаружены в составе комплексов с ярко выраженным индикаторами марийской культуры; более того, они всегда находятся совместно с традиционными марийскими височными кольцами, иногда привязаны к последним и являются их дополнением (пп. 3, 4, 5, 10, 12 Веселовского могильника) (рис. 10 – 14; 31 – 5). Кроме того, население Ветлужско-Вятского междуречья имело свою традицию ношения височных колец-серег: они чаще встречают-

ся в мужских погребениях обычно по 2 экз., а в женских – по два или одному в зависимости от типа изделия. Браслетообразные височные кольца найдены только в женских захоронениях.

Особое внимание среди вещей приуральского типа в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья исследователи уделяют категориям умбоновидных шумящих подвесок, родиной которых, по их мнению, является ломоватовская культура. Поводом для такого вывода послужило массовое распространение подвесок в IX – первой половине XI в. в Пермском Предуралье и снабжение их дополнительными лапчатыми привесками [Белавин, Крыласова, Козлов, 2010. С. 11].

По моему мнению, нет никаких оснований для подобной интерпретации умбоновидных подвесок. Во-первых, требует количественного подтверждения тезис о массовом распространении данного изделия в памятниках Пермского Предуралья. В Рождественском археологическом комплексе таких изделий найдено 31 экз. [Белавин, Крыласова, 2008. С. 375] при изученности 106 погребений и 3 жертвеника*. Для сравнения приведем данные по Веселовскому могильнику: 43 экз. в 32 изученных комплексах. В остальных могильниках Ветлужско-Вятского междуречья умбоновидные подвески также являются достаточно распространенной находкой. Менее всего таких украшений обнаружено в Дубовском могильнике 25 экз. в 83 изученных комплексах, но даже в этом случае частота встречаемости этого изделия превышает данные по Рождественскому могильнику.

Подвески в Пермском Предуралье использовались для украшения сумочек или в составе налокников [Белавин и др., 2010. С. 110–111], а в захоронениях Ветлужско-Вятского междуречья они устойчиво входили в состав обувных украшений, создавая яркий своеобразный колорит. Обувь из могильников этого региона неоднократно реконструирована (рис. 15 – 11; 22 – 8) [Халиков, Безукова, 1961. С. 32; Архипов, 1973. Рис. 50], не находит полных аналогий в памятниках других культур и позволяет считать ее этническим маркером средневековых марий.

Другая категория украшений, арочные подвески, также не может являться бесспорным аргументом в пользу того, что их находки свидетельствуют об обязательном присутствии угров. Среди арочных подвесок еще в 70-е годы Г.А. Архипов выделил оригинальный тип подвесок с непрорезной основой (рис. 19 – 2; 202 – 6) [Архипов, 1973. С. 27–28], который в большей степени и встречается в могильниках Ветлуж-

* Подсчет производится от общего количества захоронений на могильнике.

^{*} За исключением полных опубликованных комплексов по всем памятникам Пермского Приуралья ограничимся статистикой наиболее представительного из них.

ко-Вятского междуречья. Наиболее специфических для угорской металлопластики арочных подвесок с изображением медведя в Ветлужско-Вятском междуречье не обнаружено, подвески с прорезной основой в форме ростка единичны. В каждом регионе имеется свою традиция ношения этой категории украшений: арочные подвески в Ветлужско-Вятском междуречье использованы в качестве нагрудного или височного украшения, а в Прикамье и Приуралье в качестве накосников [Крыласова, 2001. С. 61–79]. Аналогичная картина наблюдается в ношении биконусовых литых подвесок. Функциональное назначение вещи очень важно при использовании тех или иных украшений в качестве источника при определении этнокультурной принадлежности носятеля. «Этнические показатели формы выявляются тогда, когда их анализируют и сравнивают на вариативность в пределах одной функции, одного определенного содержания» [Генинг, 1988. С. 21].

В качестве основных элементов угорской культуры обозначены наборные пояса. «К западу от территории, занимаемой культурами угорского круга, детали наборных поясов, а особенно целые поясные наборы, встречаются единичными экземплярами. Пожалуй, наиболее западной территорией массового распространения наборных поясов является Марийское Поволжье» [Белавин и др. 2009. С. 221]. В таком случае, как быть с поясными наборами в памятниках мордвы, где на широкой территории от Суры вплоть до Цны и Мокши обнаружены поясные принадлежности и даже целые пояса, абсолютно идентичные изделиям из Марийского Поволжья. Значительное количество наборных поясов обнаружено и в памятниках Древней Руси [Мурашева, 2000].

Среди маркеров угорской культуры важное место занимает художественный металл, включающий культовые предметы и украшения в зверином стиле, и отражающий особенности мировоззрения угорского населения [Белавин, 2009. С. 175–209]. Особое место уделяется изображению медведя (головы медведя, медведя в шагающей позе, в жертвенной позе и т.д.), хищной птицы, лося, ящера, коня. В украшениях, найденных в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв., мы находим в основном изображения коня. Но культа коня для эпохи средневековья нельзя ограничивать только угорским миром, он значительно шире. Образ медведя, как один из ведущих для угорской металлопластики, на украшениях Ветлужско-Вятского региона указанного периода не выражен.

А.М. Белавиным и Н.Б. Крыласовой досконально проанализирован погребальный обряд населения Предуралья. Им удалось выявить этномаркеры в погребальном обряде, позволившие связывать памятники Пермского Предуралья с

утрами, среди которых наиболее выразительны и уникальны следующие черты: «помещение в погребение останков коня (в южных культурах т.н. «комплекса коня», в северных – черепов или отдельных челюстей), а также применение металлических погребальных масок» [Белавин, 2009. С. 15–16], захоронения на помостах и использование речного песка преимущественно в качестве подсыпки под покойника или для его покрытия, реже в качестве подсыпки под комплекс сопровождающего инвентаря или при засыпке могилы [Крыласова, 2009. С. 94–96]. В могильниках Ветлужско-Вятского междуречья в настоящее время неизвестны захоронения с вышеописанными элементами обрядности. Имеются упоминания о наличии весьма фрагментарно сохранившихся покрытий из ткани на лицах погребенных в пп. 5, 12, 26 Веселовского могильника [Архипов, 1973. С. 13], но это, скорее, остатки общего покрытия тканью, кожей, мехом, лубом умершего, которое наблюдается в погребениях неоднократно. Они непохожи на лицевые покрывала угорских народов, на которые нашивались металлические пластины и бляшки или металлические накладки в области глаз и рта [Белавин, 2009], имитирующие маски.

Таким образом, анализ совокупных археологических источников (погребального обряда, украшений в системе костюмного комплекса) не дает убедительных данных о пребывании на территории Волго-Ветлужско-Вятского междуречья групп населения из Прикамья и Пермского Предуралья.

В таком случае, новое население, переселившееся с другой территории, должно было перенести с собой не только височные или другие украшения, но костюм в целом, а также на новом месте жительства сохранять свою культуру в других проявлениях (прежде всего верованиях – погребальном обряде), во всяком случае, в первое время. Обычно первое поколение лиц, поселившихся в другой этнической среде, сохраняет свою прежнюю этническую принадлежность на протяжении всей жизни, и, как правило, лишь их дети и внуки, особенно рожденные в смешанном браке, могут рассчитывать на сравнительно быструю и полную адаптацию [Бромлей, 1973. С. 117].

В материалах средневековых могильников Ветлужско-Вятского междуречья большинство из перечисленных выше типов вещей располагались в различных погребениях, не образуя специфических комплексов, обнаружены совместно с ярко выраженным индикаторами марийской культуры, зачастую дополняя их в составе одного украшения (нагрудного, височного).

Погребальный обряд захоронений, в которых обнаружены указанные украшения, также ничем не отличается от погребального обряда марийского населения, сохраняет все особенности, включая этноопределяющие.

Наличие на этих памятниках керамики прикамского облика (18–25%), отдельных украшений свидетельствуют о возможных межэтнических браках между древними марийцами и представителями прикамско-пермского населения, которые «можно считать частным случаем общего явления, характерного для всей пограничной зоны двух этнокультурных регионов» [Леонтьев, 1989. С. 97]. Отдельные свидетельства подобных контактов прослежены и на р. Унже. В Ветлужско-Вятском междуречье они приняли более массовый характер в силу пограничного долговременного проживания и существенно повлияли на развитие марийской культуры. В резуль-

тате этнических контактов формируются луговые и северо-восточные труппы мари, а марийская культура приобретает своеобразный колорит, характеризующийся смешением волжско-финских и прикамско-пермских традиций.

Одной из причин такого разночтения археологического материала является то обстоятельство, что до настоящего времени в научный оборот не был введен материал из могильников Ветлужско-Вятского междуречья в полном объеме. Надеюсь, что публикация материала в данной книге будет способствовать решению ряда спорных вопросов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Fodor I.* 1960. The ancient Hungarians: Exhibition Catalogue. Budapest.
- Jansson J.* 1986. Gьstel und Gьttelzubehor vom orientalischen Typ. Birka – II; 2. Stockholm.
- Амбров А.К.* 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА, № 3.
- Артамонов М.Н.* 1958. Саркел-Белая Вежа // Труды Волго-Дакской археологической экспедиции. МИА, № 62. М.
- Архипов Г.А.* 1961. Древнемариийский костюм IX–X вв. (Опыт реконструкции по археологическим материалам Веселовского могильника) // Вопросы истории, археологии и этнографии мари. Труды МарНИИ. Вып. XVI. Йошкар-Ола.
- Архипов Г.А.* 1962-а. Городища первой половины 1 тысячелетия н. э. в Марийской АССР // Железный век Марийского края. Труды Мар АЭ. Т. II. Йошкар-Ола.
- Архипов Г.А.* 1962-б. Ижевское городище // Труды МарНИИ. Вып. XVII. Йошкар-Ола.
- Архипов Г.А.* 1964. Марийская археологическая экспедиция 1963 года // Тезисы докладов на научной сессии по итогам исследовательских работ за 1963 год. Йошкар-Ола.
- Архипов Г.А.* 1973. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола.
- Архипов Г.А.* 1979. Археологические свидетельства о ремесле древних марийцев // Из истории хозяйства населения Марийского края. АЭМК. Вып. 4. Йошкар-Ола.
- Архипов Г.А.* 1983. Раскопки Дубовского могильника // АО–1981. М.
- Архипов Г.А.* 1984. Дубовский могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья. АЭМК. Вып. 8. Йошкар-Ола.
- Архипов Г.А.* 1986. Марийцы XII–XIII вв. К этно-культурной истории Поволжья. Йошкар-Ола.
- Архипов Г.А.* 1991. Древние марийцы (этногенез и ранняя этнокультурная история) // Доклад на симпозиуме уч. ст. доктора ист. наук. М.
- Аришловский А.В.* 1930. Курганы вятчей. М.
- Бадер О. Н.* 1951. Городища Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. МИА, № 22. М.
- Бадер О.Н.* 1951а. Древнее Поволжье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поволжья // СЭ, № 2.
- Байзекчи В.В.* 2005. Древности летописной муромы. Погребальный обряд и поселения. Муром.
- Белавин А.М.* 1995. Отчет о раскопках поселения и могильника Огурдино в 1995 г. Часть I. Архив ИА РАН, Р-1, д. 19255.
- Белавин А.М.* 2000. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* 2008. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь.
- Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* 2009. Утры Предуралья в древности и средние века. Уфа.
- Белавин А.М.* 2009. Погребальный обряд средневековых археологических культур Предуралья как этномаркер // Труды Кымской археолого-этнографической экспедиции. Выпуск VI. Пермь.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Козлов А.И.* 2010. Приуральские материалы в средневековых древностях Ветлужско-Вятского междууречья (комментарий к этнокультурным процессам I – II тыс.н.э.) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 5. Йошкар-Ола.
- Белорыбкин Г.Н.* 2003. Западное Поволжье в средние века. Пенза.
- Белоцерковская И.В.* 1997. Погребения с дарами из могильника Кораблино (по материалам раскопок 1986–1991 гг.) // Погребальный обряд. Труды ГИМ. Вып. 93. М.
- Бромлей Ю.В.* 1973. Этнос и этнография. М.
- Валиуллина С.Н.* 2000. Стеклянные бусы как источник по международным связям волжских булгар в VIII – начале XIII в // Сладкие, финно-утры, скандинавы, волжские булгары. М.
- Викторова В.Д.* 1973. Ликинский могильник X–XII вв. // Вопросы археологии Урала. Вып. 12. Свердловск.
- Вильданов Р.Ф.* 2008. Монеты из сборов и раскопок на Рождественском археологическом комплексе в Карагайском районе Пермского края // Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь.
- Высокин В.И.* 1977. Древняя мордая Посурья и Примокшанье. Саранск.
- Высокин В.И., Беговаткин А.А., Зеленкова О.В., Шитов В.Н.* 2008. Хронология могильников населения I–XIV вв. заладной части среднего Поволжья. Саранск.
- Воеводский М.В.* 1951. Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Предуралья. МИА, № 22. М.
- Воробьев Н.И.* 1950. Чувашская этнографическая экспедиция (отчет о работе 1949 г.) // Ученые записки Чув НИИ. Вып. 4. Чебоксары.
- Воронина Р.Ф.* 2007. Ладинские дрезности. Из истории мордвы-мокши. Конец IX – начало XI века. М. Газета «Нижегородская коммуна», № 15
- В.Ф. Генинг.* 1957. Отчет об археологических исследованиях в бассейне р. Пижмы, правого берега р. Вятки, произведенных МАЭ в 1957 году // Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1957 год.
- Генинг В.Ф.* 1962. Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // ВАУ. Свердловск. Вып. 3.
- Генинг В.Ф.* 1963. Азелинская культура III–V вв. // Вопросы археологии Урала. Вып. V. Свердловск – Ижевск.

- Генинг В.Ф. 1967. Мазукинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ. Ижевск-Свердловск. Вып. 7.
- Генинг В.Ф. 1979. Могильник чепецкой культуры у д. Веськар (IX-XI вв.) // Северные удмурты в начале II тыс. н.э. Ижевск.
- Генинг В.Ф. 1980. Заселение и этническая принадлежность населения Чепцы в I тыс. н.э. (по материалам Баркинского могильника) // Новый памятник поломской культуры. Ижевск.
- Генинг В.Ф. 1988. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М.
- Гайдина Р.Д. 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск.
- Гайдина Р.Д. 1987. Погребальный обряд Худаковского могильника // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья. Йошкар-Ола.
- Гайдина Р.Д. 1987-а. Проблемы этнической истории первых народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов.
- Гайдина Р.Д. 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск.
- Голубева Л.А. 1964. Огнива с бронзовыми рукотяжками // СА, № 3.
- Голубева Л.А. 1966. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // СА, № 3.
- Голубева Л.А. 1979. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. Вып. Е1-59. М.
- Голубева Л.А. 1982. К истории треугольной подвески // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск.
- Голубева Л.Н. 1987. Марийцы // Финно-угры и балты в эпоху средневековых / Археология СССР. М.
- Гордеев Ф.И. 1967. Балтийские и иранские заимствования в марийском языке // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.
- Горюнова Е.И. 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА № 96. М.
- Гришаков В.В. 1988. К истории населения Правобережья Нижней Оки в конце I тыс. нашей эры // Материалы по археологии Мордовии. Труды МНИИАЛИЭ. Вып. 85. Саранск.
- Гришаков В.В., Зеленеев Ю.А. 1990. Мурома VII-X вв. Йошкар-Ола.
- Даркевич В.П. 1974. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966-1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М.
- Добжанский В.Н. 1990. Наборные пожара кочевников Азии. Новосибирск.
- Дубынин А.Ф. 1948. Малышевский могильник. Диссертация на соискание ученоей степени кандидата исторических наук // Архив ИА РАН, Р-1, д. № 362.
- Еззевский А.В., Потемкина Т.М. 2000. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековых. Т. 1. Донецк.
- Ефименко П.П. 1975. Иваньковский и Гавердовский могильники древней мордовы // Труды МНИИАЛИЭ. Вып. 48. Саранск.
- Жилина Н.В. 2008. Хронология украшений древнерусских кладов (IX-XI вв.) // Труды II (XVII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М.
- Зайцева Н.Е. 1999. Наборный пояс из могильника Микино II на Кубенском озере // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции). Вып. 13. Новгород.
- Зайцева Н.Е. 2008. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология северорусской деревни X-XIII веков. Т. 2. М.
- Запись И.И. Разумова о находках в Ветлужском уезде Нижегородской области. // Архив ИИМК, ф.2, оп.1, № 264.
- Захаров С.Д., Кузина И.Н. 2008. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология северорусской деревни X - XIII вв. Т. 2. М.
- Зециев М.П. 1929. Нижегородская коммуна. № 115 (3160).
- Иванов А.Г. 1991. Качкашурский могильник IX-XIII вв. в бассейне р. Чепцы // Материалы по потребительному обряду удмуртов. Ижевск.
- Иванов В.А. 1990. О характере этнокультурного взаимодействия ранних волжских болгар с уграми Южного Урала и Приуралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань.
- Иванов В. 2006. Угорские племена в Восточном Закамье и Приуралье // История татар с древнейших времен. Волжская Булгария и Великая степь. Т. II. Казань.
- Иванова М.Г. 1979. Хозяйство северных удмуртов в конце IX-начале XIII вв. н.э. // Северные удмурты в начале II тысячелетия н.э. Ижевск.
- Иванова М.Г. 1982. Мало-Венижский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск.
- Иванова М.Г. 1991. Погребальный обряд северных удмуртов IX-XIII вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск.
- Иванова М.Г. 1992. Погребальные памятники северных удмуртов XI-XIII вв. Ижевск.
- Иванова М.Г. 1999. Удмурты // Финно-угры Поволжья и Предуралья в средние века. Ижевск.
- Истомина Т.В. 1982. Жертвенные комплексы средневековых могильников Приуралья как этнический определитель // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. Пермь.
- Истомина Т.В. 1999. Вотчинский могильник // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке (источники и историография). Вып. 16. Сыктывкар.
- Казаков Е.П. 1971. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Археология и этнография Татарии. Вып. 1. Казань.
- Казаков Е.П. 1989. О поломской керамике Волго-Камья // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск.
- Казаков Е.П. 1991. Булгарское село X-XIII вв. нижний Камы. Казань.

- Казаков Е.П.* 1992. Культура ранней Волжской Болгарии. М.
- Казаков Е.П.* 1999. Об освоении болгарами Казанско-Мариийского Поволжья в X-XI вв. // Археологическое изучение булгарских городов. Казань.
- Казаков Е.П.* 2001. О некоторых группах деталей поясного набора Волжских Болгар IX–XI вв. // Культура Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Т. 2. Самара.
- Казаков Е.П.* 2007. Волжские болгары, угуры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань.
- Казаков Е.П.* 2007a. Индоиранское воздействие на культуру поволжских финнов в раннем средневековье // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. Йошкар-Ола.
- Казаков Е.П.* 2010. Поясные накладки волжских болгар из Танкеевского могильника и Семеновского селища // Русь и Восток в IX–XV вв. М.
- Казанцев Д.Е.* 1985. Формирование диалектов марийского языка. Йошкар-Ола.
- Каменский В.И.* 1909. «Чортово городище» в Ветлужском уезде по раскопкам 1909 г. // Сборник музея по антропологии и этнографии. Вып. VII. СП(б).
- Кантемиров Э.С., Дзаттишты З.Г.* 1995. Тарский катакомбный могильник VIII–IX вв.н.э. //Аланы. История и культура. Владикавказ.
- Кашкин А.В.* 2003. Могильник Оленино на Верхней Волге //Археология: история и перспективы. Первая межрегиональная конференция. Сборник статей. Ярославль.
- Кирличников А.Н.* 1966. Древнерусское оружие. Копья, сабли, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. САИ Е1–36, вып. 2. М.
- Киселев С.В.* 1951. Древняя история Южной Сибири. М.
- Ковалевская В.Б.* 1995. Хронология древностей северокавказских алан //Аланы: история и культура. Владикавказ.
- Козлова К.И.* 1978. Очерки этнической истории марийского народа. М.
- Козлова А.В.* 2004. Украшения ремня, сбруи и сумок восточного происхождения в Великом Новгороде // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 18. Великий Новгород.
- Котчин Б.А.* 1953. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА, № 32. М.
- Комар А.В.* 2001. Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа // Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т. 2. Самара.
- Комаров К.И.* 2006. Раскопки курганного могильника у д. Плещково Тверской области // Археологические статьи и материалы. Сборник участников Великой Отечественной войны. Тула.
- Корзухина Г.Ф.* 1954. Русские клады IX–XIII вв. Л.
- Королева Э.В.* 1996. Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3; Раскопки древней части Среднего города (1967–1991). Псков.
- Краченко Т.А.* 1974. Шагрищенский могильник (по раскопкам 1966–1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М.
- Красное Ю.А.* 1980. Безводининский могильник. (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.
- Крыласова Н.Б.* 1994. Отчет о раскопках Отурдинского могильника в 1994 году. Том 2. Архив ИА РАН, Р-1, д.19496.
- Крыласова Н.Б.* 2001. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь.
- Крыласова Н.Б.* 2007. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь.
- Крыласова Н.Б.* 2009. Использование песка в погребальном обряде средневековых угрев // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Выпуск VI. Пермь.
- Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А.* 2009. Калачевидные височные украшения как маркер переселений средневекового населения Пермского Предуралья // Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Тезисы докладов. Казань.
- Культура Бигара.* 1985. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М.
- Левашова В.П.* 1967a. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М.
- Левашова В.П.* 1967. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М.
- Леонтьев А.Б.* 1989. Поповское городище (результаты раскопок 1980–1984 гг.) // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья. Материалы работ Волго-Окской экспедиции. М.
- Леонтьев А.Б.* 1996. Археология мерк. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.
- Лещинская Н.А.* 1988. Исследования Еманьевского городища // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск.
- Лещинская Н.А.* 1995. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н.э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Межвузовский сборник научных трудов. Ижевск.
- Леминская Н.А.* 2002. К вопросу об этнической специфике памятников Вятского бассейна I – начала II тыс.н.э. // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. Ижевск.
- Лыкова З.А.* 1968. Стеклянные бусы Старой Ладоги. Часть 1 // АСГЭ. Л. Вып. 10.
- Мажитов Н.А.* 1978. Бахмутинская культура. М.
- Мажитов Н. А.* 1981. Курганны Южного Урала VII–XII вв. М.

- Макаров Н.А.* 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. По материалам археологических памятников на землях Белозерья и Поморья. М.
- Макаров Л.Д.* Отчет об исследованиях в Подосиновском и Тужинском районах Кировской области, проведенных летом 1977 года / Архив ИА РАН, Р-1, д. 6575.
- Матым В.А.* 1963. Посудные и сбруйные украшения // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимирязевского, Михайловского и Петровского могильников. М.
- Матым В.А.* 1967. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М.
- Мартынов В.Н.* 1988. Археологические памятники мордвы юнца I – начала II тыс. в Горьковской области // Материалы по археологии Мордовии. Саранск.
- Материалы по истории мордвы VIII–XI вв.* 1952. Дневник археологических раскопок П.П. Иванова. Моршанска.
- Материальная культура среднеценинской мордовы VIII–XI вв.* 1969. Саранск.
- Меснянина С.В.* 2008. Изделия из кости и рога // Археология северорусской деревни X–XIII веков. Т. 2. М.
- Михайлов К.А.* 1997. Центральноазиатские ременные украшения в материалах древнерусских памятников X века // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 11. Новгород.
- Михайлов К.А., Соболев В.Ю.* 2000. Новгородские пояса XI–XII вв. // Археологические вести. № 7. СПб.
- Михайлов К.А.* 2005. Древнерусские наборные пояса XI–XII вв.: северная и южная традиции // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М.
- Могильников В.А.* 2002. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в [IX–XI] вв. М.
- Монгайт А.Л.* 1961. Рязанская земля. М.
- Малютова Т.Л.* 1992. Марийский народный костюм. Йошкар-Ола.
- Мурашева В.В.* 1997. Поясной набор // Древняя Русь. Быт и культура. М.
- Мурашева В.В.* 2000. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.
- Недошивина Н.Г.* 1967. Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М.
- Никитин В.В.* 1984. Отчет МАЭ за 1984 год. НРФ МарНИИ, сб.1, д. 738.
- Никитина Т.Б.* 1990. Инвентарь могильника «Нижняя стрелка» // Древности Поветлужья. АЭМК. Вып. 17. Йошкар-Ола.
- Никитина Т.Б.* 1990-б. Погребальный обряд могильника «Нижняя стрелка» // Древности Поветлужья. АЭМК. Вып. 17. Йошкар-Ола.
- Никитина Т.Б.* 1992. Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола.
- Никитина Т.Б., Руденко К.А.* 1998. Металлическая посуда могильника «Нижняя стрелка» // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. Йошкар-Ола.
- Никитина Т.Б.* 1999. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников). Йошкар-Ола. Труды МАЭ. Т. V. Йошкар-Ола.
- Никитина Т.Б.* 1999-б. Мары // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск.
- Никитина Т.Б.* 2001. Жертвенно-поминальные комплексы как этноопределяющий признак погребального обряда марийцев в эпоху средневековья // Древности Поволжья и Прикамья. АЭМК. Вып. 25. Йошкар-Ола.
- Никитина Т.Б.* 2002. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола.
- Никитина Т.Б.* 2009. Новые материалы в Поветлужье к проблеме культурных контактов марийцев в IX – XI вв. // Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации» I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Тезисы докладов. Казань.
- Никитина Т.Б.* 2009. Новые материалы дрезнемарийского могильника «Черемисское кладбище» // Материалы и исследования по средневековой археологии Восточной Европы. Казань.
- Никитина Т.Б.* 2009. Отчет о работах третьего отряда Марийской археологической экспедиции в 2008 году. НРФ МарНИИЯЛИ, д. № 1128.
- Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю., Ахабаев А.В.* 2010. Новые находки дрезнемарийской культуры в Поветлужье // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Сборник научных и методических трудов. Вып. 12. Нижний Новгород.
- Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю.* 2010. Отражение культа предков марийцев в погребальном обряде могильников Поветлужья // Культ предков, воинов, правителей в погребальном обряде. Тезисы докладов Российской научной конференции. М.
- Никольская Т.Н.* 1949. Хронологическая классификация верхневолжских курганов // КСИИМК. Вып. 30. М.
- Оборин В.А.* 1970. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // Вопросы археологии Урала. Вып. 9. Свердловск.
- Останина Т.И.* 1991. Погребальный обряд населения Среднего Прикамья в III–V вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск.
- Отчет А. Дубынина об археологических исследованиях в 1947 г. Малышевского могильника, Селквинского р-на Владимирской области // Архив ИА РАН, Р-1, д. № 135.*
- Отчет о состоянии и деятельности Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете за 1887 г. 1888 // ИОАИЭ. Т. VI, Вып. 2. Казань.*
- Отчет Императорской археологической комиссии за 1874 г. 1877. СПб.*
- Отчет Императорской археологической комиссии за 1904 г. 1907. СПб.*
- Ошибки С.В.* 1979. Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тюм-Тюм // КСИА. Вып 158. М.

- Петербургский И.М.** 1987. Второй Старобалковский могильник // Вопросы древней истории мордовского народа. Саранск.
- Петербургский И.М.** 2009. Мордва Среднего Прикамья в XI–XIV вв. Саранск.
- Плетнёва С.А.** 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.
- Плетнёва С.А.** 1973. Древности черных клубков // САИ. Вып. Е 1-36. М.
- Подосенова Ю.А.** 2009. Высоченные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Пермь.
- Полесских М.Р.** 1974. Новые памятники древнейшей мордовии // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 45. Саранск.
- Полесских М.Р.** 1991. Ражкинский могильник // Археология восточноевропейской степи. Вып. 2. Саратов.
- Полякова Г.Ф.** 1983. Изделия из цветных и драгоценных металлов из Болгар. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М.
- Радина М.В.** 1988. Погребения X–XI вв. с monetами на территории Древней Руси. Каталог. М.
- Раслонова В.И.** 1965. Поясной набор Согда VI–VII вв // СА, № 4.
- Руденко К.А.** 2000. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань.
- Рыкова Л.С.** 1930. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов.
- Рыбаков Б.А.** 1953. Древние русы // СА, № 18.
- Рябинин Е.А.** 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ. Вып. Е1-60. М.
- Рябинин Е.А.** 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. М.
- Сабурова М.А.** 1974. Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции) // СА, № 2.
- Савельева Э.А.** 1971. Пермь альчегодская. М.
- Савельева Э.А.** 1973. Кичкылхосский могильник // Материалы по археологии Европейского Северо-востока. Вып. 5. Сыктывкар.
- Савельева Э.А.** 1987. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.
- Савельева Э.А.** 2005. Ленский могильник // Материалы по археологии европейского Северо-востока. Вып. 17. Сыктывкар.
- Седов В.В.** 1999. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.
- Седов В.В.** 2007. Изборск в раннем средневековье. М.
- Седова М.В.** 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (Х–ХV вв.). М.
- Седова М.В.** 1997. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. М.
- Семенов В.А.** 1980. Варининский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск.
- Семенов В.А.** 1985. Омутинишский могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устюзюн.
- Семенов В.А.** 1988. Тольянский могильник IX – начало Х вв. // Новые исследования по древней истории удмуртов. Ижевск.
- Семенов В.А.** 1989. Этнокультурные компоненты поломской культуры // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск.
- Семенов В.А.** 1991. Погребальный обряд чешского населения в эпоху раннего средневековья (VI–X вв.) // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск.
- Смирнов А.П.** 1949. Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. Козьмодемьянск.
- Смирнов А.П.** 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья // МИА, № 28. М.
- Смирнов А.П.** 1957. Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии // СА, № 3.
- Смирнов А.П.** 1958. Финно-угорские племена северо-востока // Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III–IX вв. М.
- Смирнов А.П.** 1961. Железный век Чувашского Поволжья // МИА, № 95. М.
- Спицын А.А.** Поездка летом 1891 г. на р. Юм (Котельничский уезд Вятской губернии) // Дело Императорской археологической комиссии о древних украшениях, найденных на берегу речки Юмы, в починке Загребинском Котельничского уезда Вятской губернии – Архив ИИМК д. № 111.
- Спицын А.А.** 1893. Приуральский край. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. Т. I. М.
- Спицын А.А.** 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР, № 25. СПб.
- Спицын А.А.** 1905. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. СПб.
- Степанова И.И.** 1982. Концовский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск.
- Татицкий М.В.** 1940. Котергинский могильник // МИА, № 1. М.
- Тухтина Н.В.** 1966. Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X–XIII вв. // Труды ГИМ. Вып. 40. М.
- Успенская А.В.** 1967. Нагрудные и поясные прикрасы // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М.
- Федоров-Давыдов Г.А.** 1966. Коневинки Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Федоров-Давыдов Г.А.** 1984. Монеты Дубовского могильника // Новые памятники археологии Волго-Камья. АЭМК. Вып. 8. Йошкар-Ола.
- Фехнер М.В.** 1963. Изделия ювелирного ремесла // Ярославское Поволжье в IX–XI вв. М.
- Фехнер М.В.** 1963а. Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников // Ярославское Поволжье в IX–XI вв. М.

- Фехнер М.В.* 1967. Шейные гривы // Очерки по истории русской деревни. Труды ГИМ. Вып. 43. М.
- Халиков А.Х., Безухова Е.А.* 1960. Материалы к древней истории Поветлужья (археологические исследования в Ветлужском районе Горьковской области в 1957 году). Горький.
- Халиков А.Х.* 1962. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края. Йошкар-Ола. Труды МАЭ. Т. II.
- Халиков А.Х.* 1976. Об этнических основах марийского народа // Древние и современные этнокультурные процессы в Марийском крае. АЭМК. Вып. I. Йошкар-Ола.
- Халиков А.Х.* 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа VIII–VI вв. до н.э. М.
- Халиков А.Х.* 1991. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья // Происхождение финно-язычных народов. Казань.
- Халикова Е.А.* 1976. Большое-Тиганский могильник // СА. № 2.
- Хеоминская Н.В.* 1999. Подковообразные фибулы Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М.
- Хеоминская Н.В.* 2004. Финны на западе Новгородской земли. СПб.
- Хубяков Ю., Иванов В.* 2006. Культура кочевников сарацинских степей // История татар с древнейших времен. Волжская Булгария к Великой степи. Т. II. Казань.
- Шимков В.Н.* 1988. Старокадомский могильник // Материалы по археологии Мордовии. Труды МНИИАЛЭ. Вып. 85. Саранск.
- Щапова Ю.Л.* 1956. Стеклянные бусы древнего Новгорода // МИА, № 55. М.
- Щапова Ю.Л.* 1972. Стекло Киевской Руси. М.
- Ястребов В.Н.* 1893. Лядинский и Томинковский могильники // МАР № 10. СПб.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО – Археологические открытия
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭМК – Археология, этнография Марийского края
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ГИМ – Государственный исторический музей
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
ИАК – Известия археографической комиссии
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры при Казанском университете
ИОИЭ – Известия общества истории и этнографии
ИЯЛИКФАН – Институт языка, литературы, истории Казанского филиала Академии наук
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России
МАР – Материалы по археологии России
МарАЭ (МАЭ) – Марийская археологическая экспедиция
МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева
МИА - Материалы института археологии
МНИИЯЛИ – Мордовский научно-исследовательский институт истории, языка, литературы и экономики
НРФ МарНИИ – Научный рупористый фонд МарНИИ
НМРТ – Национальный музей Республики Татарстан
РА – Российская археология
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СЭ – Советская этнография
ТА – Татарская археология
ТАН – Татарская Академия наук
ЧувНИИ – Чувашский научно-исследовательский институт истории, языка, литературы

СПИСОК РИСУНКОВ

SUMMARY

The study covers the area bounded on the south of the Volga, in the west Vetruga, from the East Vyatka. The northern boundary runs along the swampy area in the Nizhniy Novgorod and Kirov regions, where small tributaries converges basins of Vetruga and Vyatka. Archaeological monuments of the Volga-Vetruga-Vyatka watershed of IX – early XI centuries are few, and have sustained a series of clearly marked signs, suggest that they arrayed by homogeneous ethnic and cultural population, despite the fact that they are located at a considerable distance from each other. Currently, in the said territory it is known eight burial grounds: the Veselovskiy, «Cheremisskiy cemetery», the Yumskiy, the Kocherginskiy, the Lopyalskiy, «Nizhnyaya strelka», the Dubovskiy, the Rusenihinskiy. The Rusenihinskiy was revealed in 2009; its study is just beginning. The paper summarizes the materials of five burial grounds.

The original culture of the population that is stored in the glove rich inventory and funeral rites, more than a century has attracted the attention of researchers and museum professionals of various research centers. As a result, the materials were disconnected to the museums of the country: the National Museum of the Republic of Mari El in Yoshkar-Ola, Nizhniy Novgorod State Historical and Architectural Museum Reserve in Nizhniy Novgorod, Kirov Regional Museum in Kirov, Museum of Anthropology and Ethnography, the State Hermitage in St. Petersburg, the State Historical Museum in Moscow, State Joint Museum of the Republic of Tatarstan, a Local History Museum in Vetruga and the Museum of Shakhunya in Nizhniy Novgorod region.

Even O.N. Bader wrote about the importance of burial grounds of Vetruga region to study the ethnic genesis of the Mari people and expressed regret that the materials of Vetruga region of «Cheremisskiy cemetery» and Veselovskiy burial ground not published. Since then, little has changed. The full has not yet published any monument. Reports on the excavation of most objects do not reflect, the full information about the monuments in them, except for the burial ground «Nizhnyaya Strelka» are not material to the complexes. Individual real artifacts or fragments of the funeral rite repeatedly published and were used to construct the chronological schemes and ethno-historical reconstructions. Biased selection of the material could not provide the comprehensive analysis and gave rise to the emergence of different, often polar points of view in the interpretation of the burials.

The aim of this work is the first complete publication of all material on the complex and on this basis its subsequent interpretation.

The basis of the work is based on materials of Mari Archeological Expeditions of 1956–58s, 1963, 1965, 1980–1981s, suitable for scientific analysis. Also the data obtained by the author during the excavations of the 1986–87s, 2007–2009s includes in the work. For the most complete analysis, the author carried out field reports, collections, and as far as possible field recordings, publications of previous years.

The research considers main viewpoints on the ethnic and cultural belonging of medieval monuments of the Vetruga and Vyatka Region. The burial rites and costume decorations prove that the monuments belong to the Mari culture. The features enabling to consider funeral rites as the Mari ones are those: wrapping up a corpse in an upper birch bark or bast fiber trough when laying down a corpse; wrapping up bones in fir or leather clothes belted when cremating a dead body (i.e. imitating laying down a corpse); a bunch of things at the head or foot connected with a buried man's work or social life; sacrificial complexes of type III between graves; copper pots wrapped in upper birch bark with a wooden cup inside placed in additional piles of things in graves as well as a part of sacrificial complexes between graves. The decorations revealing ethnic belonging are the following ones: a headwear consisting of a forehead headband and copper chains, temple rings with overlapping ends, so that one of which is folded back and has various forms of a thickening, mushroom-shaped or polyhedral head; trapezoidal and round plate suspension, made in typesetting technology, arched pendants with a solid foundation, a number of shoes decorations. We considered both typological features of an item and its function and importance within a costume when distinguishing cultural markers.

A number of chronological groups of burials were distinguished according to archaeometries of closed complexes.

Group 1 – 9th century: the Veselovskiy burial ground – Item 10; the «Nizhnyaya Strelka» – Items 2, 2-a, 7, 25, 13th sacrificial complex; the «Cheremisskiy cemetery» – Items 1, 5.

Group 2 – the first half of the 10th century: the Veselovskiy burial ground – Items 3, 5, 17–18, 19, 20; the Dubovskiy burial ground – Items 2, 3, 4, 45, 46, 60, 52, 57, 67, 73; the «Nizhnyaya Strelka» 1, Sacrificial Complex 4.

Group 3 – the second half of the 10–11th centuries: the «Nizhnyaya Strelka» – Items 18, 20, 24, 27, 29, 30, 31, 37, Sacrificial Complex 8; the Dubovskiy burial ground – Items 3, 14, 24, 25, 49, 58, 68, 72; the «Cheremisskiy cemetery», Sacrificial Complex 2.

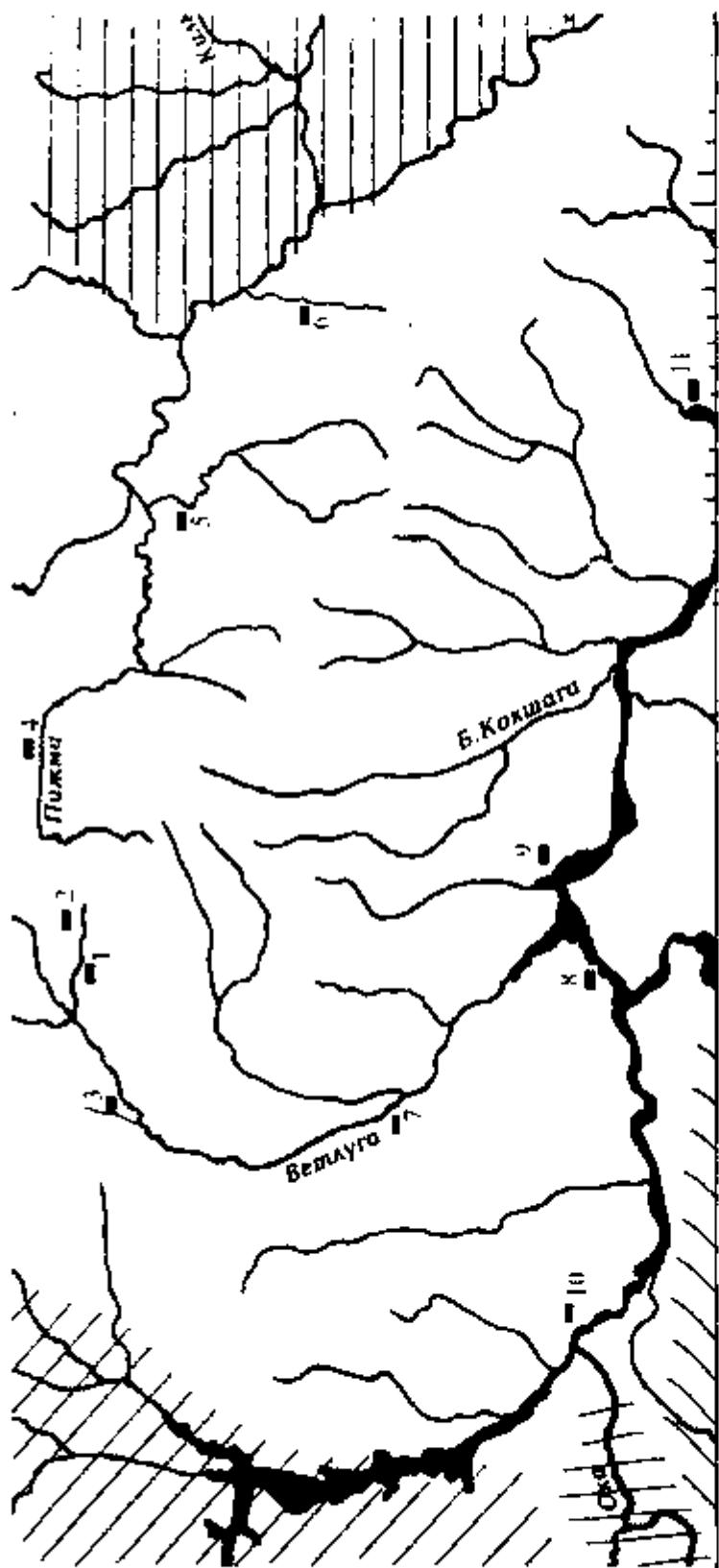
Group 4 – the first half of the 11th century: the Veselovskiy burial ground – Items 25, 31; the Dubovskiy burial ground – Items 56, 66, 79.

Group 5 – the second half of the 11th century: the «Nizhnyaya Strelka» – Items 4, 12, 11, 11-a, 15, 16, 40; the Veselovskiy burial ground – Items 1, 21, 22, 23, 24; 26; the Dubovskiy burial ground – Items 10, 34; the «Cheremisskiy cemetery» – Items 14, 15.

Group 6 – the end of the 11th century: the «Nizhnyaya Strelka» – Items 5, 33, Sacrificial Complex 12; the Dubovskiy burial ground – Items 9, 16, 17, 18, 19, 20, 27, 30, 36 (?), 40.

The research was done under the project of the Russian State Scientific Fund

№ 09-01-24102a/B «Sepulchral Monuments of the 9–12th centuries in the Middle Volga – Vyatka Region».

— 1 —

1 - Черкашинский; 2 - «Черемисское кладбище»; 3 - Ефанихинский; 4 - Юмский; 5 - Кочергинский;
6 - Лопьяльский; 7 - Руценхинский; 8 - «Нижняя стrelka»; 9 - Дубовский; 10 - Кантауровский;
11 - Борисковский.

Условные обозначения

— мурома	
— мордва	'//
— пермские финны	.

1. Веселовский могильник,

2. Могильник
«Черемисское кладбище».

3. Могильник
«Нижняя стрелка».

4. Юмский
могильник.

Рис. 2. Топография могильников.

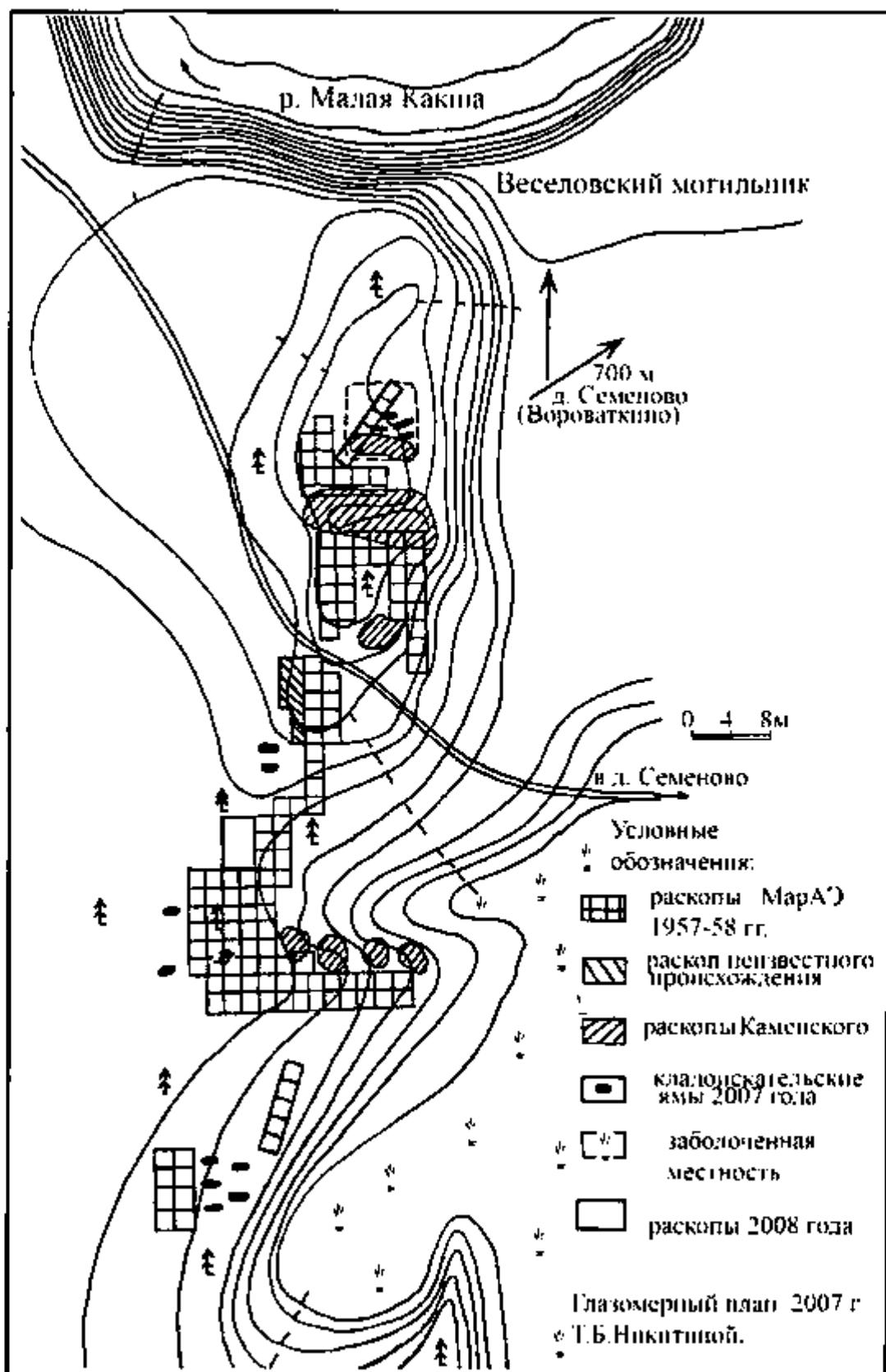

Рис. 3. План Веселовского могильника.

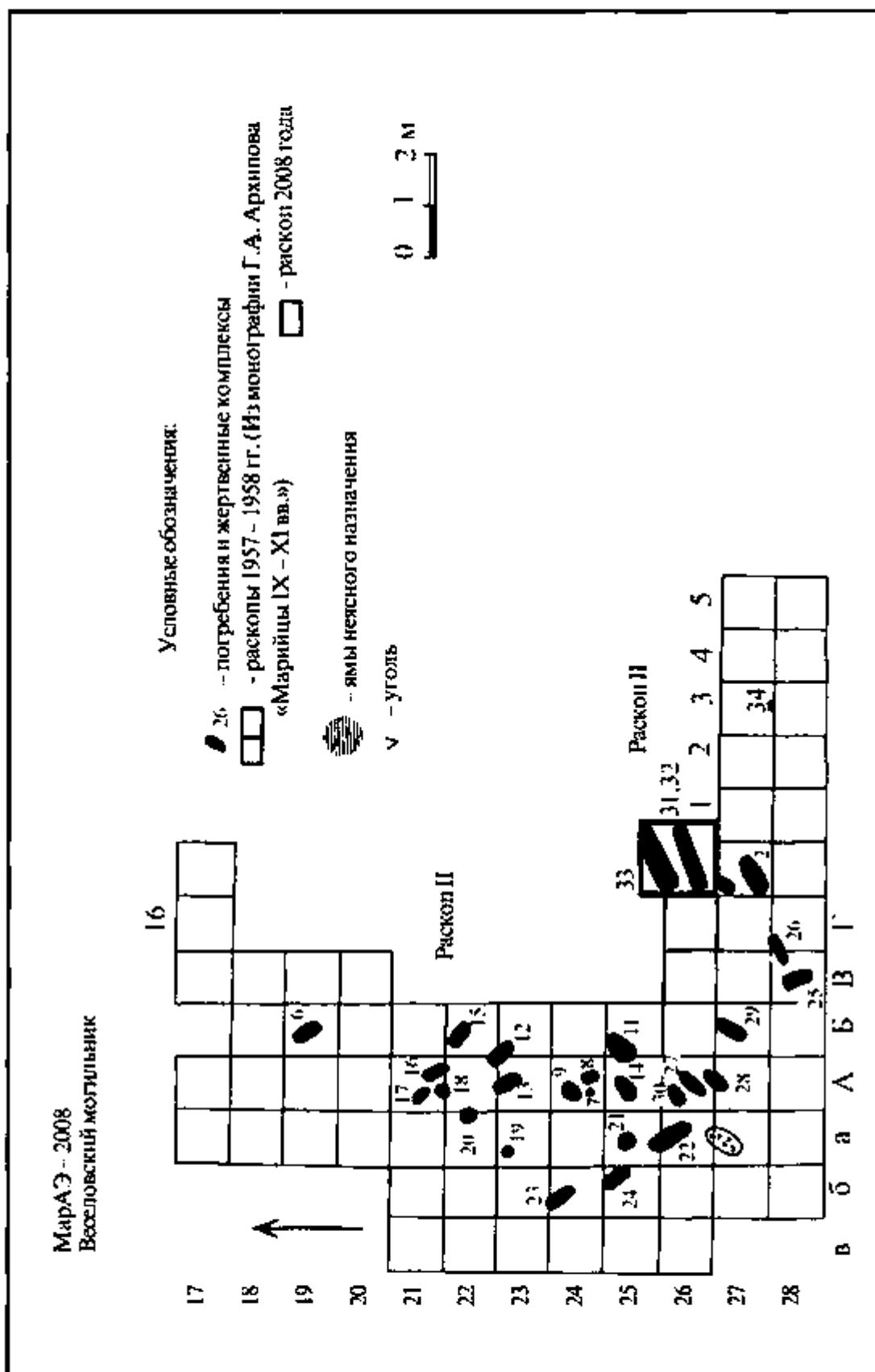
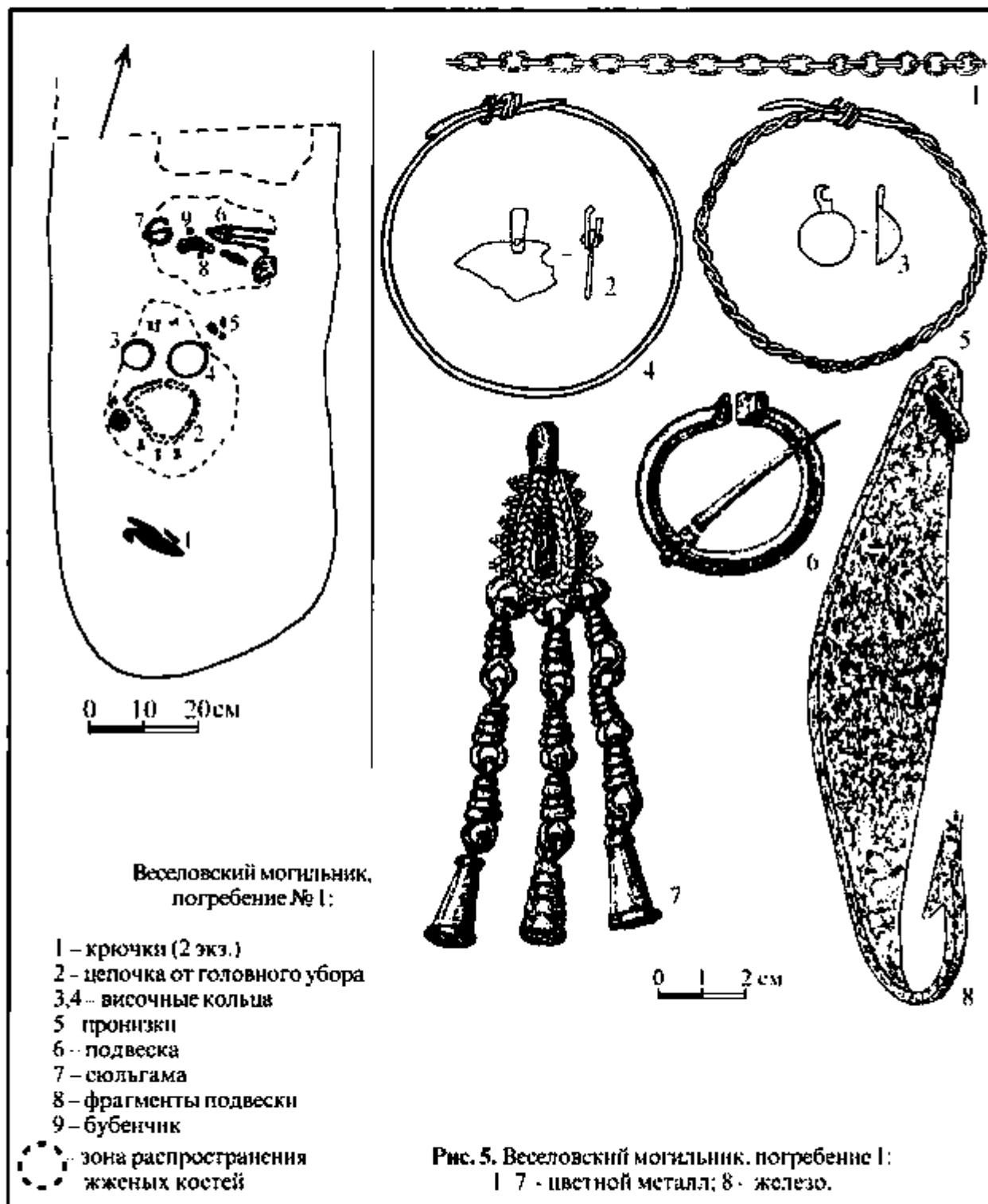
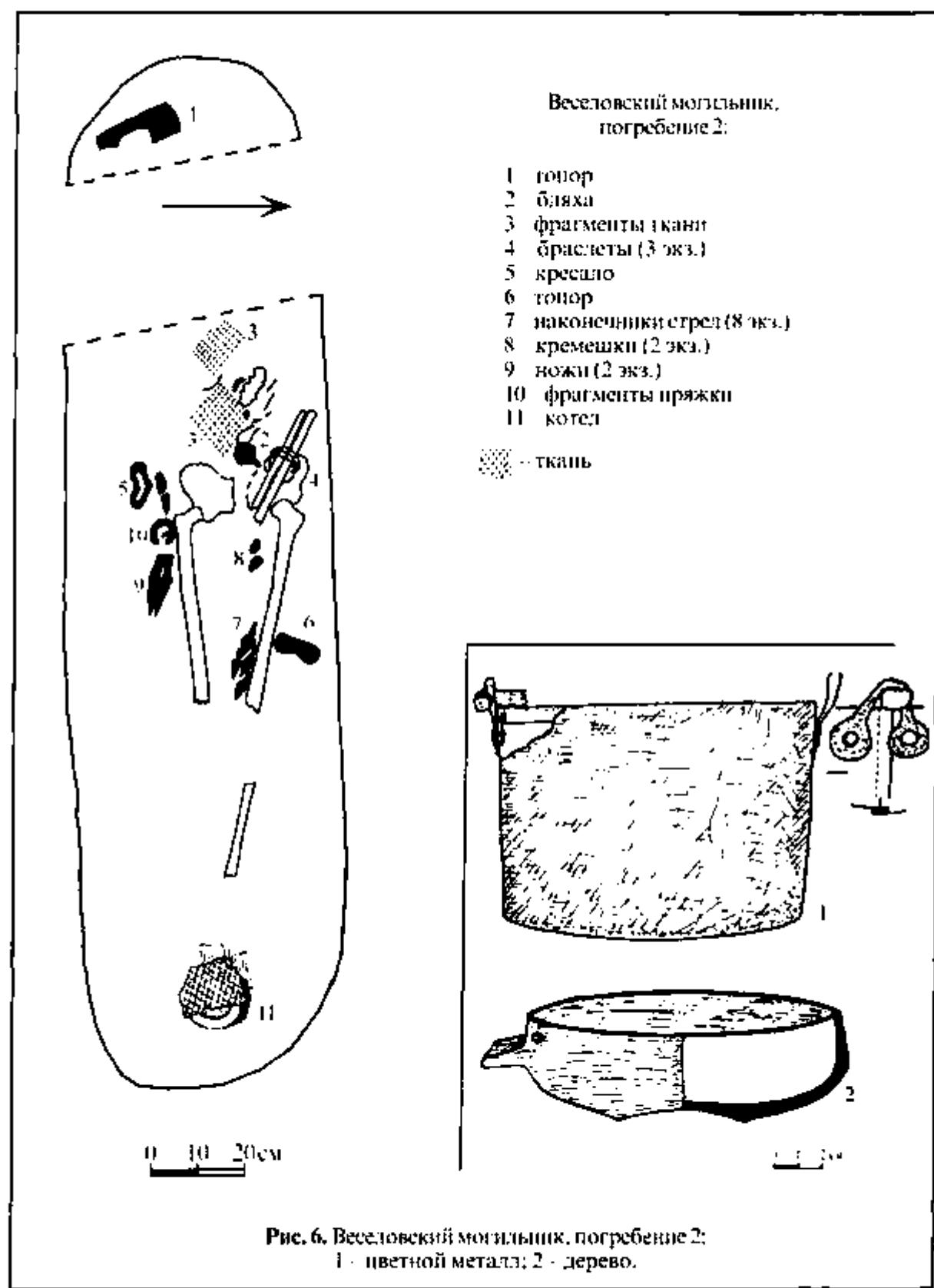
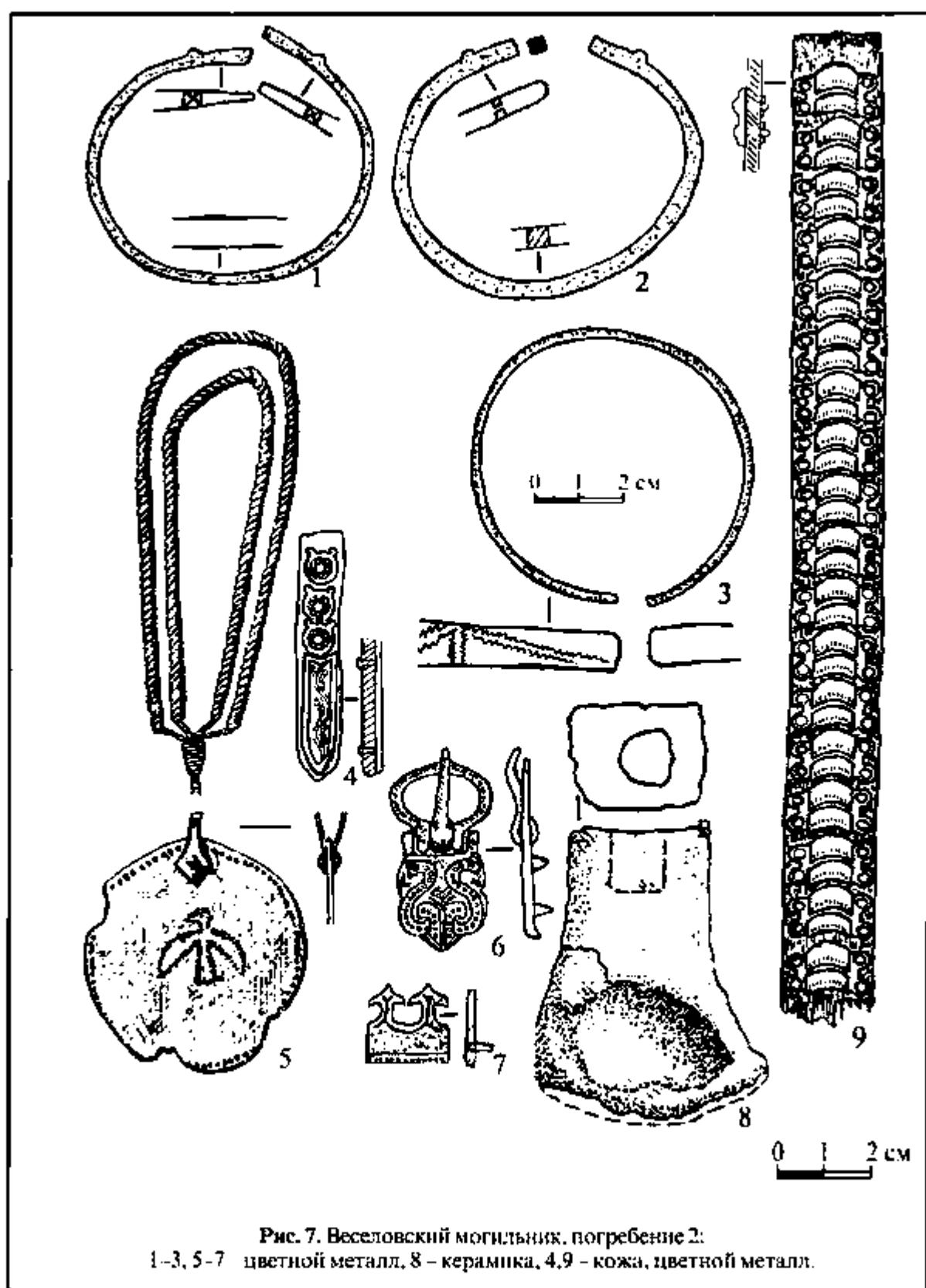

Рис. 4. План раскопок II Веселовского могильника.

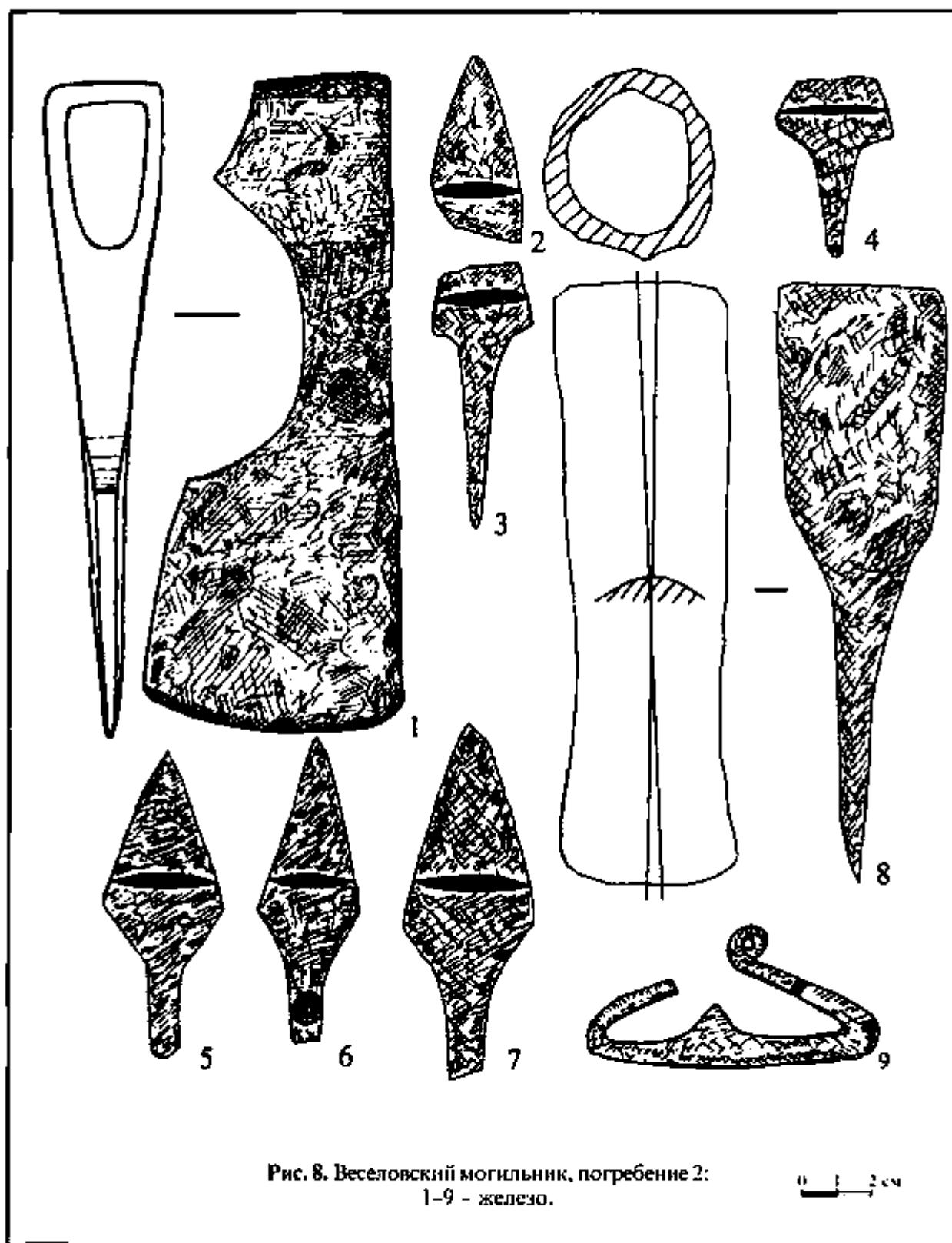
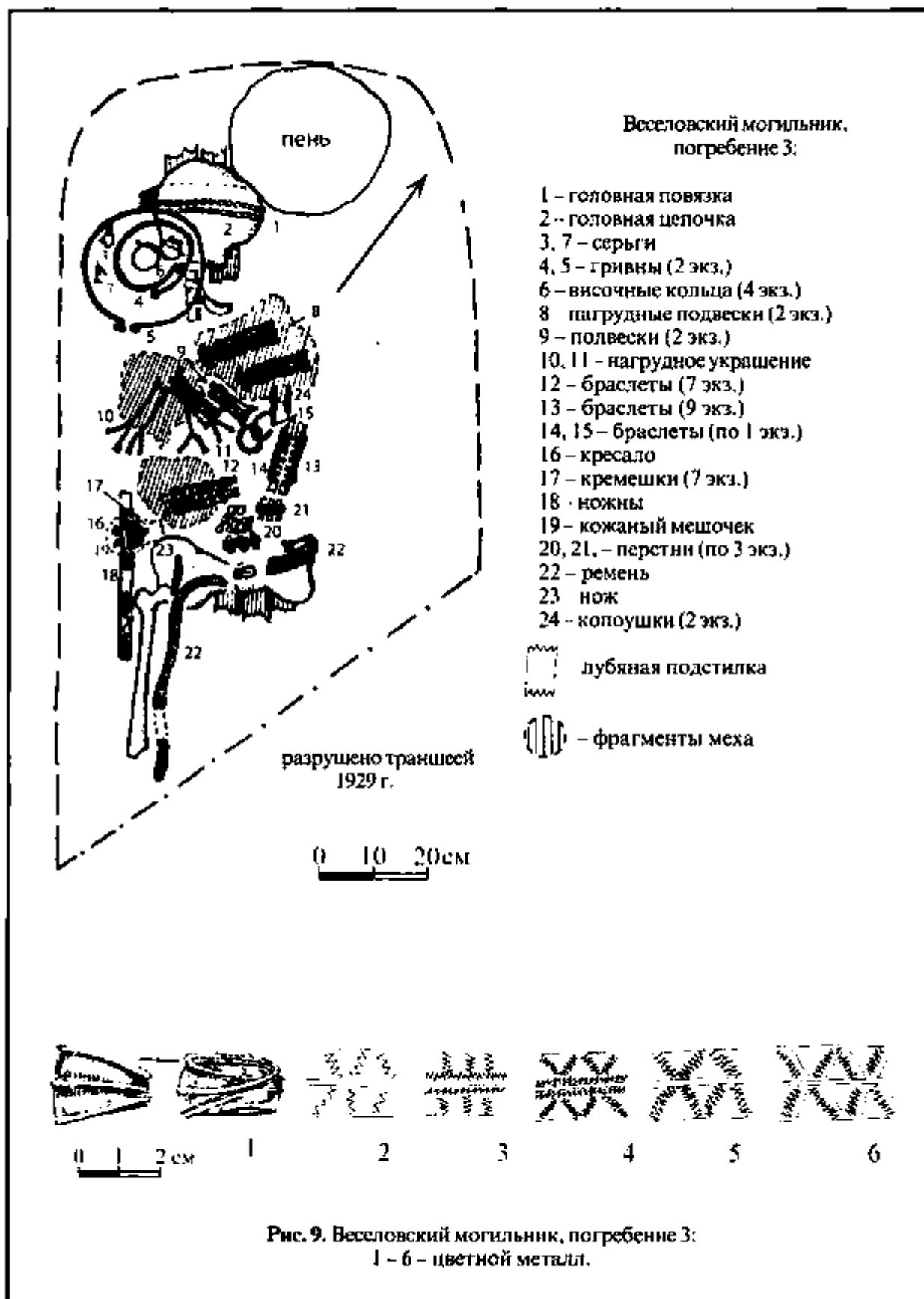
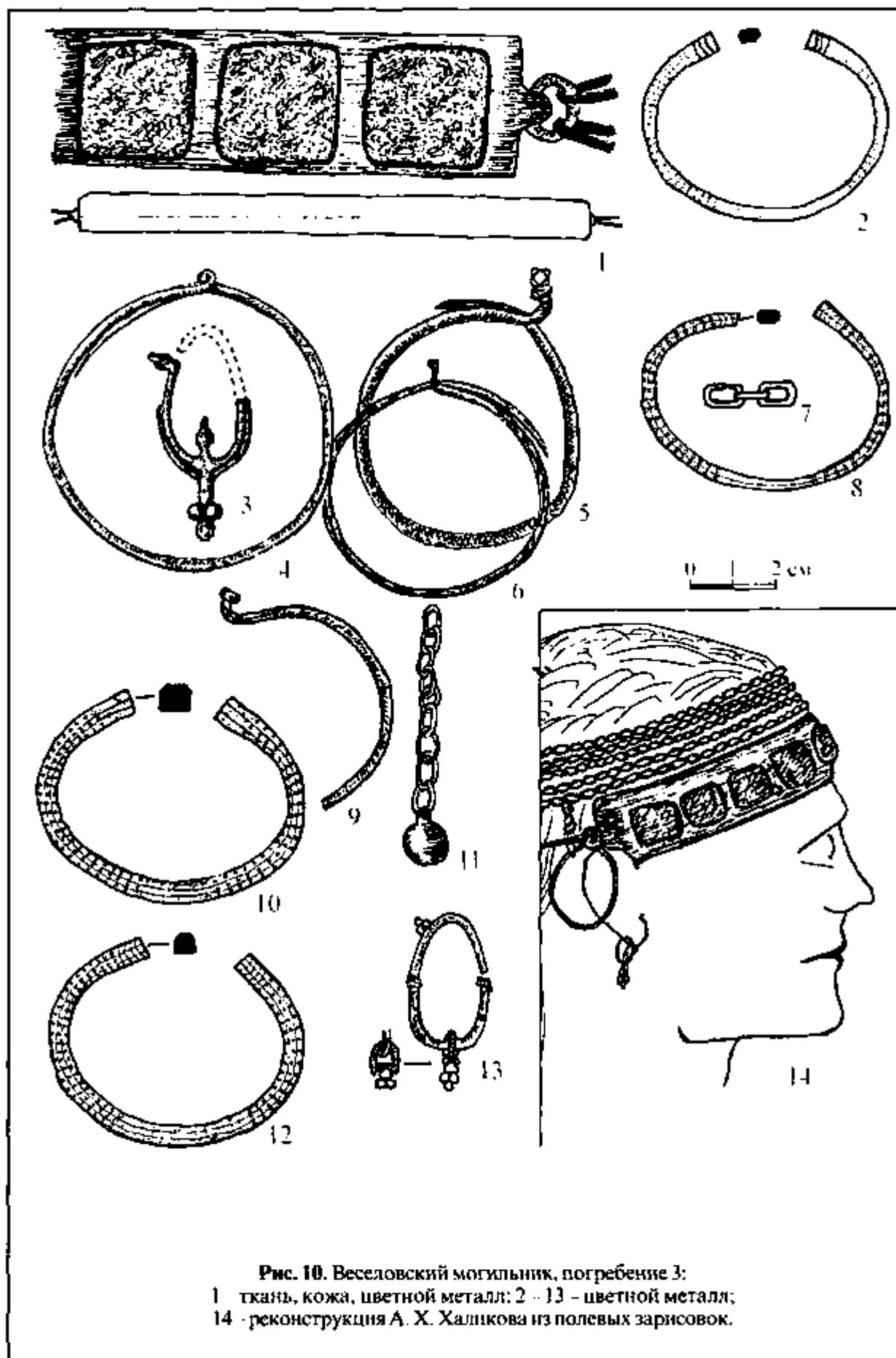

Рис. 8. Веселовский могильник, погребение 2:
1-9 – железо.

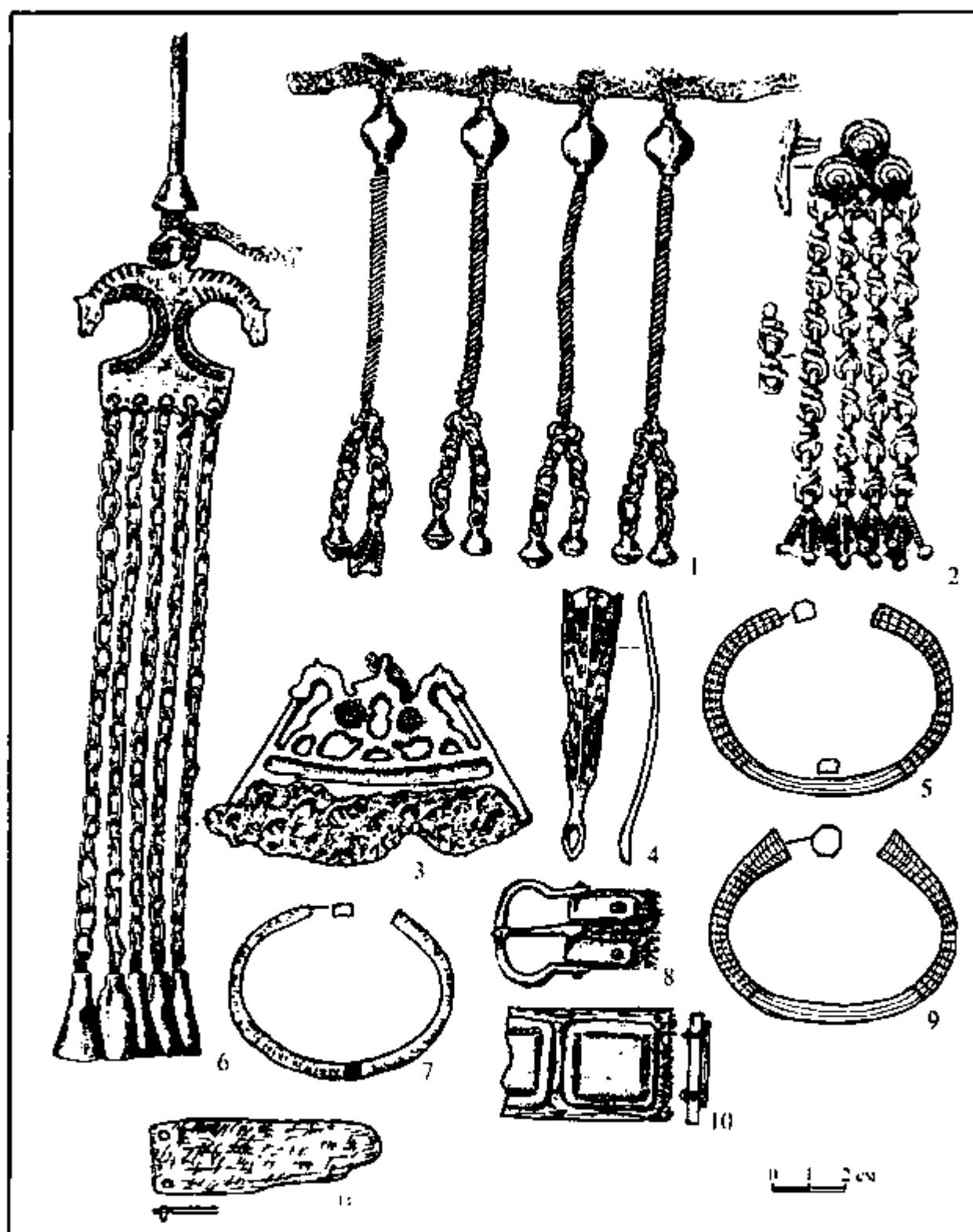

Рис. 11. Веселовский могильник, погребение 3:
1 – цветной металл, ткань, кожа; 2, 5, 6, 7, 9, 11 – цветной металл;
3 – цветной металл, железо; 8, 10 – кожа, цветной металл, 4 – кость.

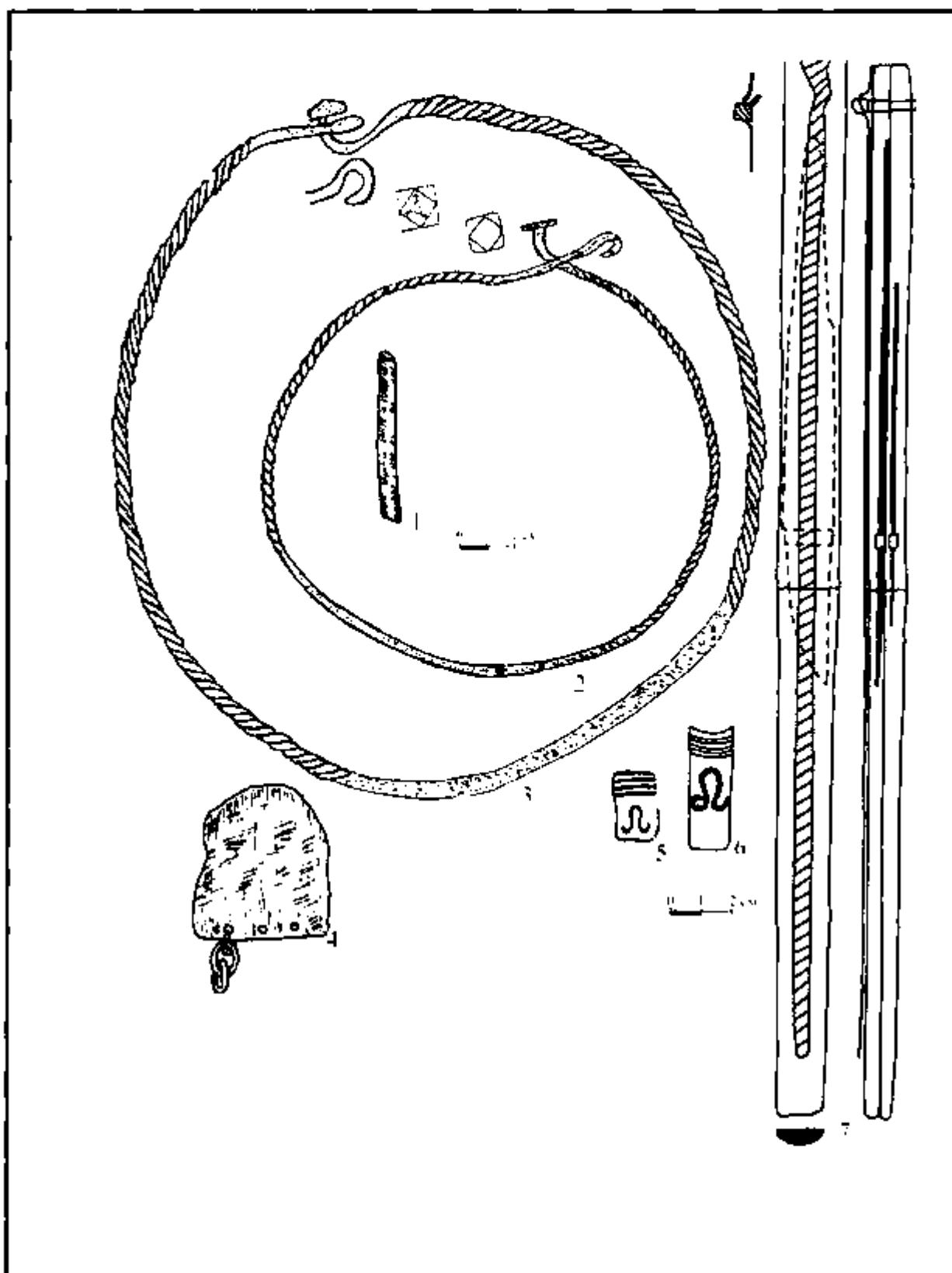
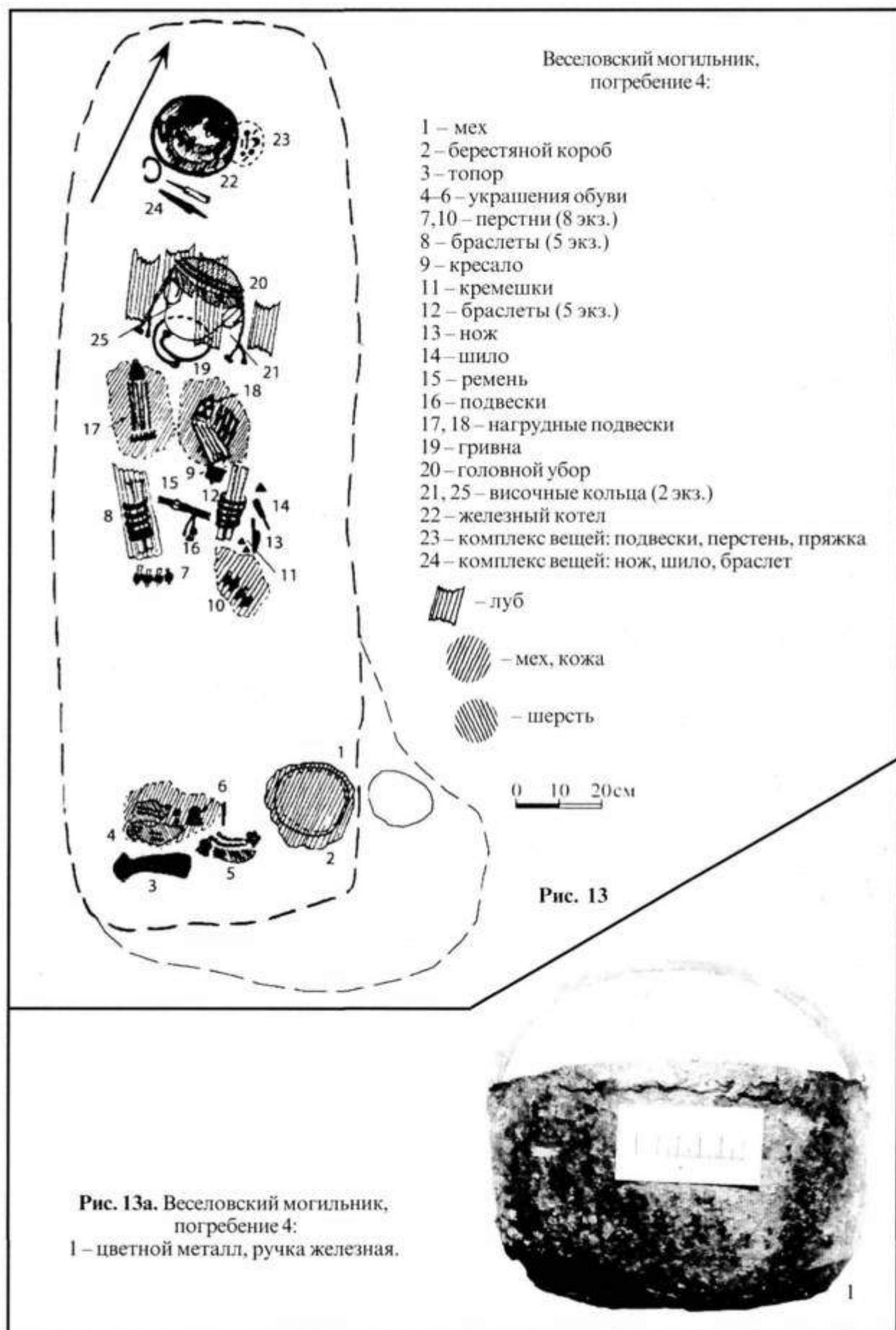

Рис. 12. Веселовский могильник, погребение 3:
1-6 цветной металл; 7 цветной металл, дерево, кожа.

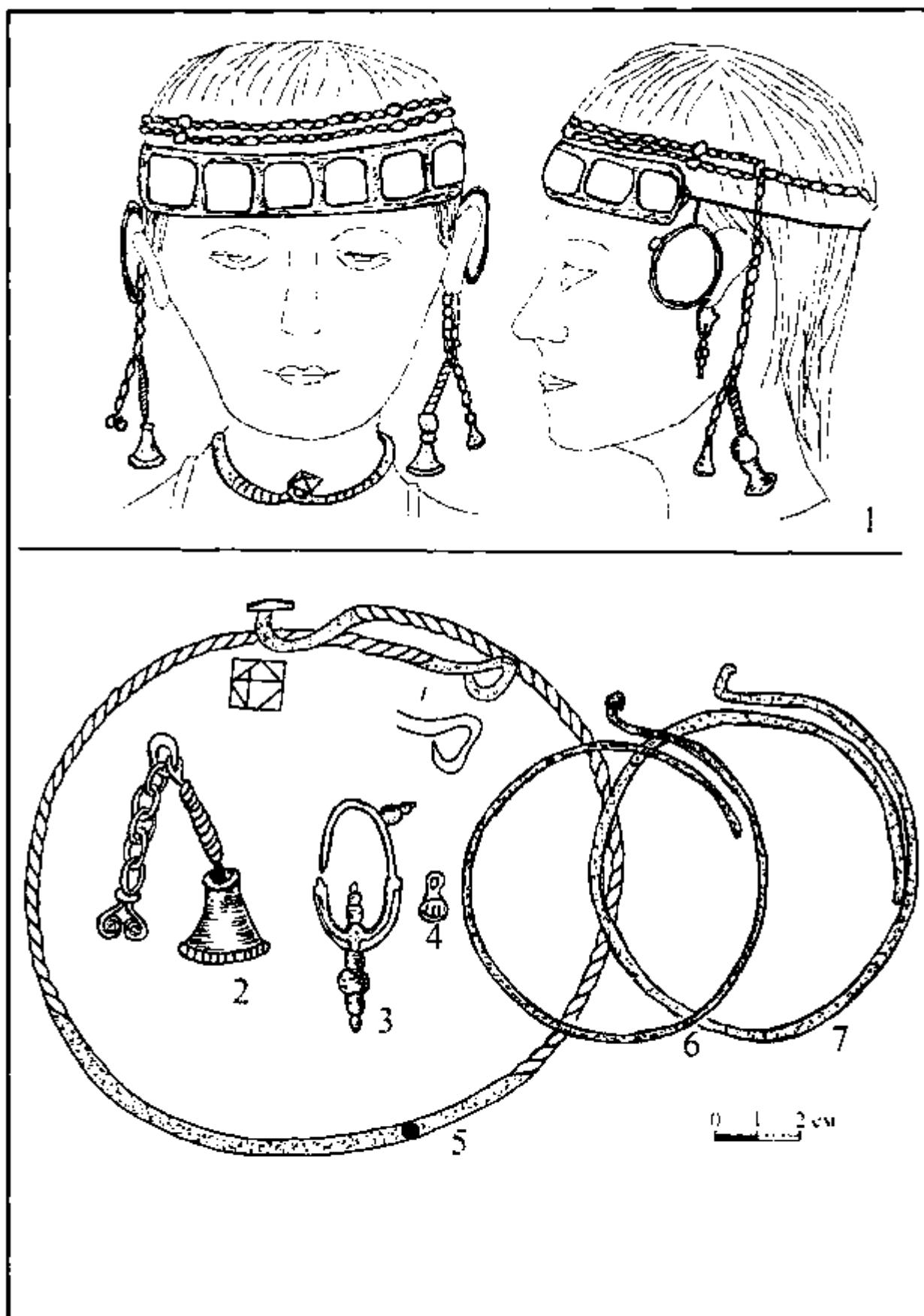

Рис. 14. Веселовский могильник, погребение 4:
1 — реконструкция Е.А. Хацковой и А.Х. Халикова;
2-7 — цветной металл.

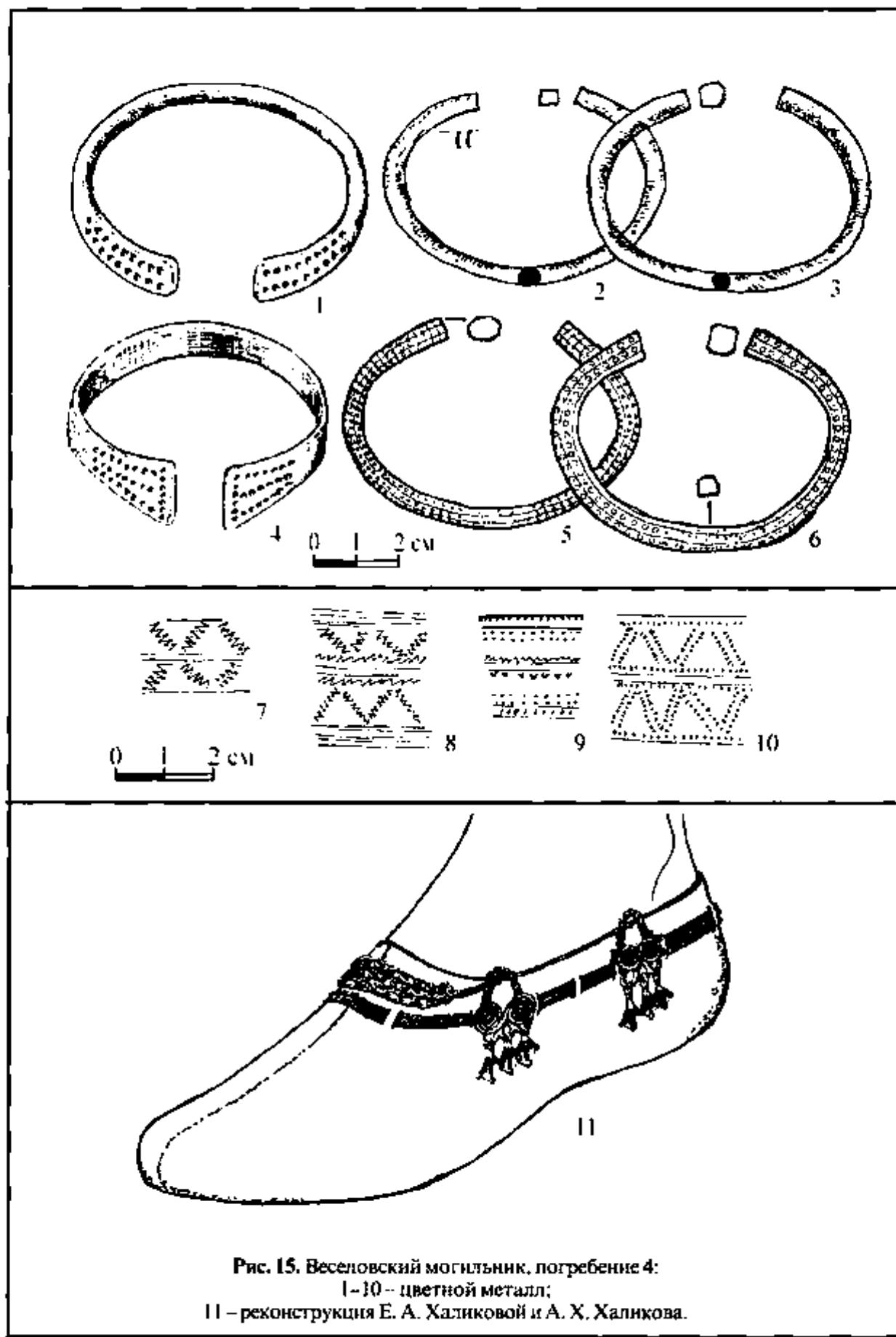

Рис. 15. Веселовский могильник, погребение 4:
1–10 – цветной металл;
11 – реконструкция Е. А. Халиковой и А. Х. Халикова.

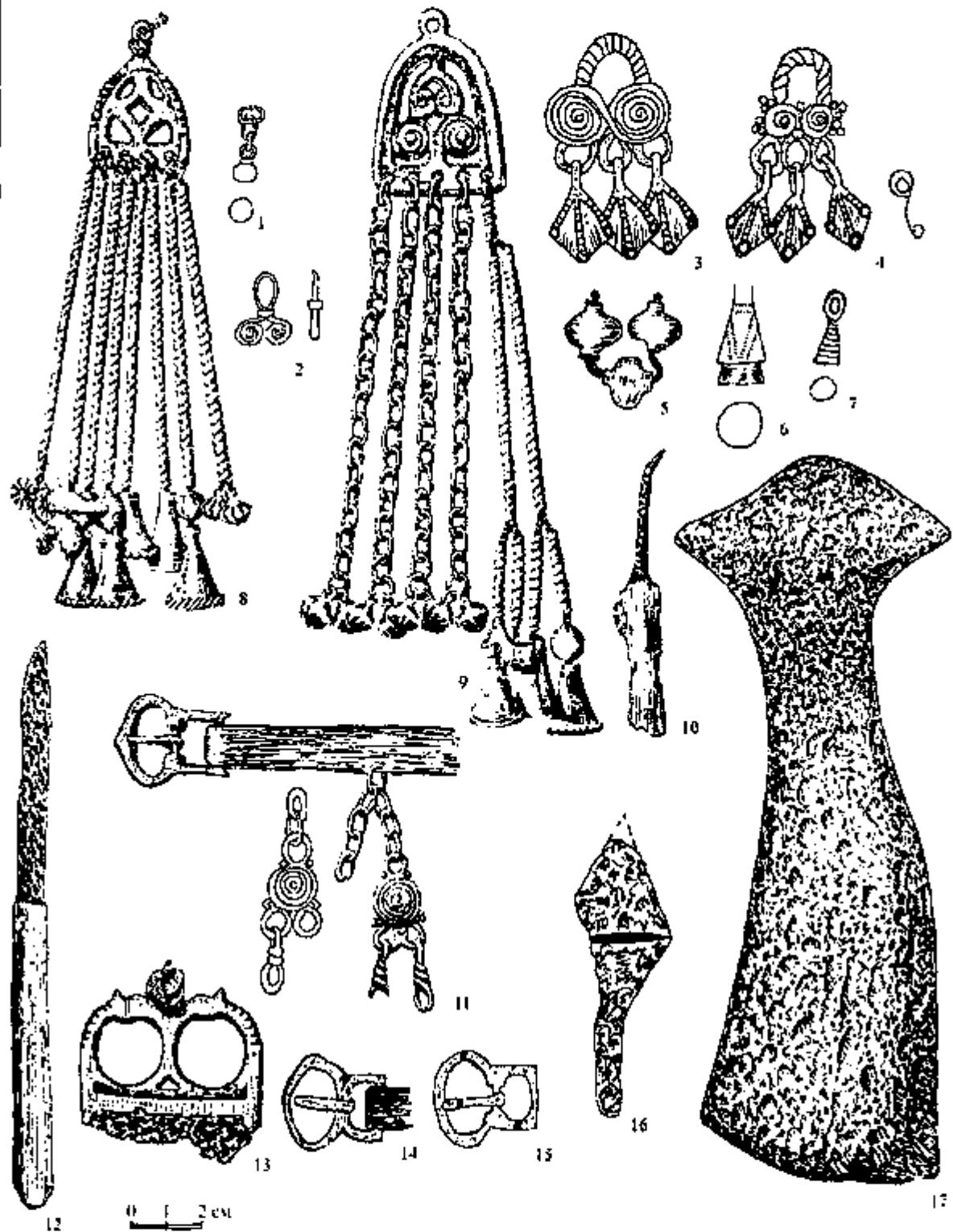
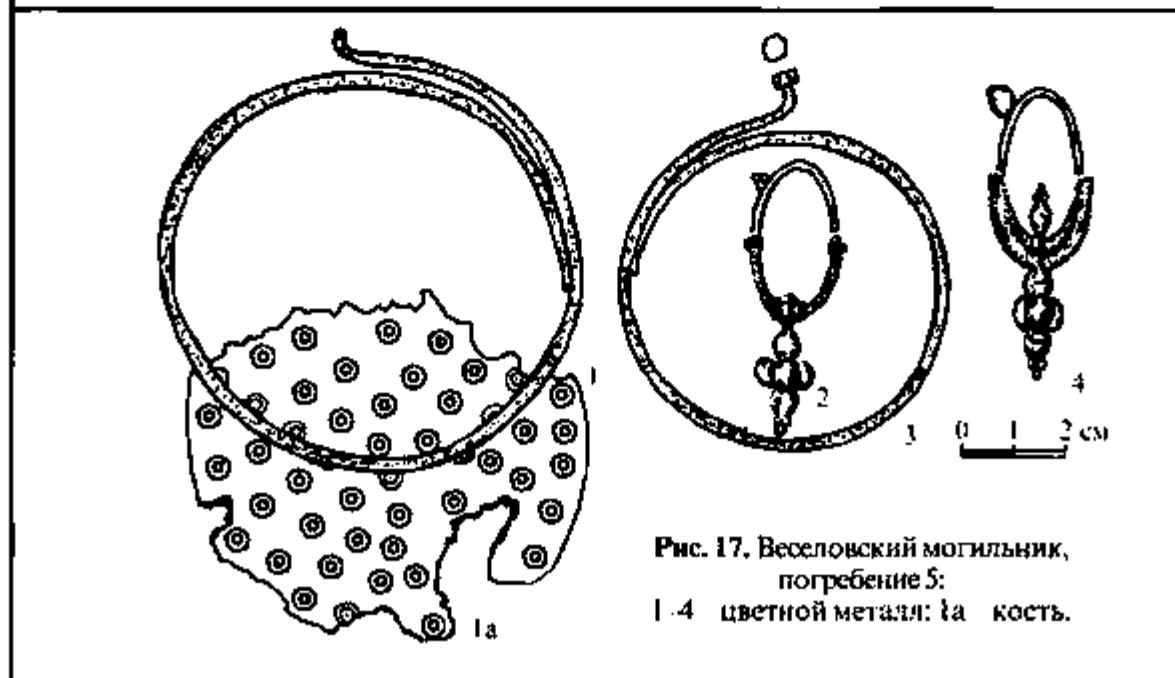
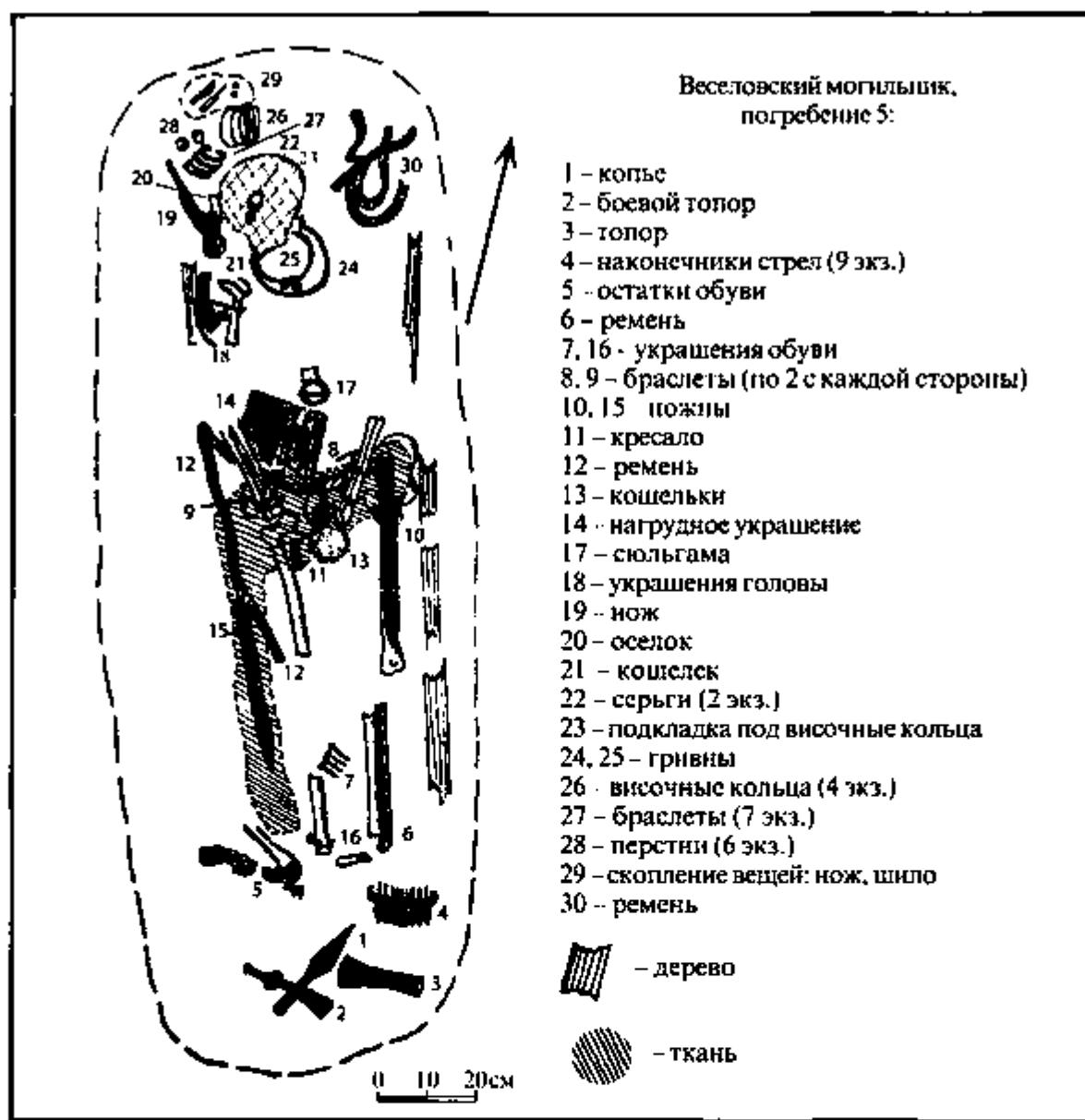

Рис. 16. Веселовский могильник, погребение 4:
1 – 4, 6, 7 – цветной металл; 5, 8, 9, 11 – кожа, цветной металл;
10, 12 – железо, дерево; 13 – цветной металл, железо;
16, 17 – железо.

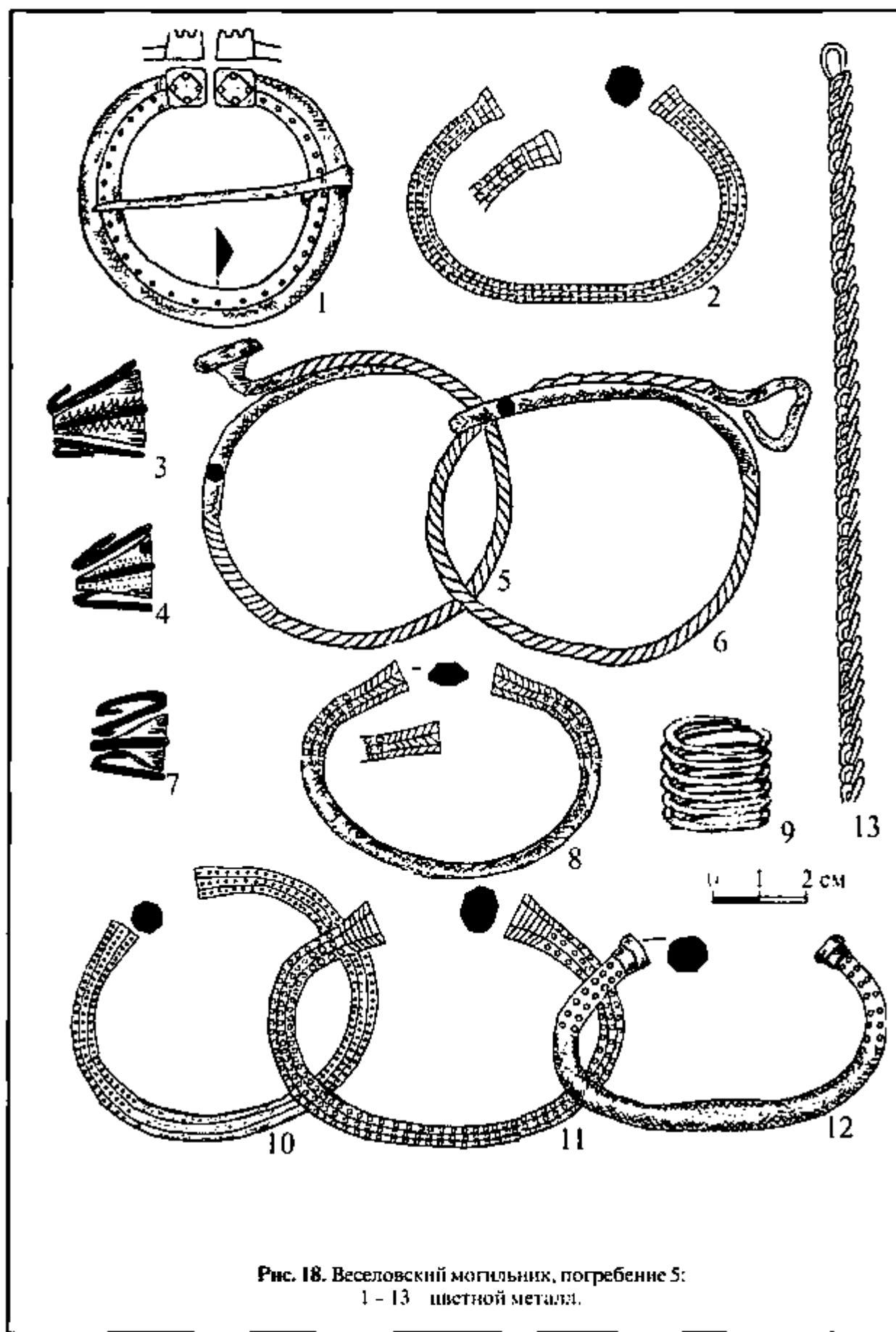

Рис. 18. Веселовский могильник, погребение 5:
1 – 13 – цветной металл.

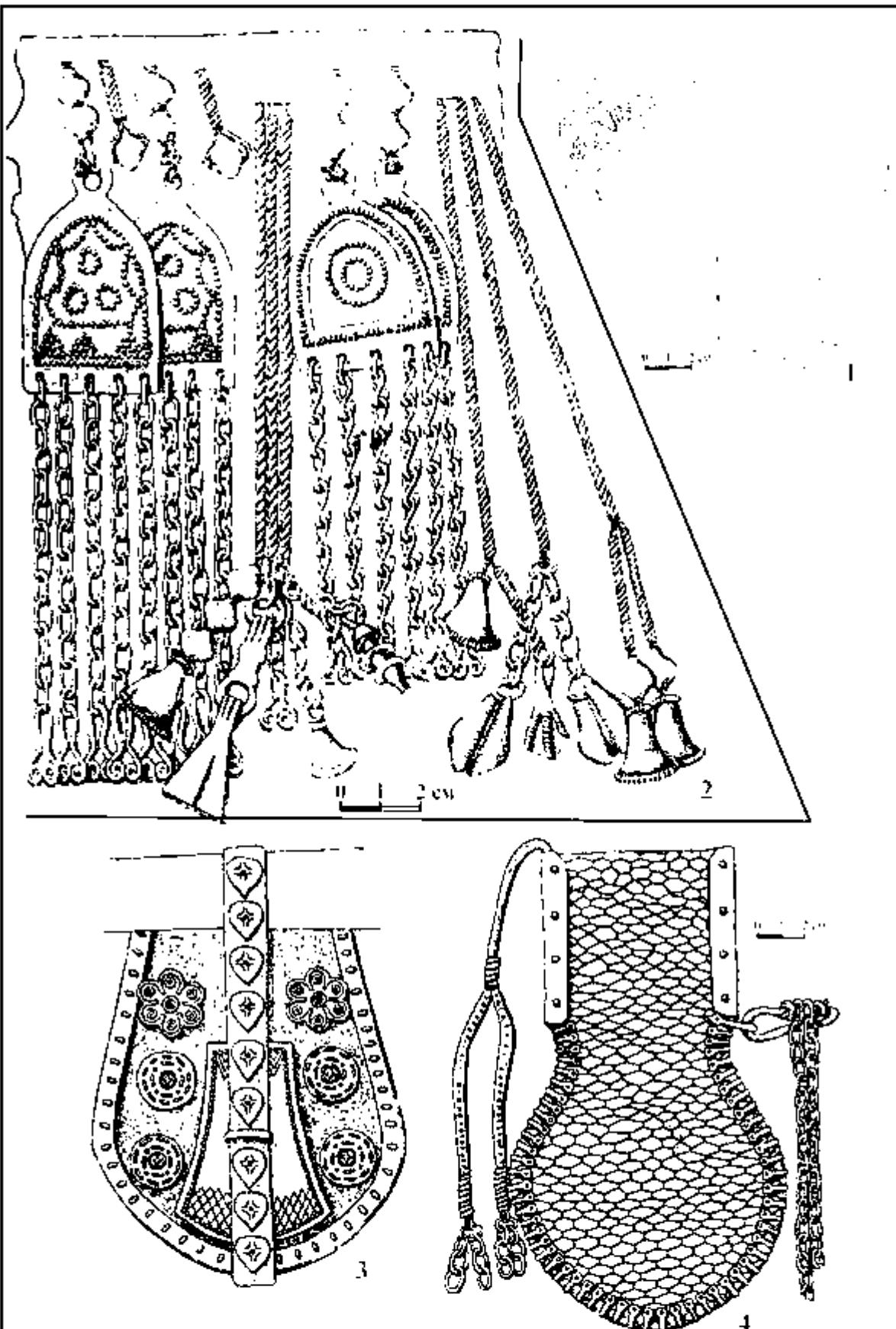

Рис. 19. Веселовский могильник, погребение 5:
1 - фрагмент одежды из полевых чертежей,
2-4 - реконструкция А.Х. Халикова; кожа, цветной металл.

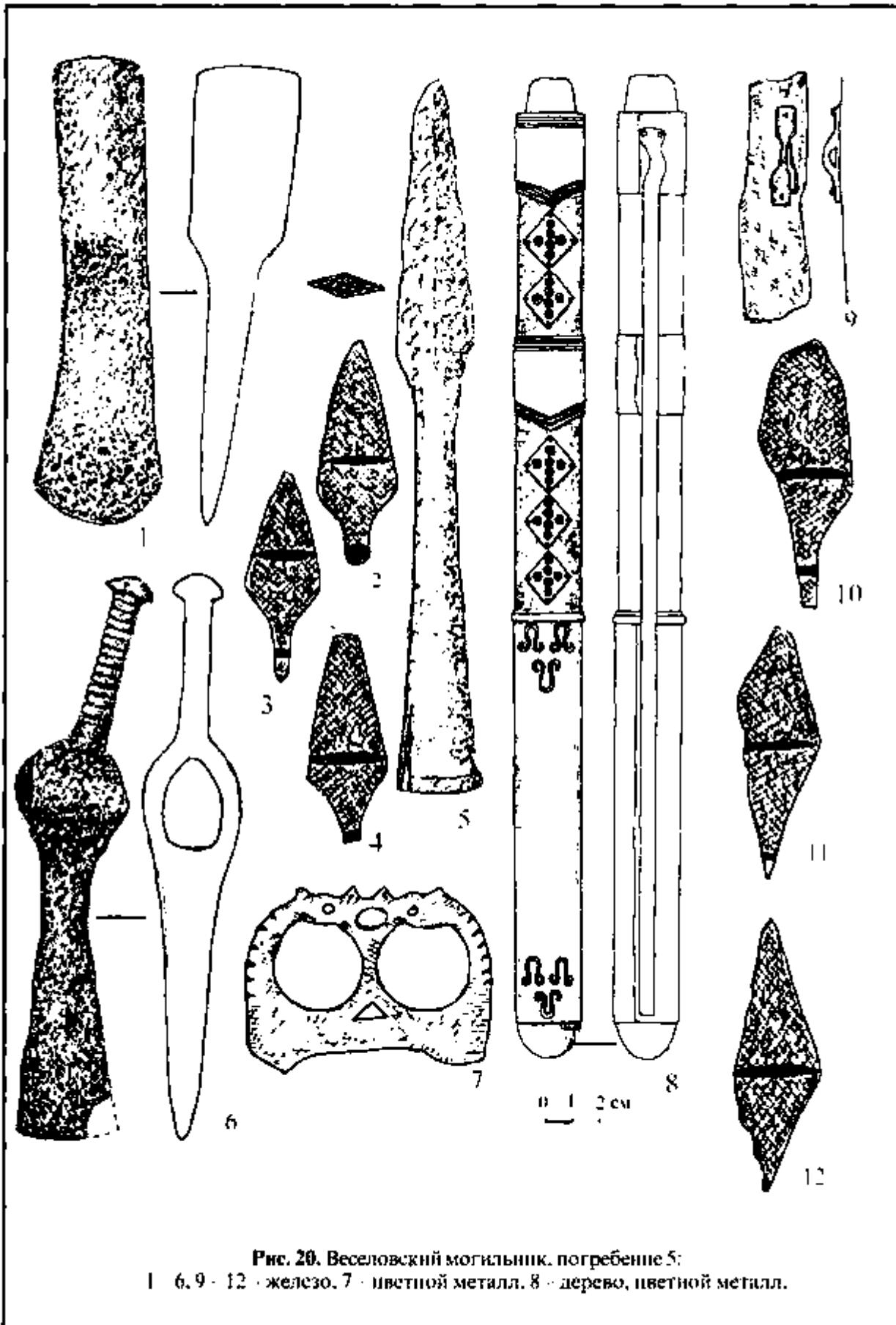

Рис. 20. Веселовский могильник, погребение 5:
1-6, 9-12 - железо, 7 - цветной металл, 8 - дерево, цветной металл.

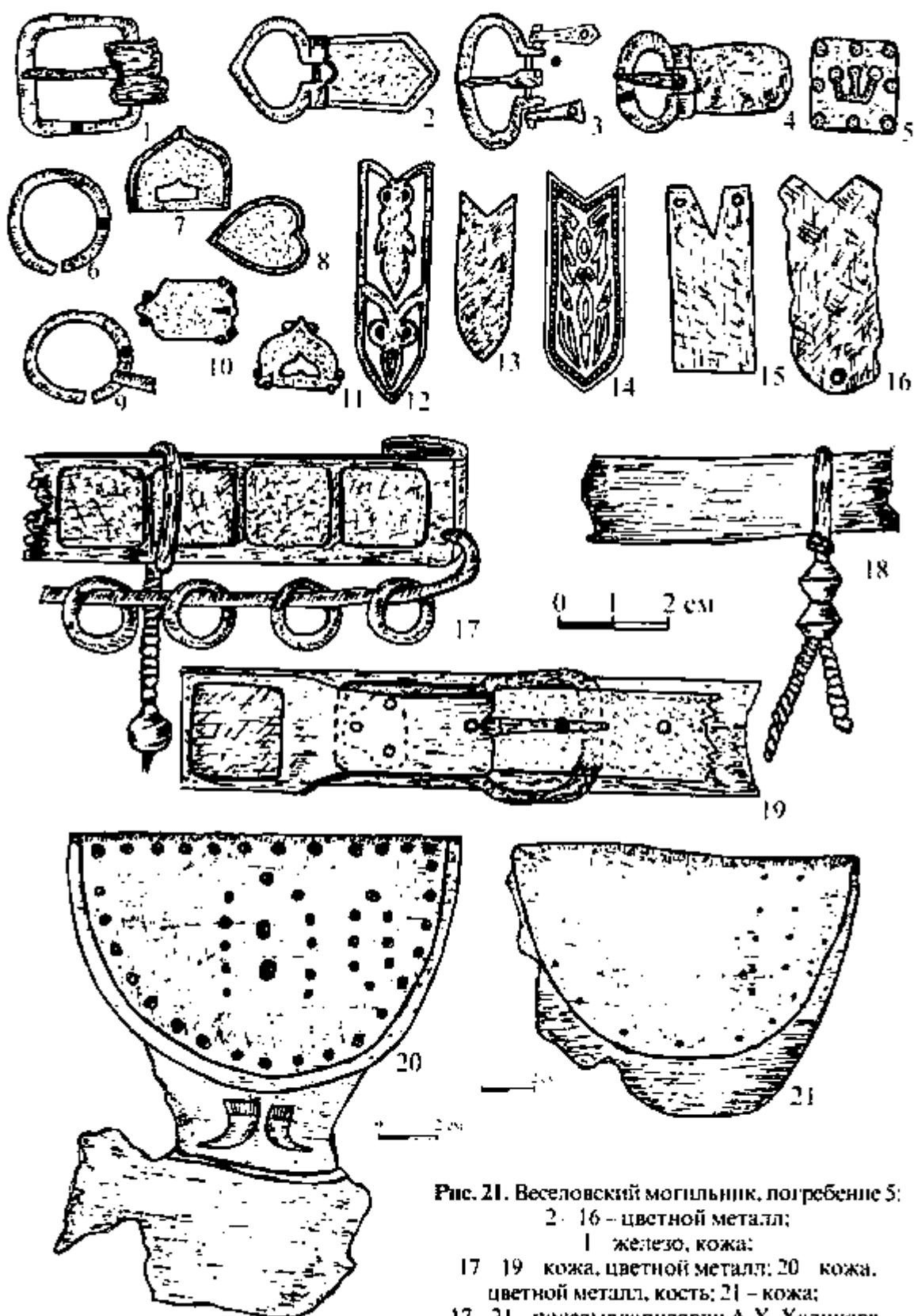

Рис. 21. Веселовский могильник, погребение 5:

2-16 - цветной металл;

17-19 - кожа, цветной металл; 20 - кожа,

цветной металл, кость; 21 - кожа;

17-21 - полевые зарисовки А.Х. Халикова.

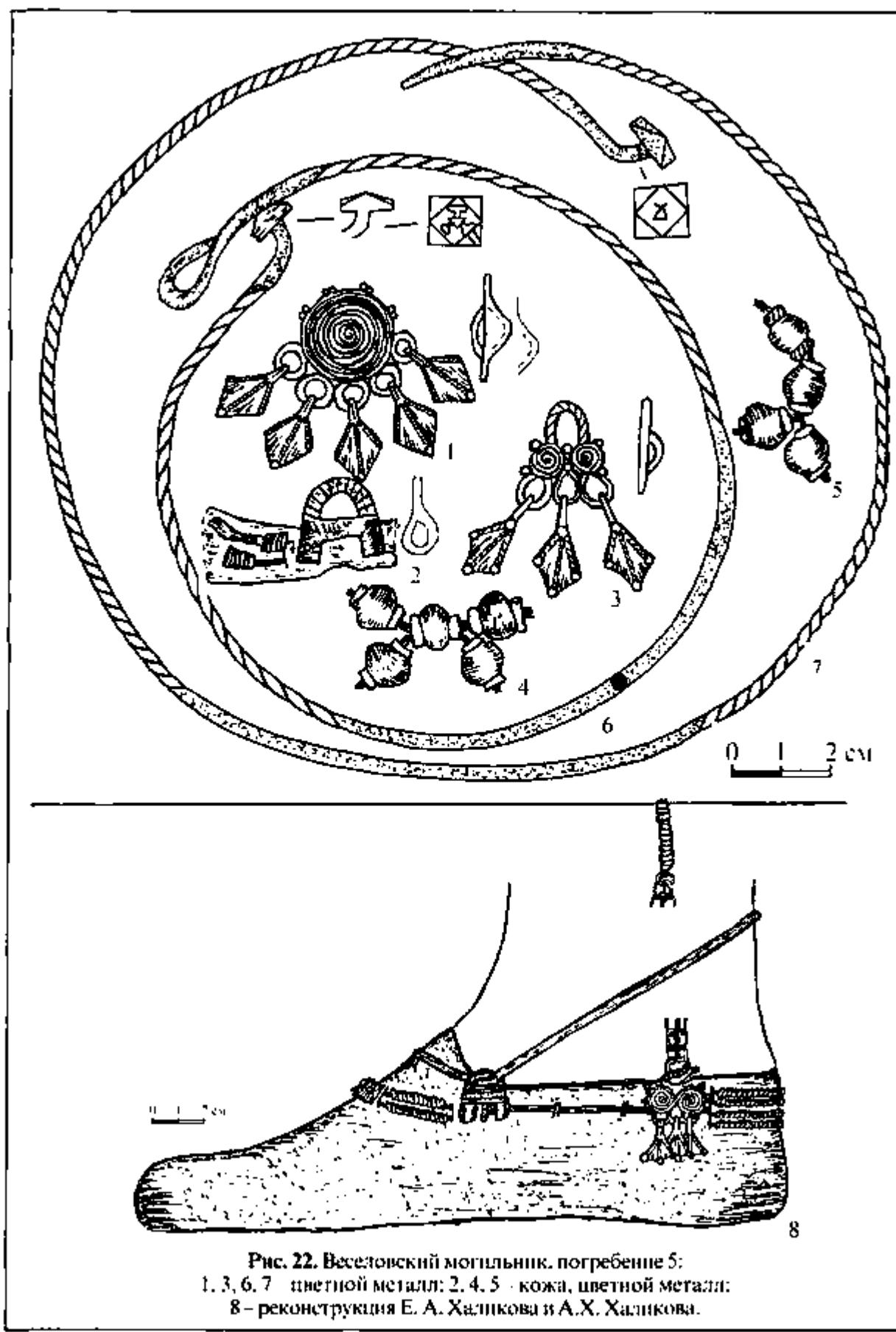

Рис. 22. Весетовский могильник, погребение 5:
1, 3, 6, 7 - цветной металл; 2, 4, 5 - кожа, цветной металл;
8 - реконструкция Е. А. Халкова и А.Х. Халкова.

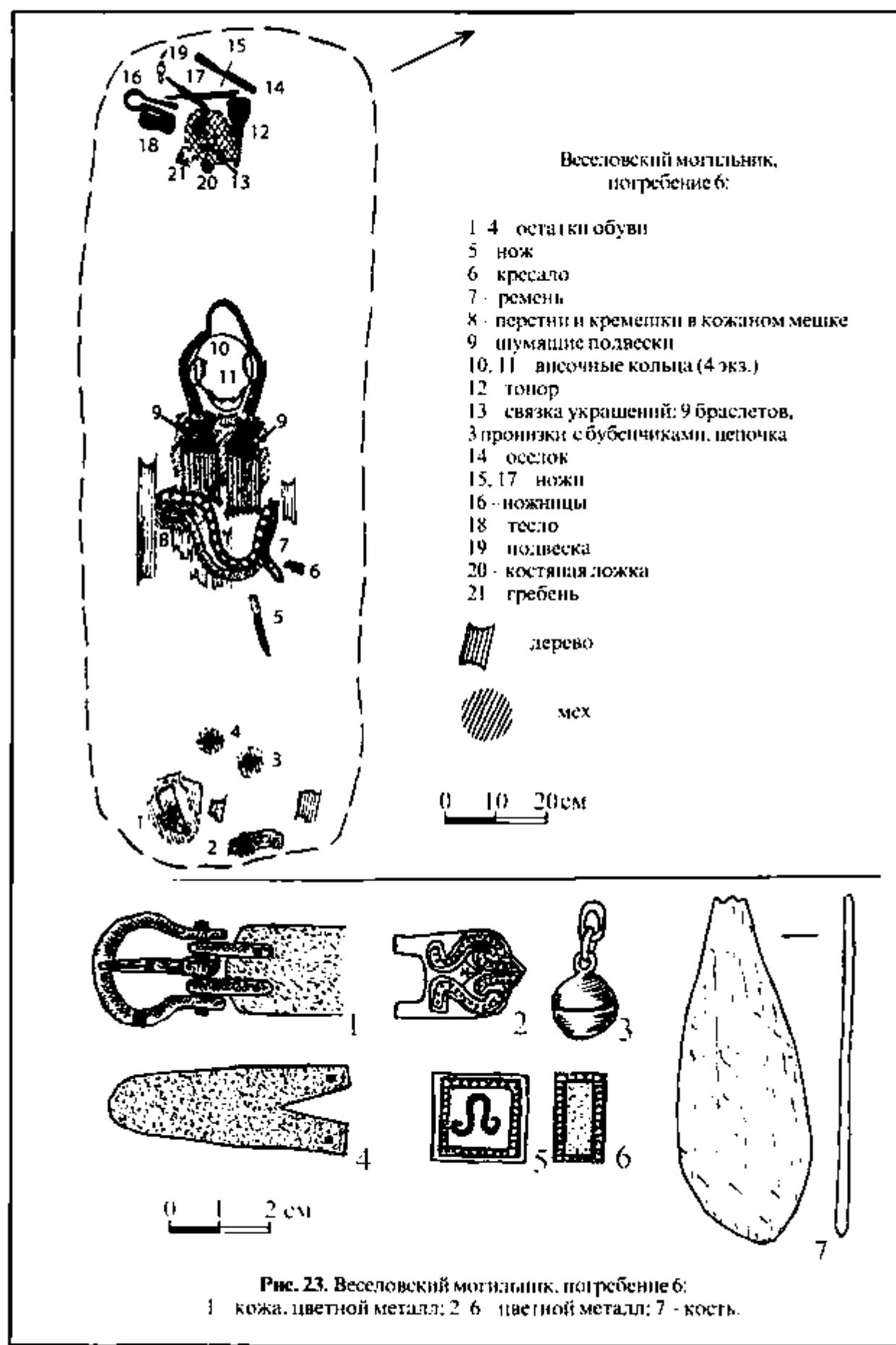

Рис. 23. Веселовский могильник, погребение б:
1 - кожа, цветной металл; 2-6 - цветной металл; 7 - кость.

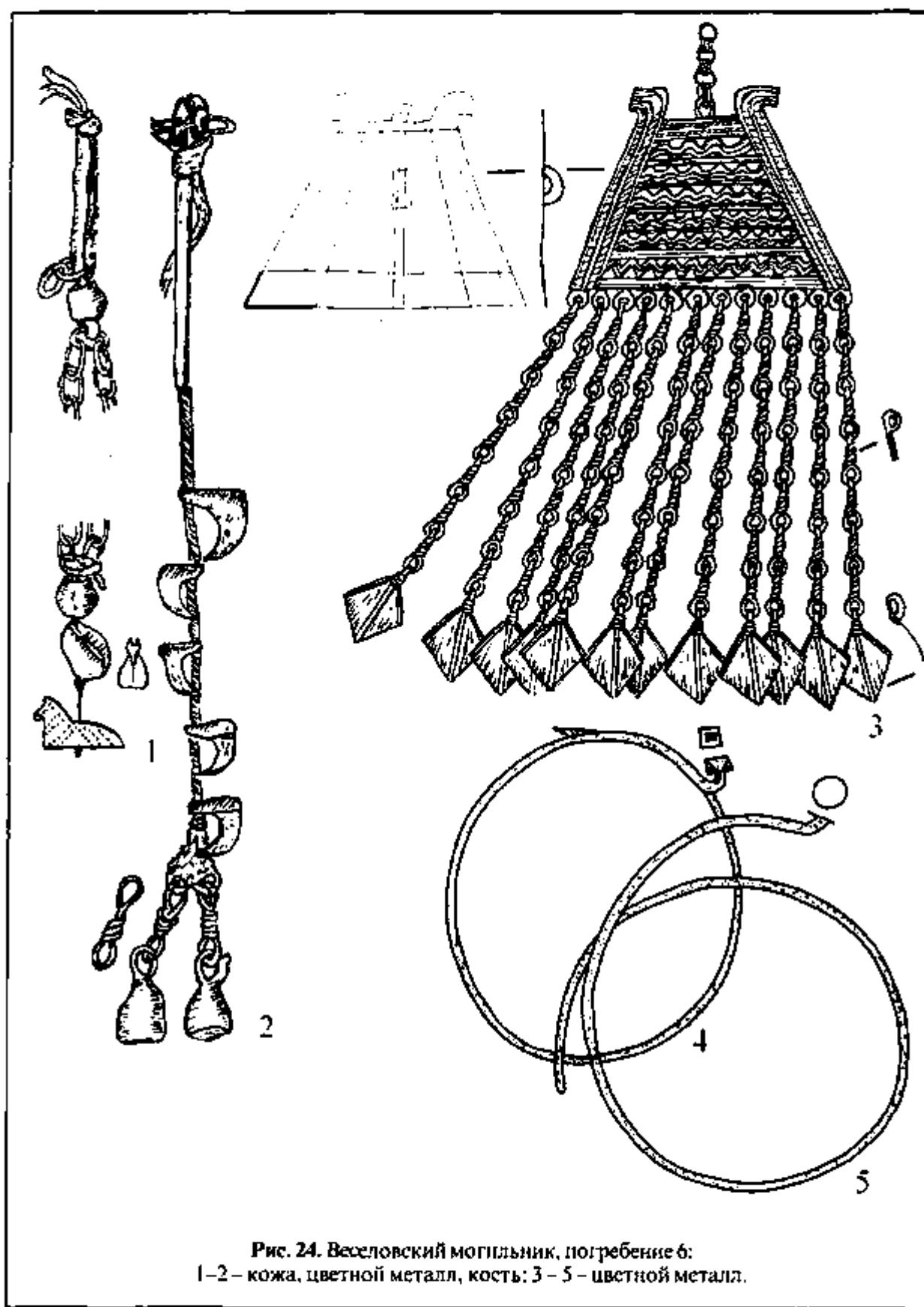

Рис. 24. Веселовский могильник, погребение 6:
1–2 – кожа, цветной металл, кость; 3 – 5 – цветной металл.

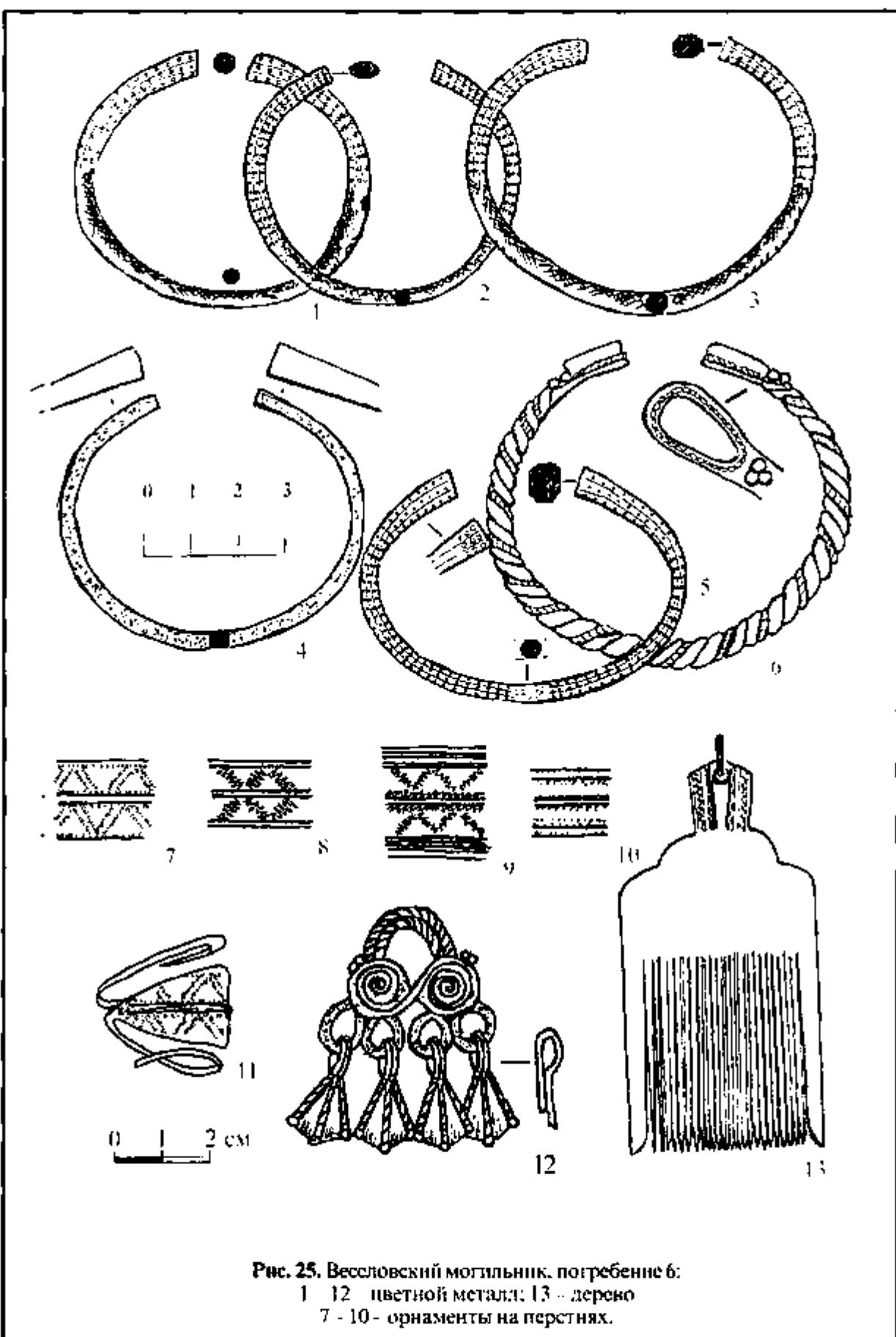

Рис. 25. Весловский могильник, погребение 6:
1 - 12 - цветной металл; 13 - дерево
7 - 10 - орнаменты на перстнях.

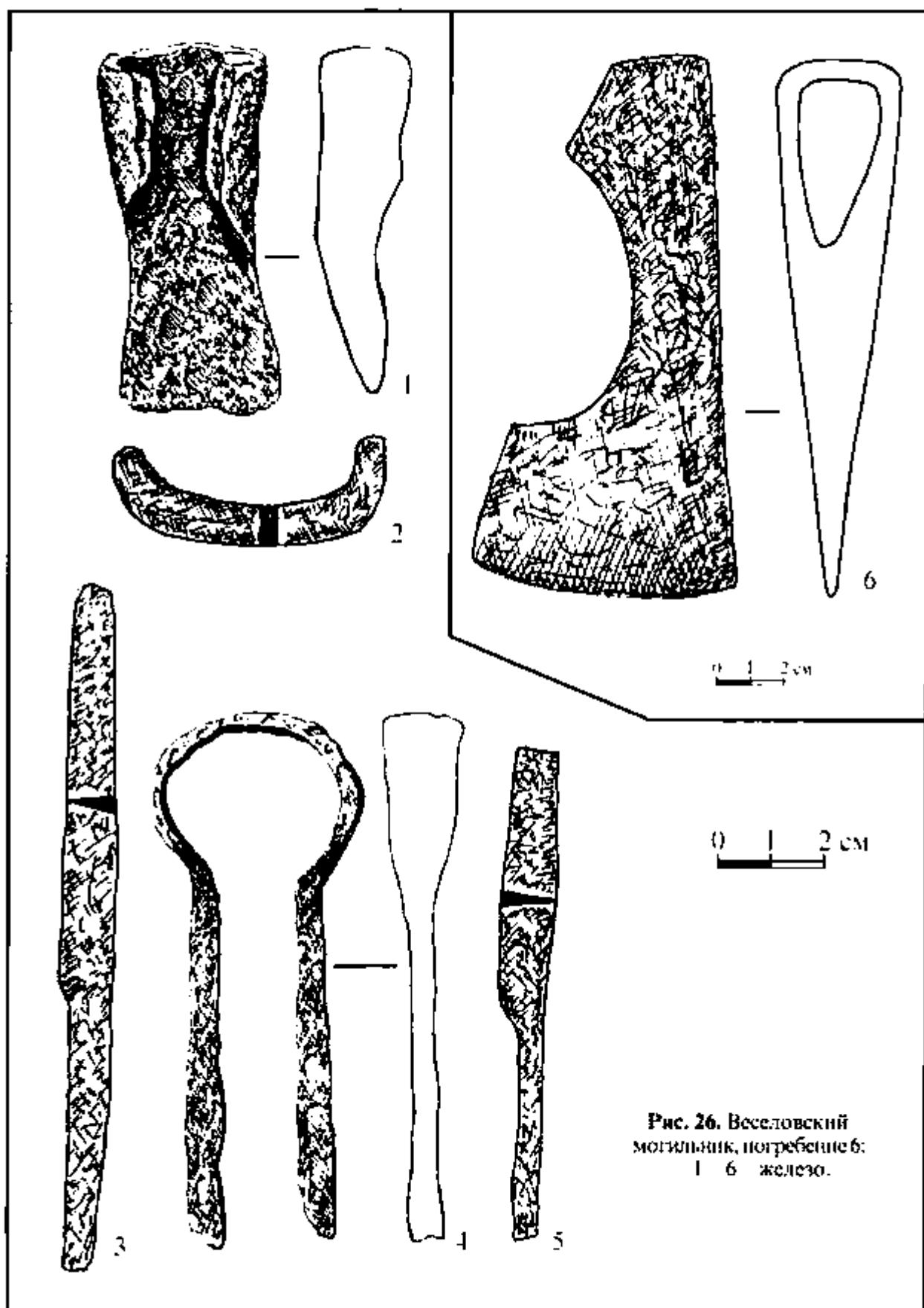
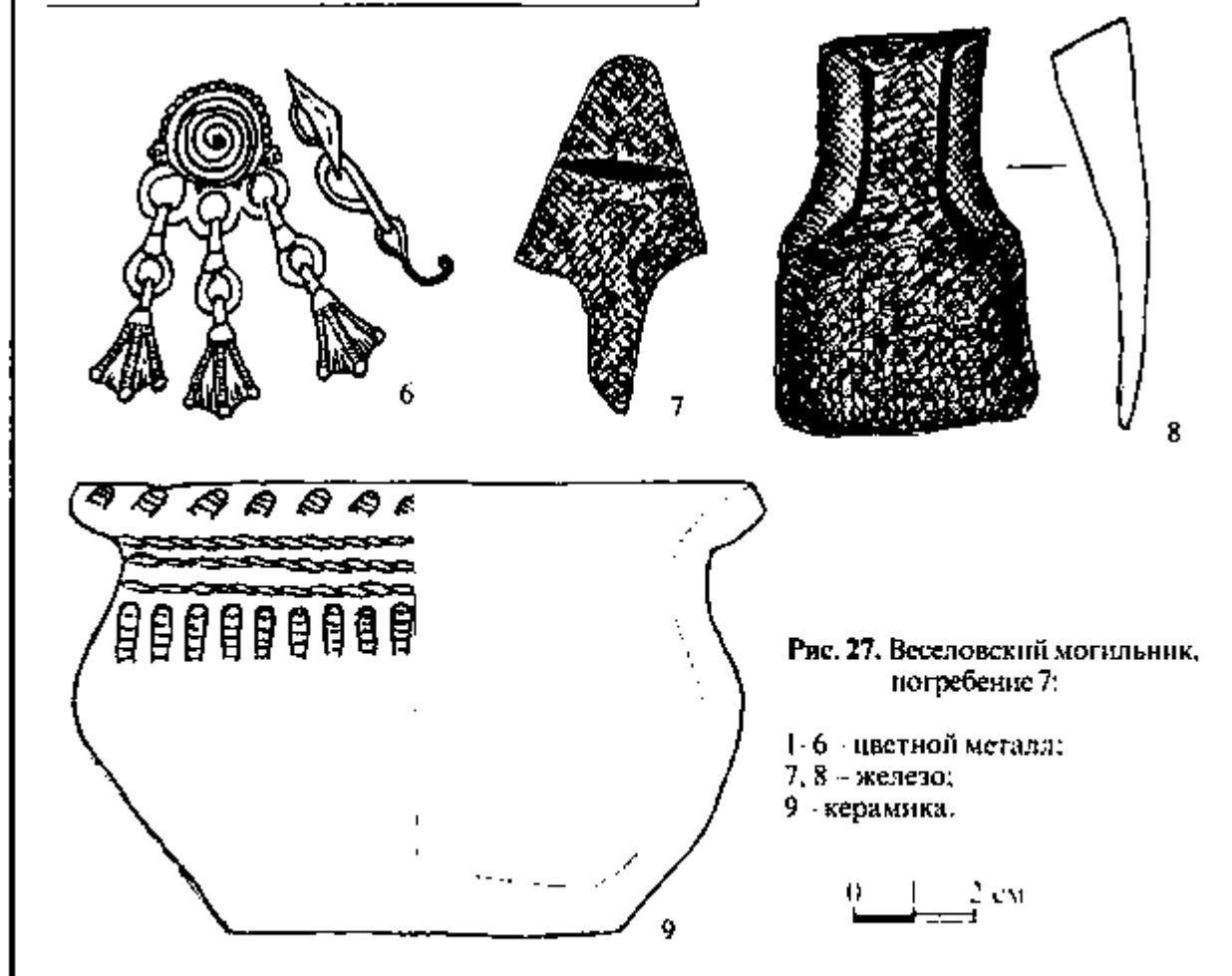
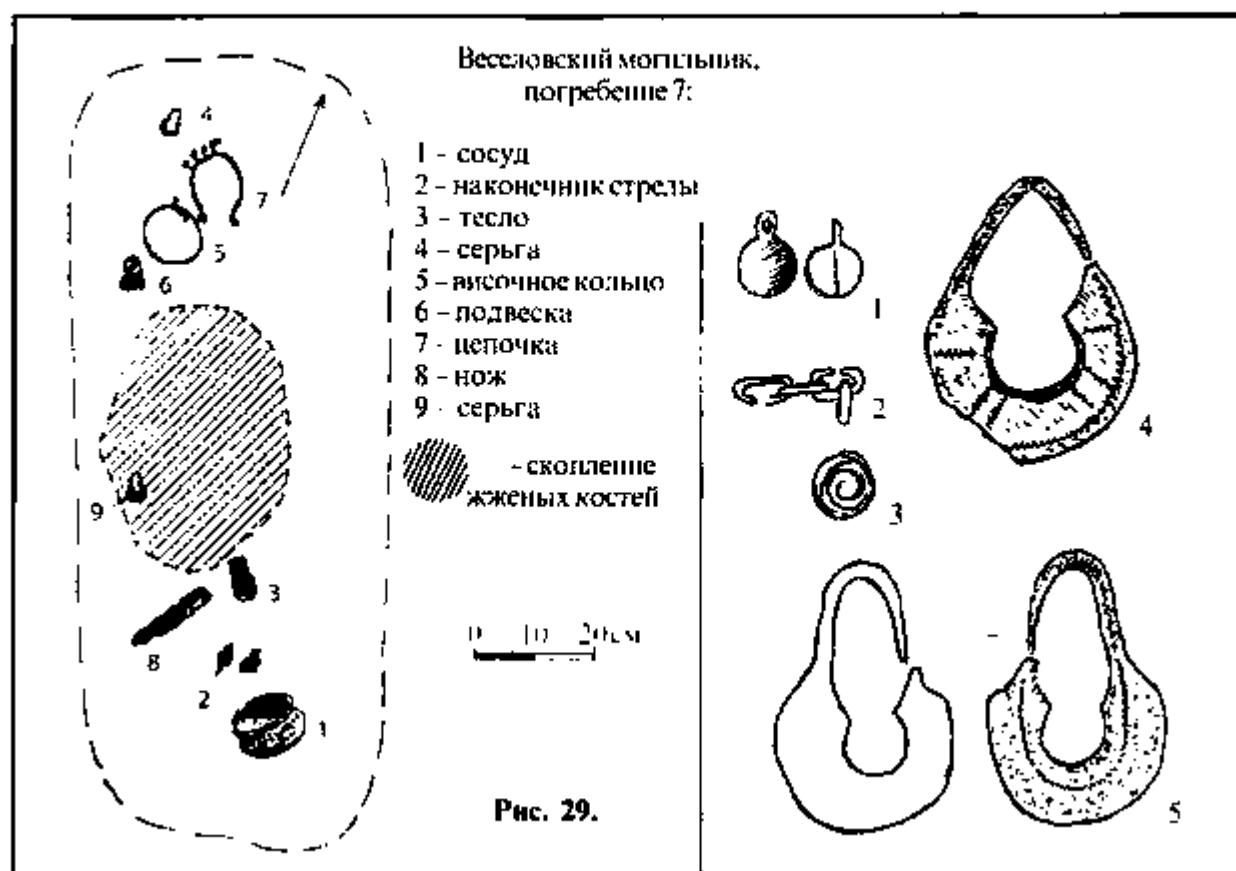

Рис. 26. Веселовский
могильник, погребение 6:
1-6 железо.

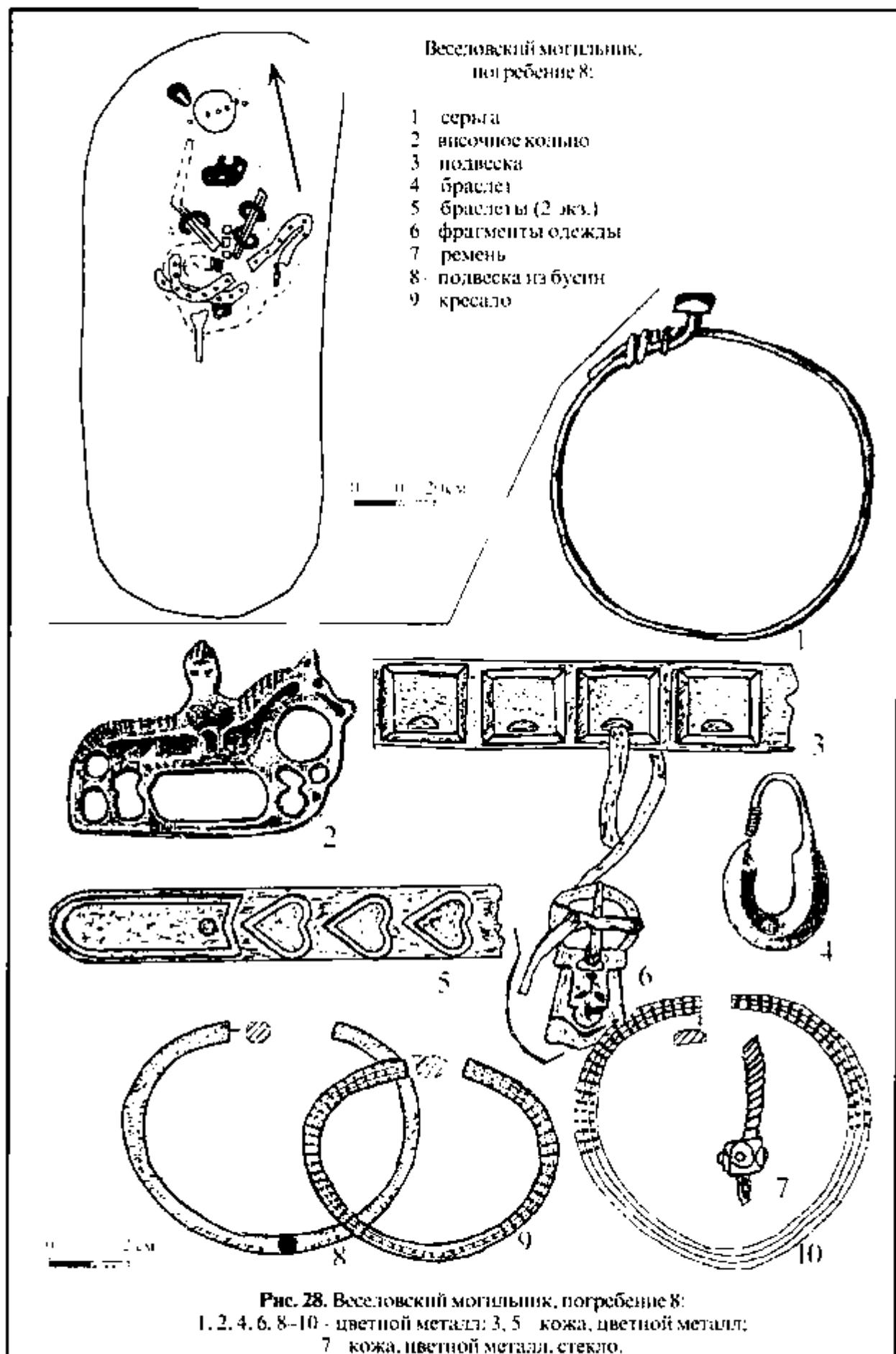
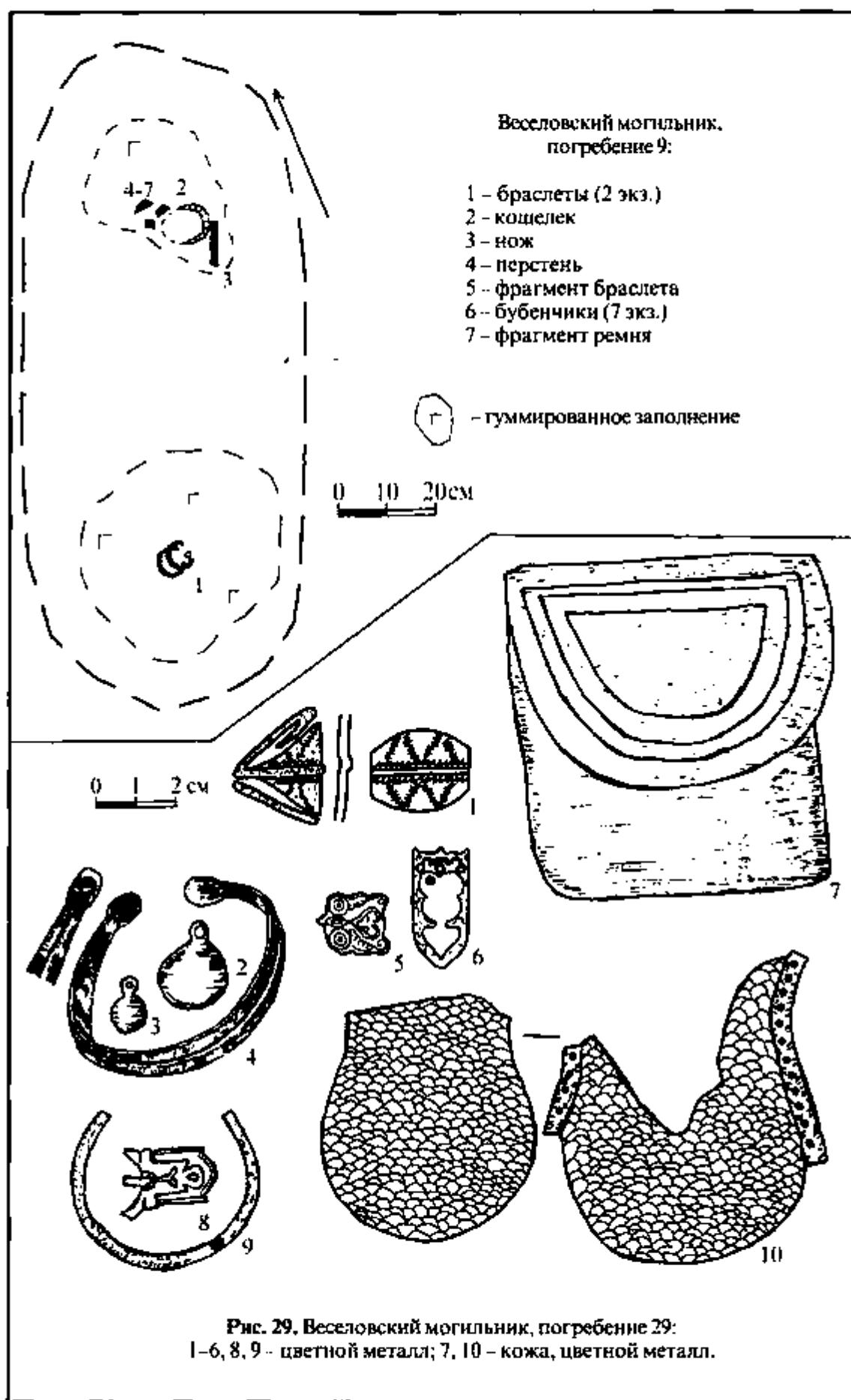
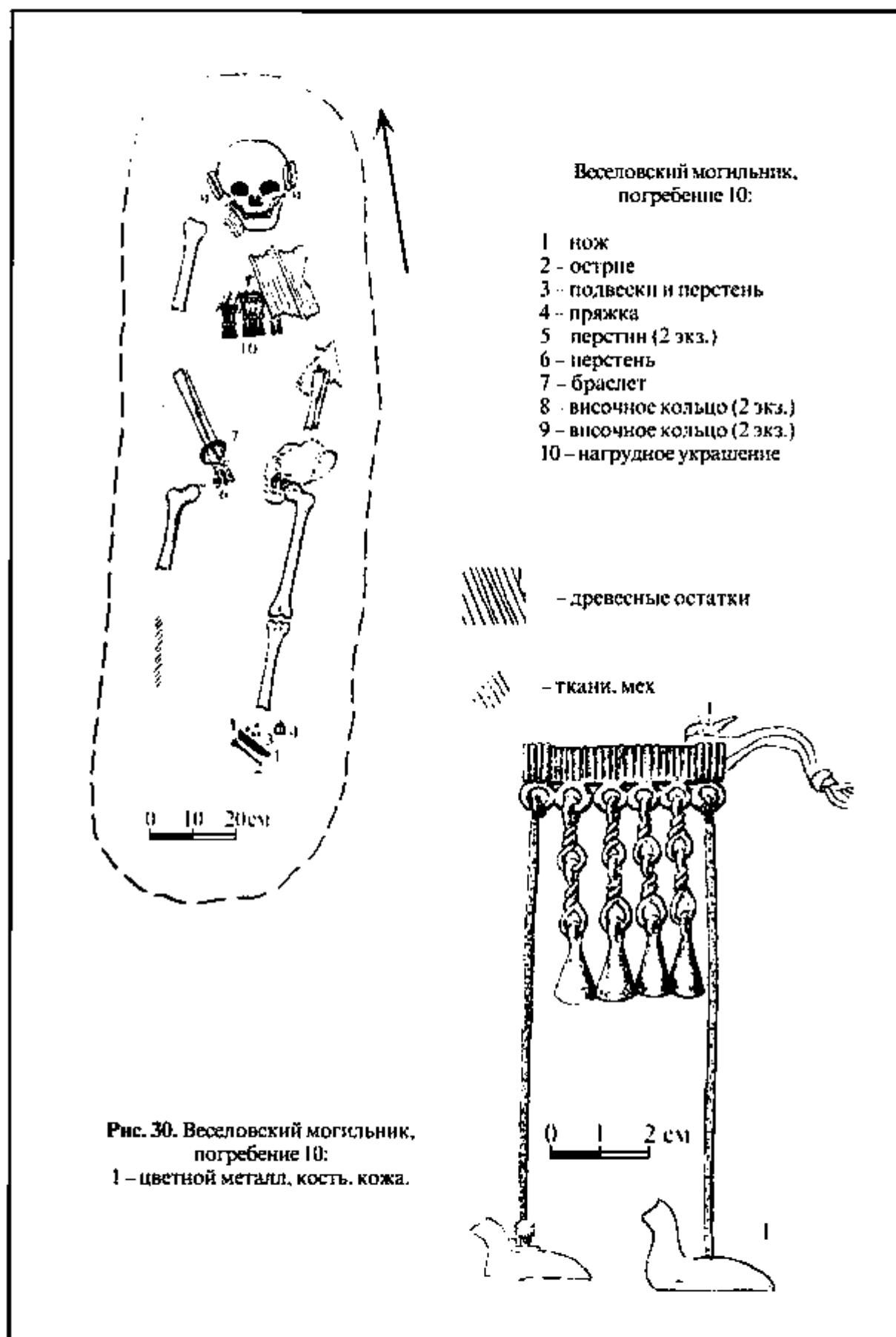

Рис. 28. Веселовский могильник, погребение 8:
1, 2, 4, 6, 8-10 - цветной металл; 3, 5 - кожа, цветной металл;
7 - кожа, цветной металл, стекло.

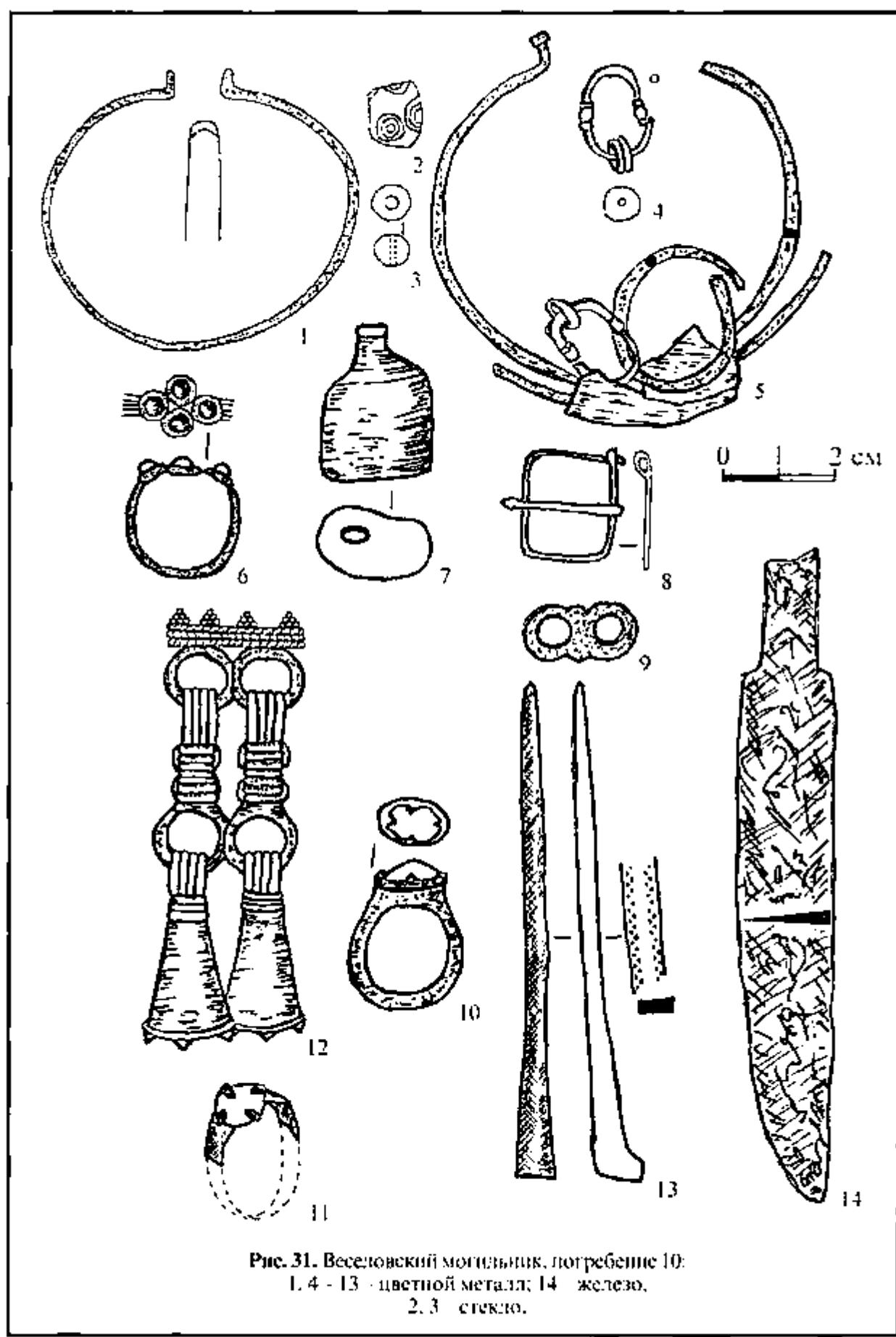
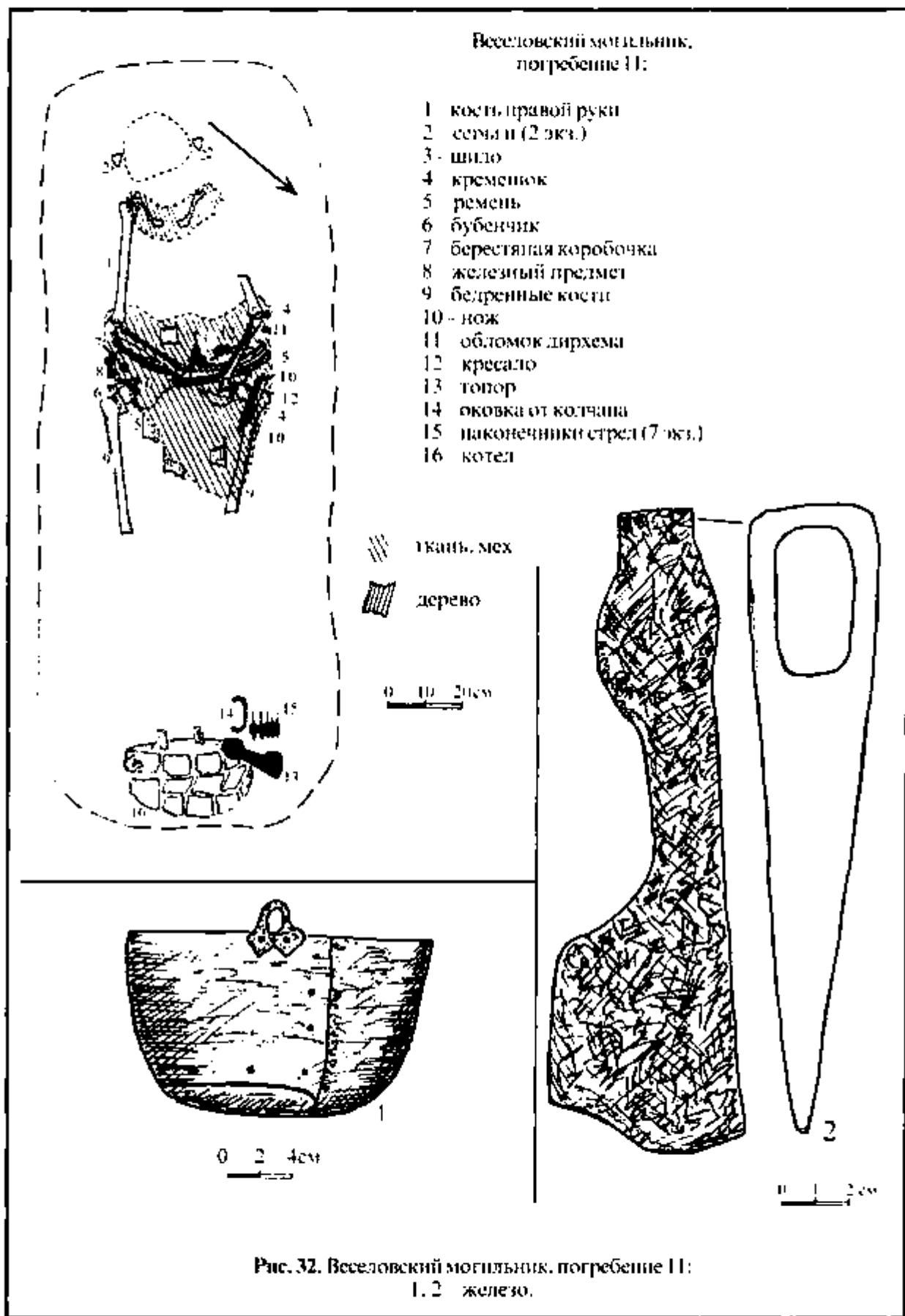
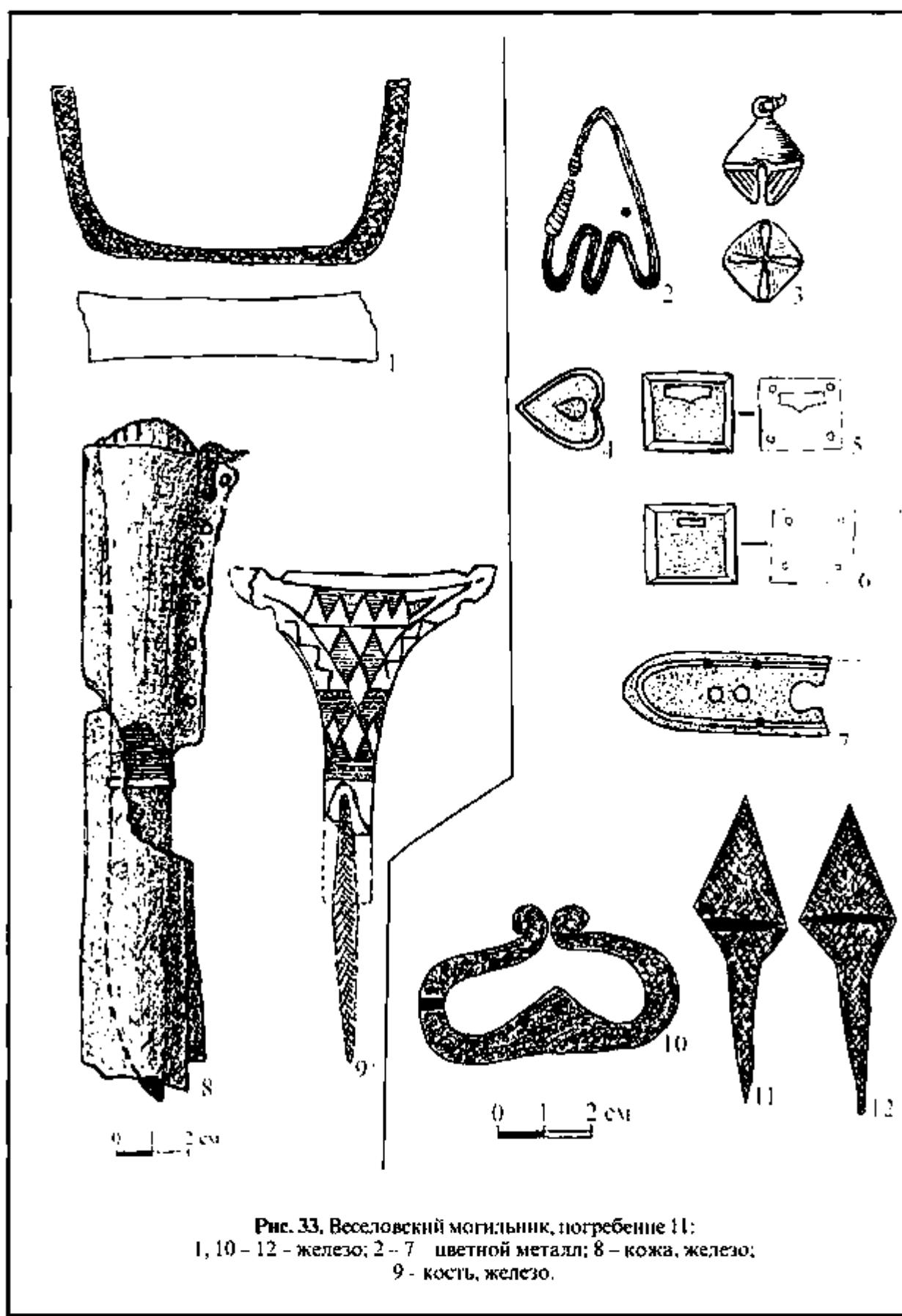
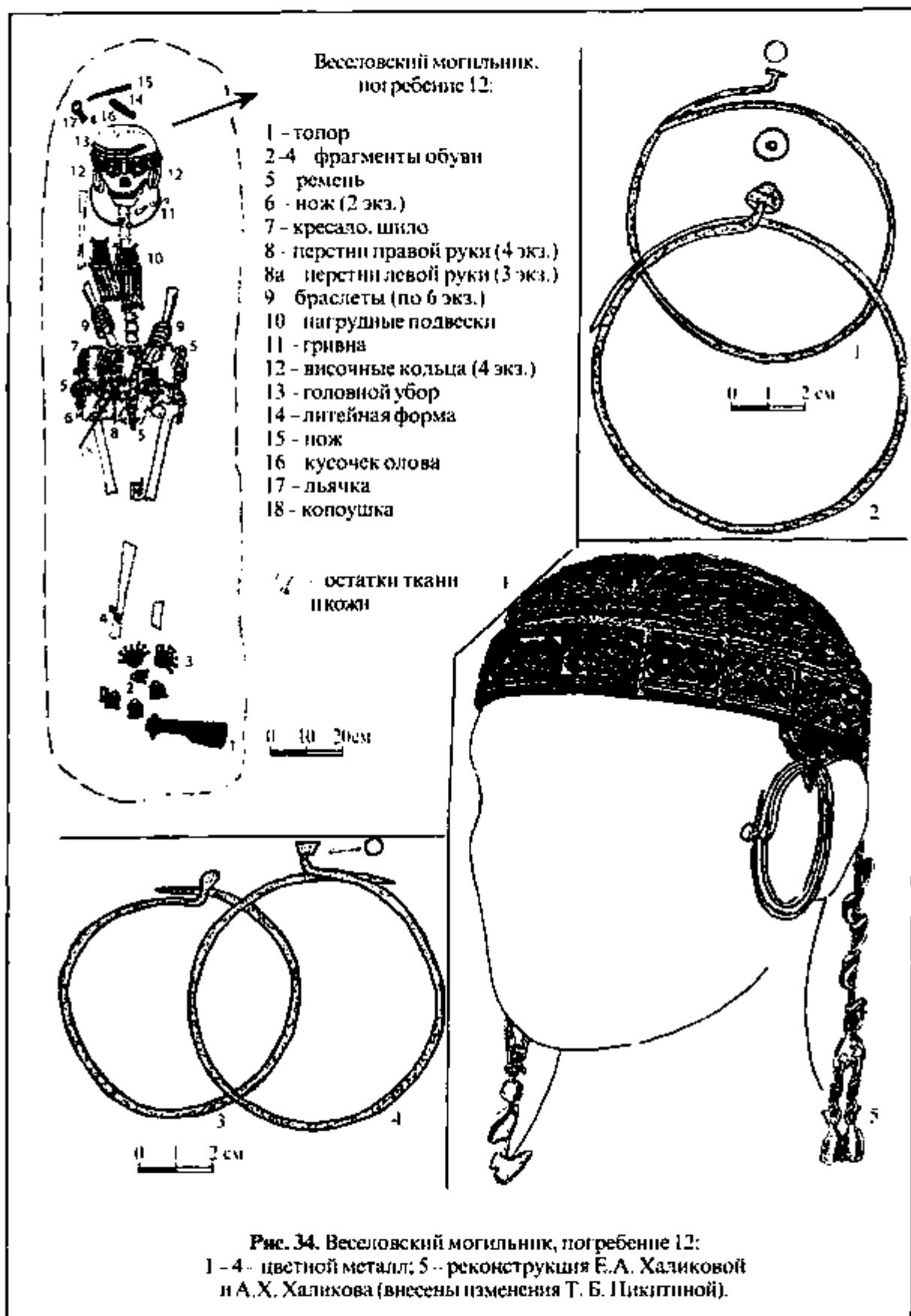

Рис. 31. Веселовский могильник, погребение 10:

1, 4 - 13 - цветной металл; 14 - железо,
2, 3 - стекло.

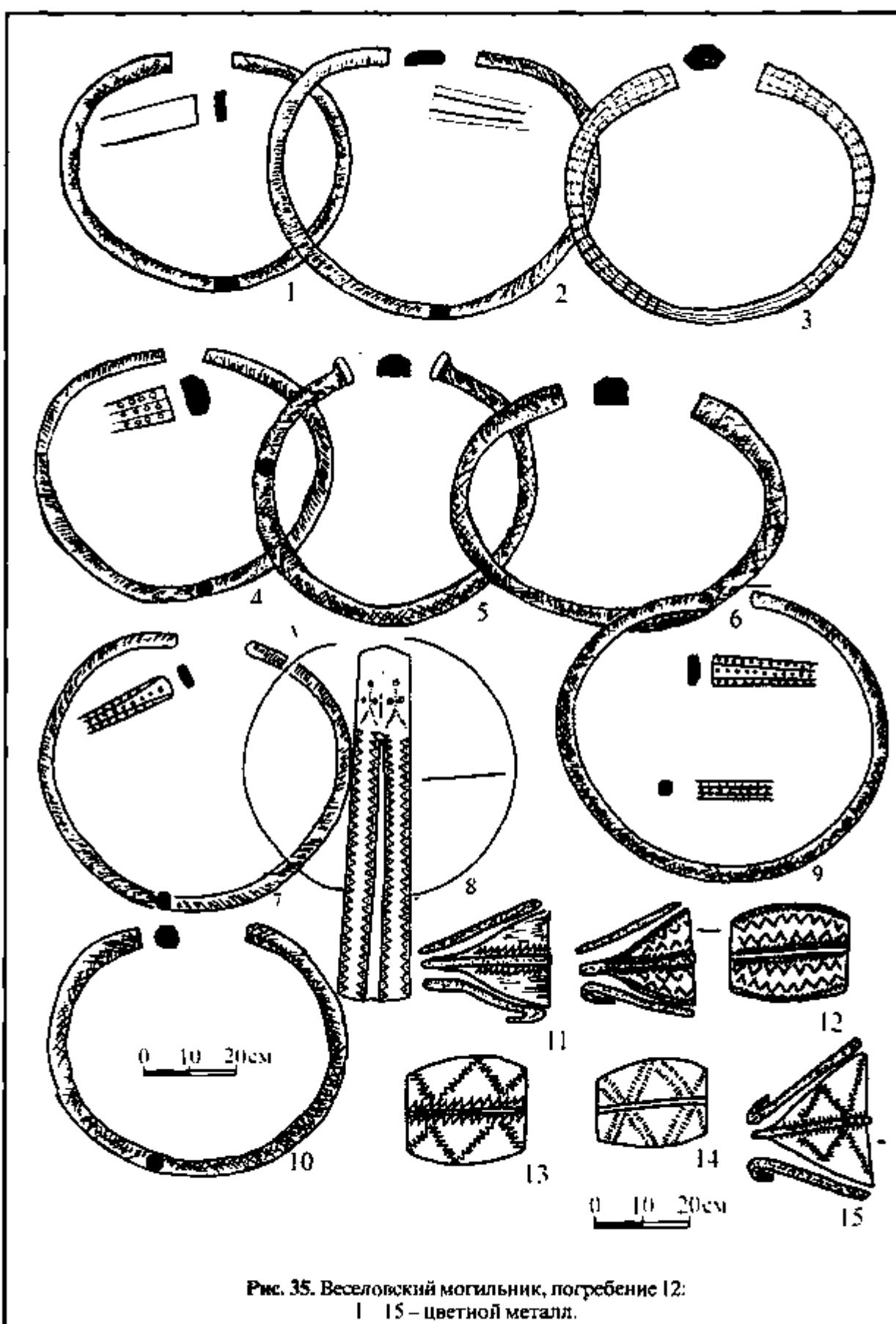
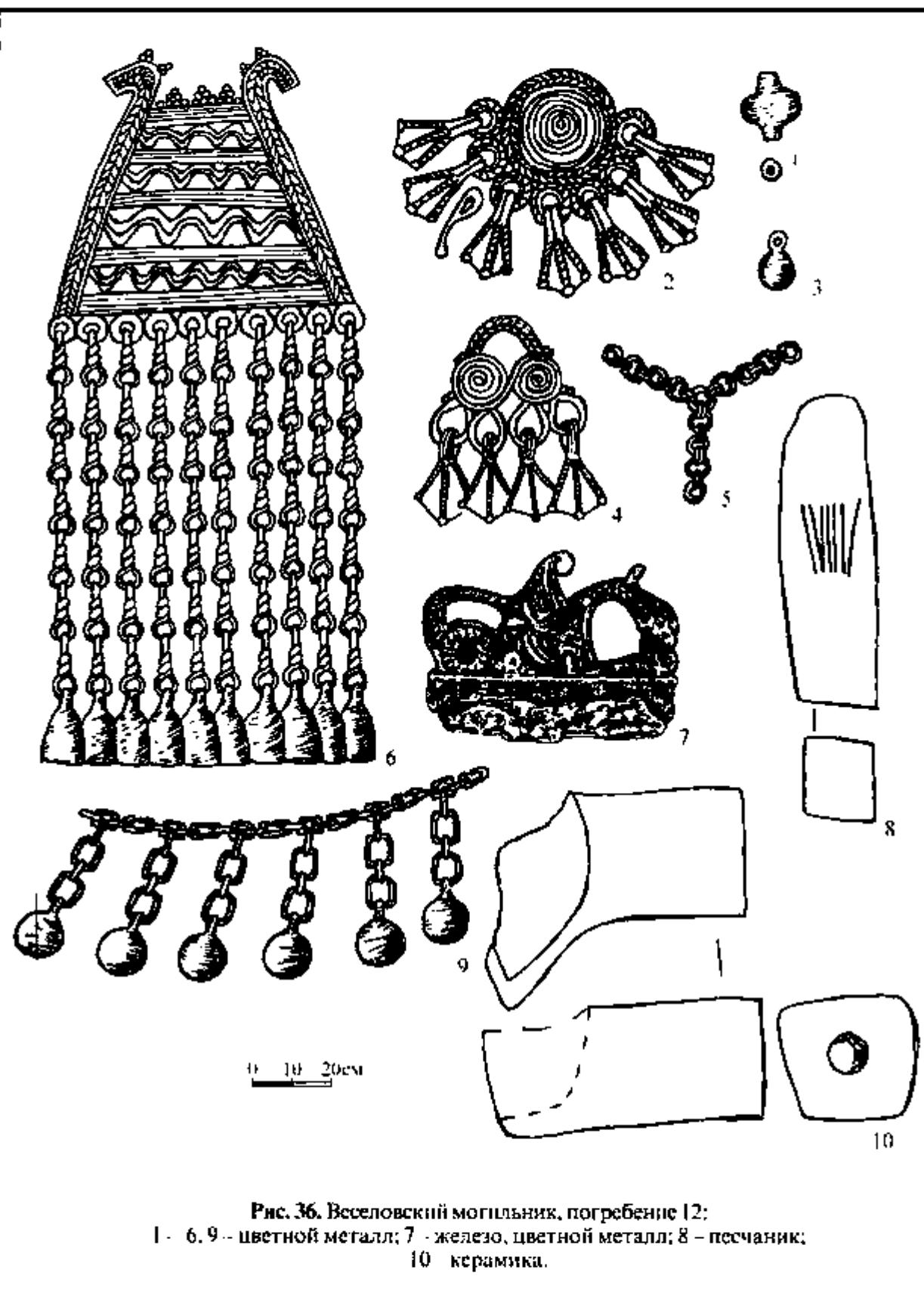

Рис. 35. Веселовский могильник, погребение 12:
1—15 — цветной металл.

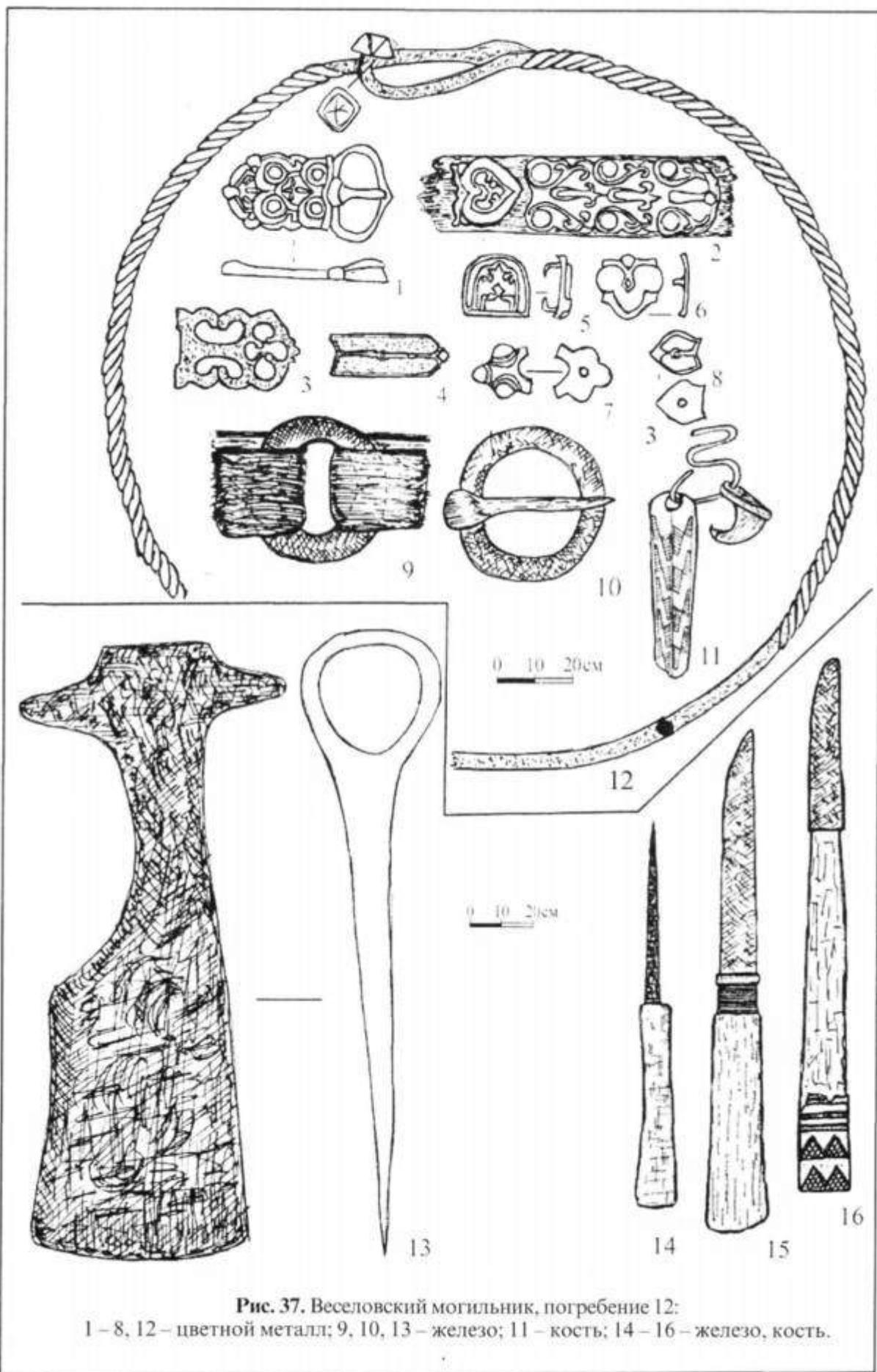
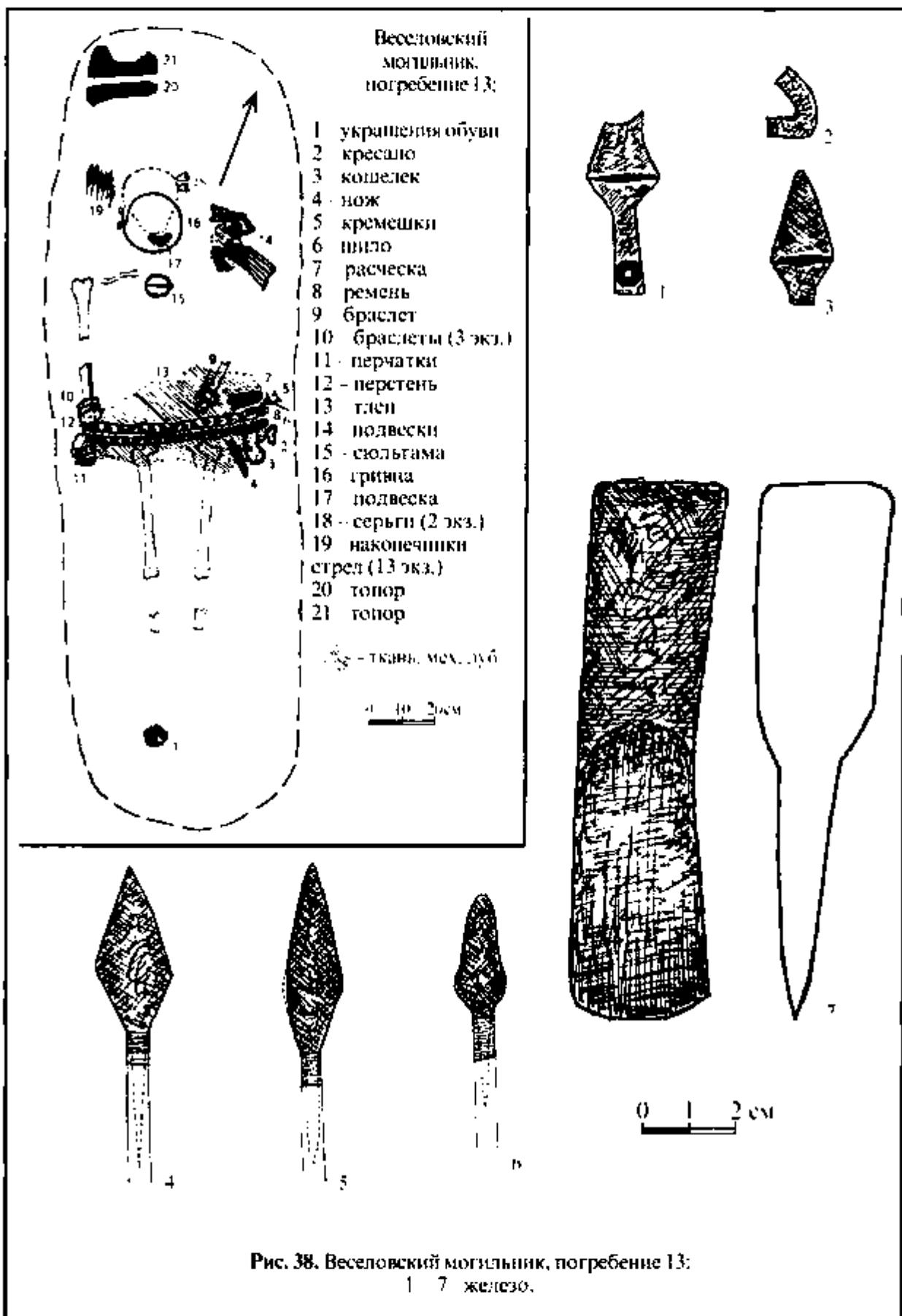

Рис. 37. Веселовский могильник, погребение 12:
1 – 8, 12 – цветной металл; 9, 10, 13 – железо; 11 – кость; 14 – 16 – железо, кость.

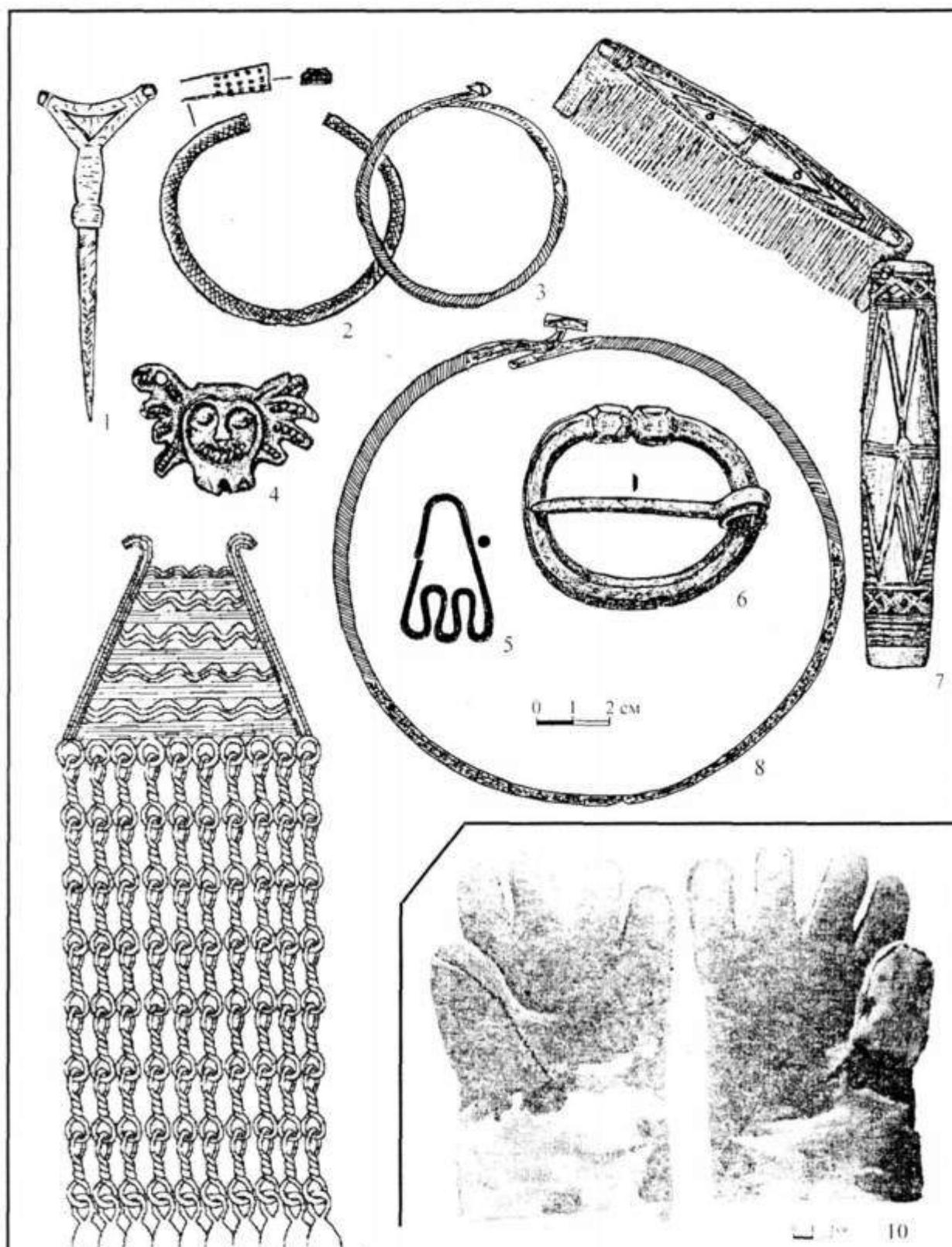

Рис. 39. Веселовский могильник, погребение 13:
1 – кость, цветной металл; 2 – 6, 8, 9 – цветной металл; 7 – кость;
10 – кожа (реконструкция А.Х. Халикова, Е.А. Халиковой).

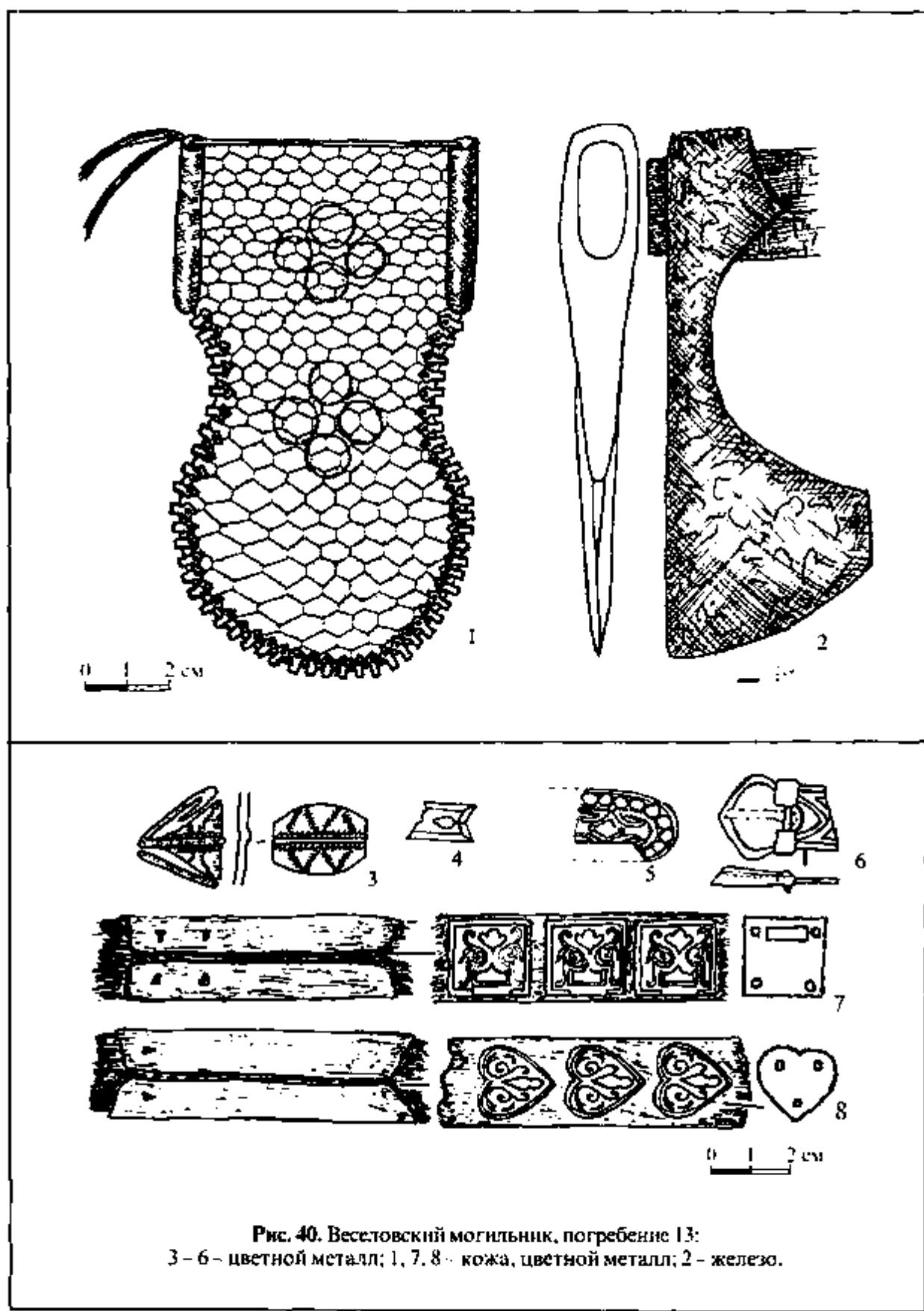
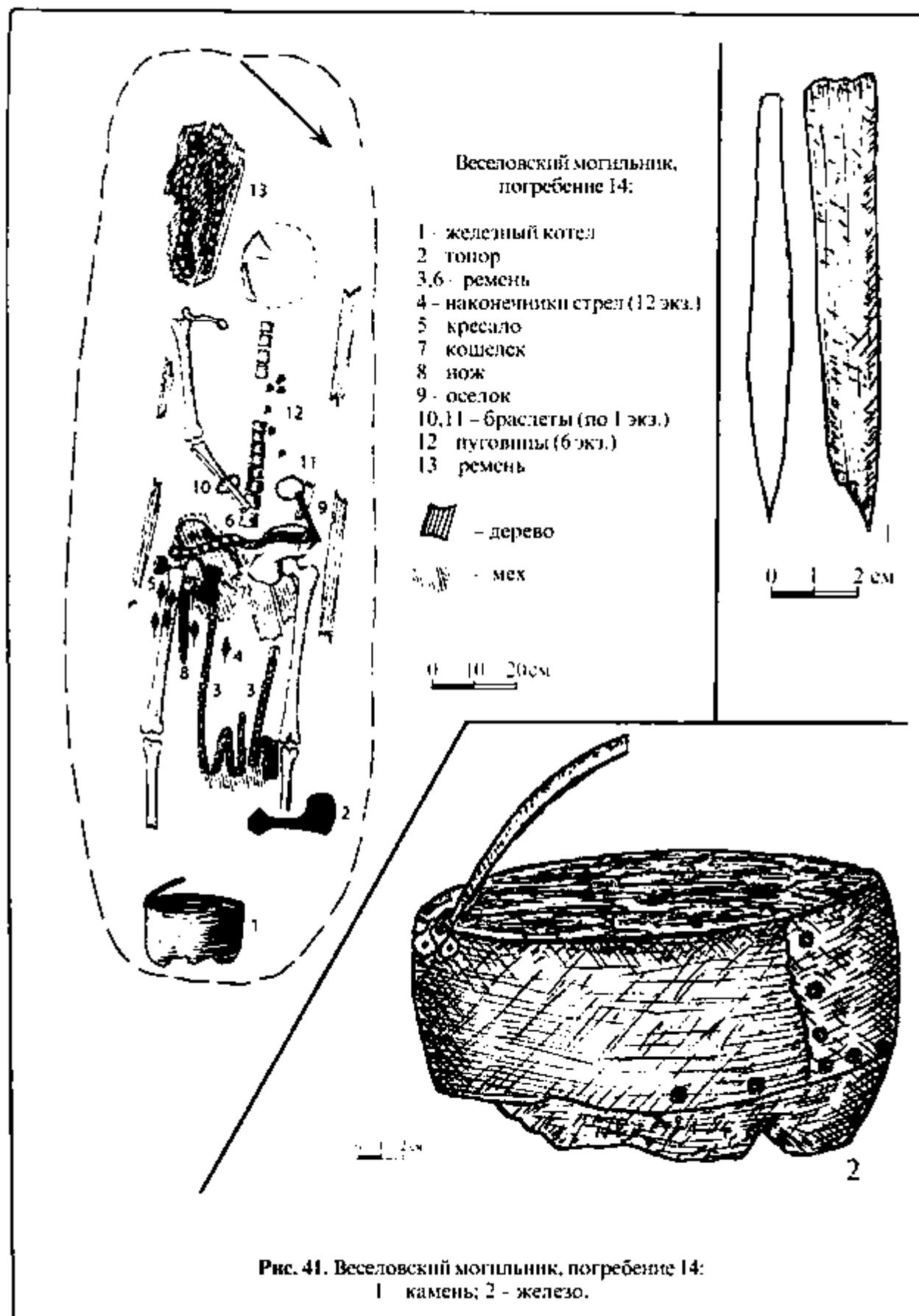

Рис. 40. Веселовский могильник, погребение 13:
3 - 6 - цветной металл; 1, 7, 8 - кожа, цветной металл; 2 - железо.

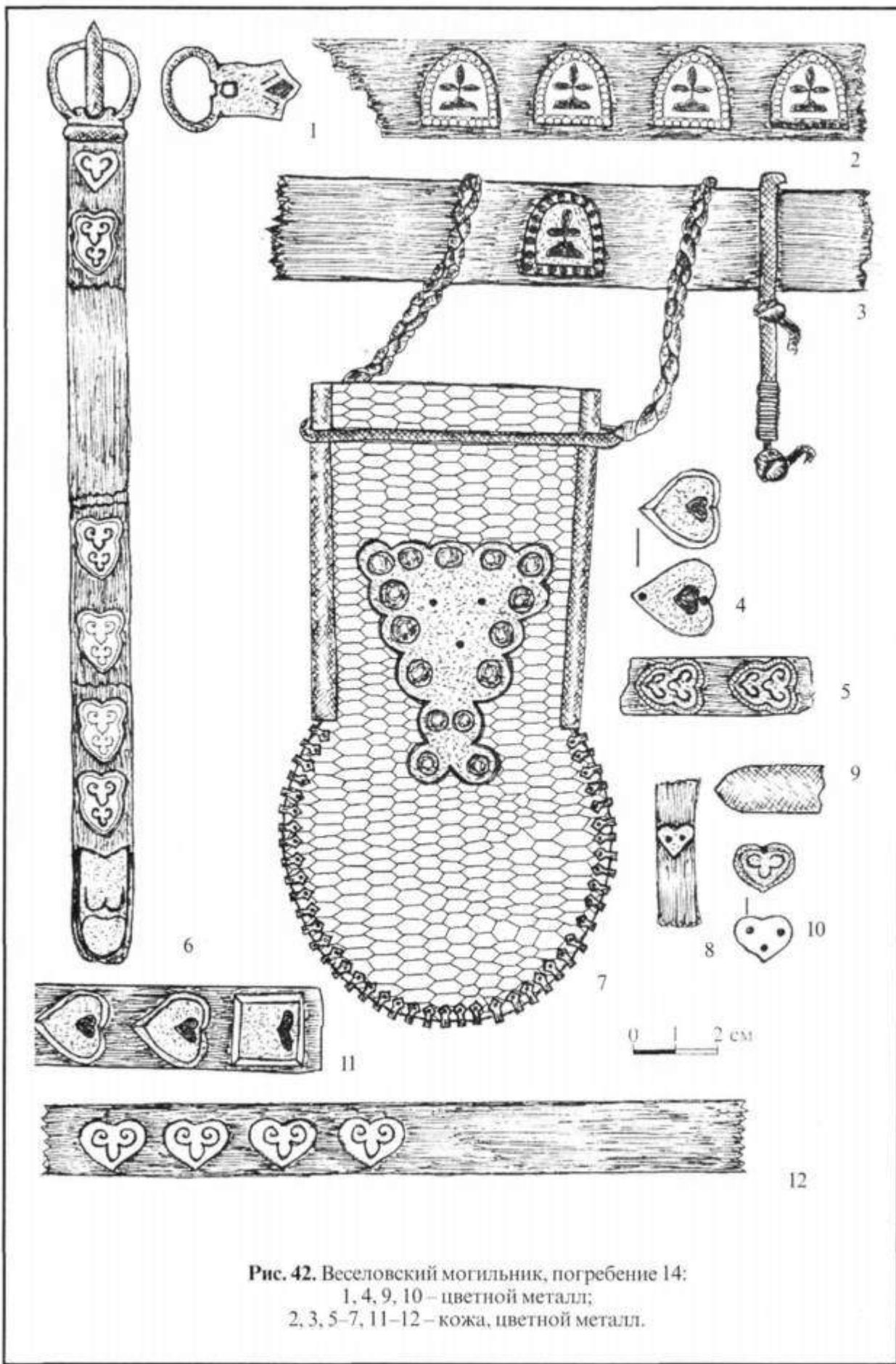

Рис. 42. Веселовский могильник, погребение 14:
1, 4, 9, 10 – цветной металл;
2, 3, 5–7, 11–12 – кожа, цветной металл.

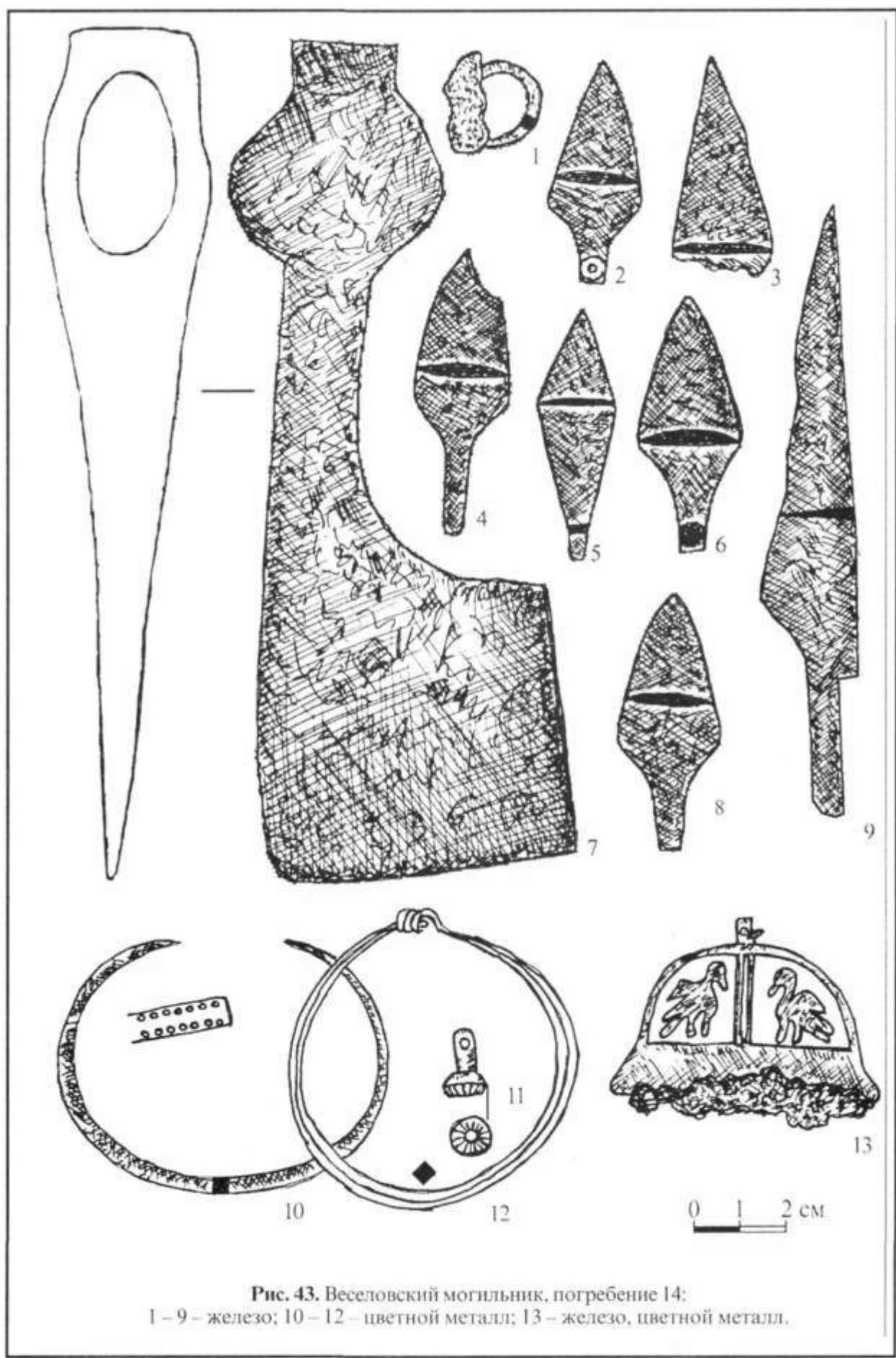

Рис. 43. Веселовский могильник, погребение 14:
1 – 9 – железо; 10 – 12 – цветной металл; 13 – железо, цветной металл.

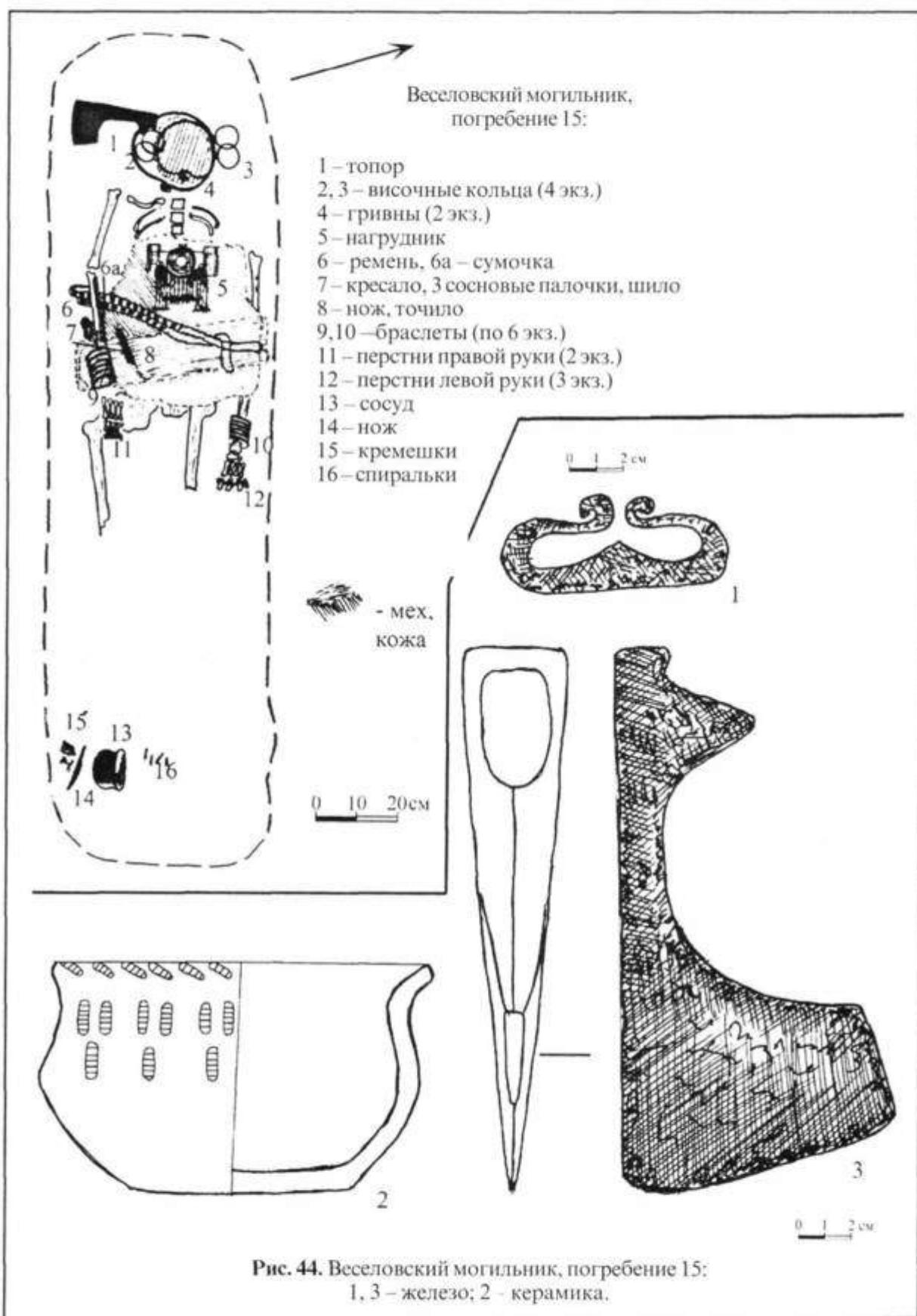

Рис. 44. Веселовский могильник, погребение 15:
 1, 3 – железо; 2 – керамика.

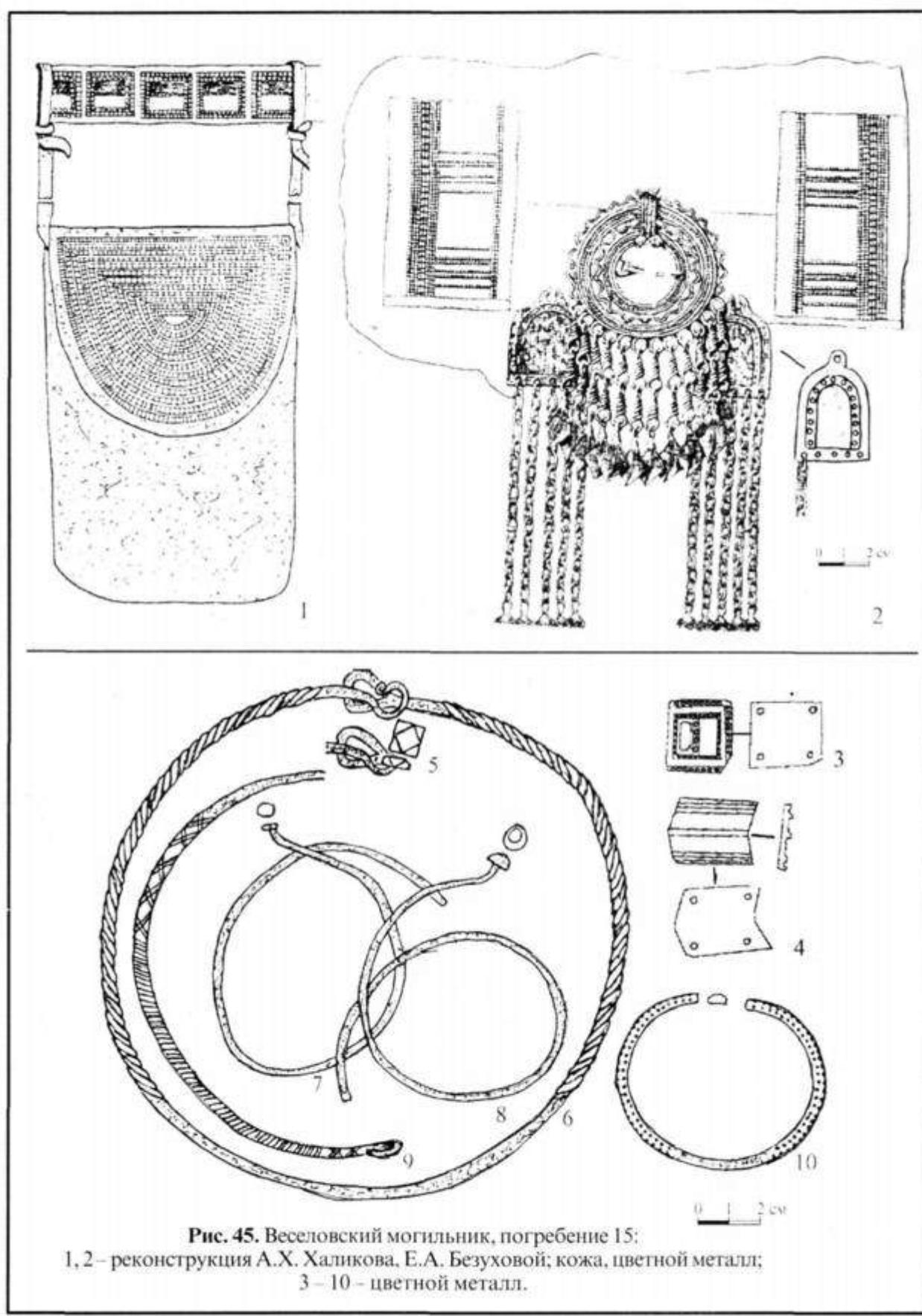

Рис. 45. Веселовский могильник, погребение 15:
1, 2 – реконструкция А.Х. Халикова, Е.А. Безуховой; кожа, цветной металл;
3 – 10 – цветной металл.

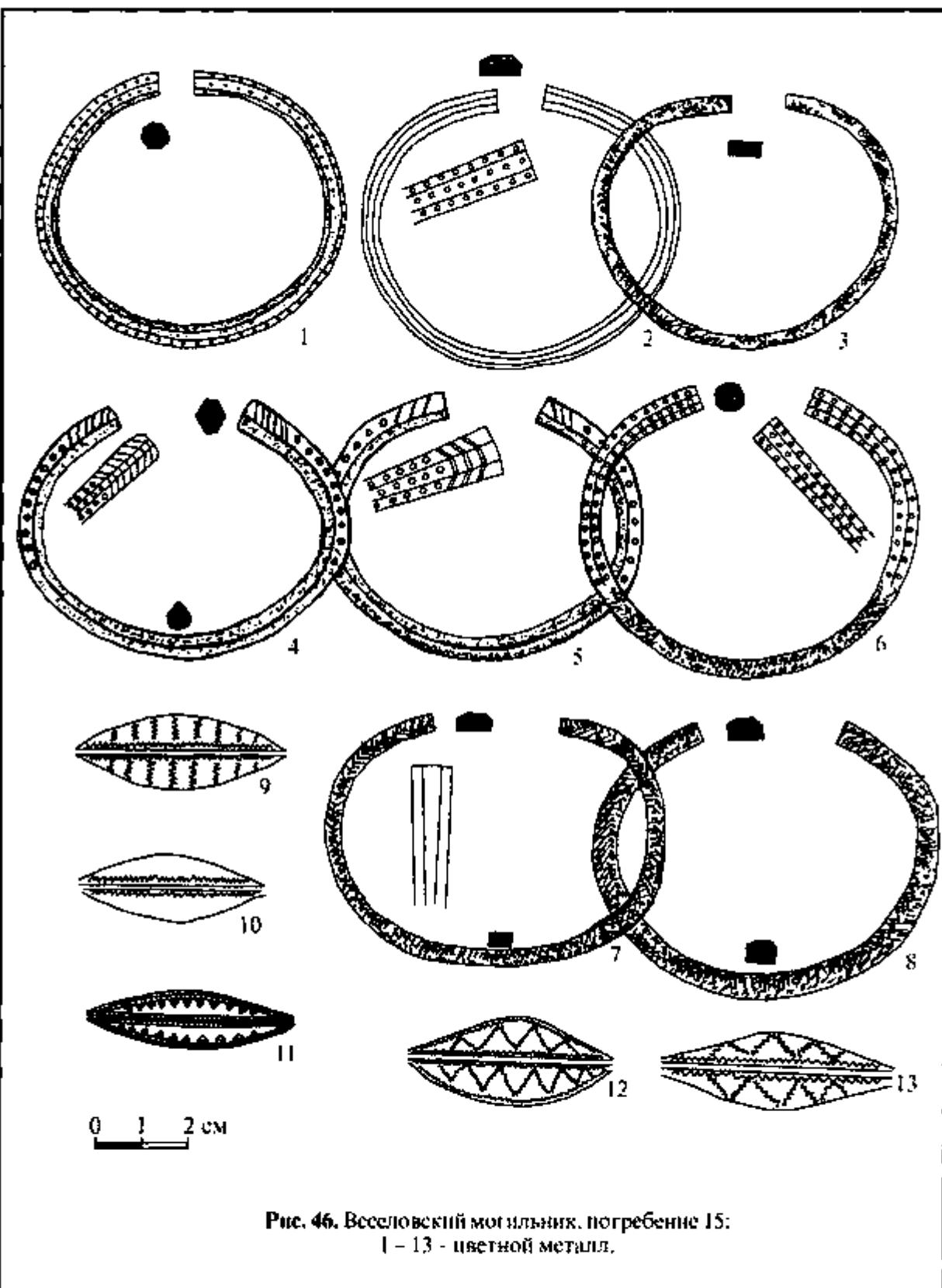
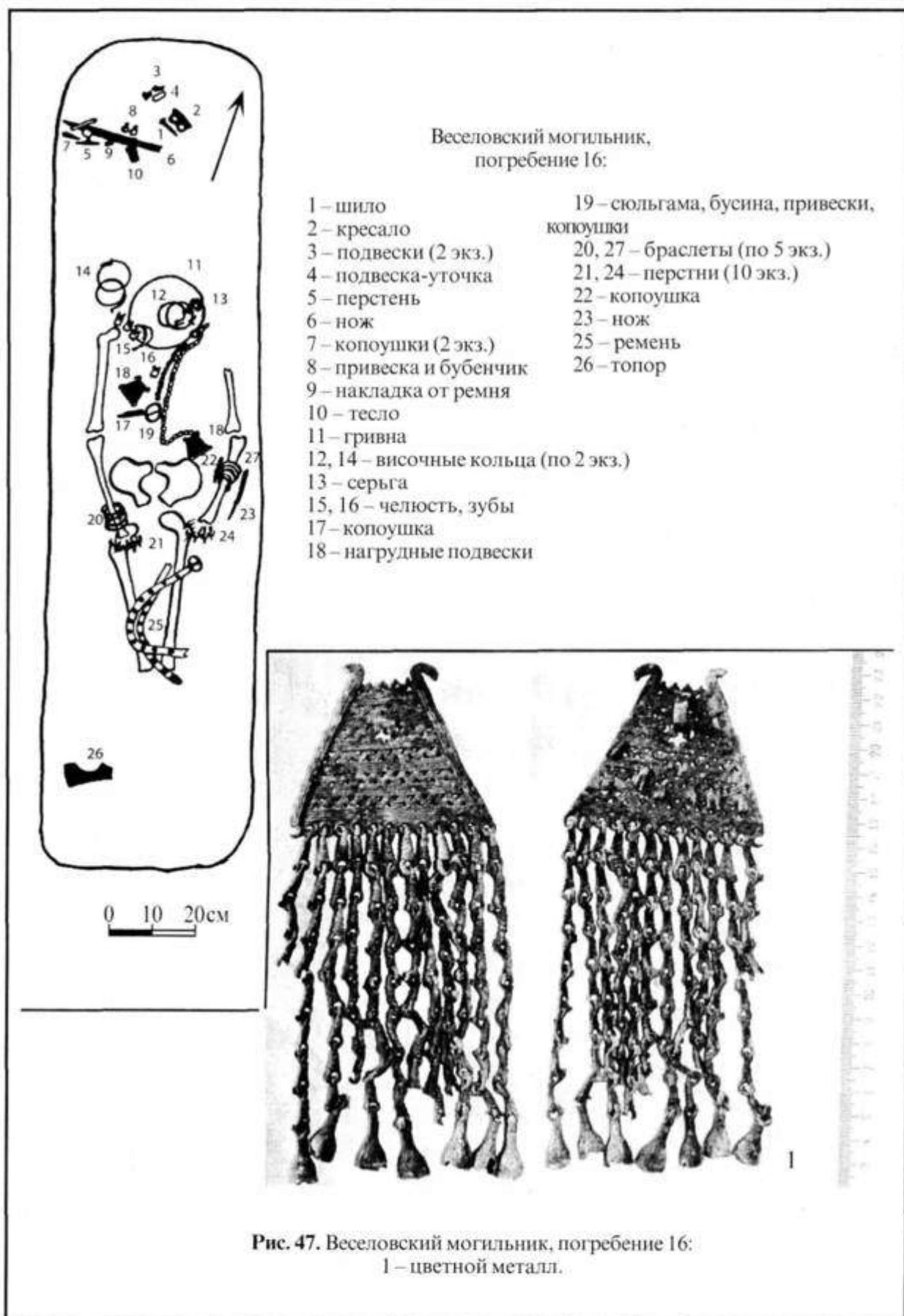
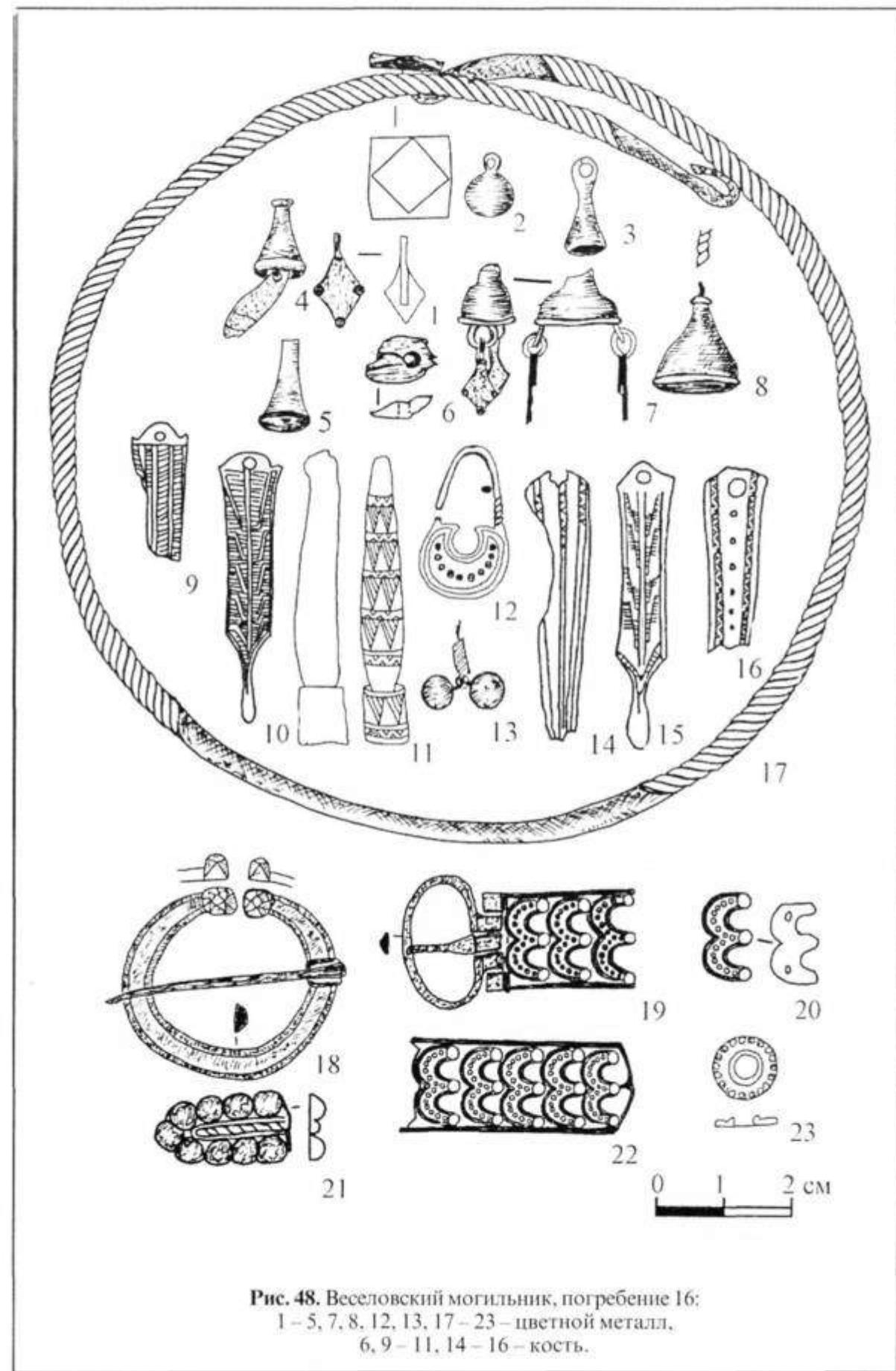

Рис. 46. Веселовский могильник, погребение 15:
1 – 13 – цветной металл.

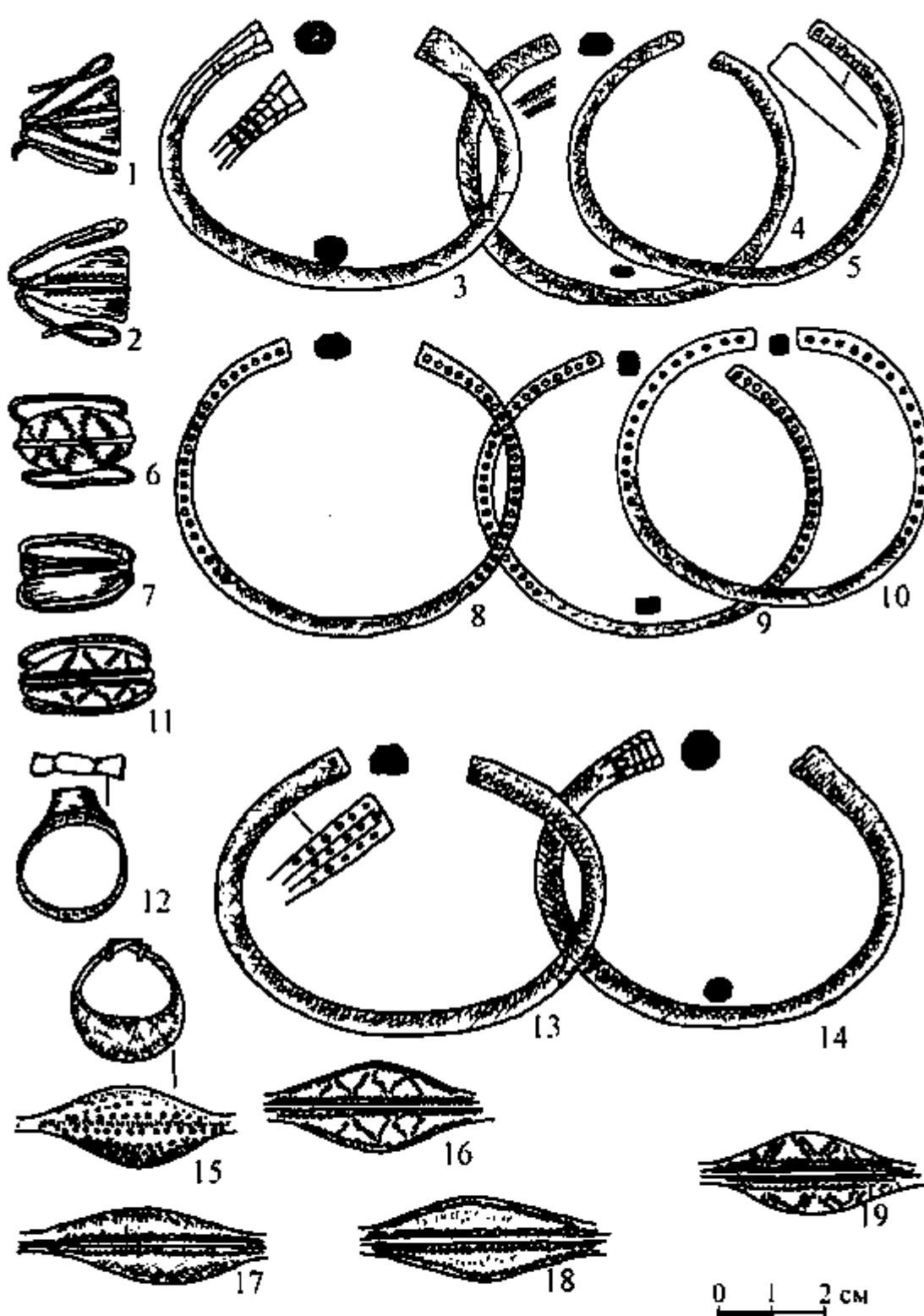

Рис. 49. Веселовский могильник, погребение 16:
1-19 - цветной металл.

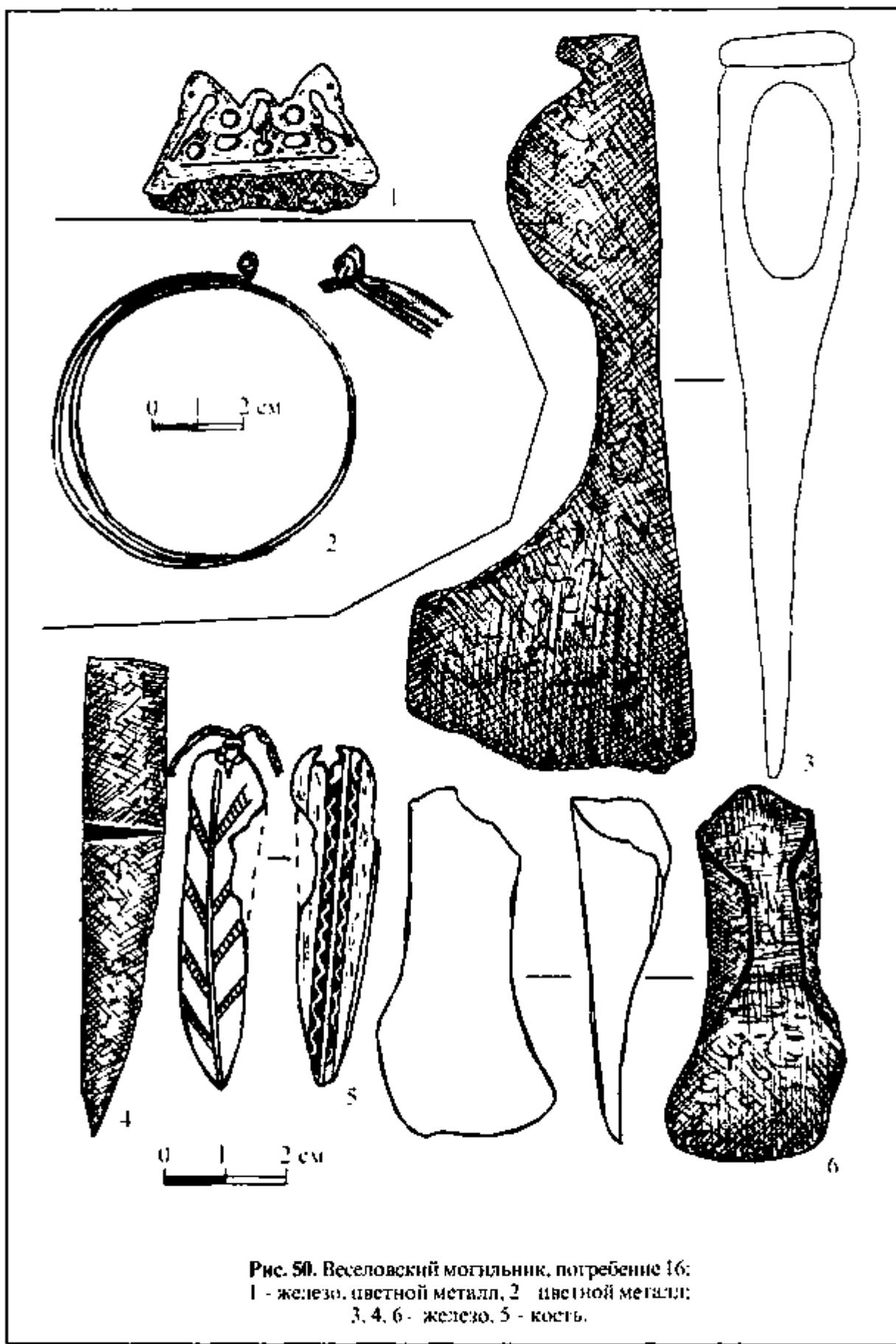
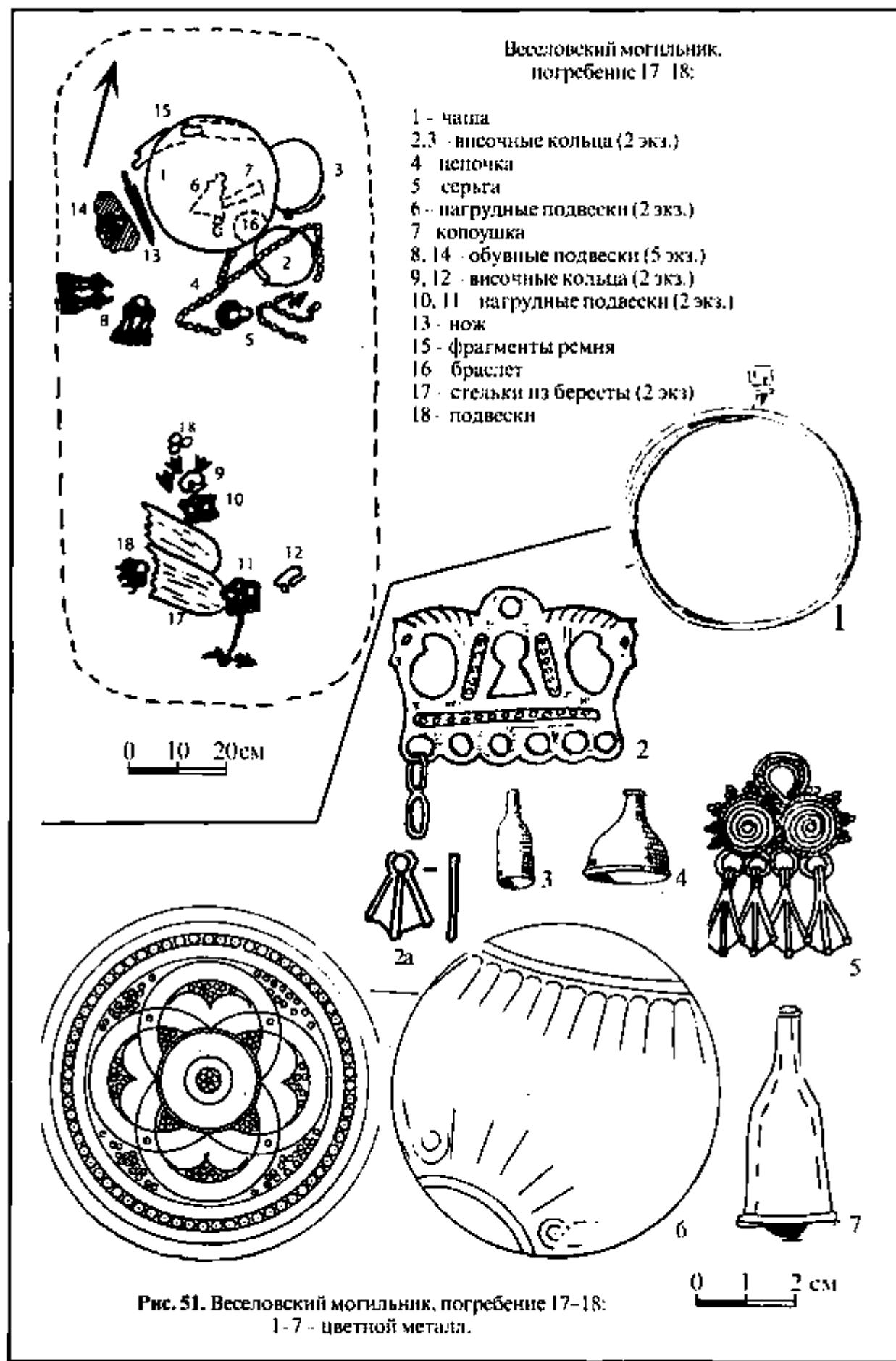
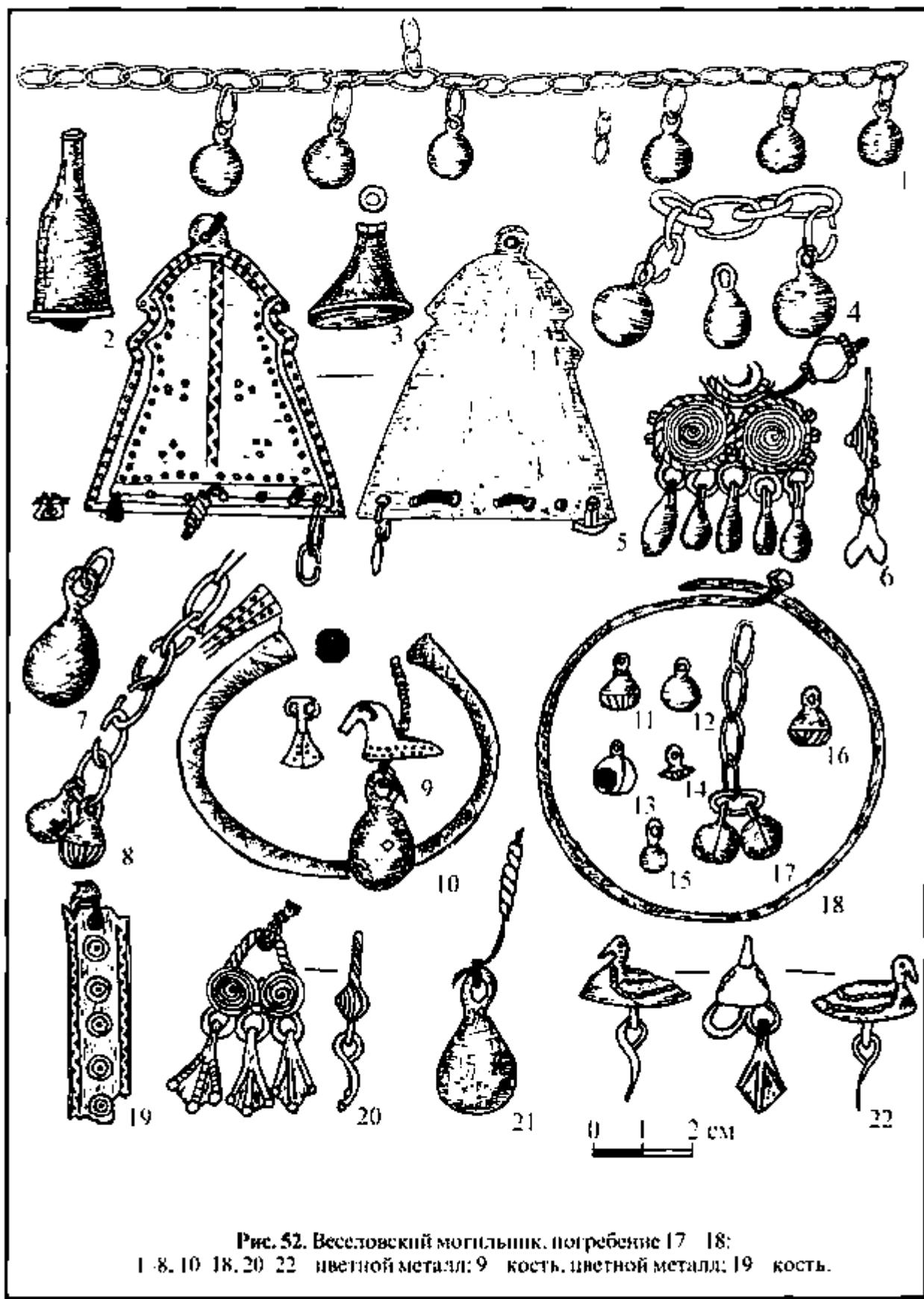
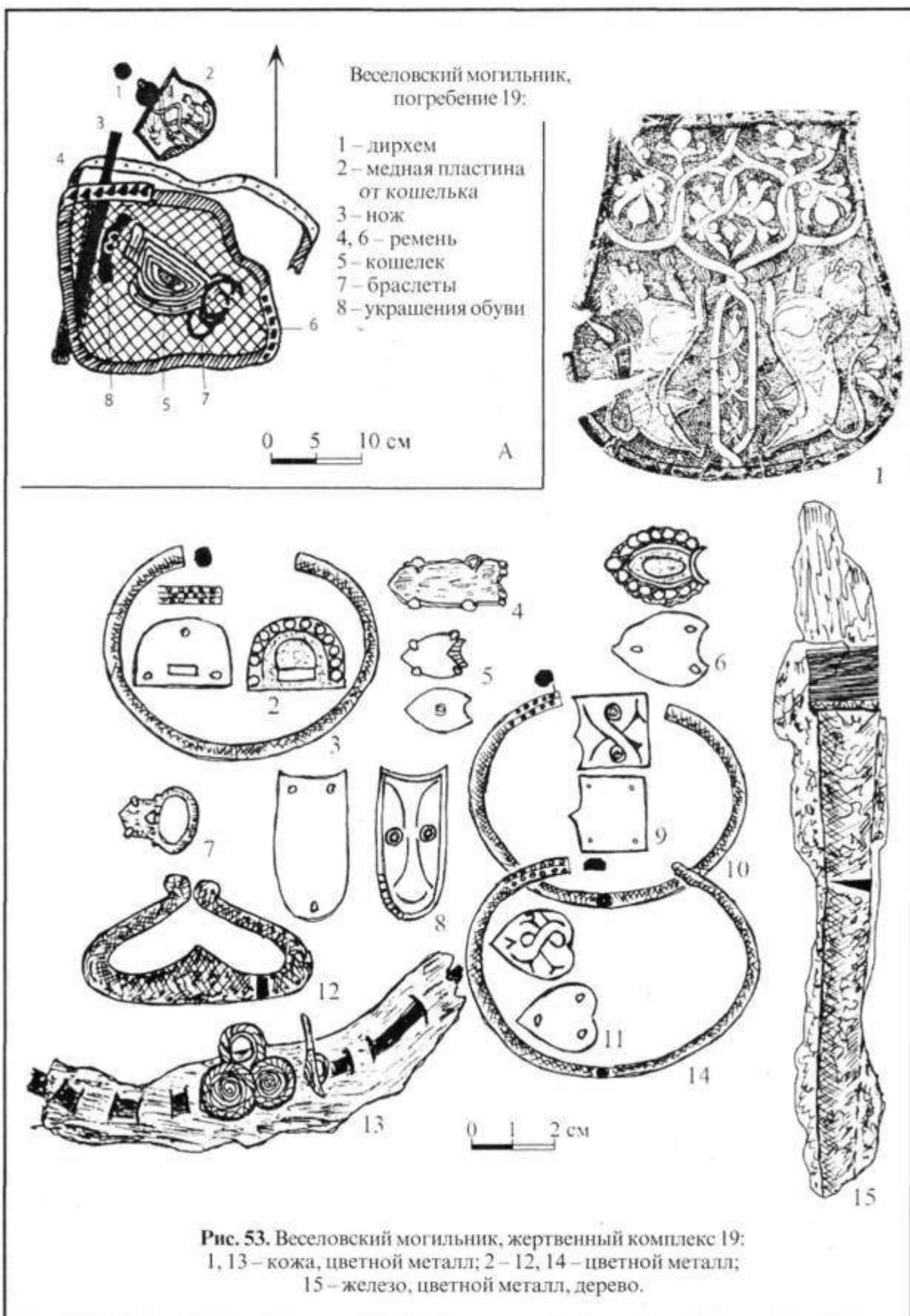

Рис. 50. Веселовский могильник, погребение 16:
1 - железо, цветной металл; 2 - цветной металл;
3, 4, 6 - железо, 5 - кость.

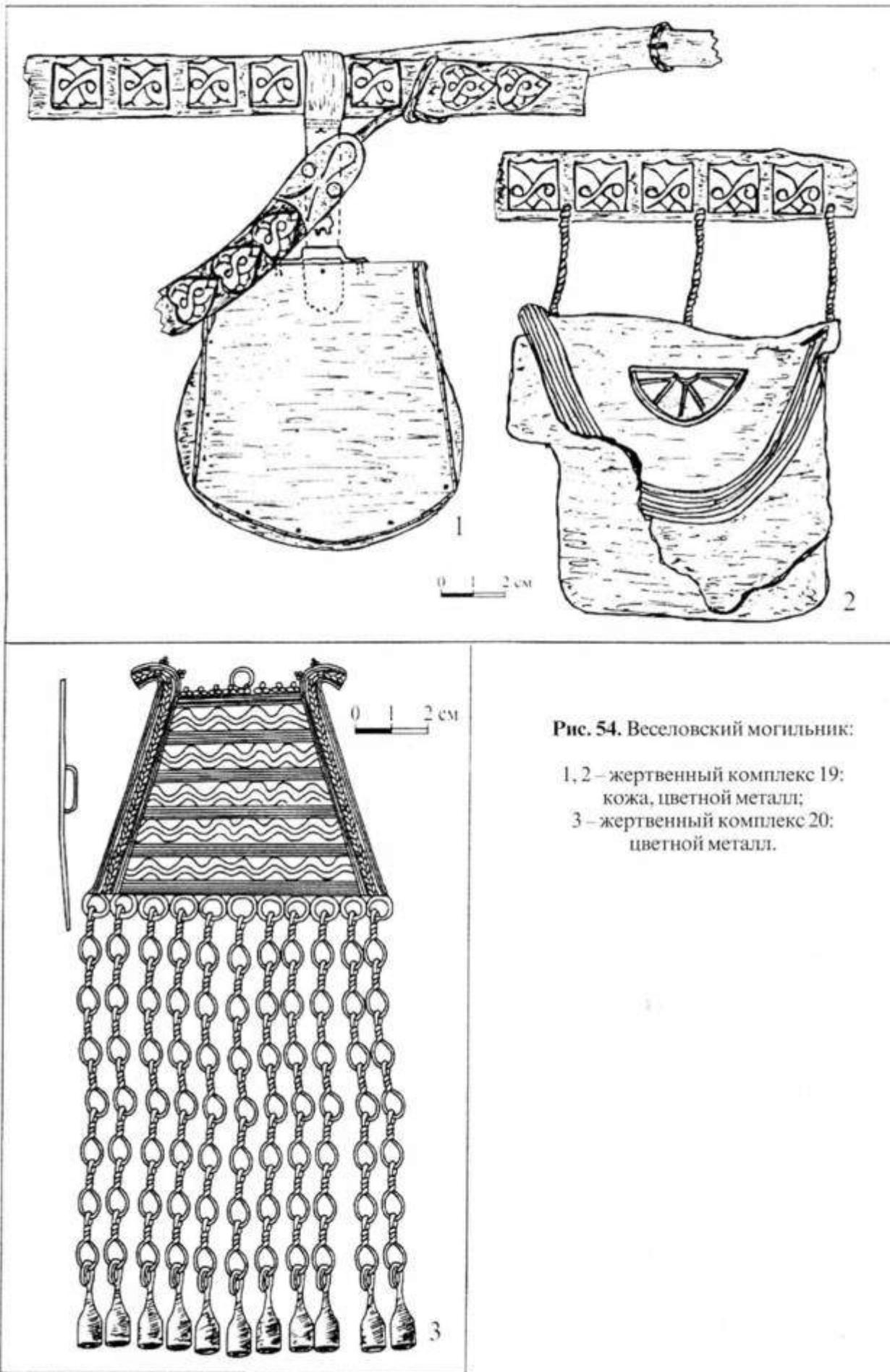
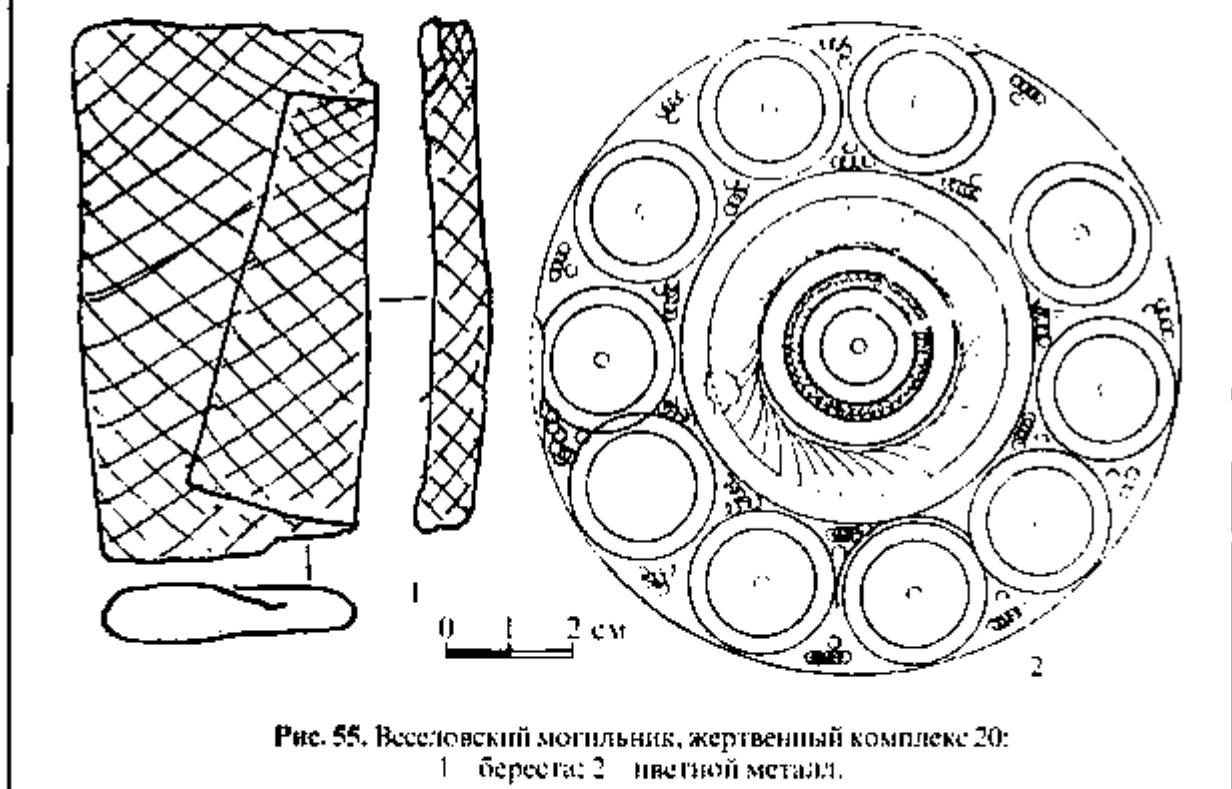
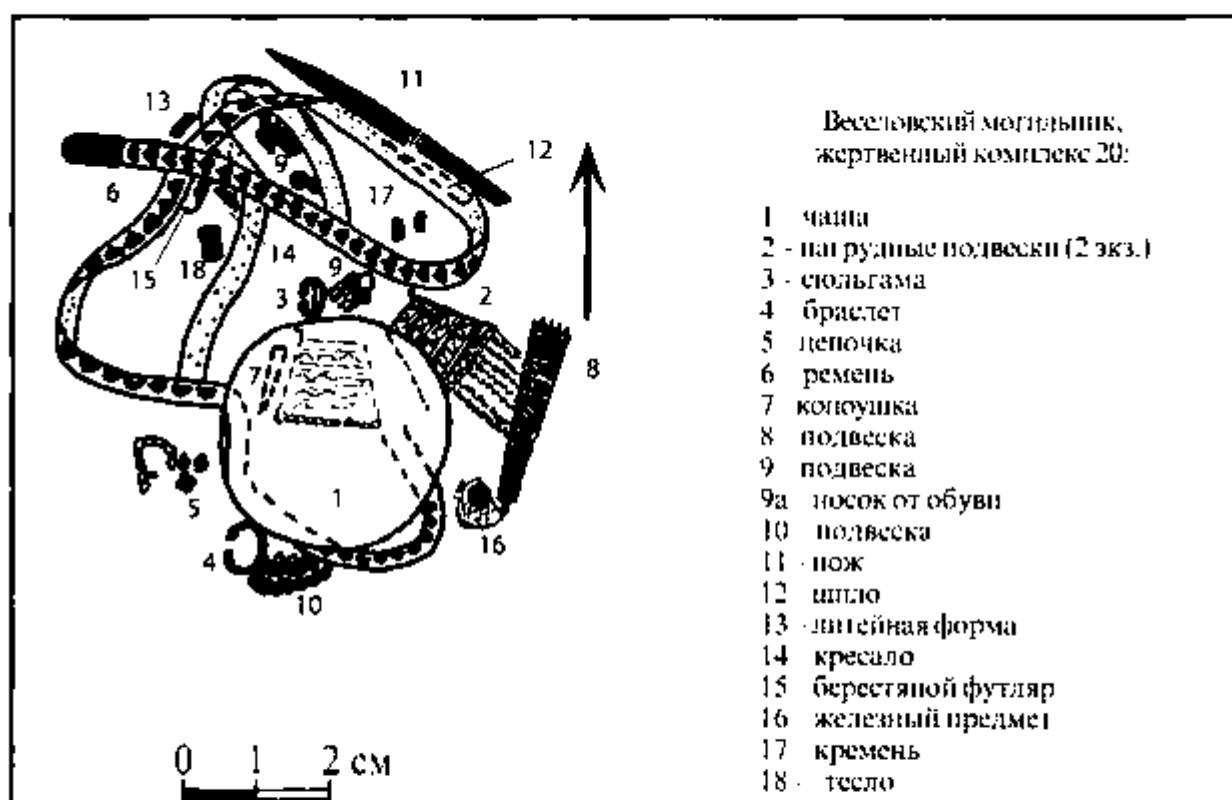

Рис. 54. Веселовский могильник:

1, 2 – жертвенный комплекс 19:
кожа, цветной металл;
3 – жертвенный комплекс 20:
цветной металл.

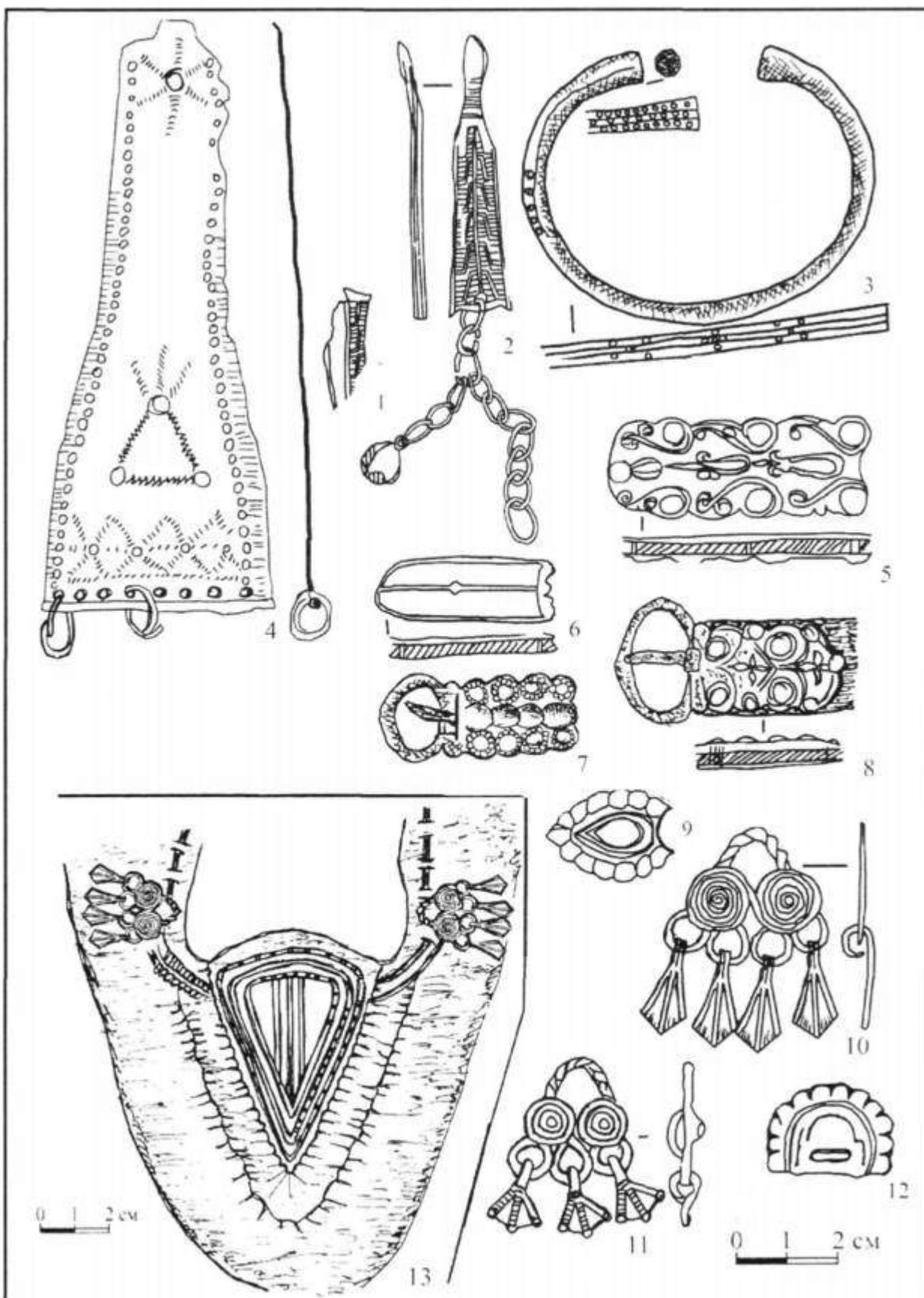

Рис. 56. Веселовский могильник, жертвенный комплекс 20:
3–12 – цветной металл; 1 – кость; 2 – кость, цветной металл;
13 – кожа, цветной металл.

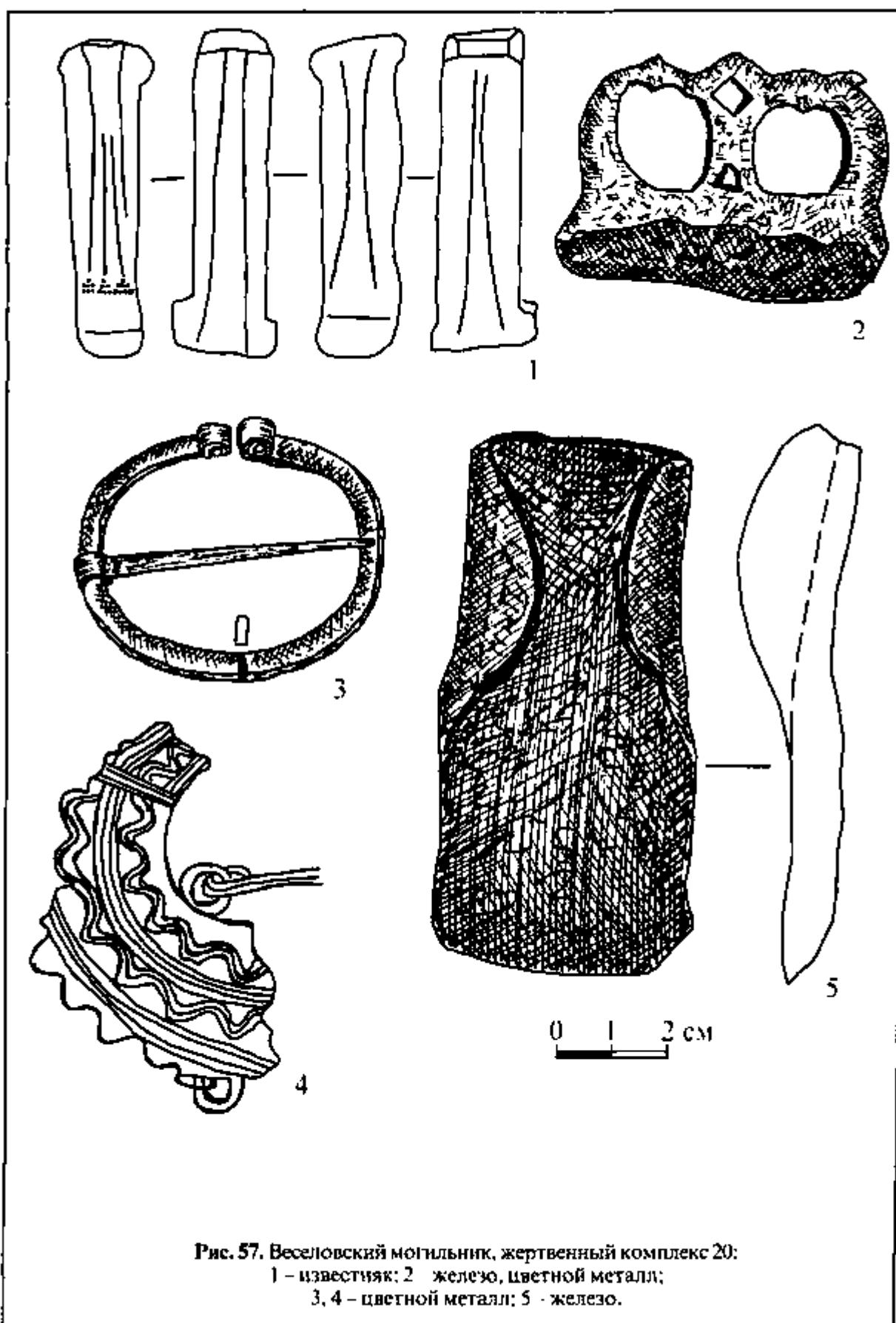
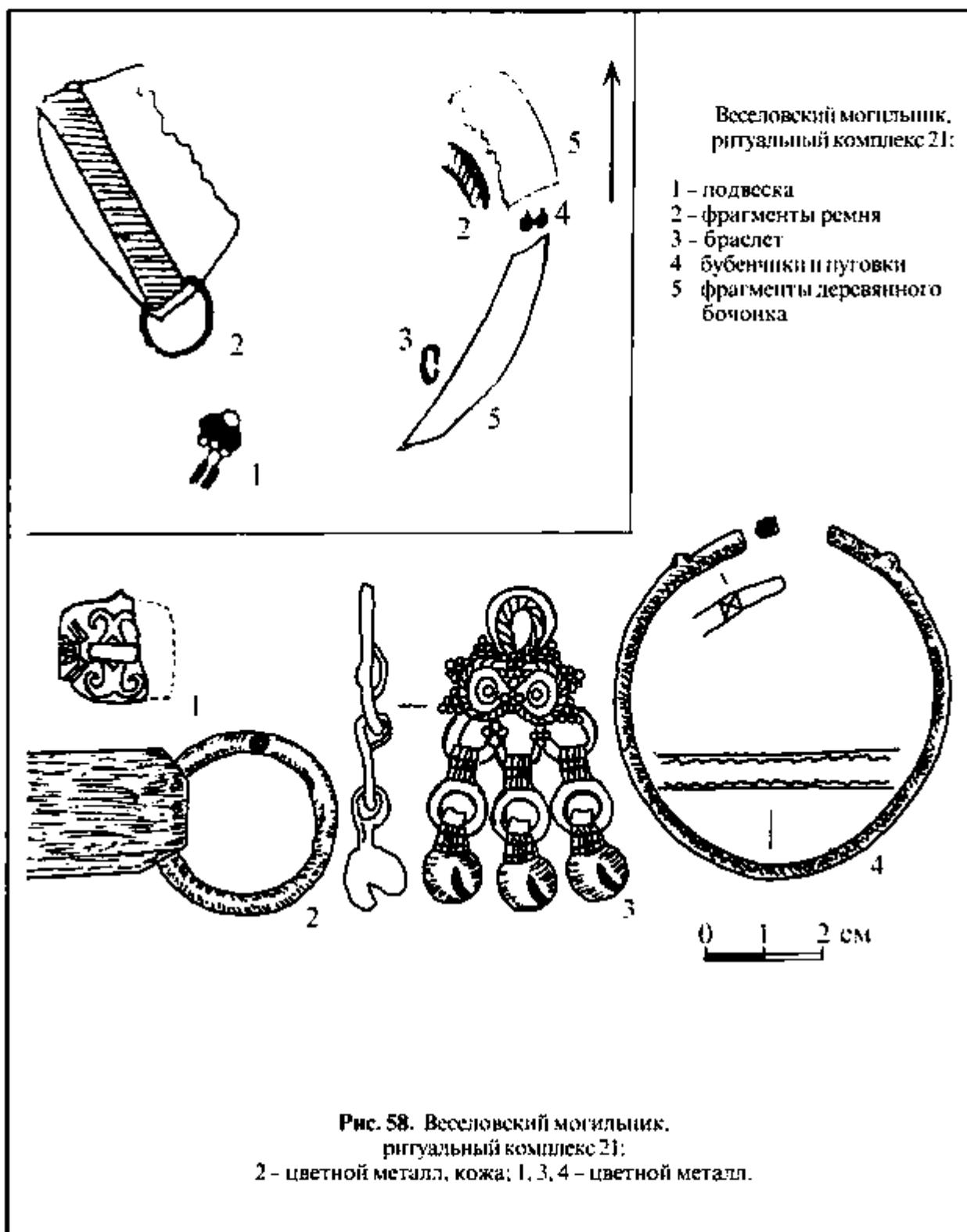
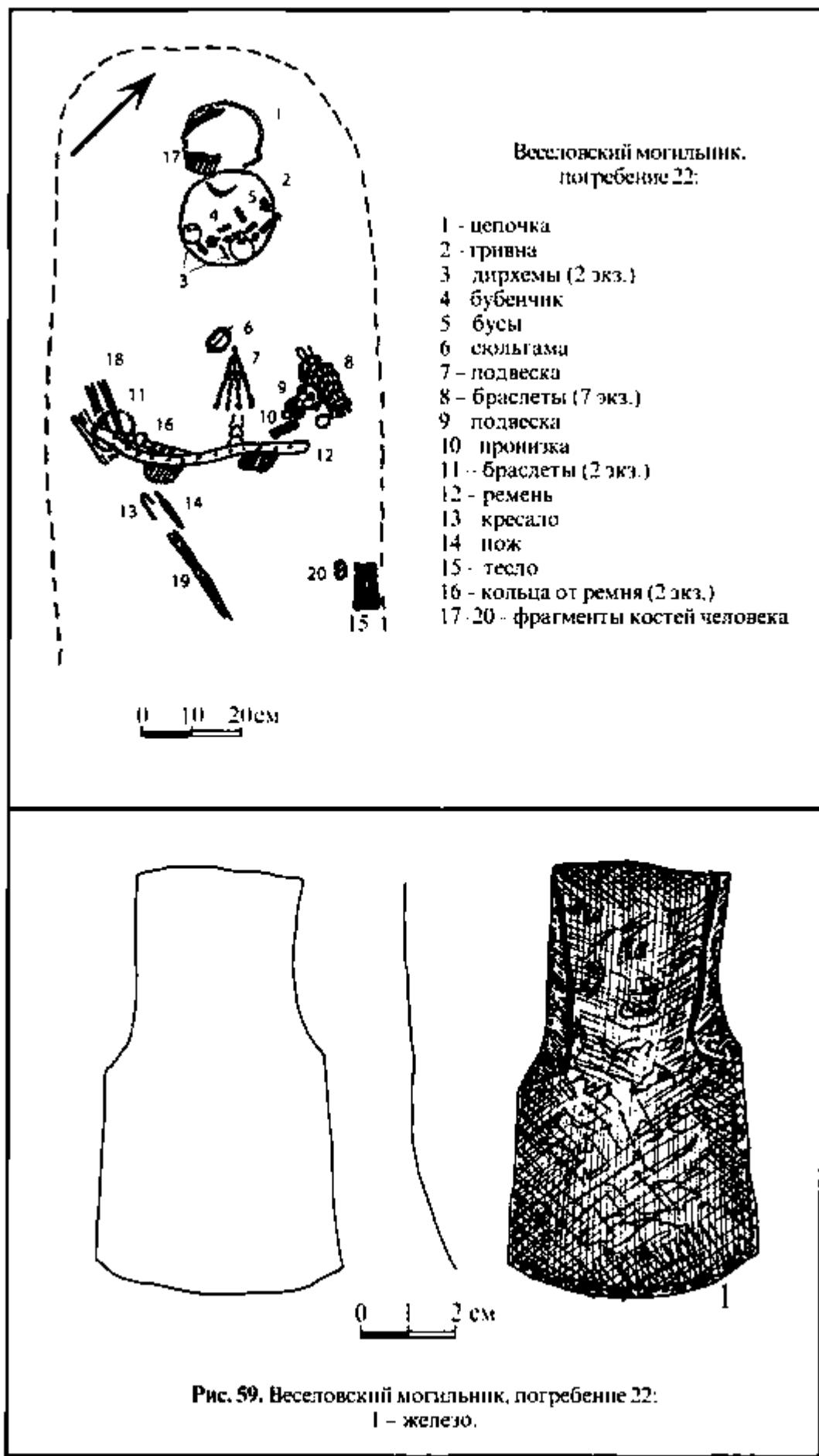
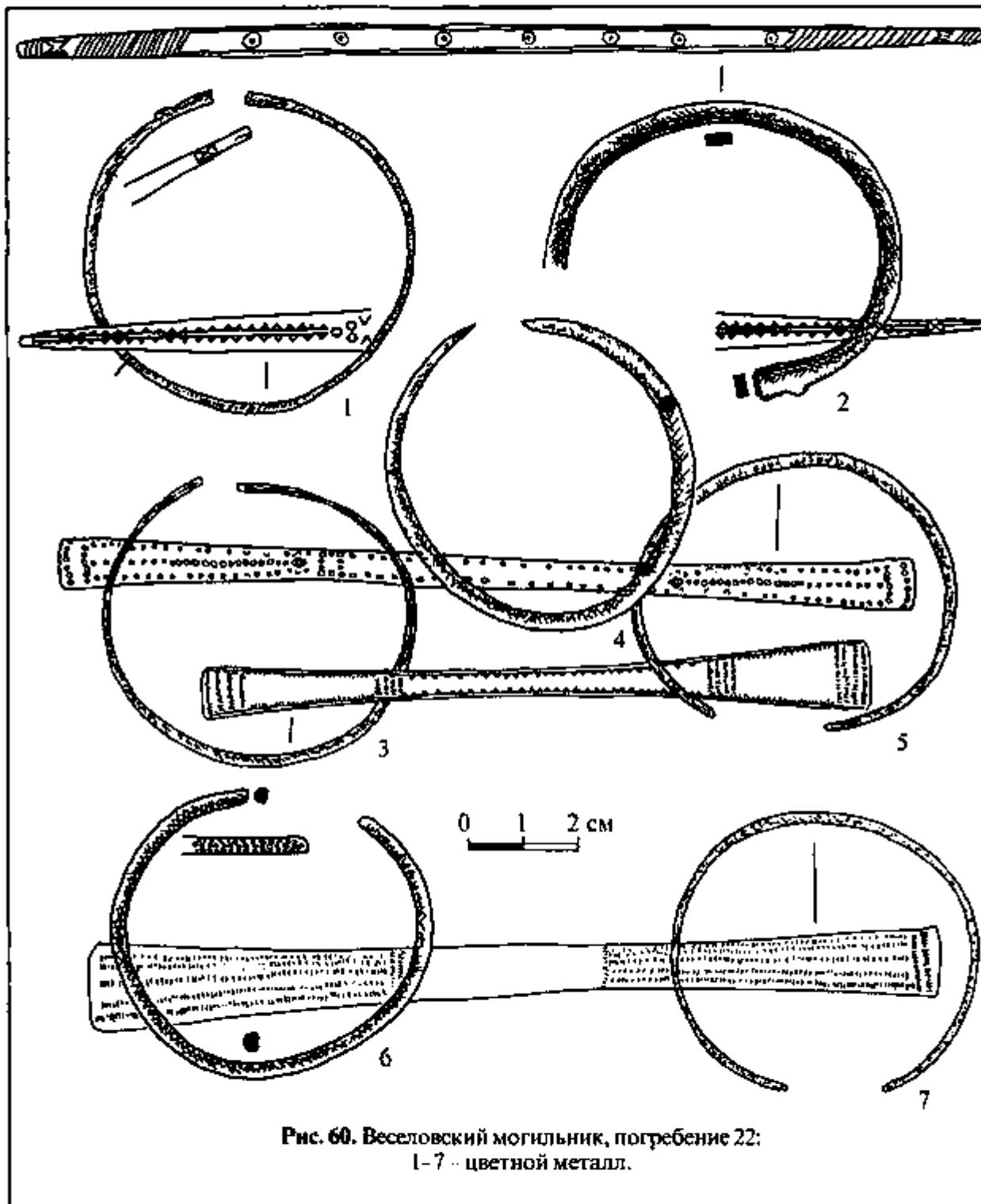

Рис. 57. Веселовский могильник, жертвенный комплекс 20:
1 – известняк; 2 – железо, цветной металл;
3, 4 – цветной металл; 5 – железо.

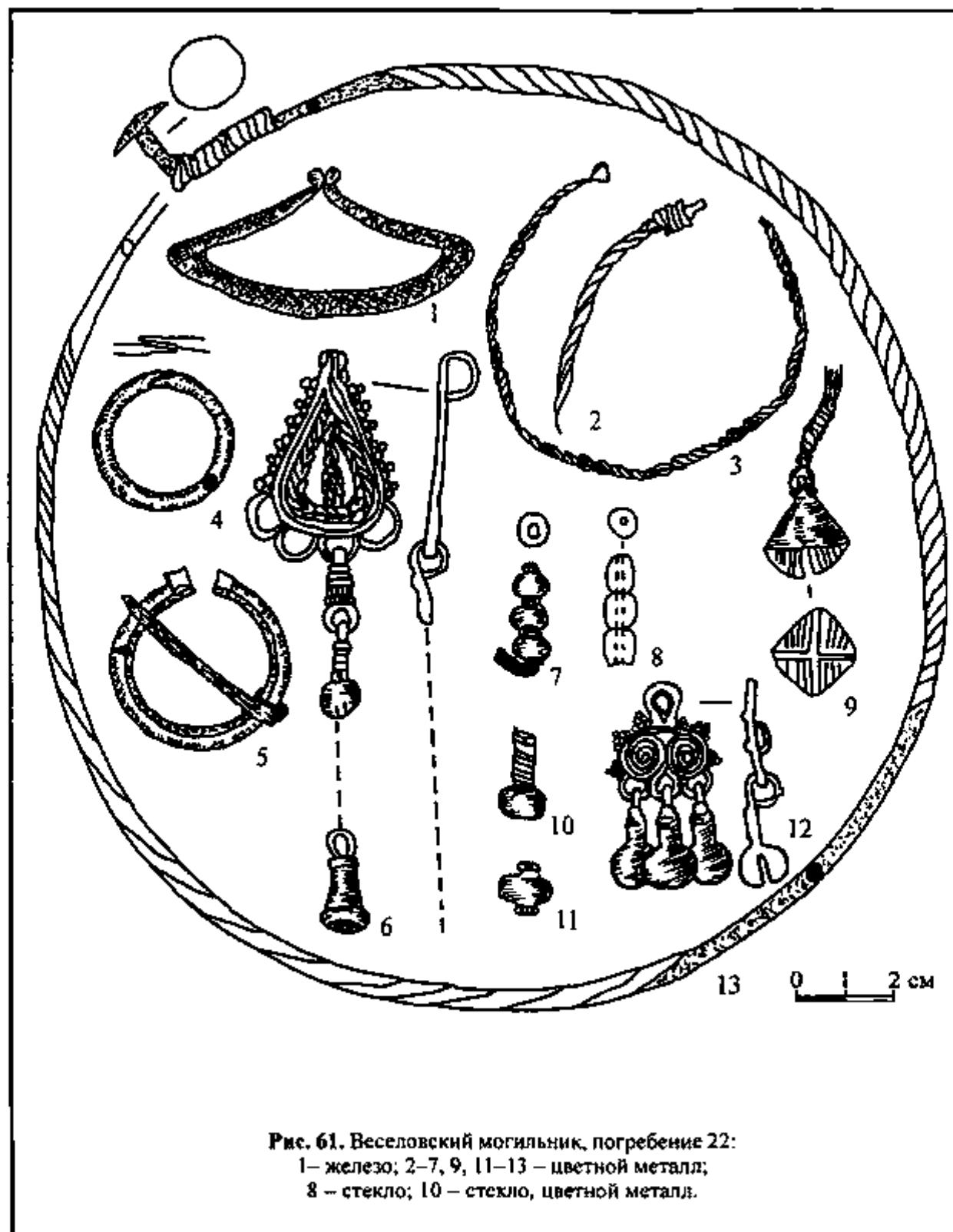
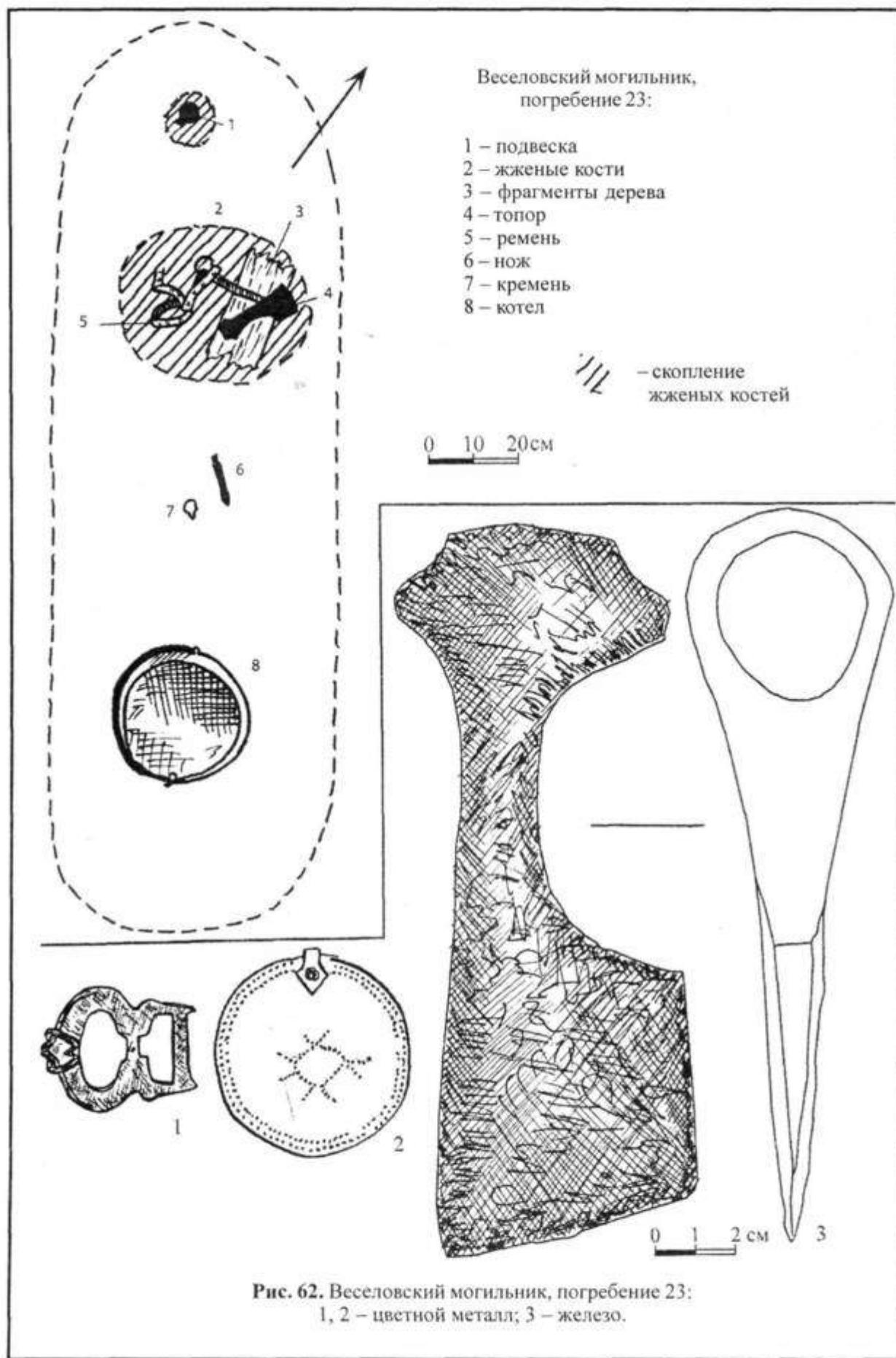
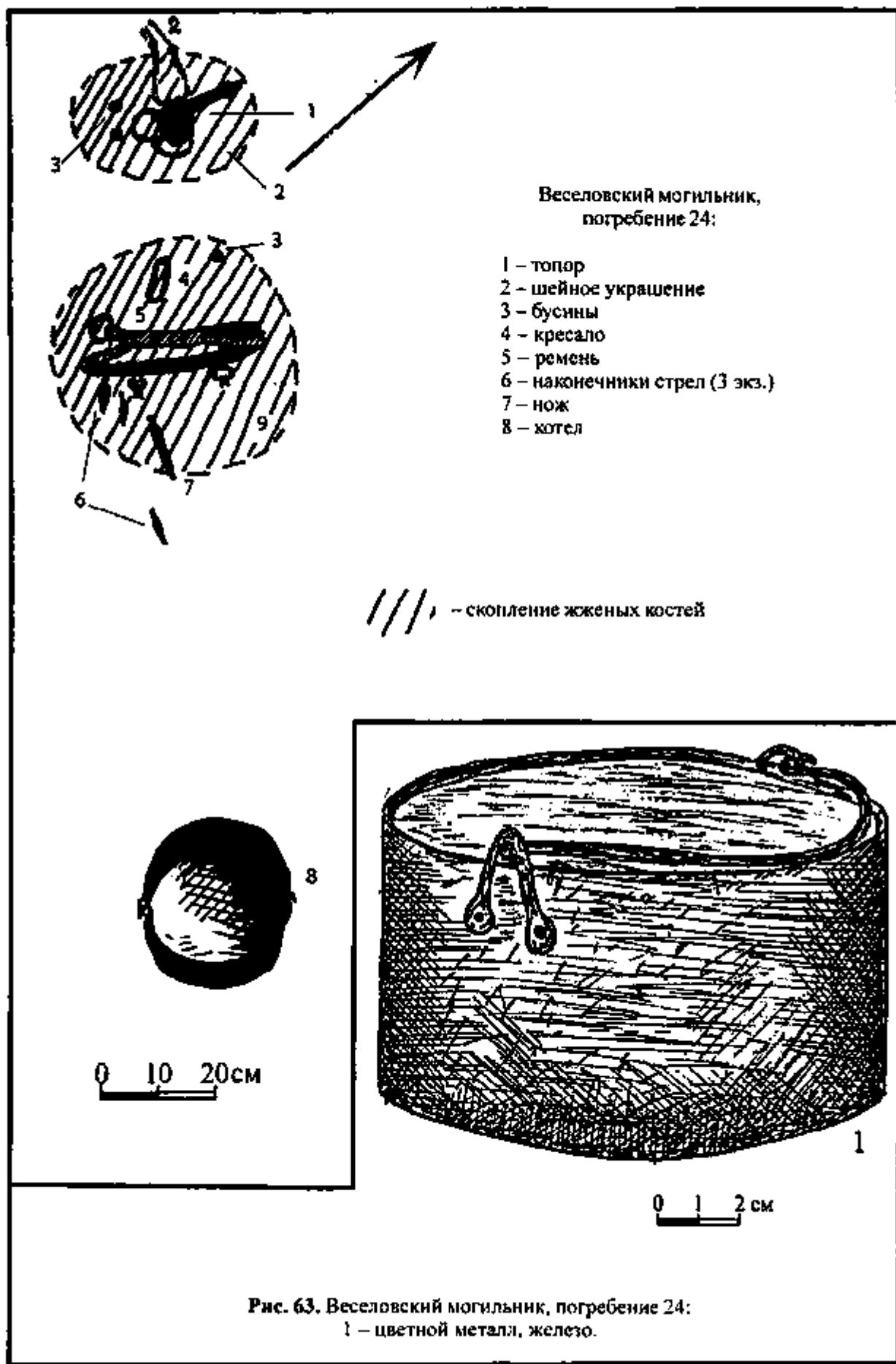

Рис. 61. Веселовский могильник, погребение 22:
1 – железо; 2–7, 9, 11–13 – цветной металл;
8 – стекло; 10 – стекло, цветной металл.

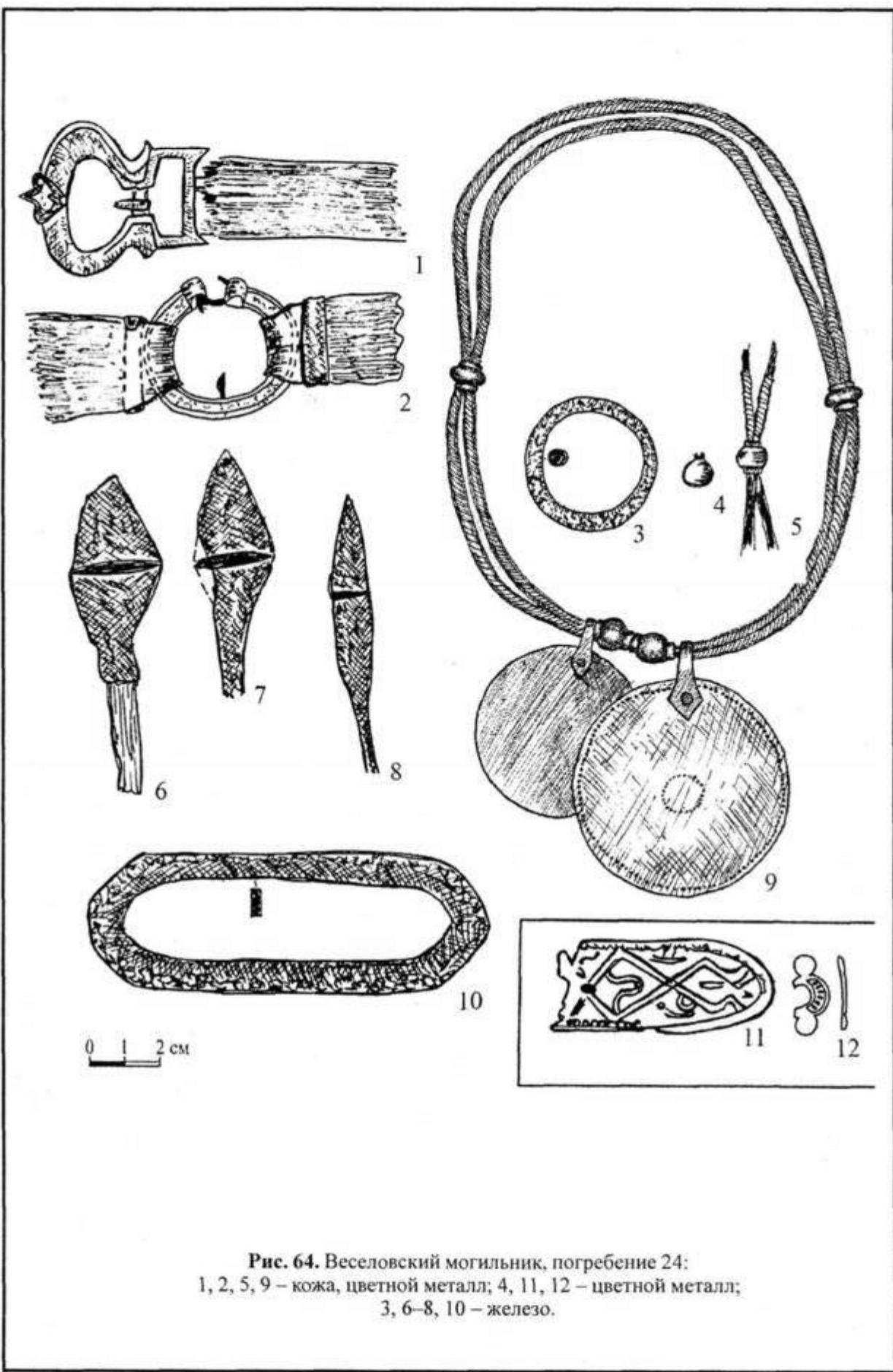
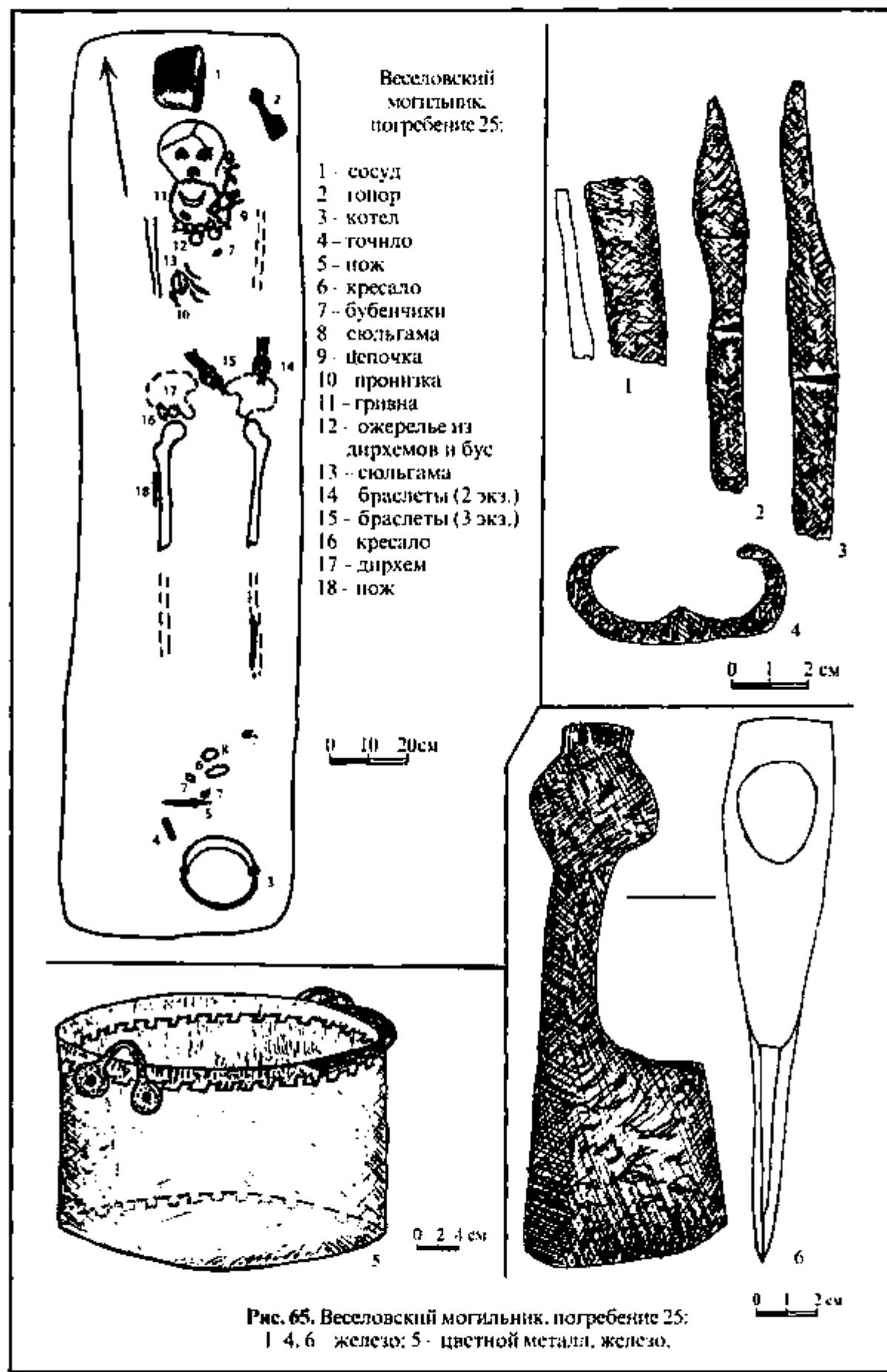

Рис. 64. Веселовский могильник, погребение 24:
1, 2, 5, 9 – кожа, цветной металл; 4, 11, 12 – цветной металл;
3, 6–8, 10 – железо.

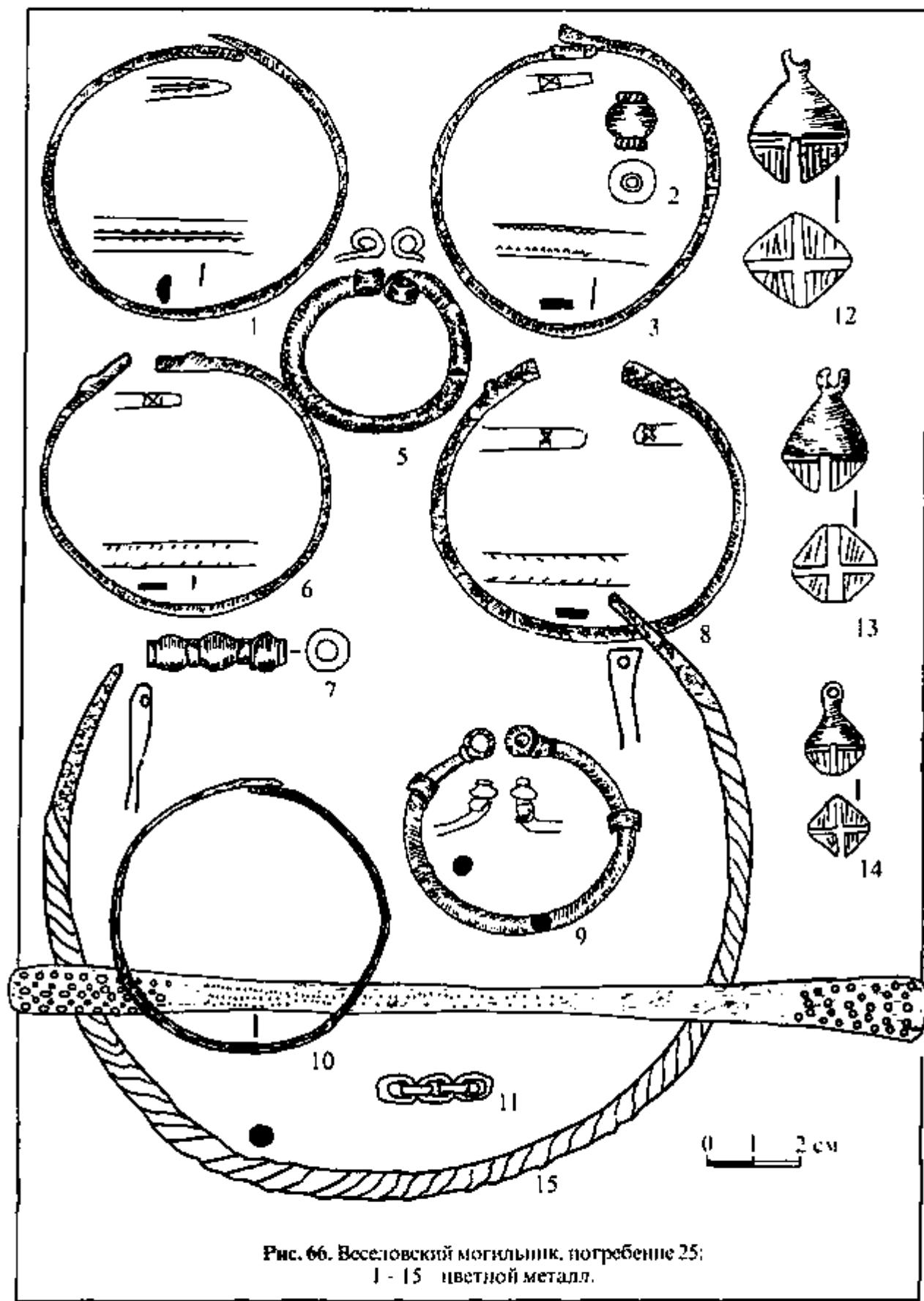
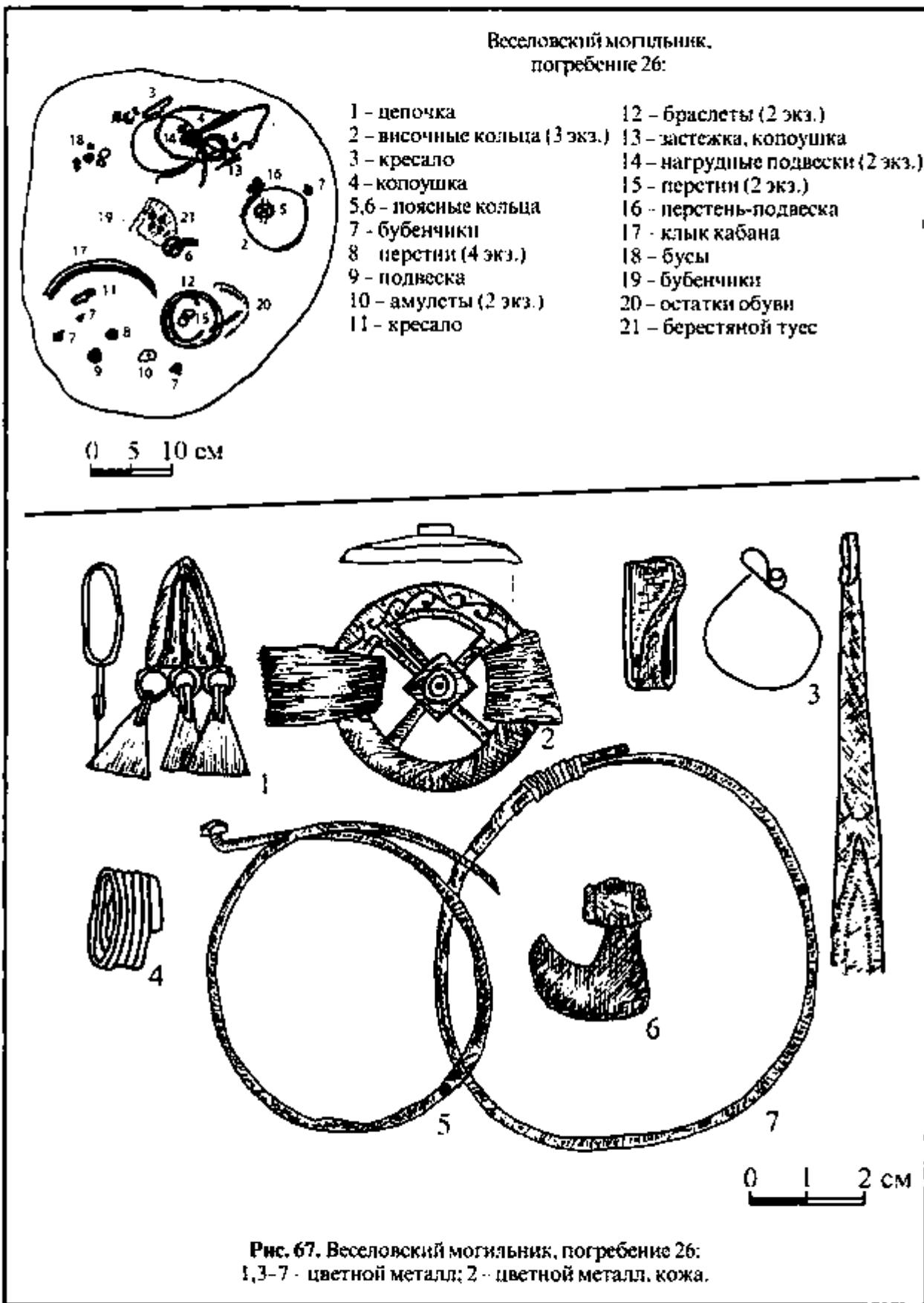

Рис. 66. Веселовский могильник, погребение 25:
1 - 15 цветной металл.

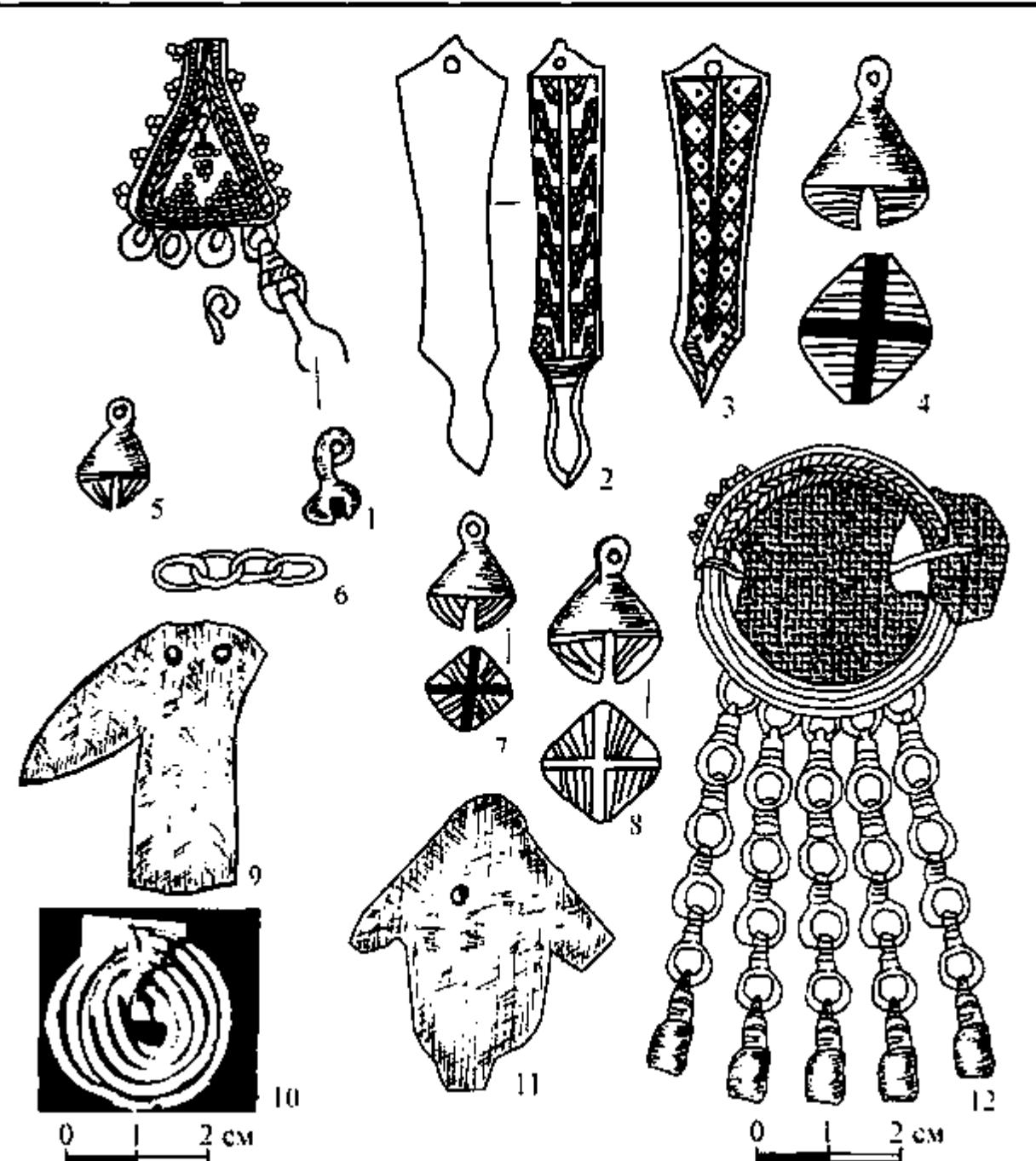
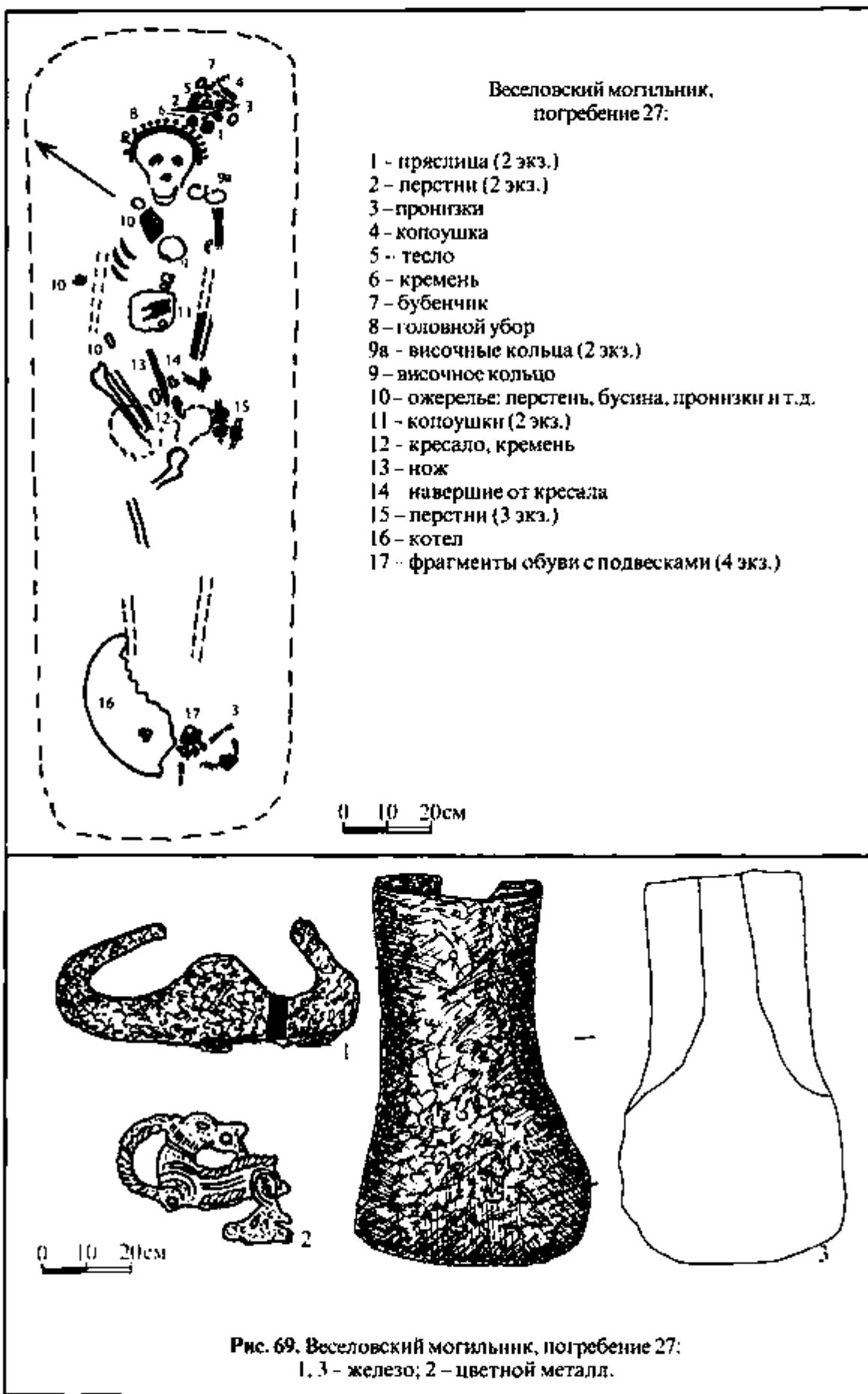
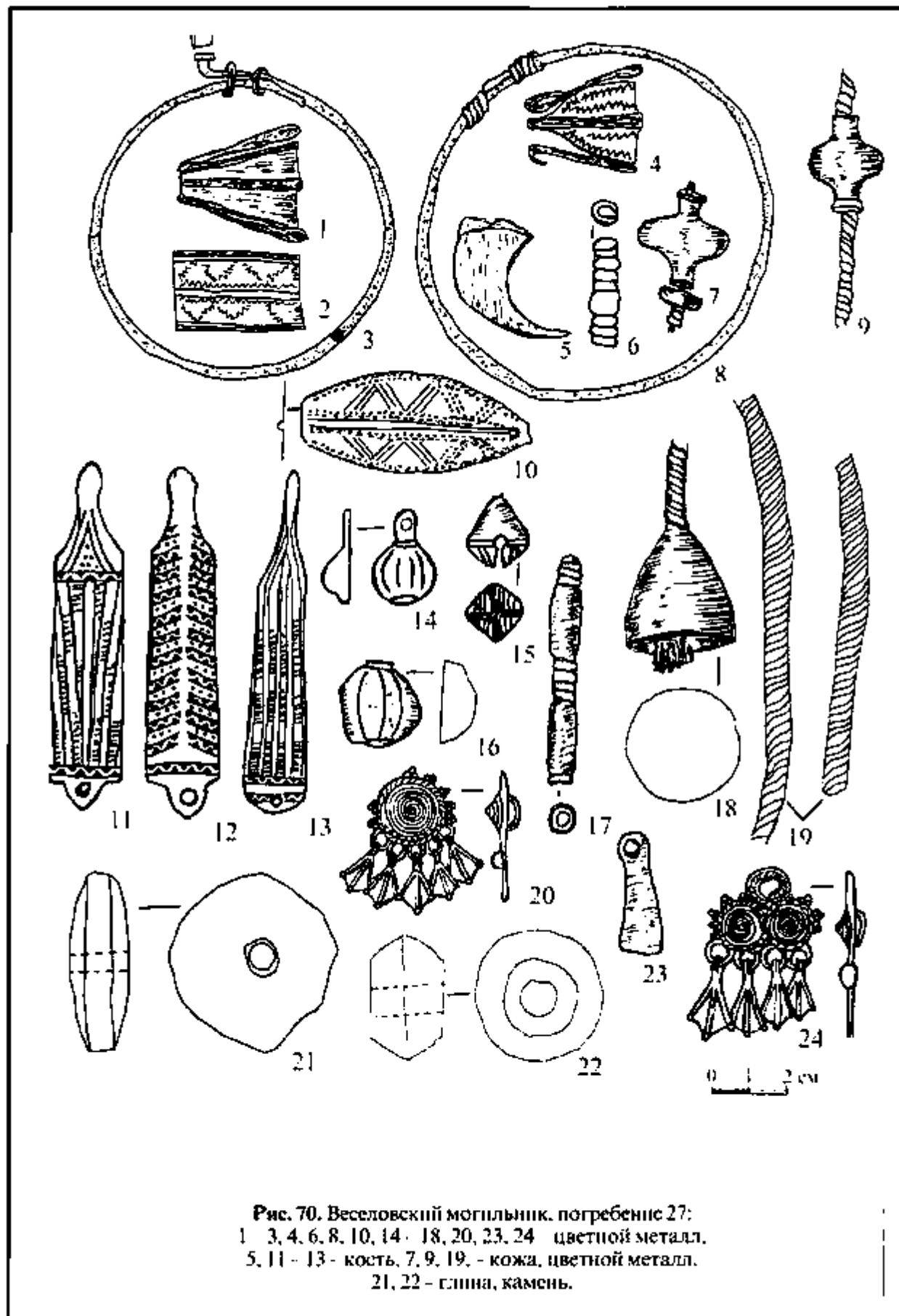

Рис. 68. Веселовский могильник, погребение 2б:
1, 4 – 11 – цветной металл; 2, 3 – кость;
12 – цветной металл, ткань.

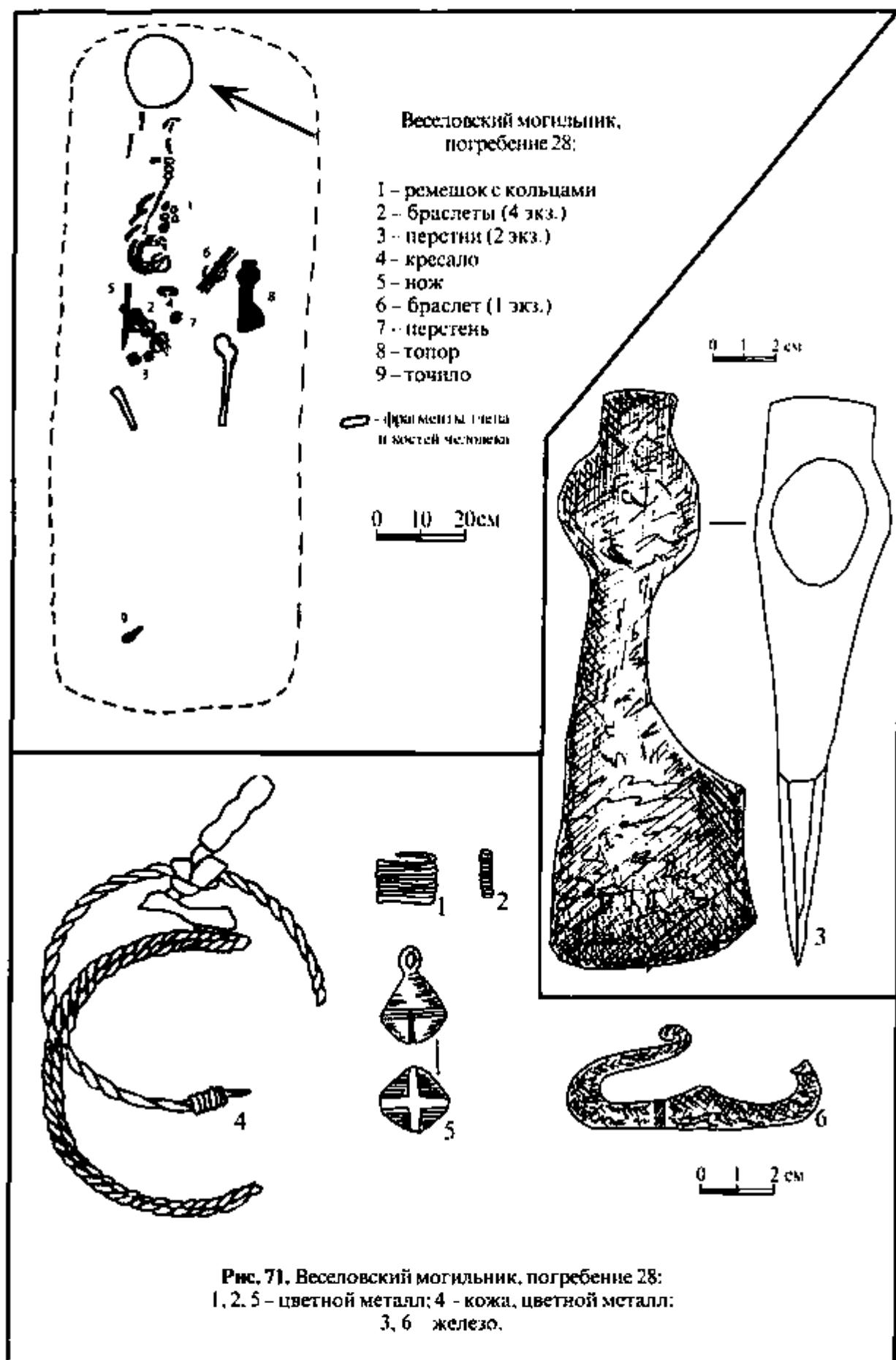

Рис. 71. Веселовский могильник, погребение 28:
1, 2, 5 – цветной металл; 4 – кожа, цветной металл;
3, 6 – железо.

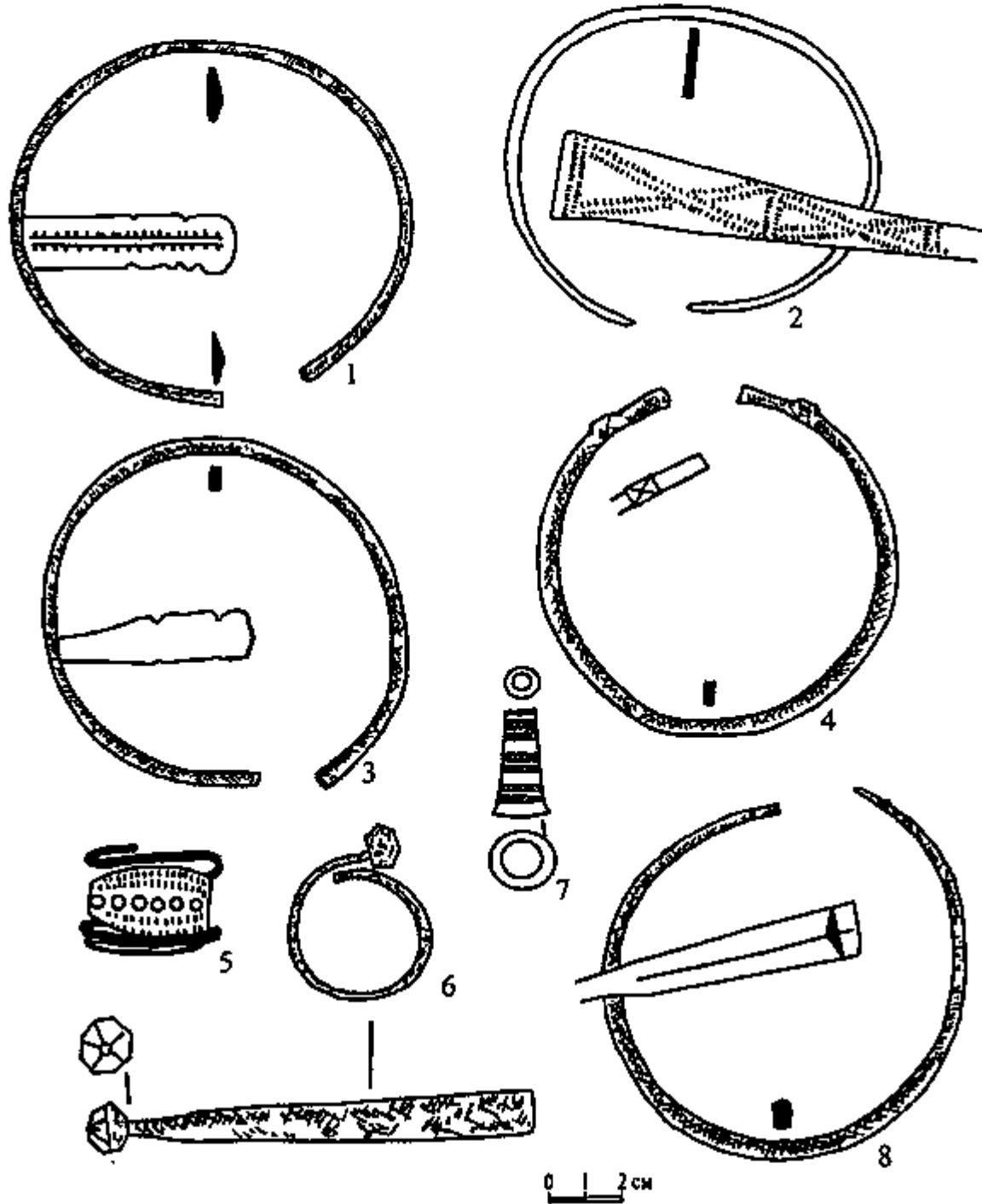
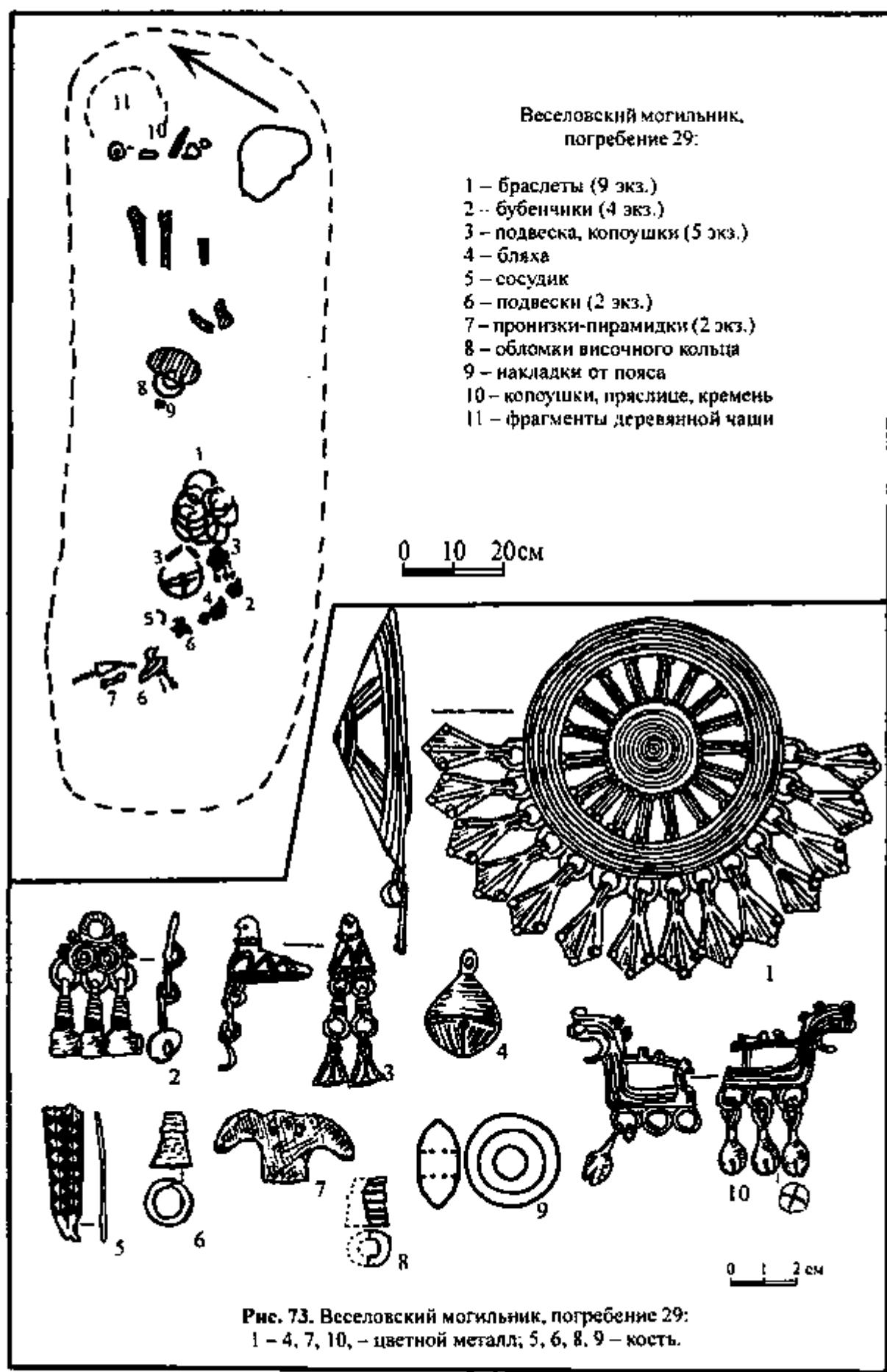

Рис. 72. Веселовский могильник, погребение 28:
1-6, 8 - цветной металл; 7 - кость.

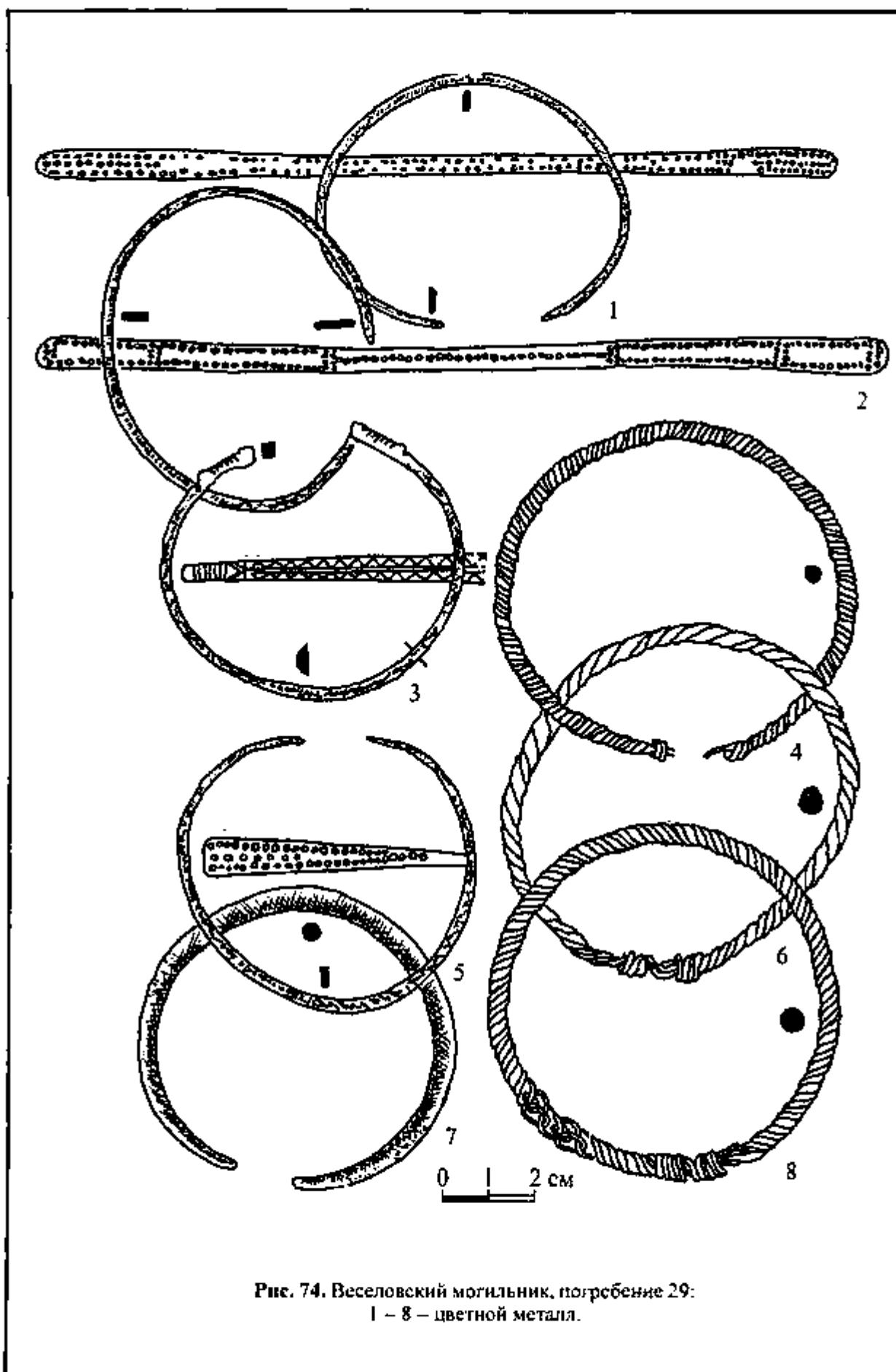
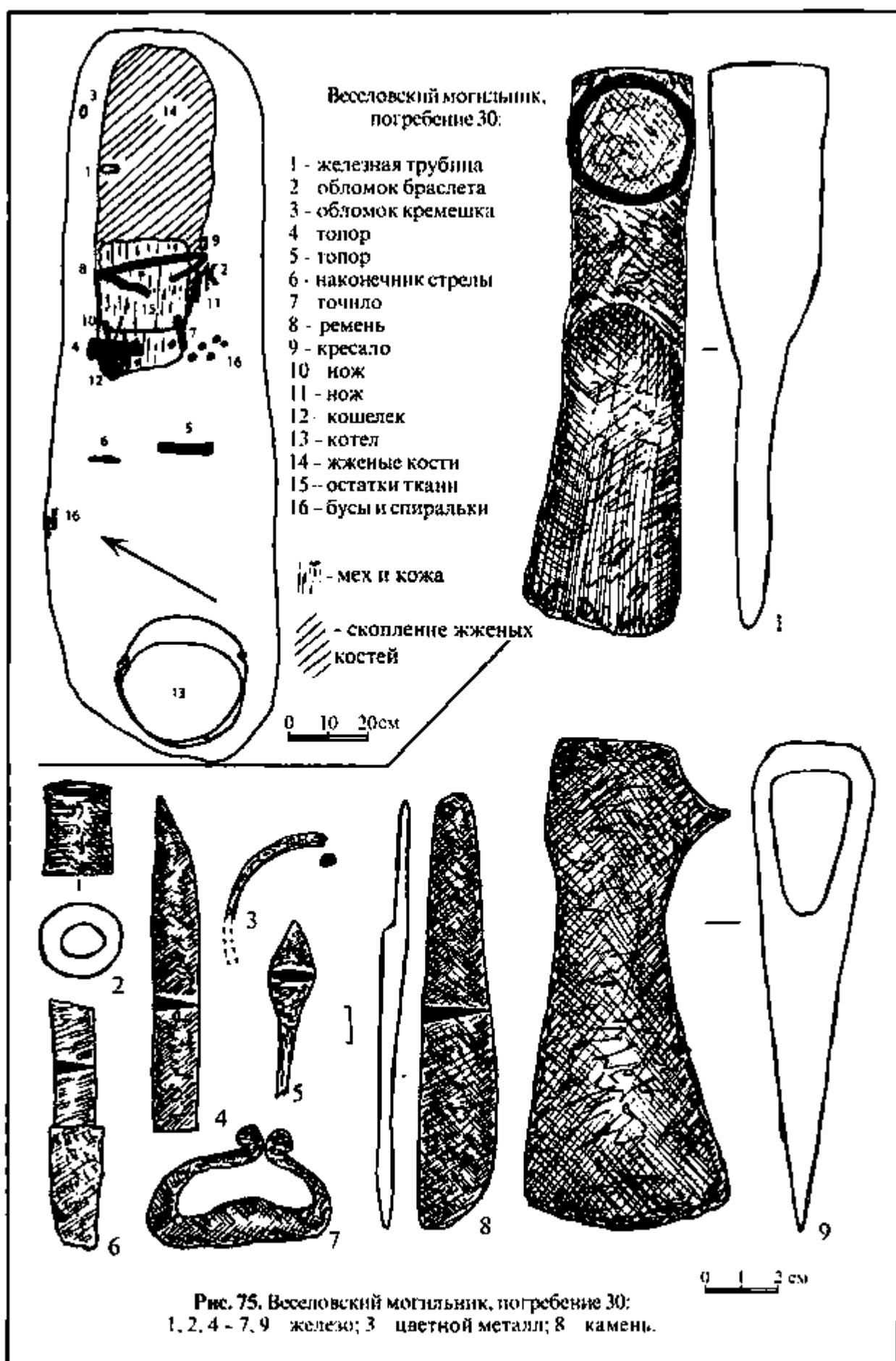

Рис. 74. Веселовский могильник, погребение 29:
1 – 8 – цветной металла.

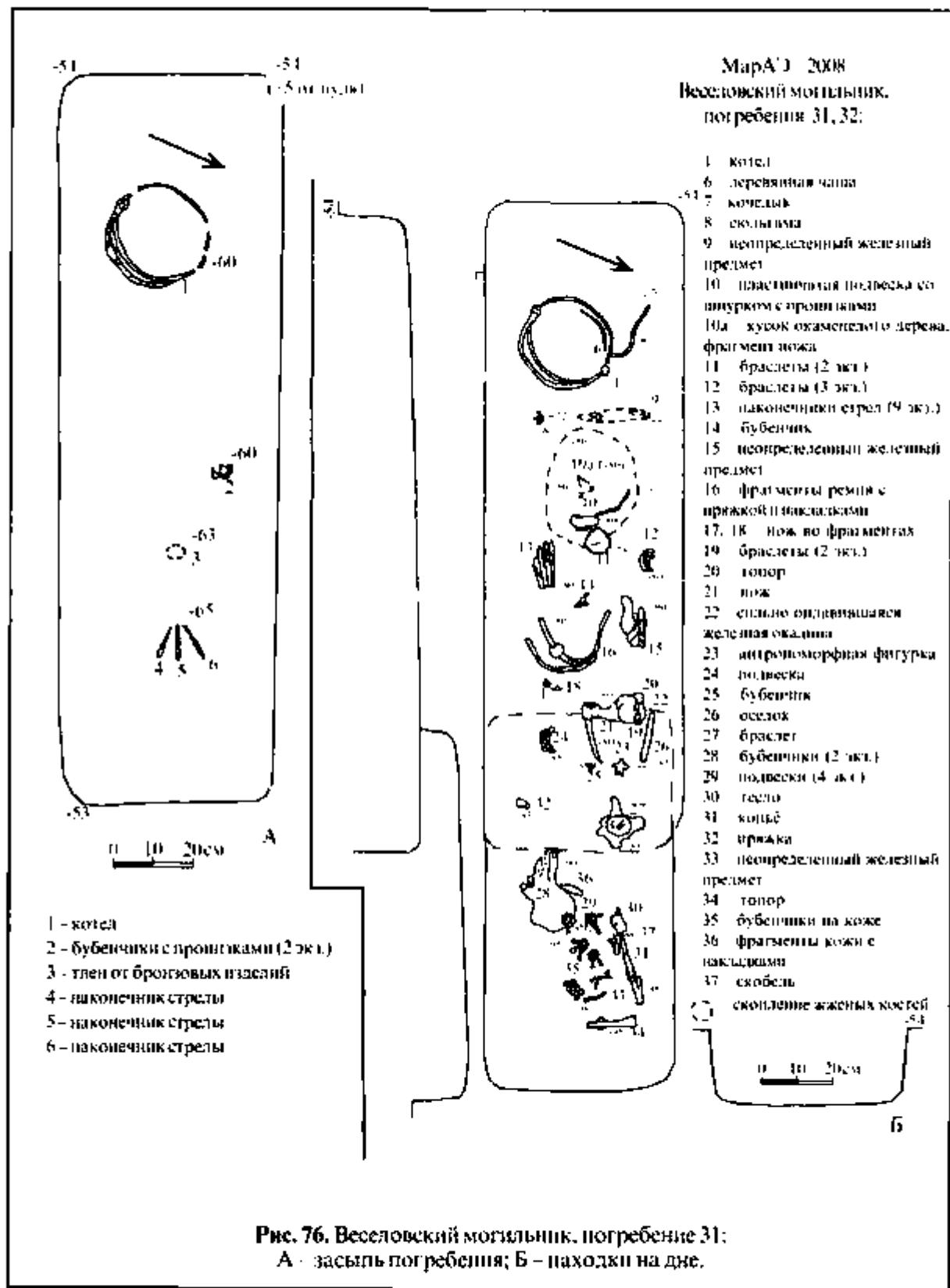

Рис. 76. Веселовский могильник, погребение 31:
А - засыпь погребения; Б - находки на дне.

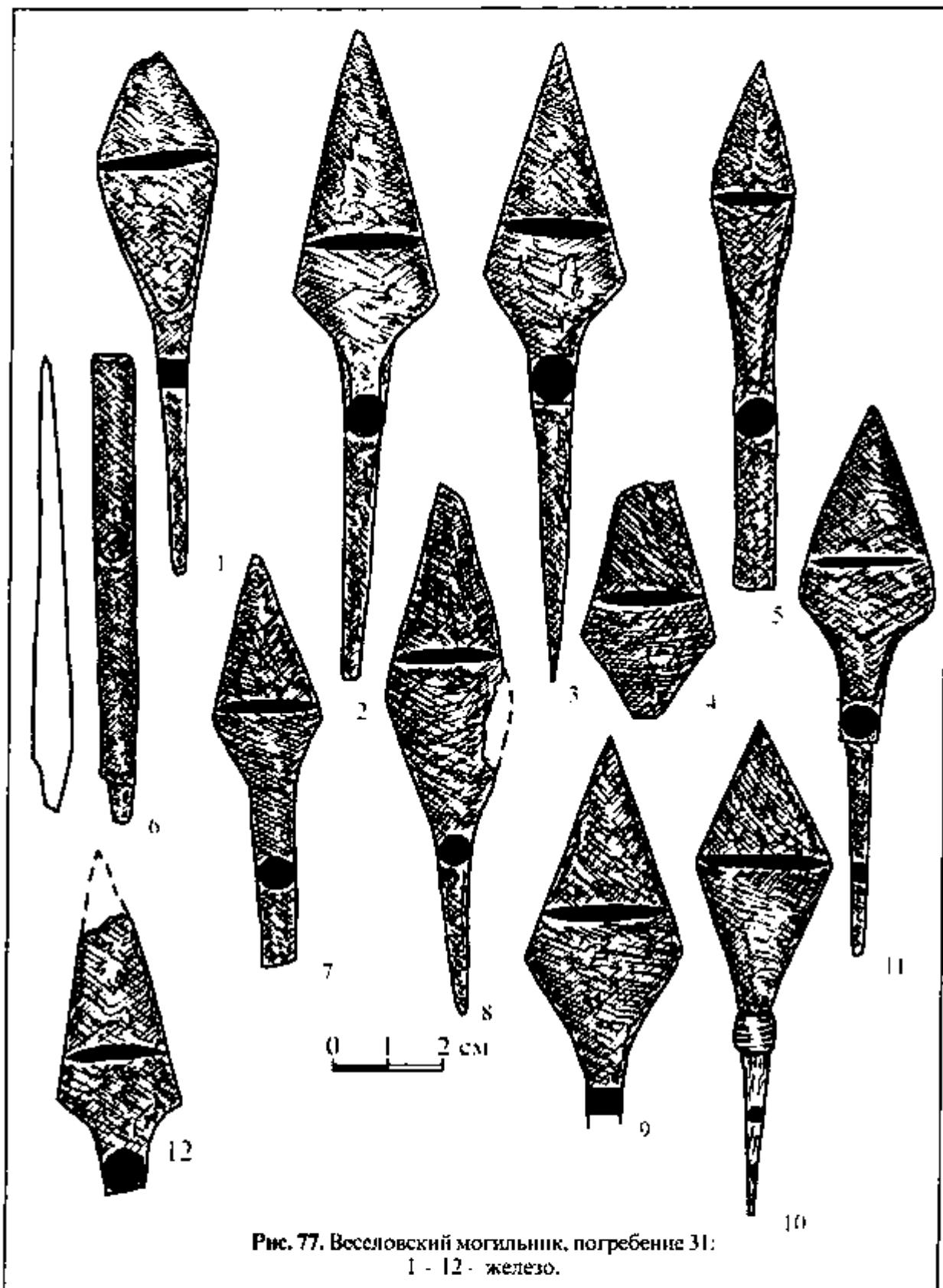

Рис. 77. Весловский могильник, погребение 31:
1 - 12 - железо.

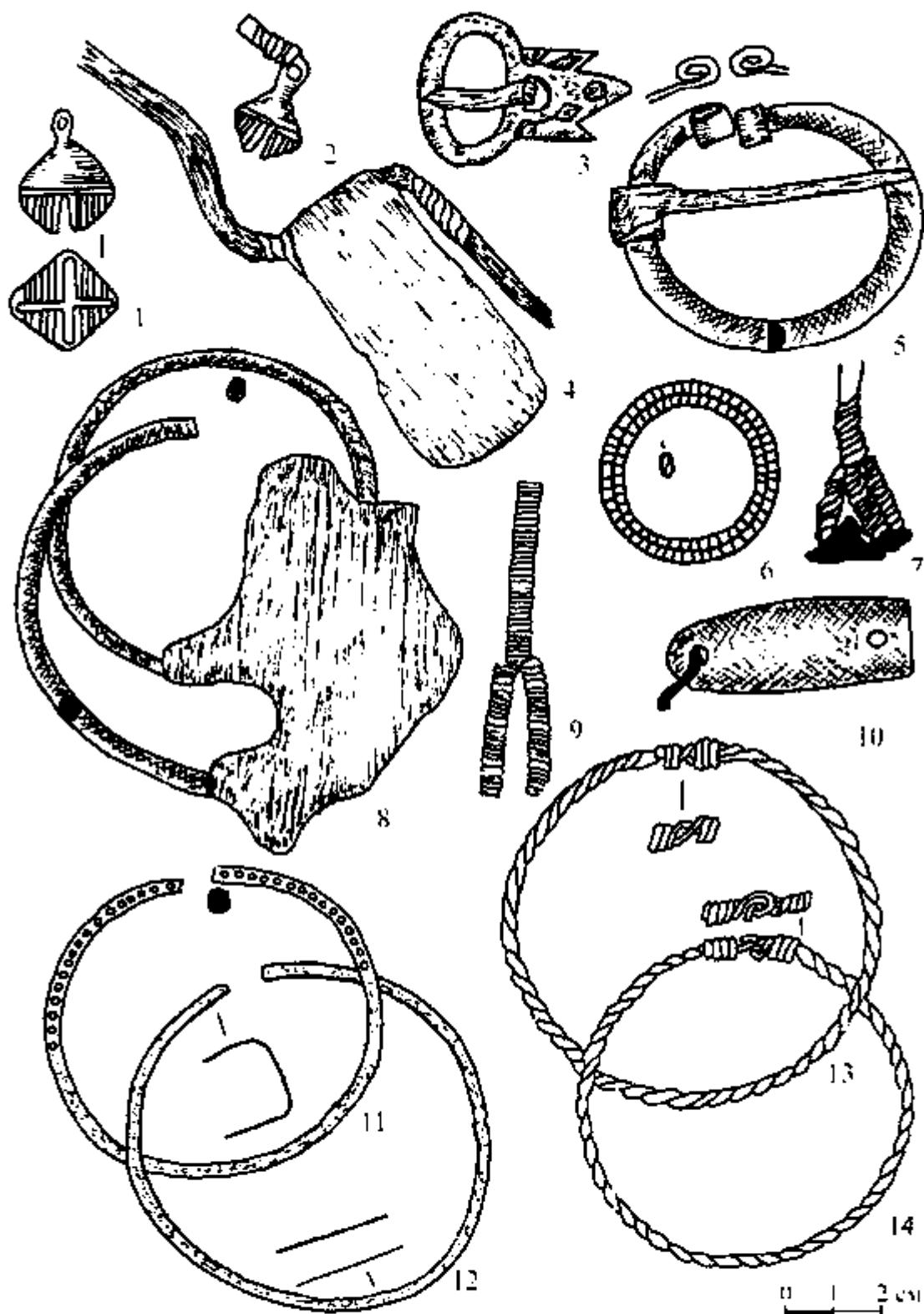

Рис. 78. Веселовский могильник, погребение 31:
1 - 6, 10 - 14 - цветной металл, 7, 9 - шерсть, цветной металл,
8 - цветной металл, железо.

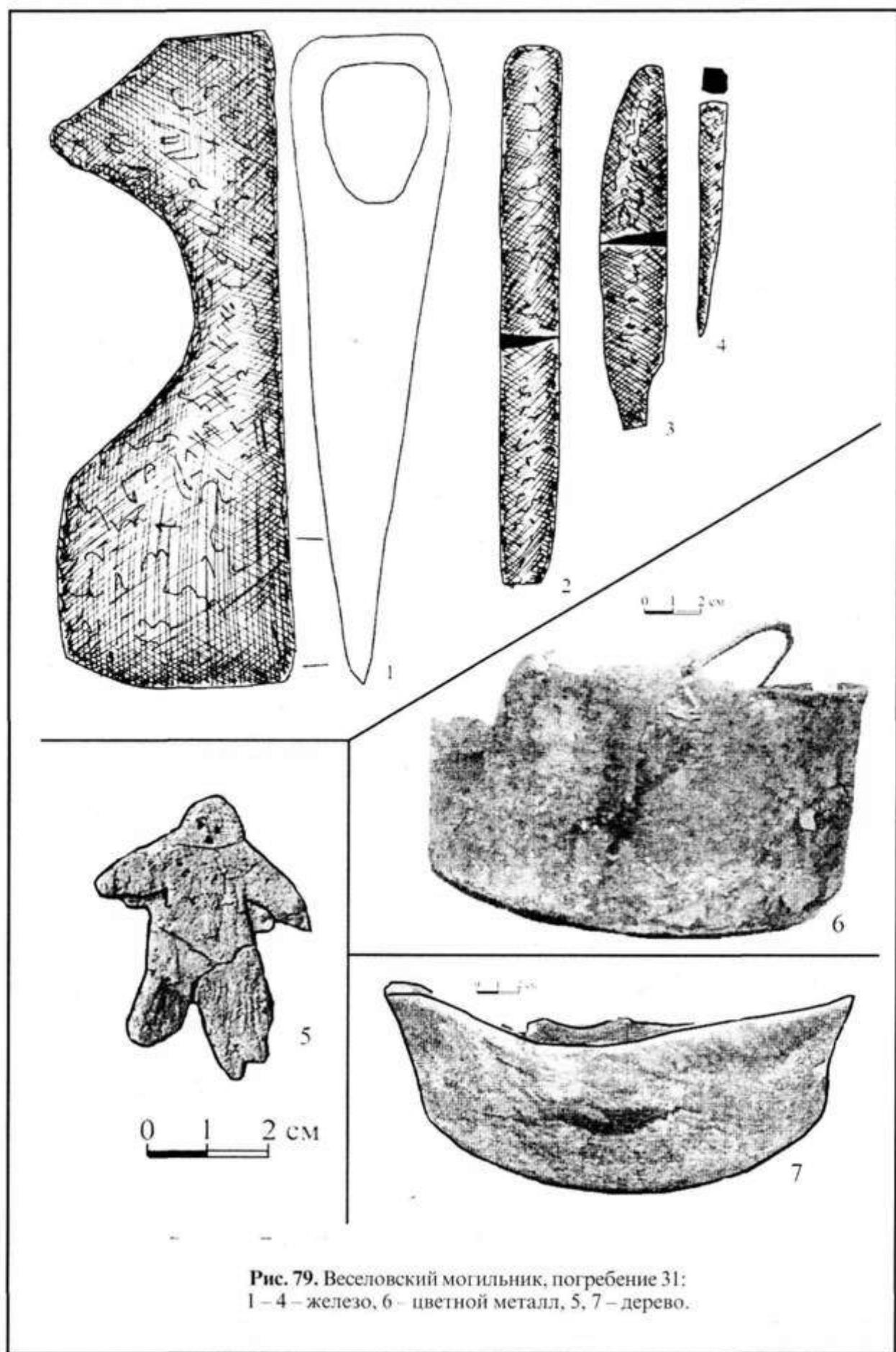

Рис. 79. Веселовский могильник, погребение 31:
1 – 4 – железо, 6 – цветной металл, 5, 7 – дерево.

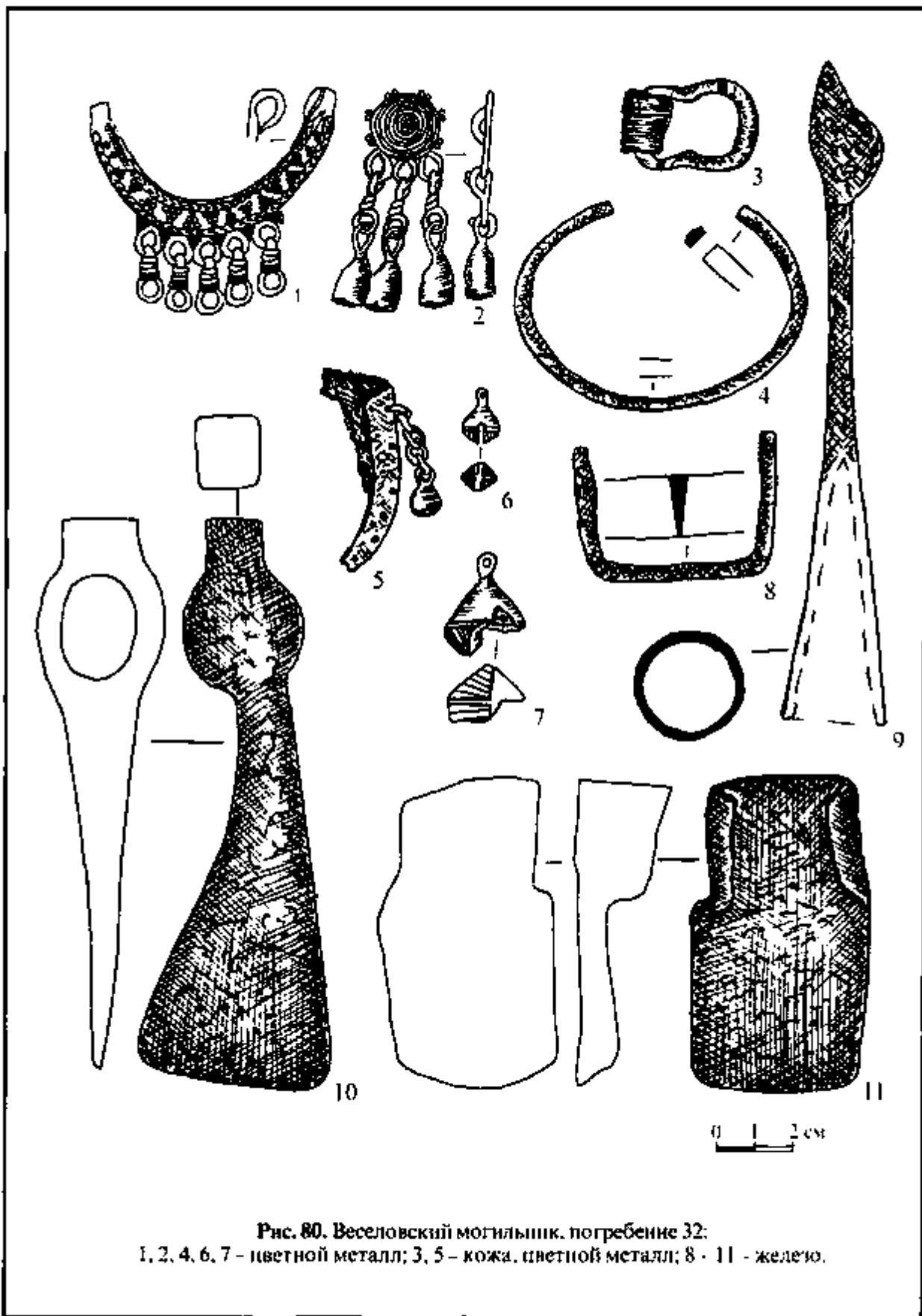
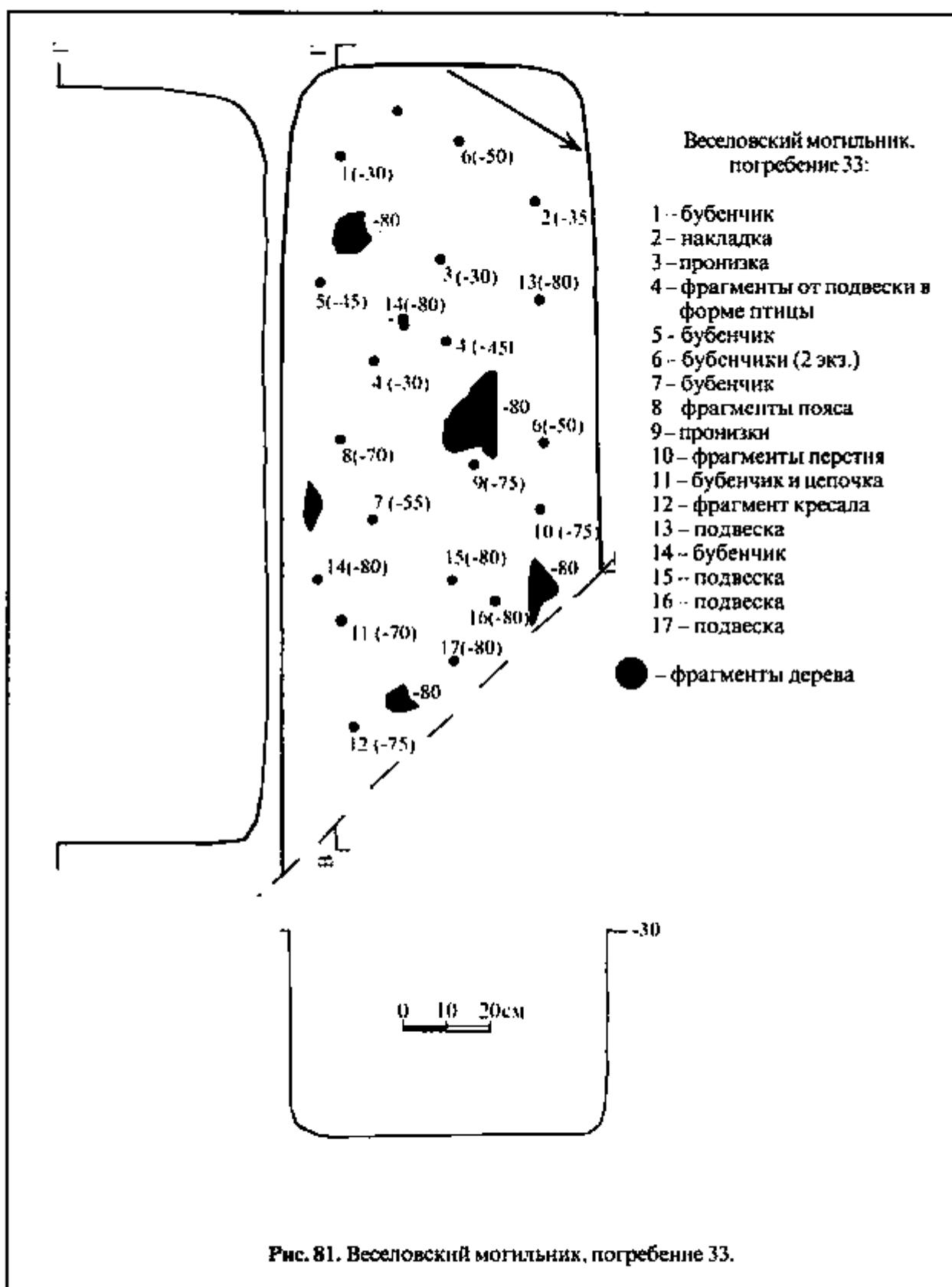

Рис. 80. Веселовский могильник, погребение 32:
1, 2, 4, 6, 7 – цветной металл; 3, 5 – кожа, цветной металл; 8 – 11 – железо.

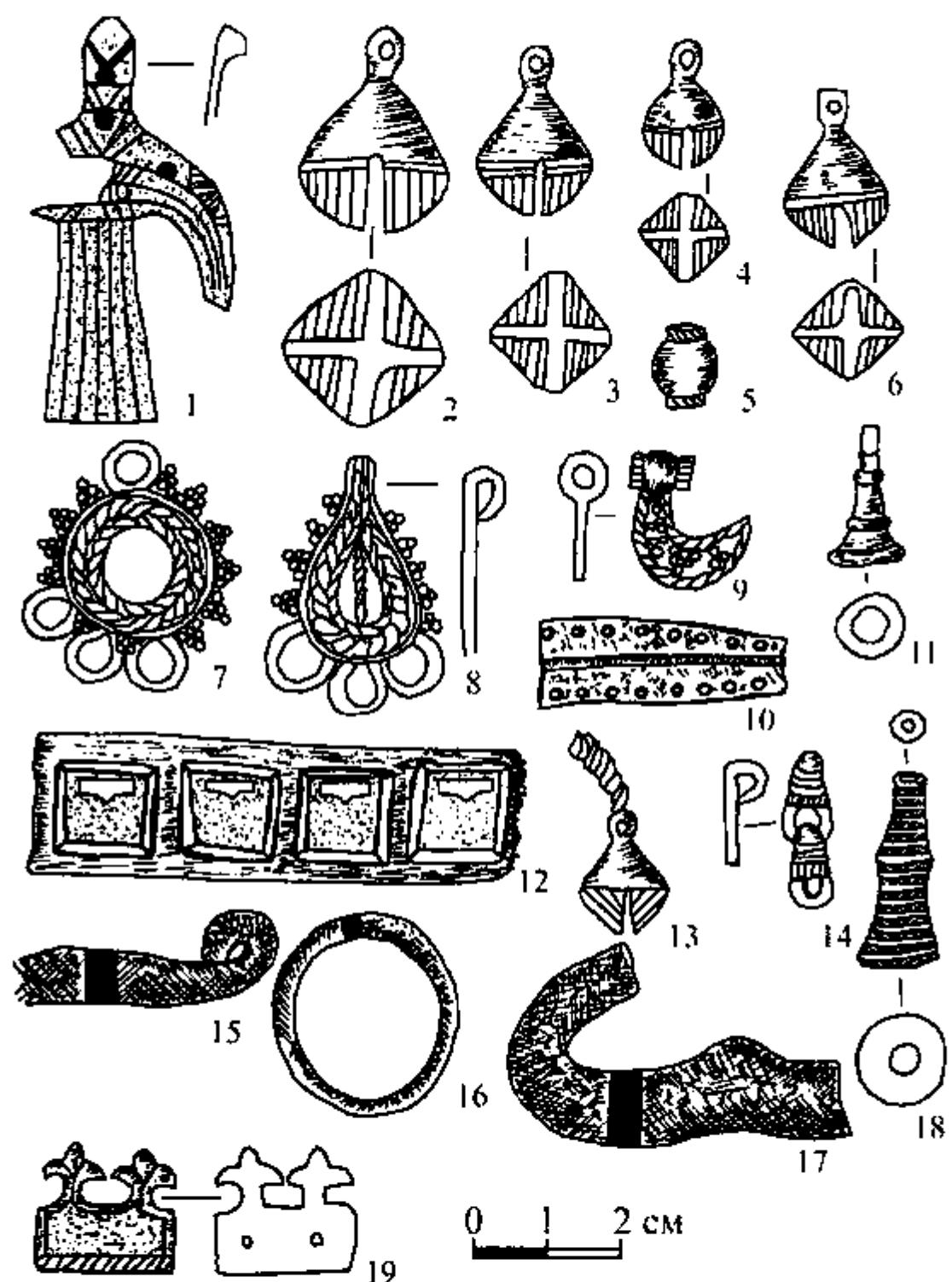

Рис. 82. Весловский могильник, погребение 33:
1 - 11, 13, 14, 16, 19 - цветной металл; 18 - кость;
12 - кожа, цветной металл; 15, 17 - железо.

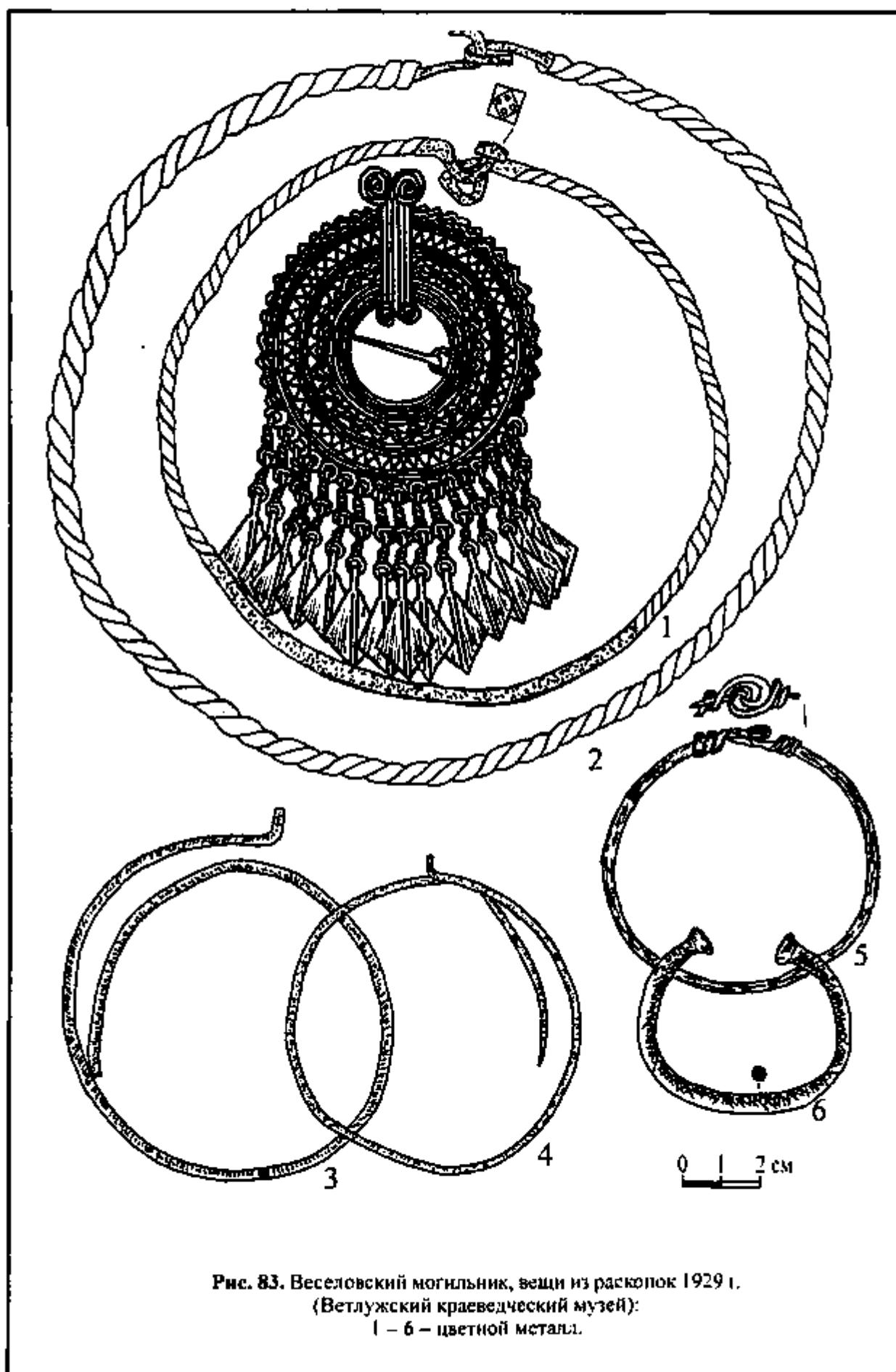

Рис. 83. Веселовский могильник, вещи из раскопок 1929 г.
(Вятлужский краеведческий музей):
1 – 6 – цветной металл.

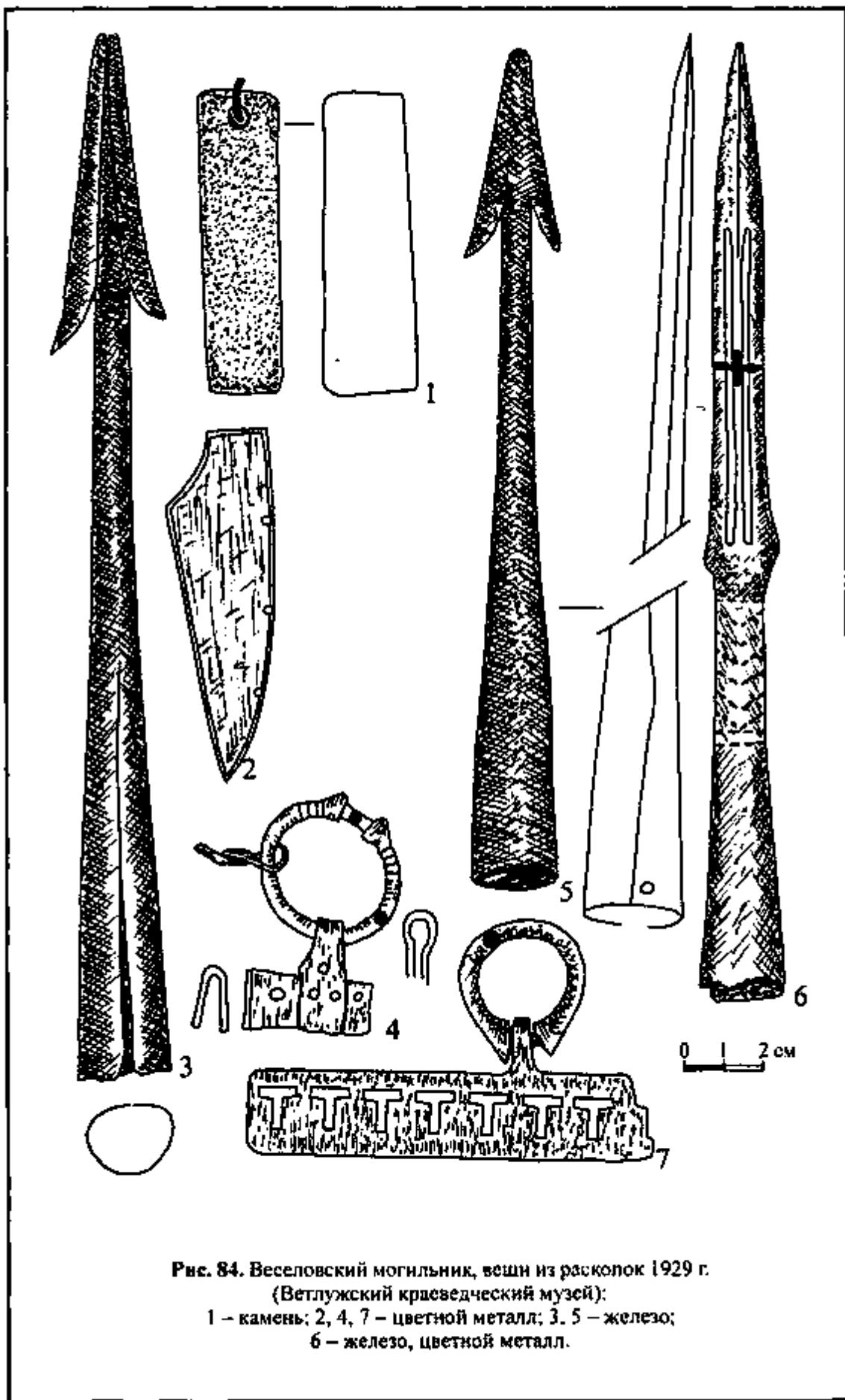

Рис. 84. Веселовский могильник, вещи из раскопок 1929 г.

(Ветлужский краеведческий музей):

1 – камень; 2, 4, 7 – цветной металл; 3, 5 – железо;
6 – железо, цветной металл.

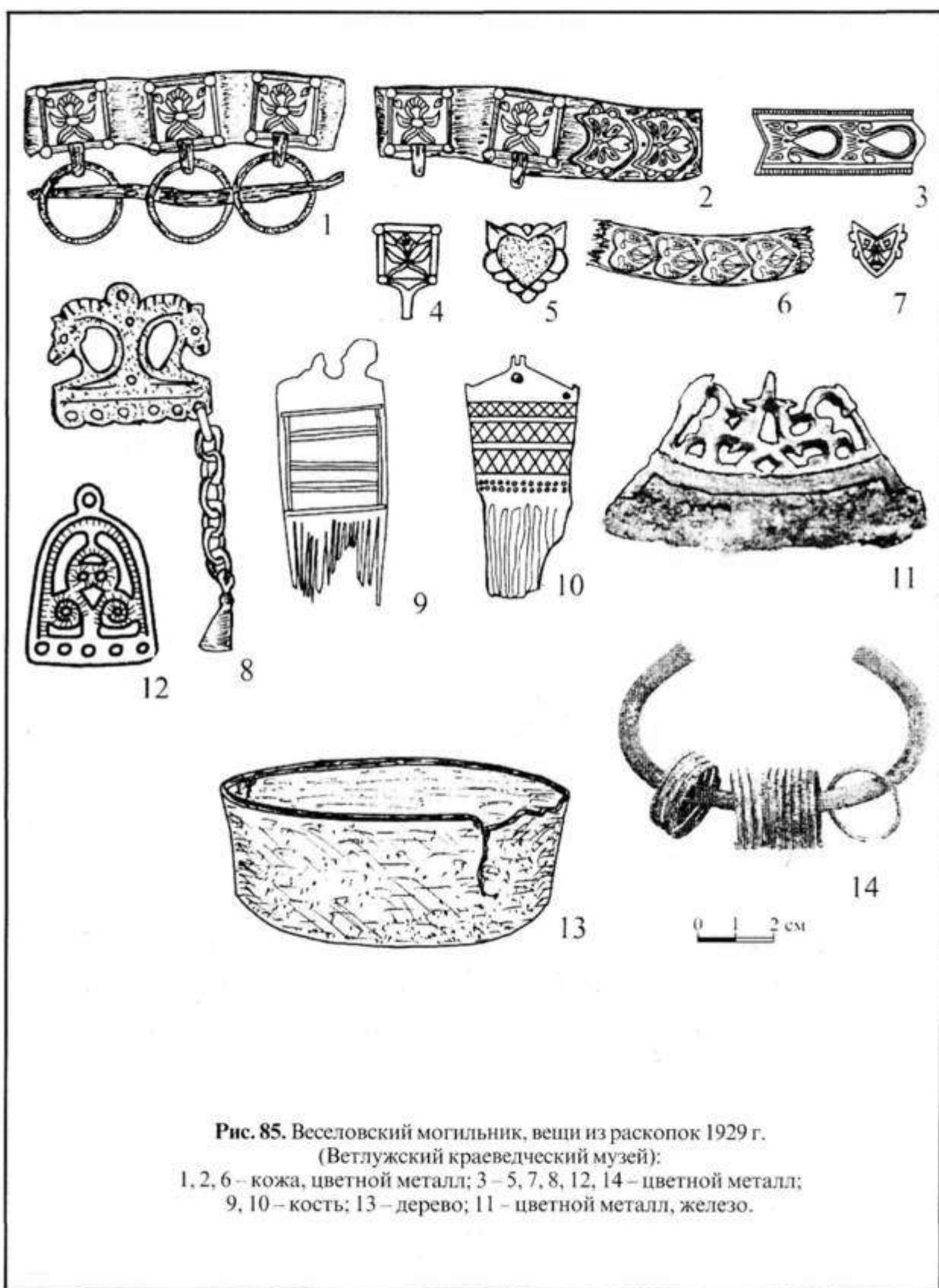
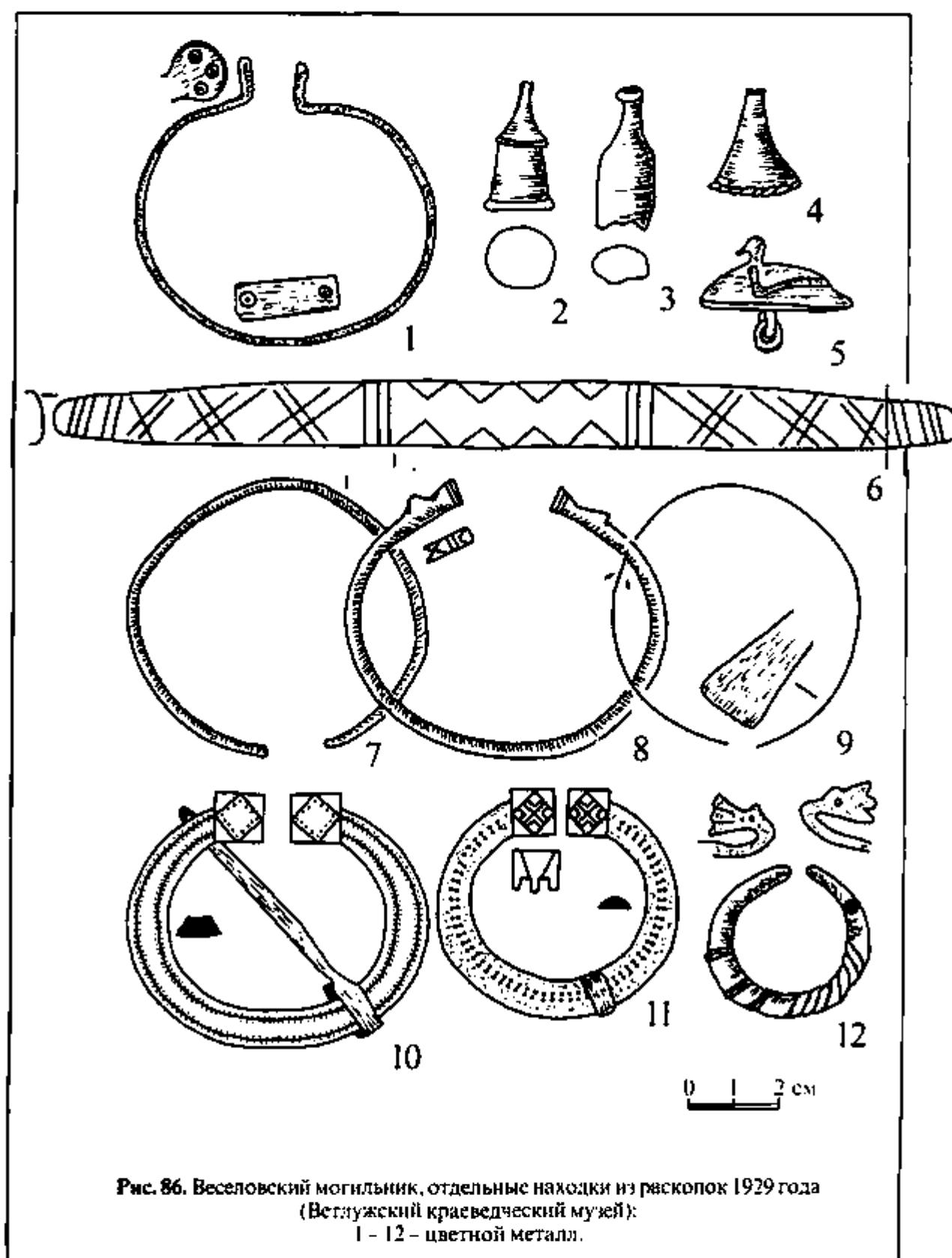

Рис. 85. Веселовский могильник, вещи из раскопок 1929 г.
 (Ветлужский краеведческий музей):
 1, 2, 6 – кожа, цветной металл; 3 – 5, 7, 8, 12, 14 – цветной металл;
 9, 10 – кость; 13 – дерево; 11 – цветной металл, железо.

**Рис. 86. Веселовский могильник, отдельные находки из раскопок 1929 года
(Вятгужский краеведческий музей):
1 – 12 – цветной металл.**

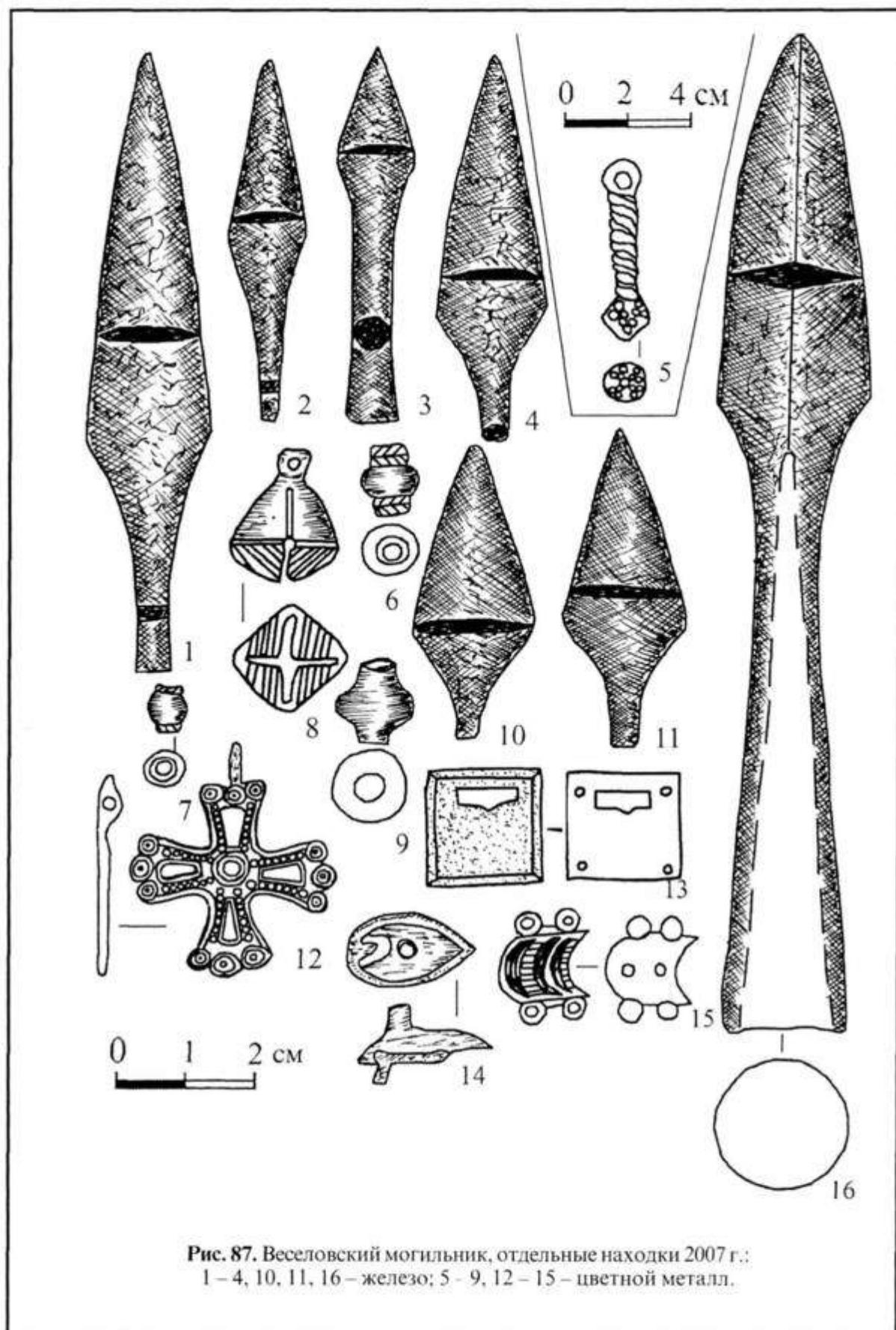

Рис. 87. Веселовский могильник, отдельные находки 2007 г.:
1 – 4, 10, 11, 16 – железо; 5 – 9, 12 – 15 – цветной металл.

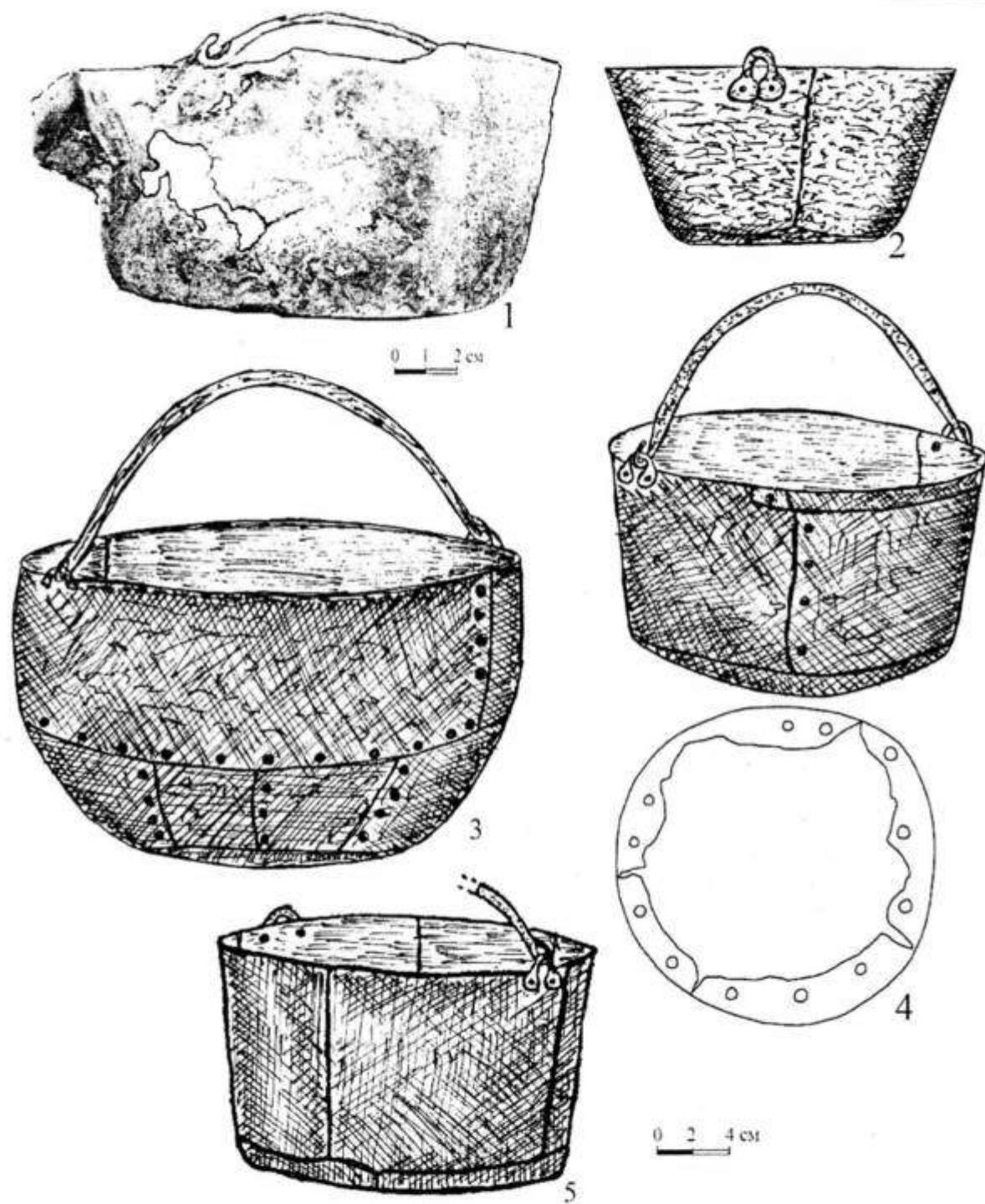
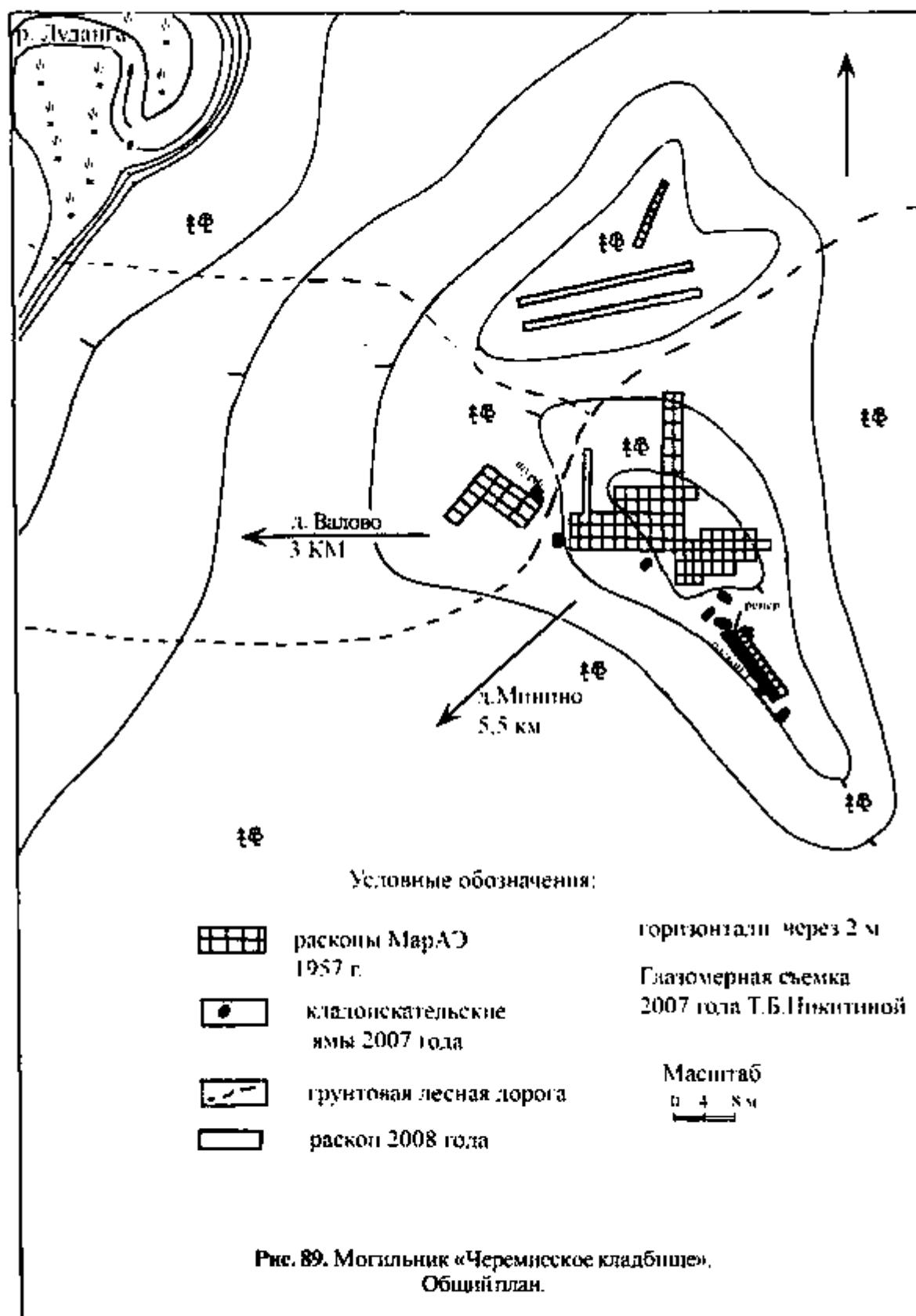

Рис. 88. Веселовский могильник, отдельные находки:
1, 2, 4 – цветной металл; 3 – железо; 5 – цветной металл, железо.

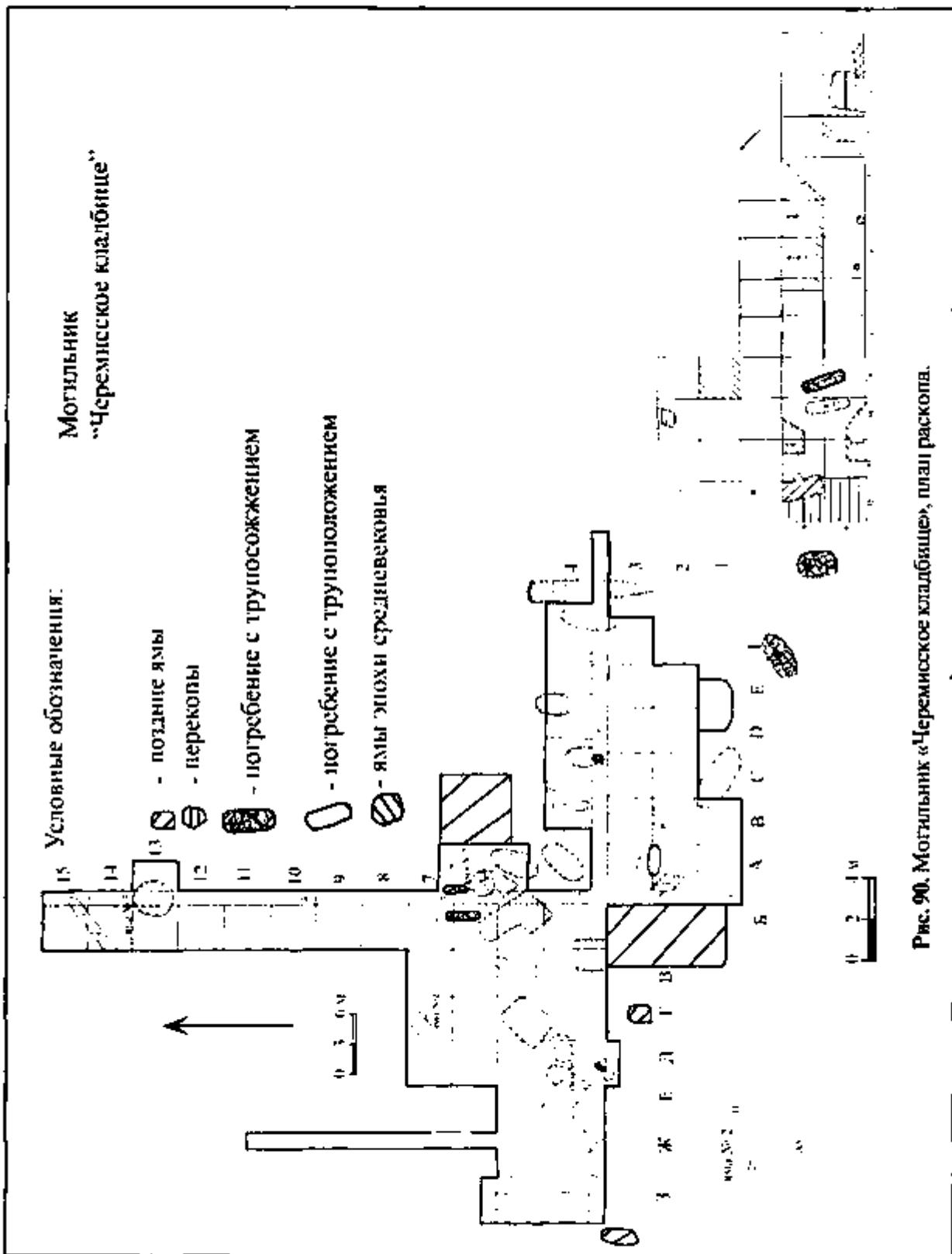
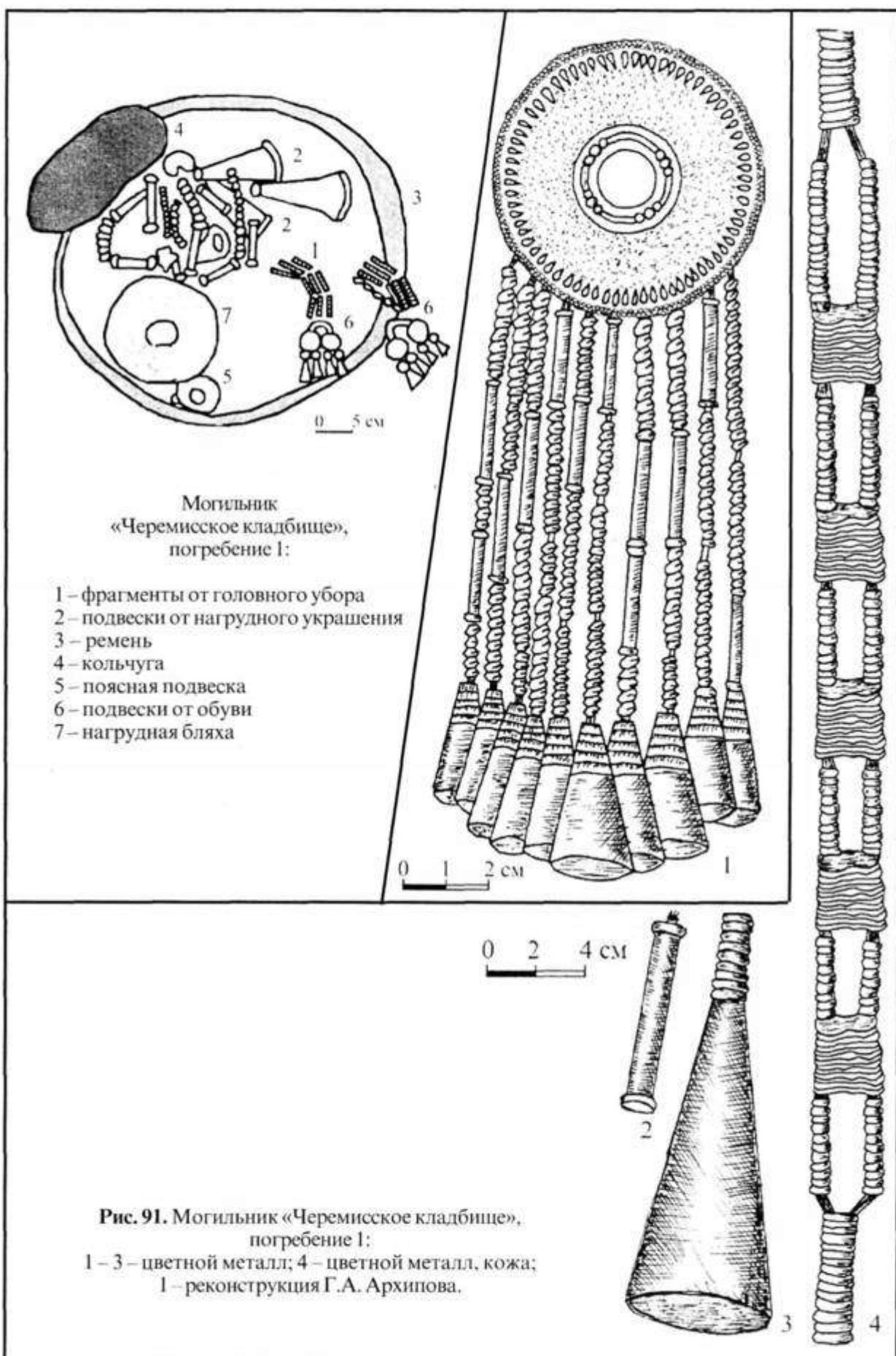

Рис. 90. Могильник «Черемисское кладбище», план раскопа.

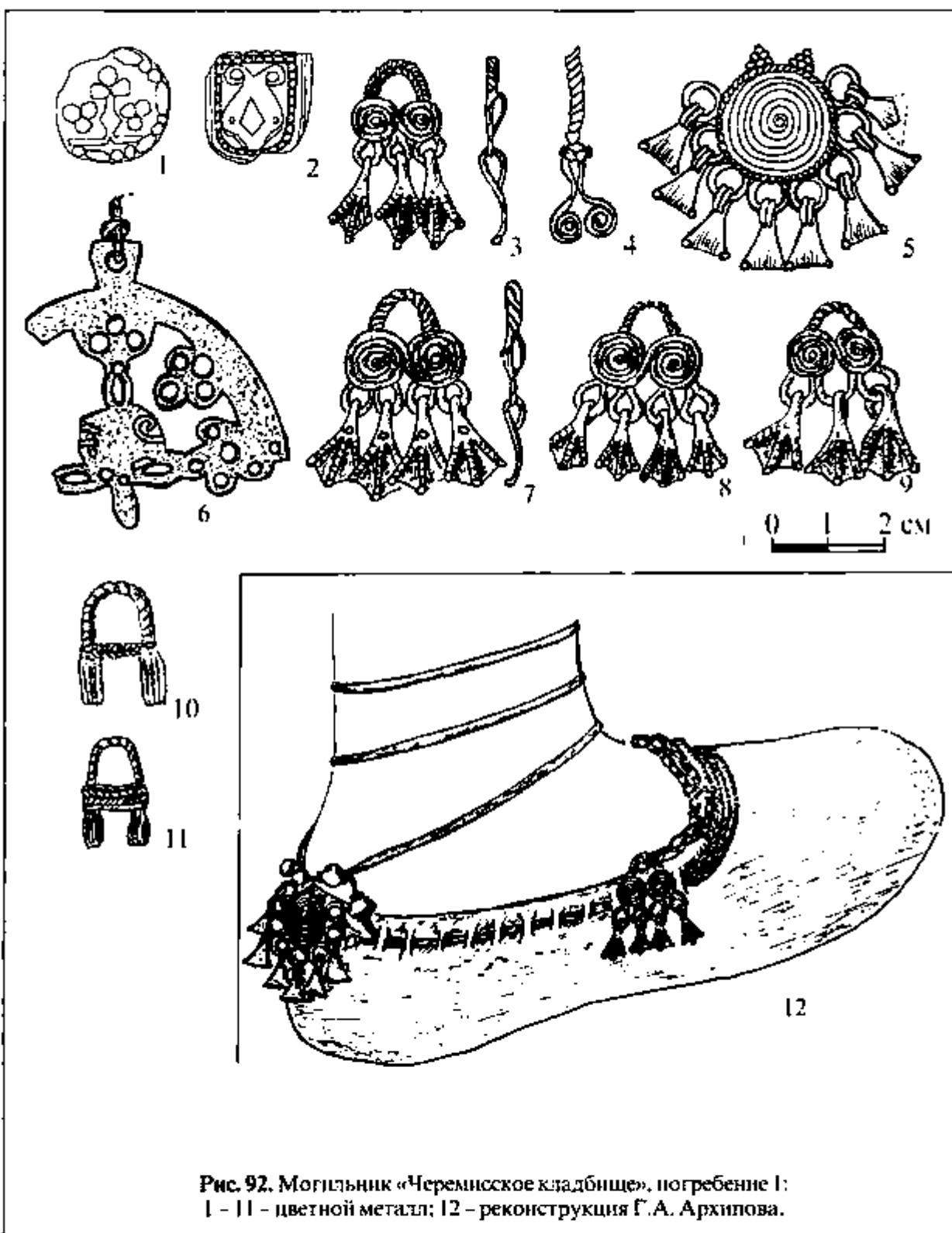

Рис. 92. Могильник «Черемисское кладбище», погребение I:
1 – 11 – цветной металл; 12 – реконструкция Г.А. Архипова.

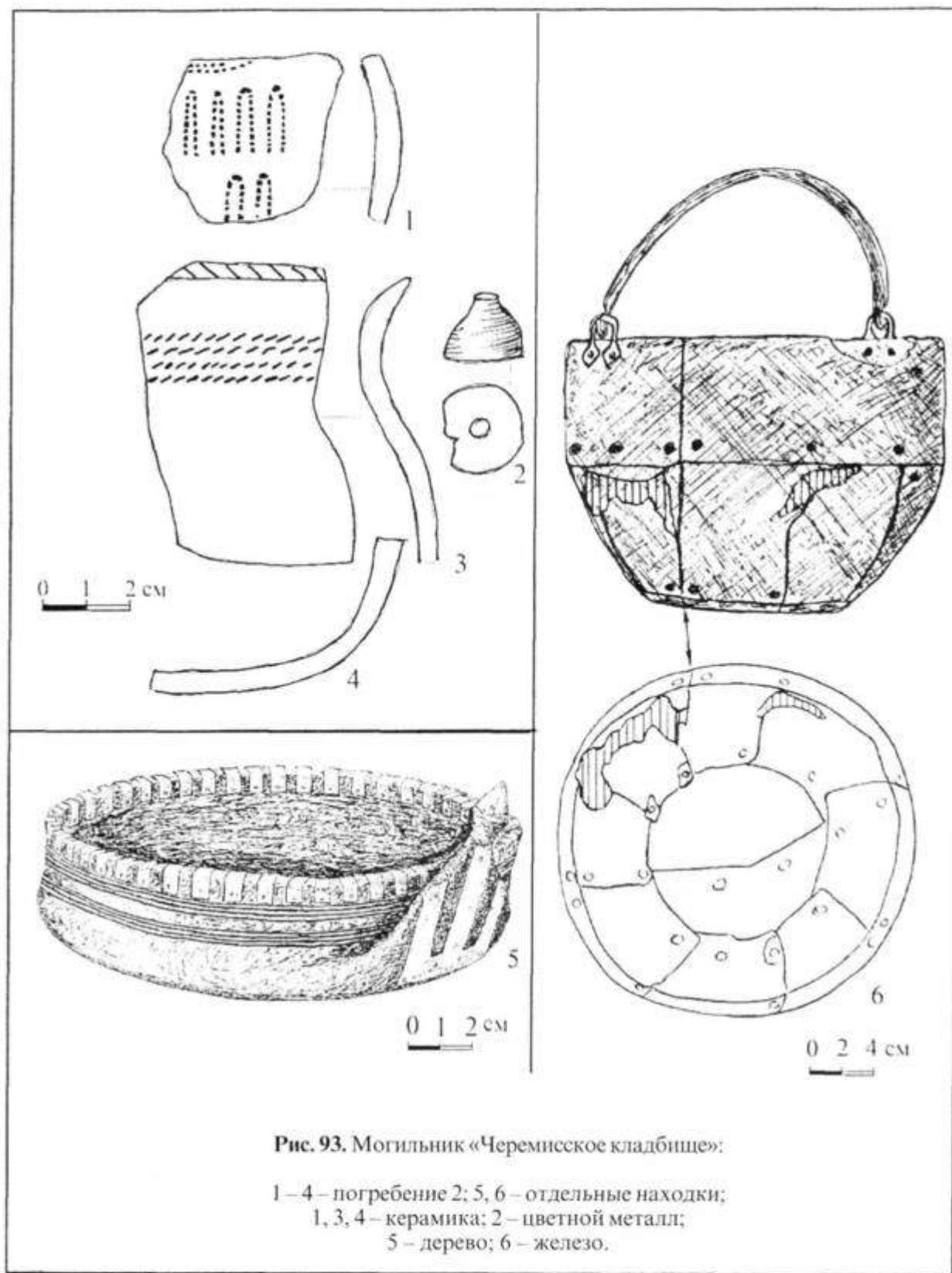

Рис. 93. Могильник «Черемисское кладбище»:

1–4 – погребение 2; 5, 6 – отдельные находки;
1, 3, 4 – керамика; 2 – цветной металл;
5 – дерево; 6 – железо.

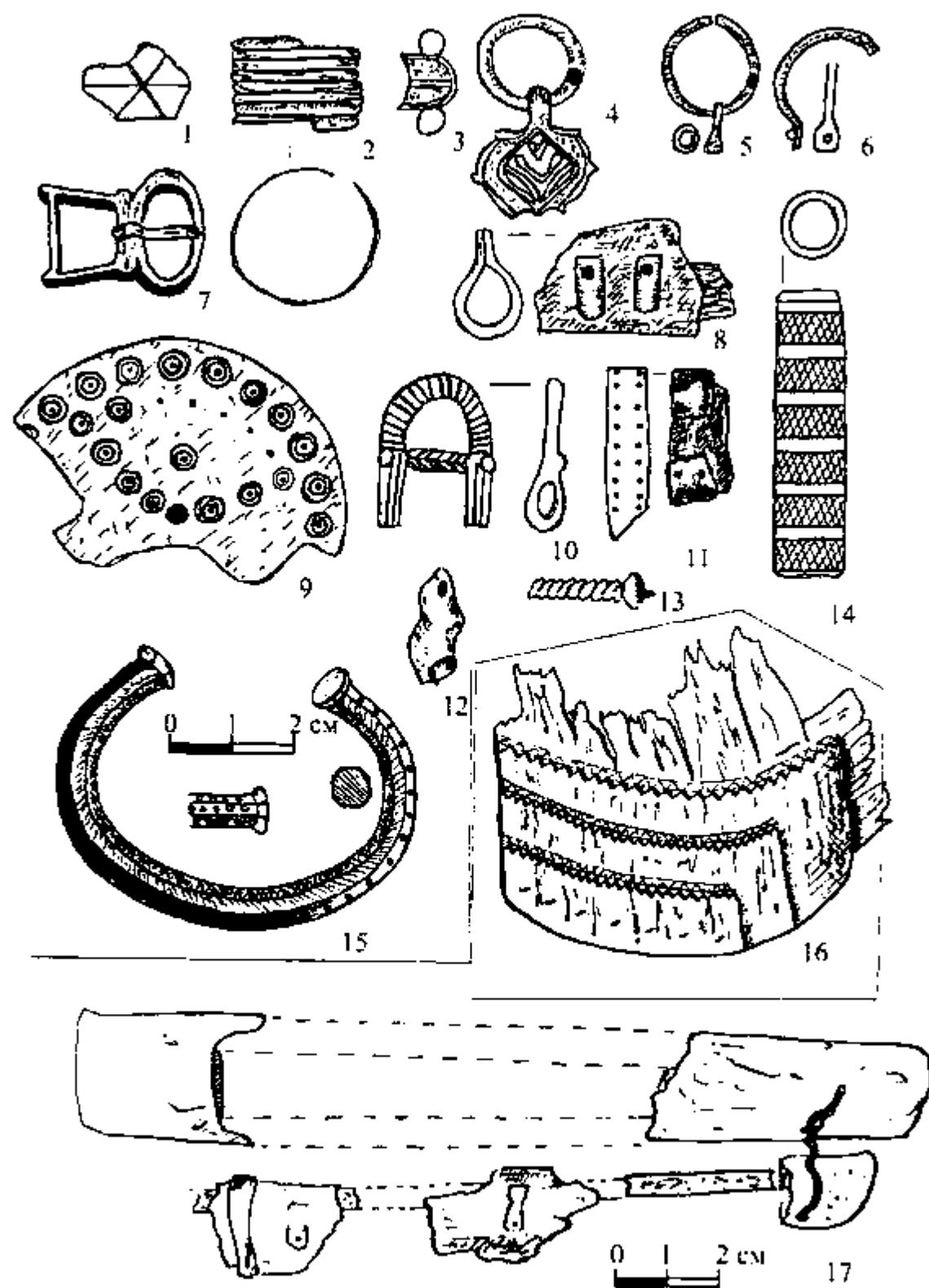
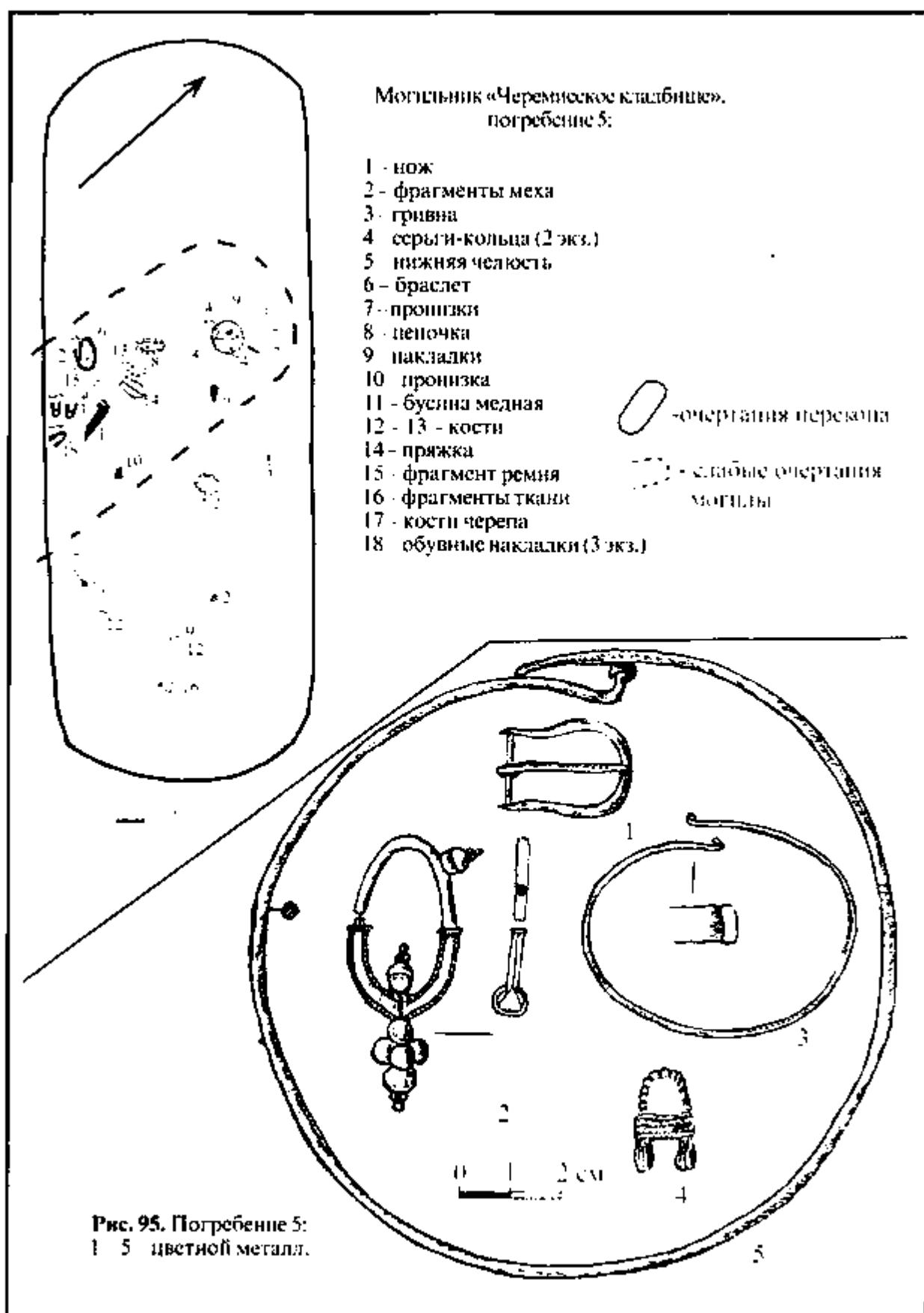

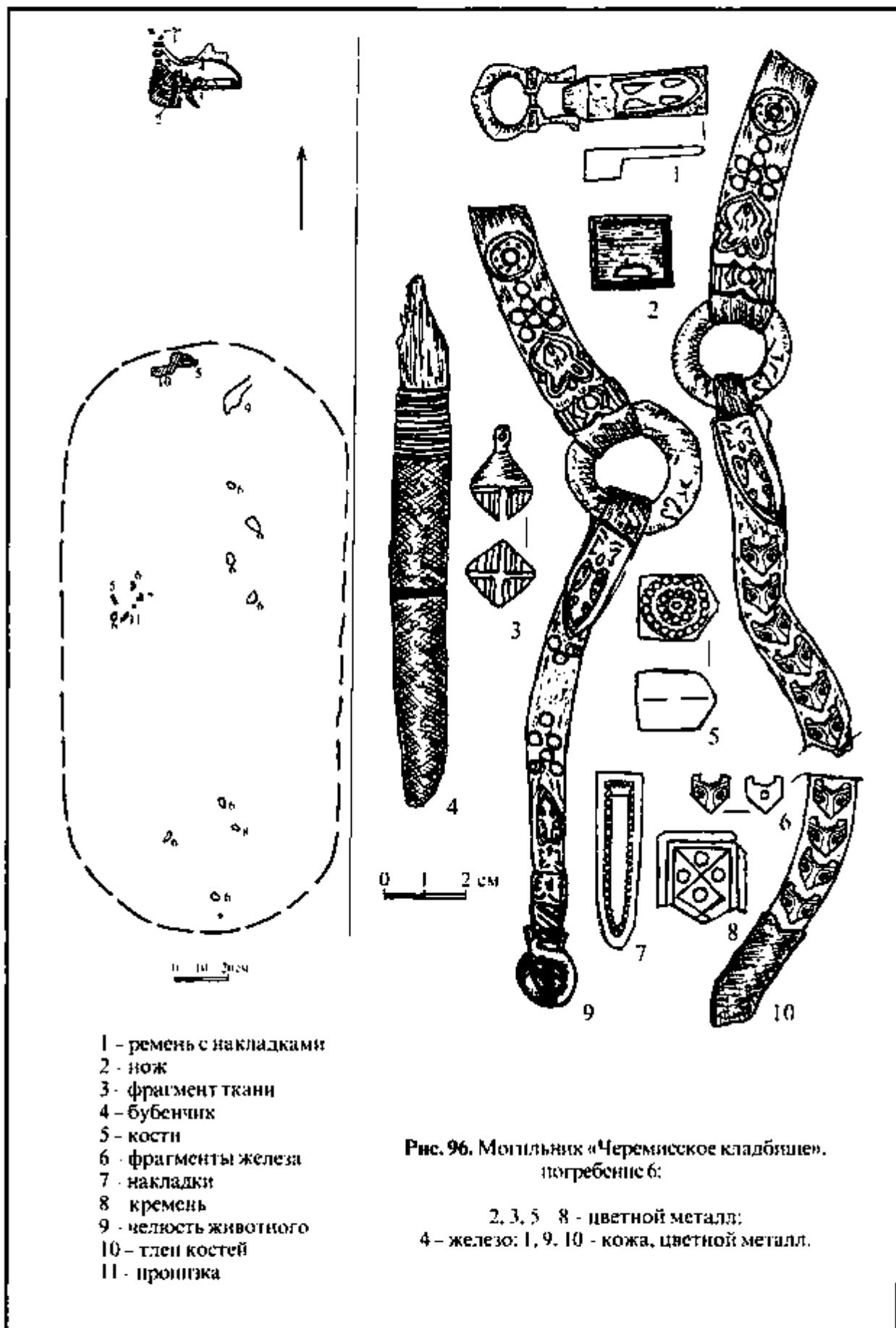
Рис. 94. Могильник «Черемшеское кладбище», погребение 3:

1-8, 10, 11, 13, 15 - цветной металл; 9, 12, 14 - кость;

16 береста; 17 - железо, цветной металл;

15 - погребение неизвестно.

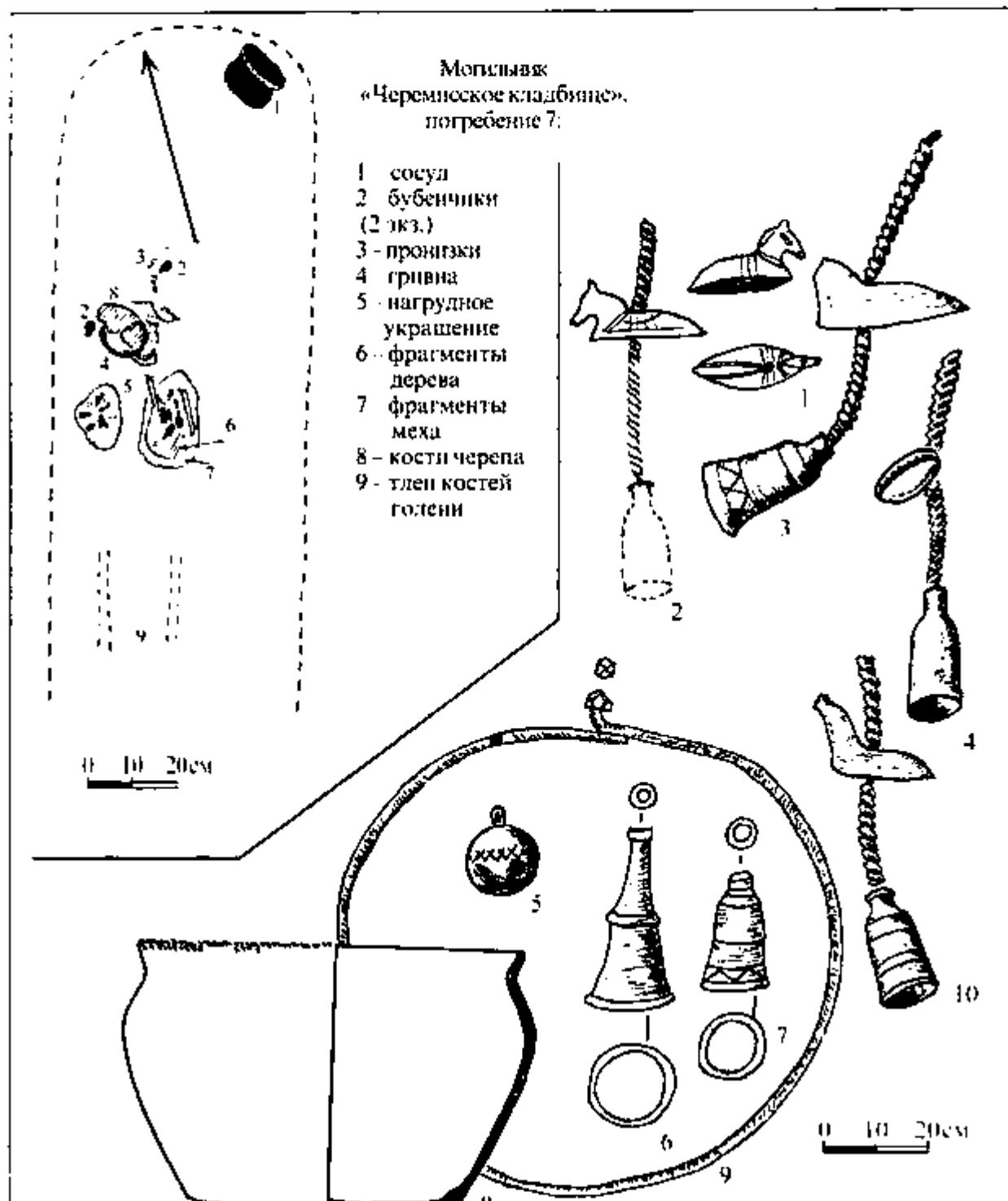
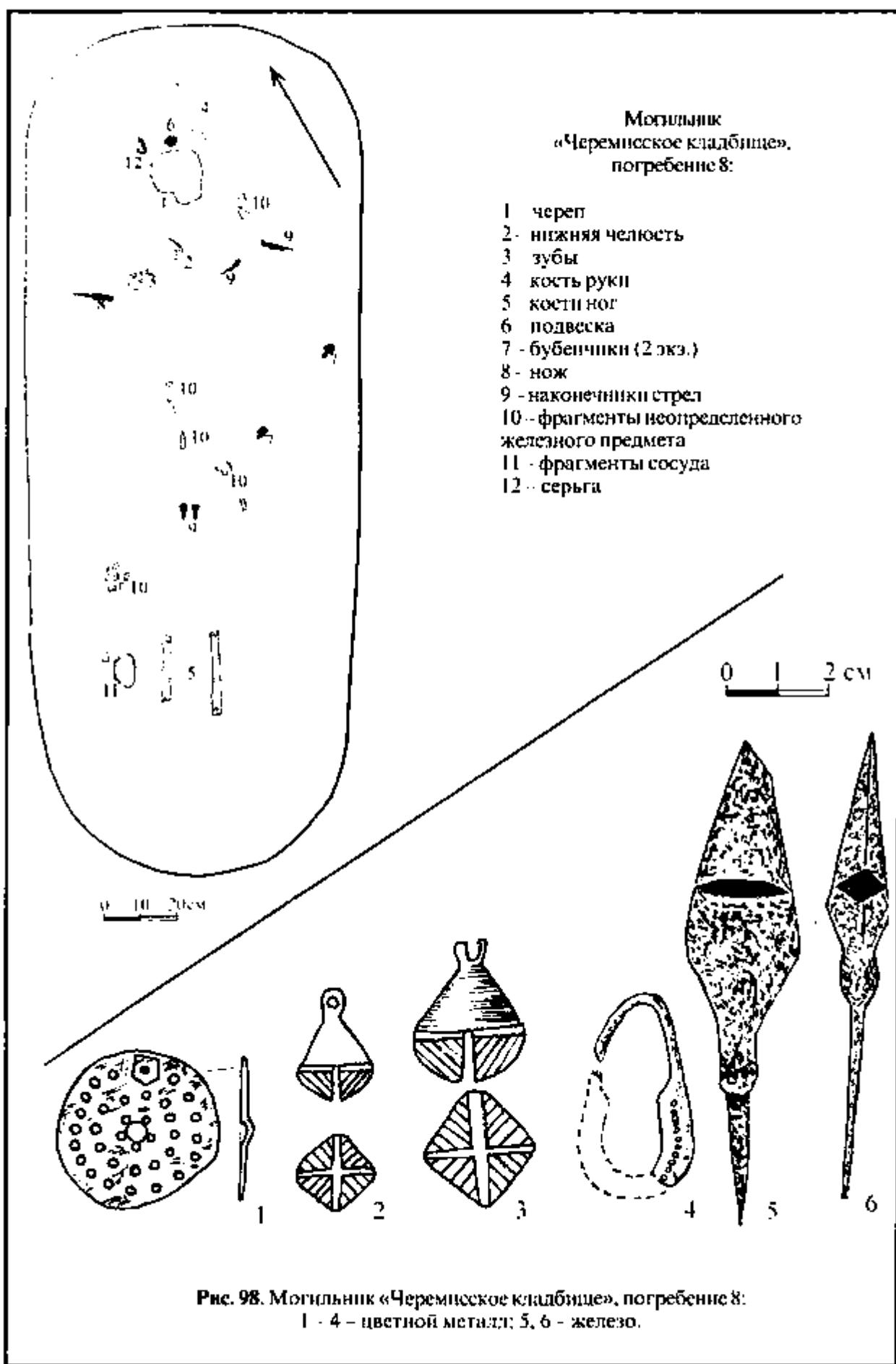
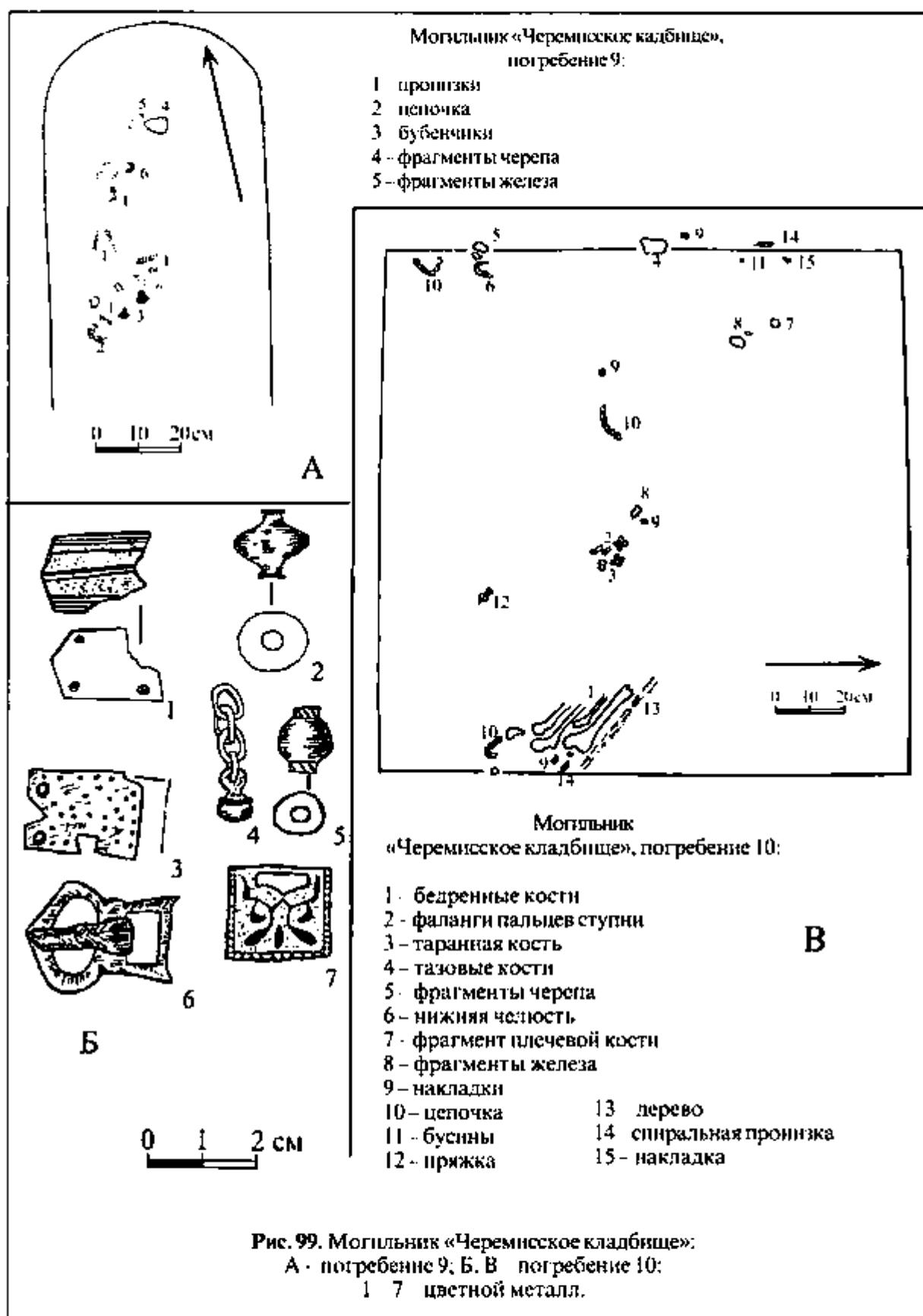
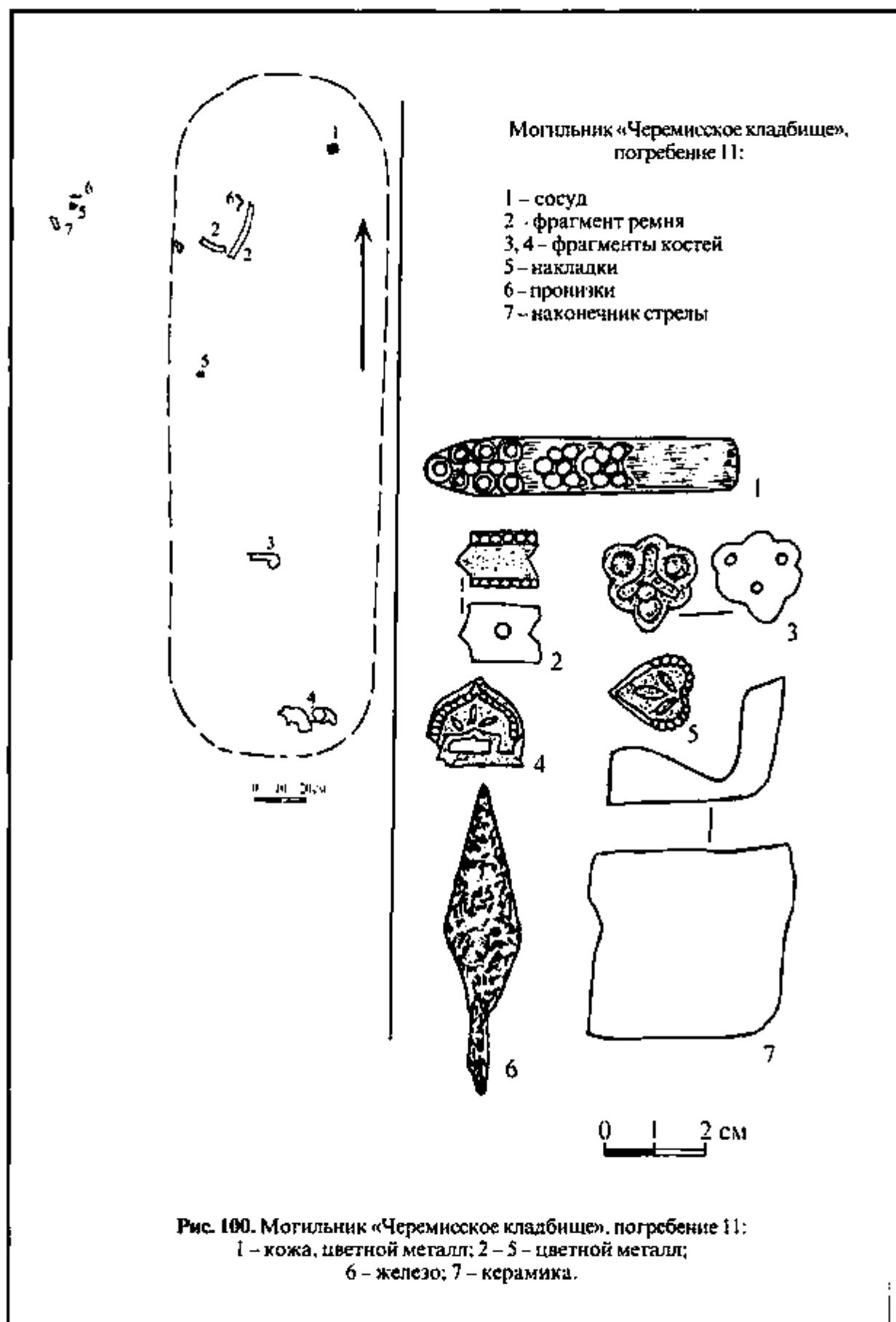

Рис. 97. Могильник «Черемисское кладбище», погребение 7:
 1 - кость; 2, 3, 10 - кость, цветной металл; 4 - раковина-каури, цветной металл;
 5 - 7, 9 - цветной металл; 8 - керамика.

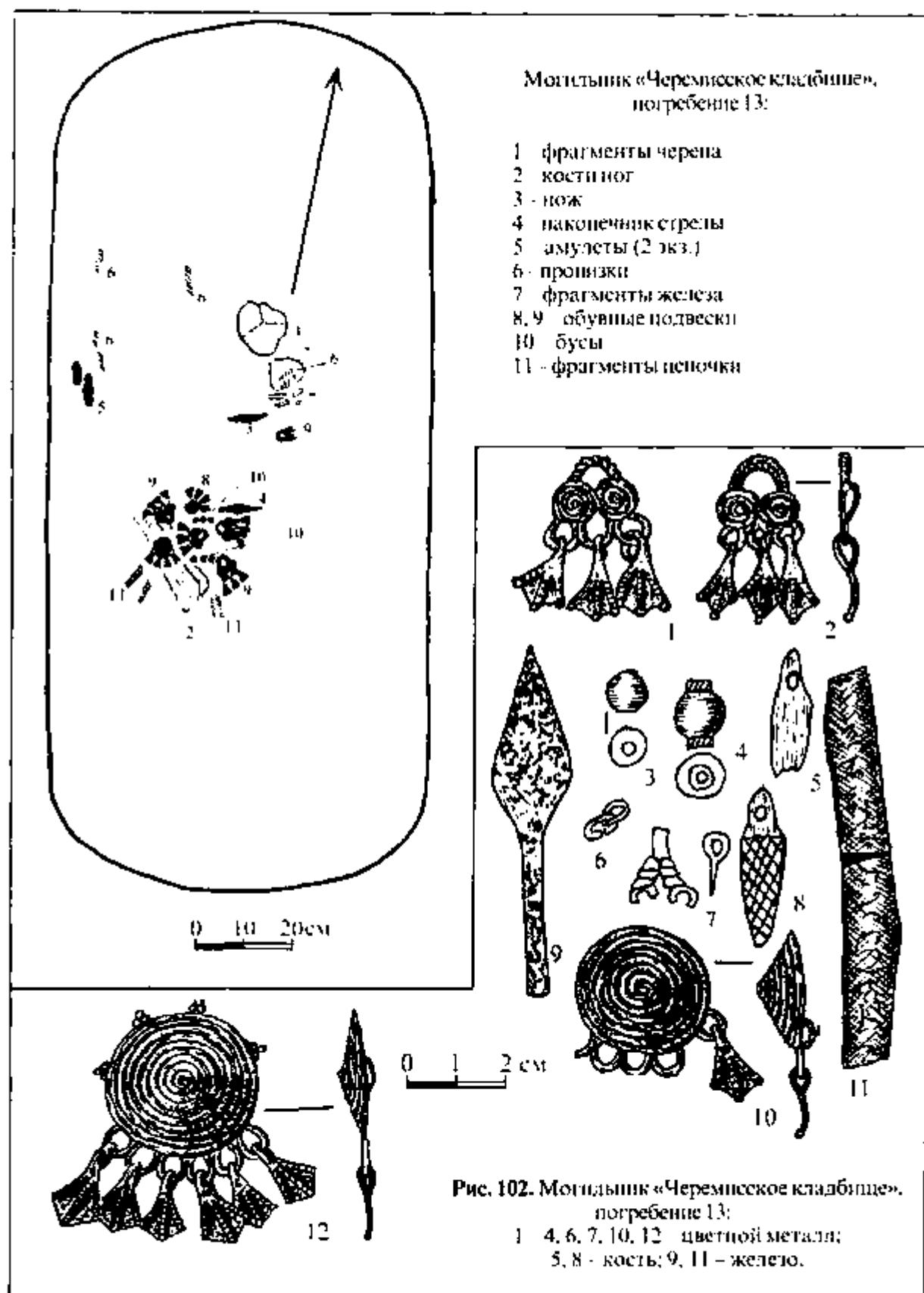
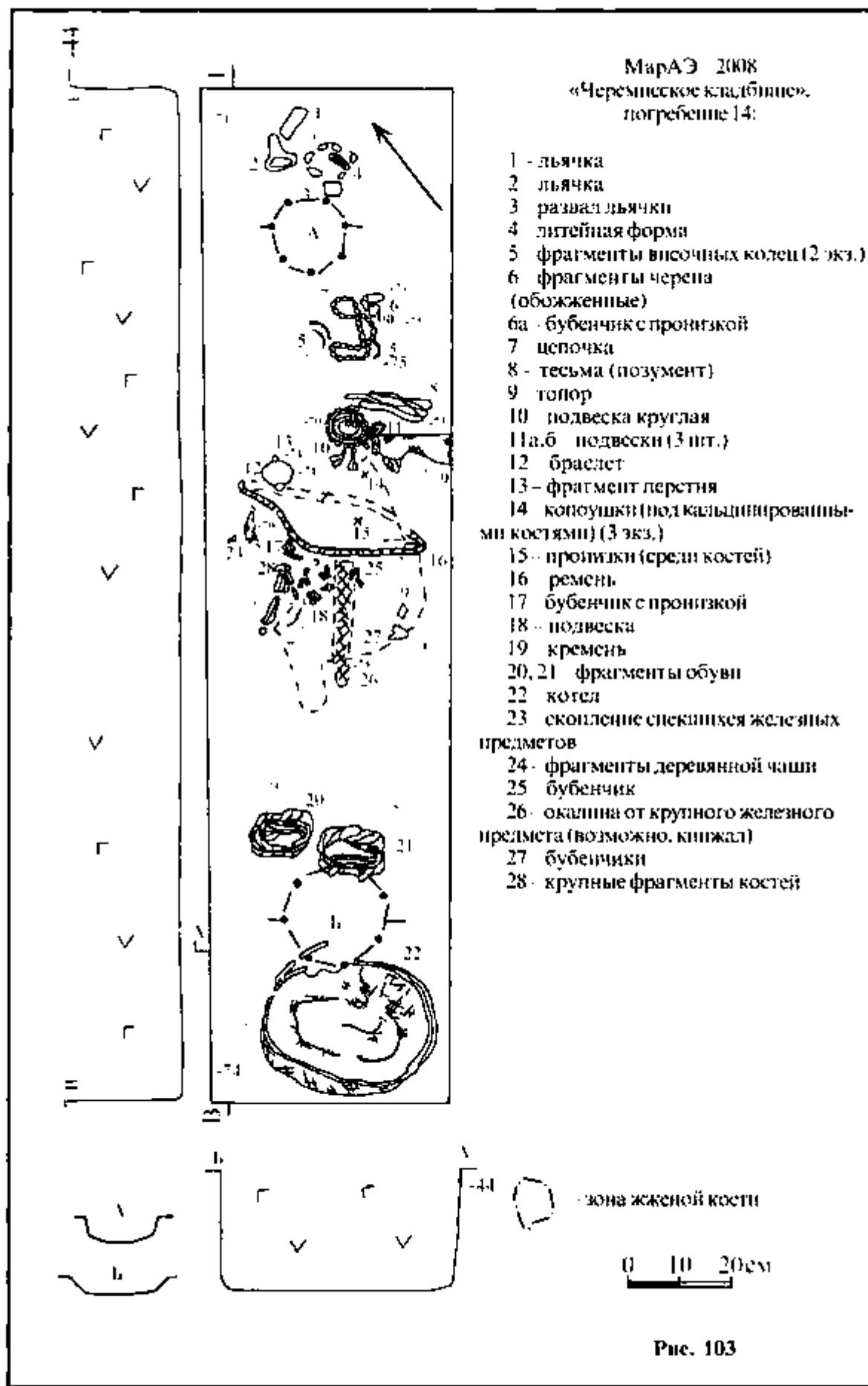

Рис. 102. Могильник «Черемисское кладбище», погребение 13.

1-4, 6, 7, 10, 12 - цветной металл;
 5, 8 - кость; 9, 11 - железо.

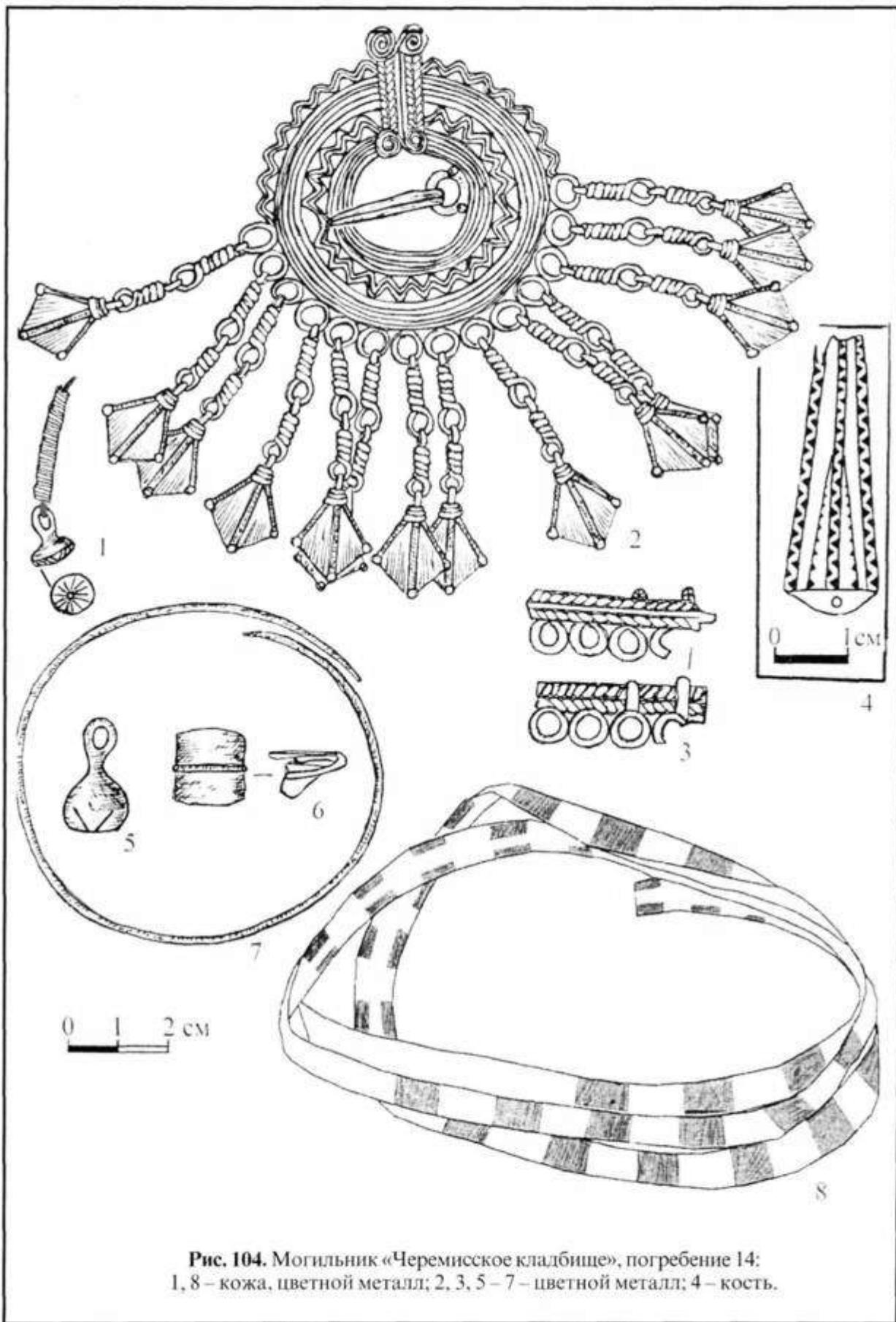

Рис. 104. Могильник «Черемисское кладбище», погребение 14:
1, 8 – кожа, цветной металл; 2, 3, 5 – цветной металл; 4 – кость.

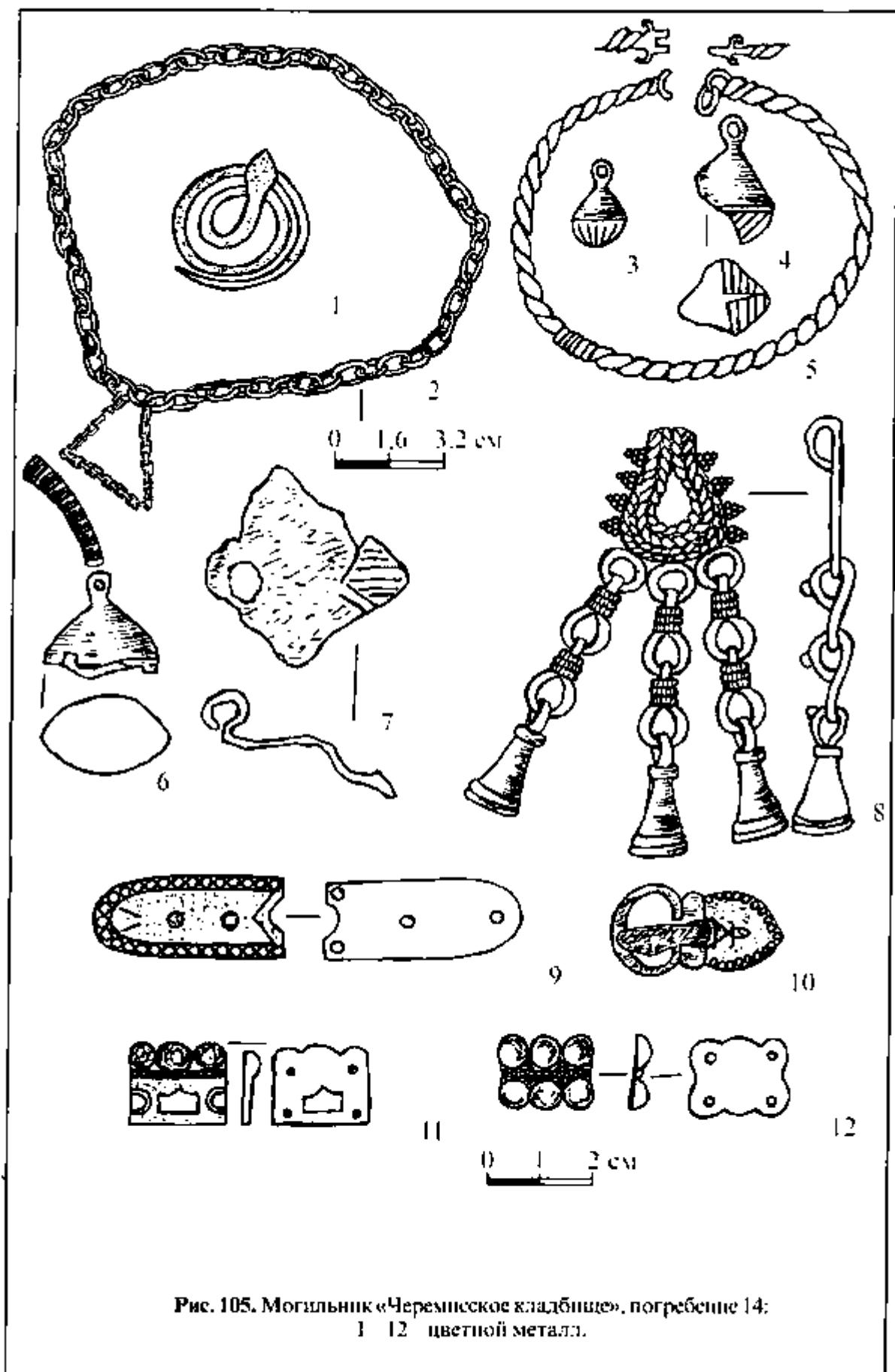

Рис. 105. Могильник «Черемицкое кладбище», погребение 14:
1–12 – цветной металл.

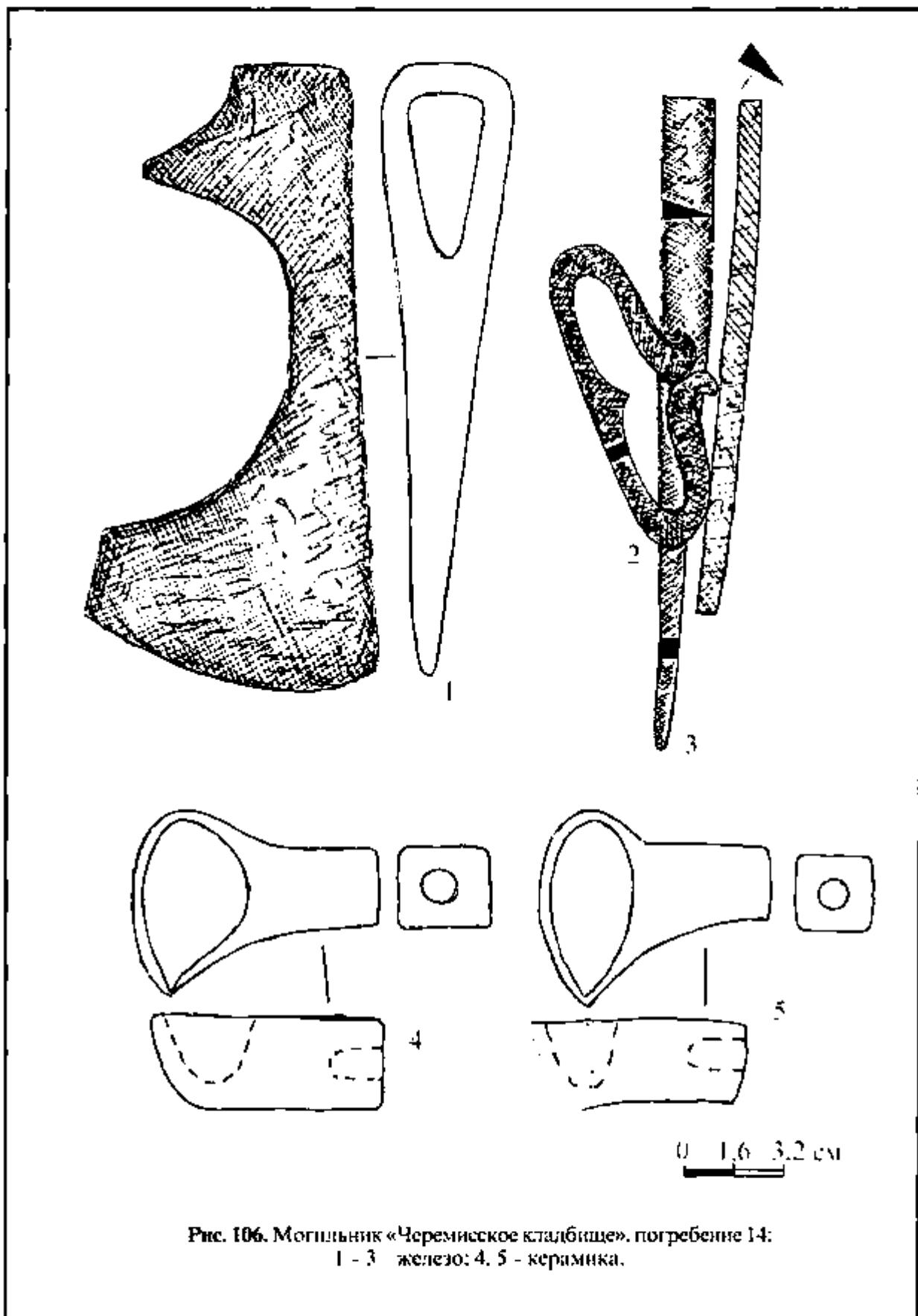
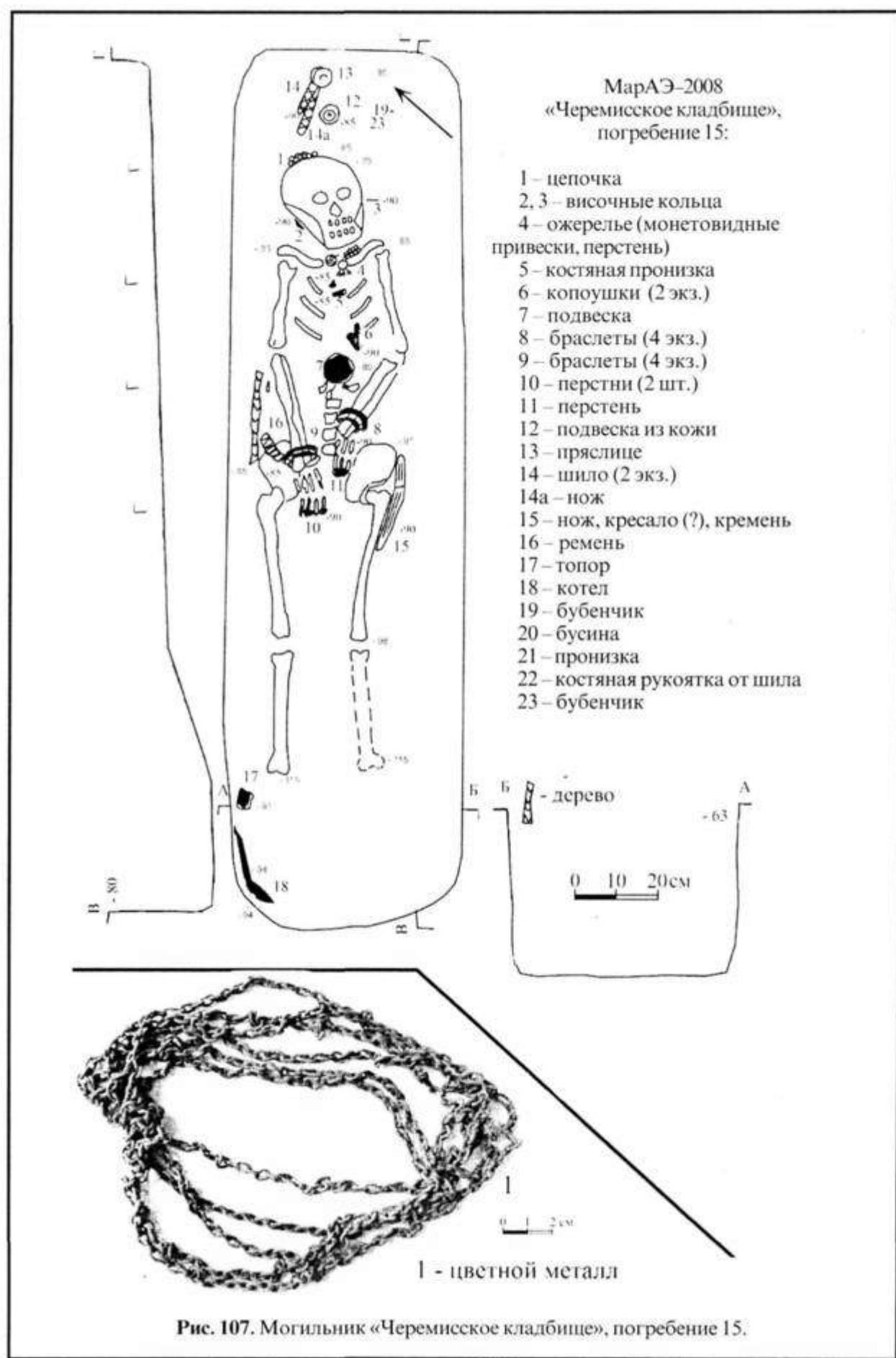

Рис. 106. Могильник «Черемисское кладбище», погребение 14:
1 - 3 - железо; 4, 5 - керамика.

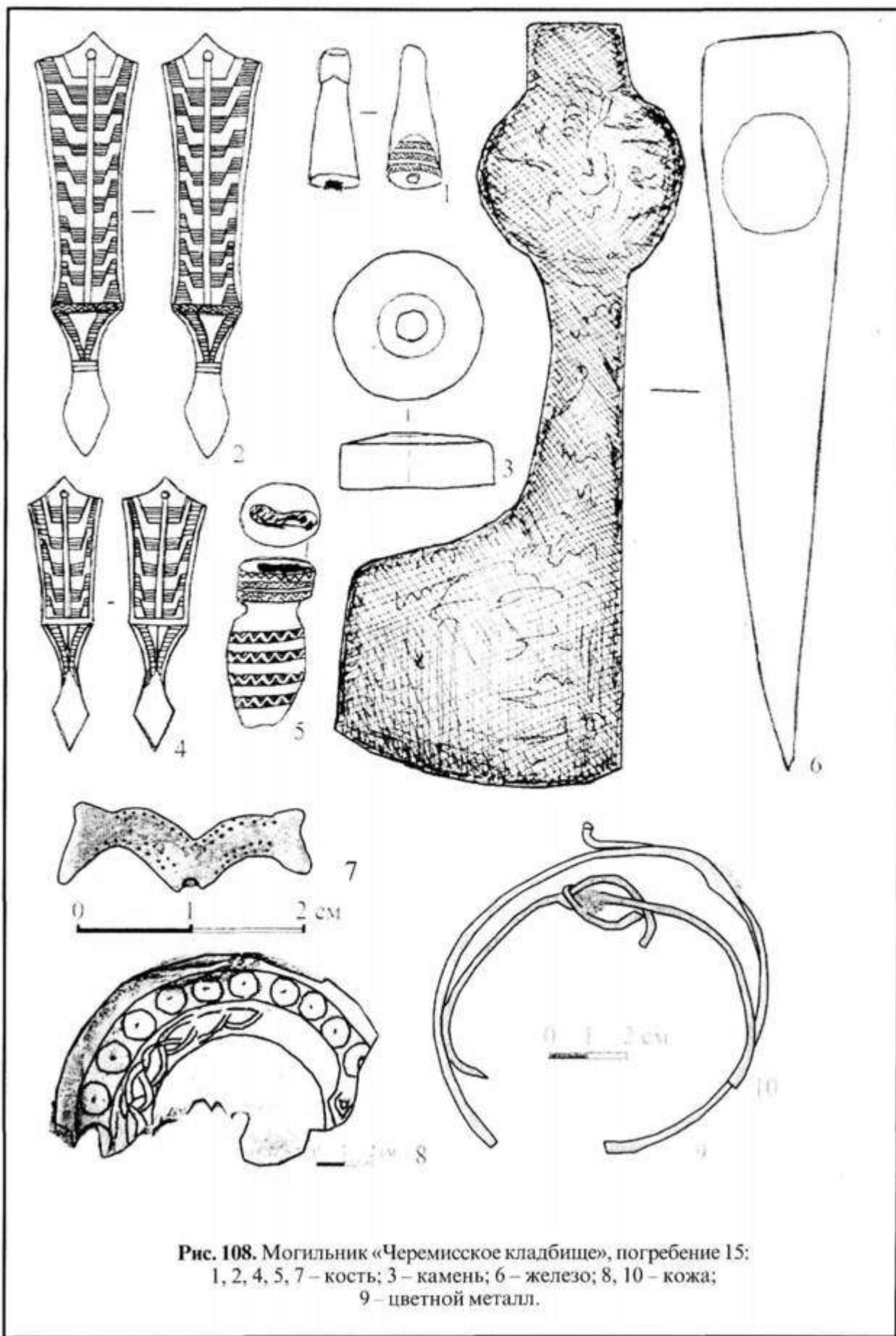

Рис. 108. Могильник «Черемисское кладбище», погребение 15:
1, 2, 4, 5, 7 – кость; 3 – камень; 6 – железо; 8, 10 – кожа;
9 – цветной металл.

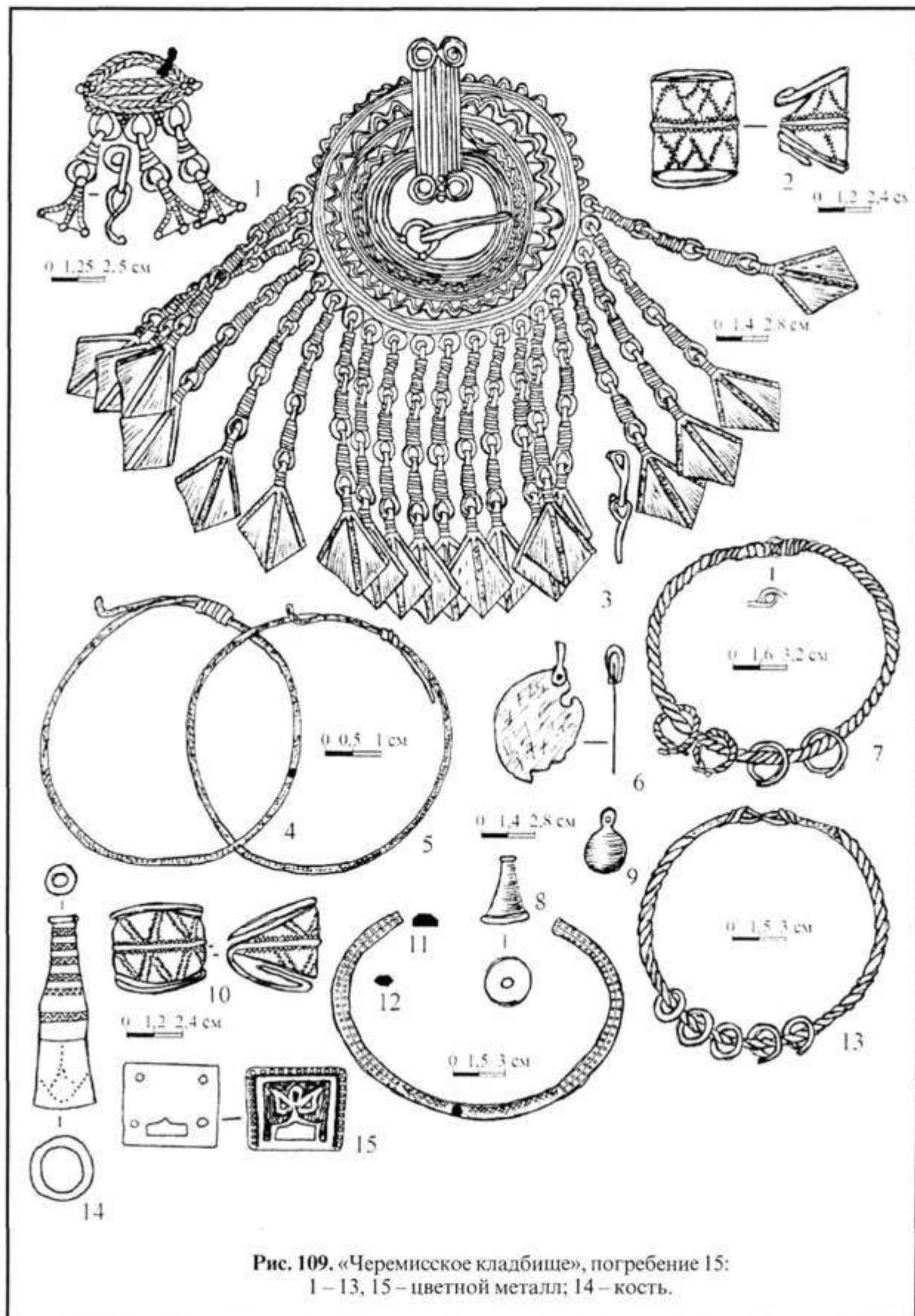
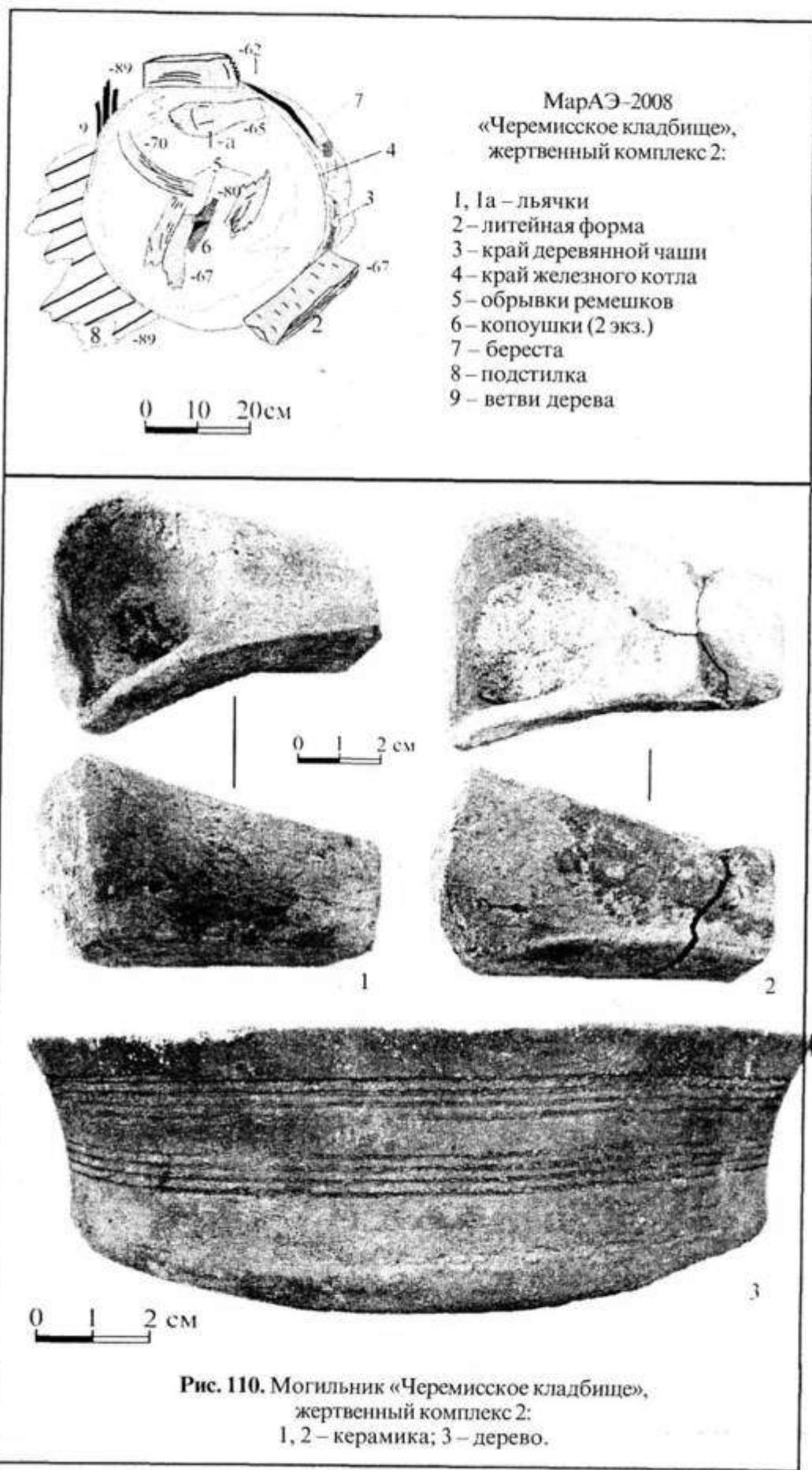

Рис. 109. «Черемисское кладбище», погребение 15:
1–13, 15 – цветной металл; 14 – кость.

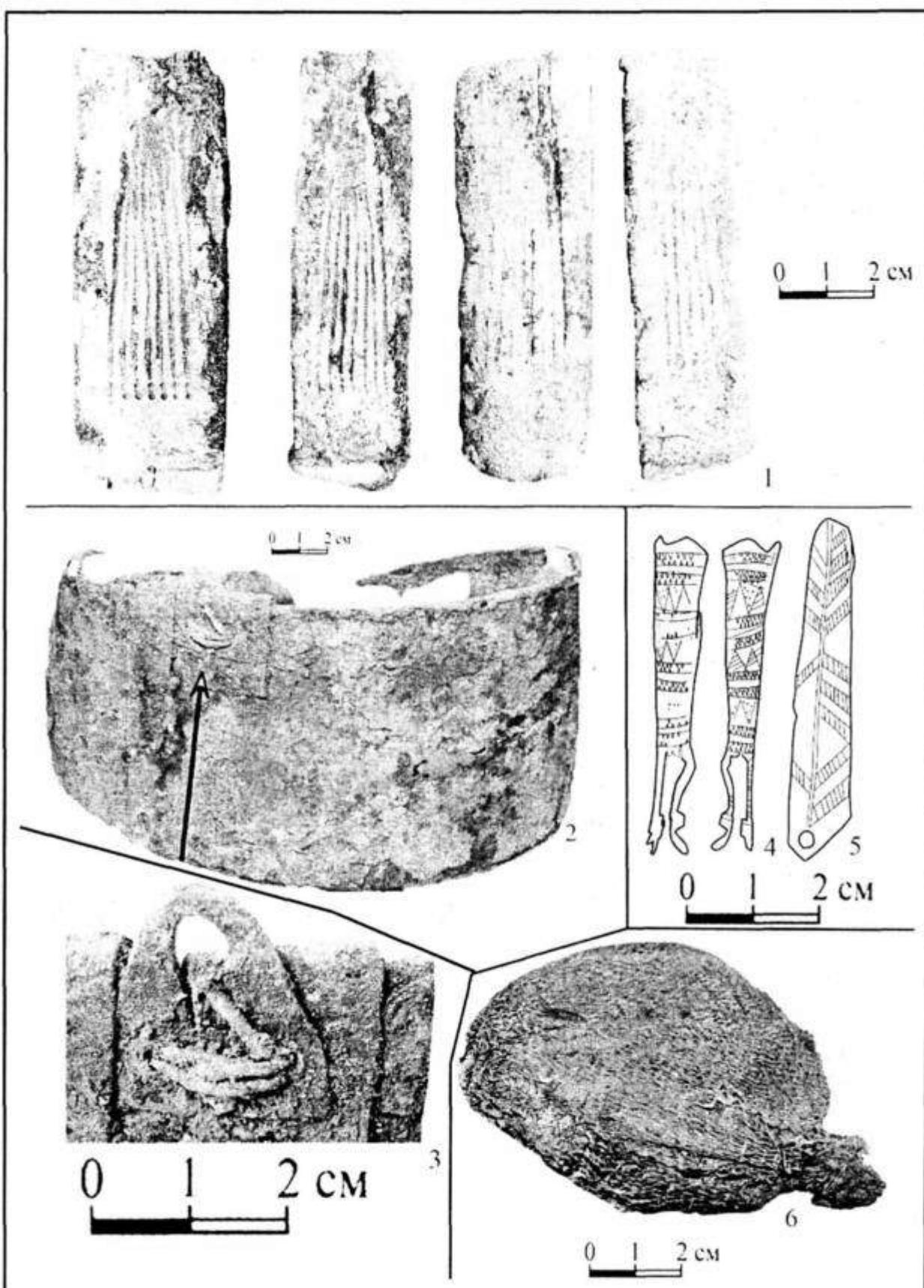

Рис. 111. Могильник «Черемисское кладбище»,
жертвенный комплекс 2:
1 – песчаник; 2, 3 – цветной металл; 4, 5 – кость; 6 – ткань.

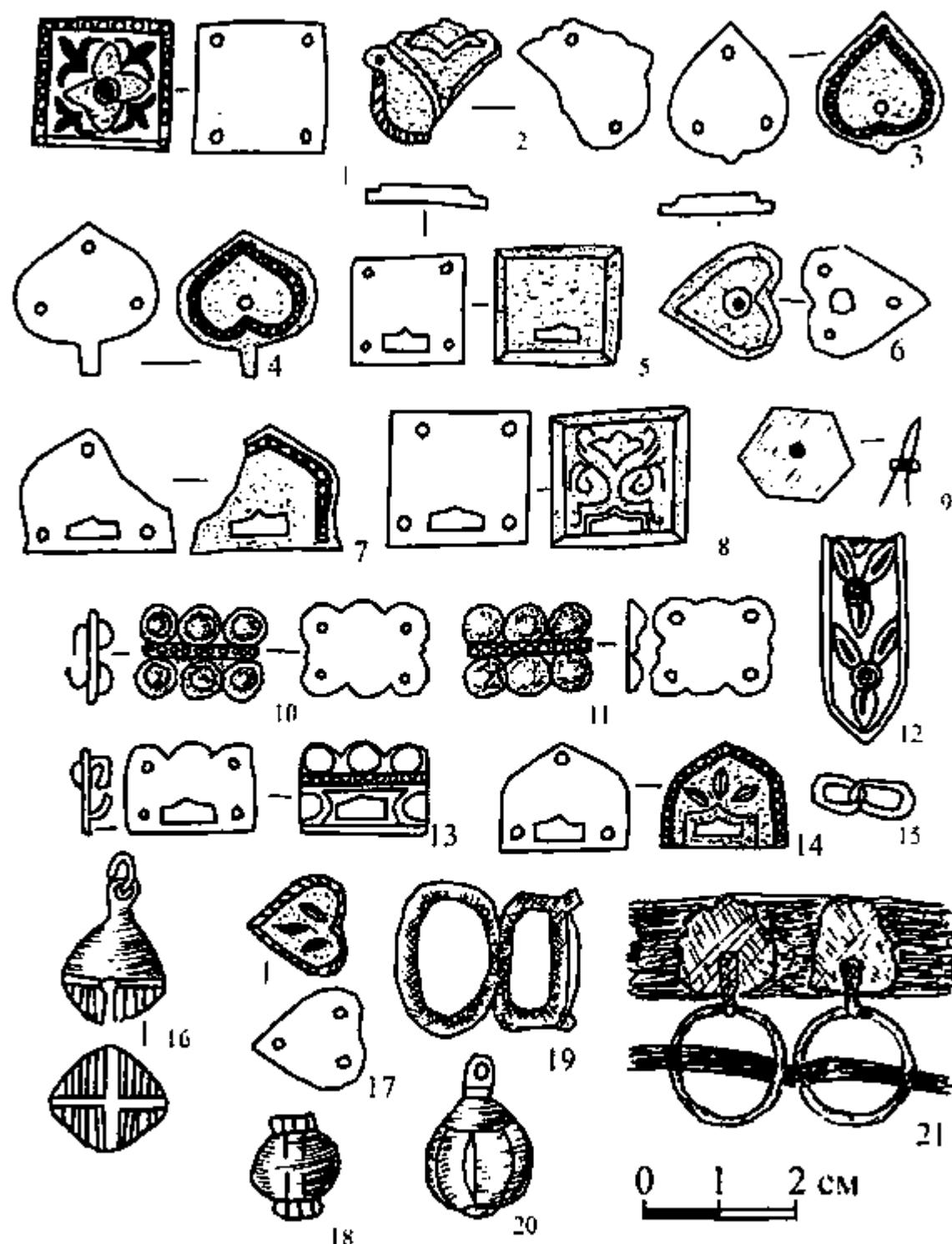

Рис. 112. «Черемисское кладбище», отдельные находки:
1 – 20 – цветной металл; 21 – цветной металл, кожа.

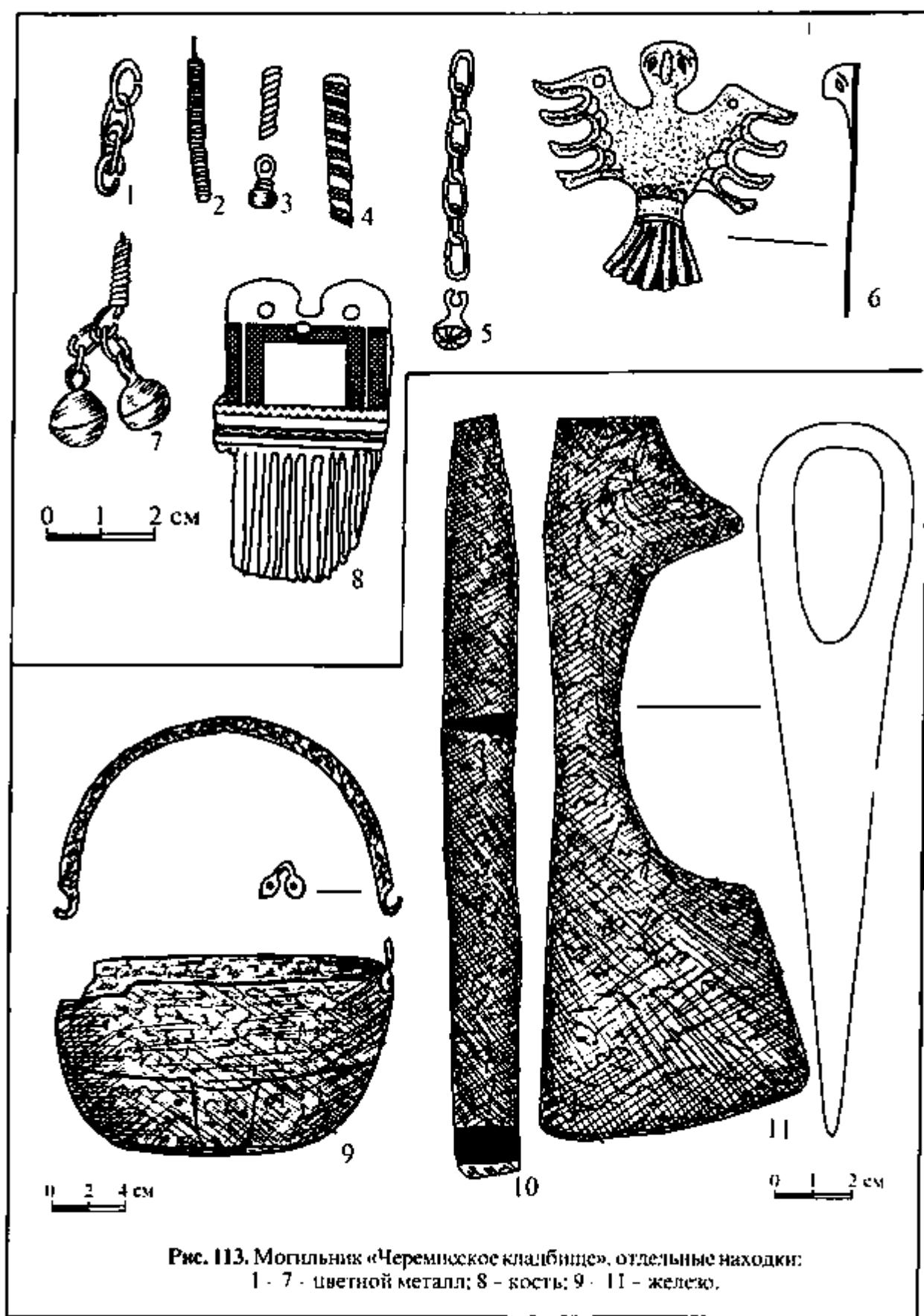

Рис. 113. Могильник «Черемшское кладбище», отдельные находки:
1 - 7 - цветной металл; 8 - кость; 9 - 11 - железо.

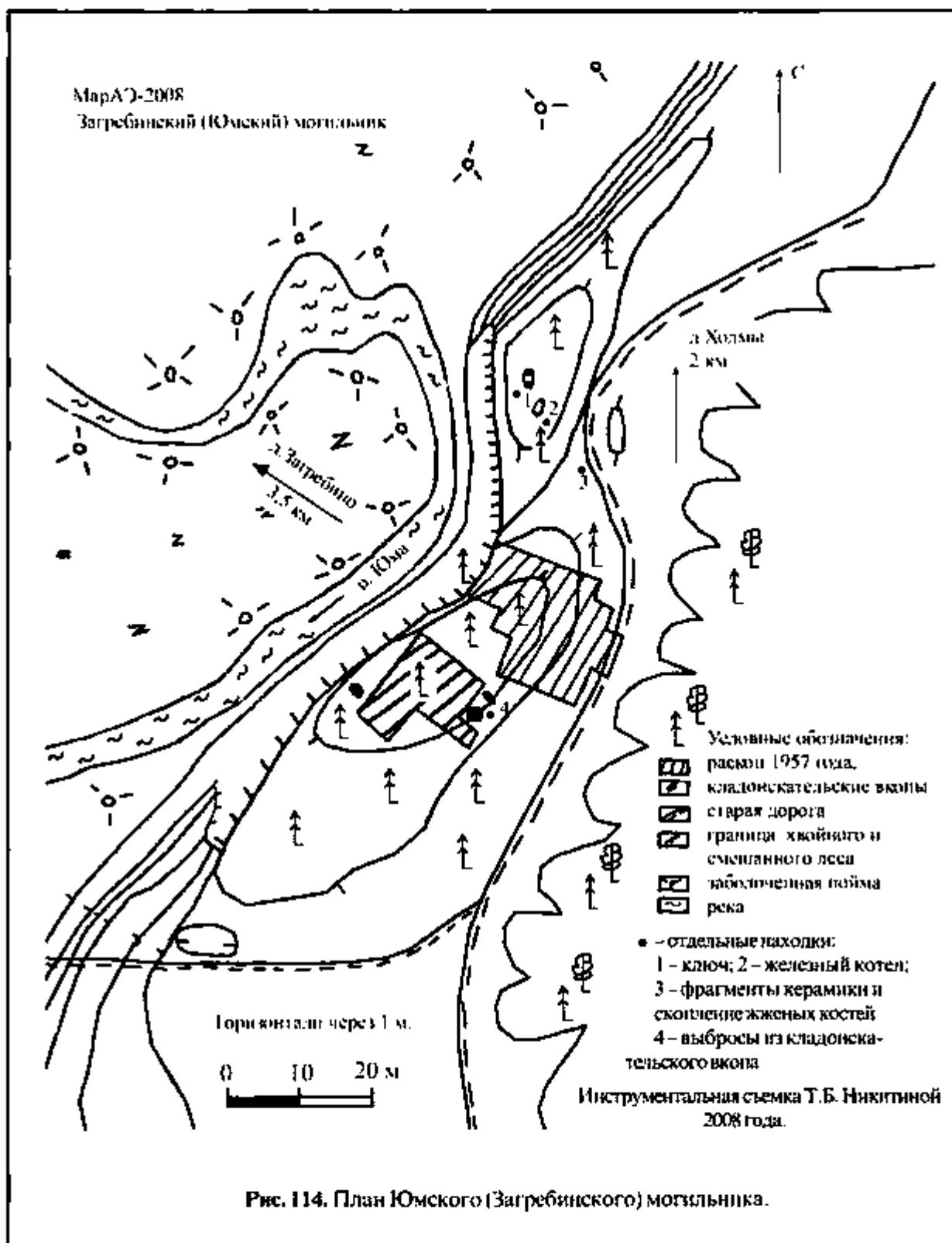
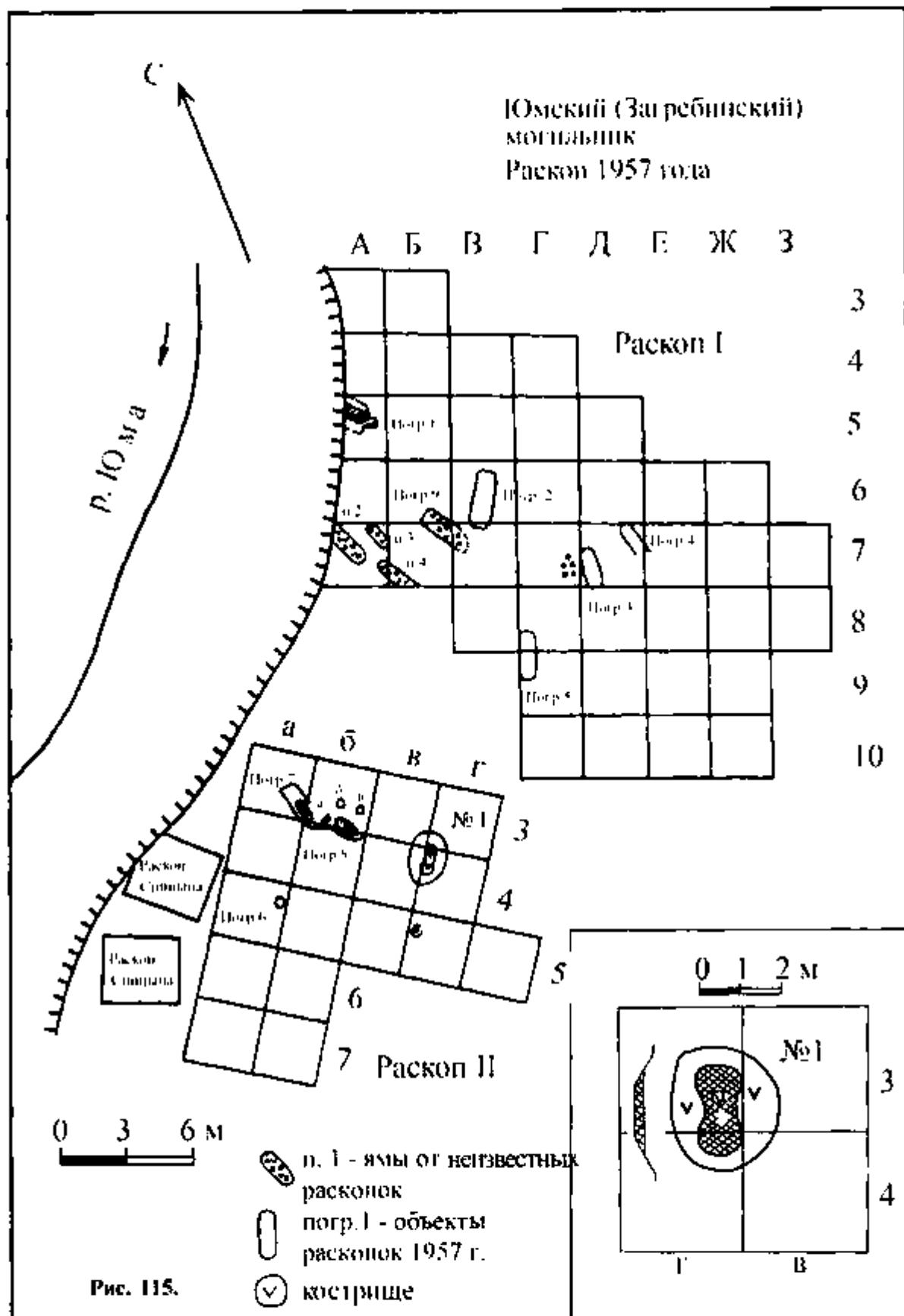
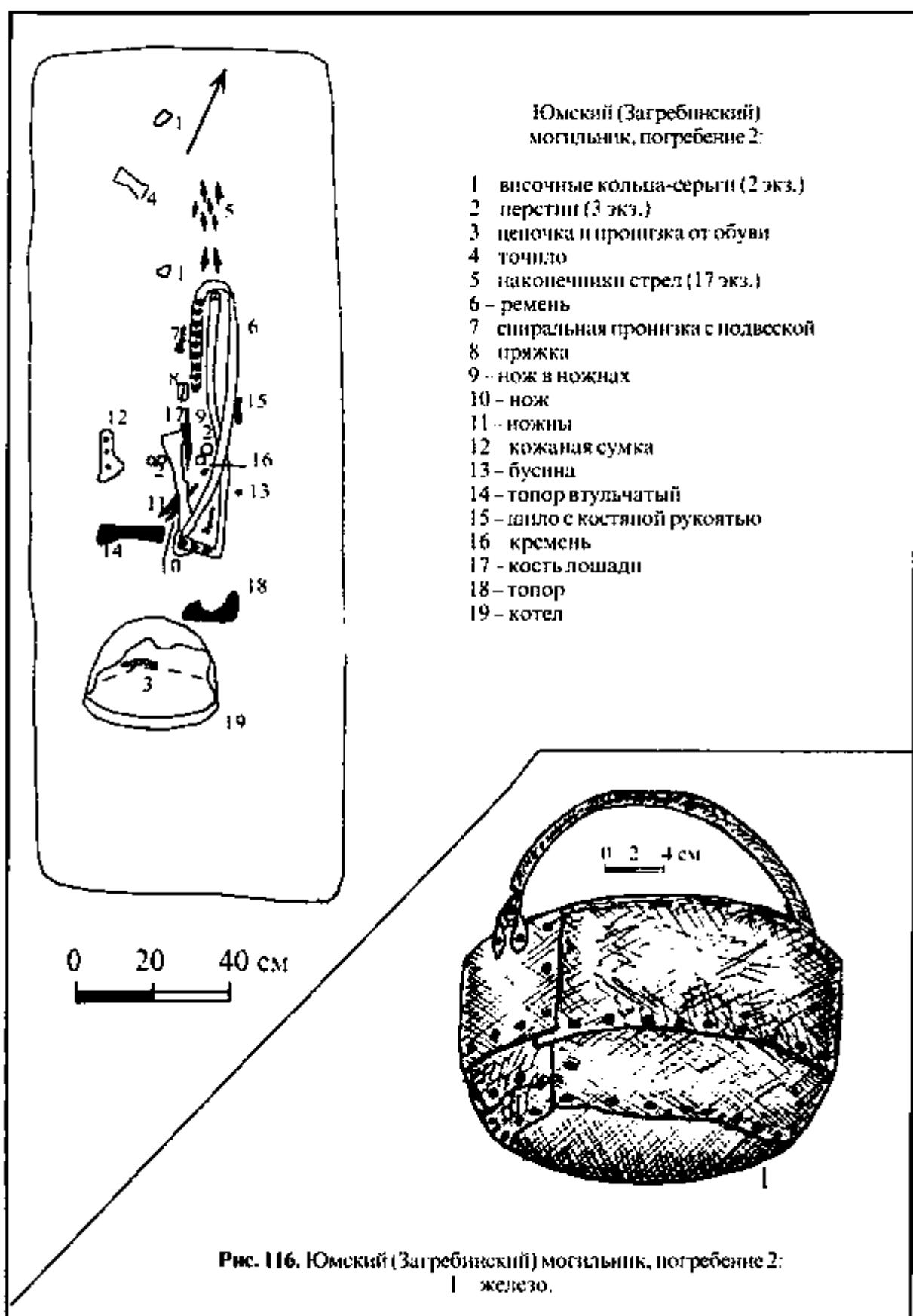

Рис. 114. План Юмского (Загребинского) монумента.

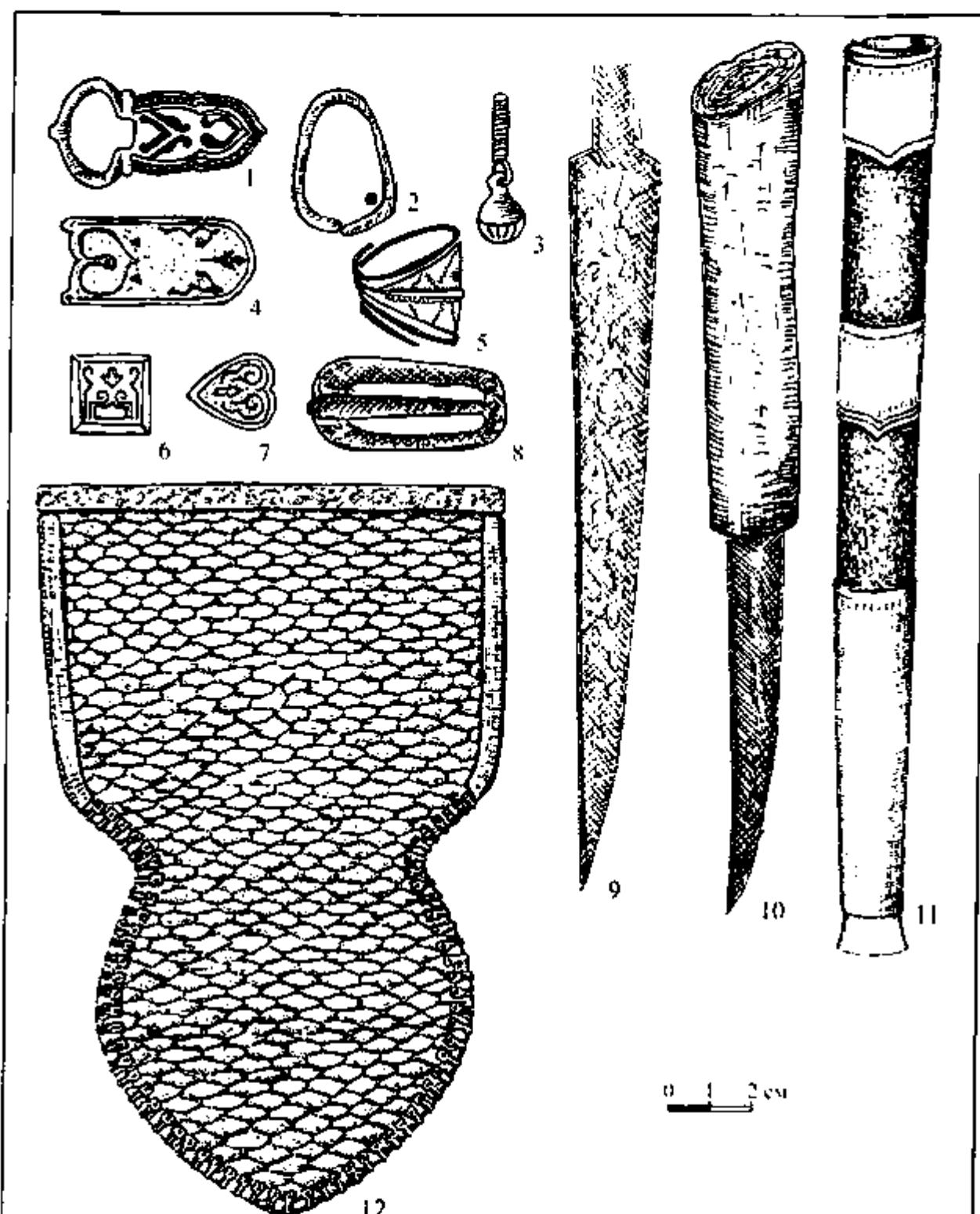

Рис. 117. Юмский (Загребинский) могильник, погребение 2:
1 – 7 – цветной металл; 8 – 9 – железо, кость;
11 – дерево, кожа, цветной металл; 12 – кожа, цветной металл.

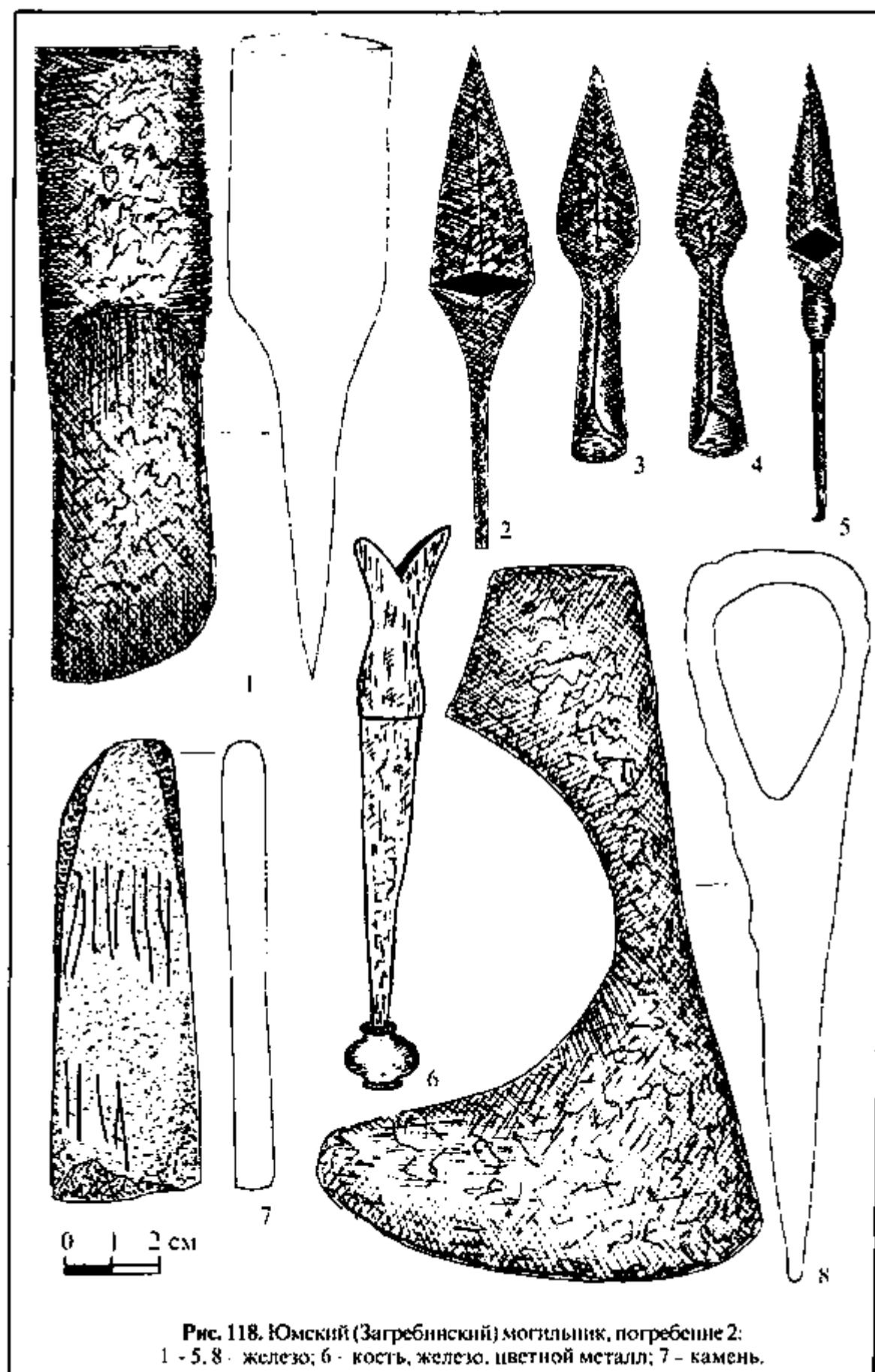
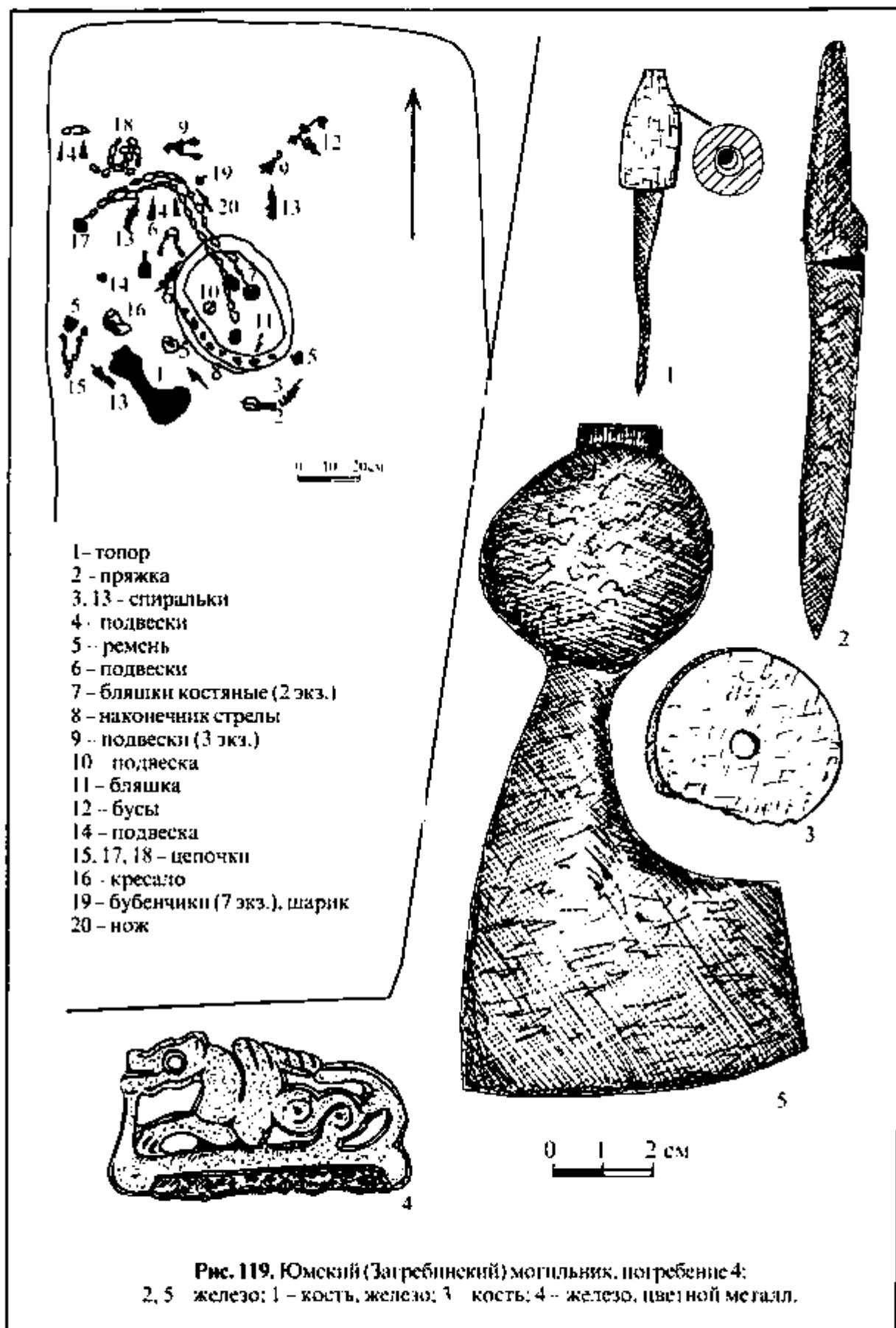

Рис. 118. Юмский (Загребинский) могильник, погребение 2:
1 - 5, 8 - железо; 6 - кость, железо, цветной металл; 7 - камень.

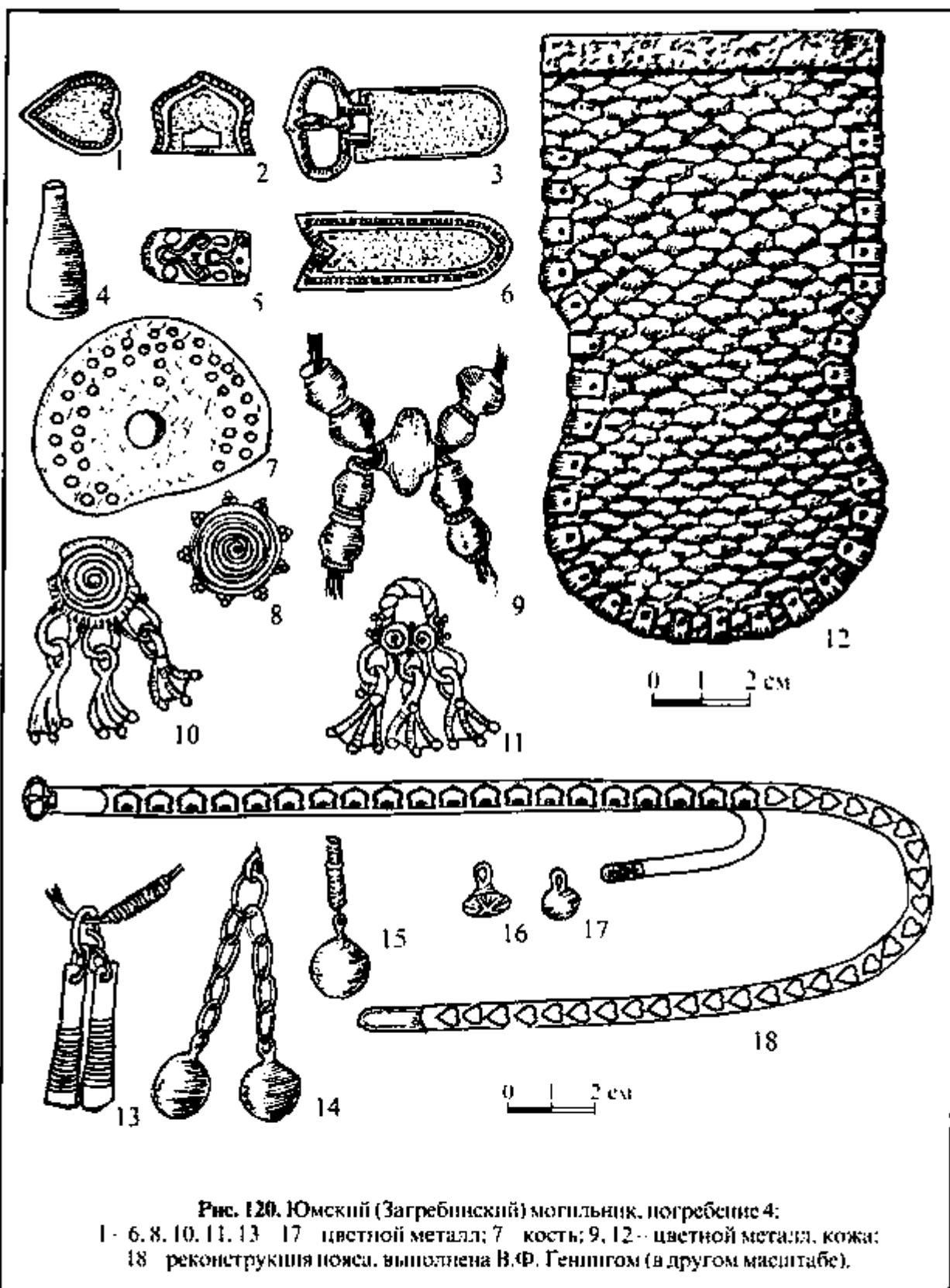

Рис. 120. Юмский (Загребинский) могильник, погребение 4:
1-6, 8, 10, 11, 13-17 - цветной металл; 7 - кость; 9, 12 - цветной металл, кожа;
18 - реконструкция ножна, выполнена В.Ф. Генингом (в другом масштабе).

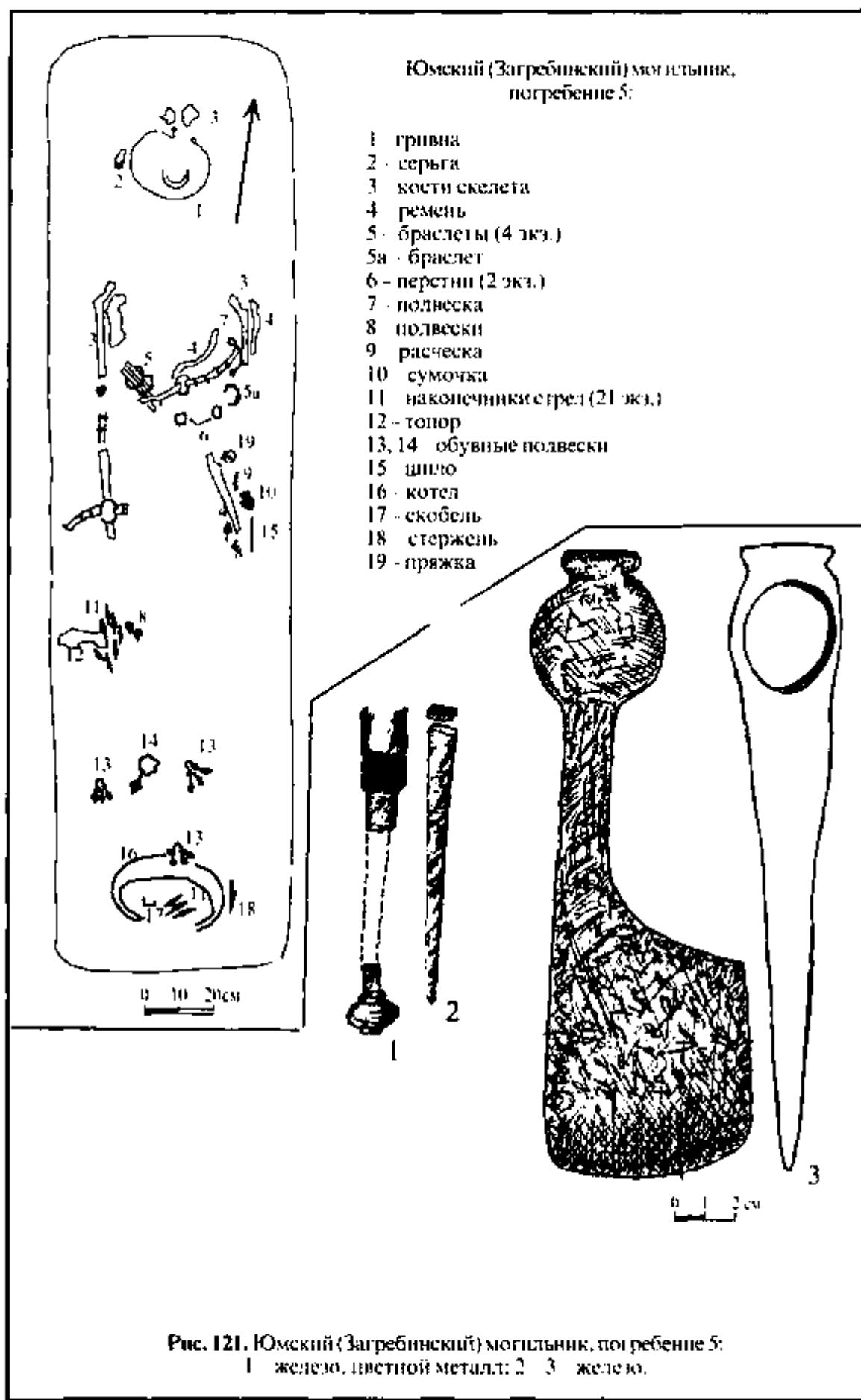

Рис. 121. Юмский (Загребинский) могильник, погребение 5:
1 - железо, цветной металл; 2-3 - железо.

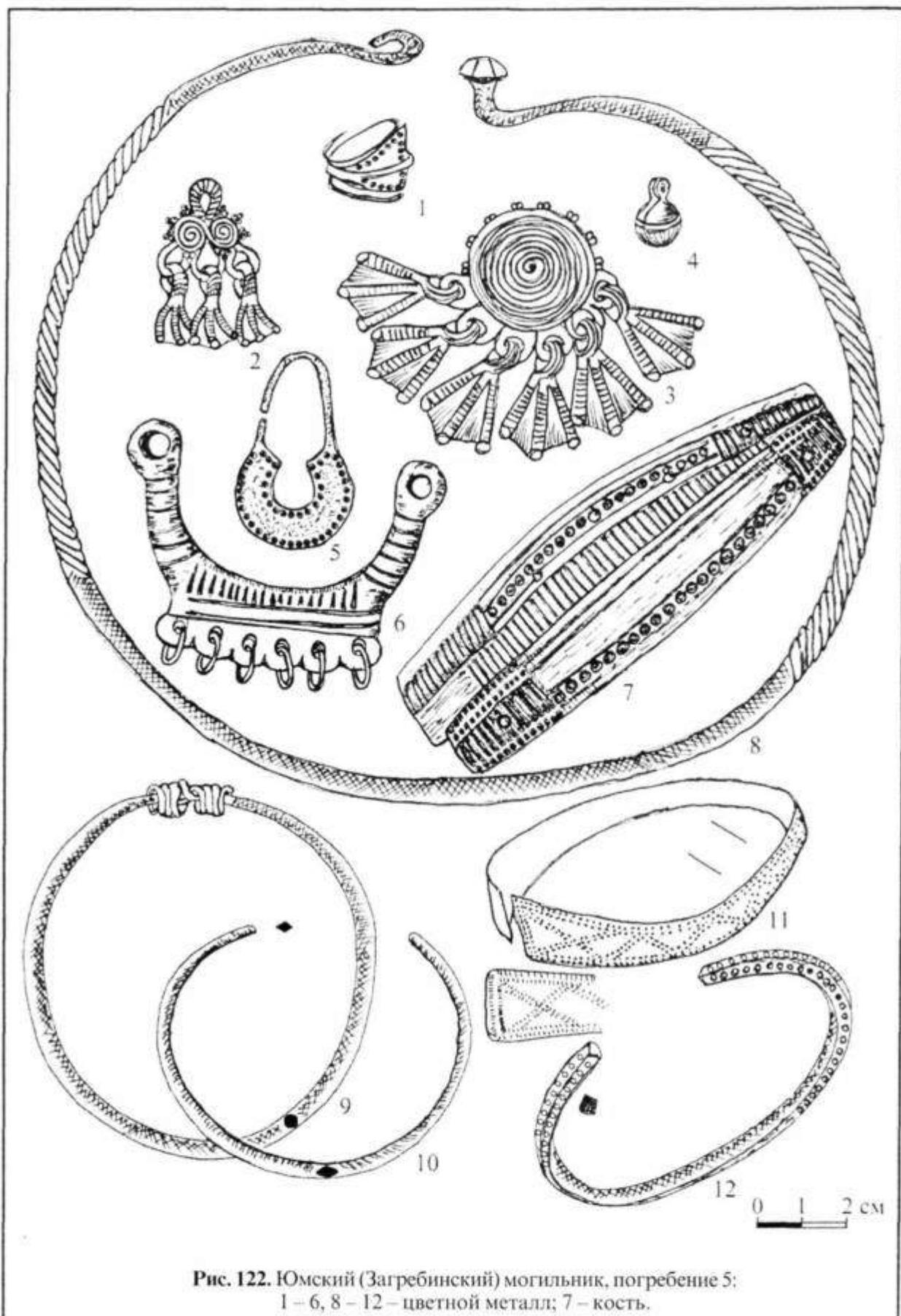

Рис. 122. Юмский (Загребинский) могильник, погребение 5:
1 – 6, 8 – 12 – цветной металл; 7 – кость.

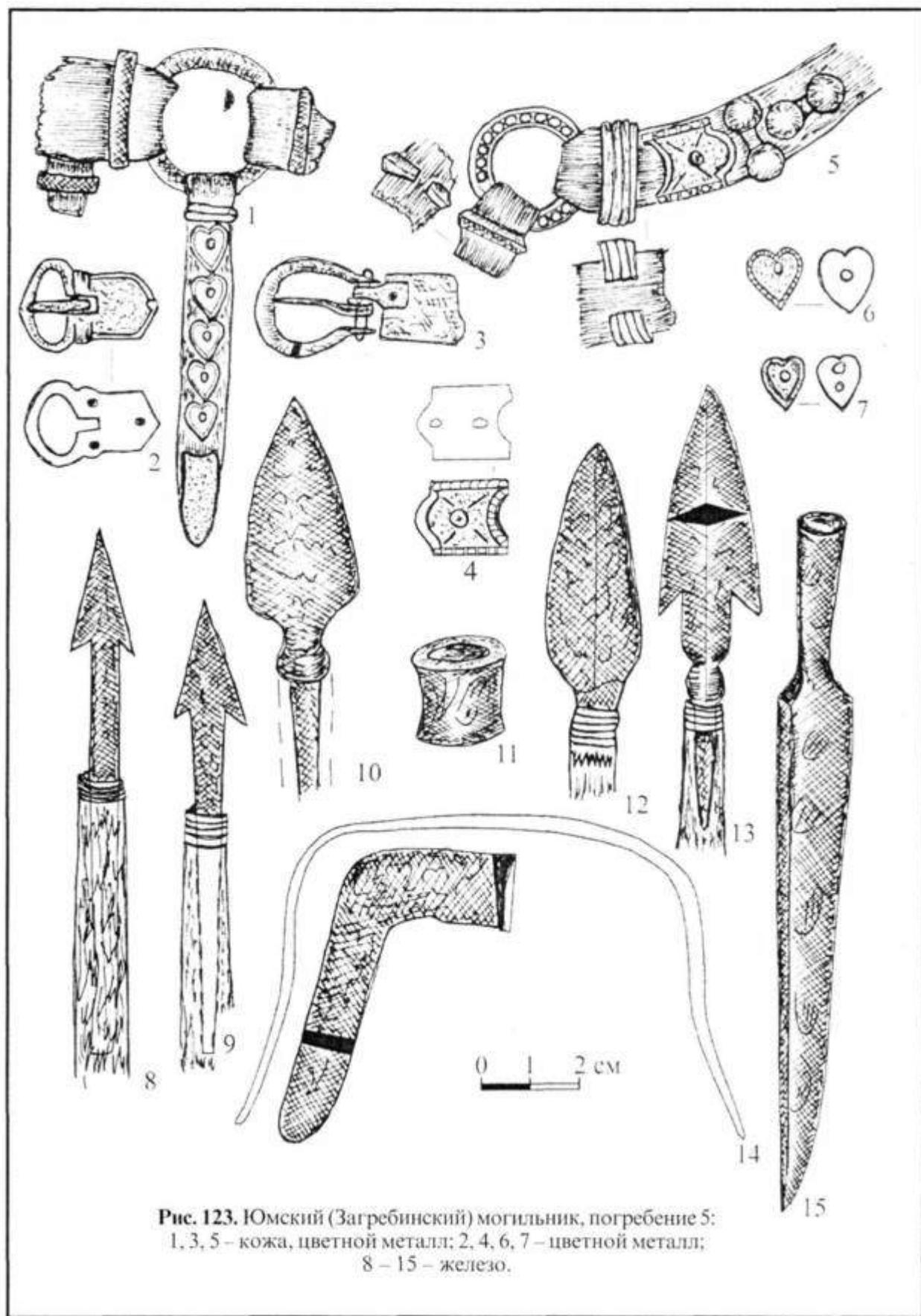

Рис. 123. Юомский (Загребинский) могильник, погребение 5:
1, 3, 5 – кожа, цветной металл; 2, 4, 6, 7 – цветной металл;
8 – 15 – железо.

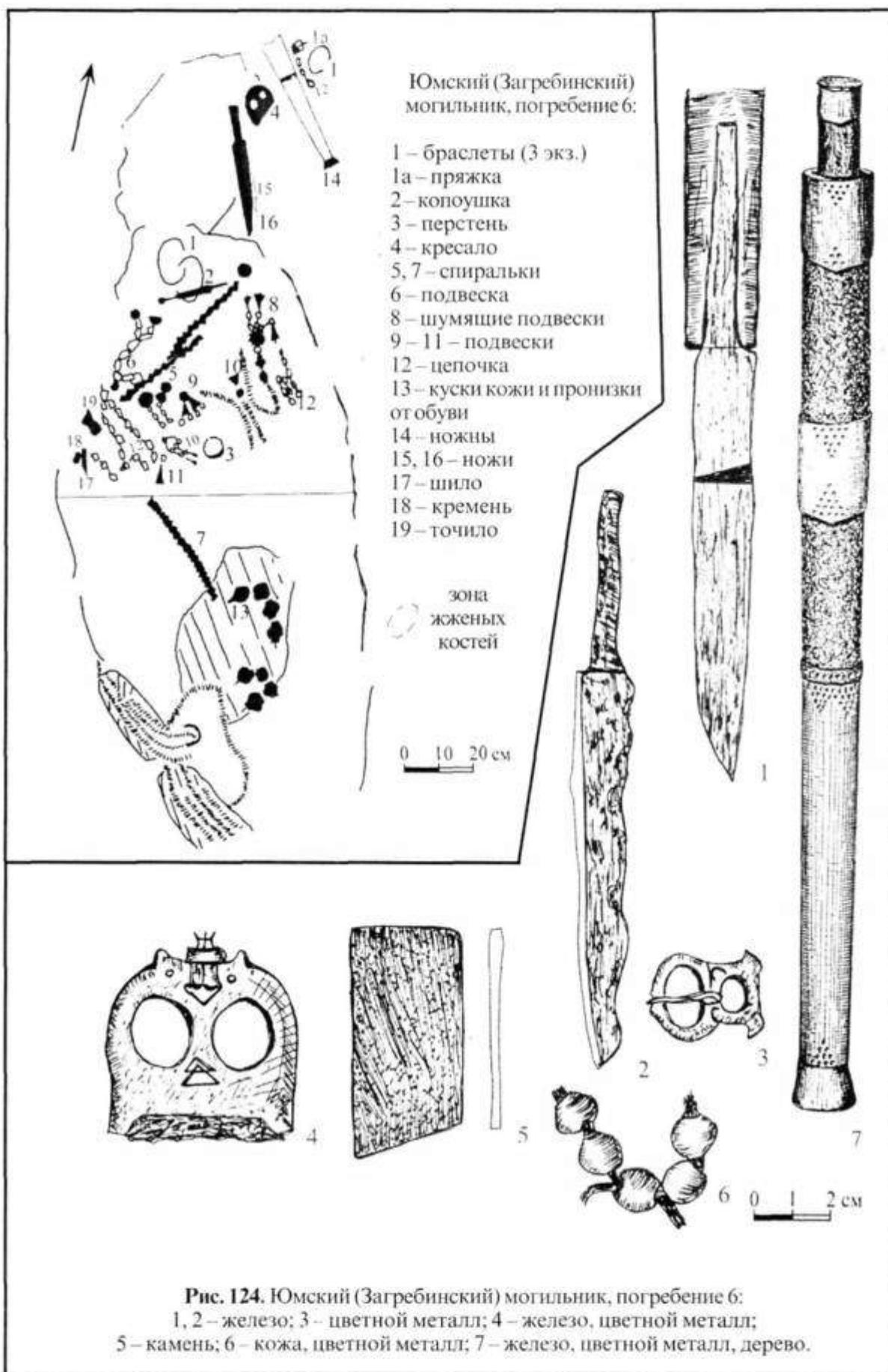
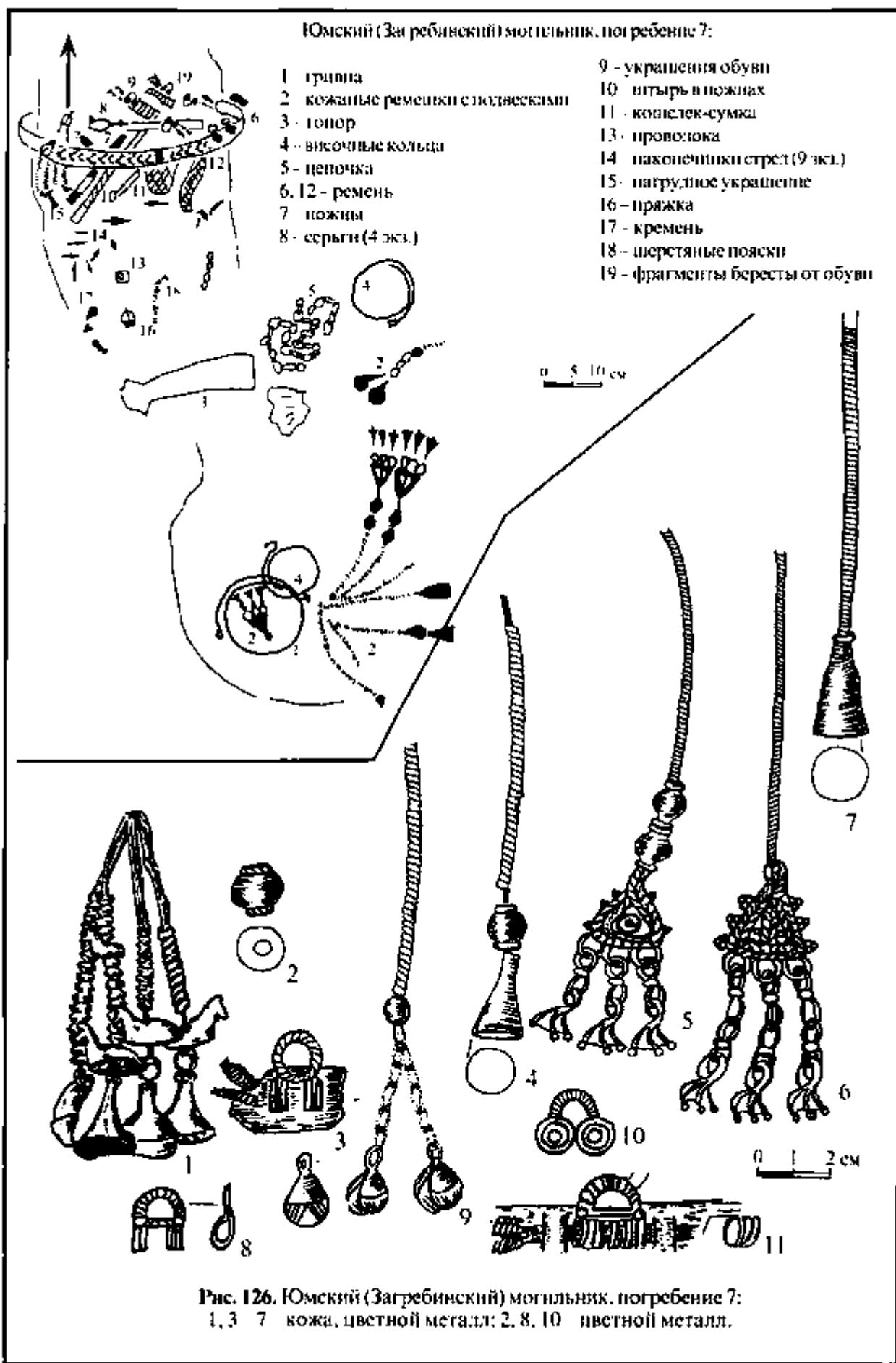

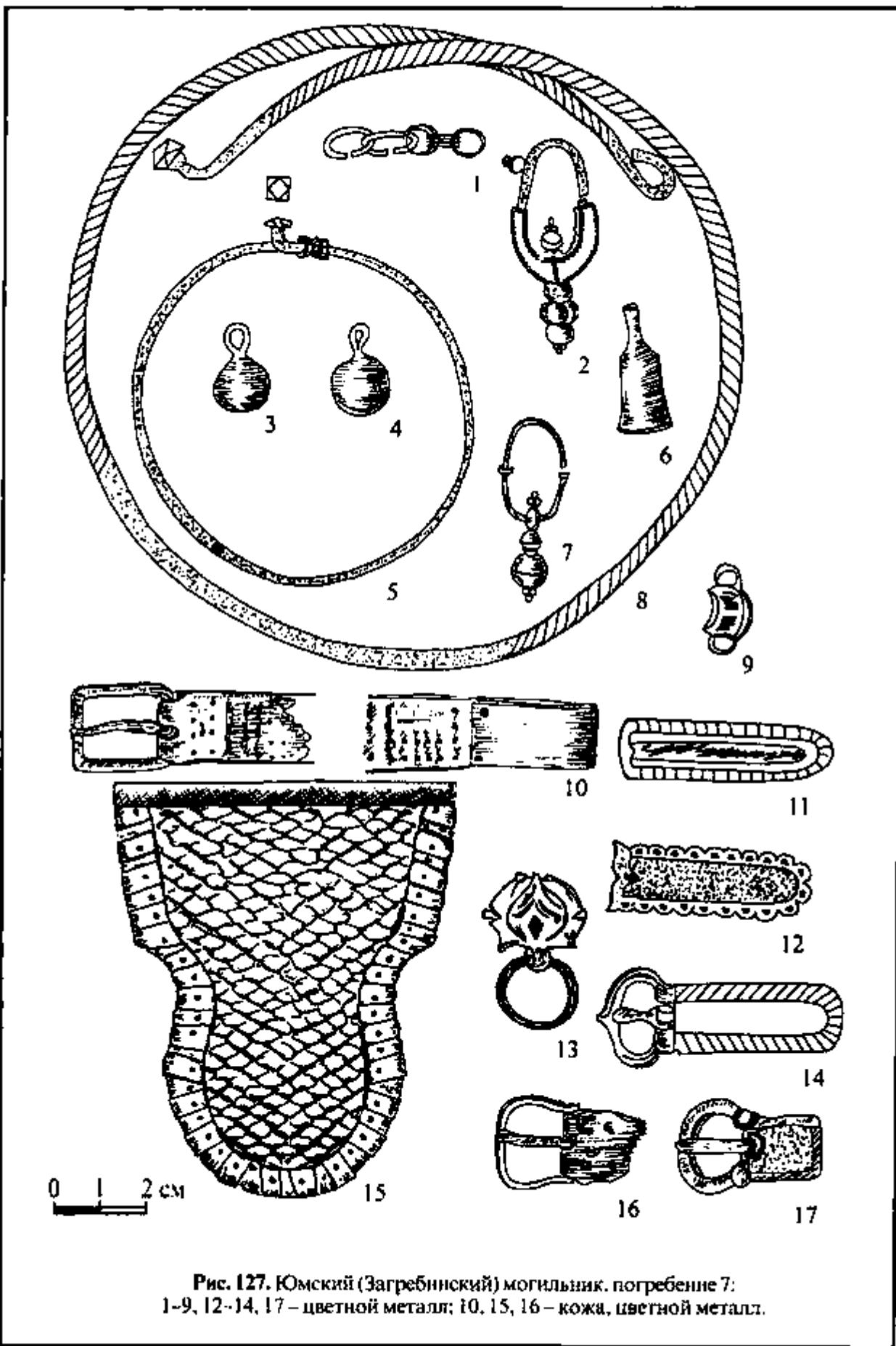
Рис. 124. Юмский (Загребинский) могильник, погребение 6:

1, 2 – железо; 3 – цветной металл; 4 – железо, цветной металл;
5 – камень; 6 – кожа, цветной металл; 7 – железо, цветной металл, дерево.

Рис. 125. Юмский (Загребинский) могильник, погребение 6:
1, 9 - 11 - цветной металл; 2 - 8 - кожа, цветной металл.

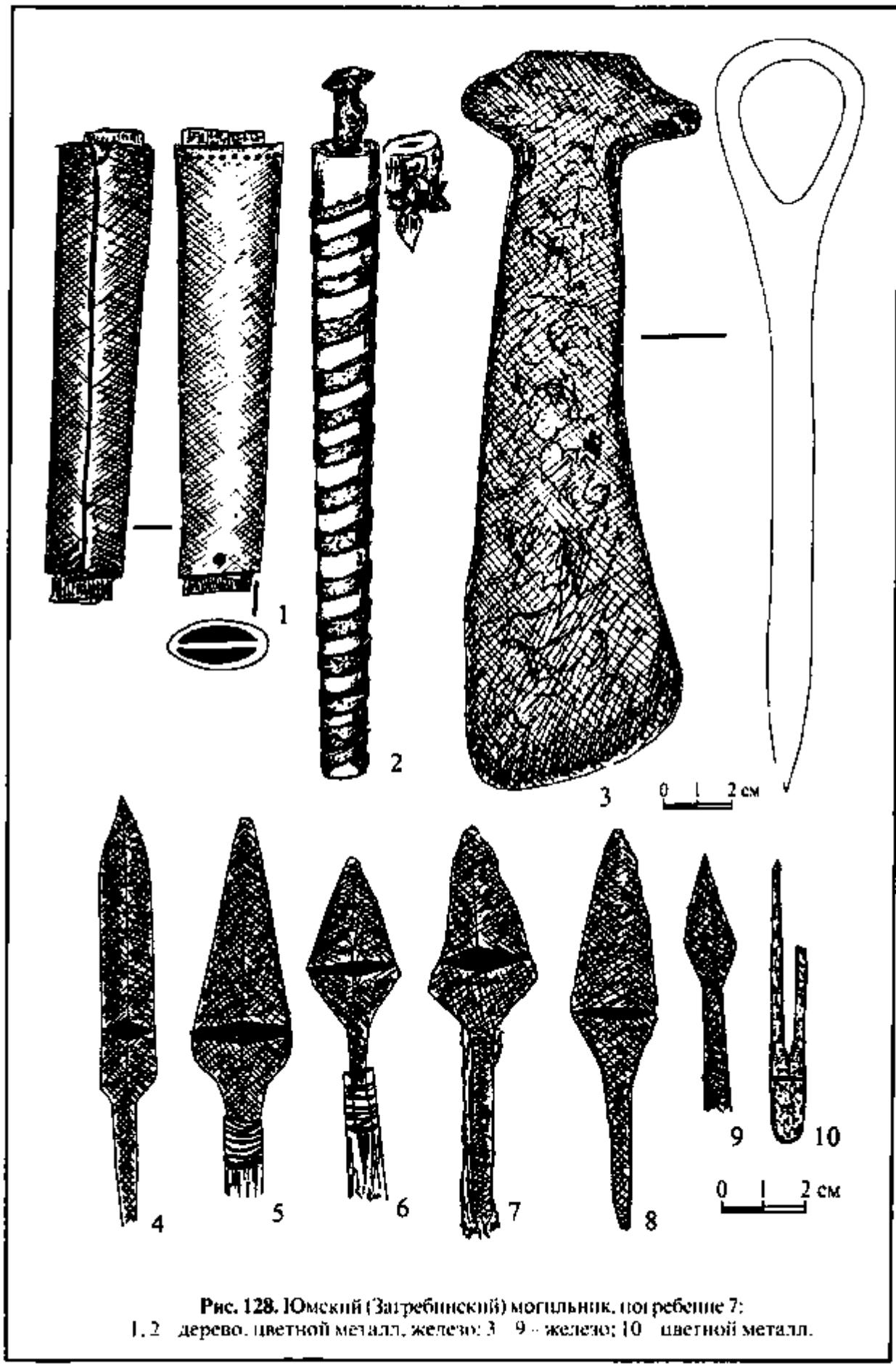
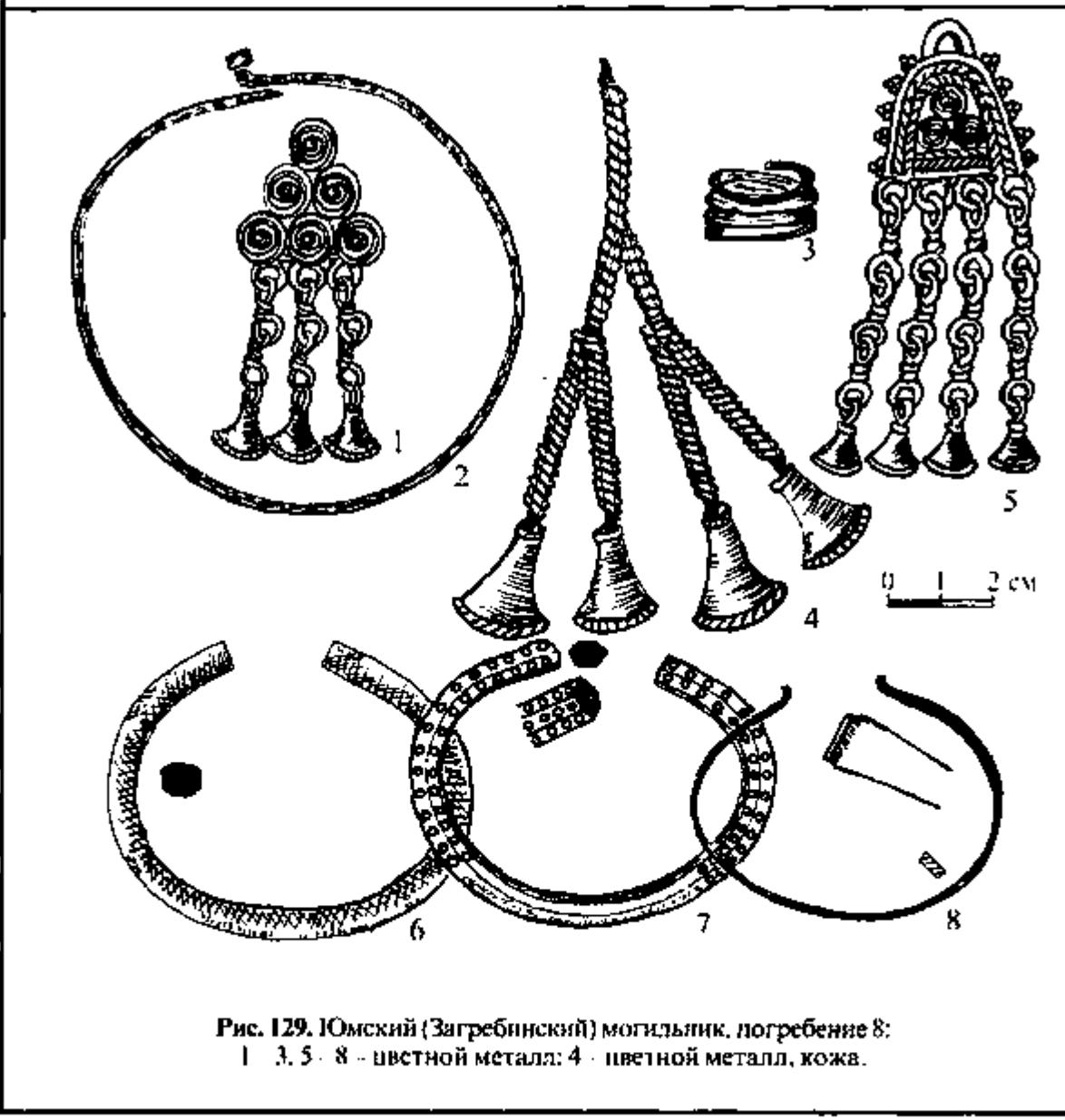
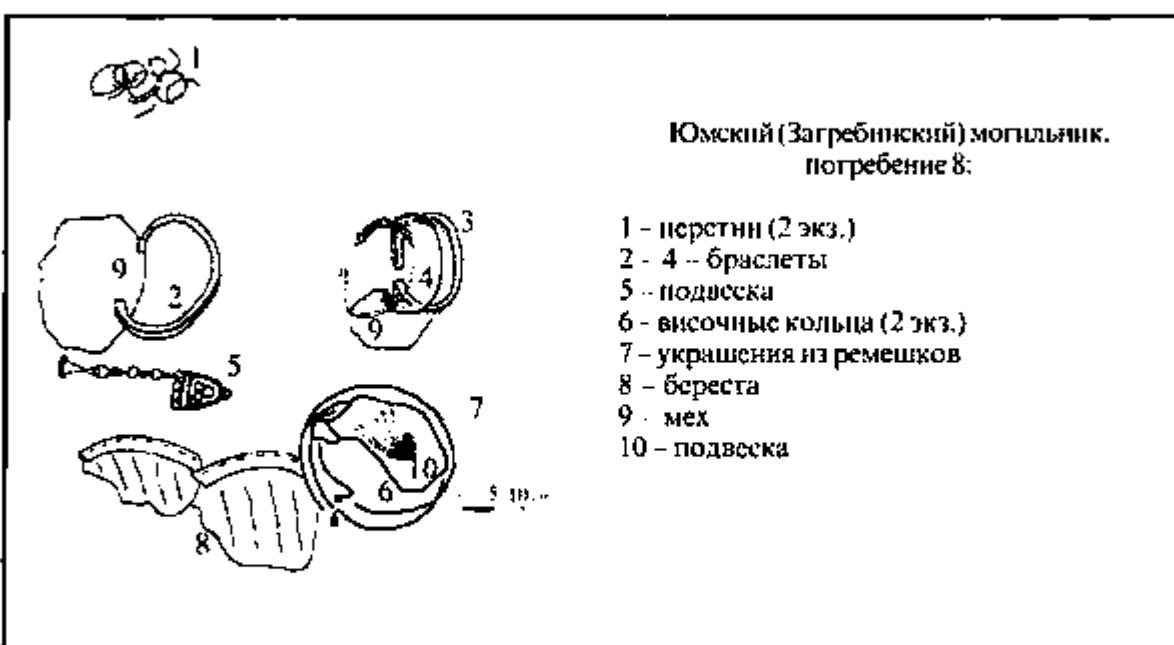
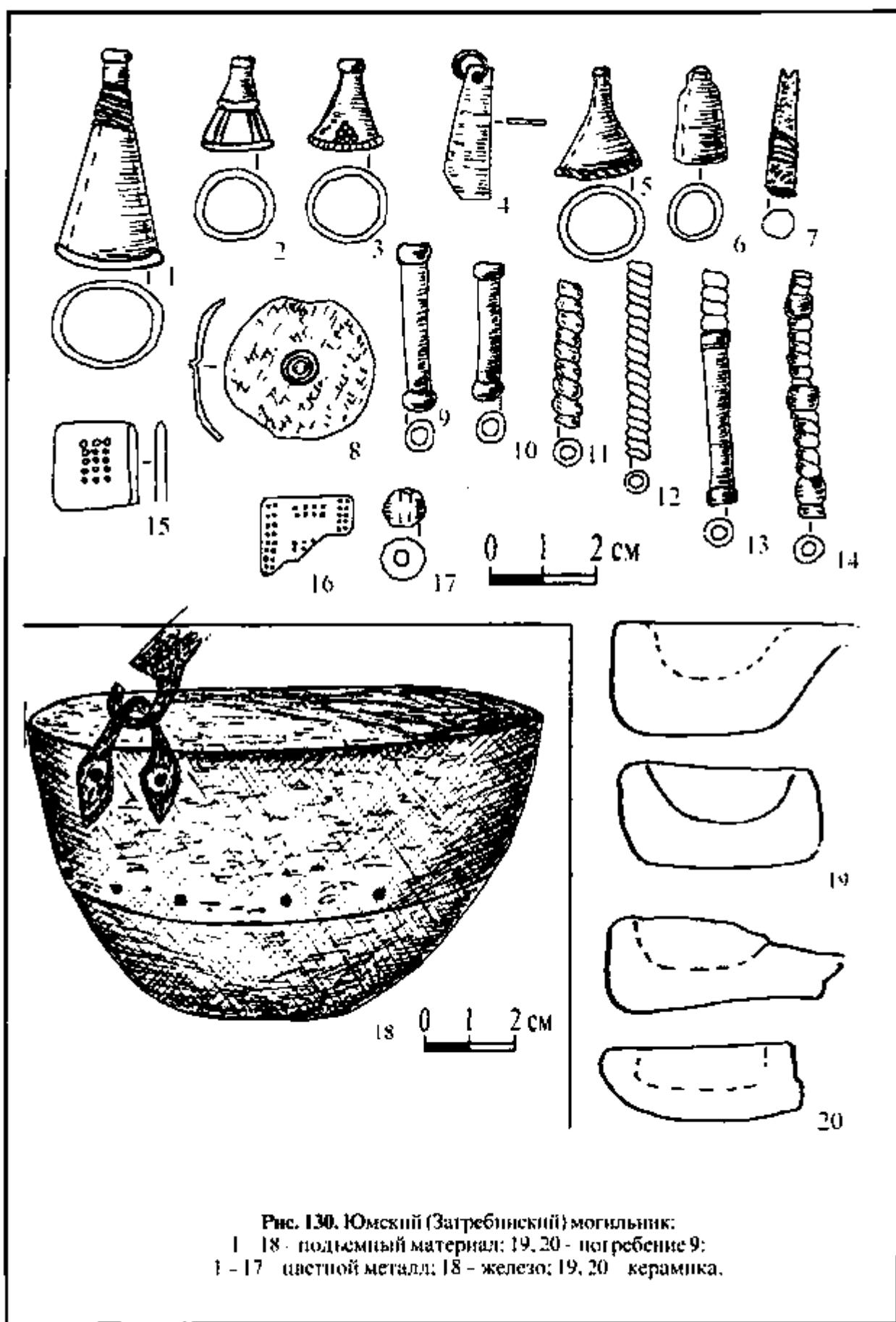
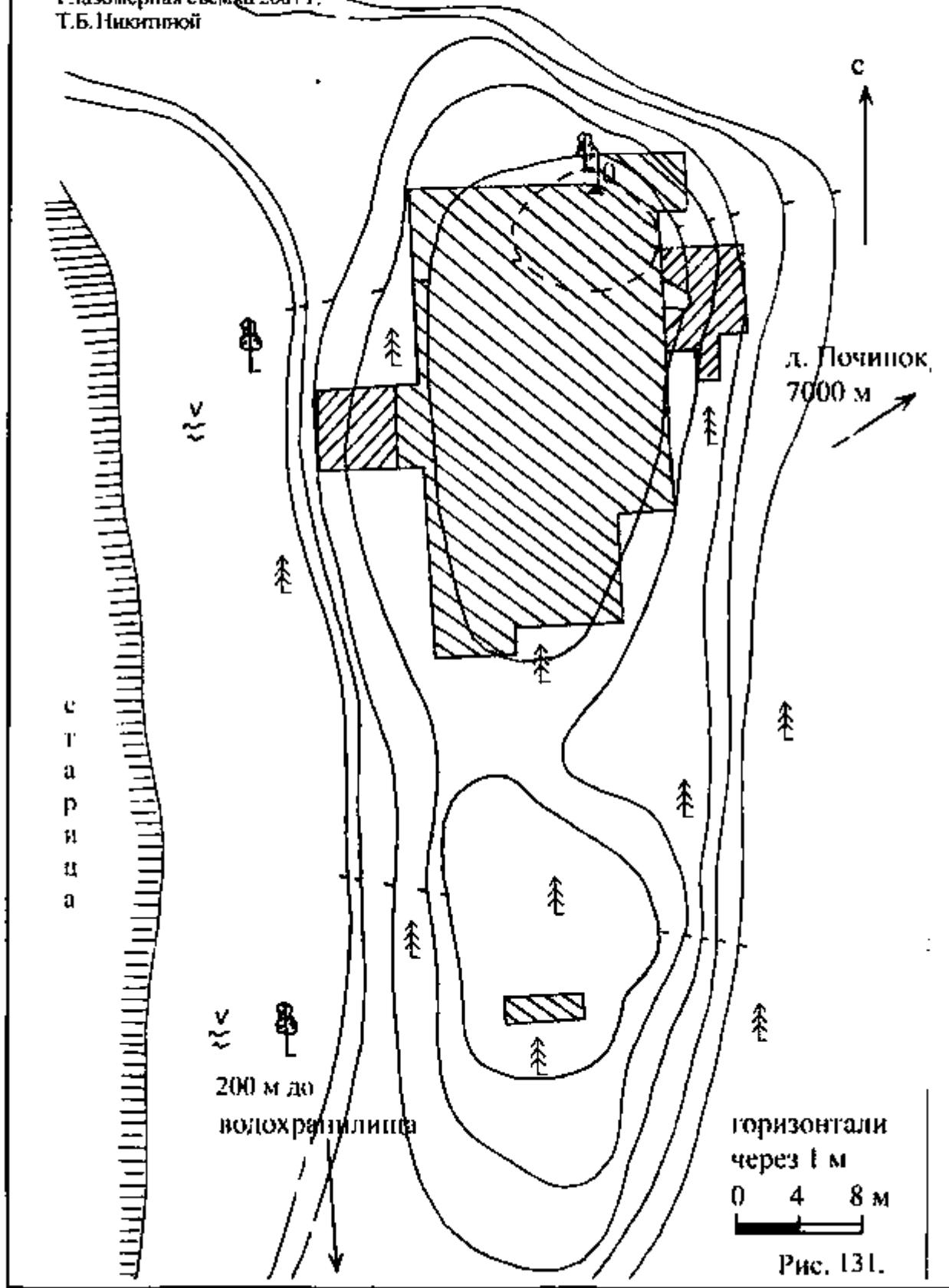

Рис. 128. Юмский (Загребинский) могильник, погребение 7:
1, 2 – дерево, цветной металл, железо; 3 – железо; 10 – цветной металл.

МарАЭ - 2007 г.
Мониторинг
«Нижняя стрелка».
Глазомерная съемка 2007 г.
Т.Б. Никитиной

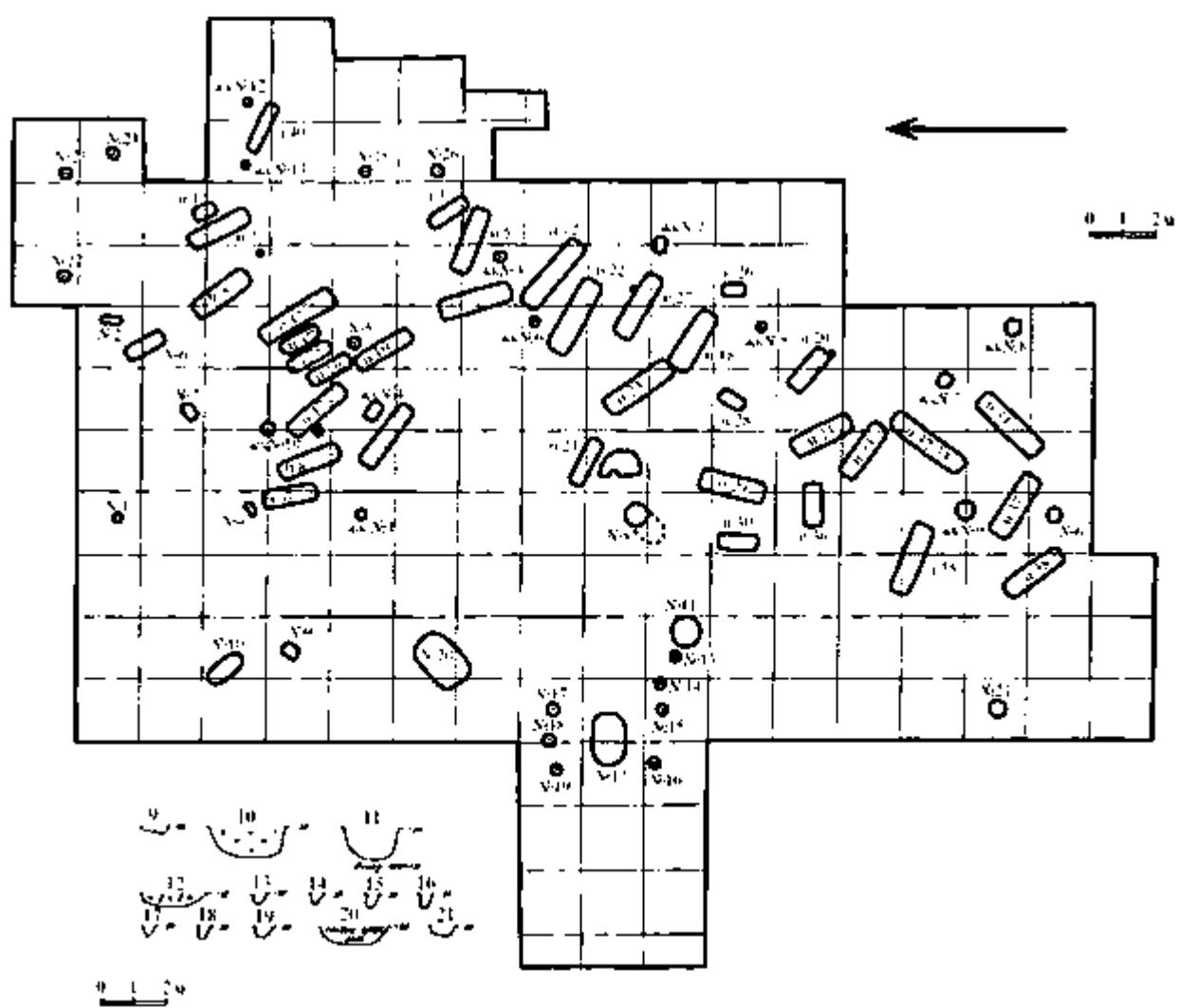
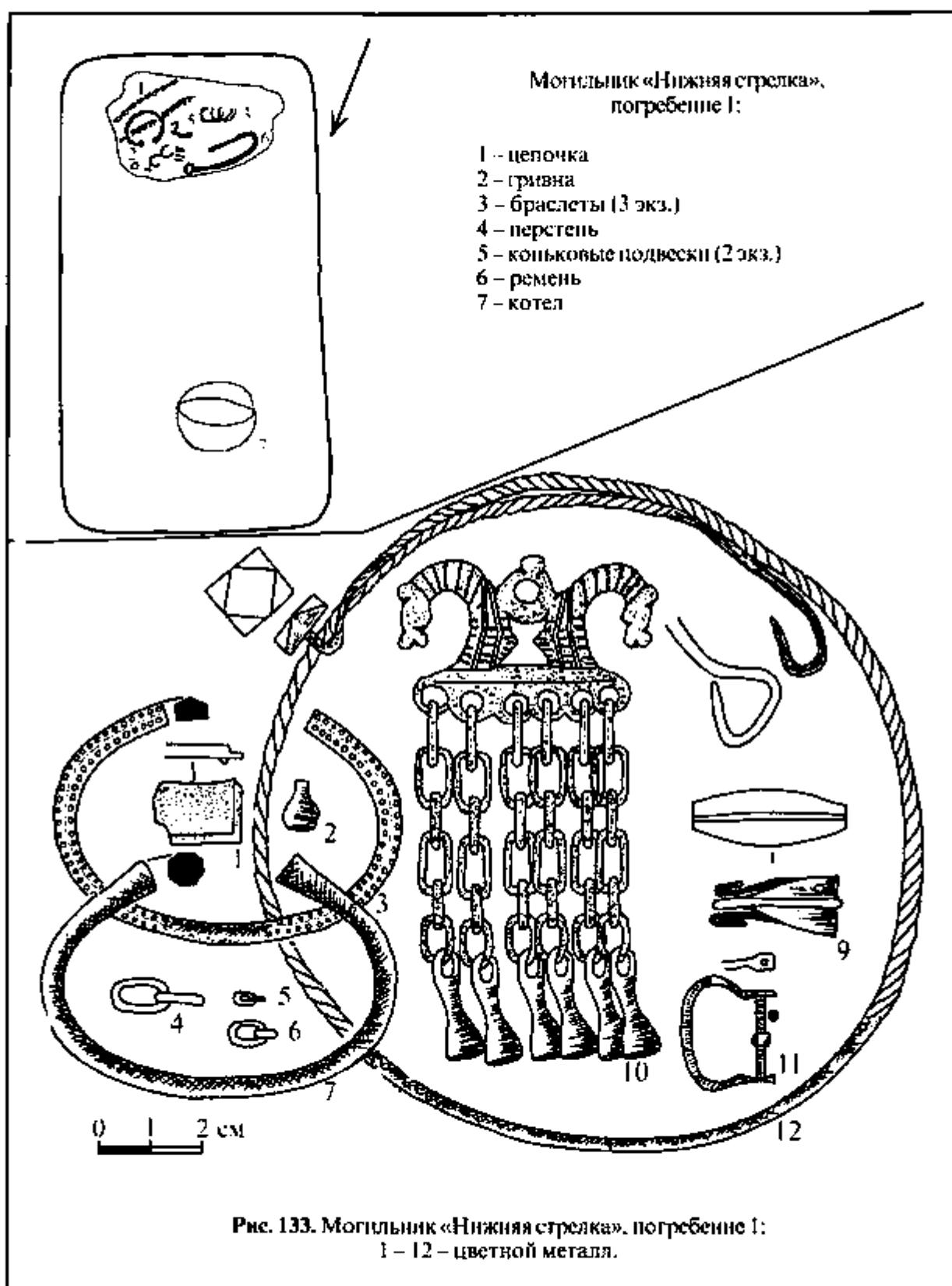
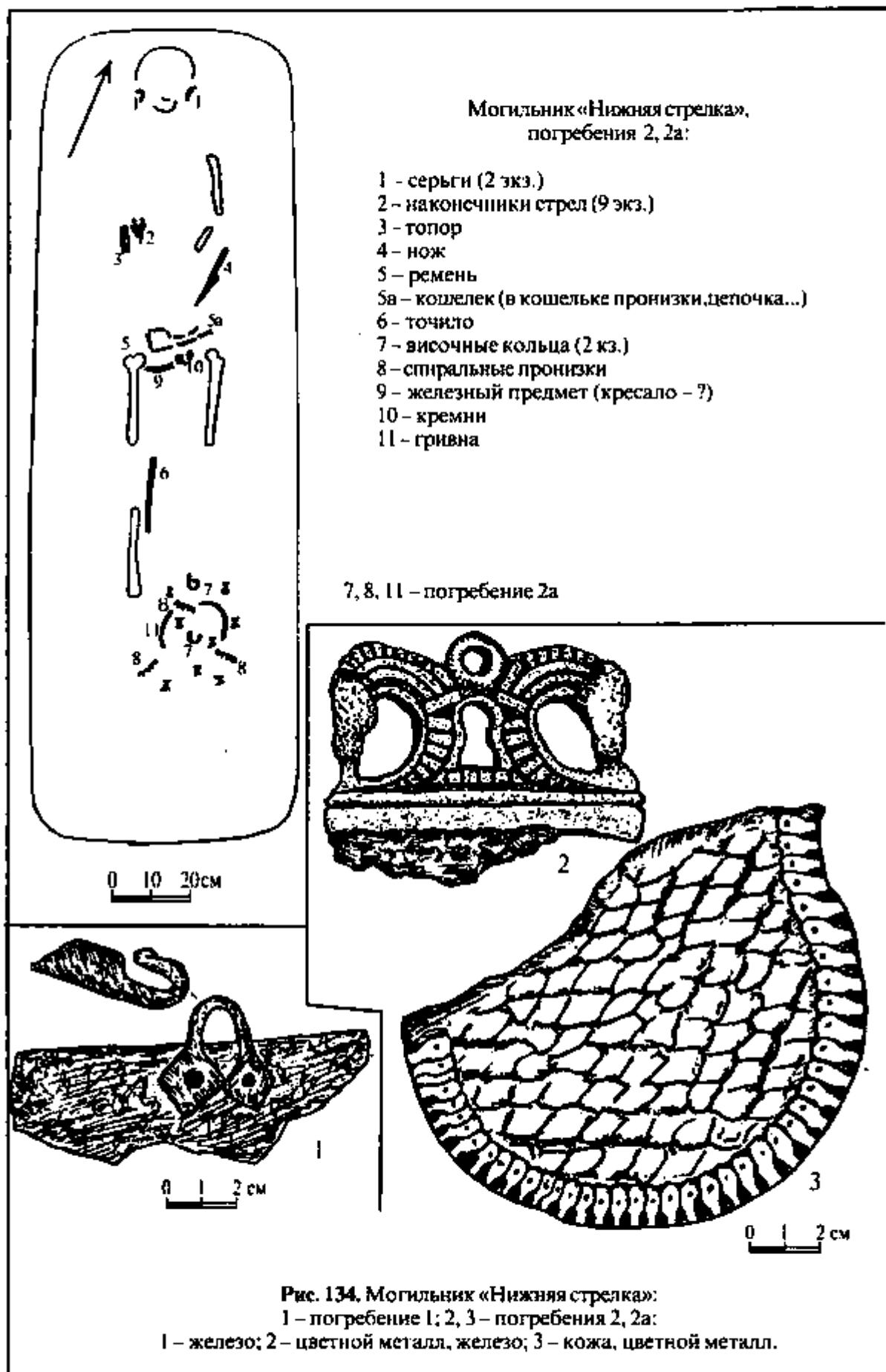

Рис. 132. План раскопа. Могильник «Нижняя стрелка».

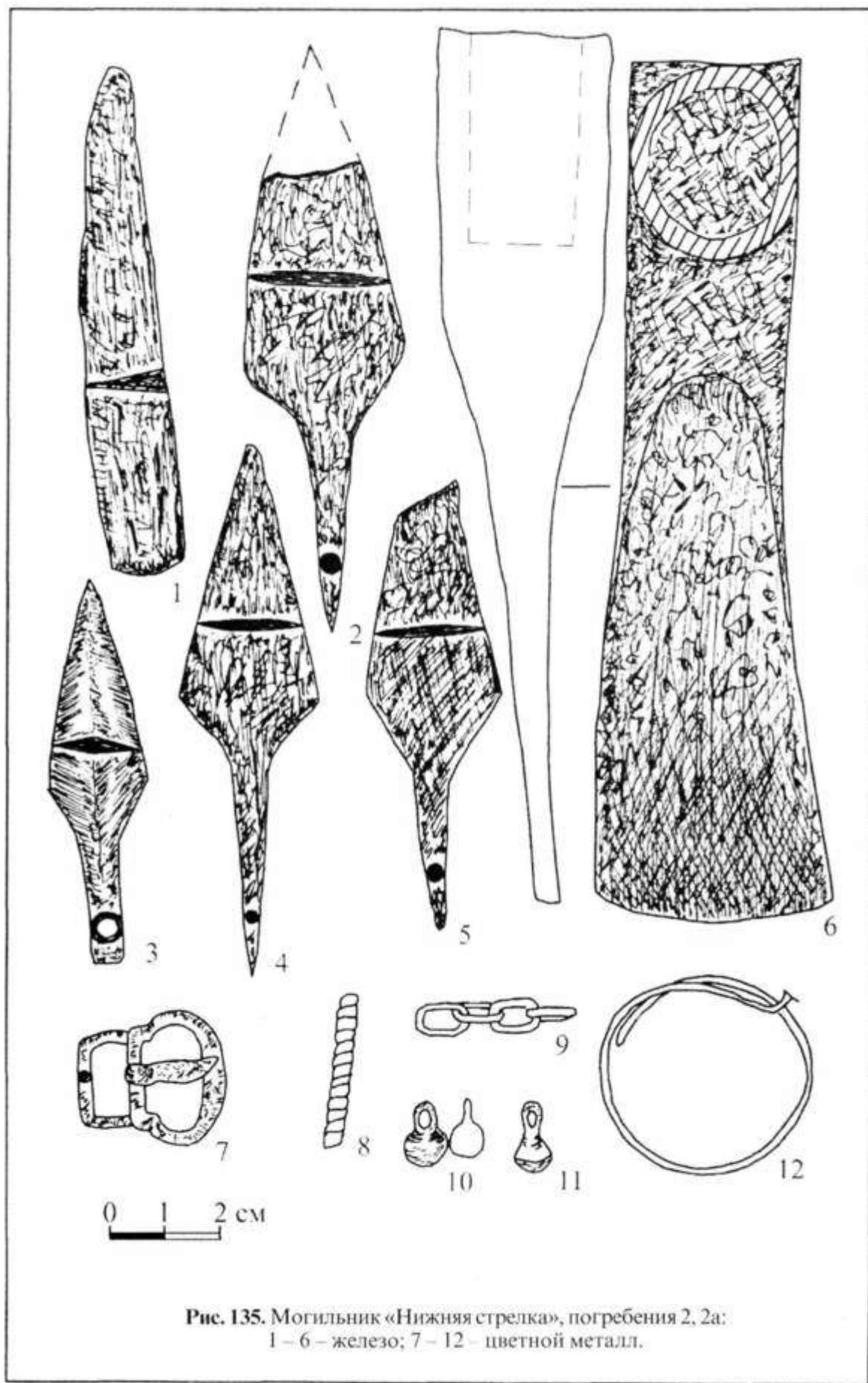

Рис. 135. Могильник «Нижняя стрелка», погребения 2, 2а:
1–6 – железо; 7–12 – цветной металл.

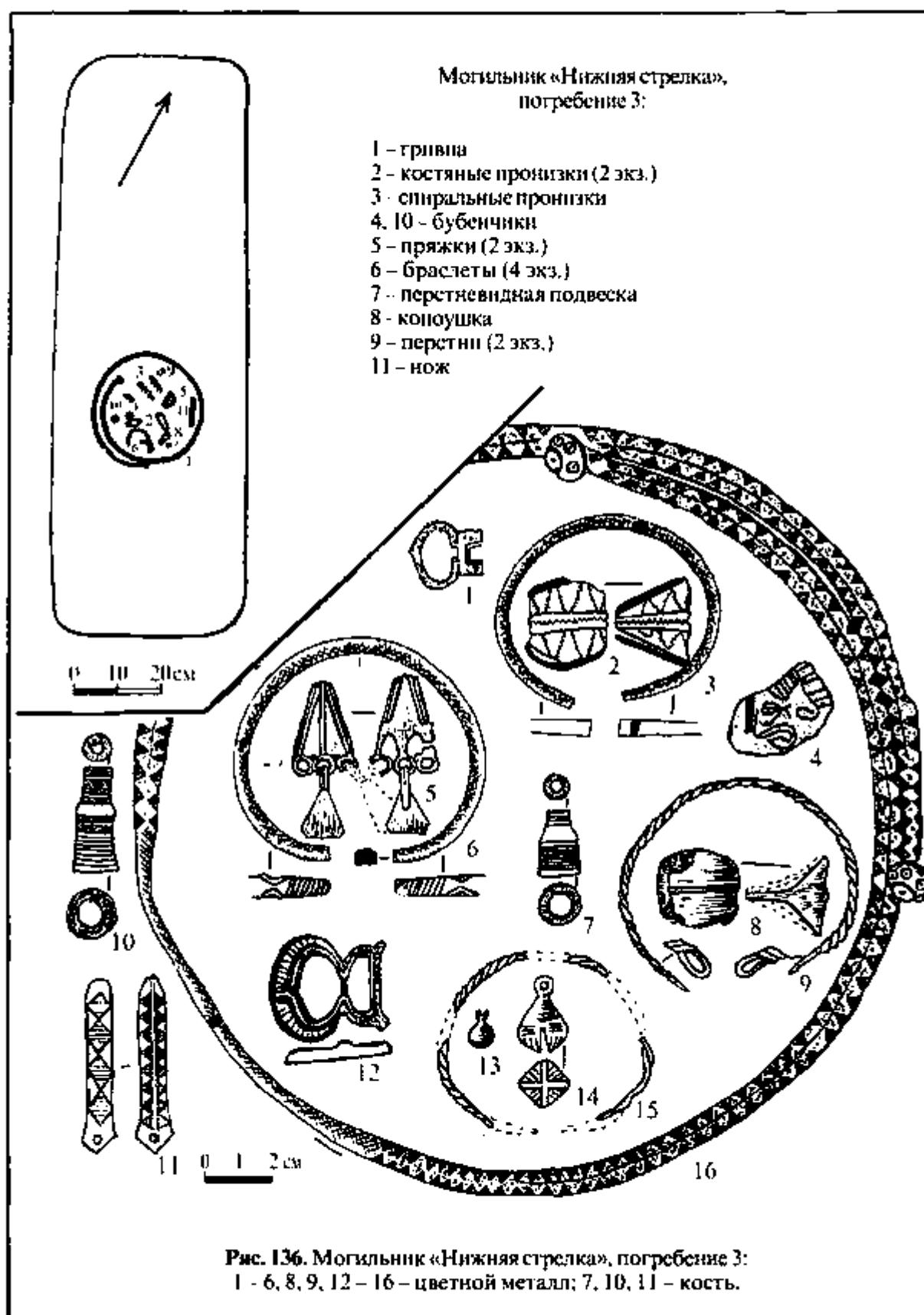
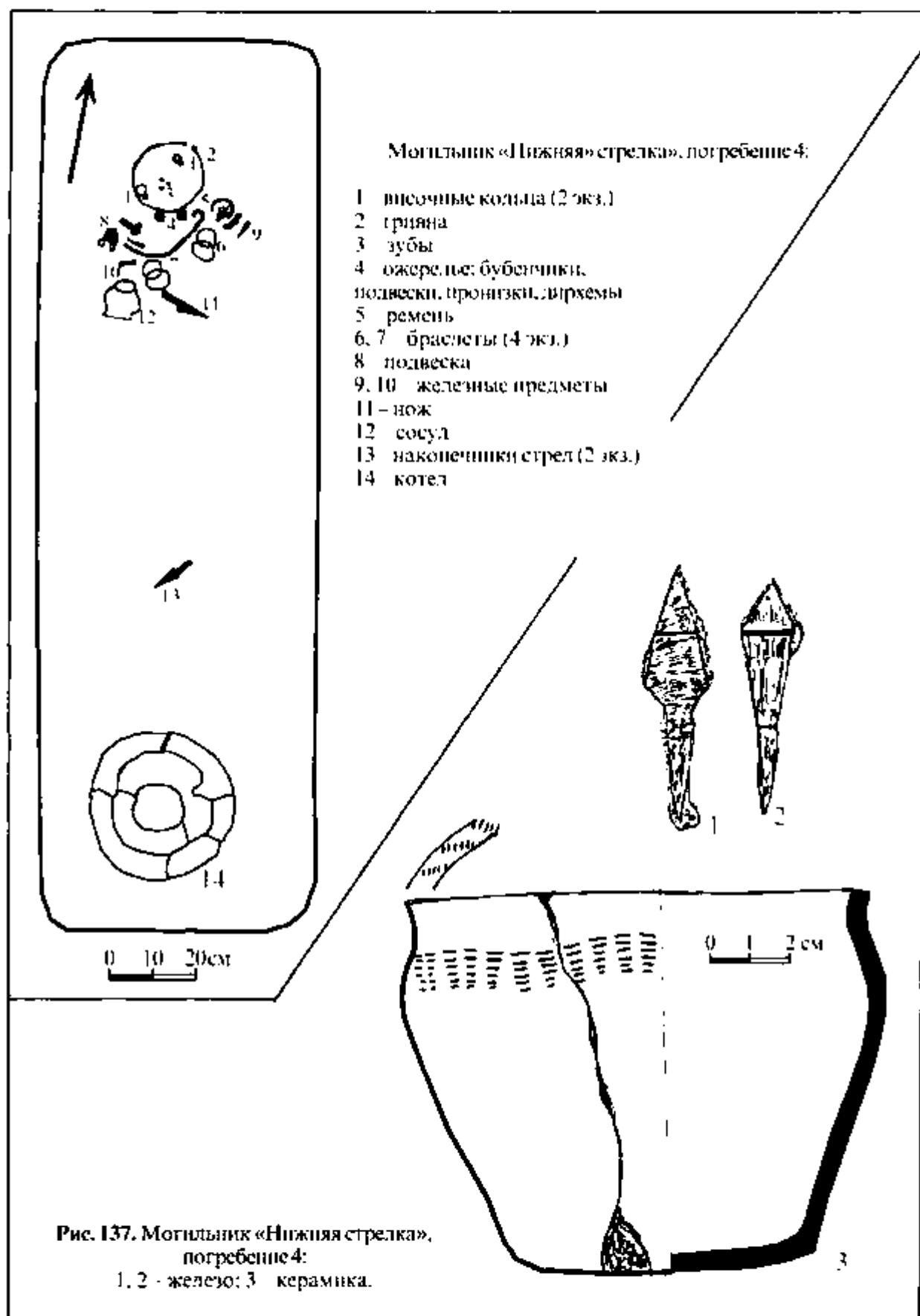

Рис. 136. Могильник «Нижняя стрелка», погребение 3:
1 - 6, 8, 9, 12 - 16 – цветной металл; 7, 10, 11 – кость.

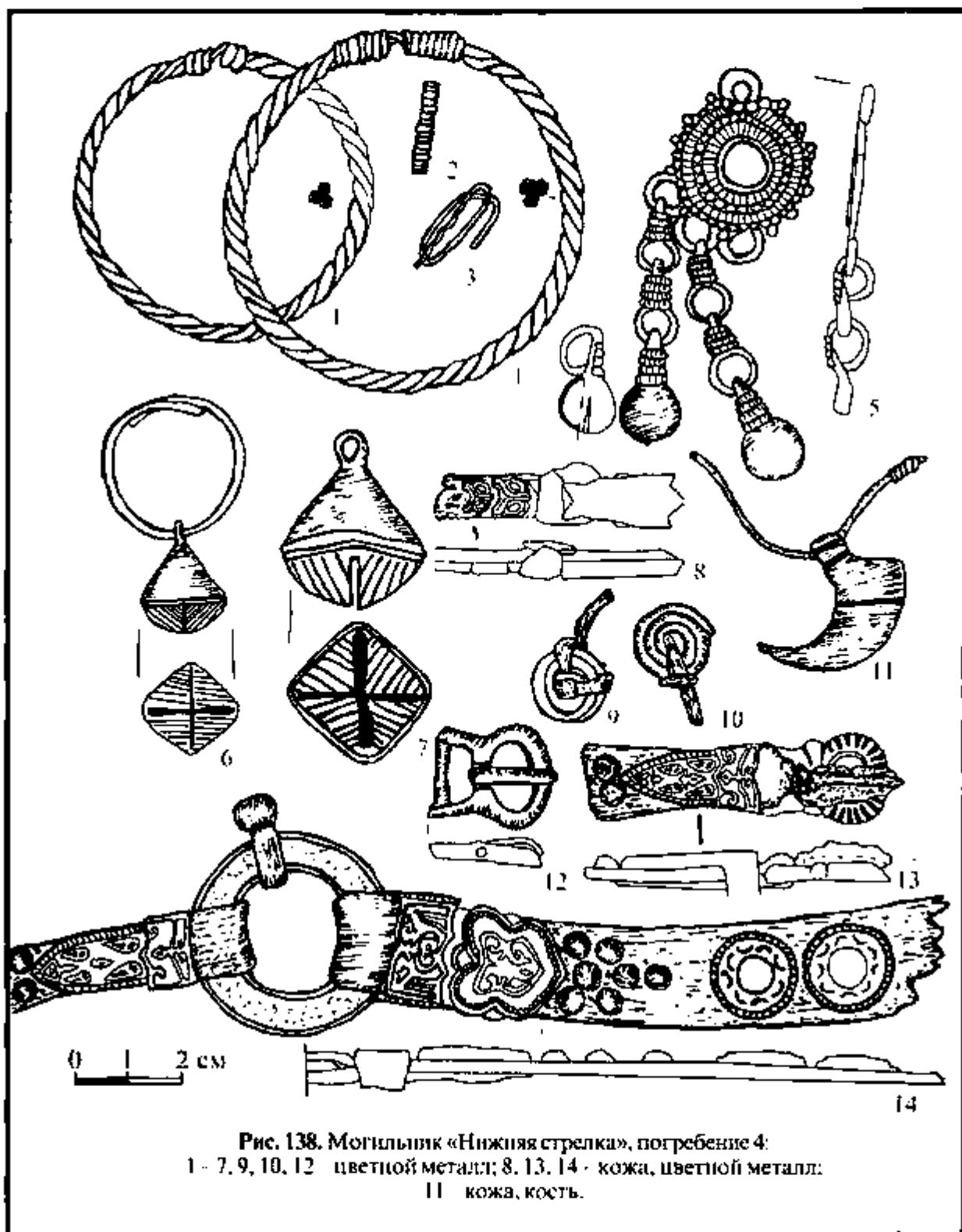

Рис. 138. Могильник «Нижняя стрелка», погребение 4:
 1 - 7, 9, 10, 12 - цветной металл; 8, 13, 14 - кожа, цветной металл;
 11 - кожа, кость.

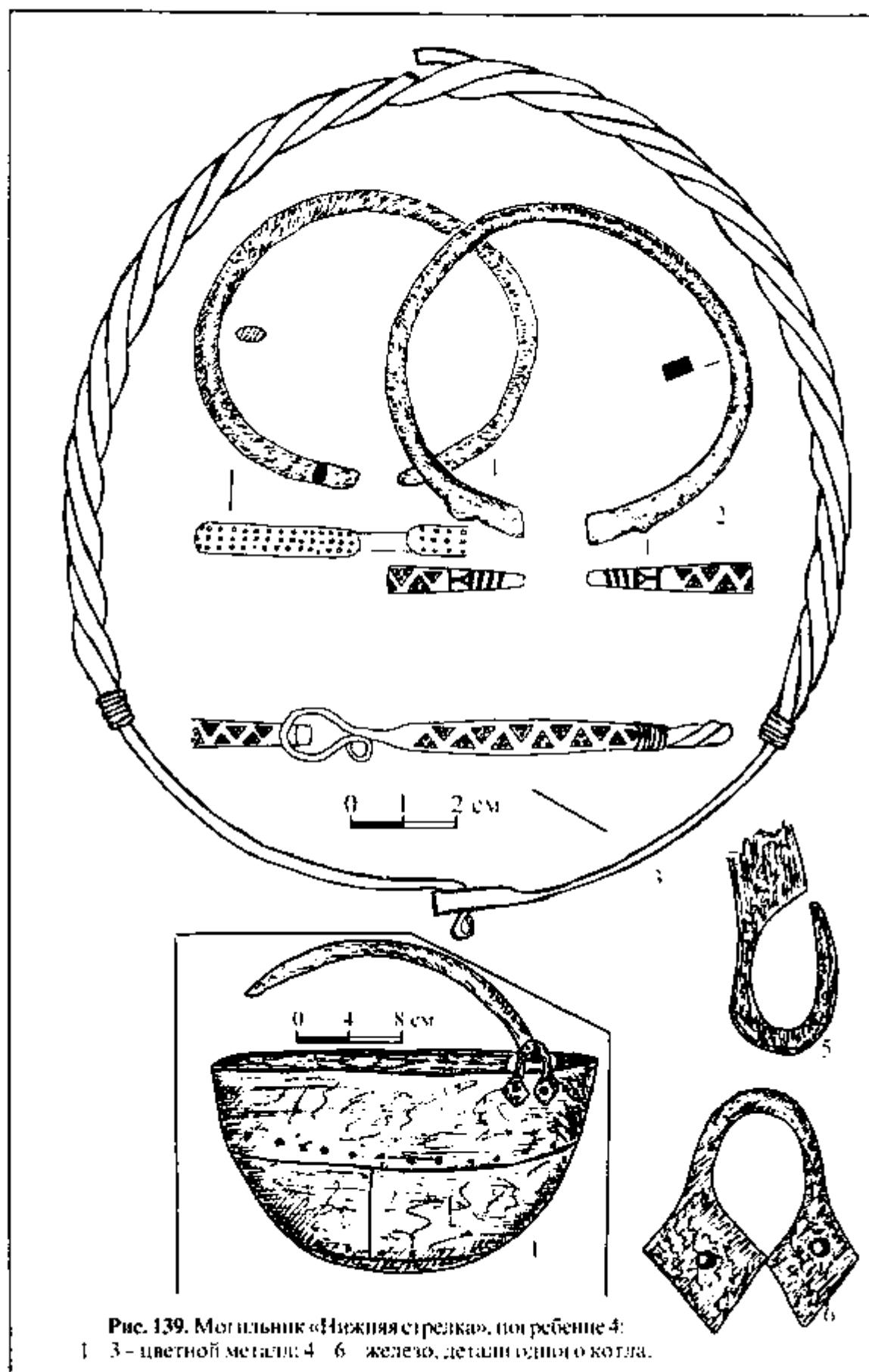
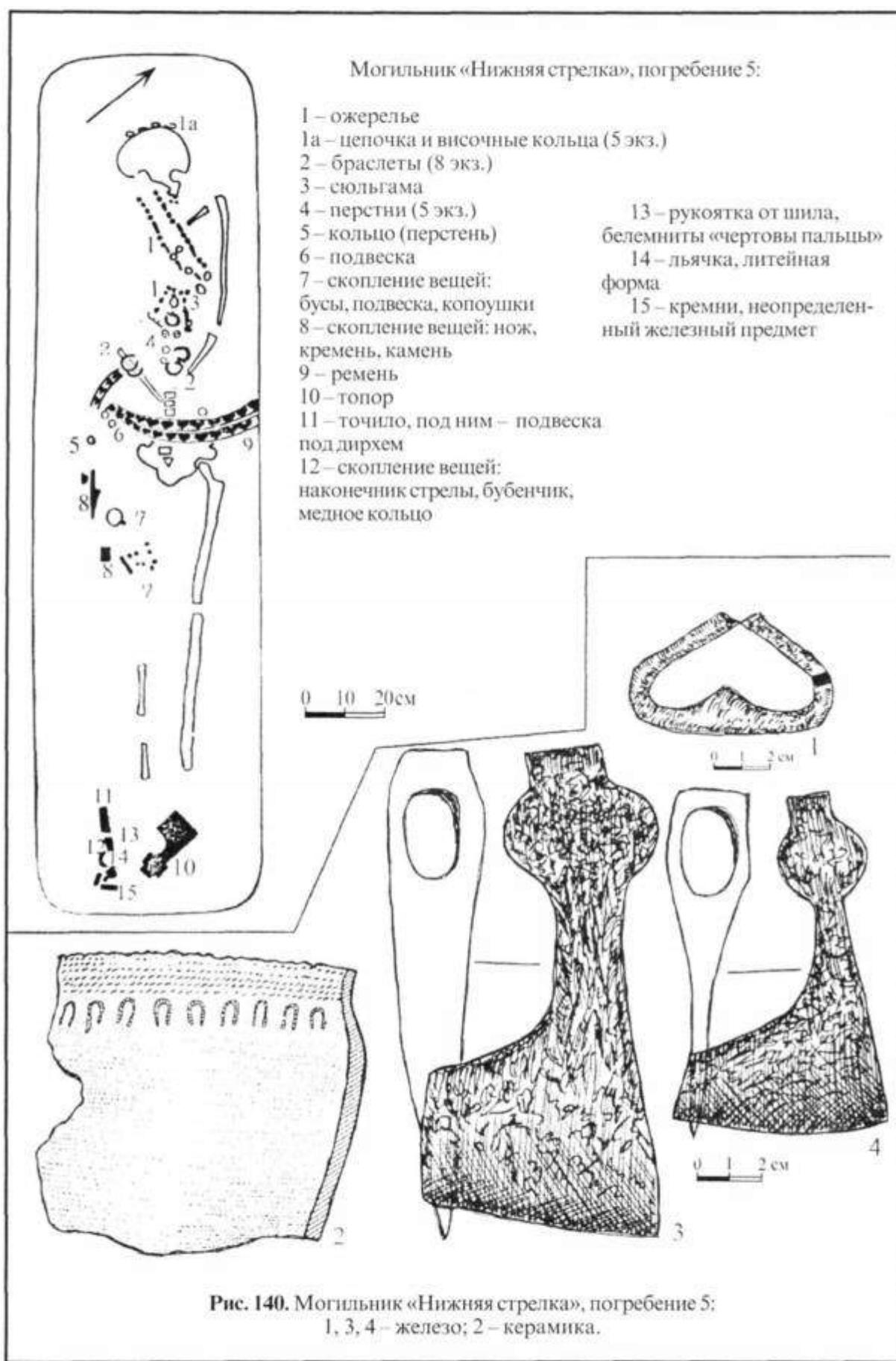

Рис. 139. Могильник «Нижняя Стрелка», по гробнице 4:
1 – цветной металл; 4 – железо, детали охотничьего котла.

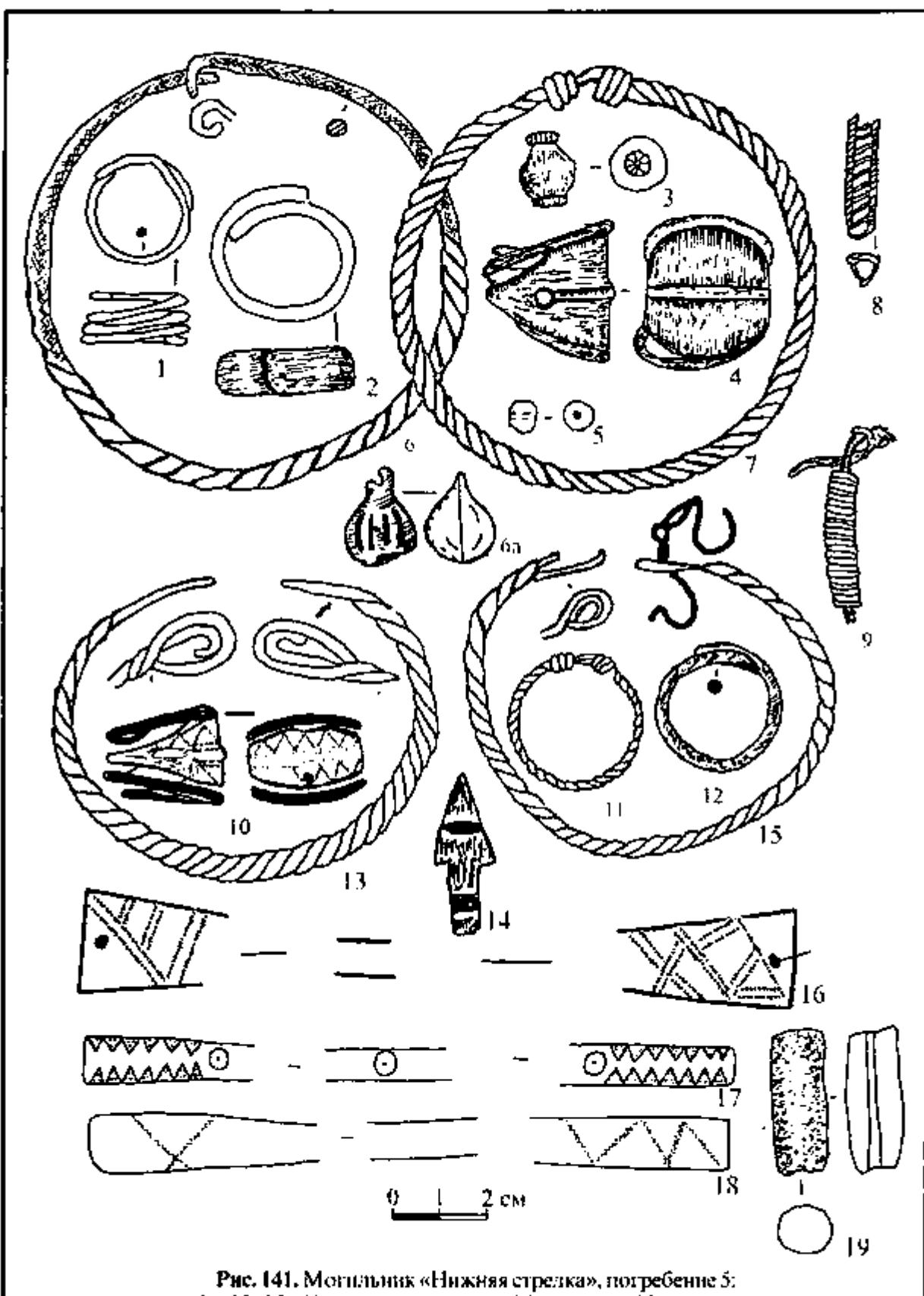

Рис. 141. Могильник «Нижняя стрелка», погребение 5:
1 - 13, 15 - 18 - цветной металл; 14 - железо; 19 - камень.

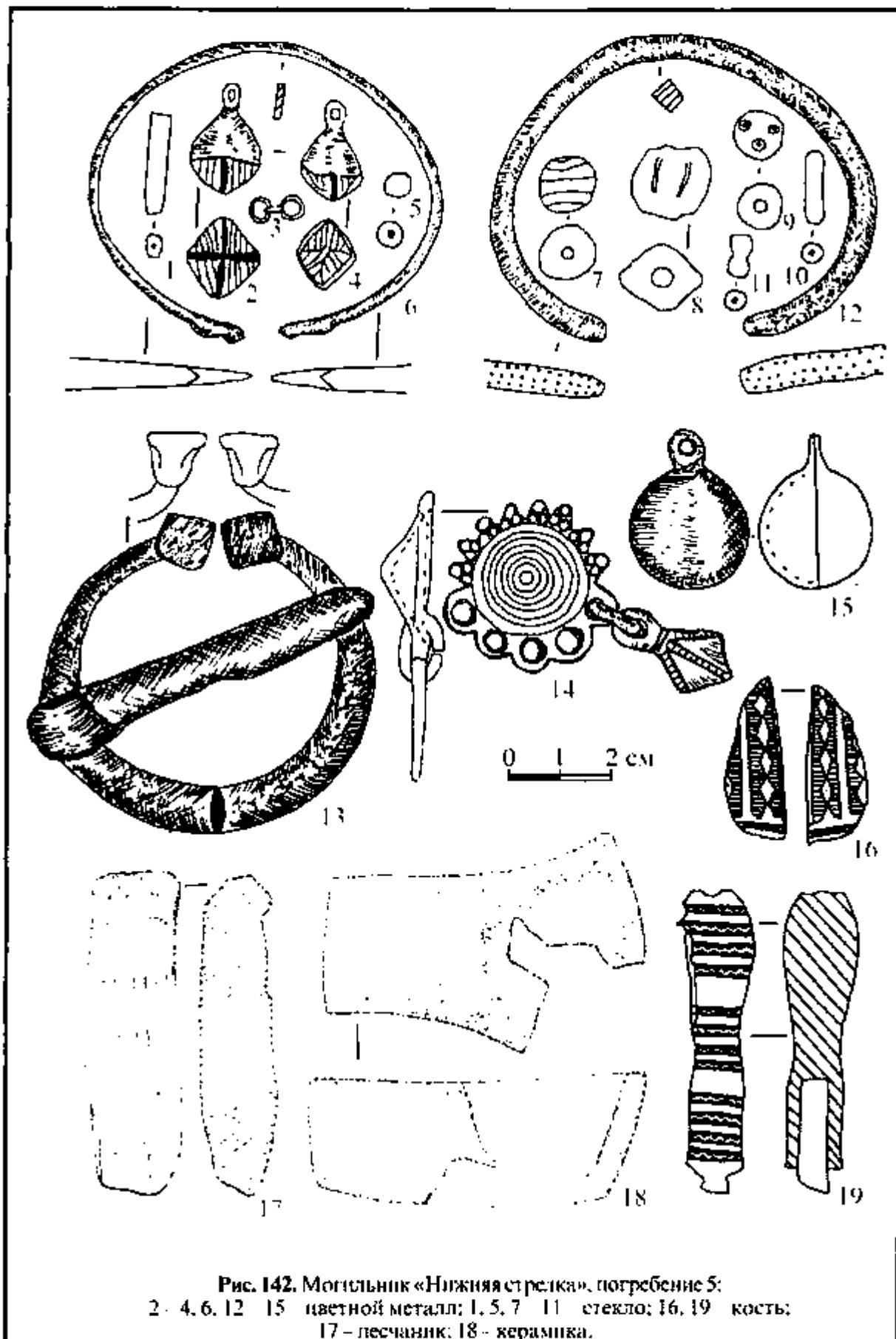

Рис. 142. Могильник «Нижняя Стрека», погребение 5:
2, 4, 6, 12 – 15 цветной металл; 1, 5, 7 – 11 стекло; 16, 19 – кость;
17 – песчаник; 18 – керамика.

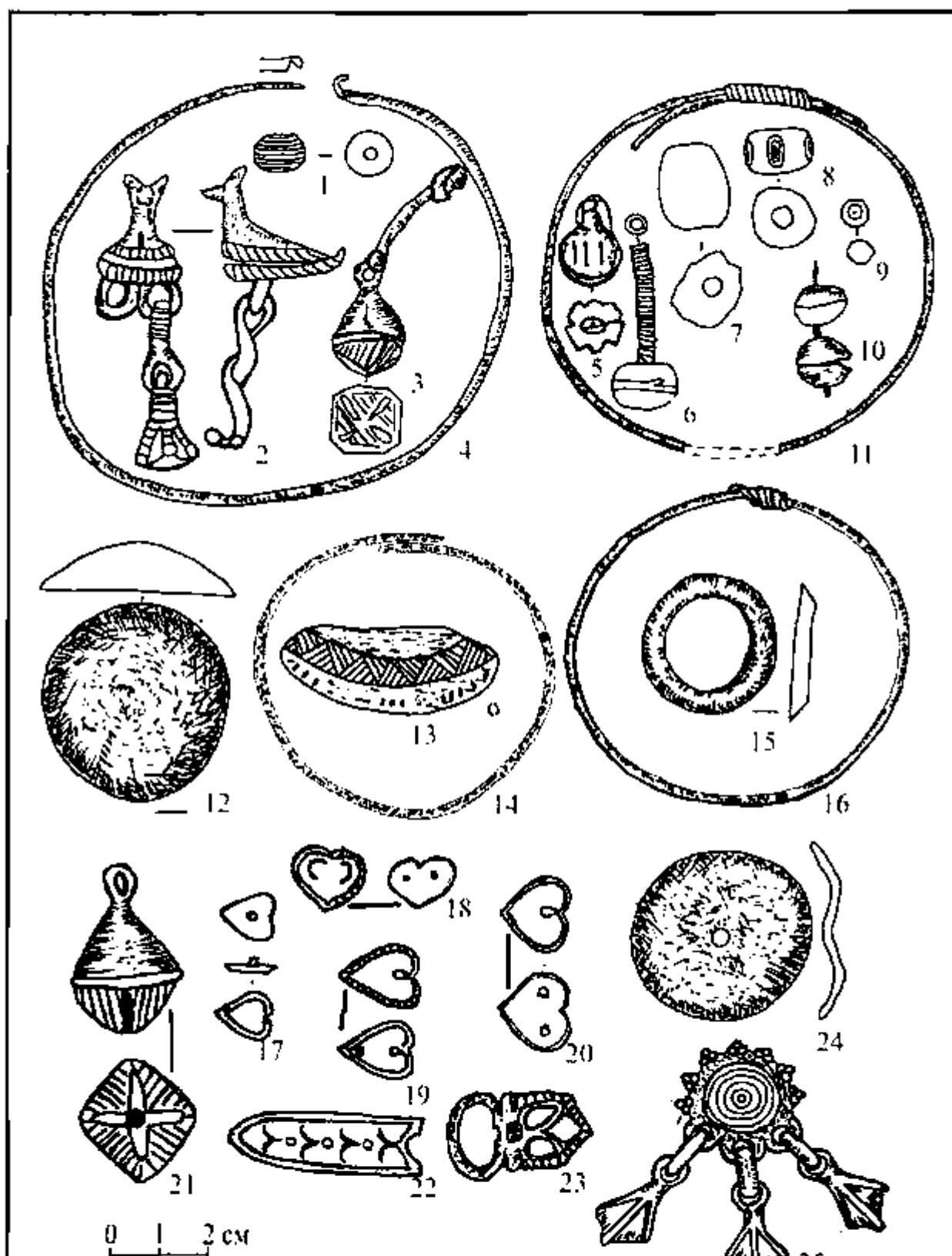
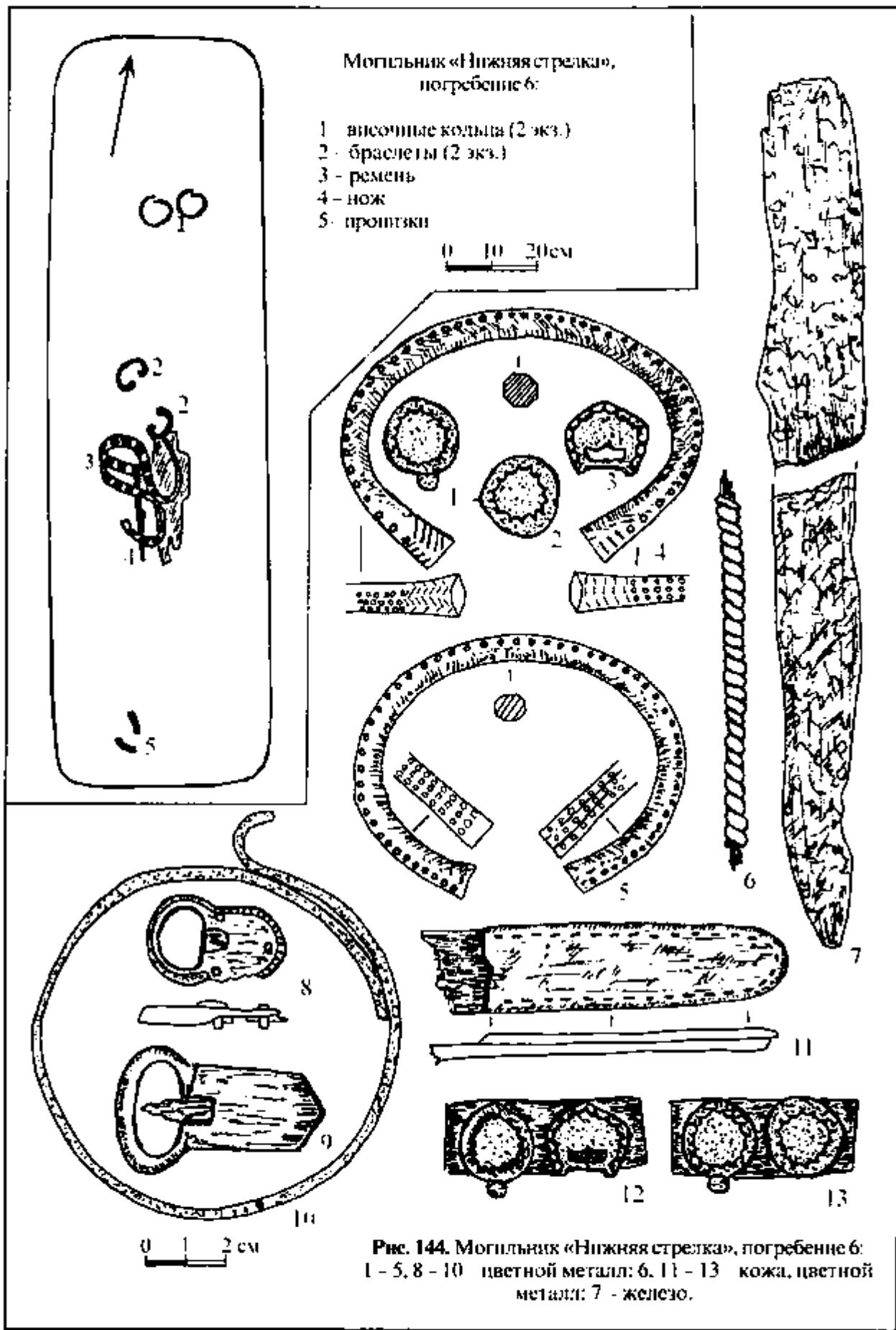
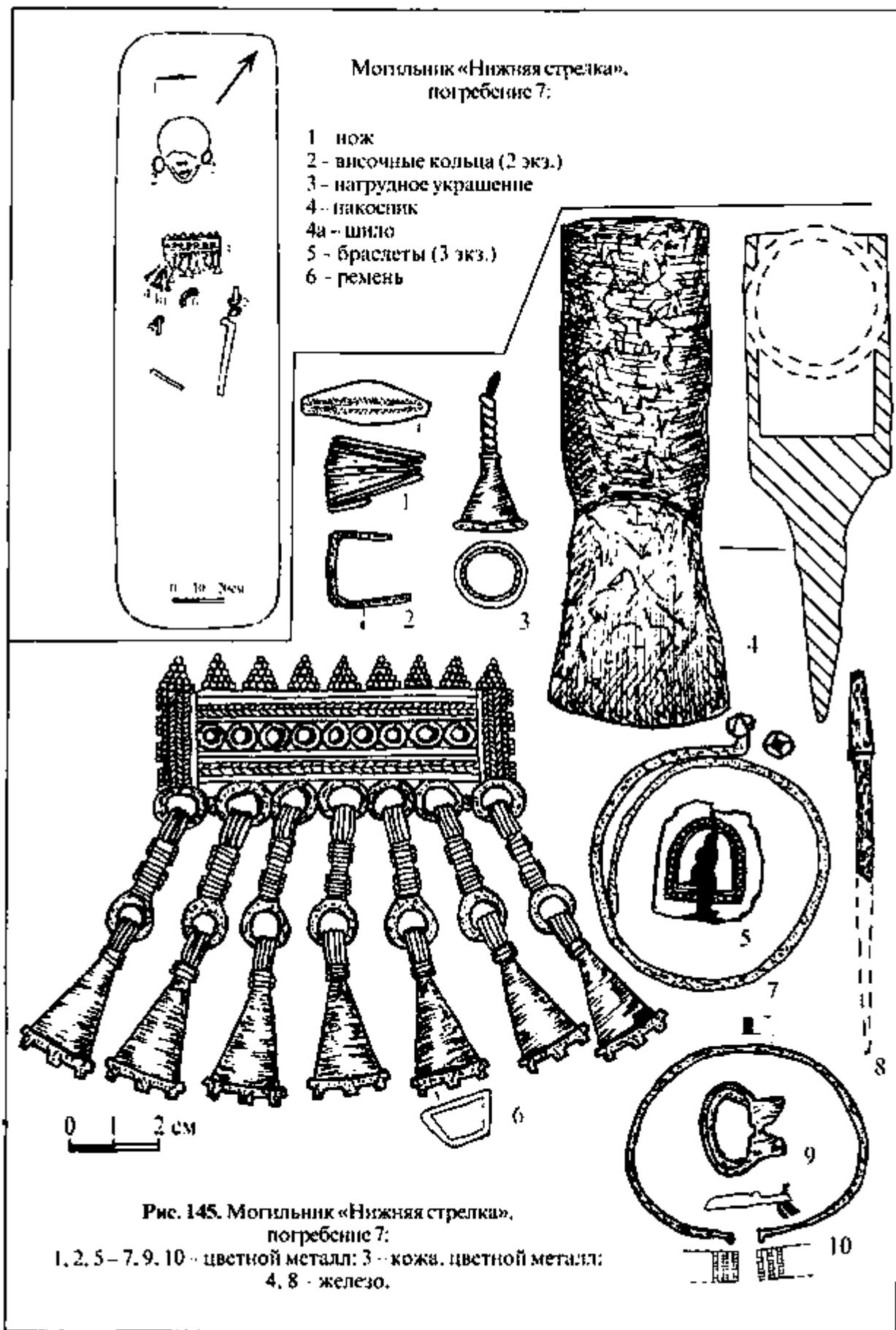
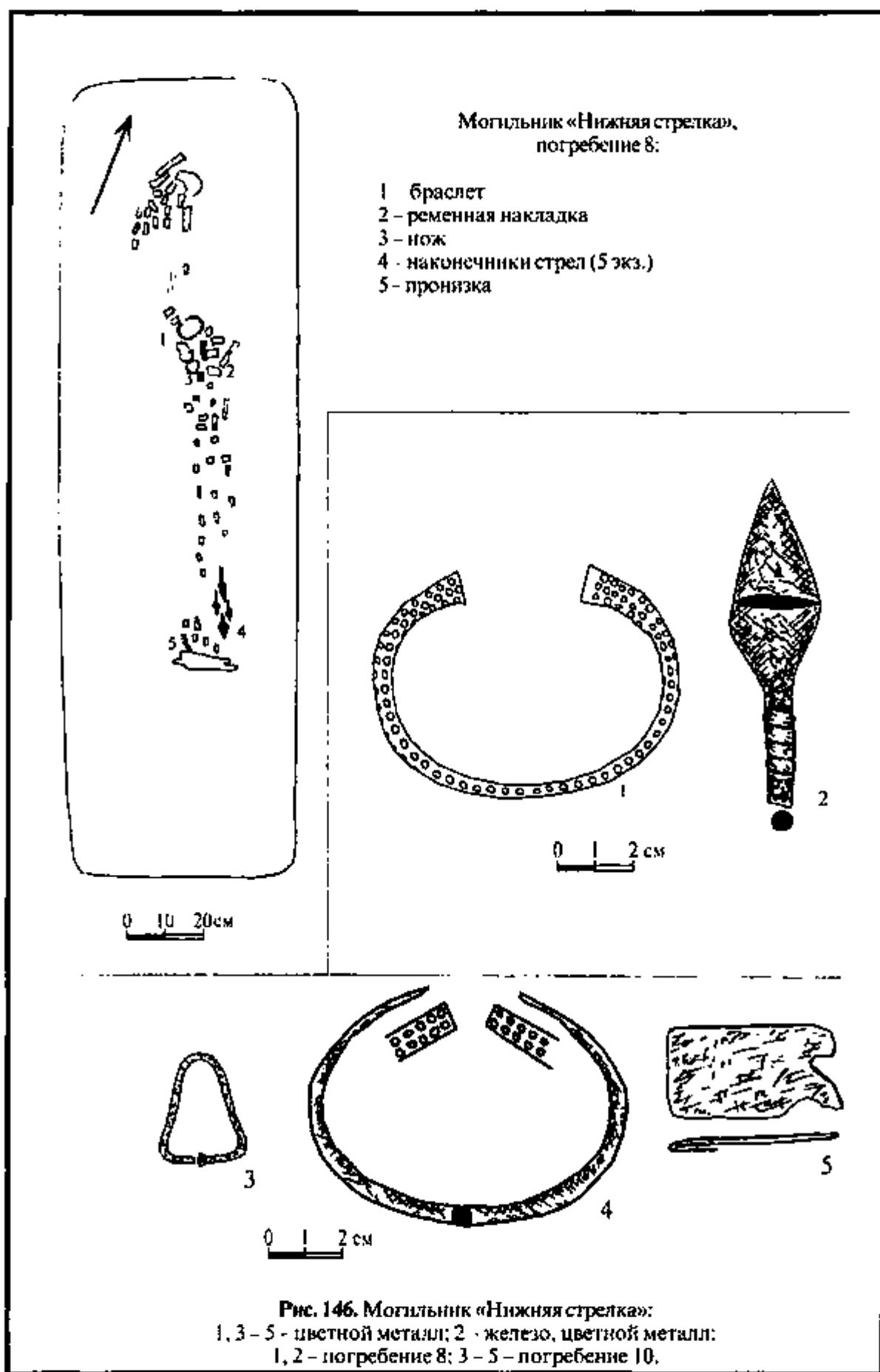
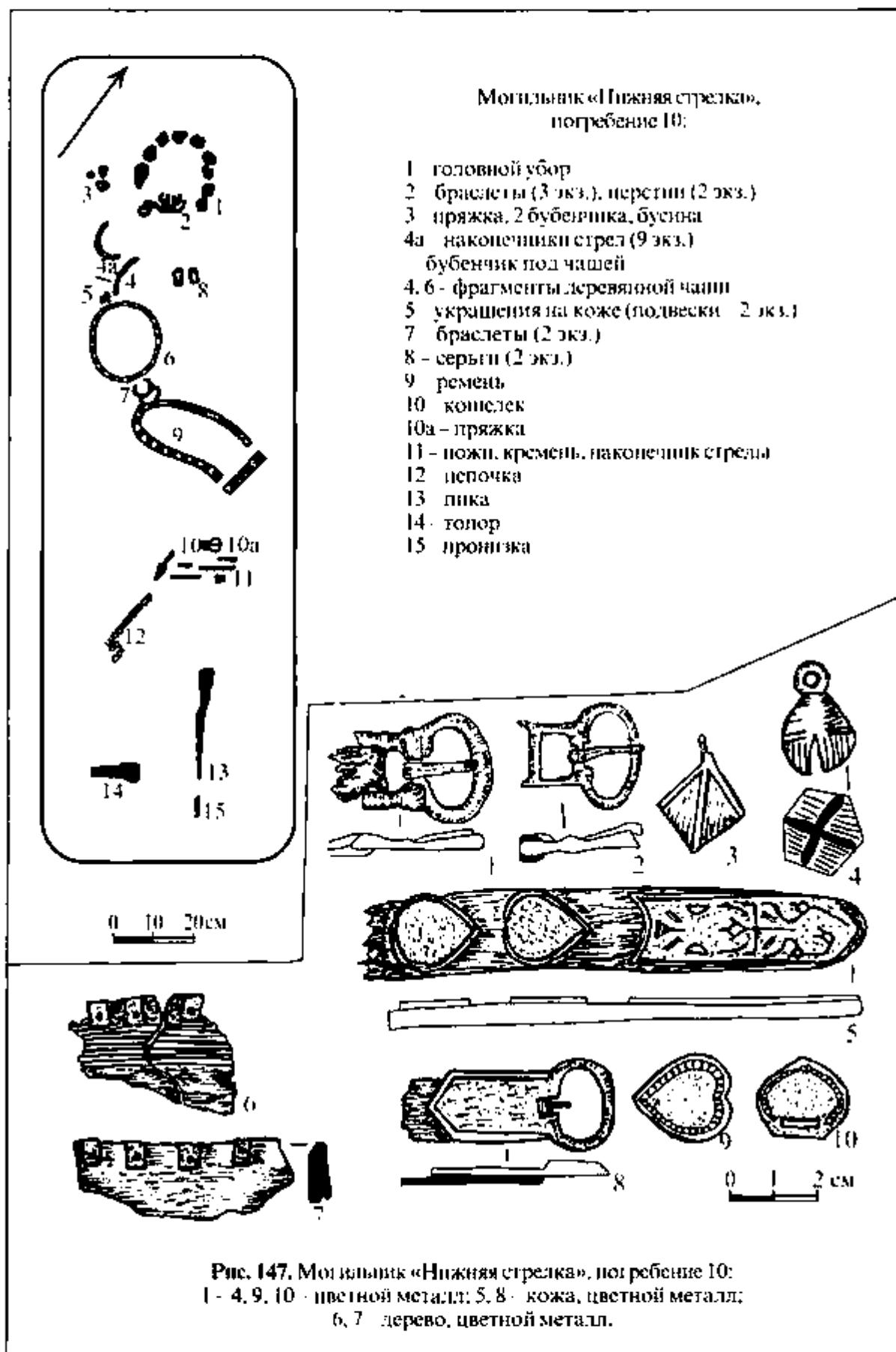

Рис. 143. Могильник «Нижняя стрелка», погребение 5:
1, 7 - 9 - стекло; 6 - стекло, цветной металл; 13 - береста;
10 - орехи; 2, 3, 4, 11, 12, 14 - 25 - цветной металл.

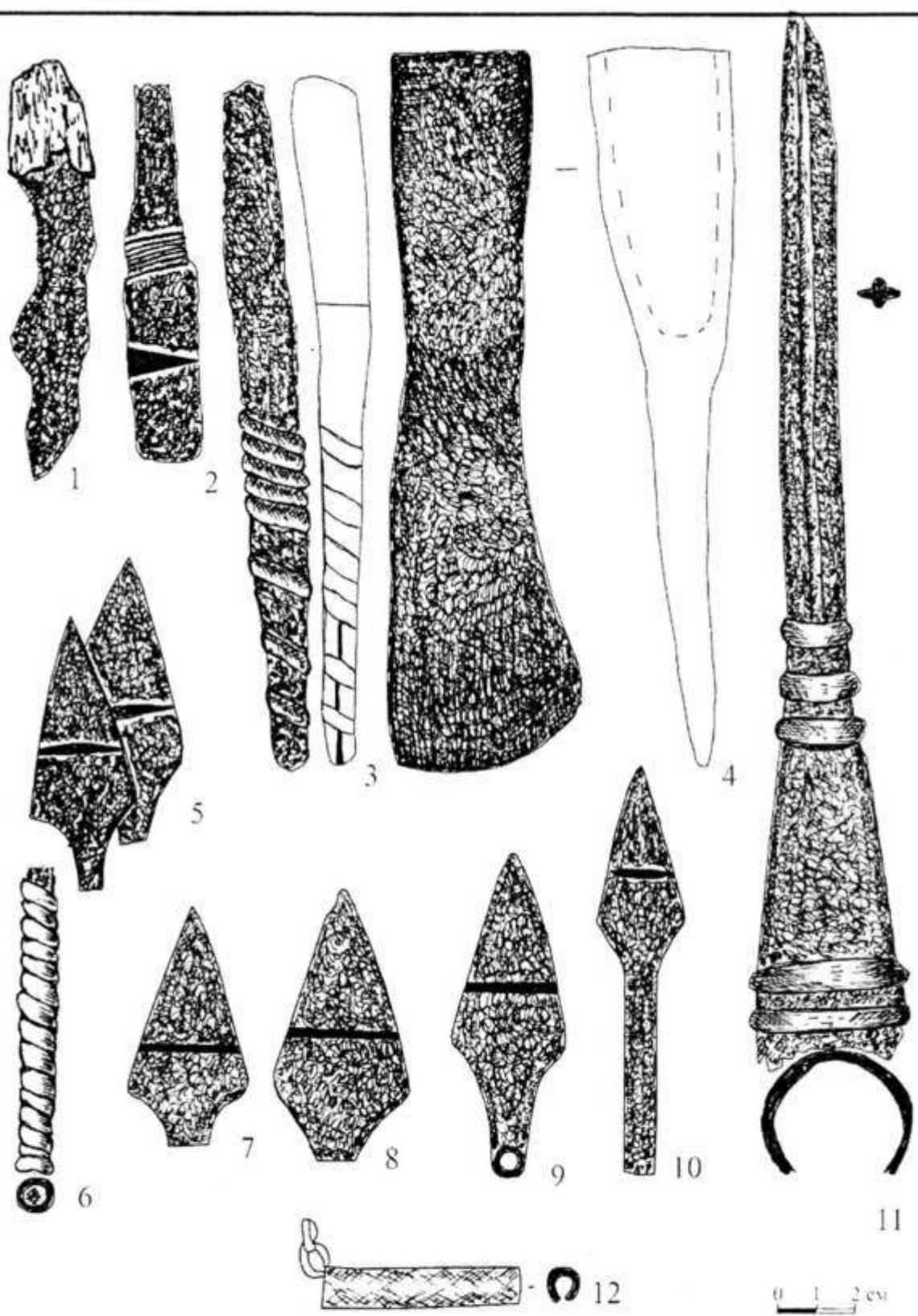

Рис. 148. Могильник «Нижняя стрелка», погребение 10:
1, 4, 5, 7 – 10 – железо; 3, 6, 11 – железо, цветной металл;
12 – цветной металл.

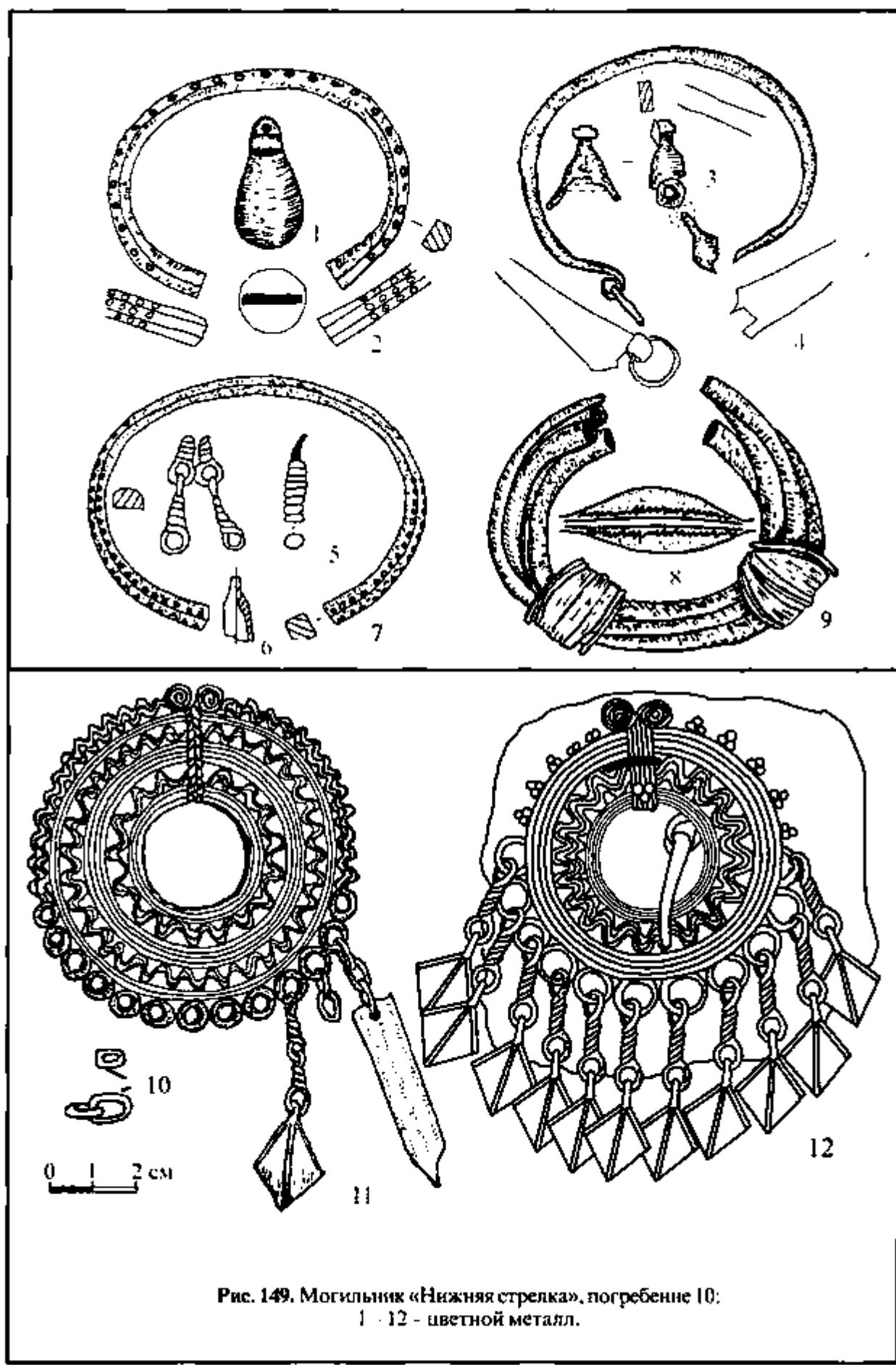
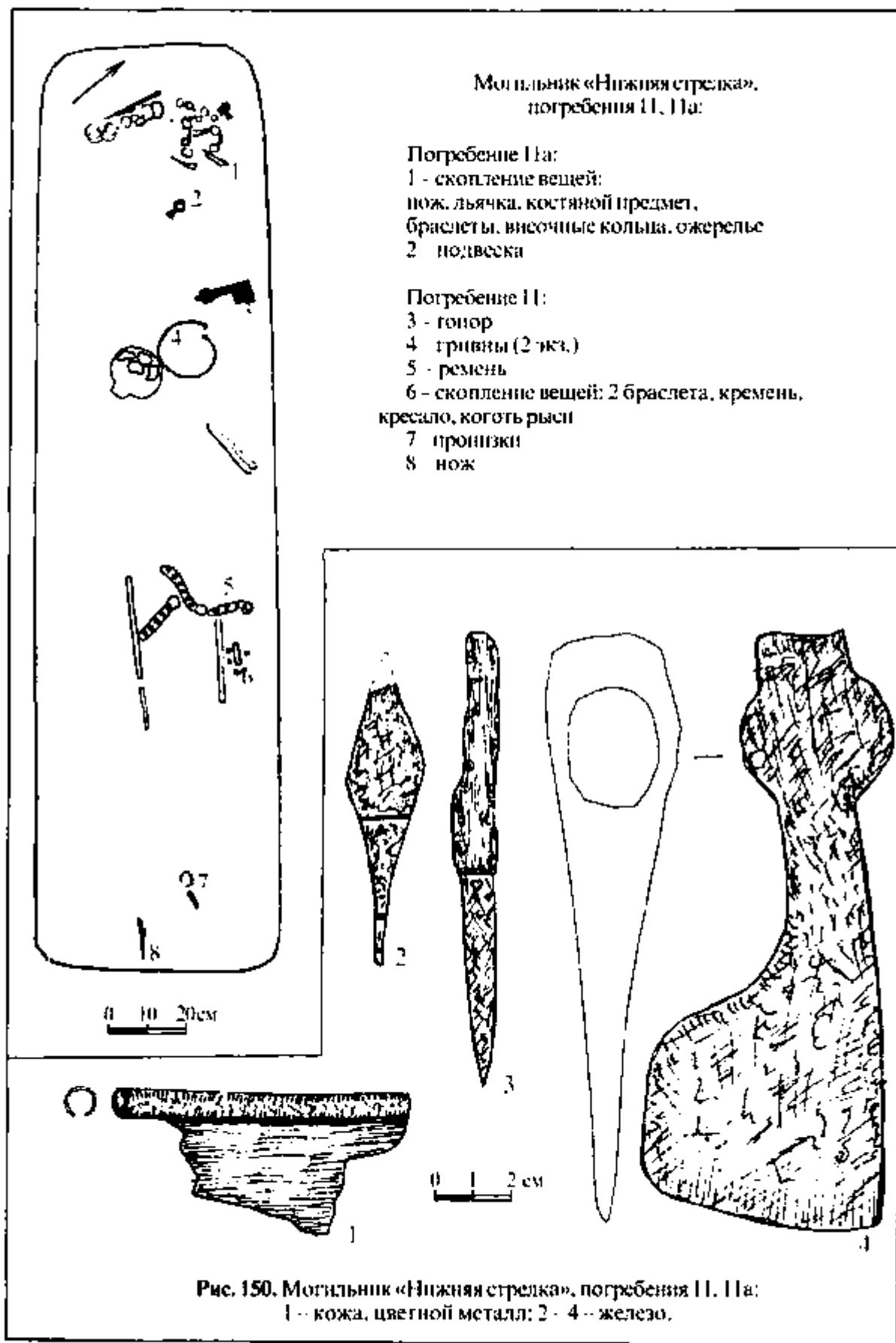

Рис. 149. Могильник «Нижняя стрелка», погребение 10:
1 - 12 - цветной металл.

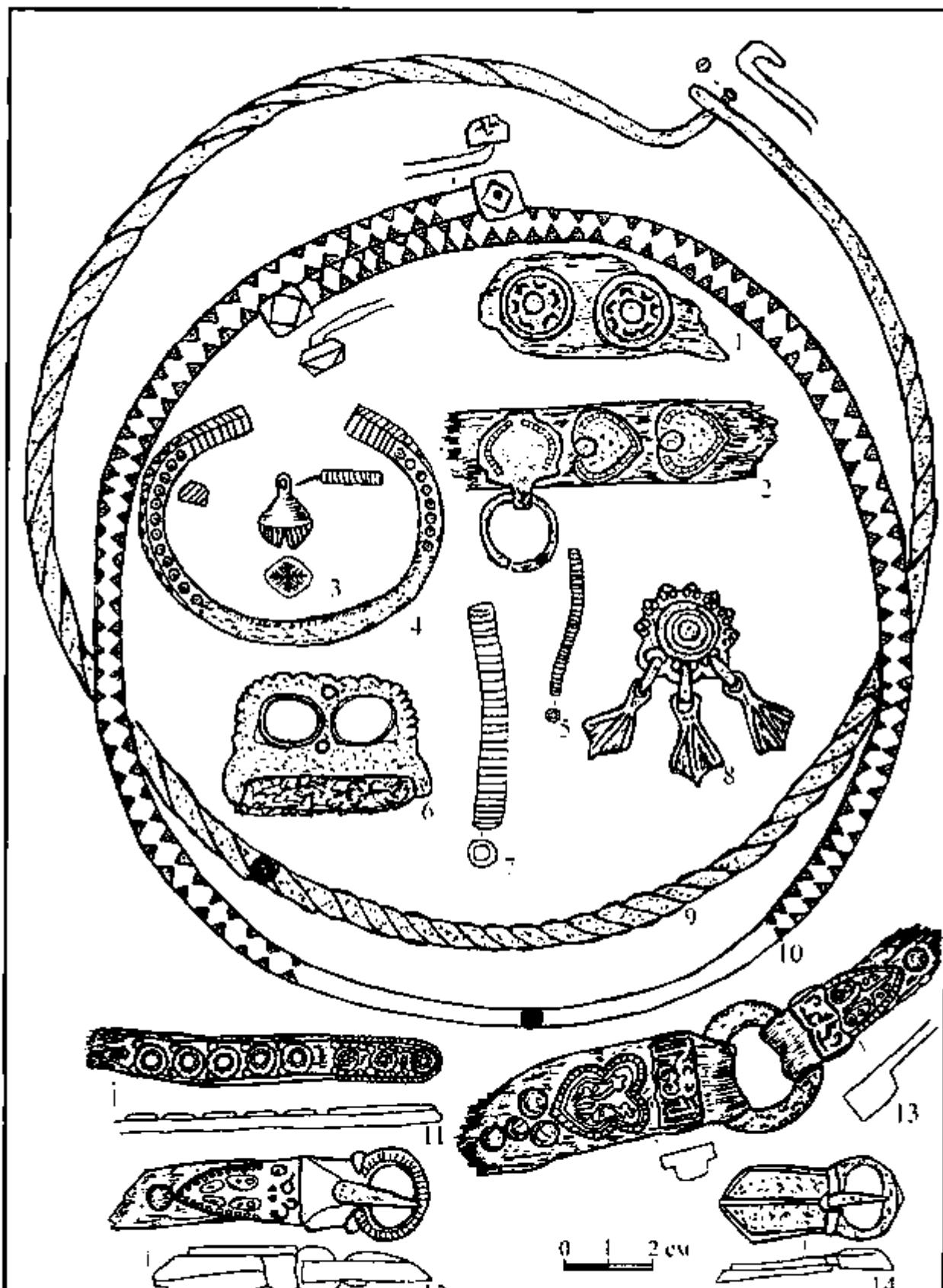

Рис. 151. Могильник «Нижняя стрелка», погребения 11, 11а:
1, 2, 11 - 13 - кожа, цветной металл; 3 - 5, 7 - 10, 14 - цветной металл;
6 - цветной металл, железо.

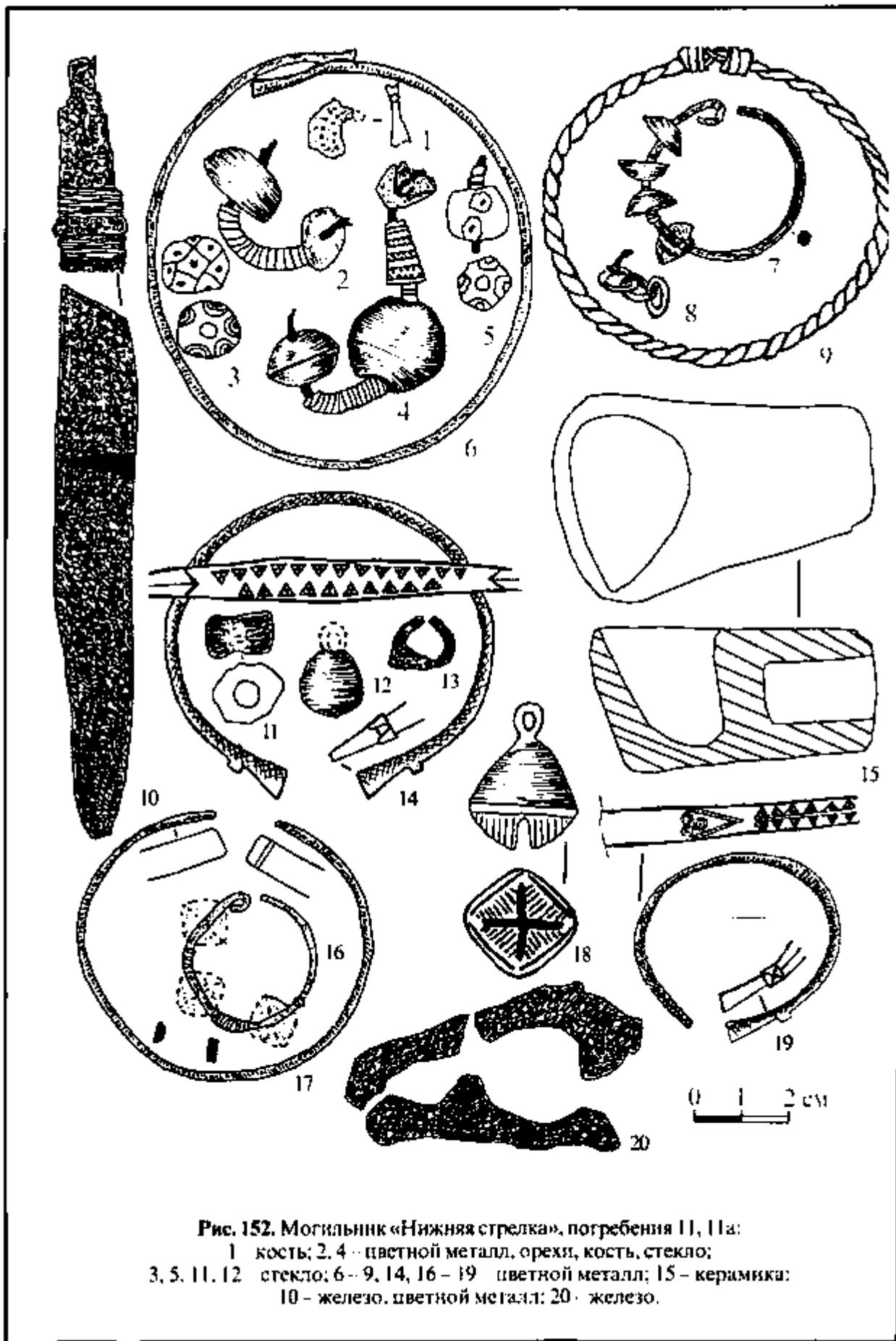
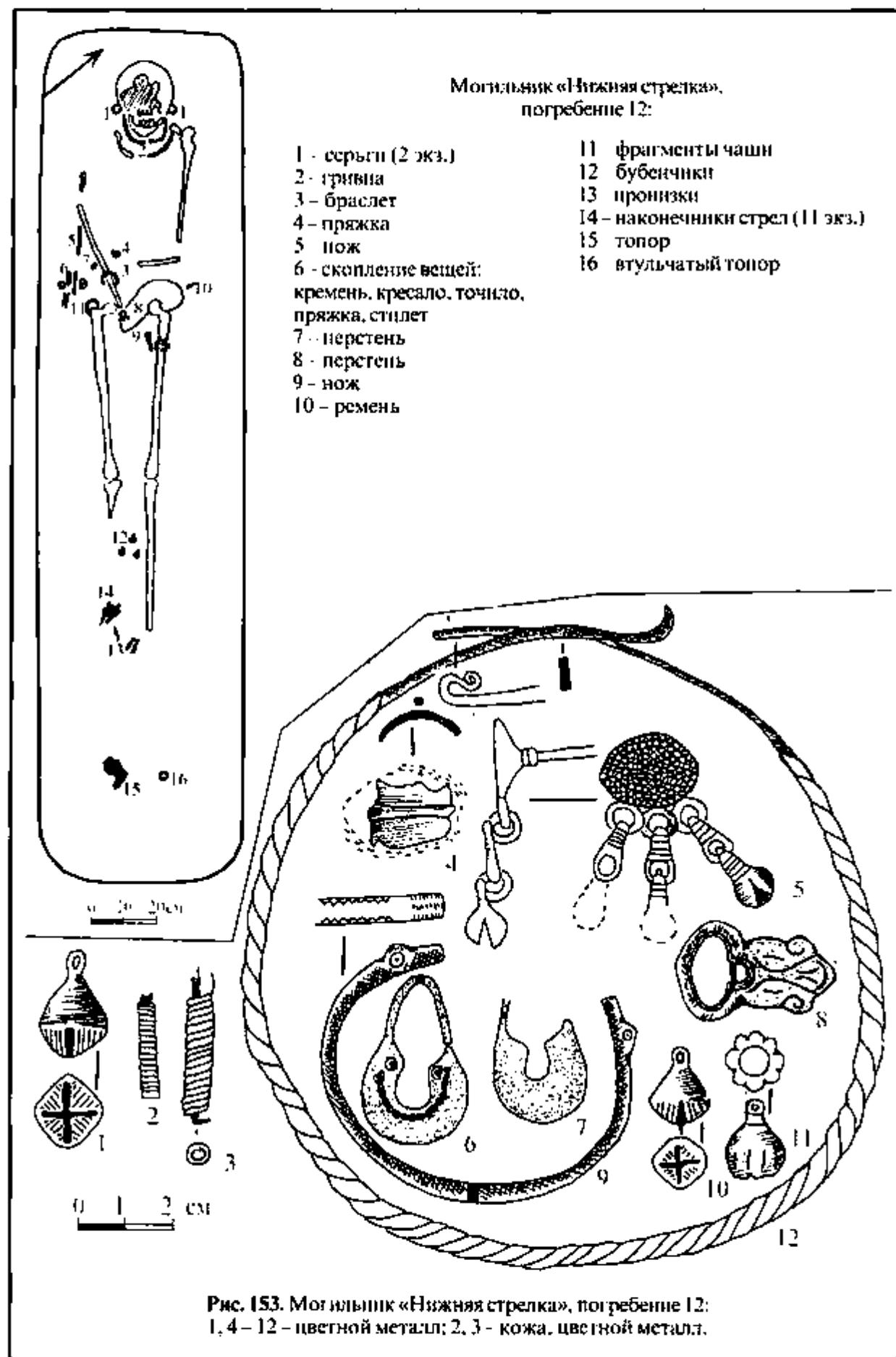

Рис. 152. Могильник «Нижняя стрелка», погребения II, IIa:
1 - кость; 2, 4 - цветной металл, орехи, кость, стекло;
3, 5, 11, 12 - стекло; 6-9, 14, 16-19 - цветной металл; 15 - керамика;
10 - железо, цветной металл; 20 - железо.

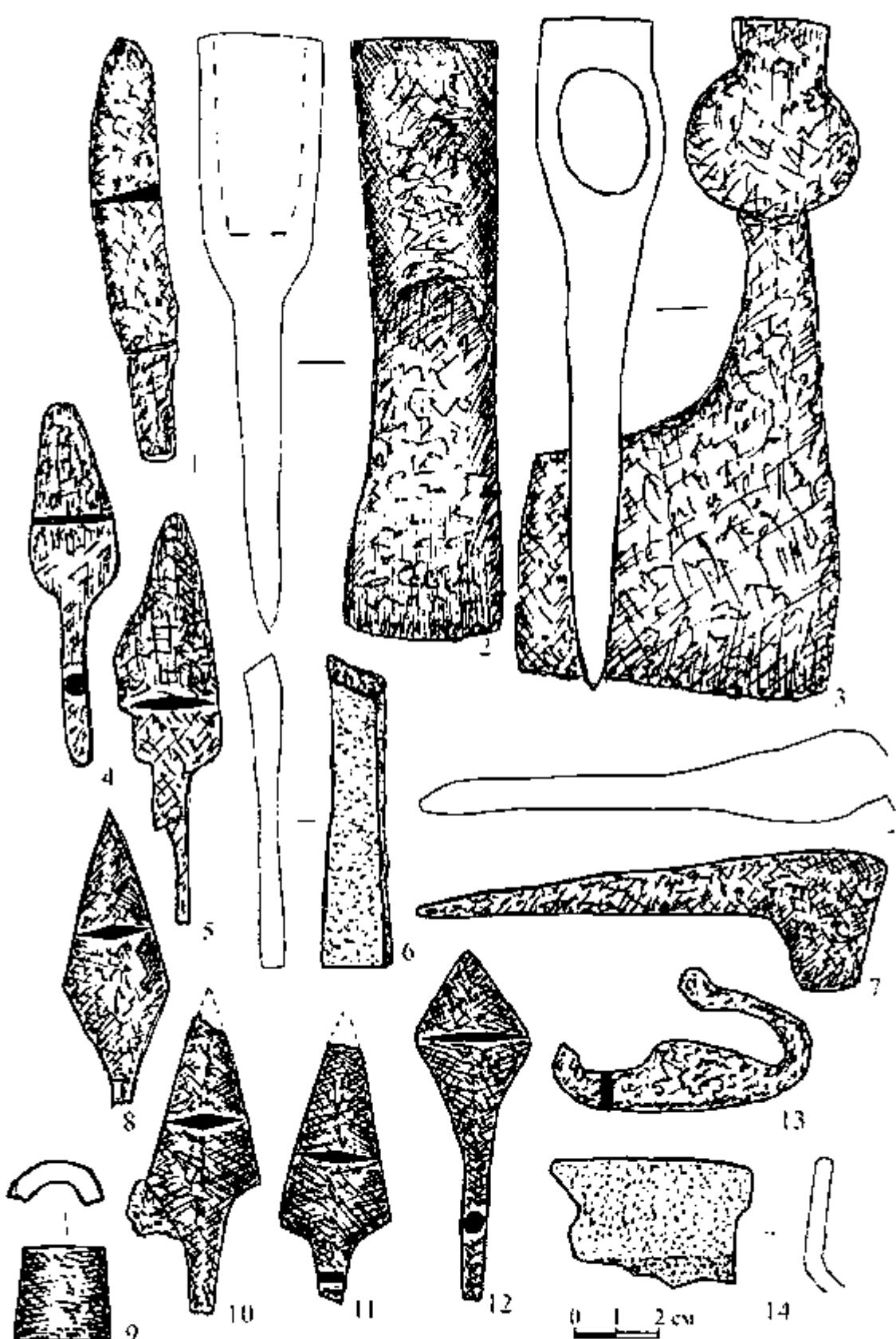
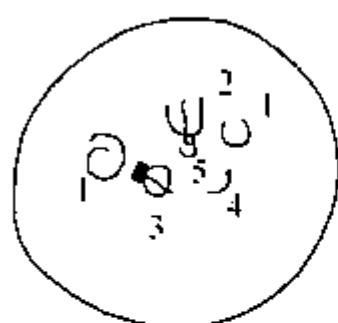

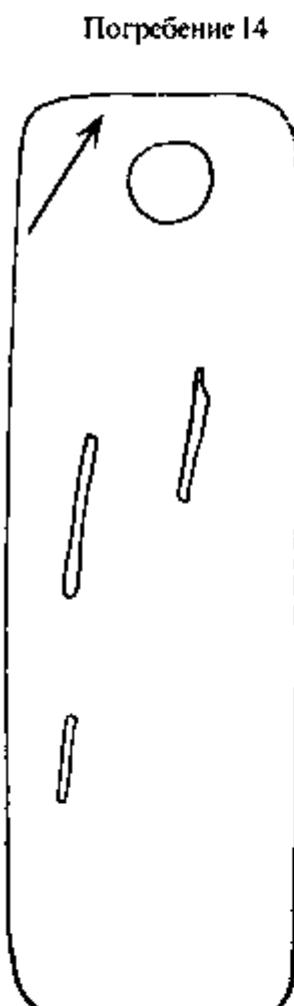
Рис. 154. Могильник «Нижняя стрелка», погребение 12:
1 – 5, 7 – 12 – железо; 6 – камень; 14 – дерево.

0 10 20 см

Могильник «Нижняя стрелка».
погребение 13:

- 1 - браслеты (2 экз.)
- 2 - подвеска-уточка
- 3 - пряжка
- 4 - копоушка
- 5 - бусина

0 10 20 см

Б

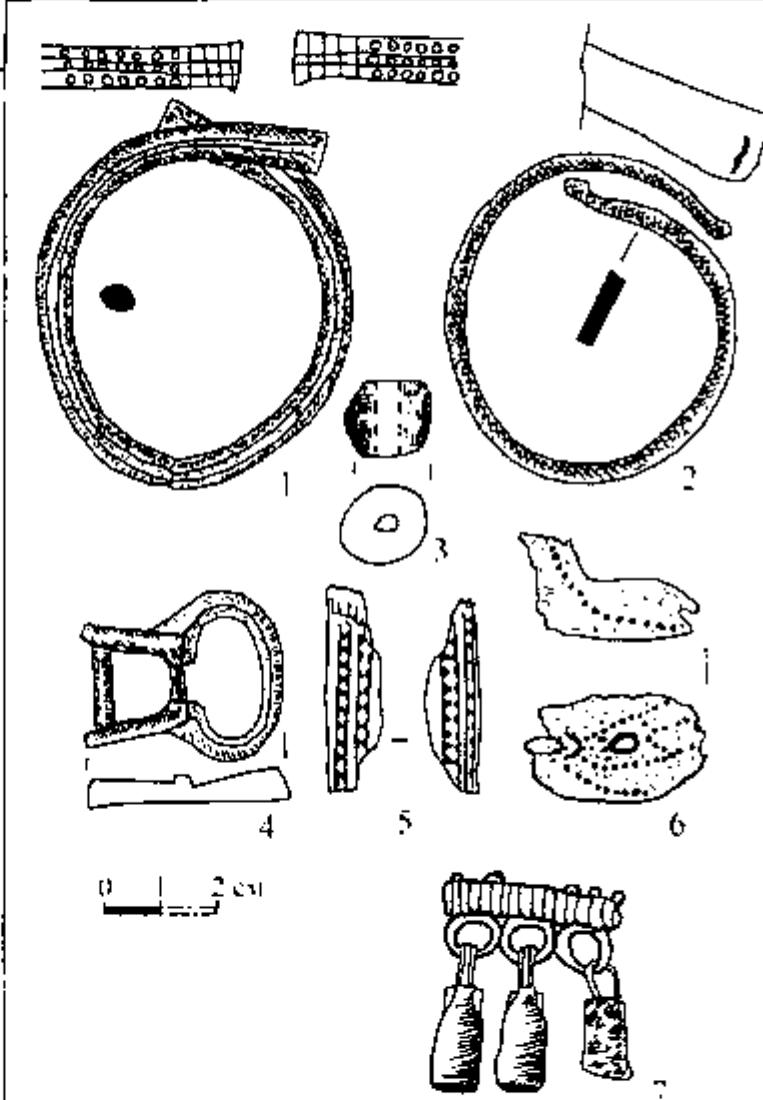
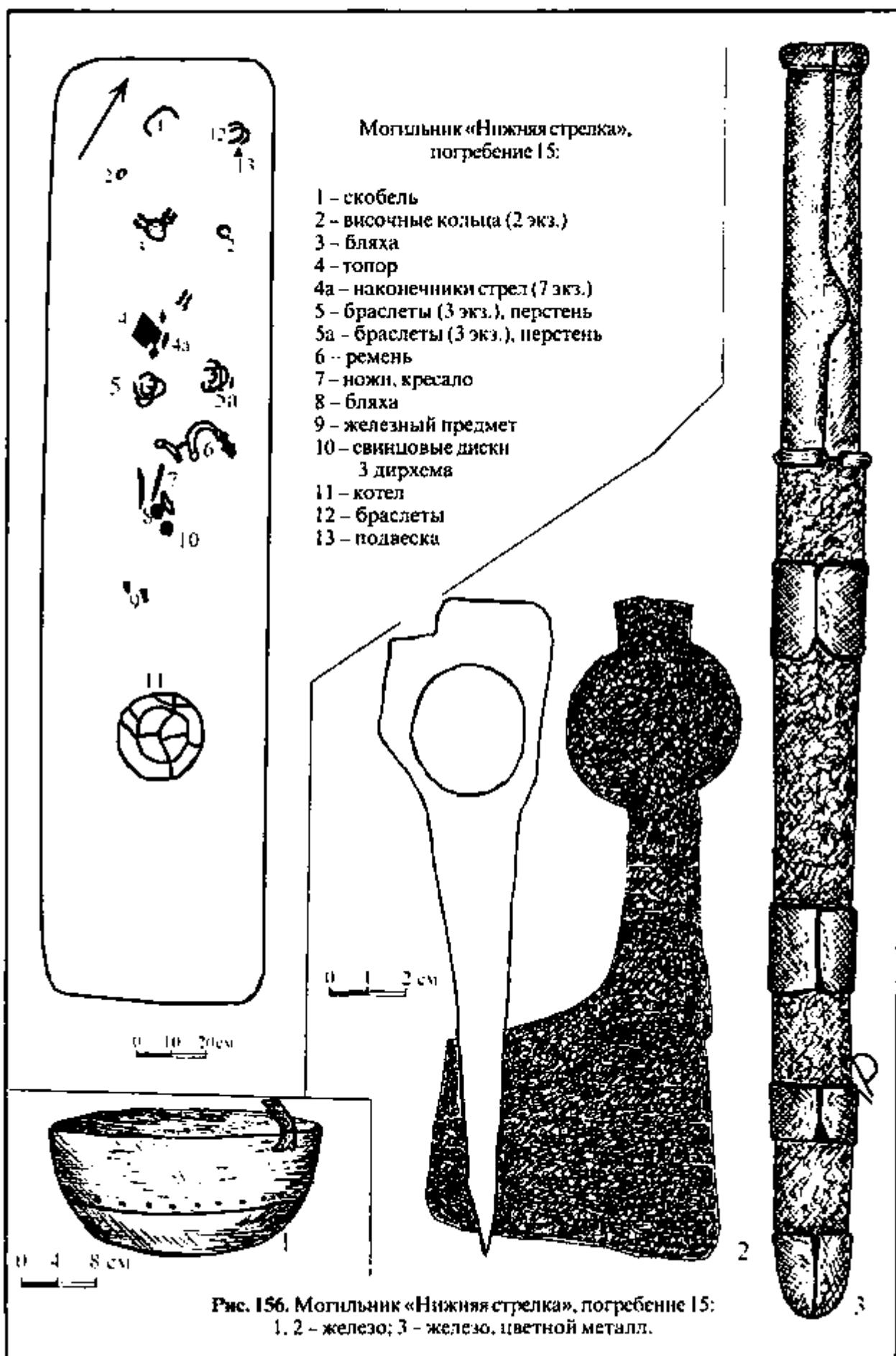

Рис. 155. Могильник «Нижняя стрелка»:
А - погребение 13; Б - погребение 14:
1, 2, 4, 7 - цветной металл; 3 - стекло; 5, 6 - кость.

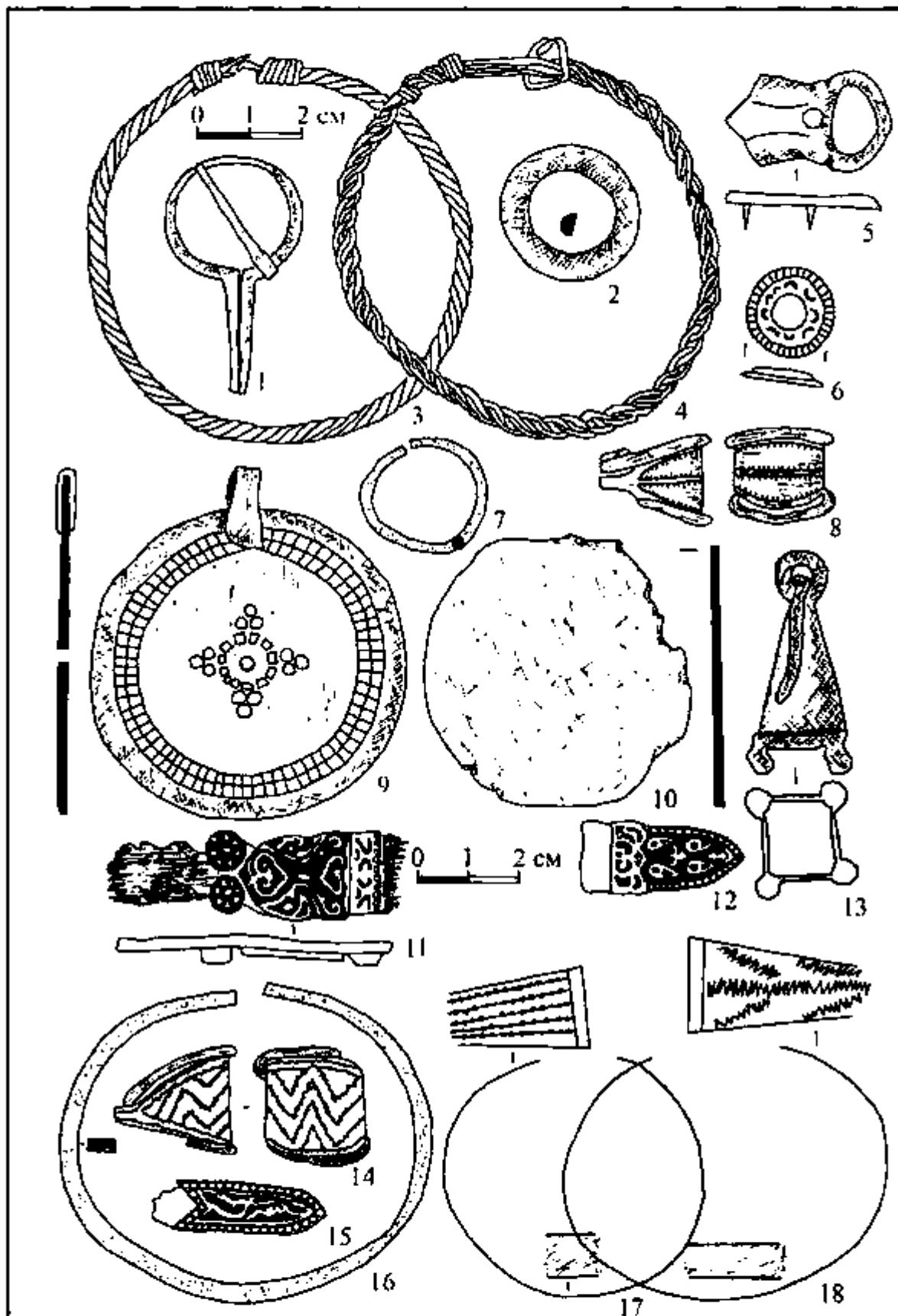

Рис. 157. Могильник «Нижняя стрелка», погребение 15:
1–9, 13–18 – цветной металл; 10 – железо; 11, 12 – кожа. цветной металл.

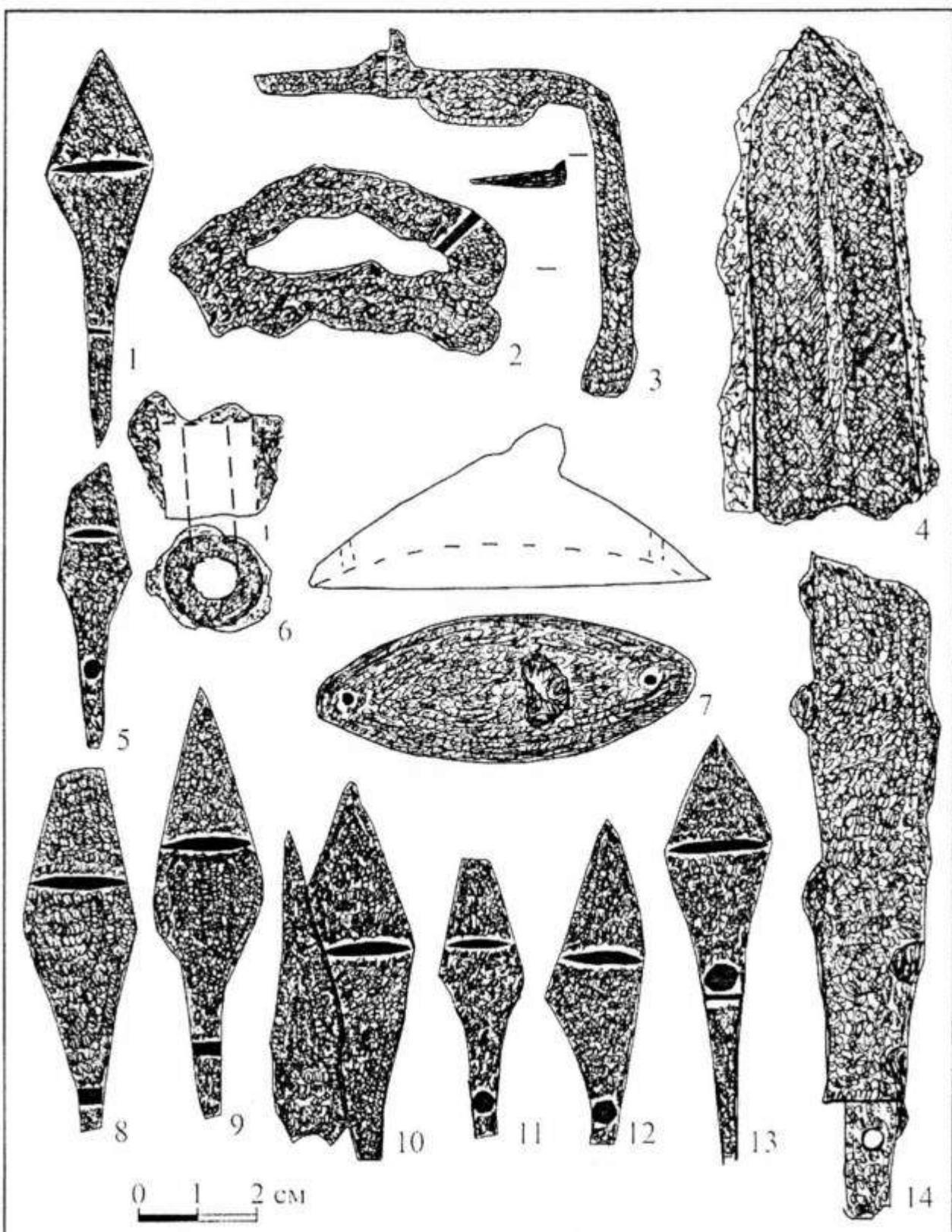
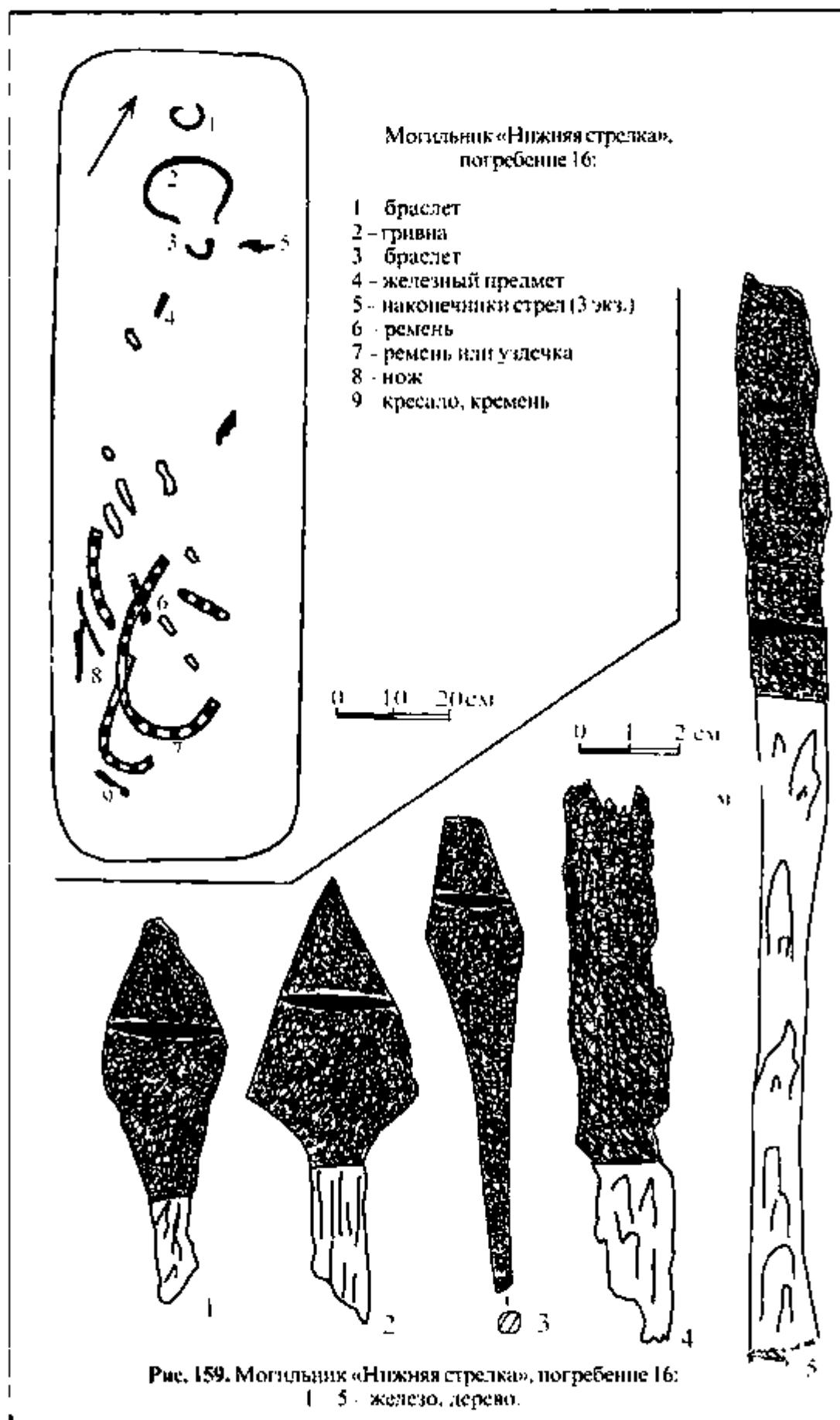

Рис. 158. Могильник «Нижняя стрелка», погребение 15:
1 – 14 – железо.

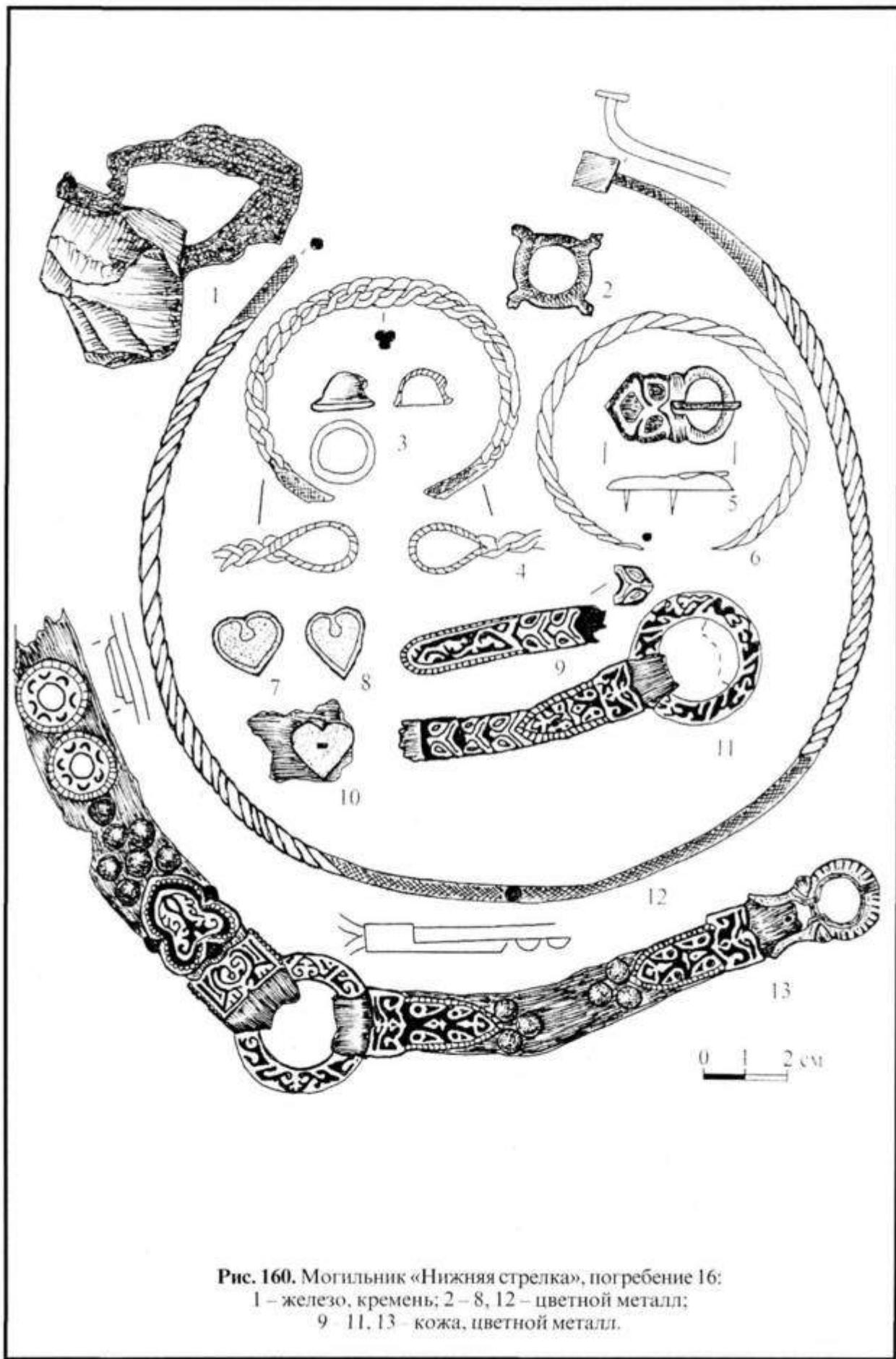
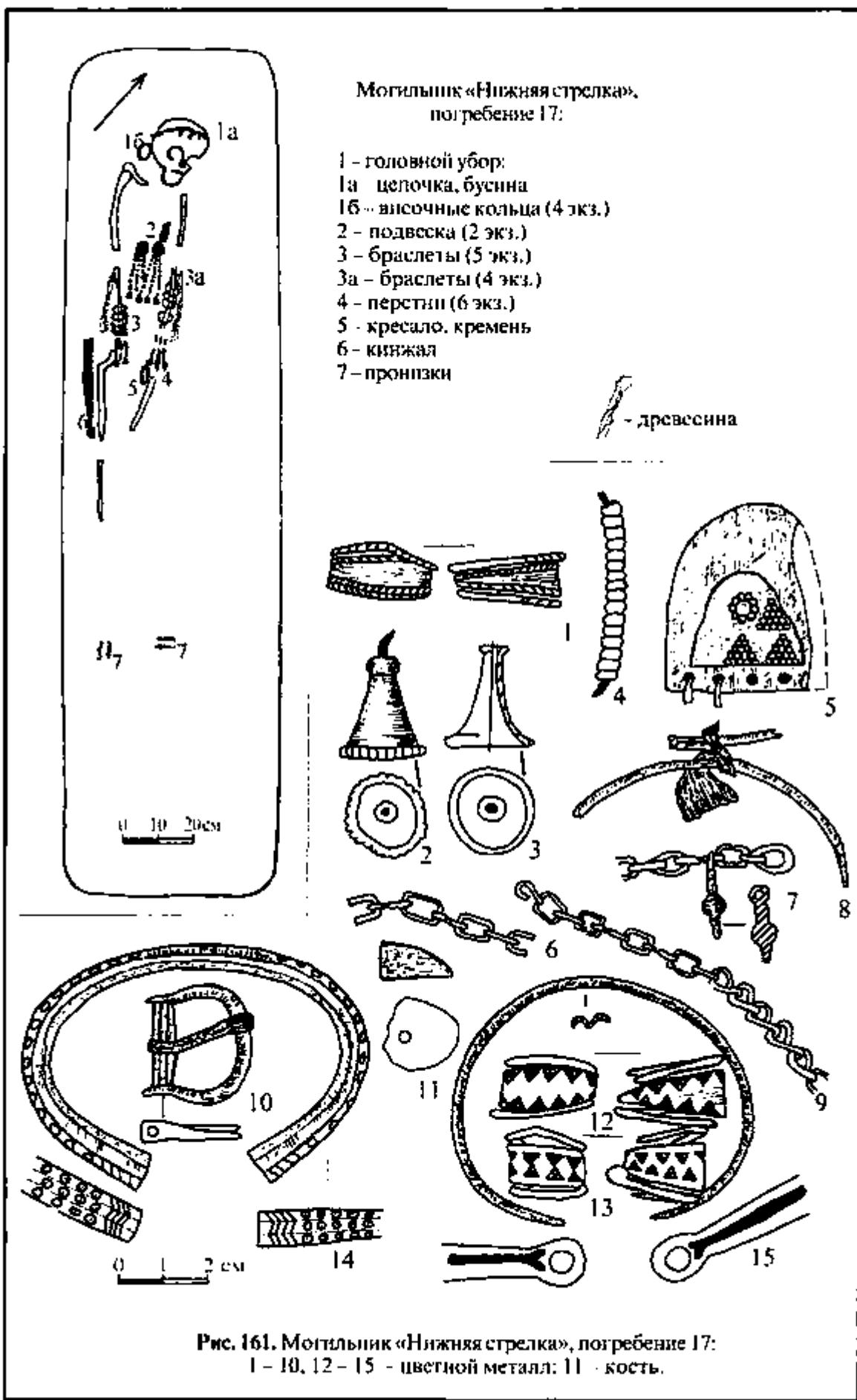

Рис. 160. Могильник «Нижняя стрелка», погребение 16:
1 – железо, кремень; 2 – 8, 12 – цветной металл;
9 – 11, 13 – кожа, цветной металл.

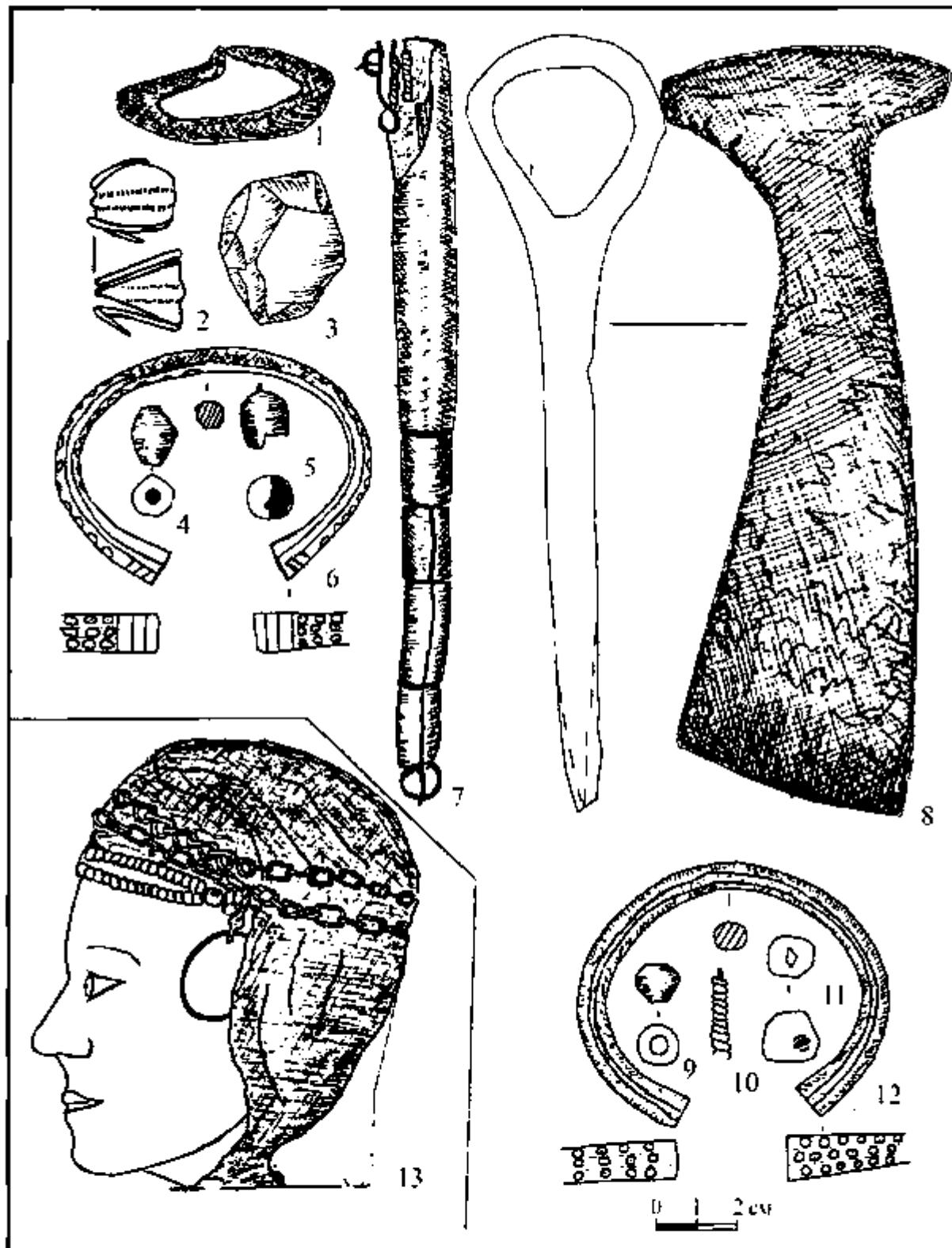
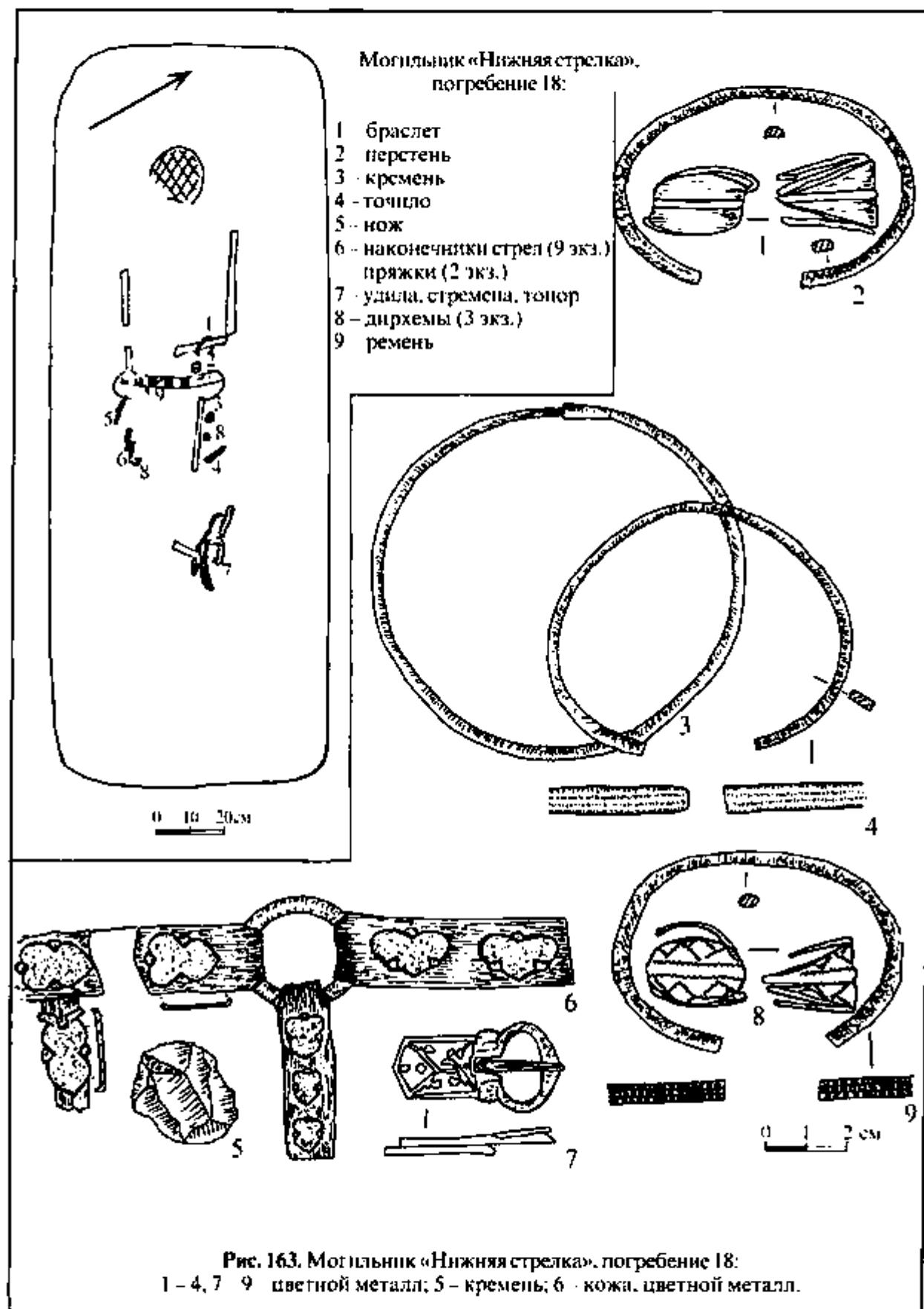
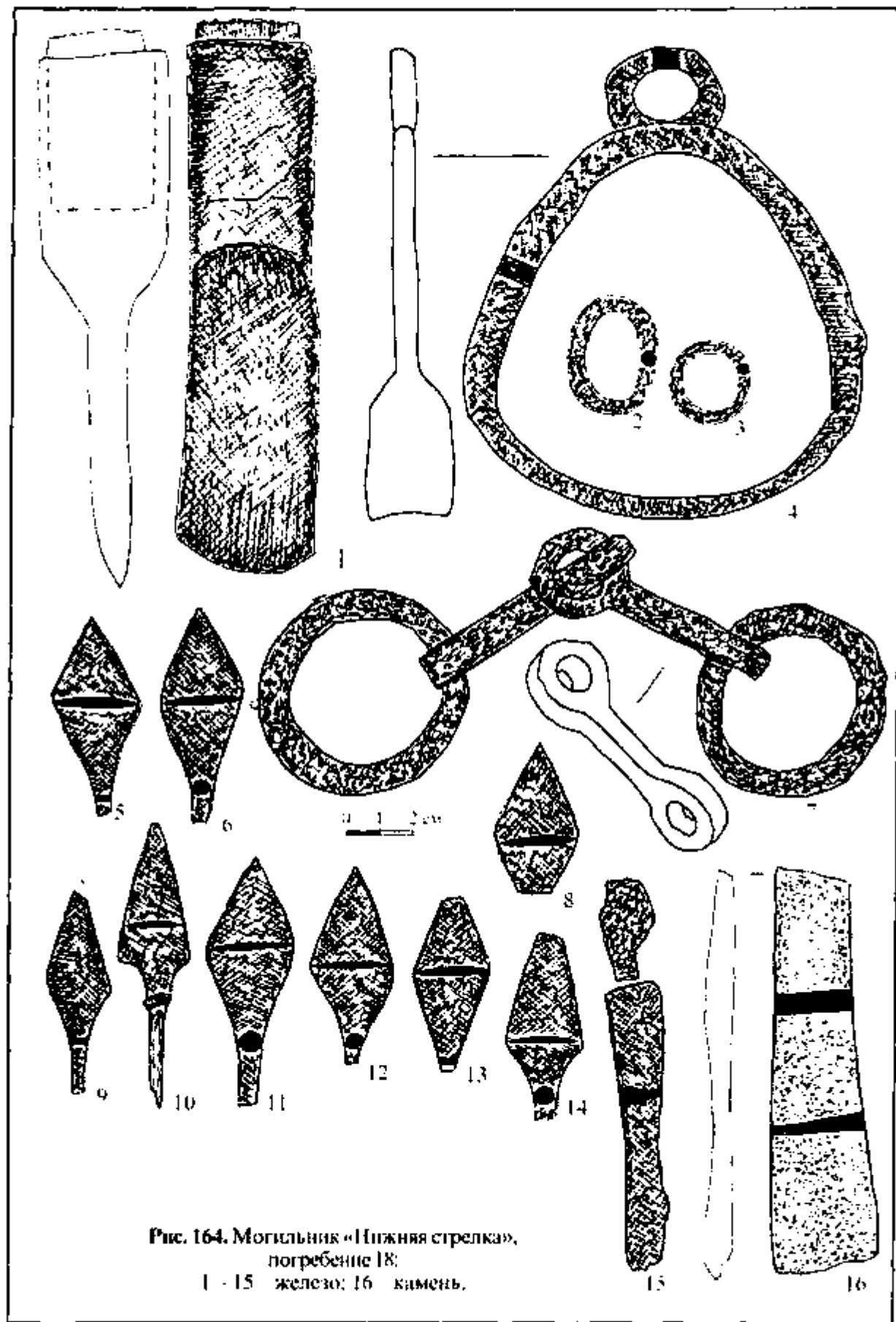
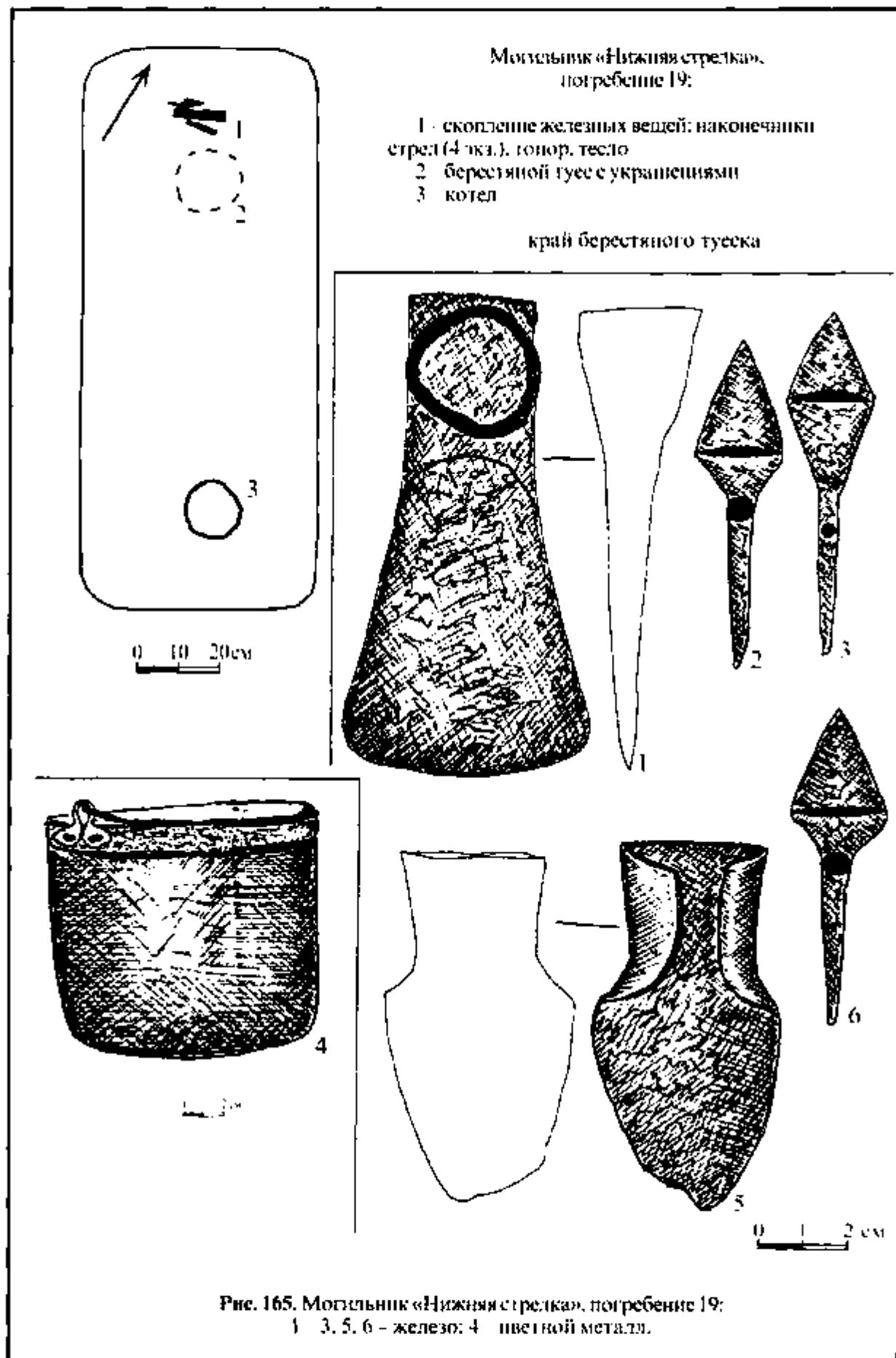

Рис. 162. Могильник «Нижняя стрелка», погребение 17:
1, 8 – железо; 2, 4 – 6, 9, 10, 12 – цветной металл; 3 – кремень;
7 – железо, цветной металл; 11 – стекло.
13 – реконструкция головного убора.

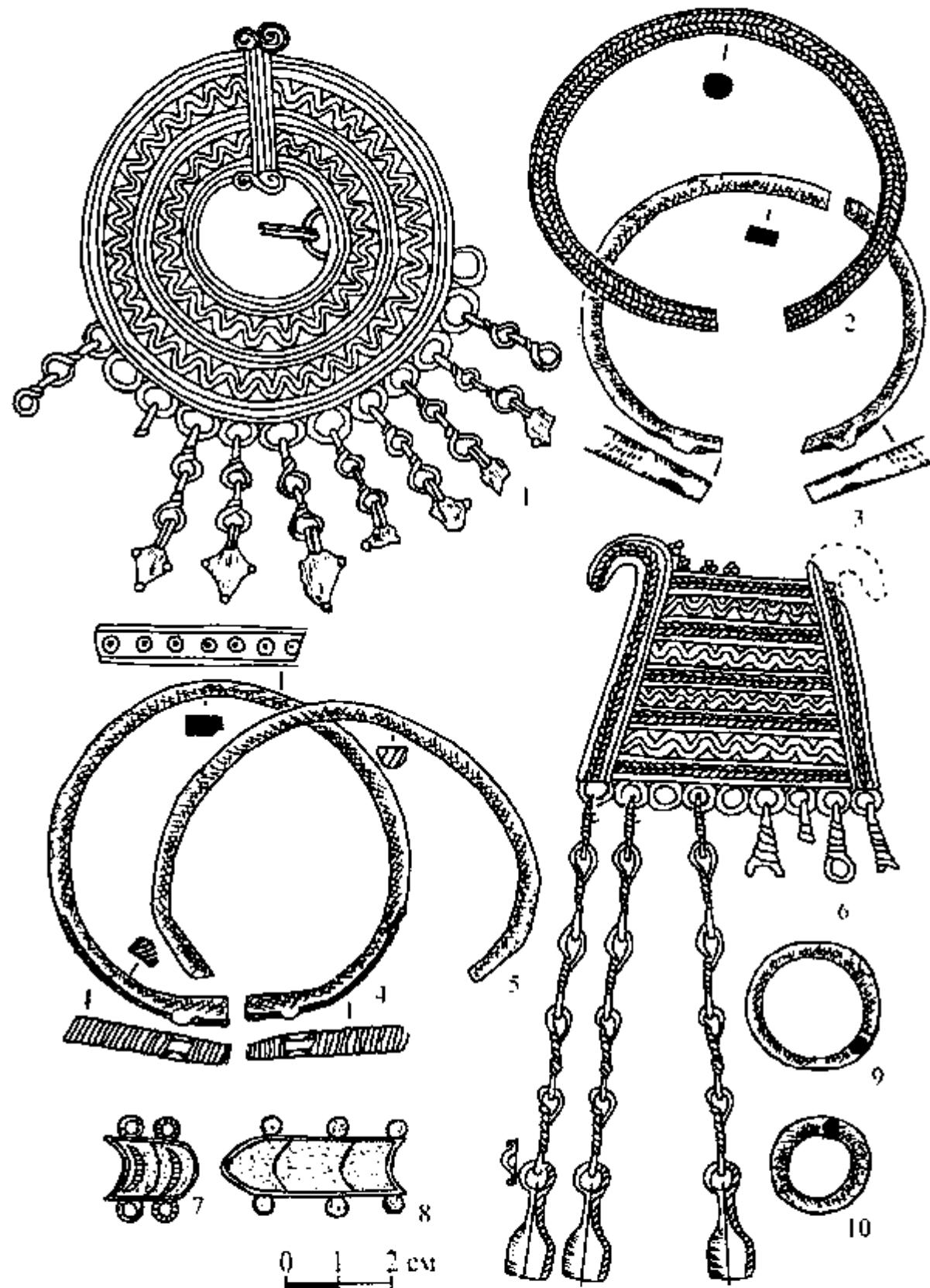

Рис. 166. Могильник «Нижняя стрелка», погребения 19, 19а:
1 - 10 - цветной металл.

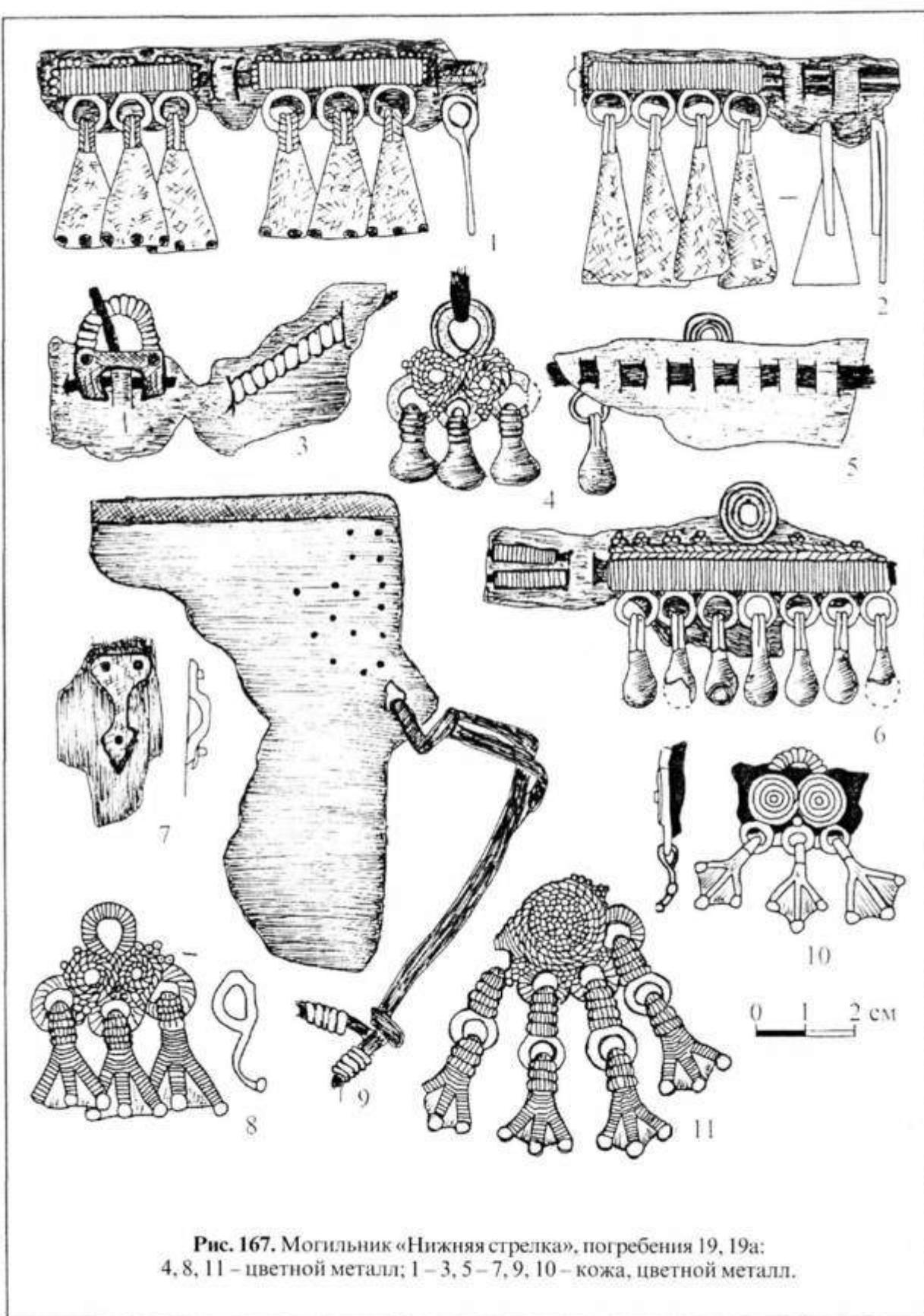
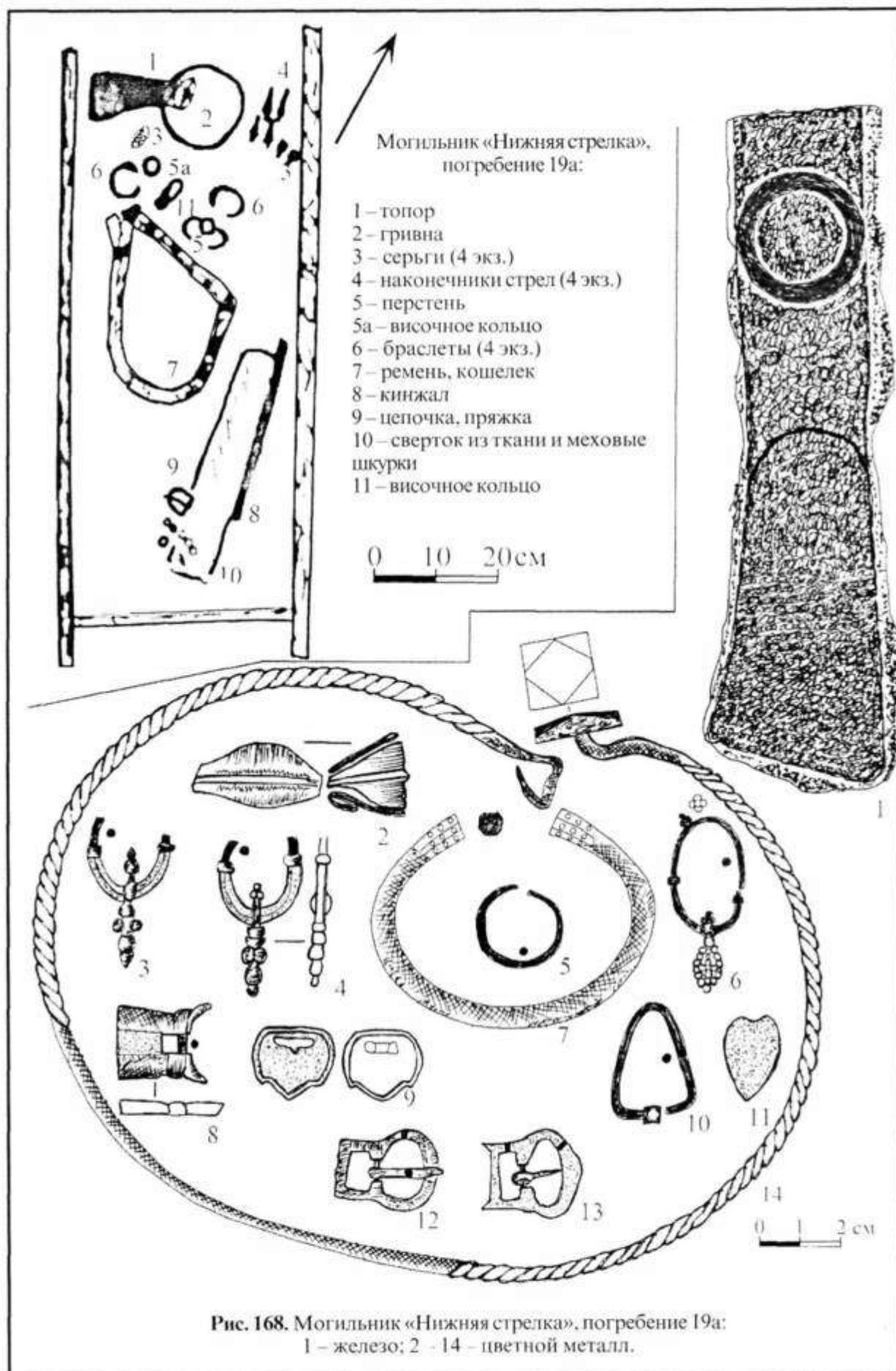

Рис. 167. Могильник «Нижняя стрелка», погребения 19, 19а:
4, 8, 11 – цветной металл; 1 – 3, 5 – 7, 9, 10 – кожа, цветной металл.

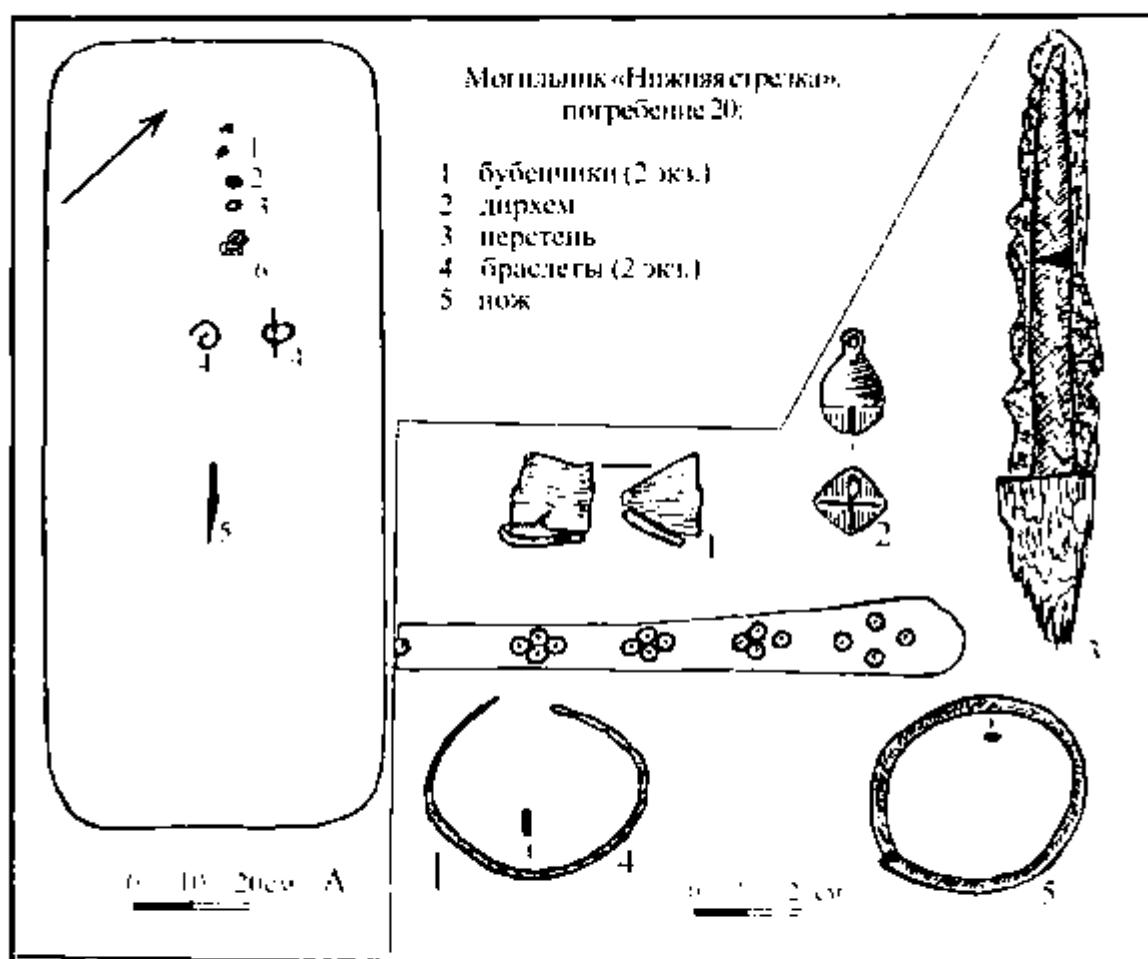
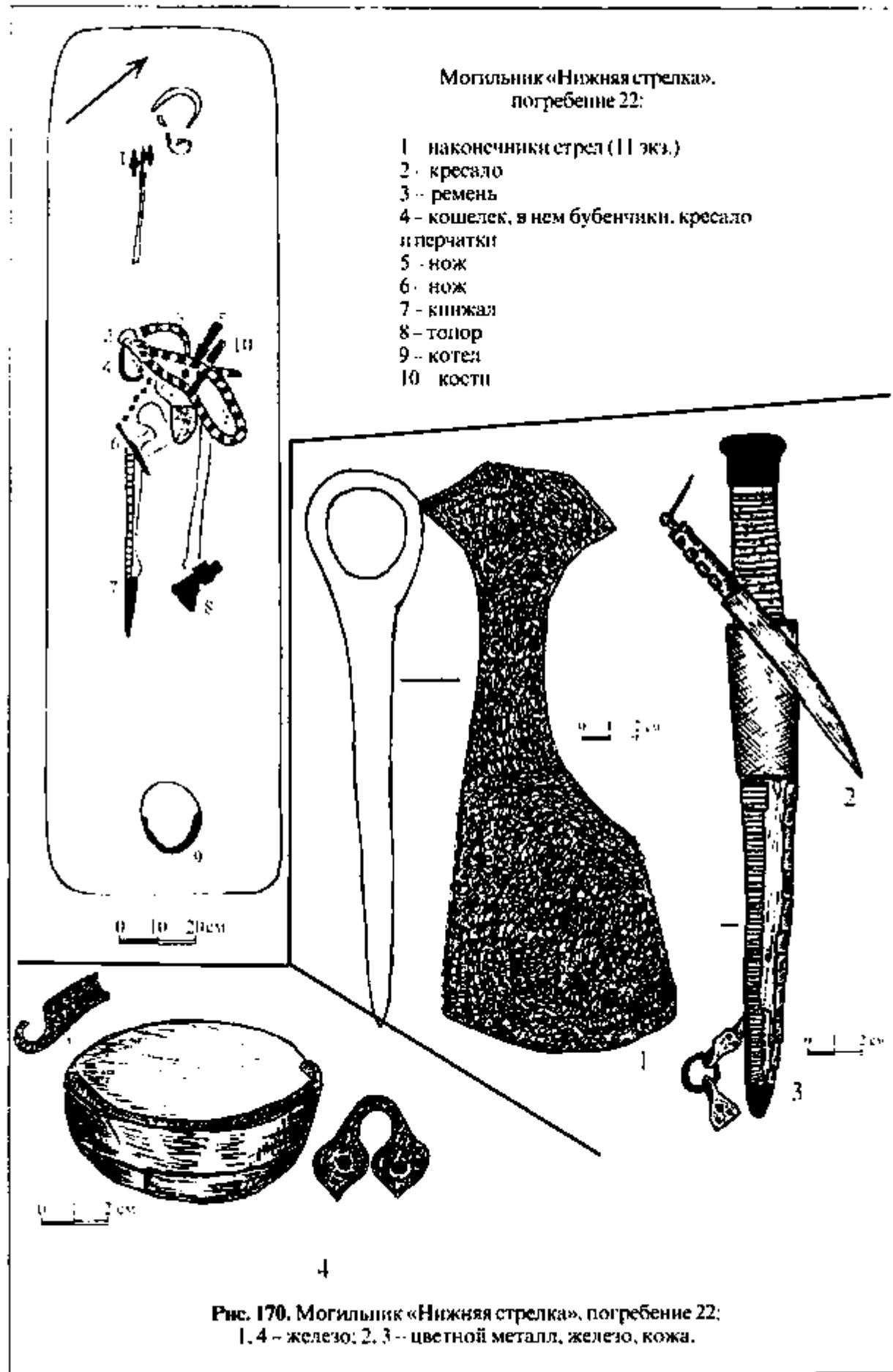

Рис. 169. Могильник «Нижняя стрелка»:
А - погребение 20; Б - погребение 21
1, 2, 4 - 13 - цветной металл; 3 - железо.

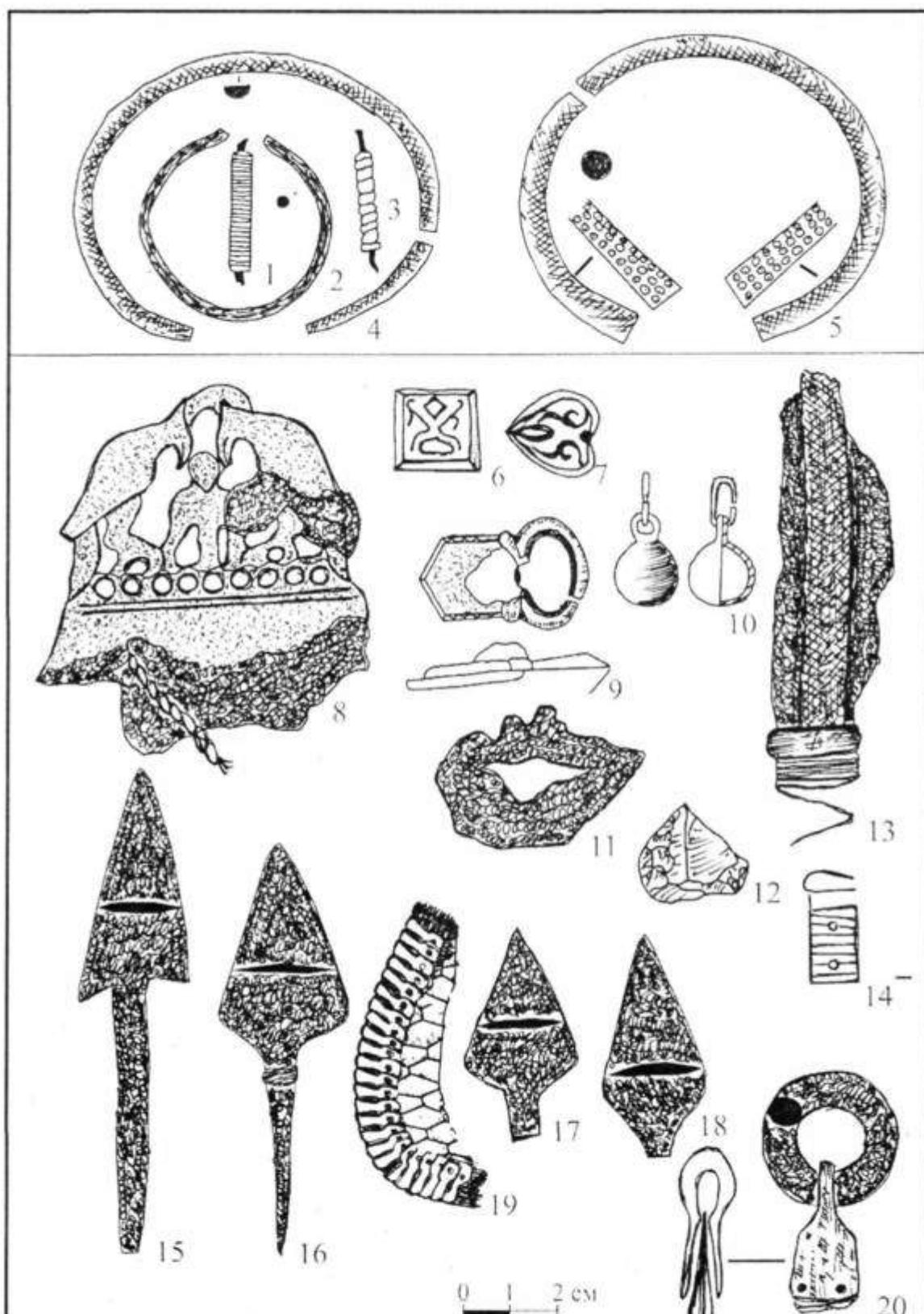
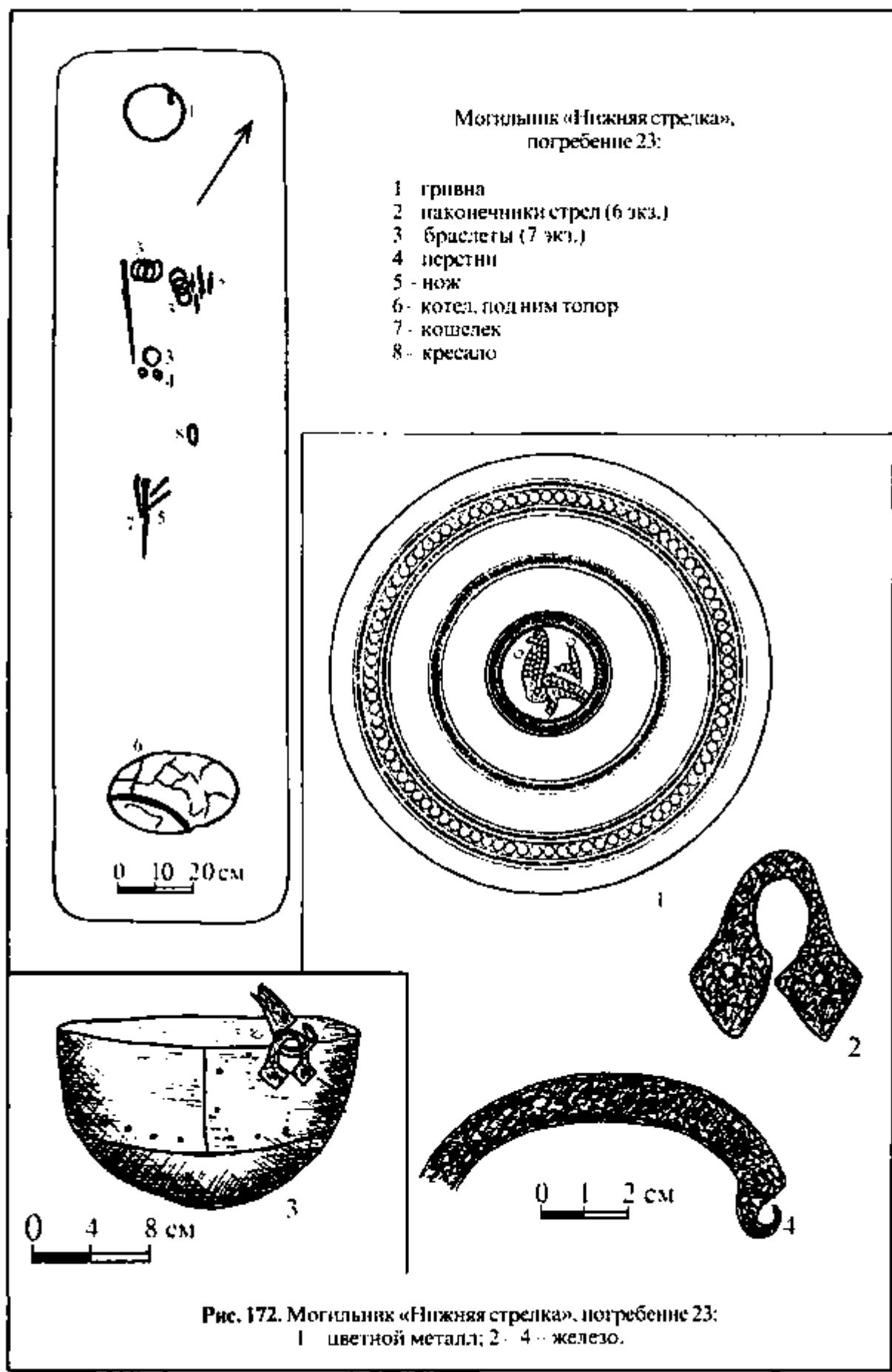

Рис. 171. Могильник «Нижняя стрелка»:
1 – 5 – погребение 23; 8 – 20 – погребение 22;
2, 4 – 7, 9, 10, 14 – цветной металл; 1, 3, 19 – цветной металл, кожа;
8, 13, 20 – железо, цветной металл; 11, 15 – 18 – железо.

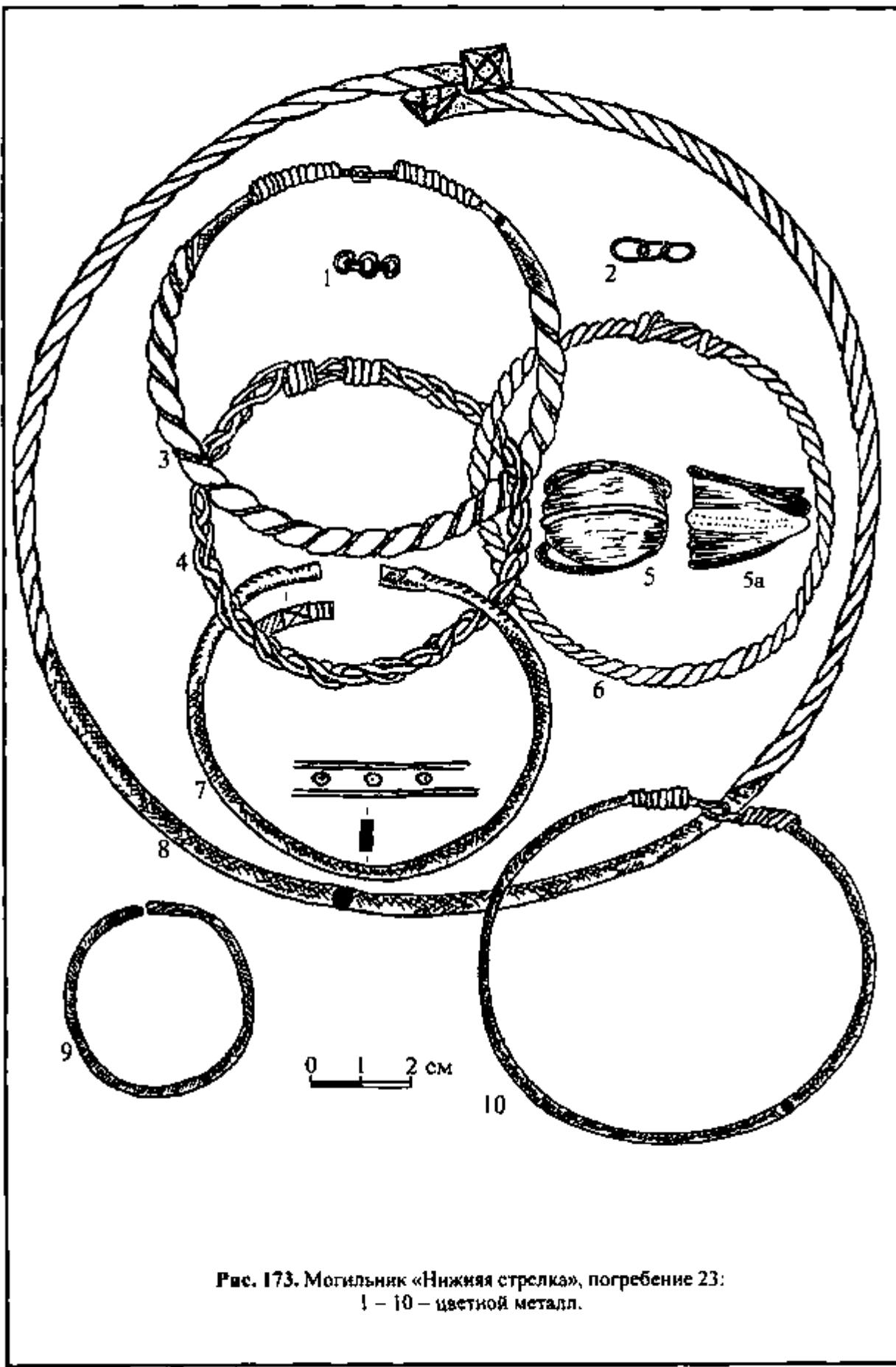

Рис. 173. Могильник «Нижняя стрелка», погребение 23:
1 – 10 – цветной металл.

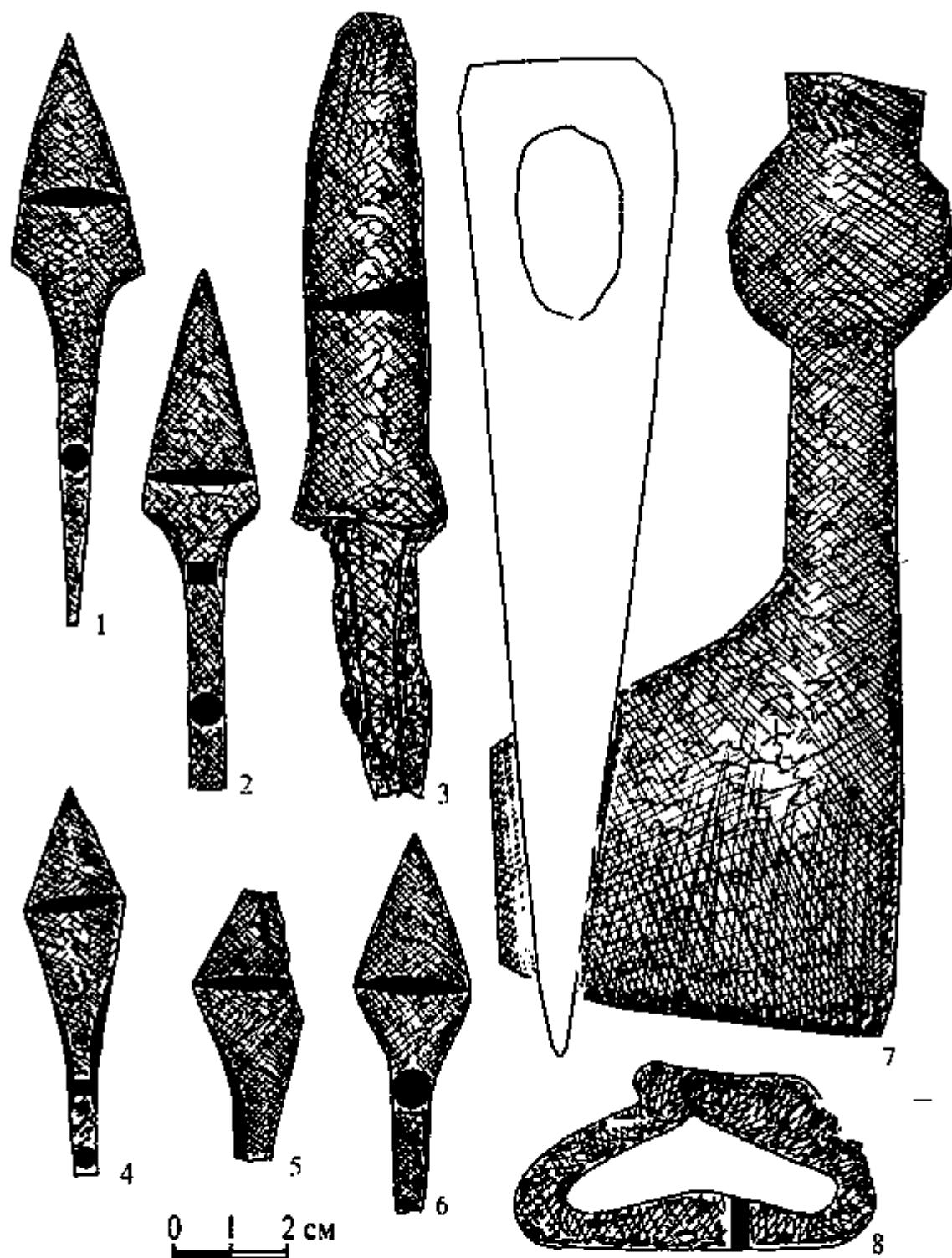
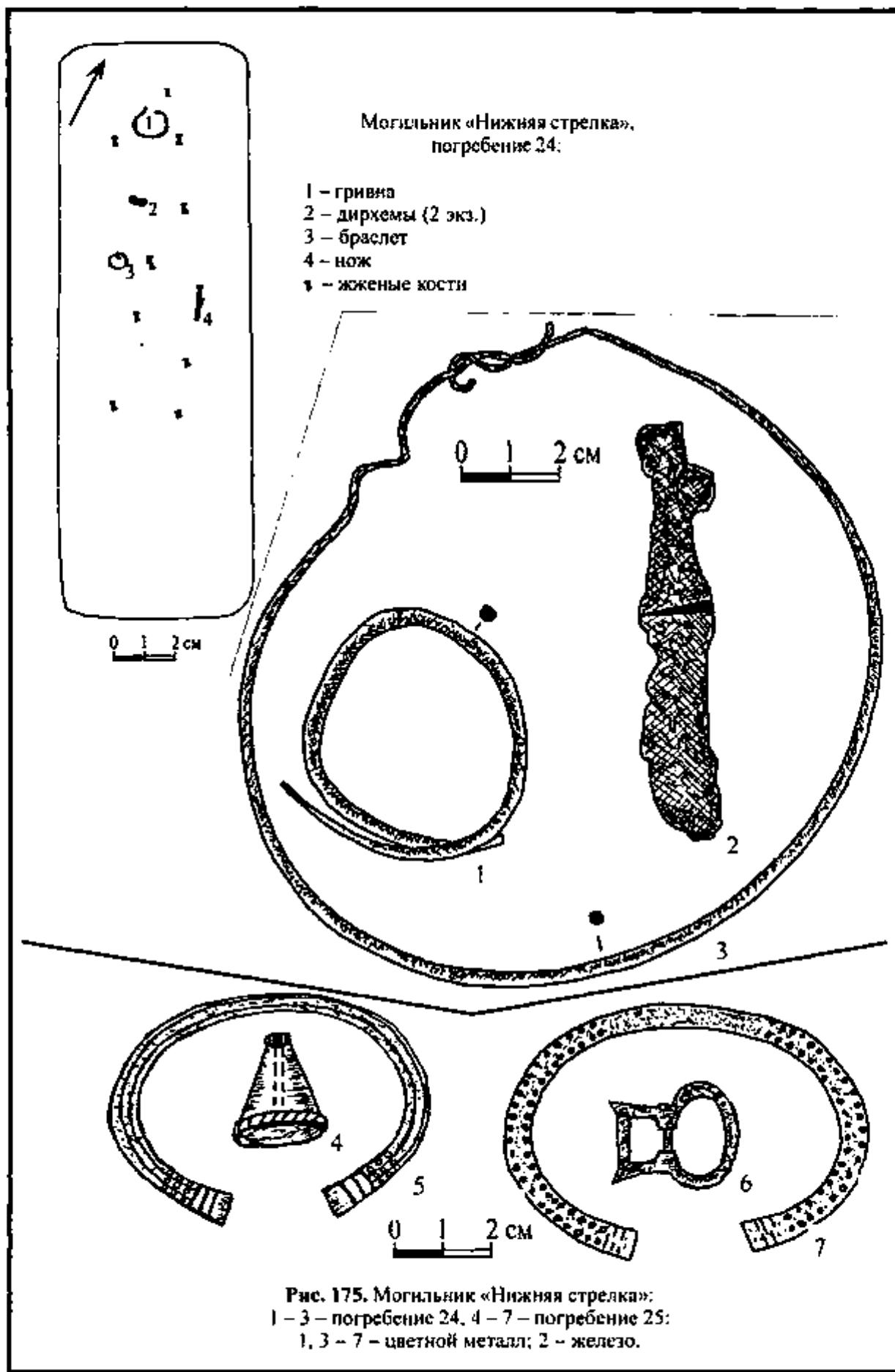

Рис. 174. Могильник «Нижняя стрелка», погребение 23:
1 – 8 – железо.

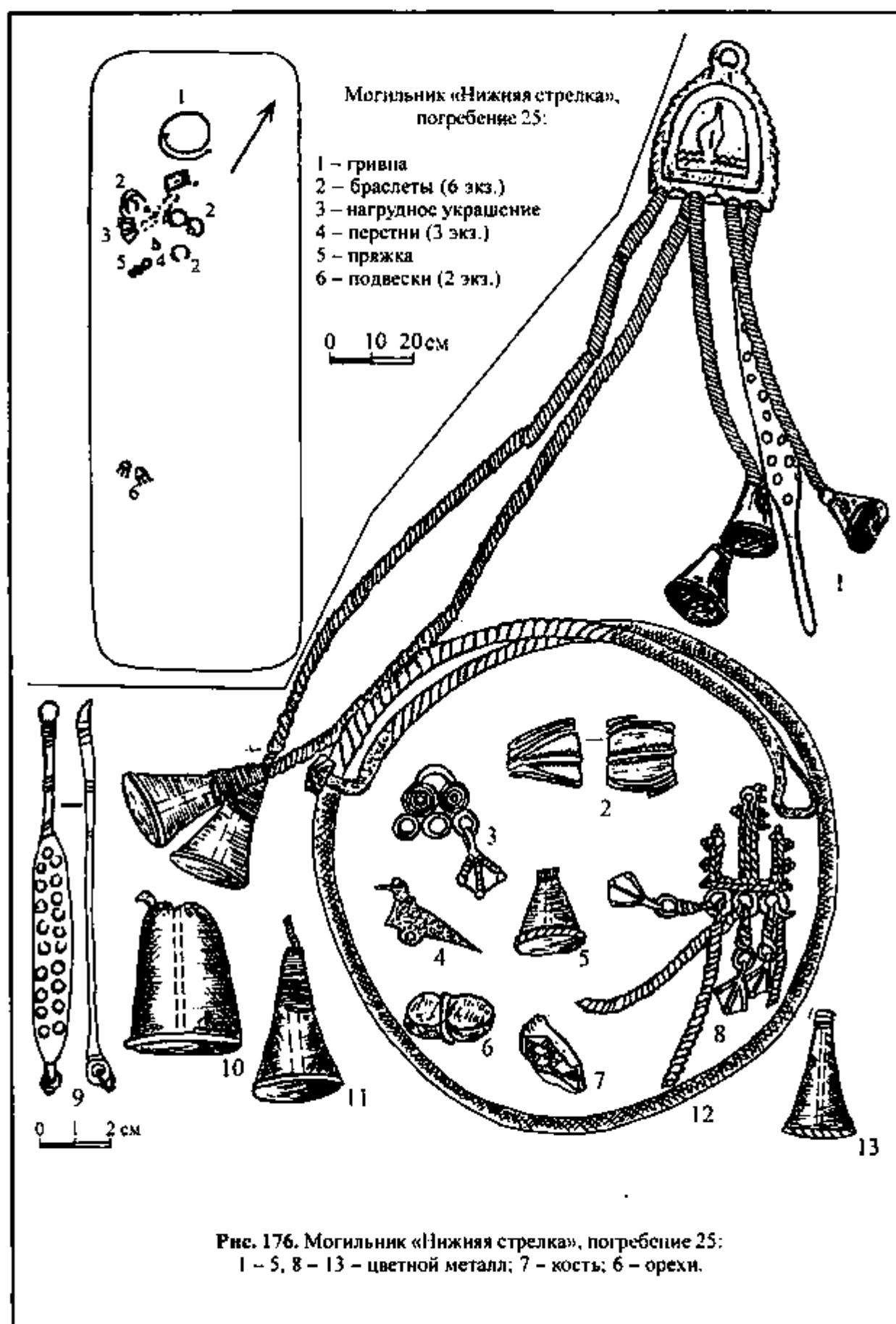
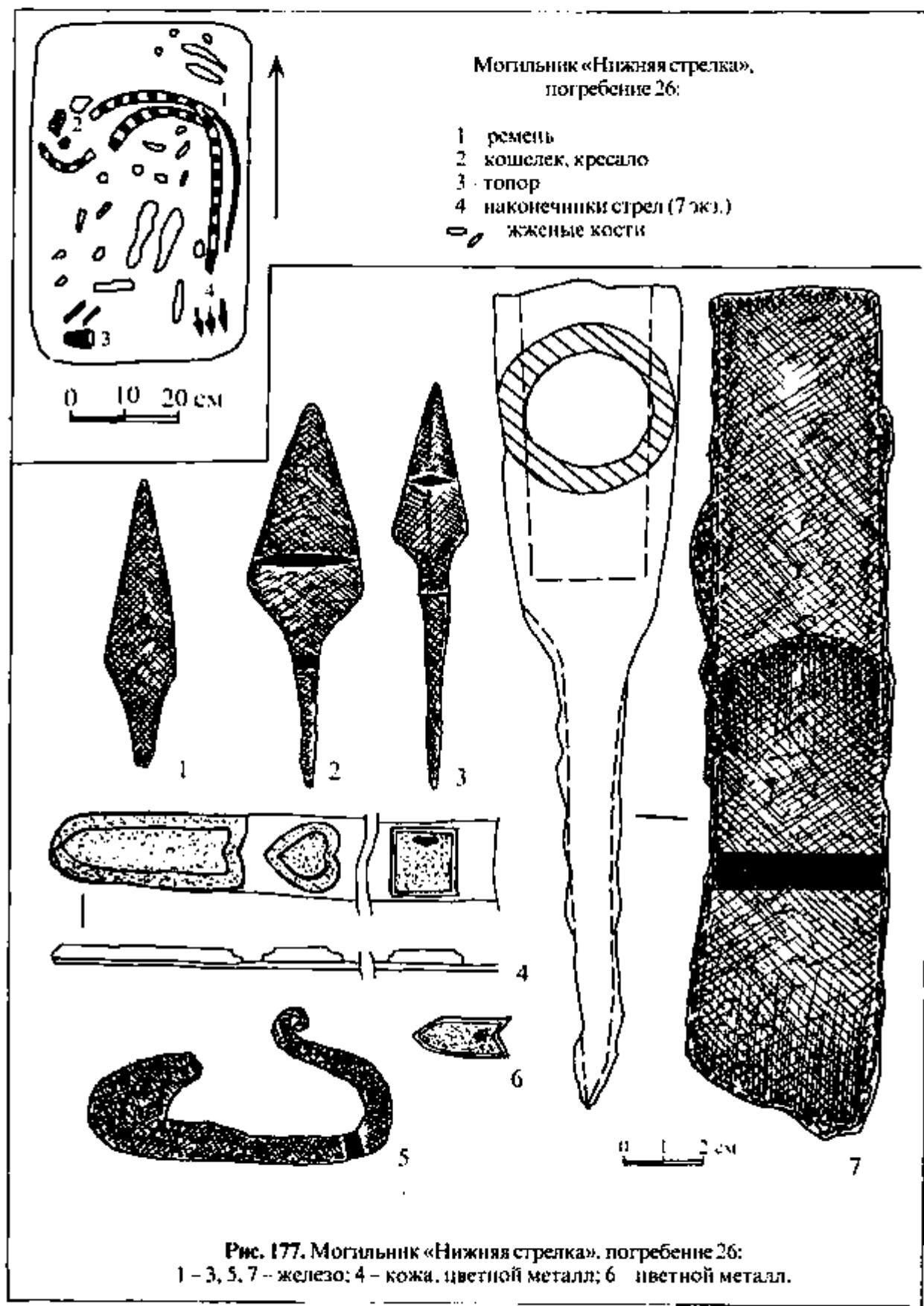

Рис. 176. Могильник «Нижняя стрелка», погребение 25:
 1 – 5, 8 – 13 – цветной металл; 7 – кость; 6 – орехи.

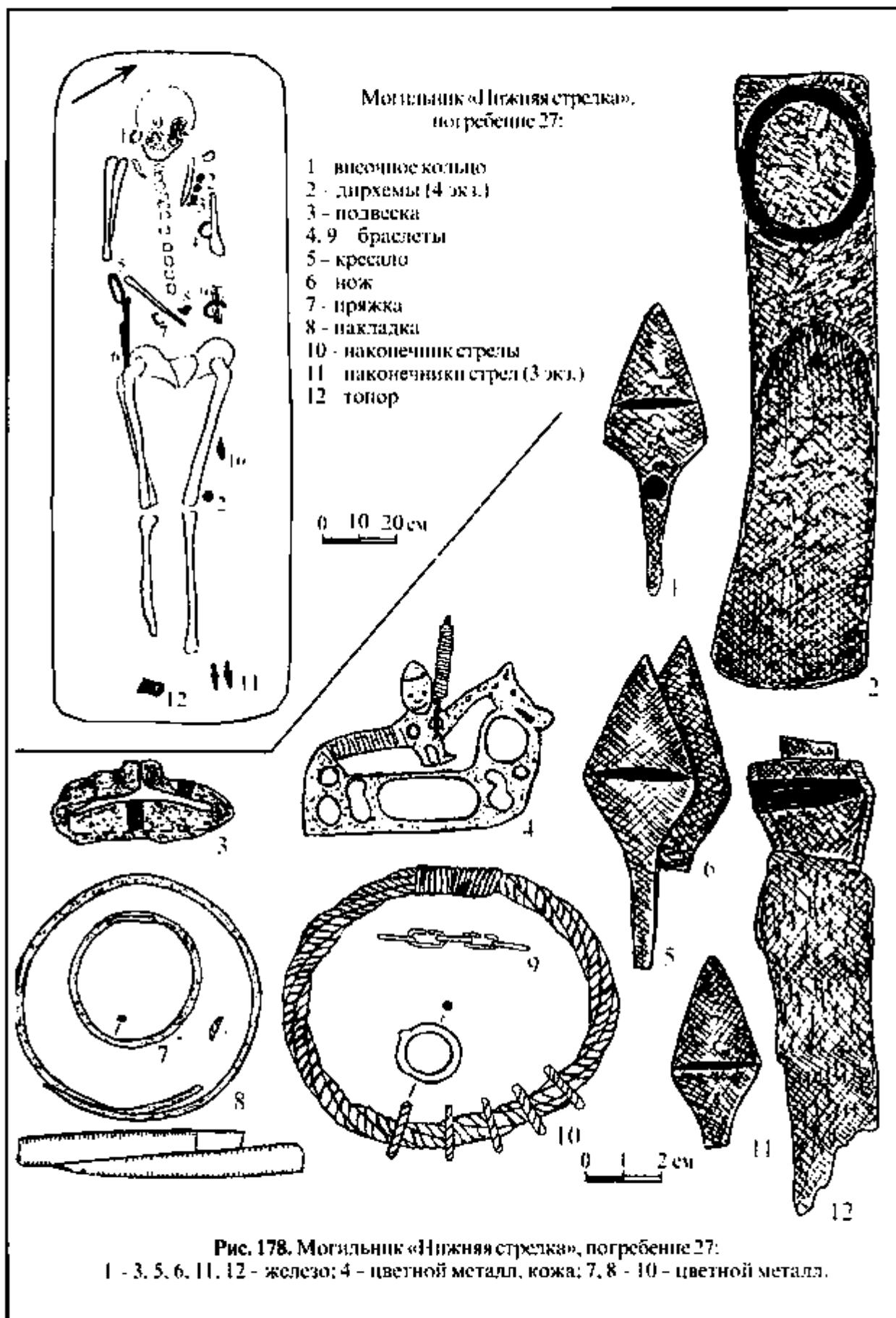

Рис. 178. Могильник «Нижняя стрелка», погребение 27:
1 - 3, 5, 6, 11, 12 - железо; 4 - цветной металл, кожа; 7, 8 - 10 - цветной металл.

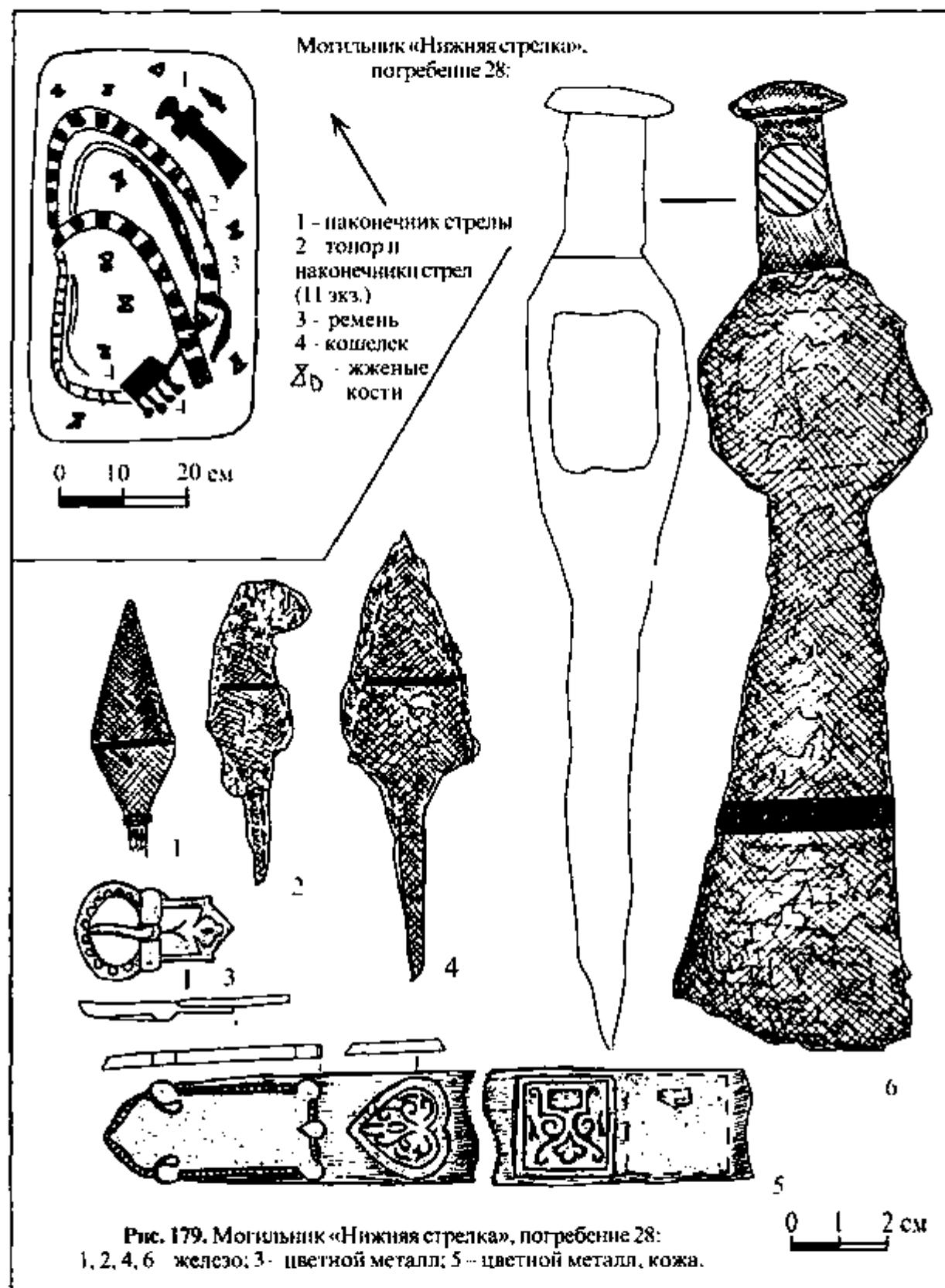
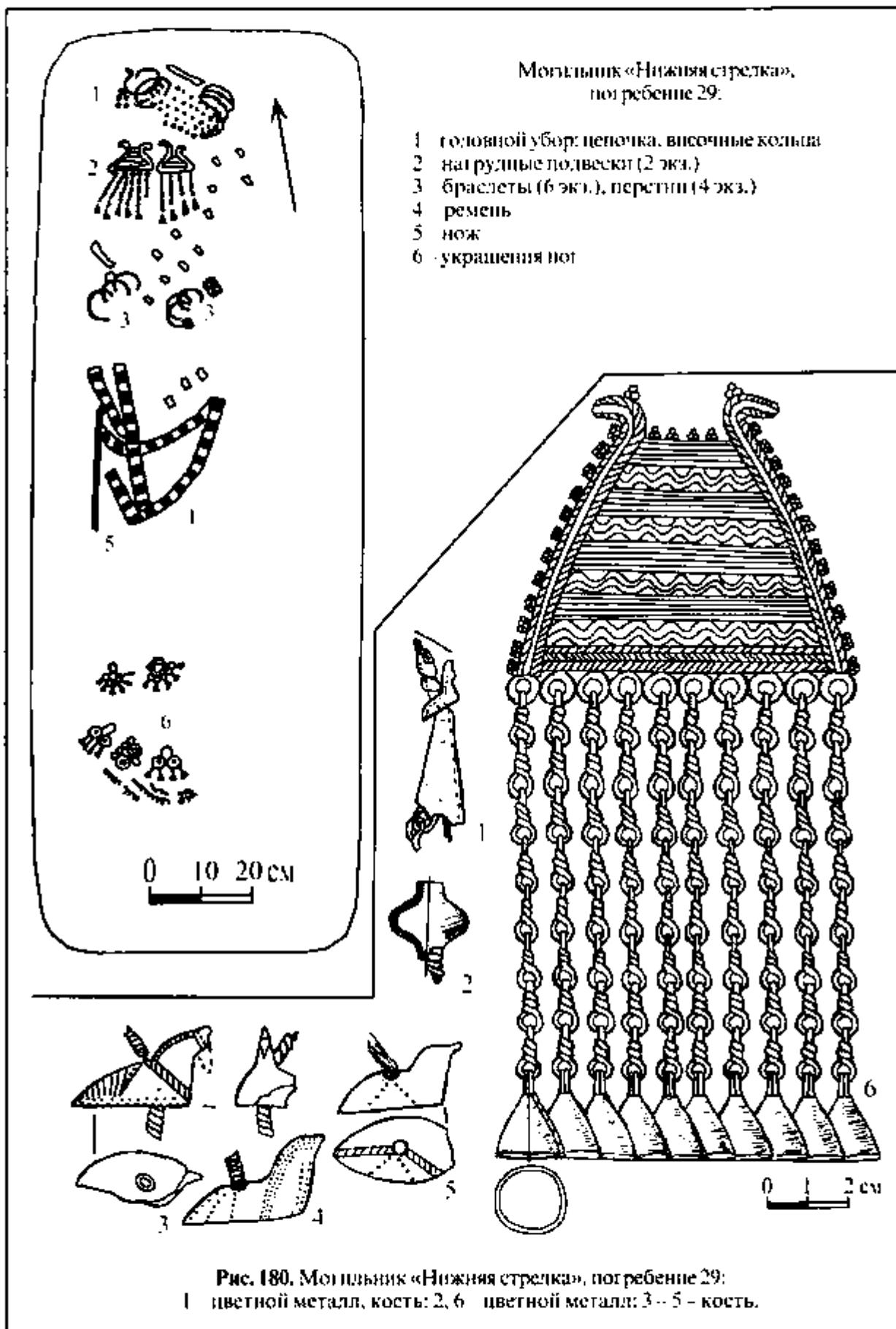

Рис. 179. Могильник «Нижняя стрелка», погребение 28:
1, 2, 4, 6 - железо; 3 - цветной металл; 5 - цветной металла, кожа.

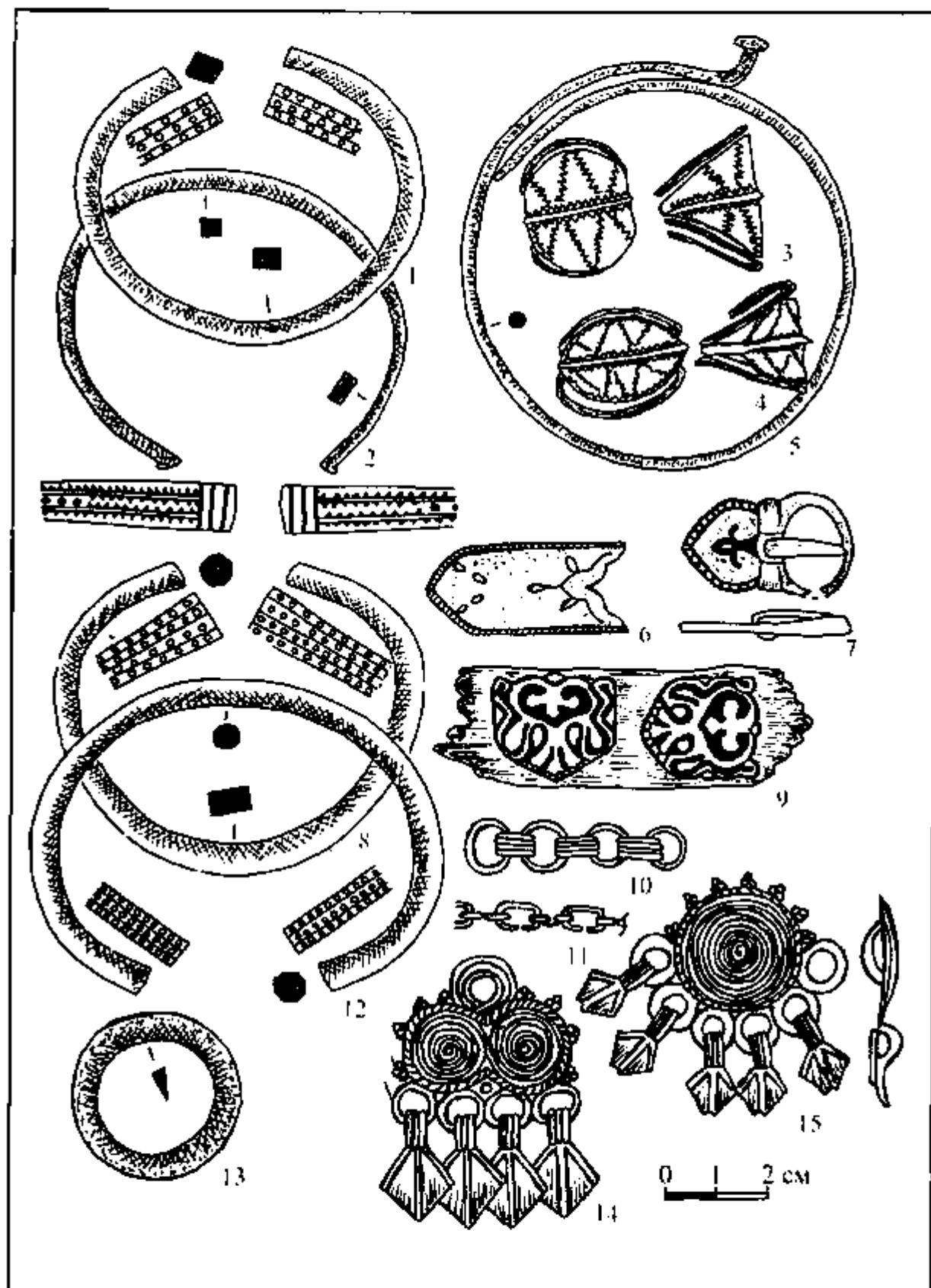
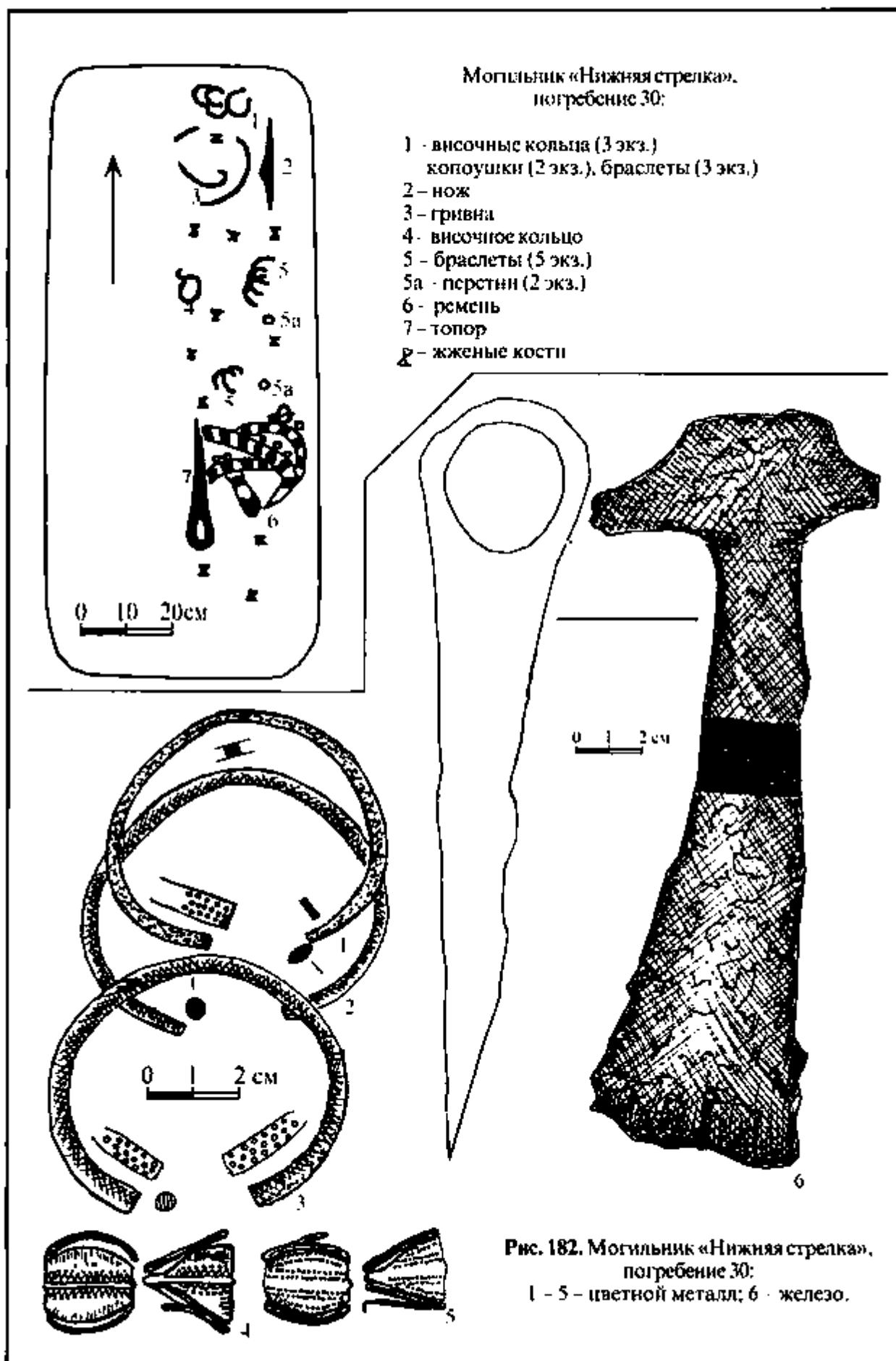
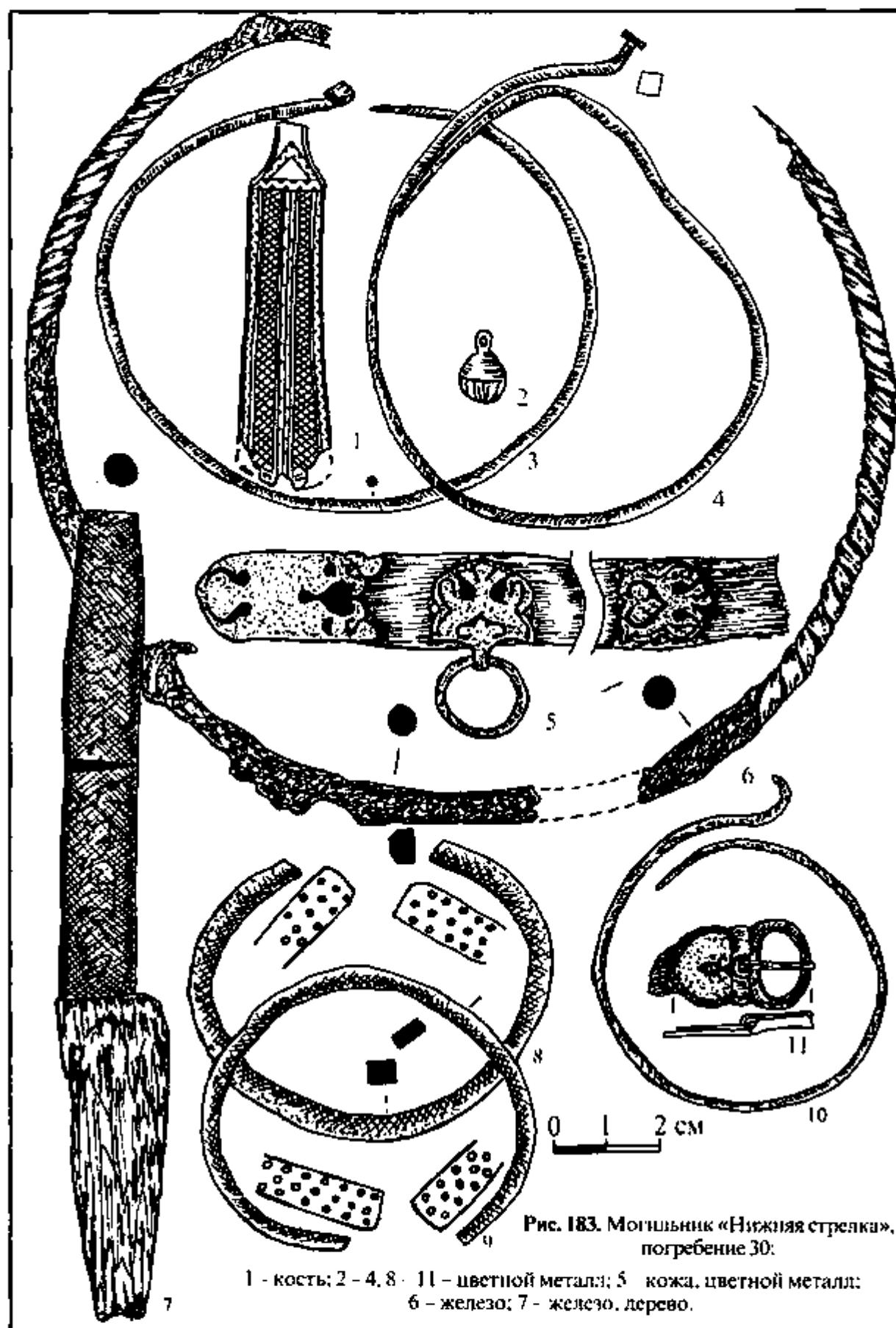

Рис. 181. Могильник «Нижняя стрелка», погребение 29:
1 – 8, 10 – 15 – цветной металл; 9 – кожа. цветной металла.

Могильник «Нижняя стрелка»,
погребение 31:

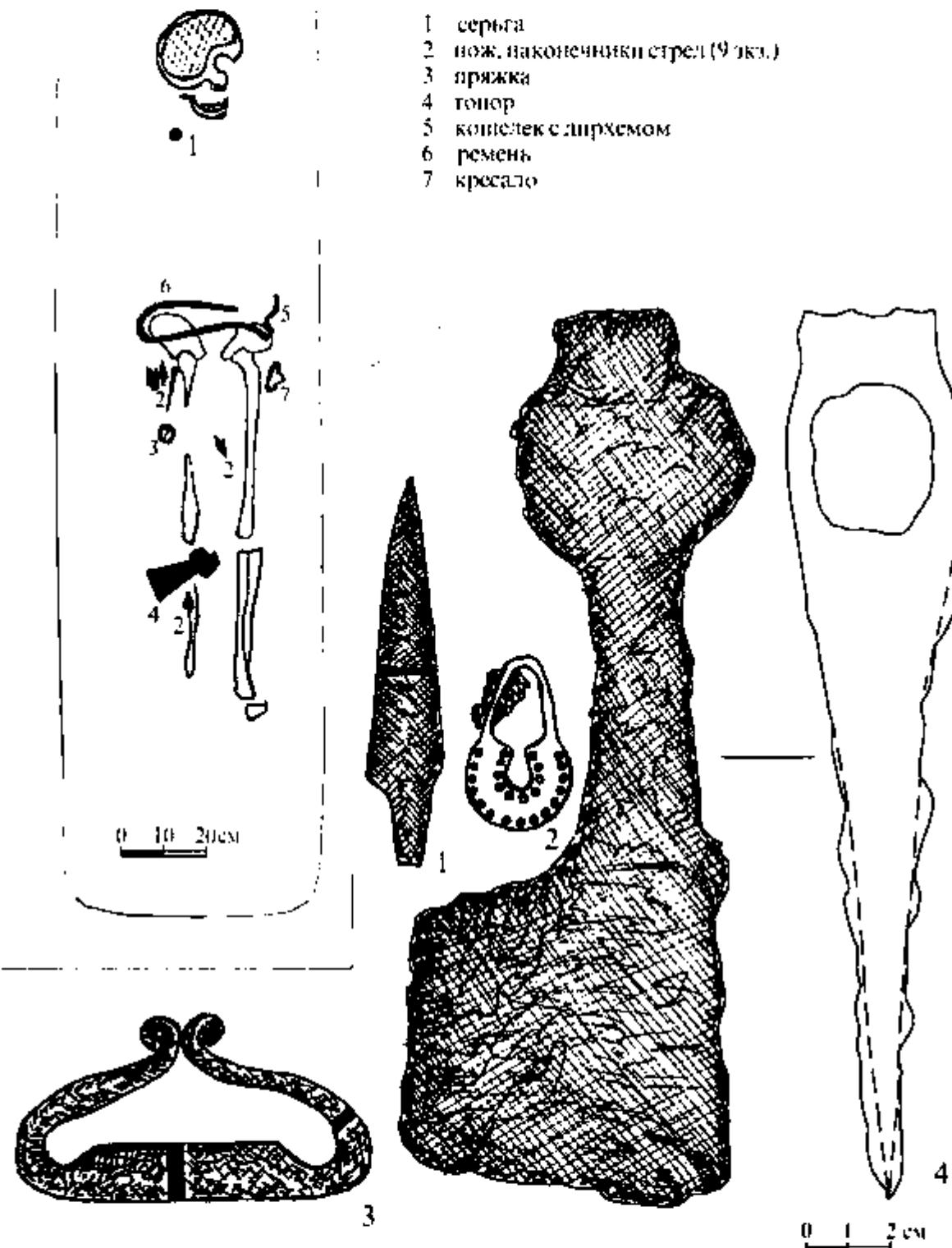

Рис. 184. Могильник «Нижняя стрелка», погребение 31:
1, 3, 4 - железо; 2 - цветной металл.

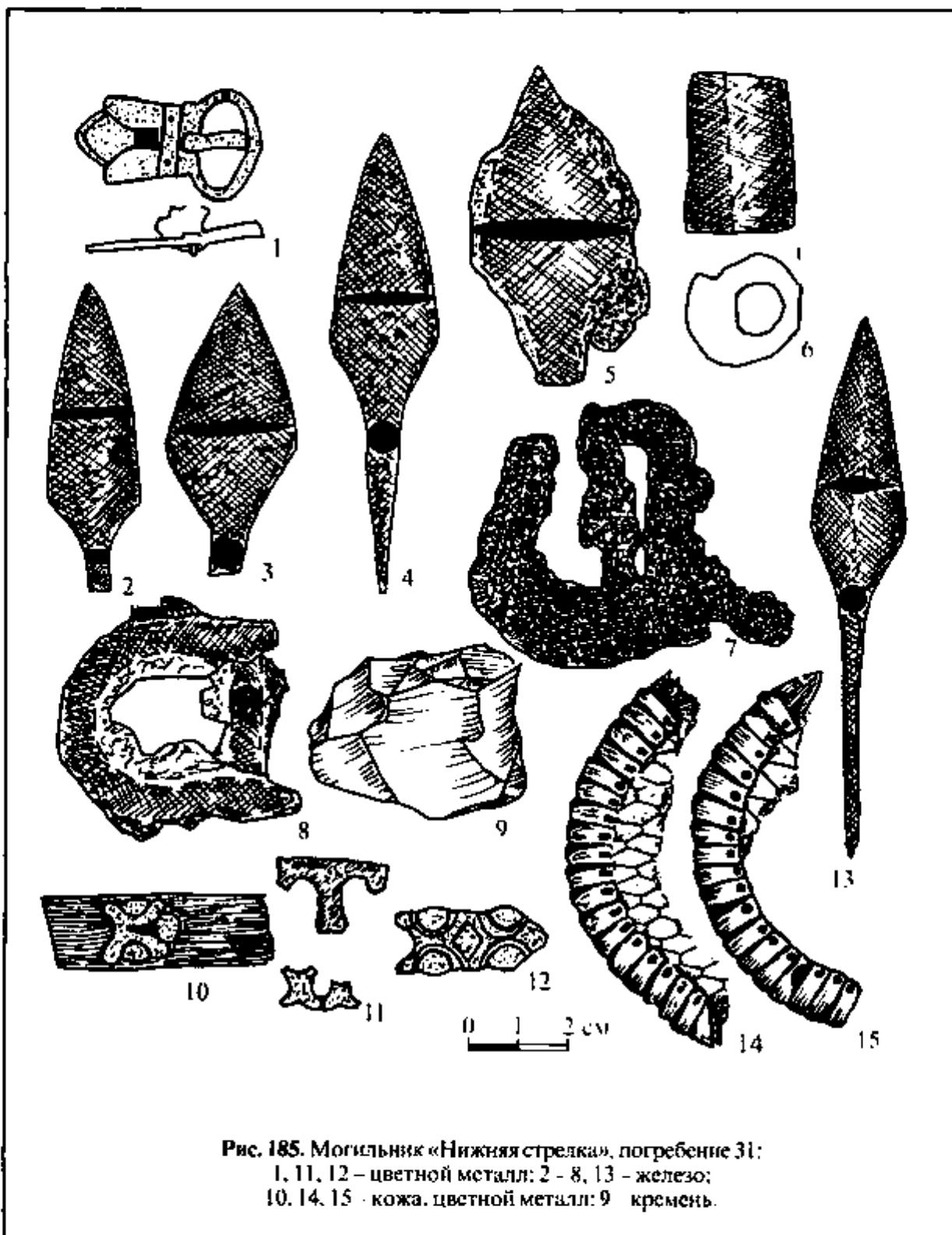
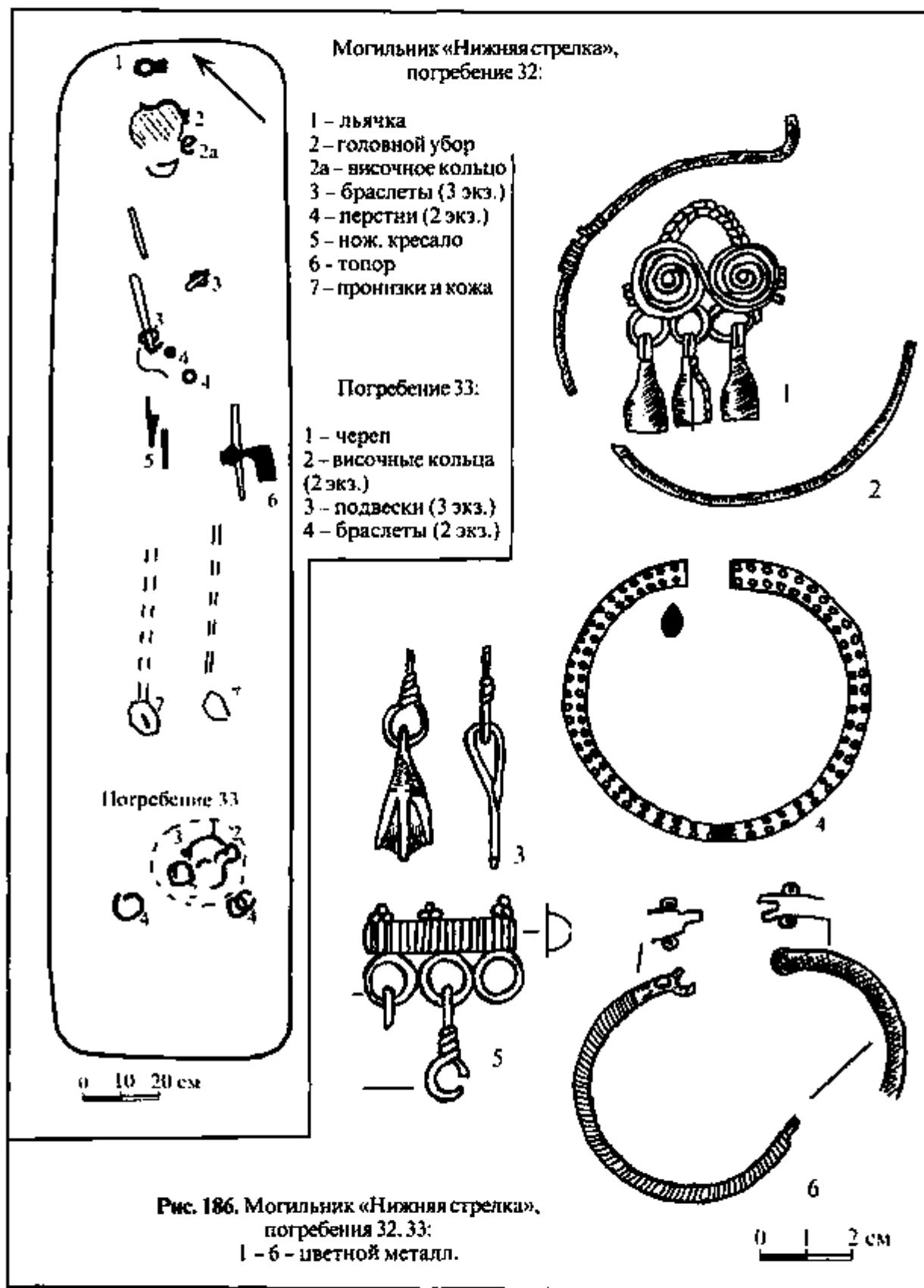

Рис. 185. Могильник «Нижняя стрелка», погребение 31:
 1, 11, 12 – цветной металл; 2 – 8, 13 – железо;
 10, 14, 15 – кожа, цветной металл; 9 – кремень.

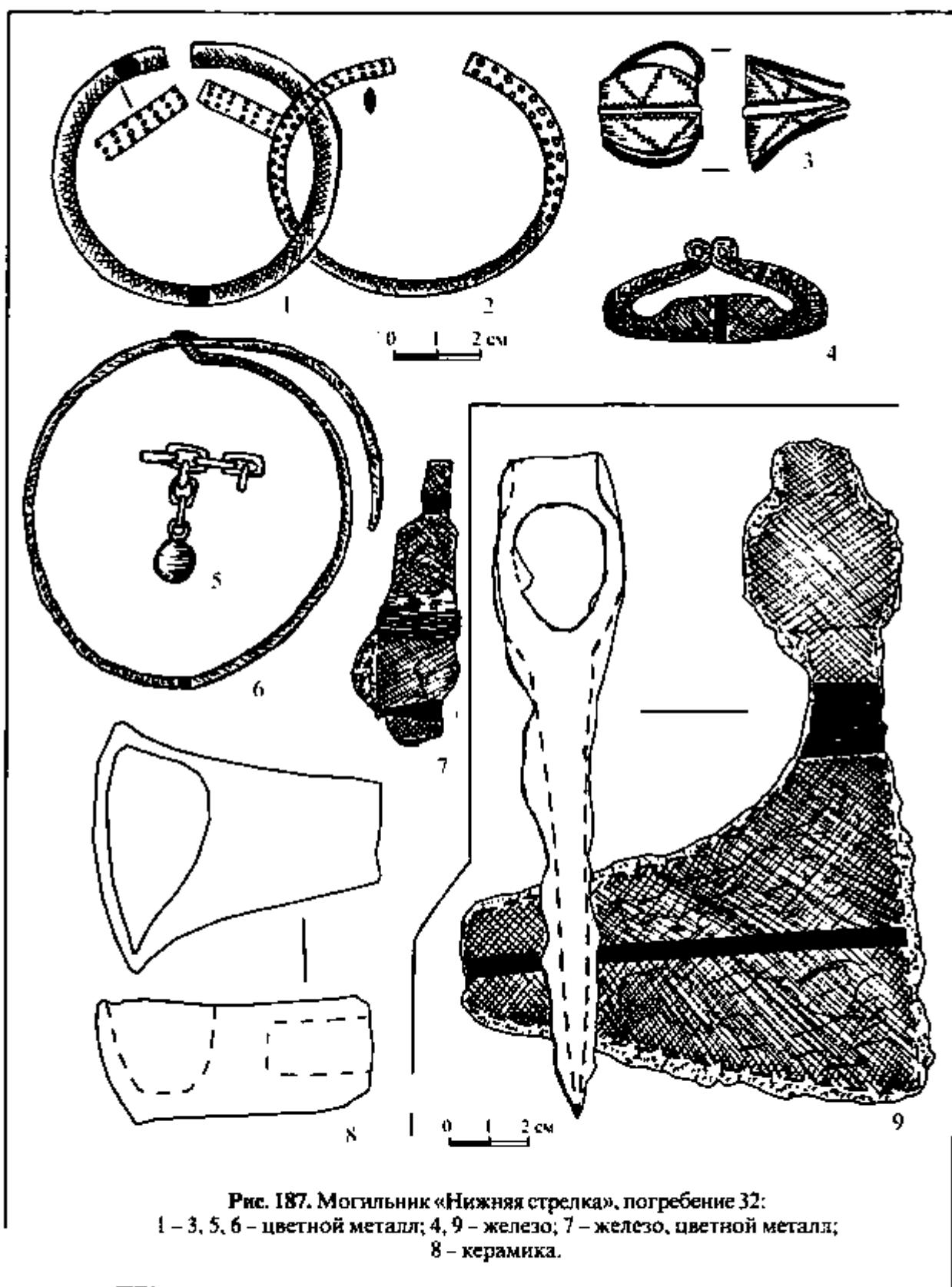

Рис. 187. Могильник «Нижняя стрелка», погребение 32:
1 – 3, 5, 6 – цветной металл; 4, 9 – железо; 7 – железо, цветной металл;
8 – керамика.

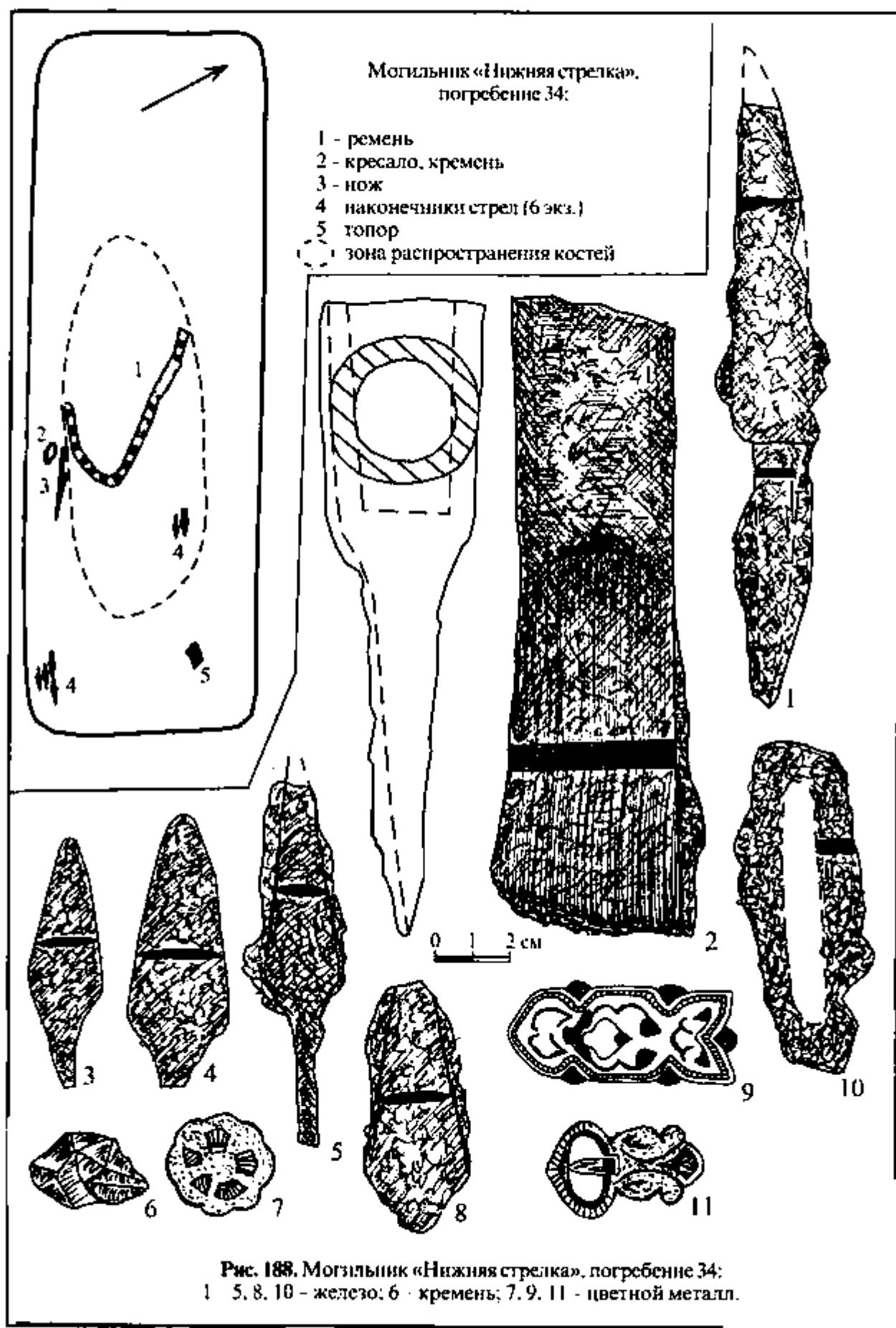
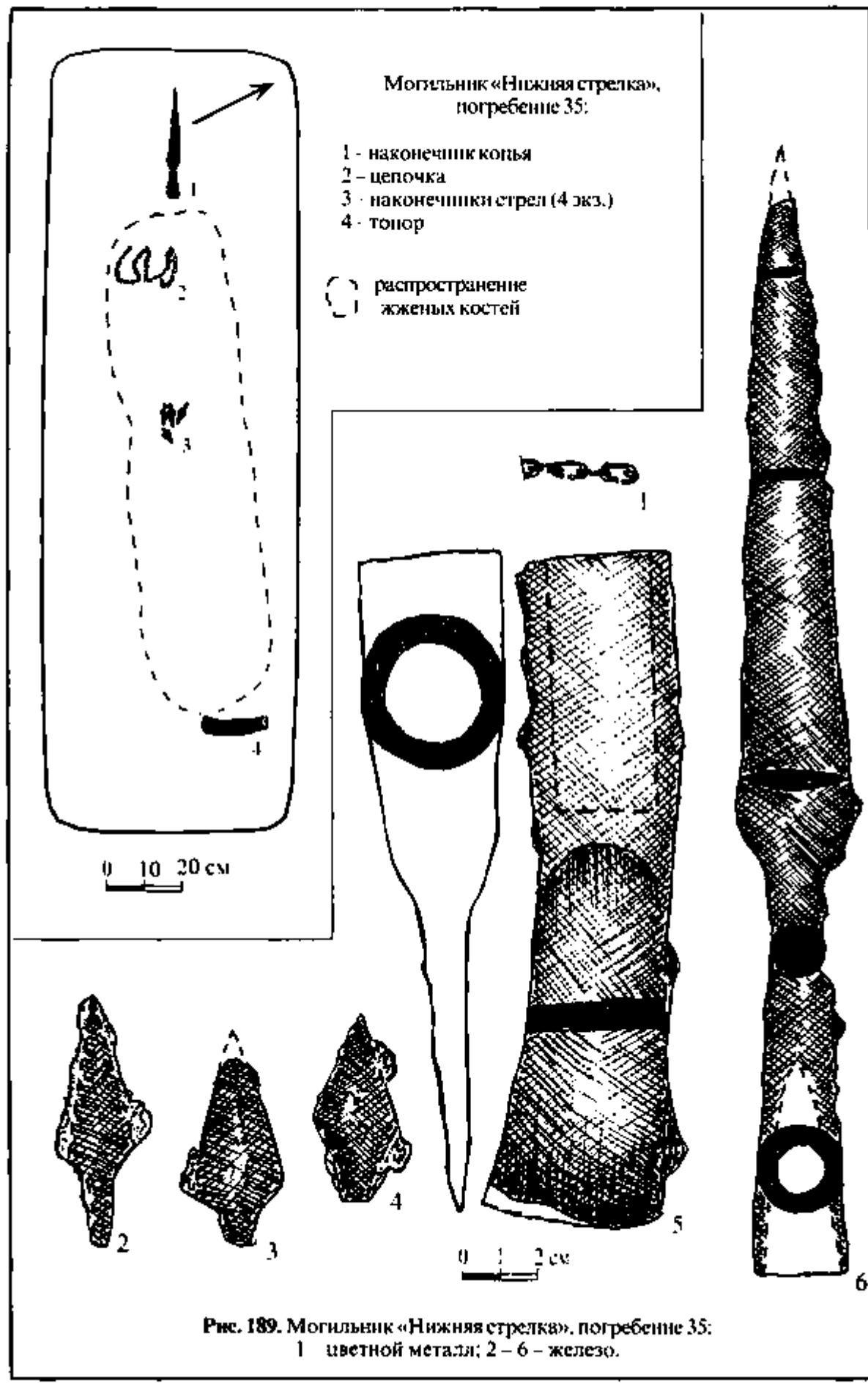
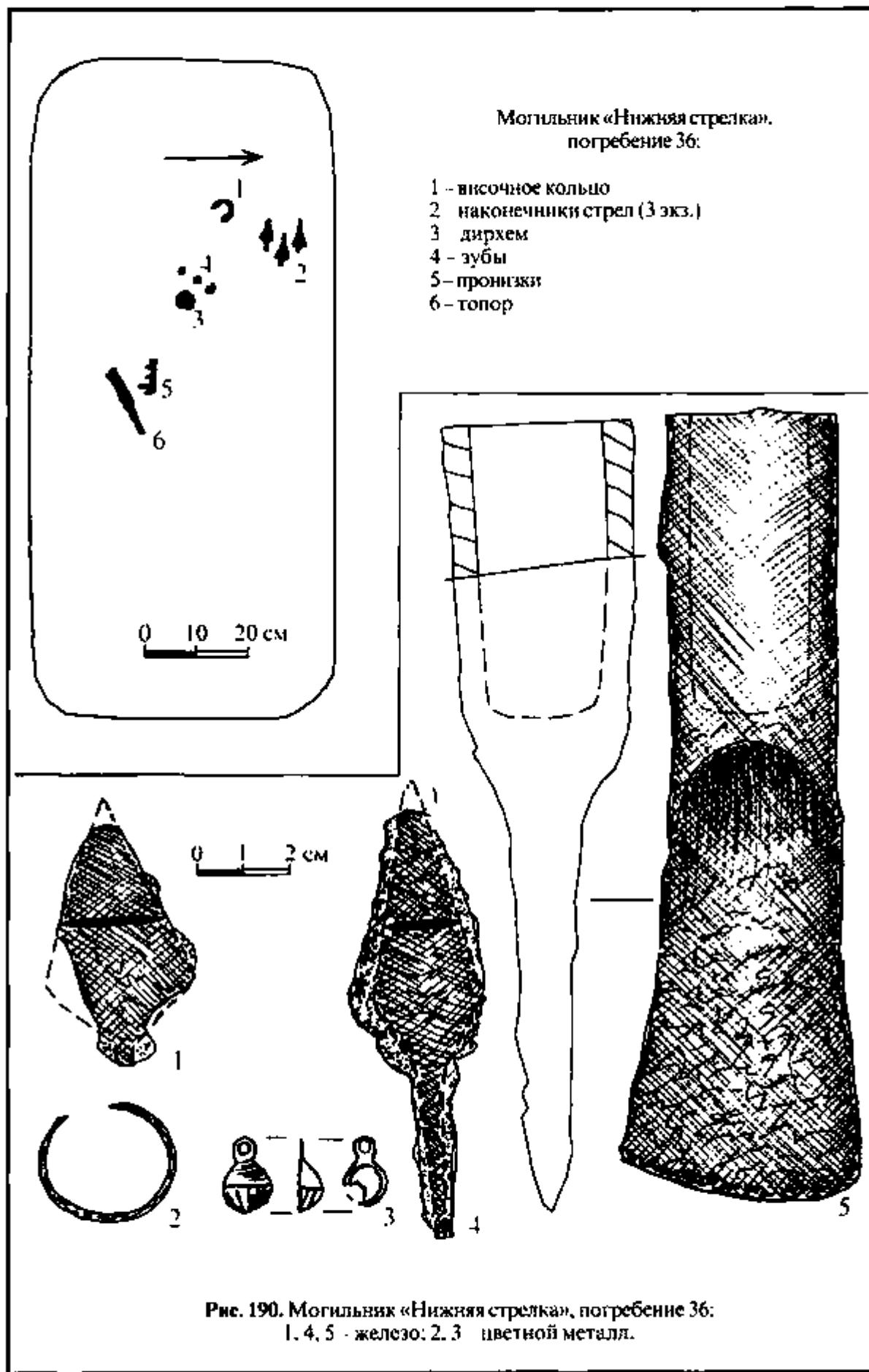
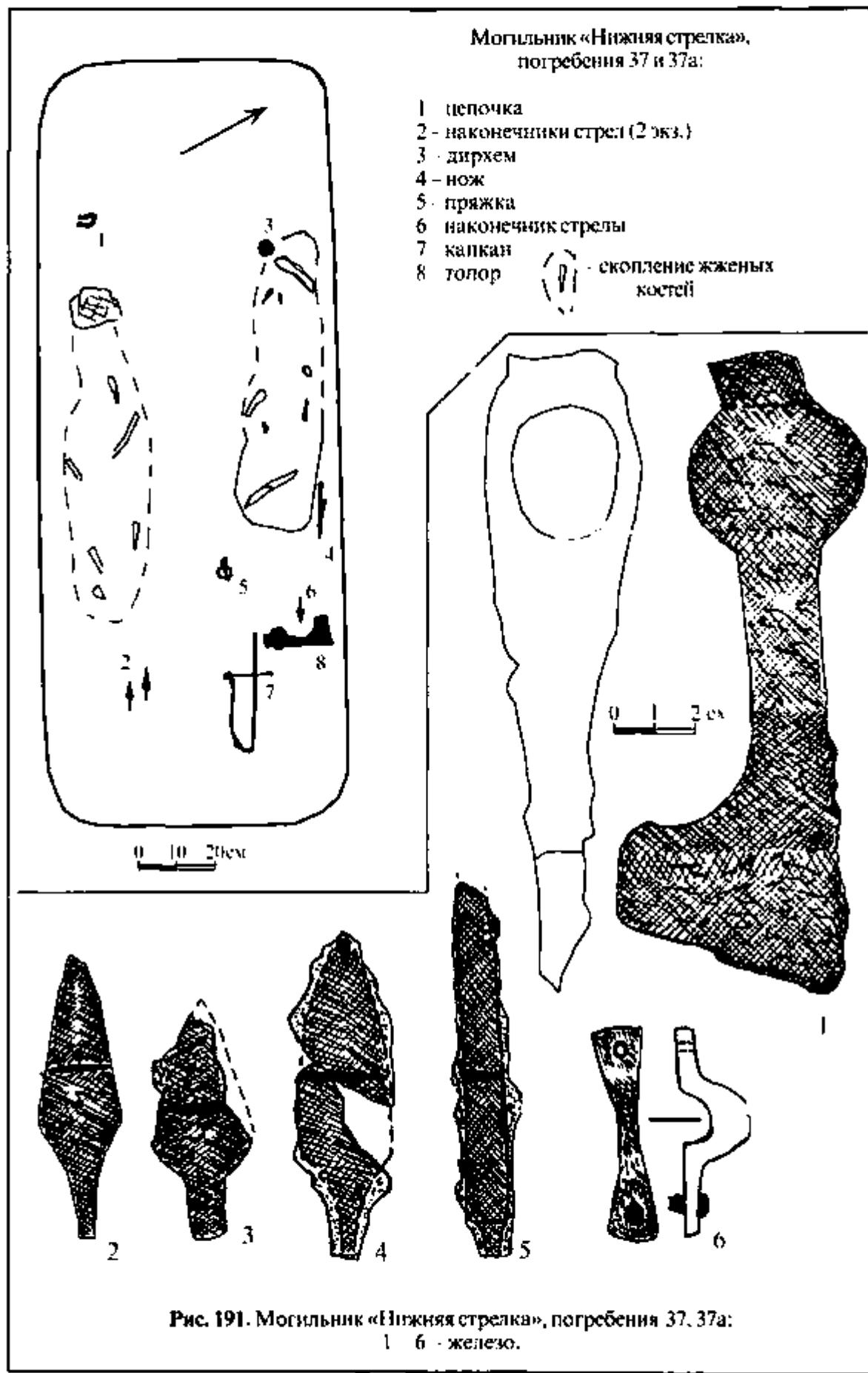
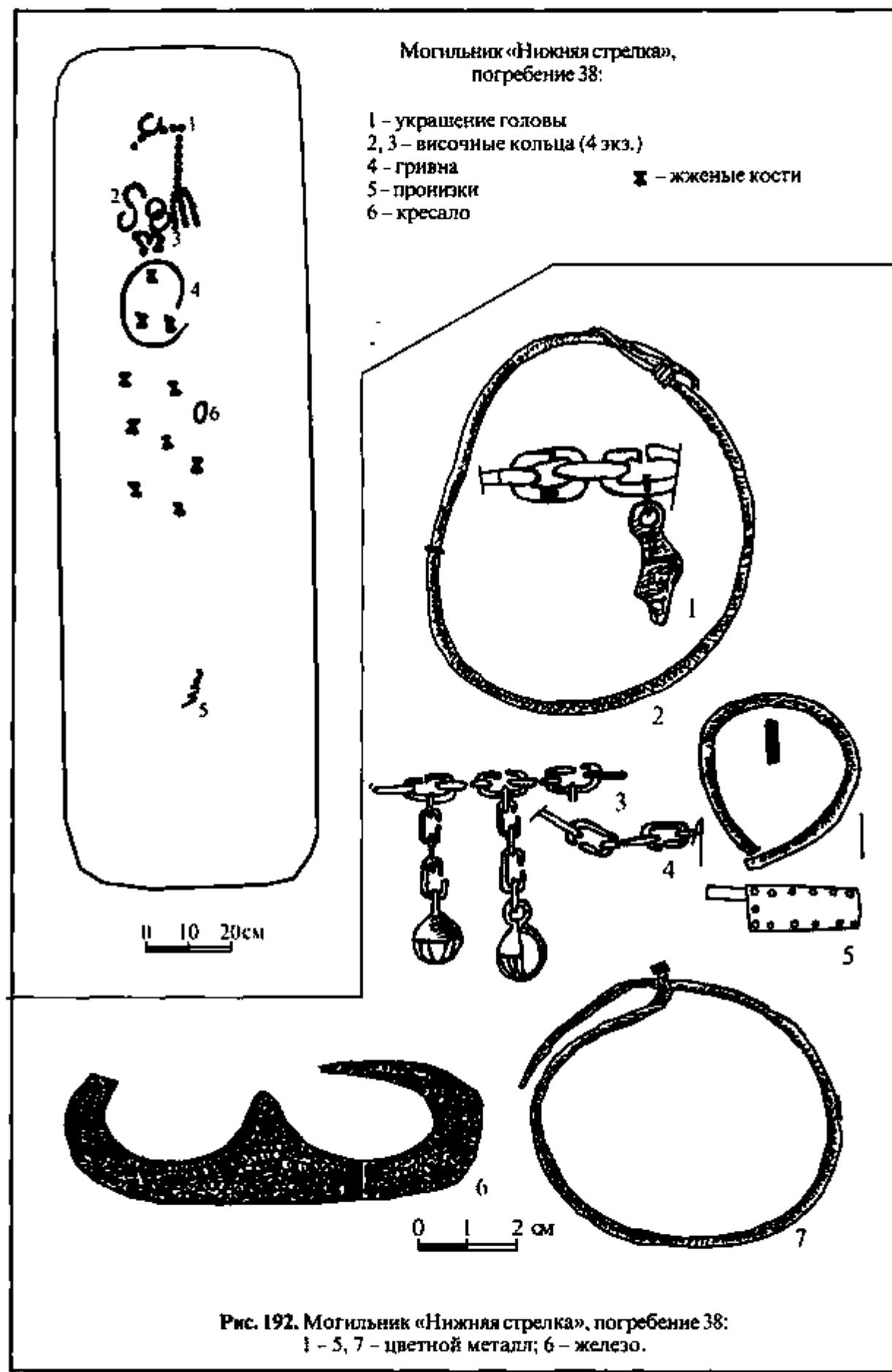

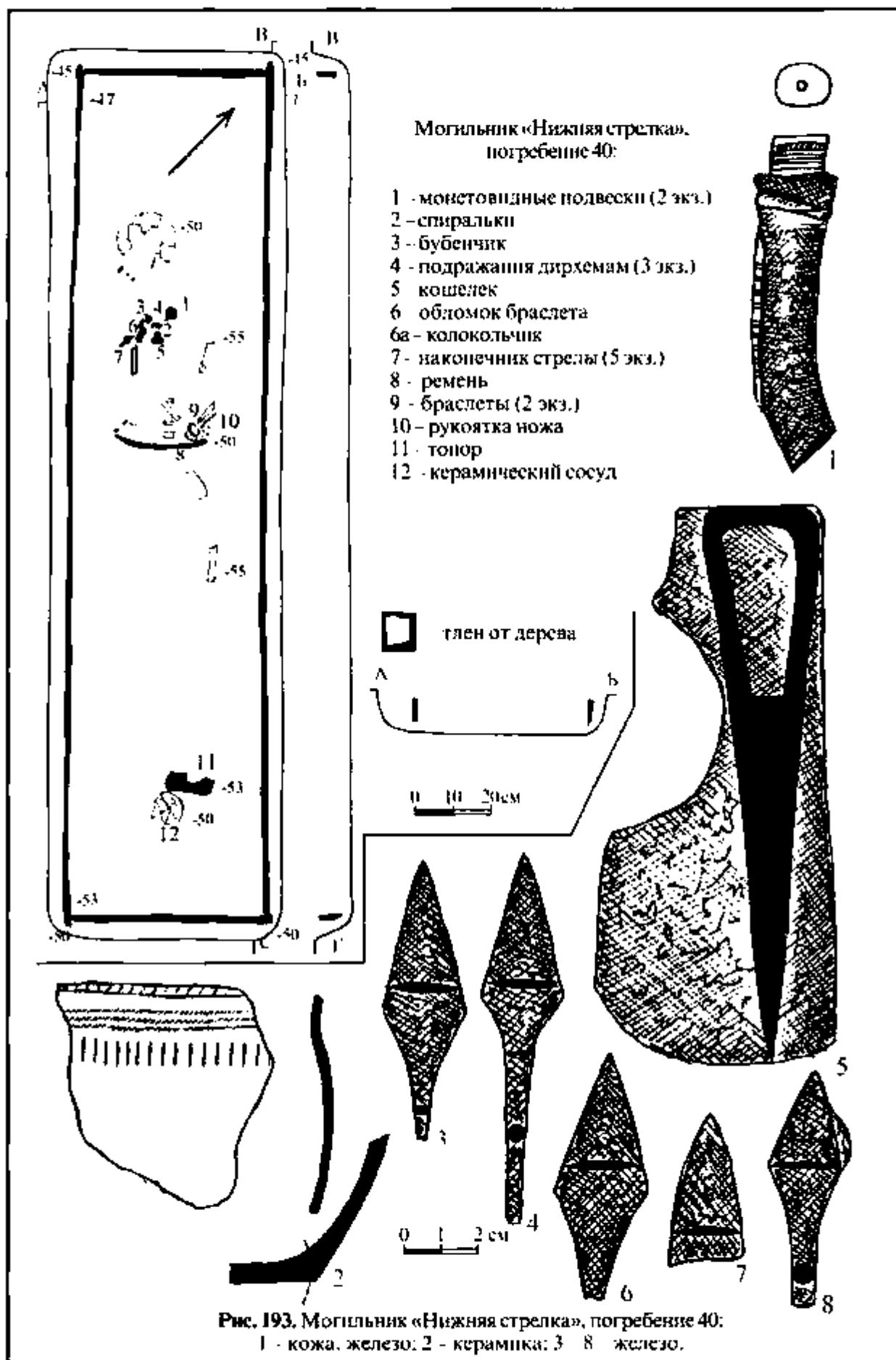
Рис. 188. Могильник «Нижняя стрелка», погребение 34:
1-5, 8, 10 - железо; 6 - кремень; 7, 9, 11 - цветной металл.

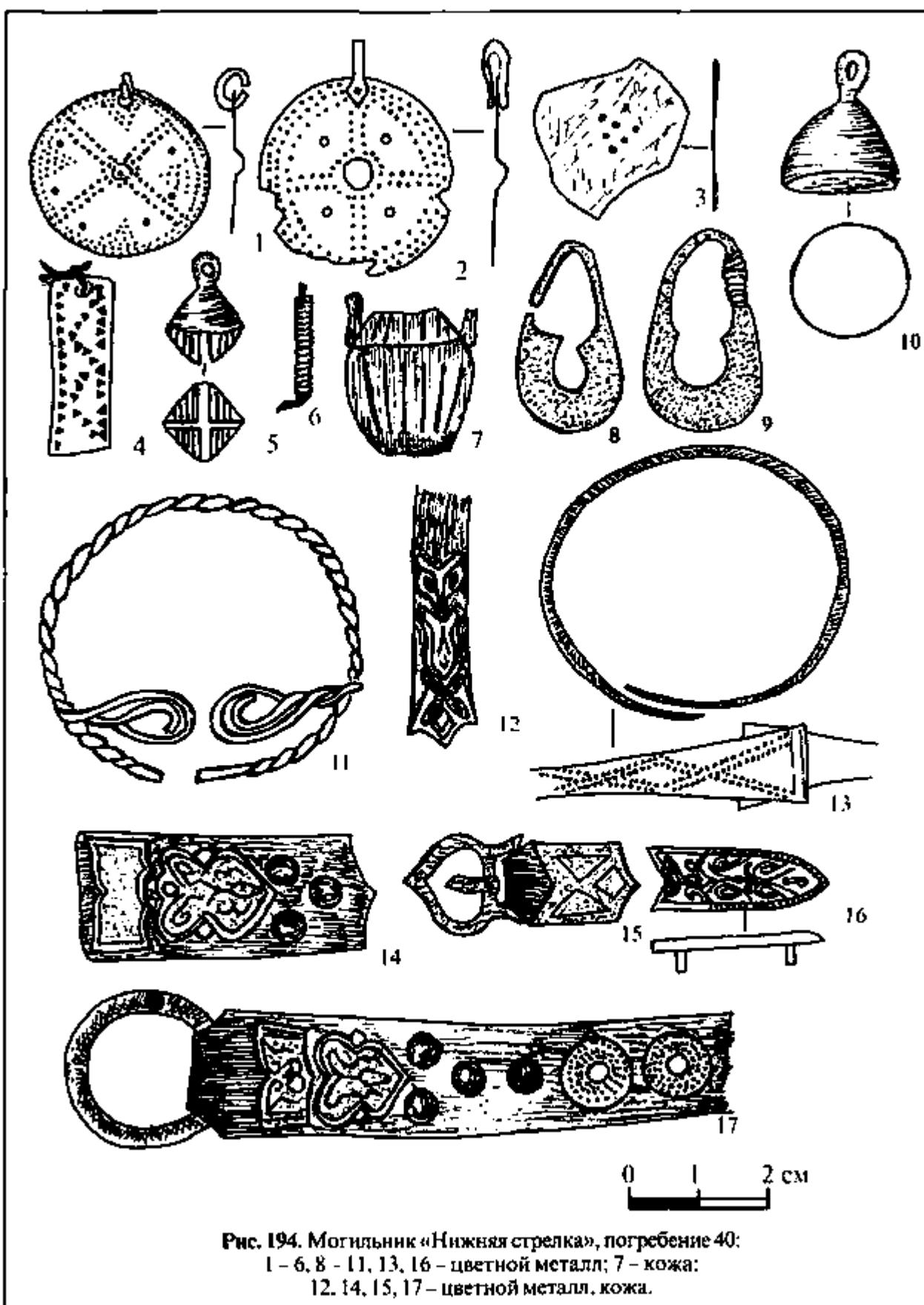
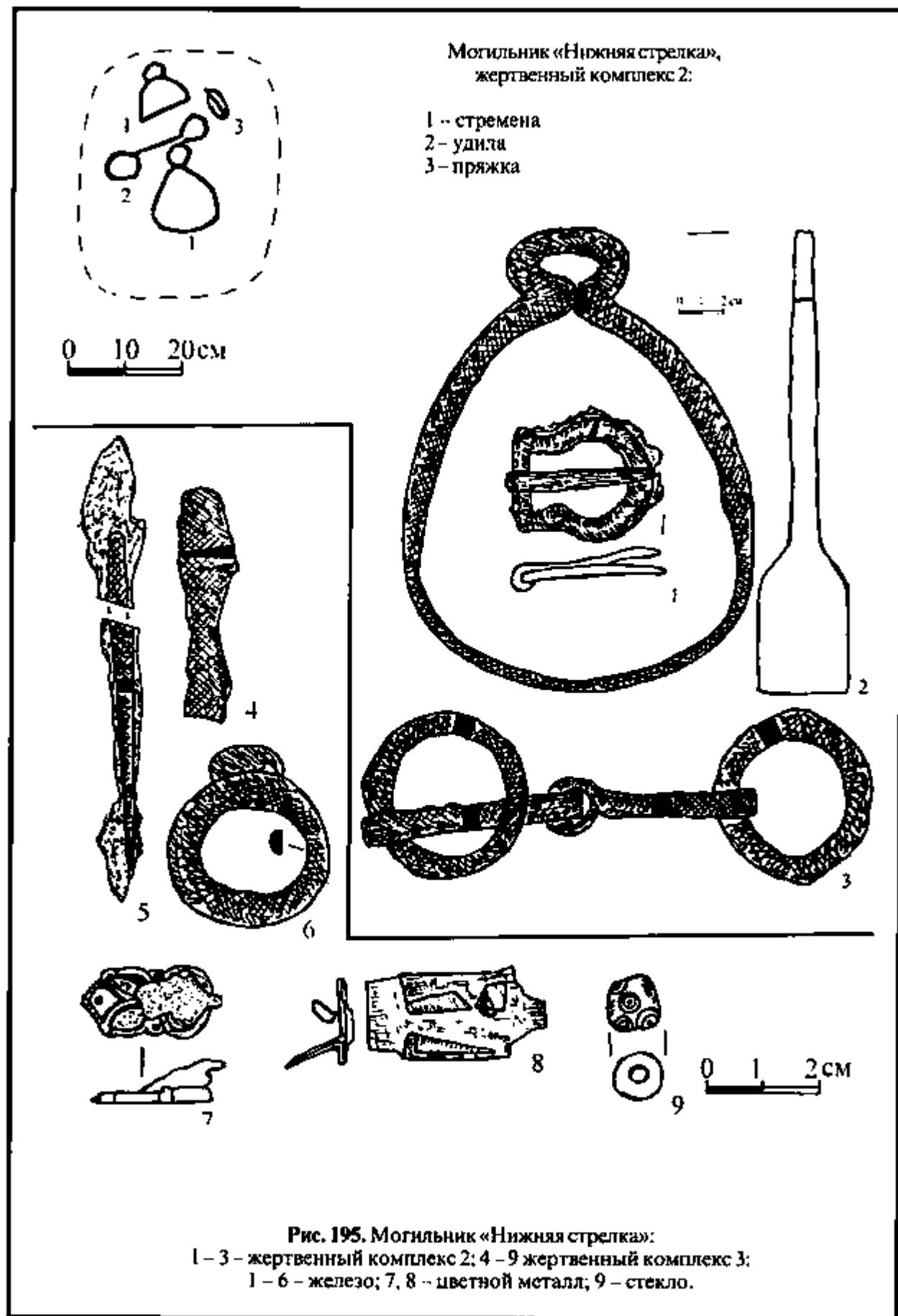
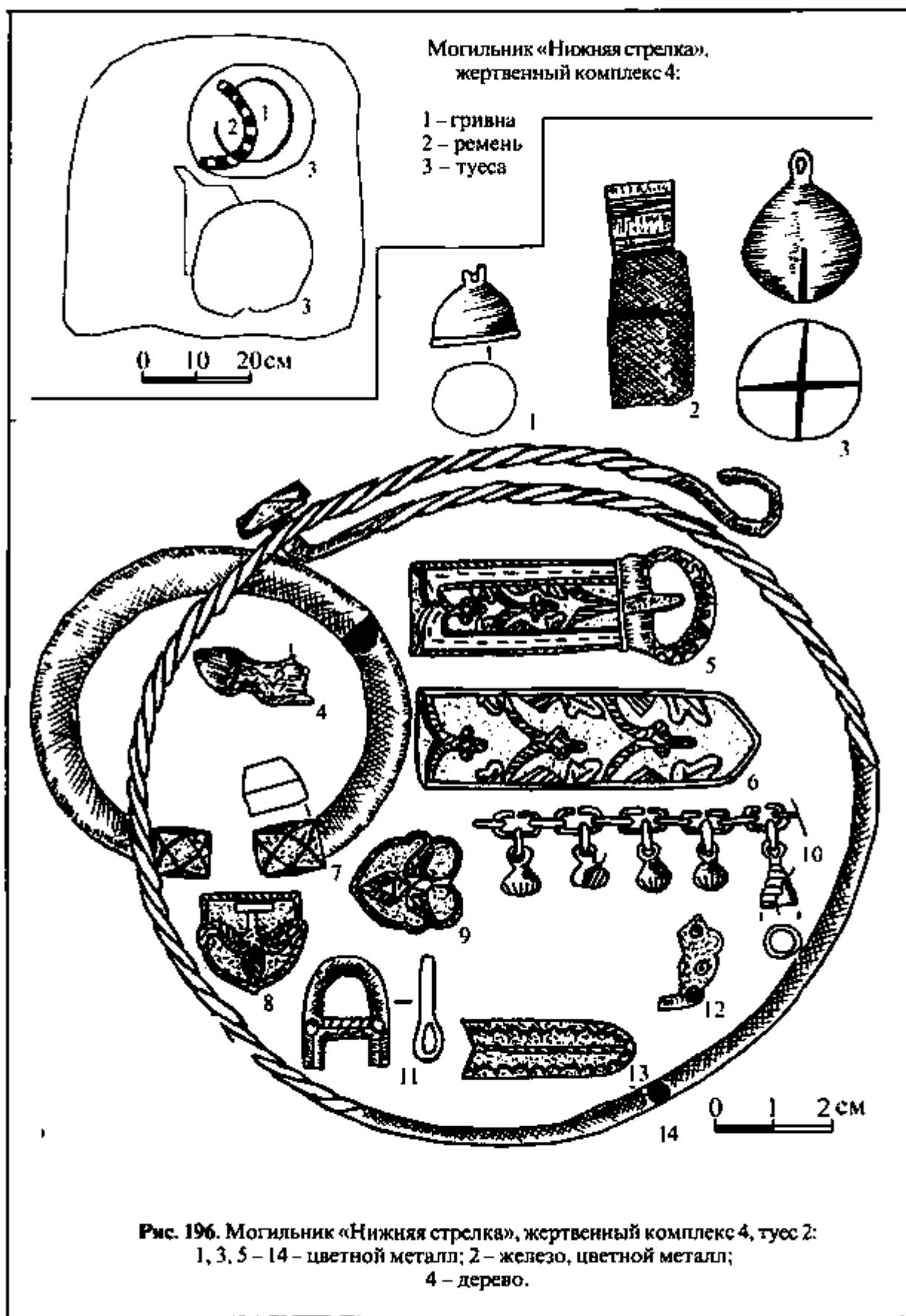

Рис. 194. Могильник «Нижняя стрелка», погребение 40:
1 – 6, 8 – 11, 13, 16 – цветной металл; 7 – кожа;
12, 14, 15, 17 – цветной металл, кожа.

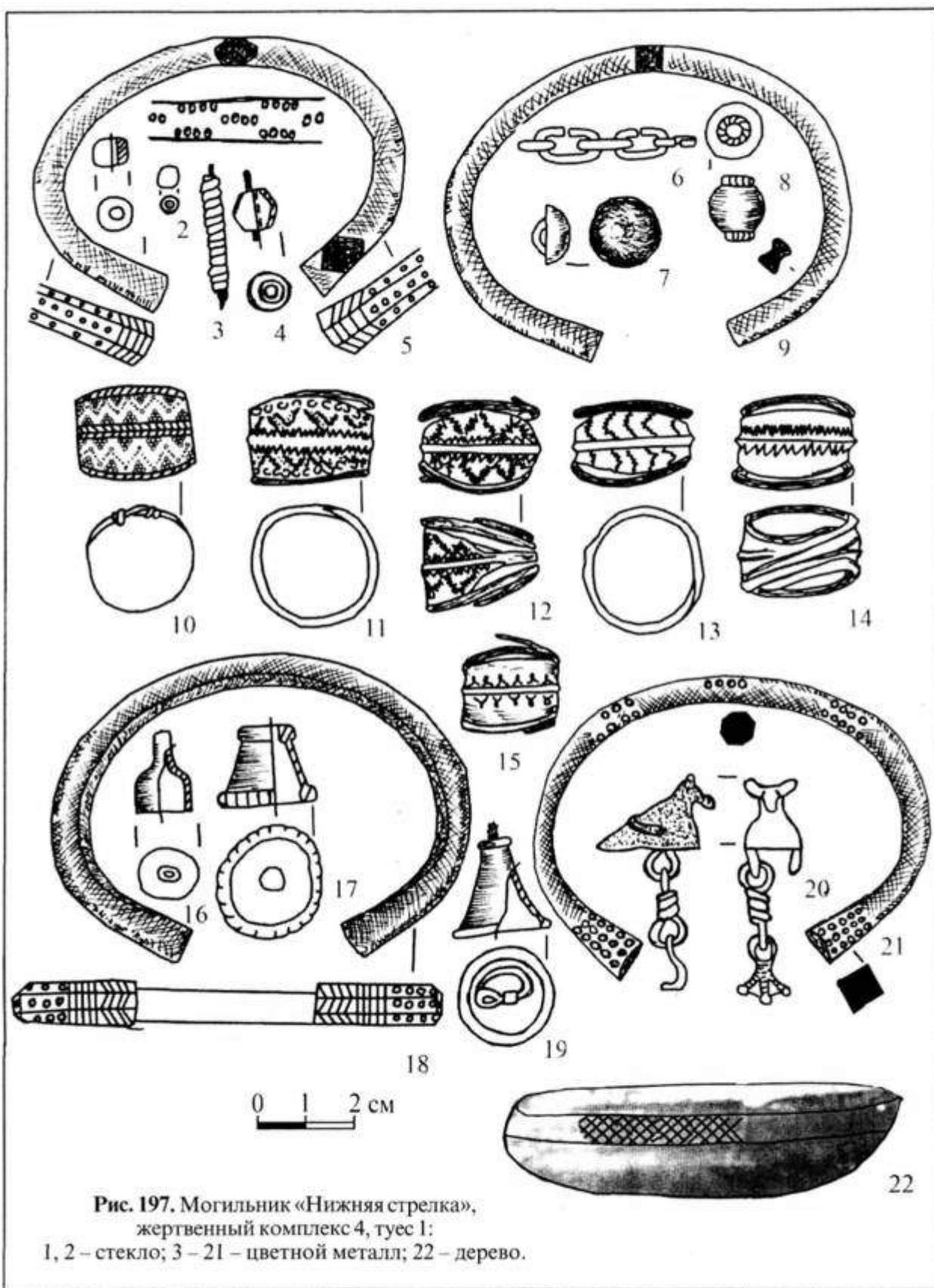

Рис. 197. Могильник «Нижняя стрелка»,
жертвенный комплекс 4, туес 1:
1, 2 – стекло; 3 – 21 – цветной металл; 22 – дерево.

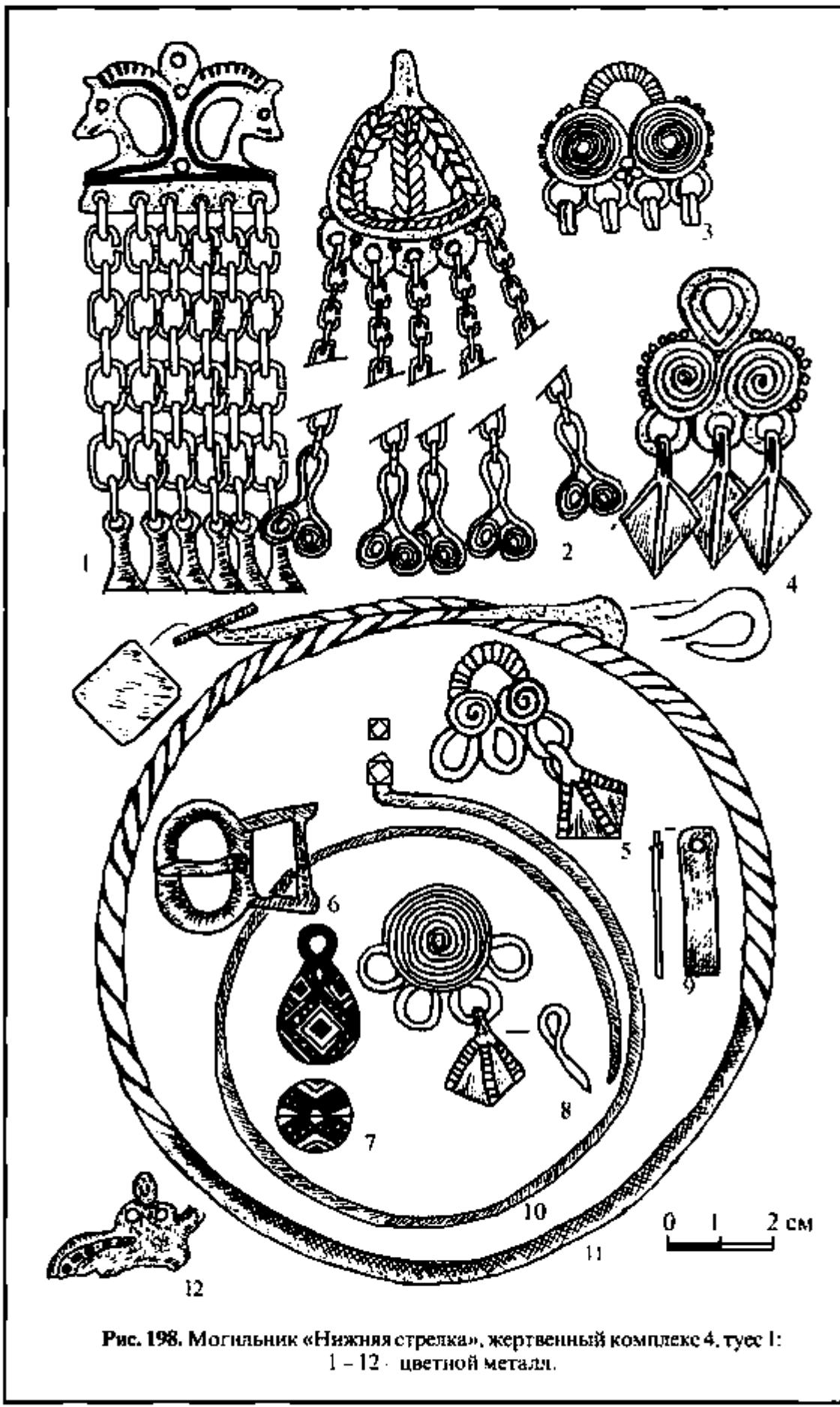

Рис. 198. Могильник «Нижняя стрелка», жертвенный комплекс 4, тусс 1:
1 – 12 – цветной металл.

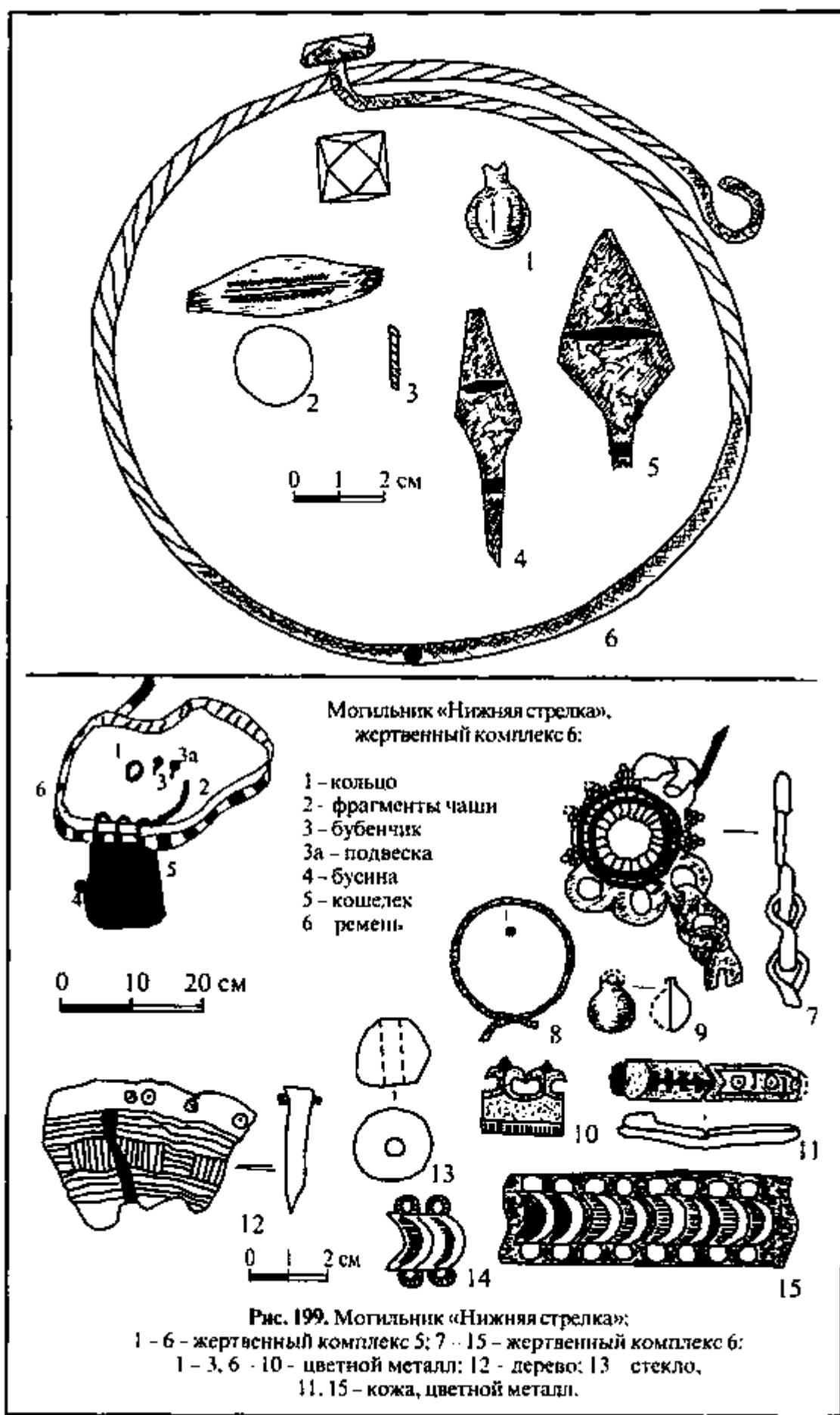
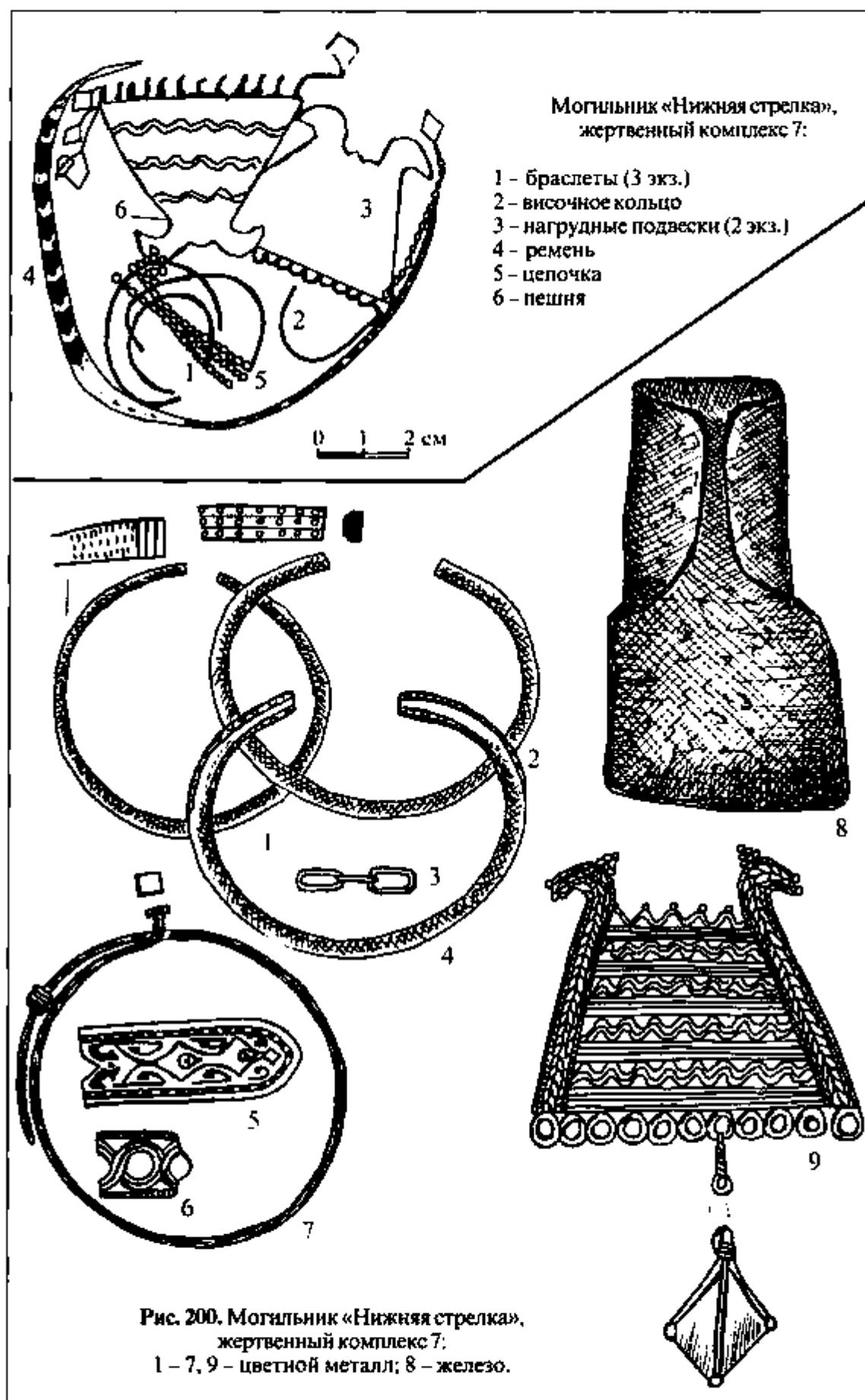
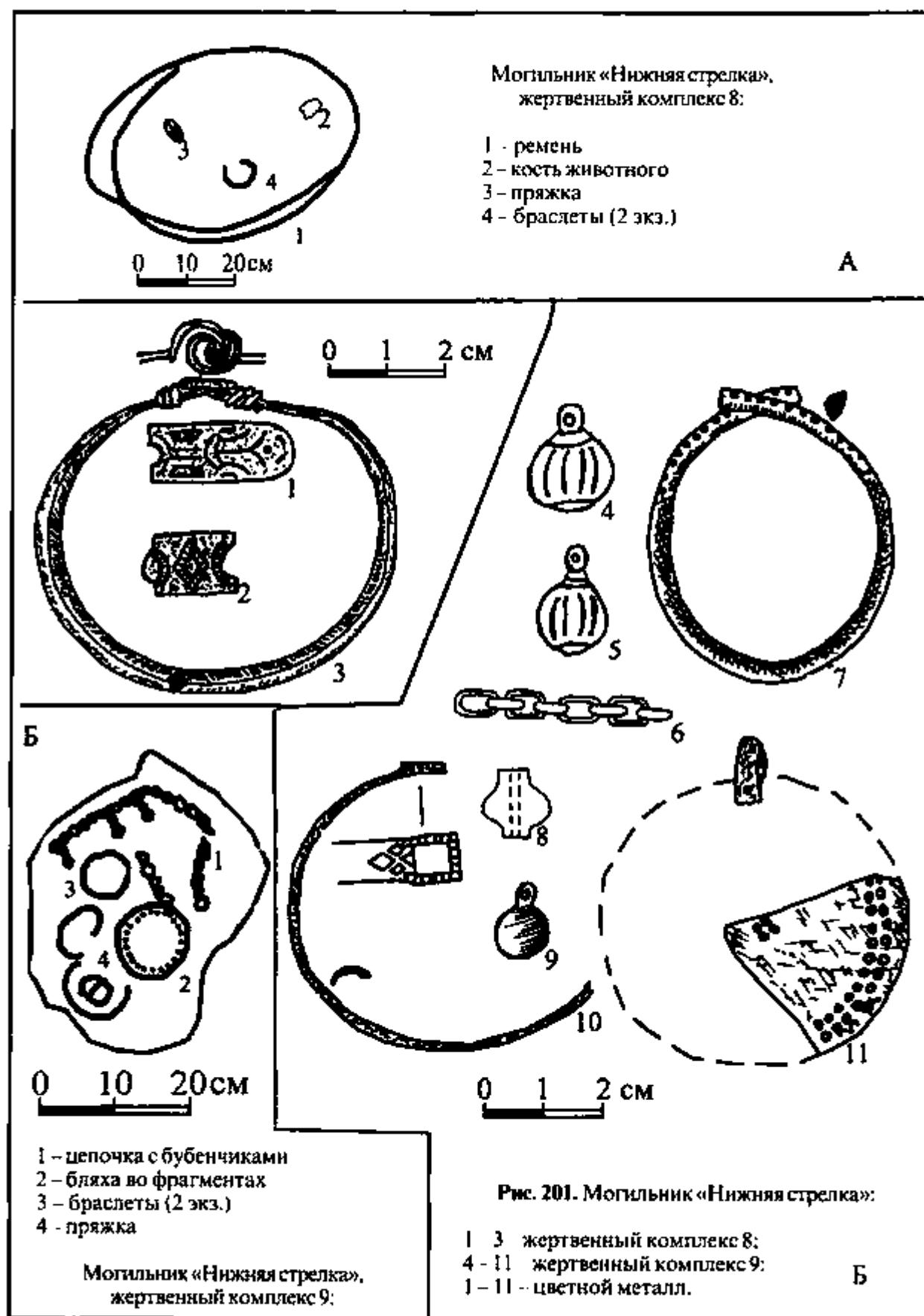
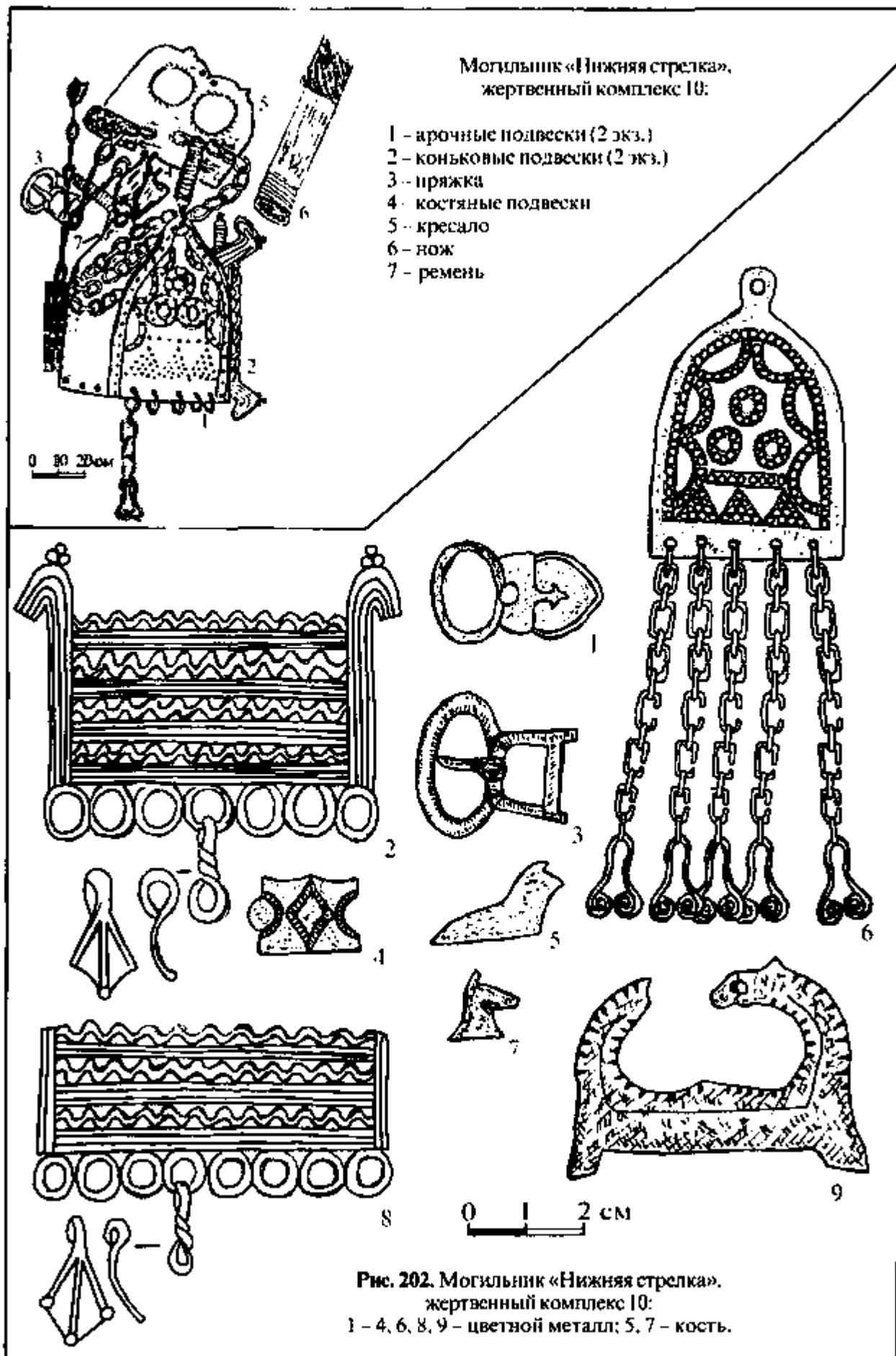
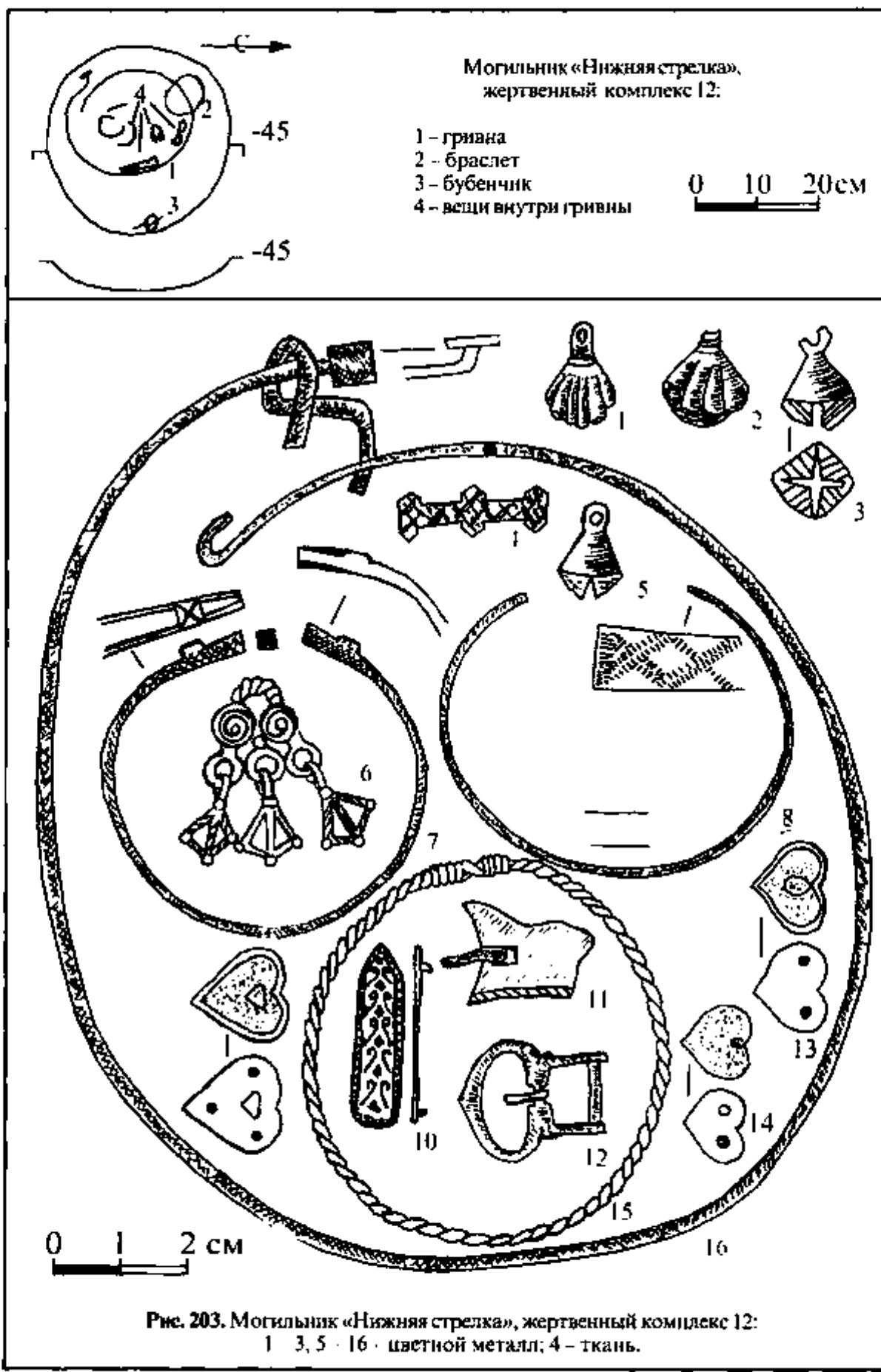

Рис. 199. Могильник «Нижняя стрелка»:
1 - 6 - жертвенный комплекс 5; 7 - 15 - жертвенный комплекс б:
1 - 3, 6 - 10 - цветной металл; 12 - дерево; 13 - стекло,
11, 15 - кожа, цветной металл.

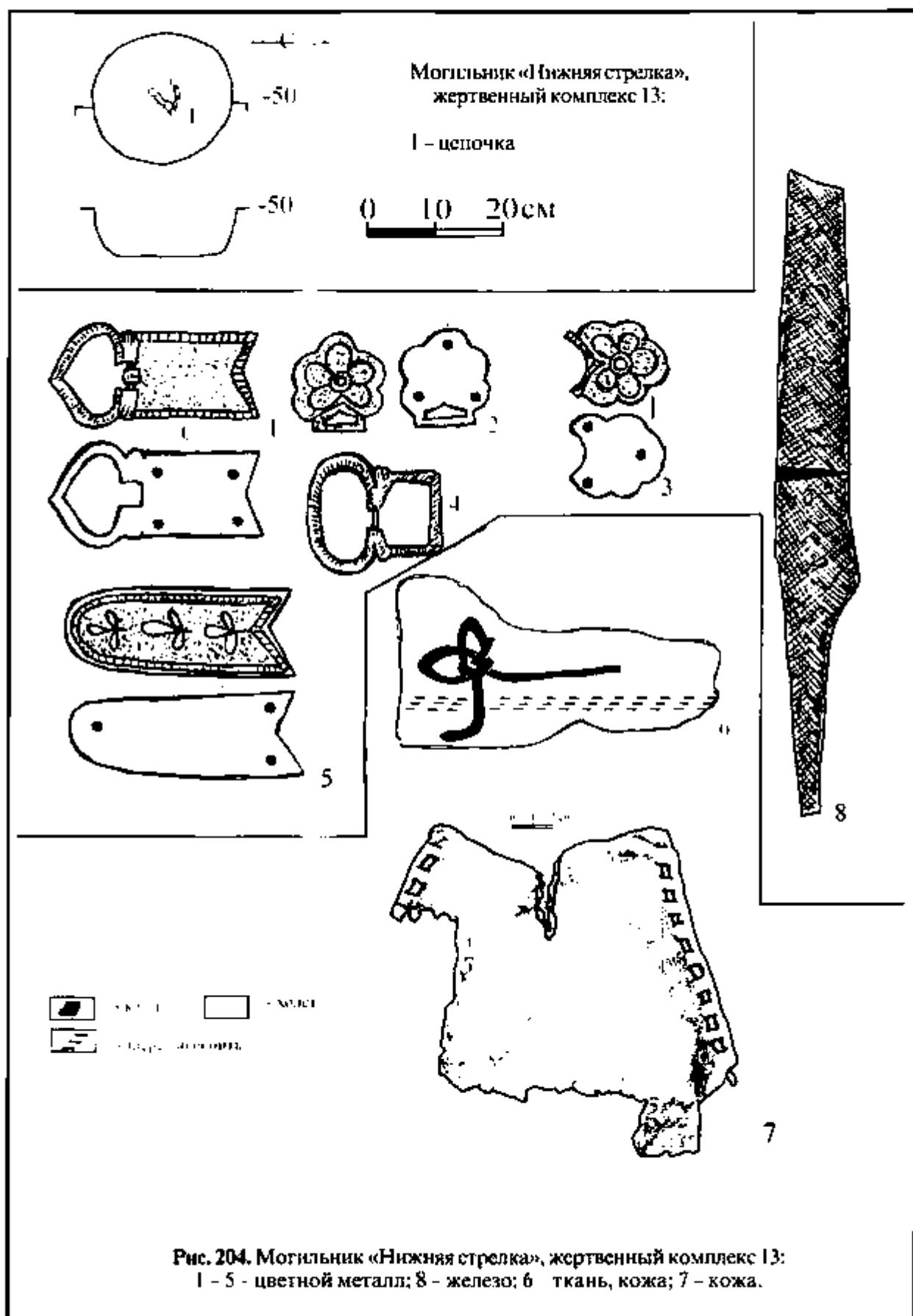

Рис. 204. Могильник «Нижняя стрелка», жертвенный комплекс 13:
1 - 5 - цветной металл; 8 - железо; 6 - ткань, кожа; 7 - кожа.

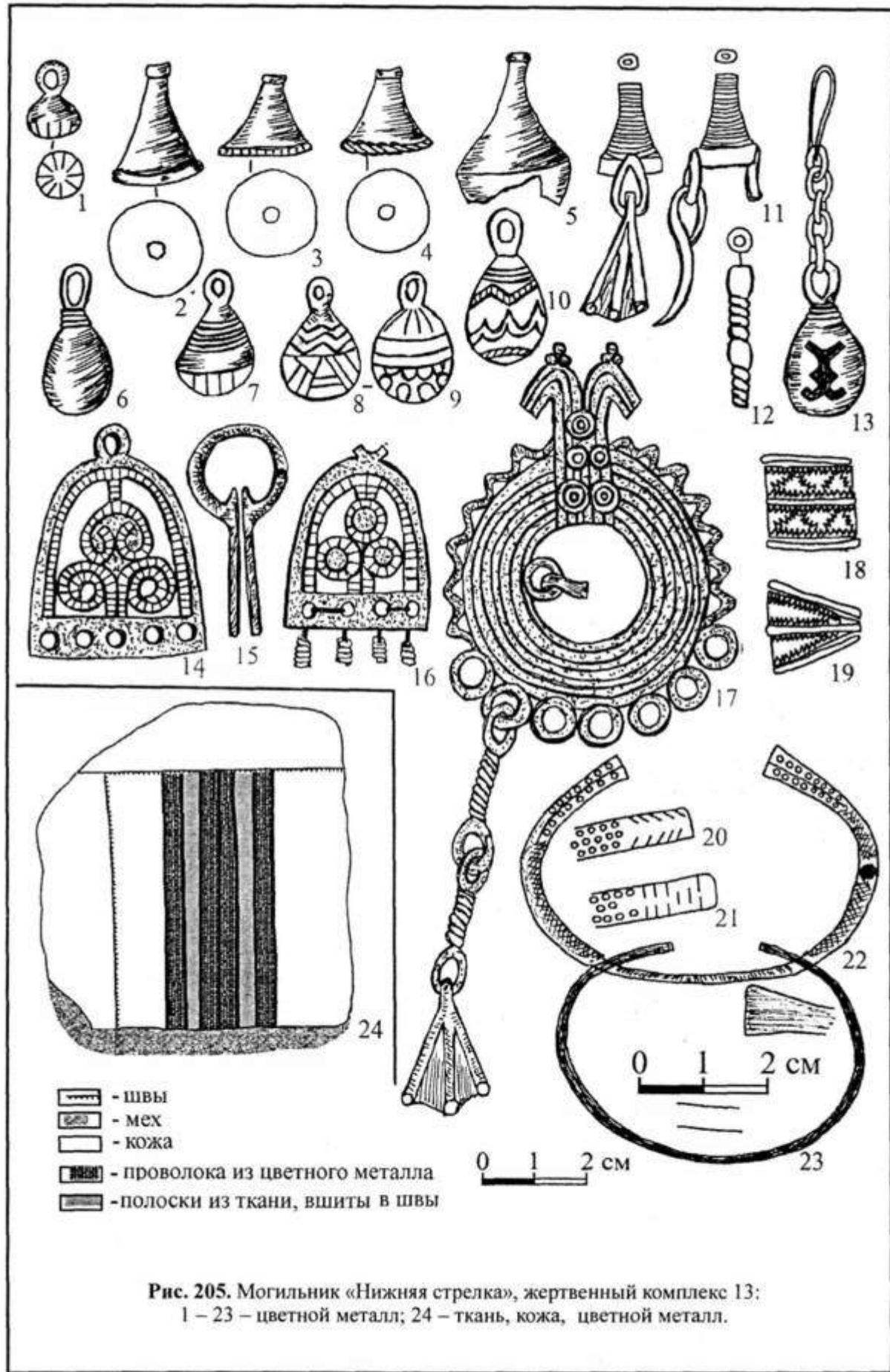

Рис. 205. Могильник «Нижняя стрелка», жертвенный комплекс 13:
1 – 23 – цветной металл; 24 – ткань, кожа, цветной металл.

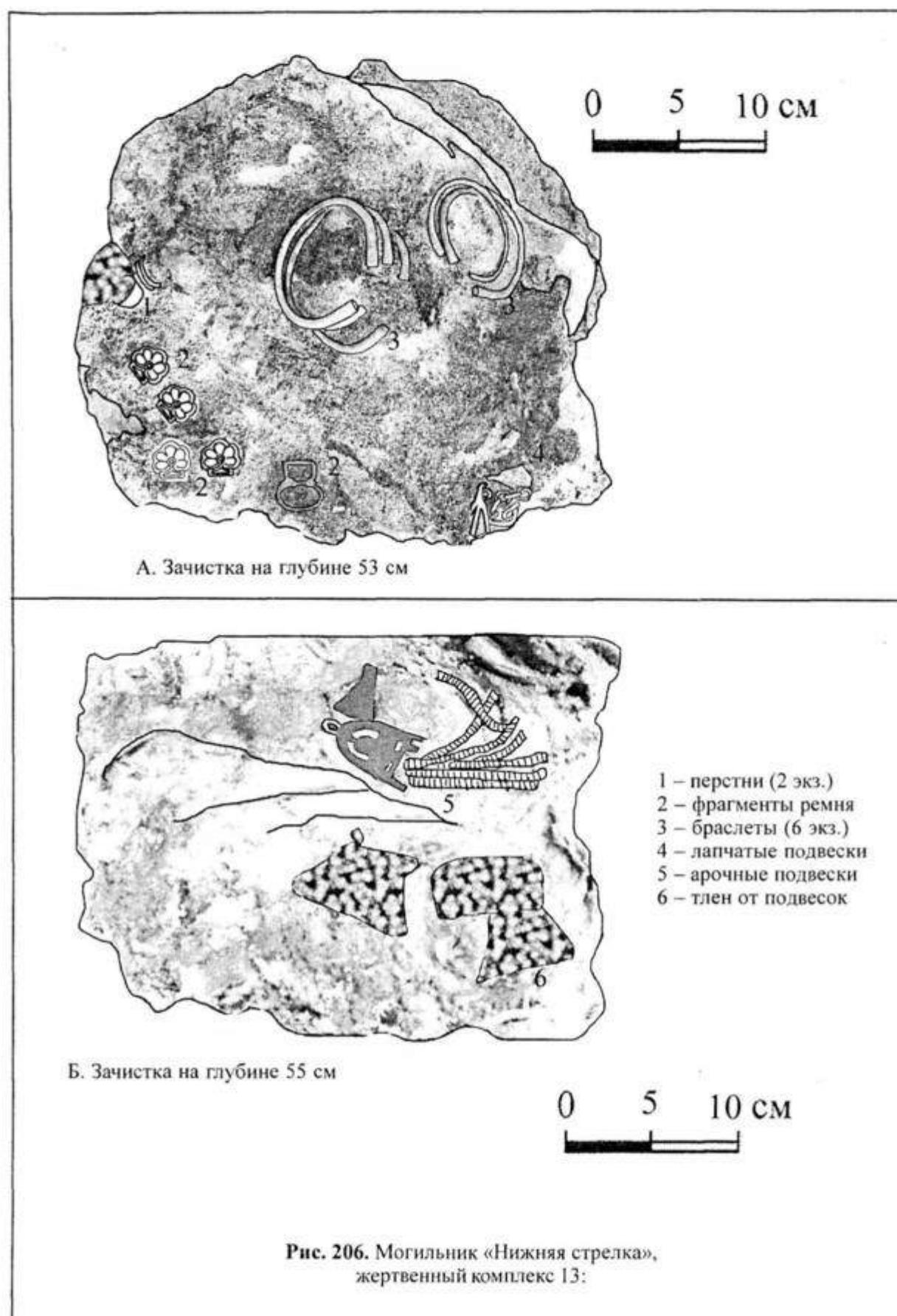

Рис. 206. Могильник «Нижняя стрелка»,
жертвенный комплекс 13:

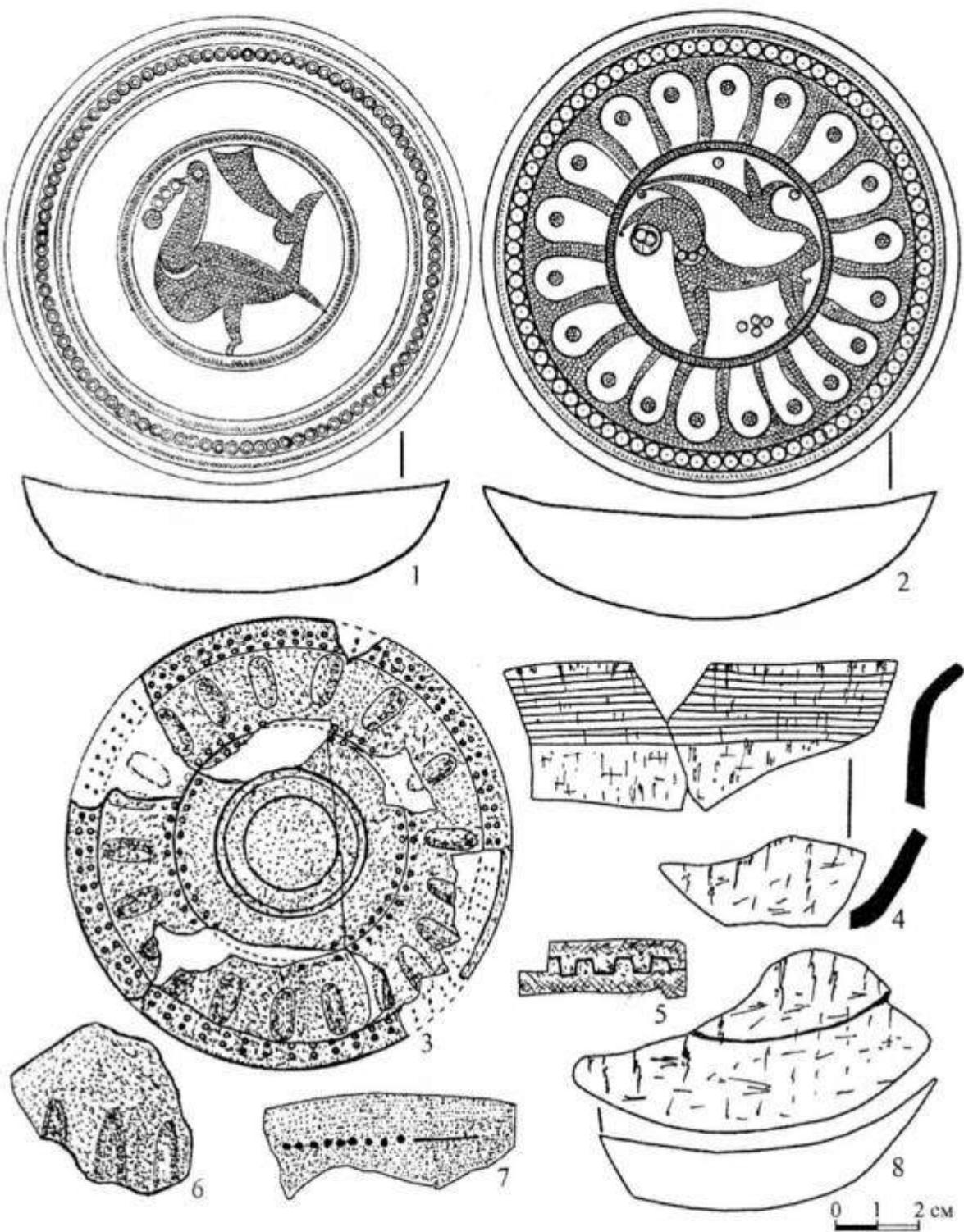
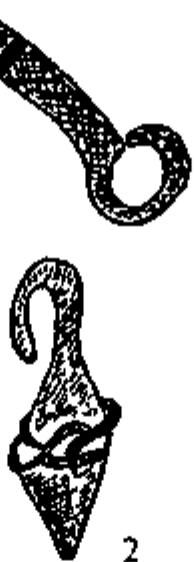
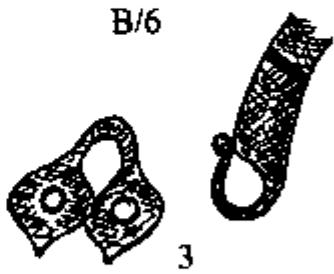
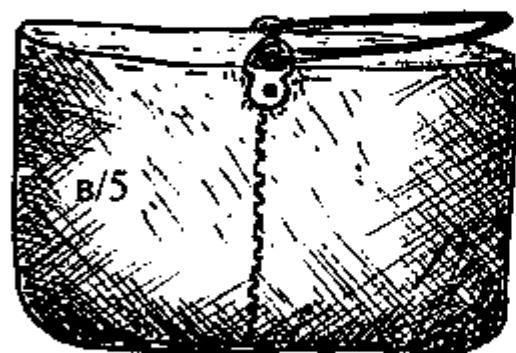

Рис. 207. Могильник «Нижняя стрелка», отдельные находки:
1 – 3, 5 – 7 – цветной металл; 4, 8 – дерево.

0 1 2 см

Рис. 208. Могильник «Нижняя стрелка», отдельные находки:
1, 2 – цветной металл, железо; 3, 4 – железо.

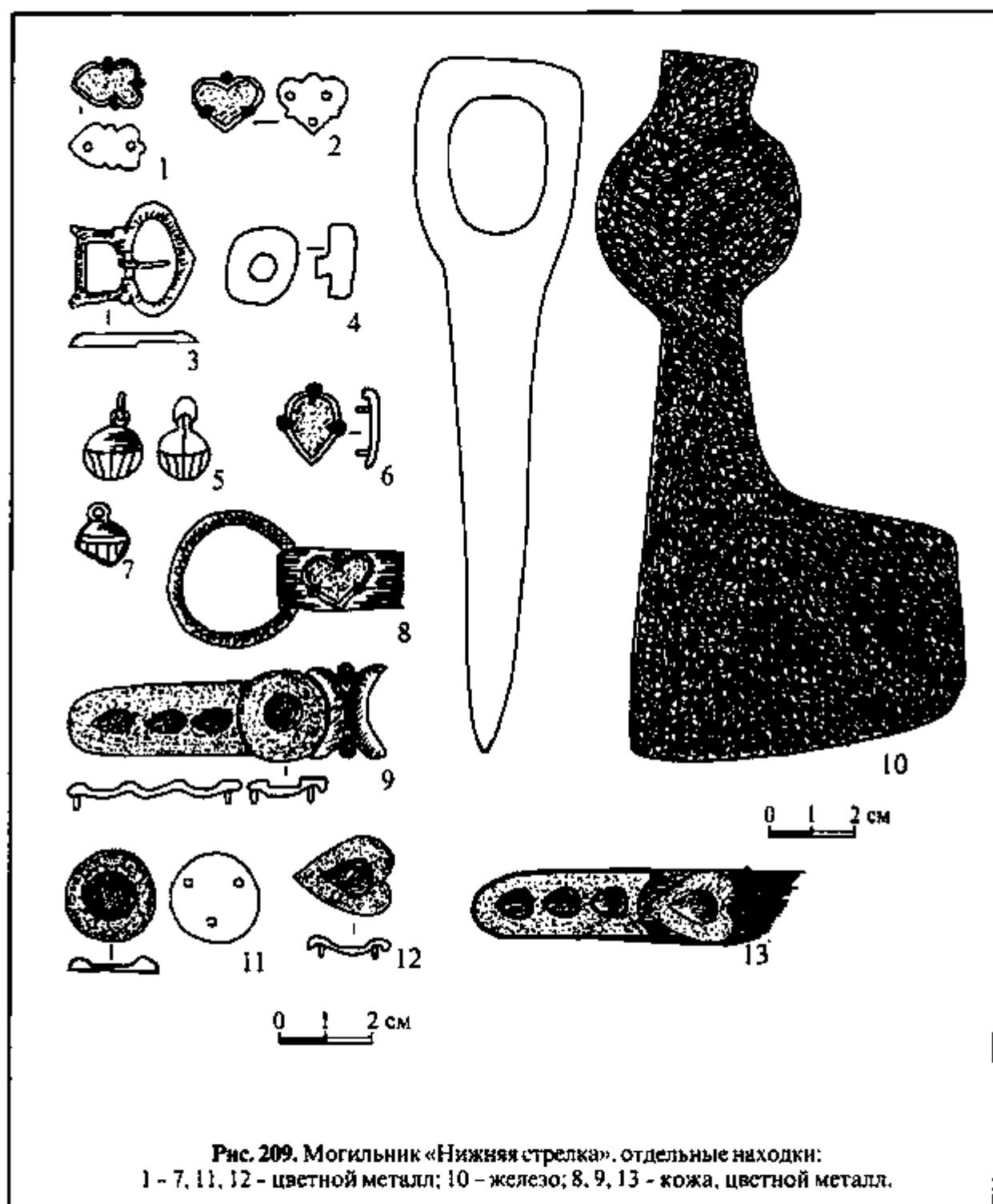

Рис. 209. Могильник «Нижняя стрелка». Отдельные находки:
1 - 7, 11, 12 - цветной металл; 10 - железо; 8, 9, 13 - кожа, цветной металл.

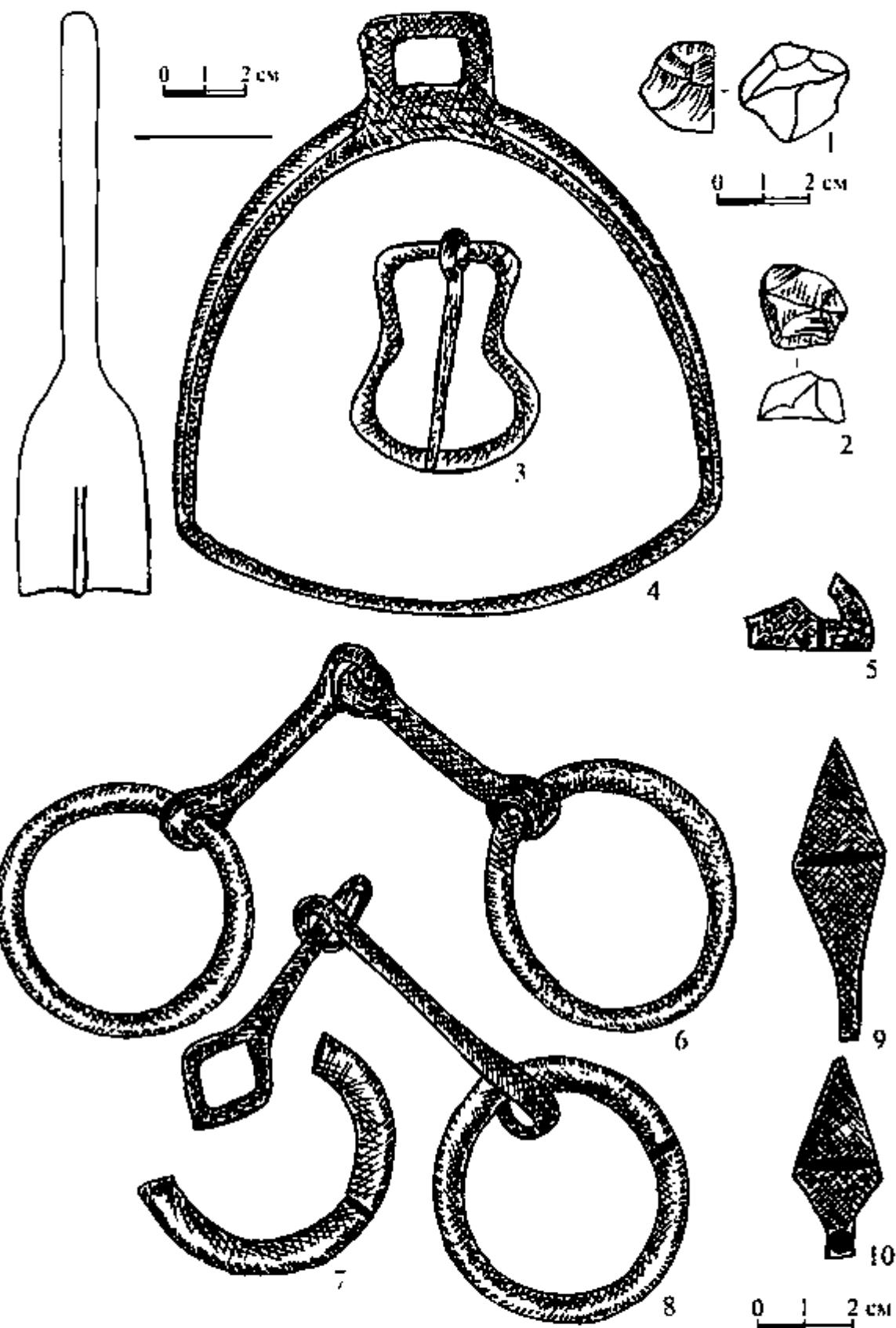

Рис. 210. Могильник «Нижняя стрелка», подъемный материал:
1, 2 - кремень; 3 - 10 - железо.

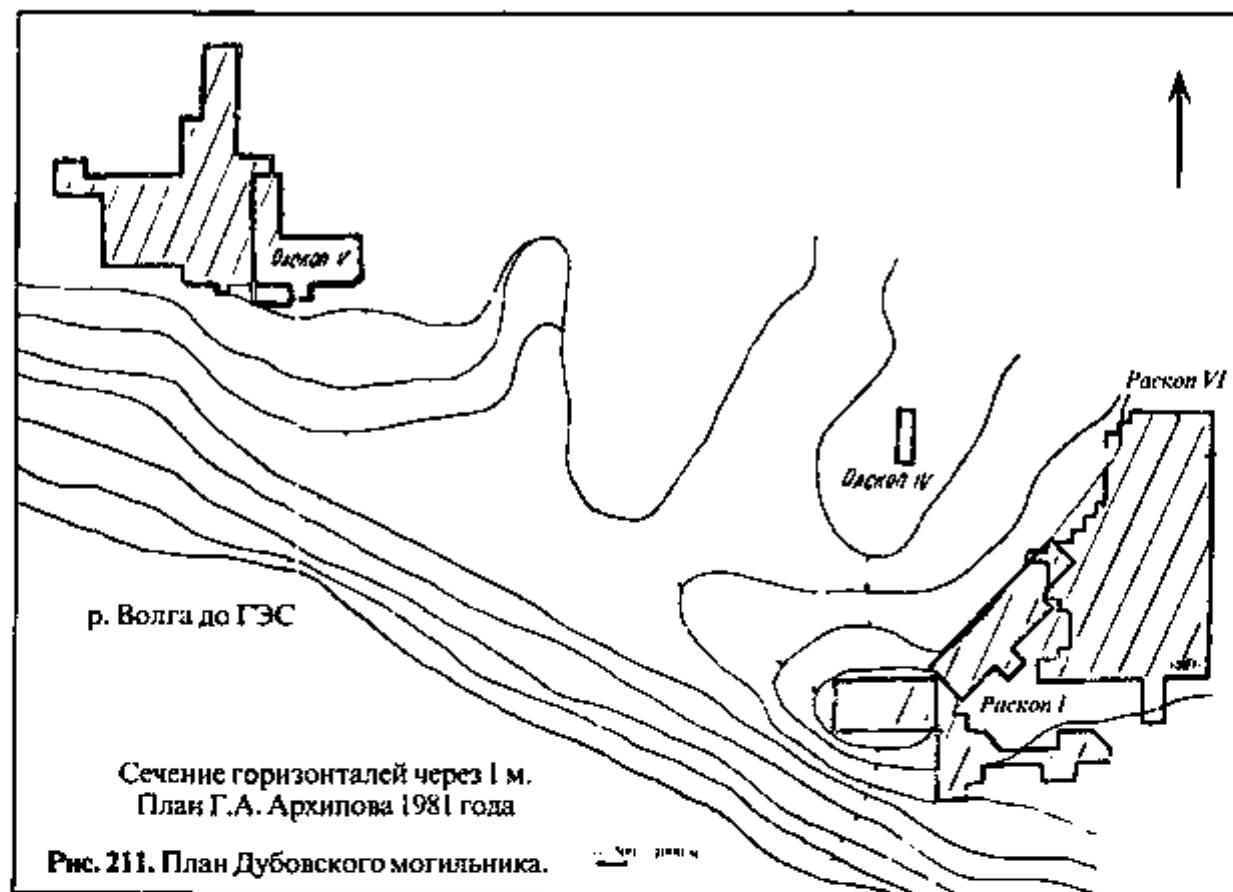

Рис. 211. План Дубовского могильника.

Рис. 211а. План раскопов 2 и 5.

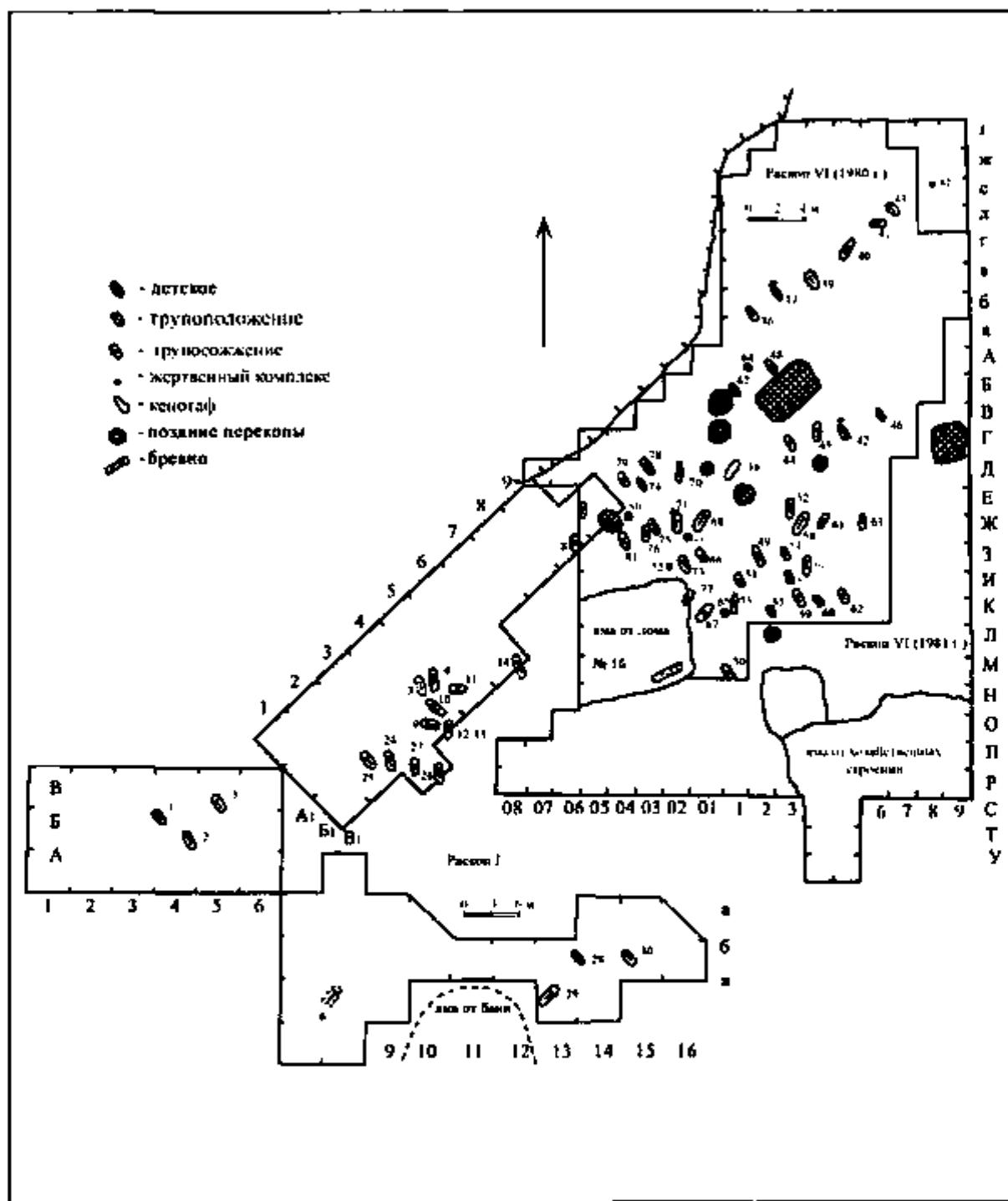
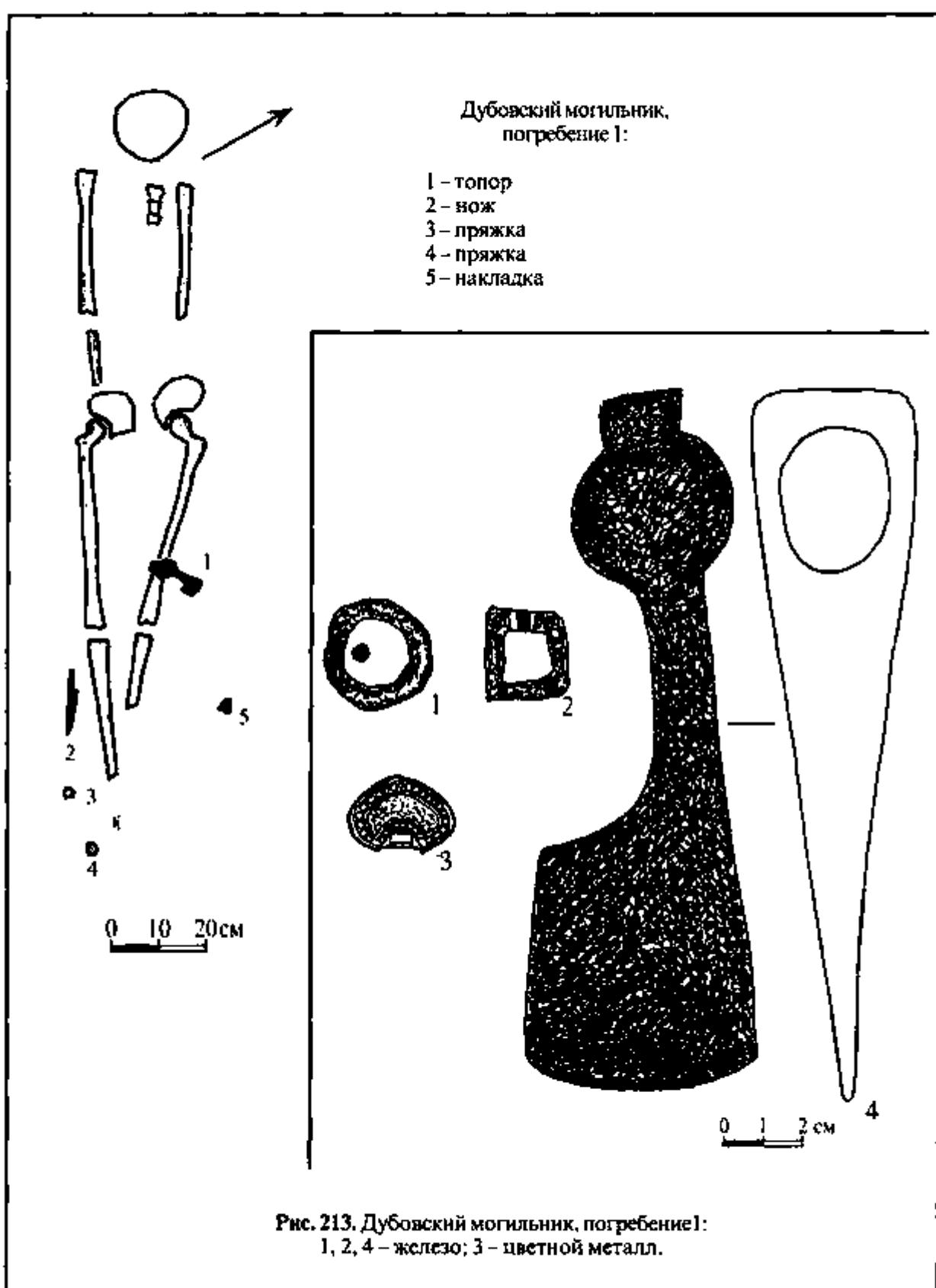
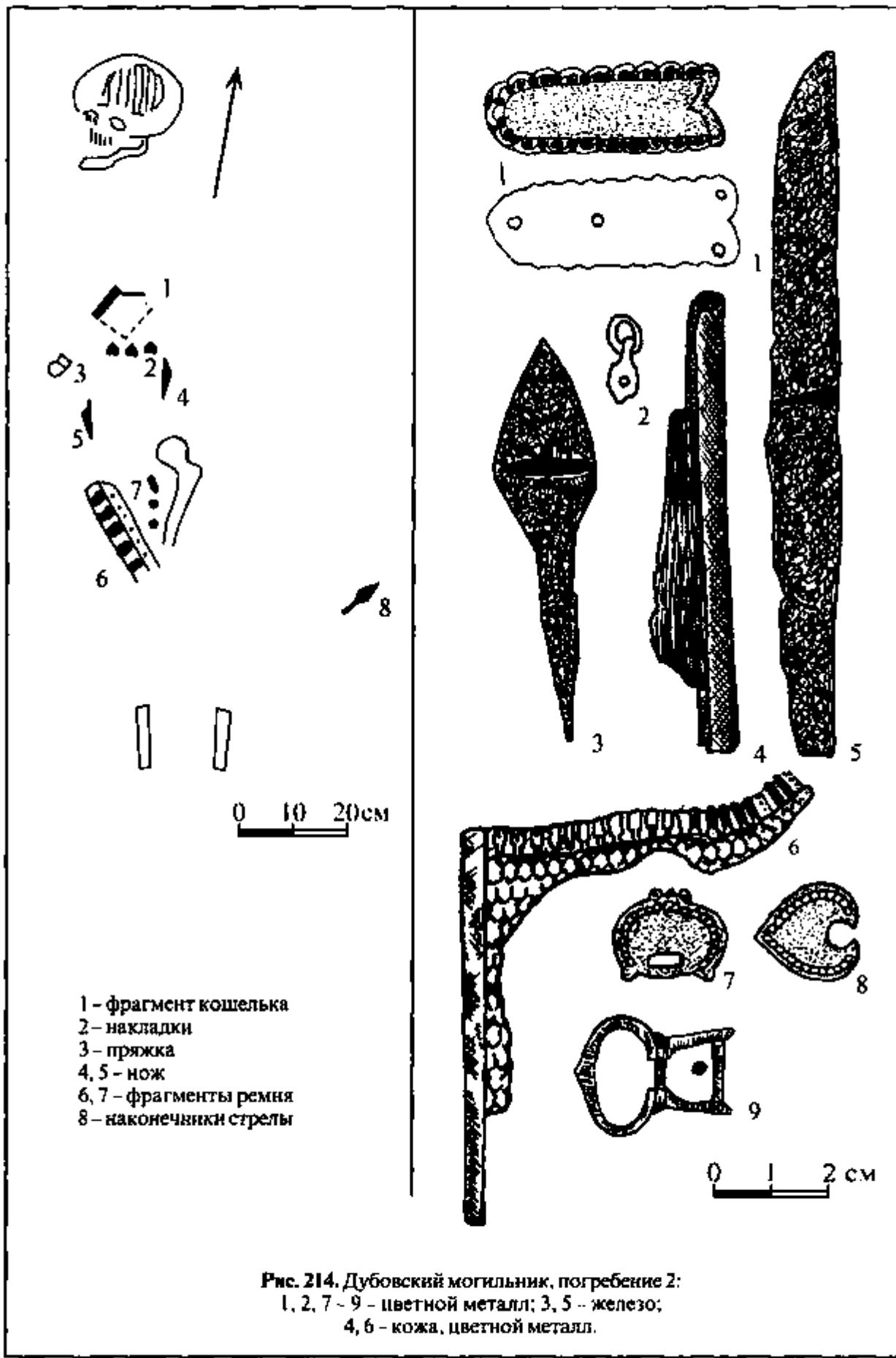
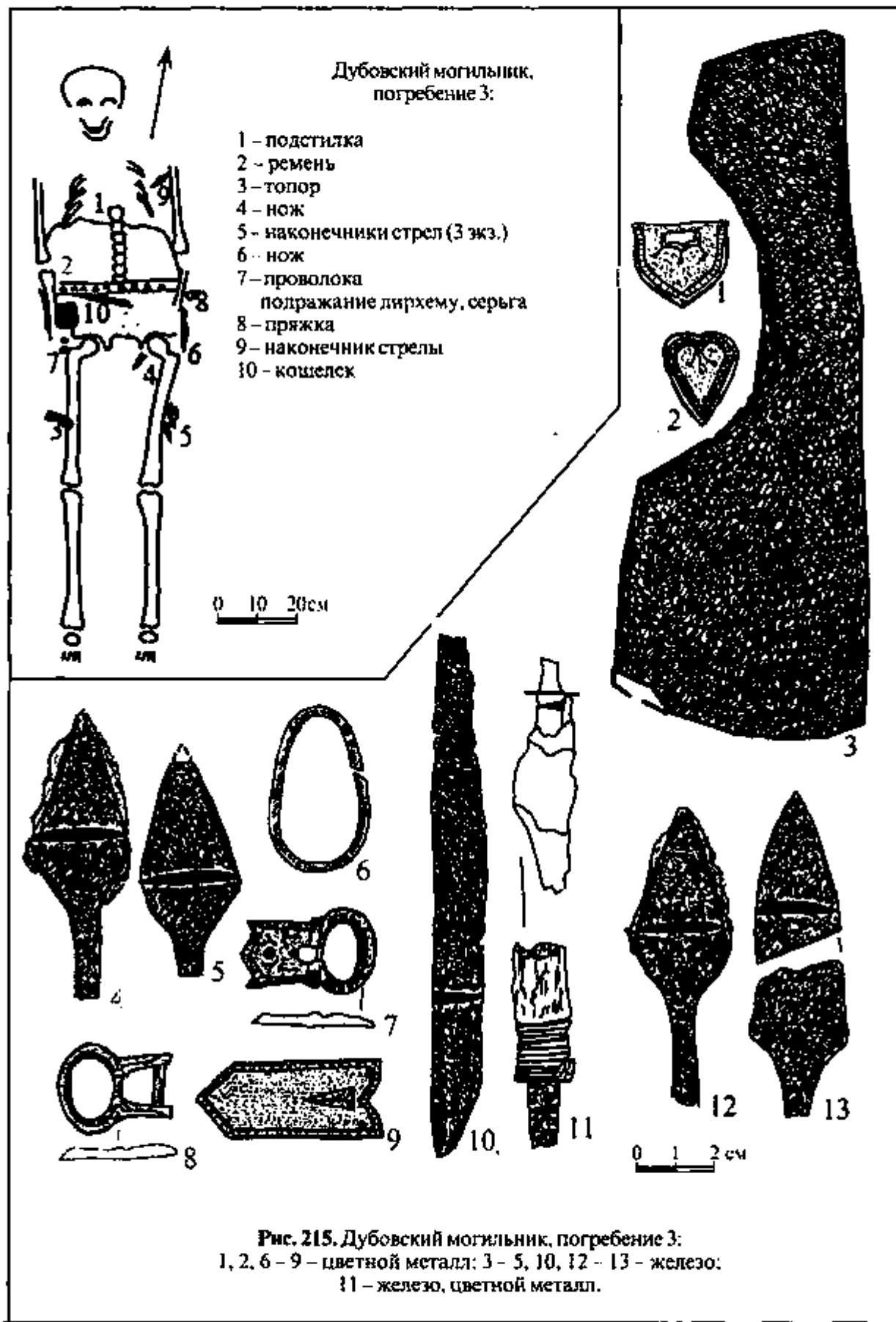
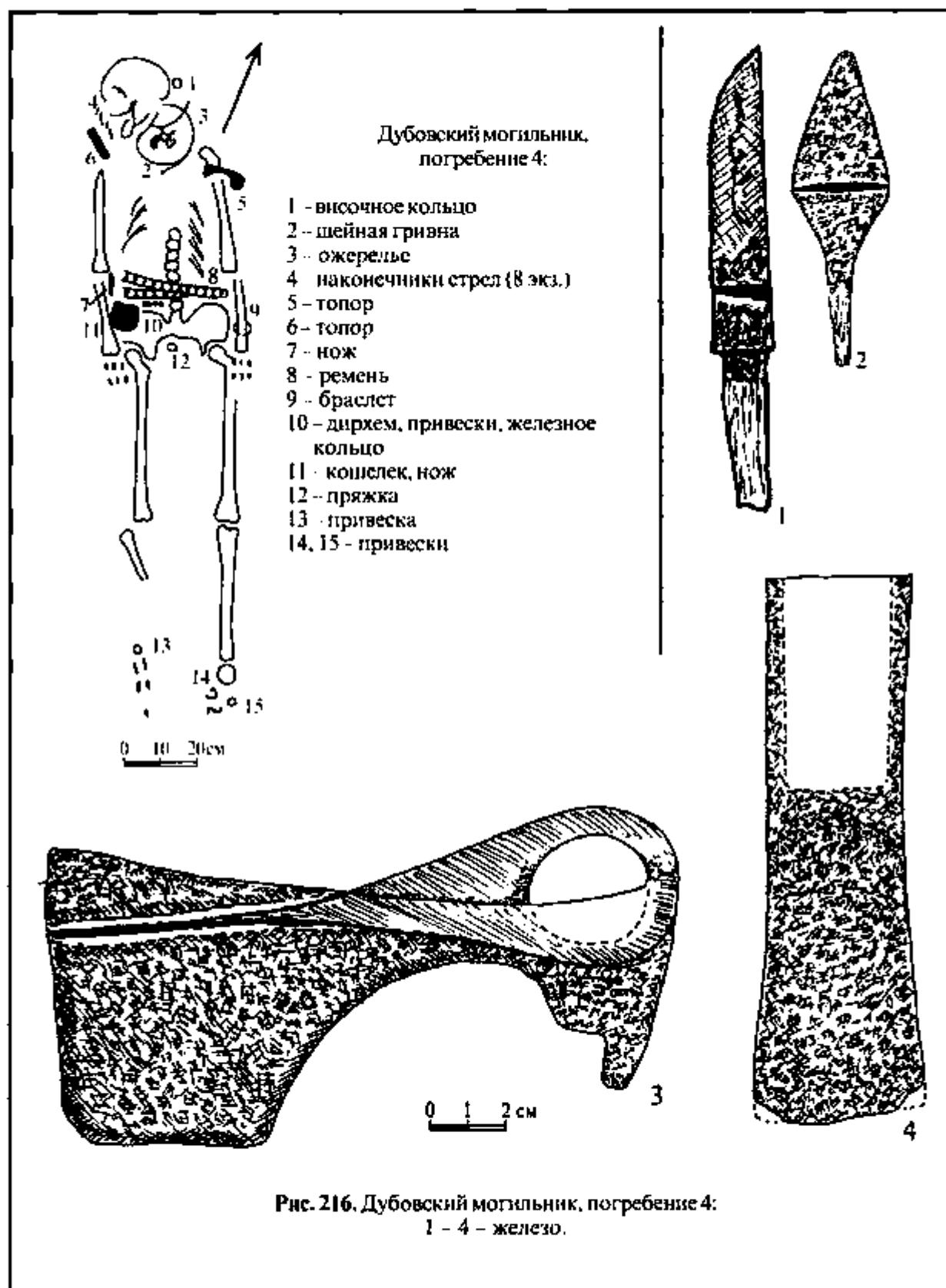

Рис. 212. Планы раскопов № I, III, IV, VI Дубовского могильника.

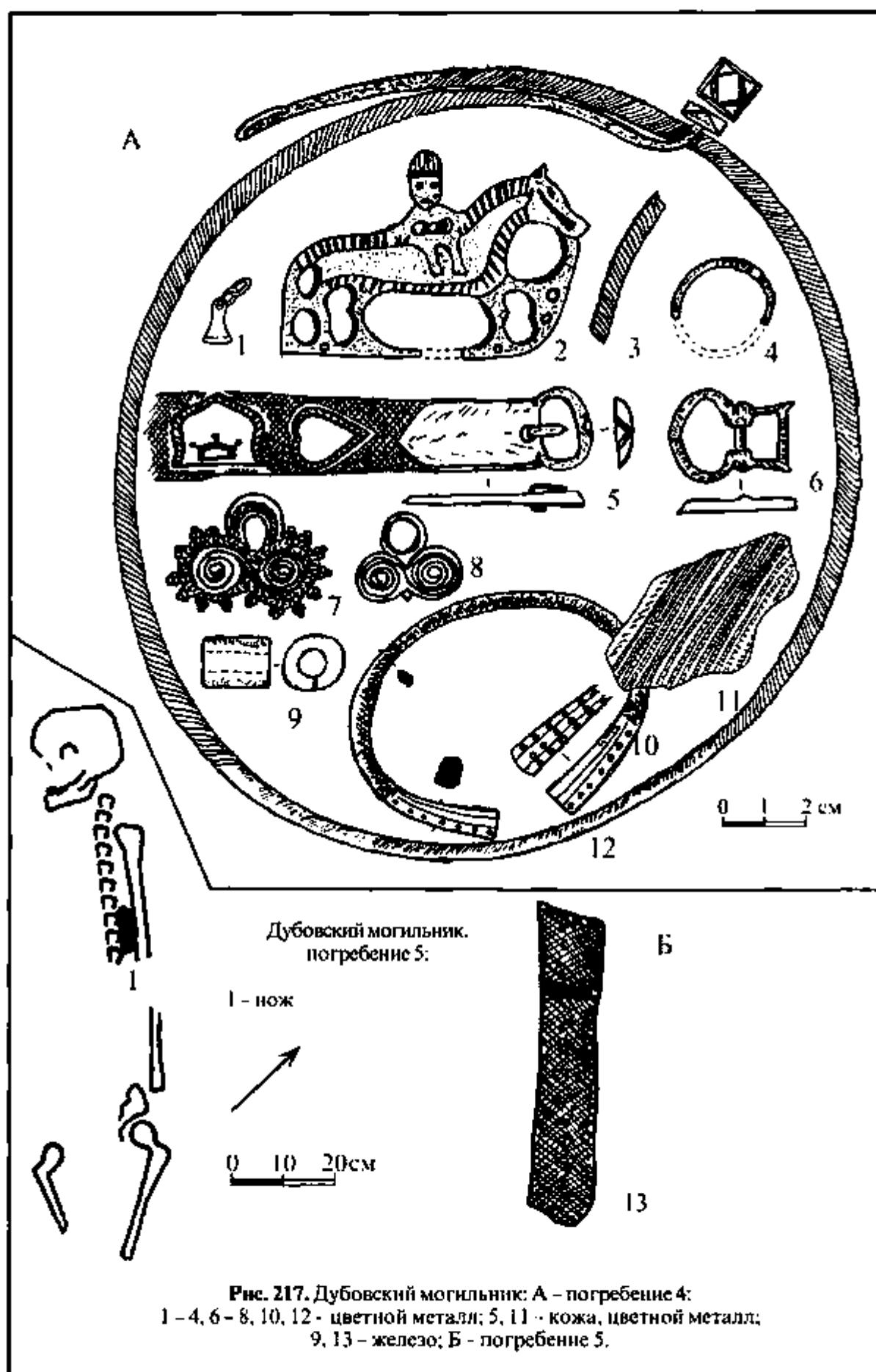

Рис. 217. Дубовский могильник: А - погребение 4:
1 - 4, 6 - 8, 10, 12 - цветной металл; 5, 11 - кожа, цветной металл;
9, 13 - железо; Б - погребение 5.

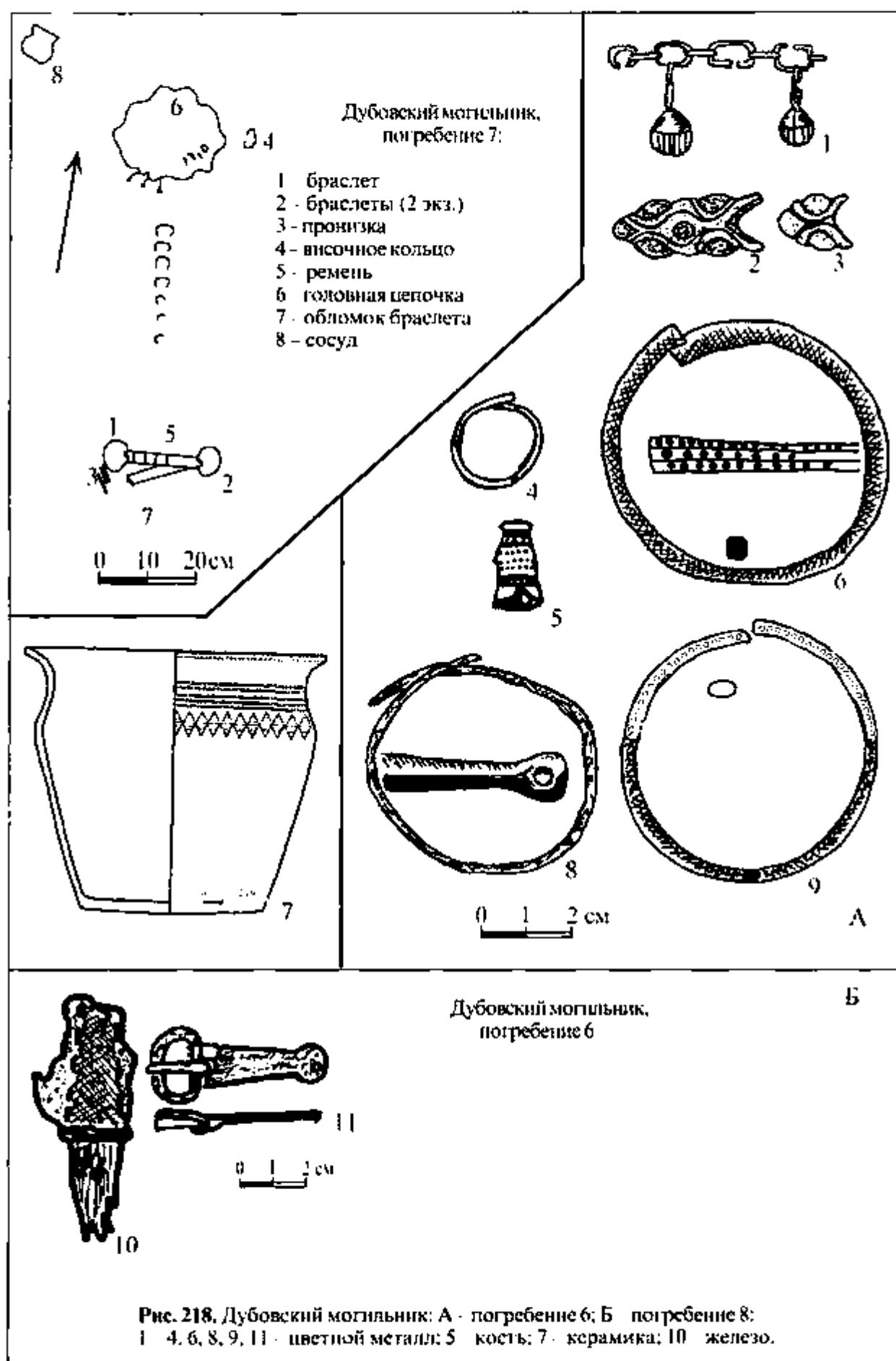

Рис. 218. Дубовский могильник: А - погребение 6; Б - погребение 8;
1 - 4, 6, 8, 9, 11 - цветной металл; 5 - кость; 7 - керамика; 10 - железо.

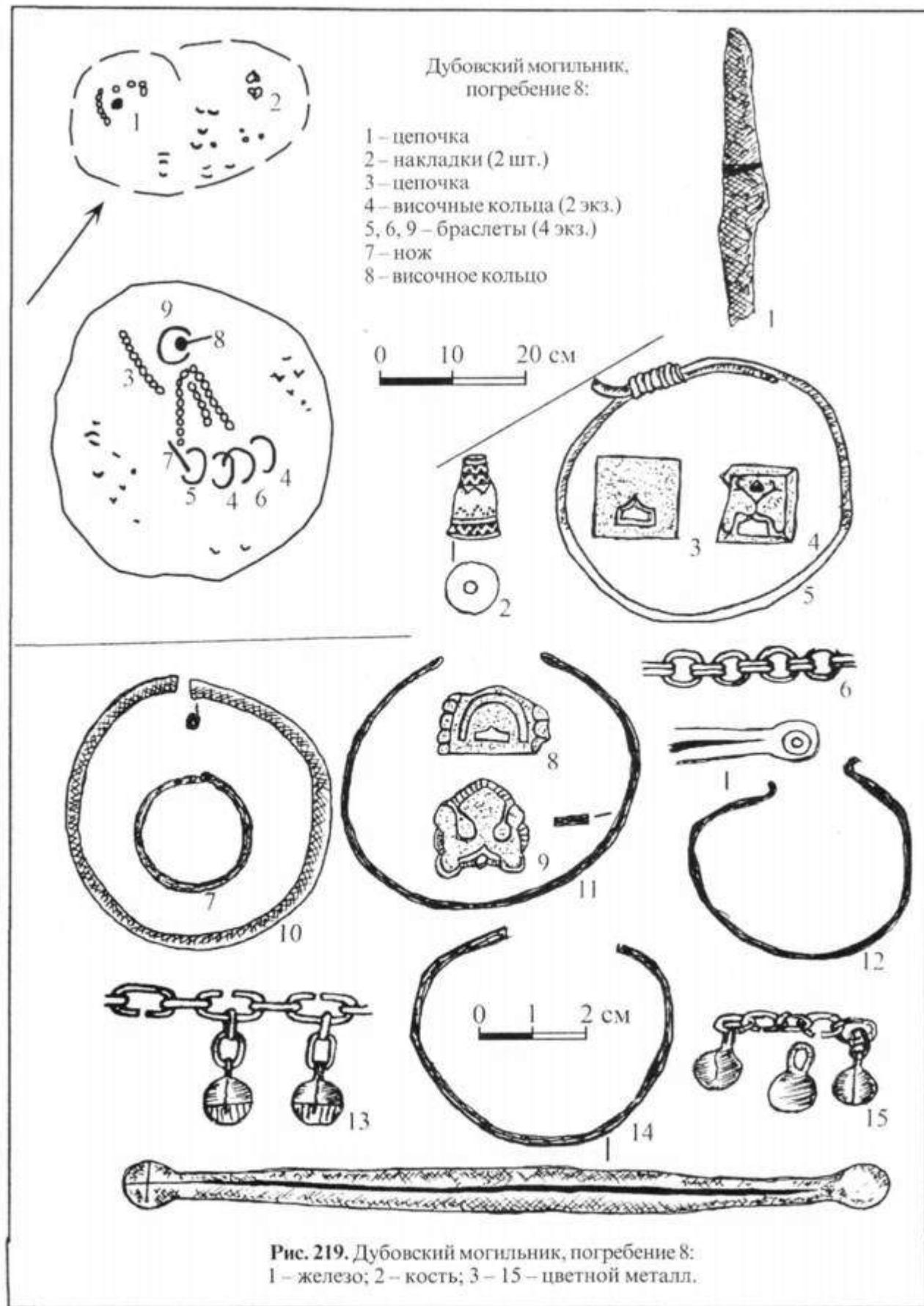
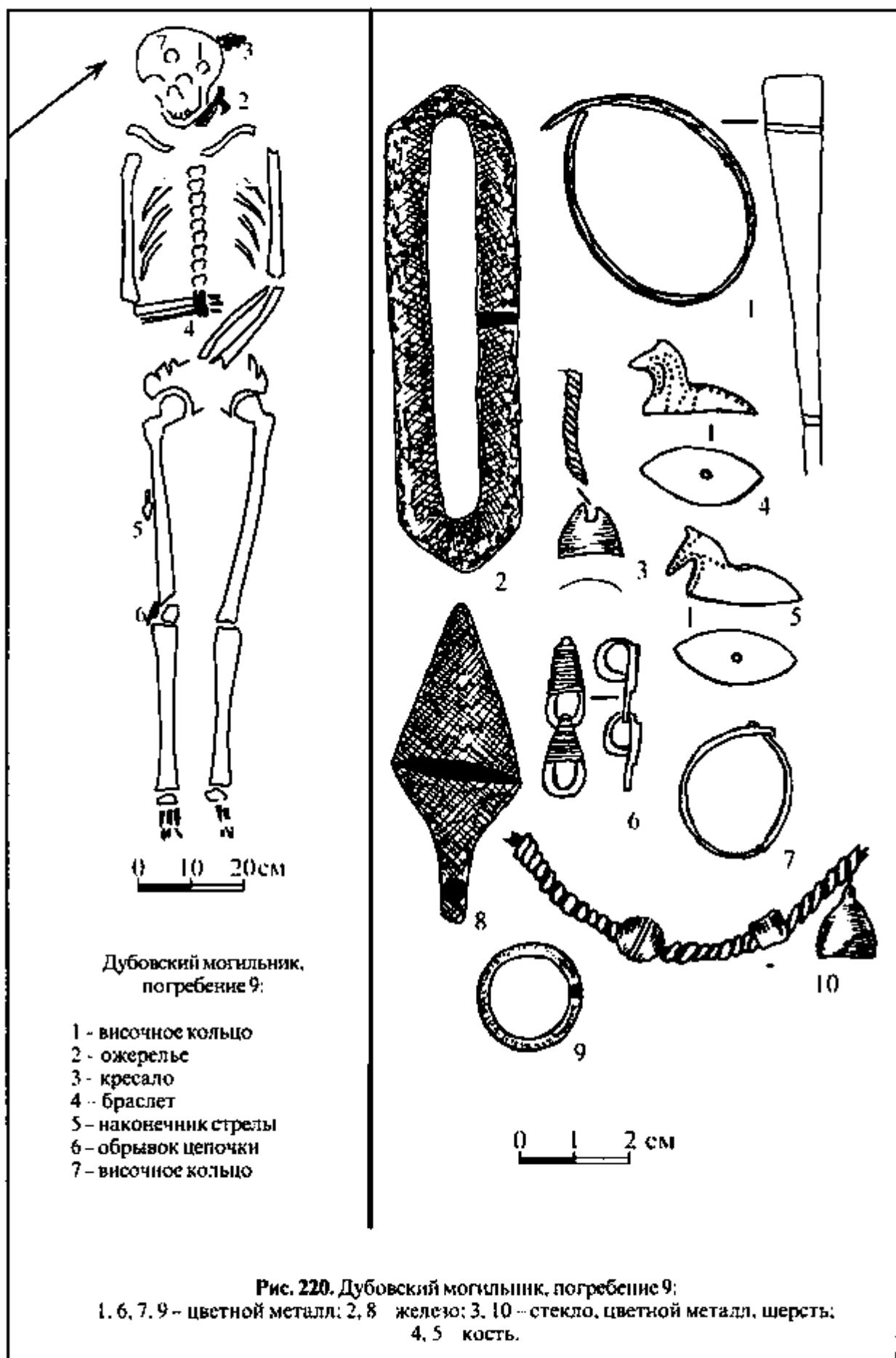
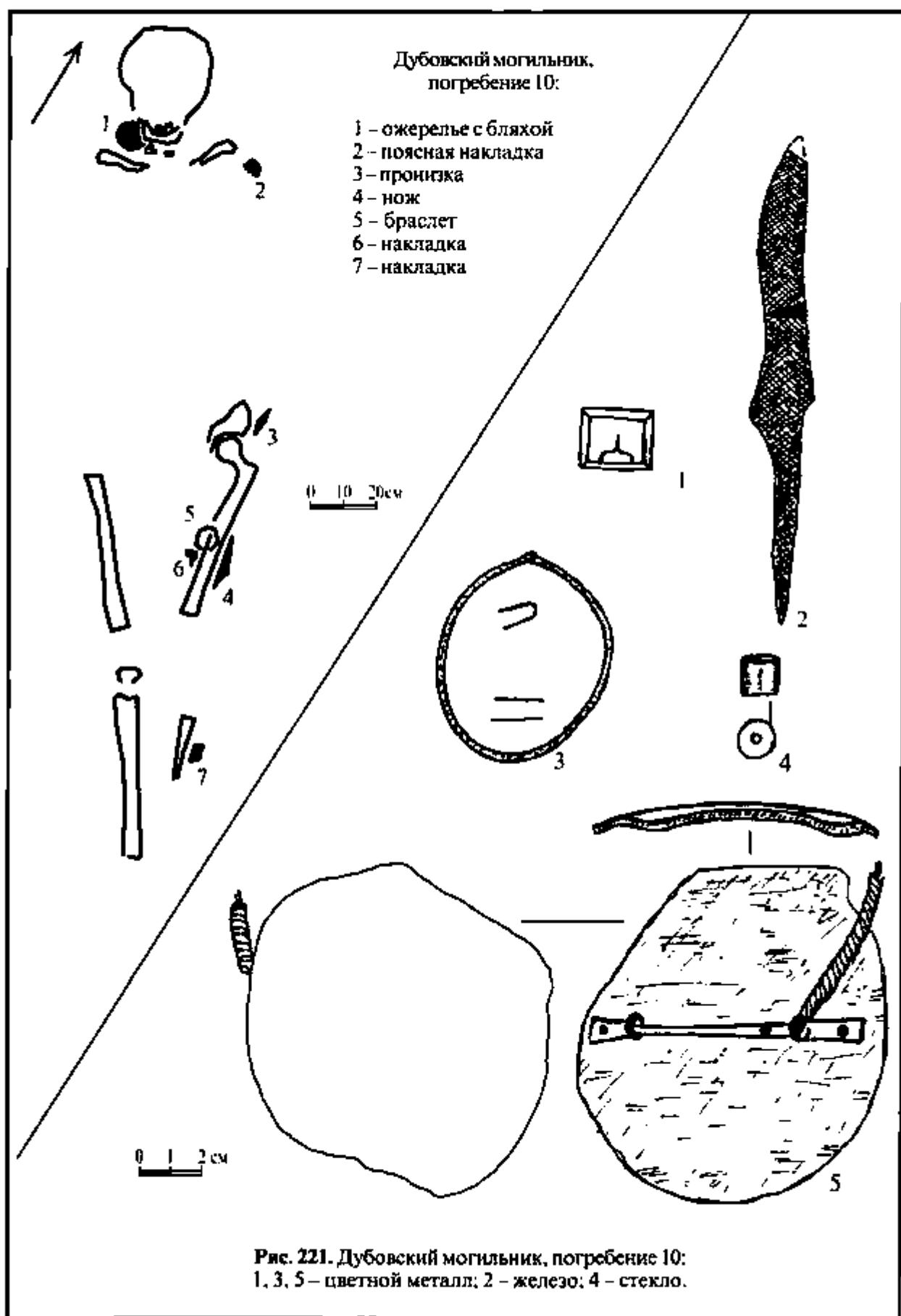
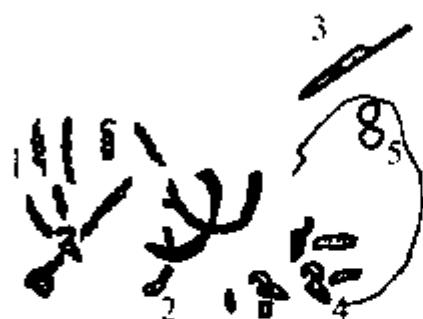

Рис. 219. Дубовский могильник, погребение 8:
 1 – железо; 2 – кость; 3 – 15 – цветной металл.

Дубовский могильник,
погребение 11:

- 1,4 - украшение из пронизок
- 2 - браслеты (3 экз.)
- 3 - нож
- 5 - перстень

0 10 20 см

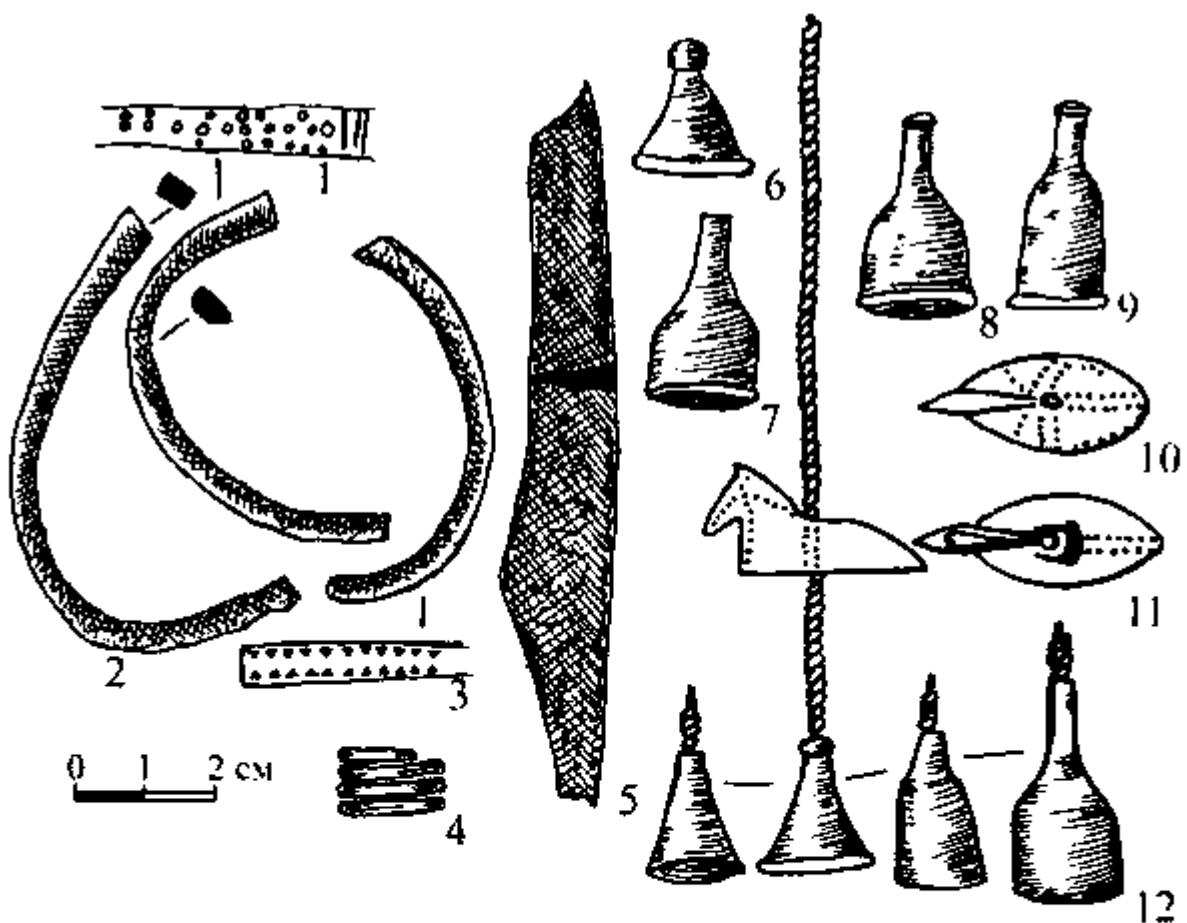
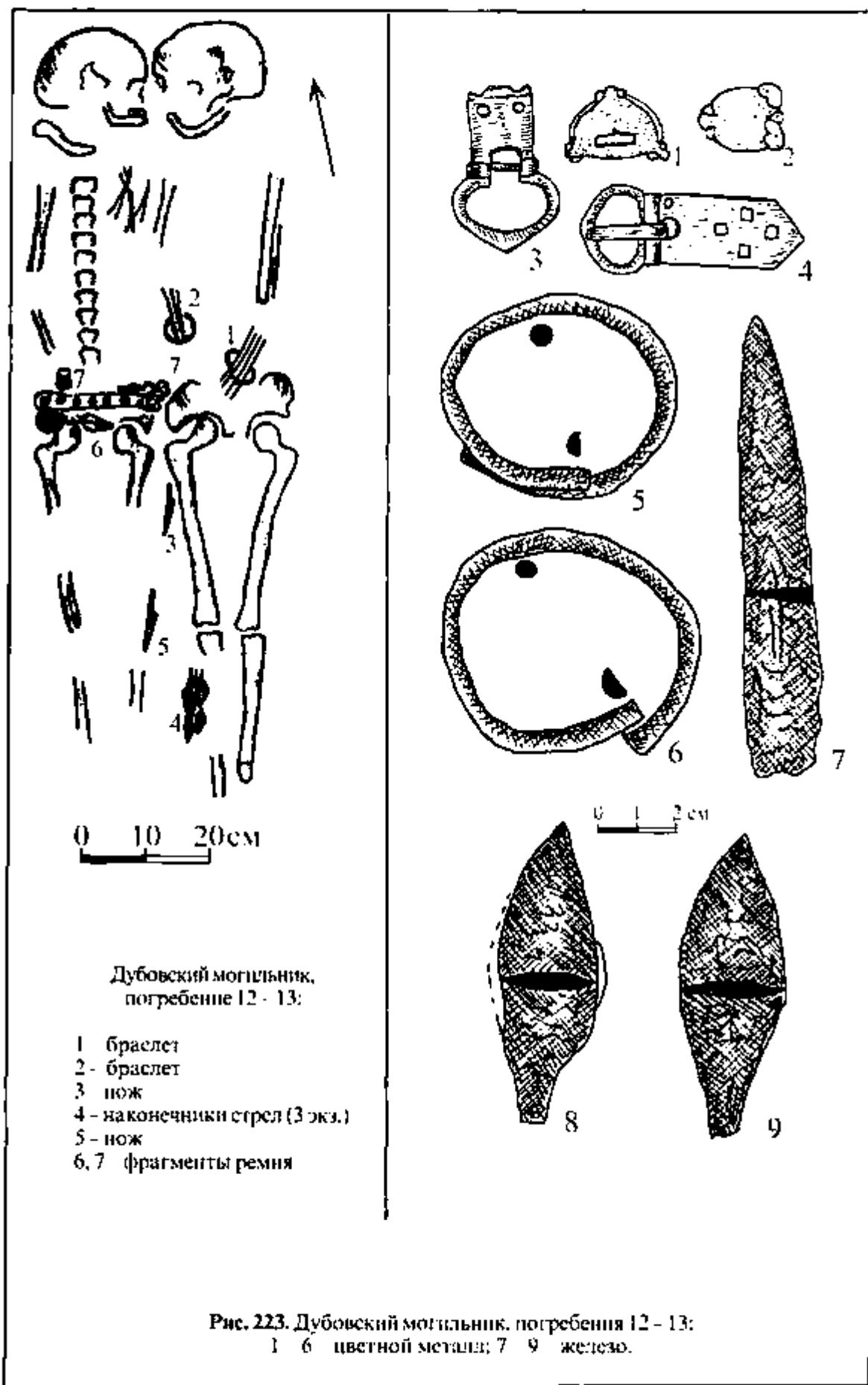
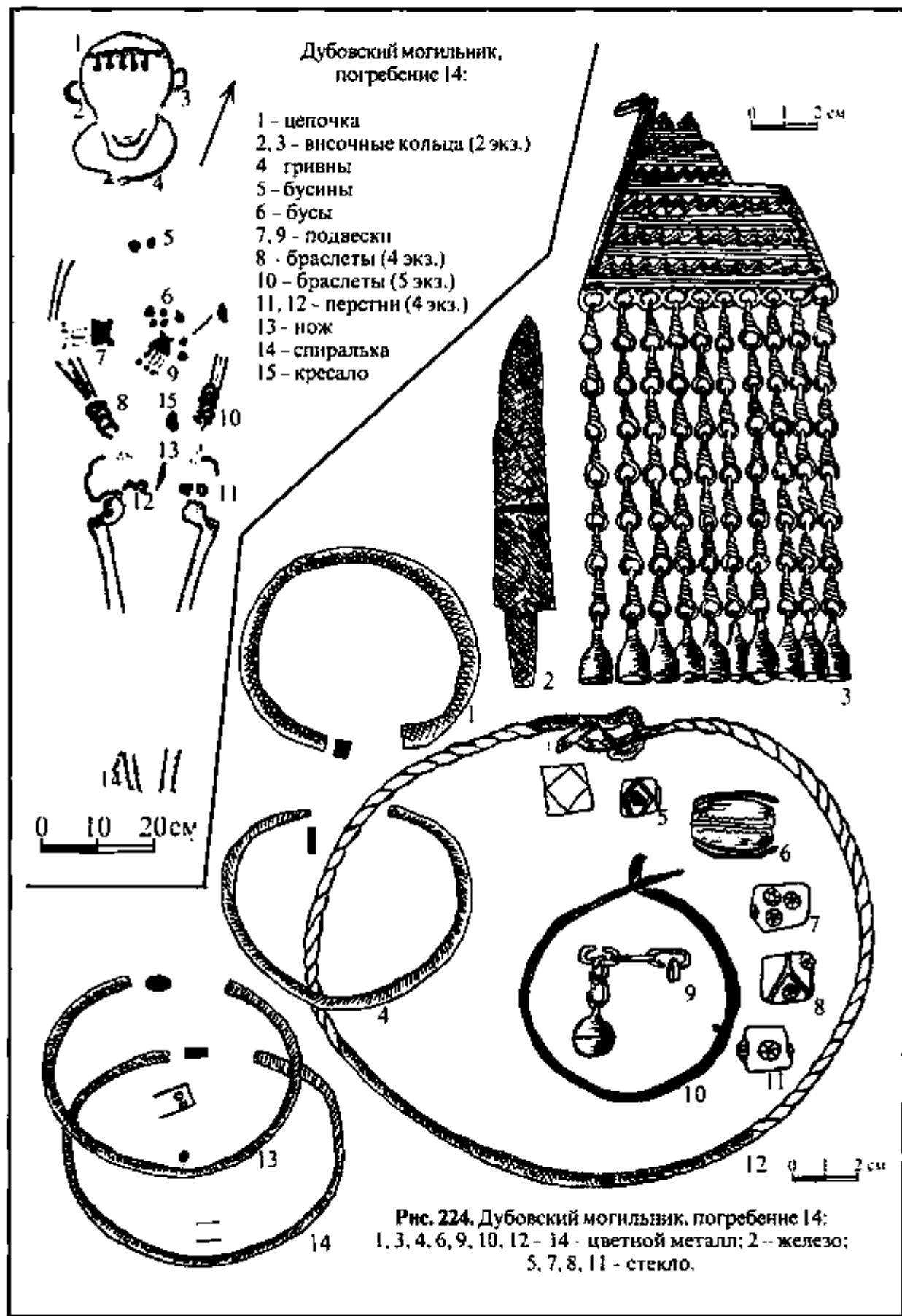

Рис. 222. Дубовский могильник, погребение 11:
1 - 4, 6 - 9 - цветной металл; 5 - железо; 10, 11 - кость;
12 - цветной металл, шерсть, кость.

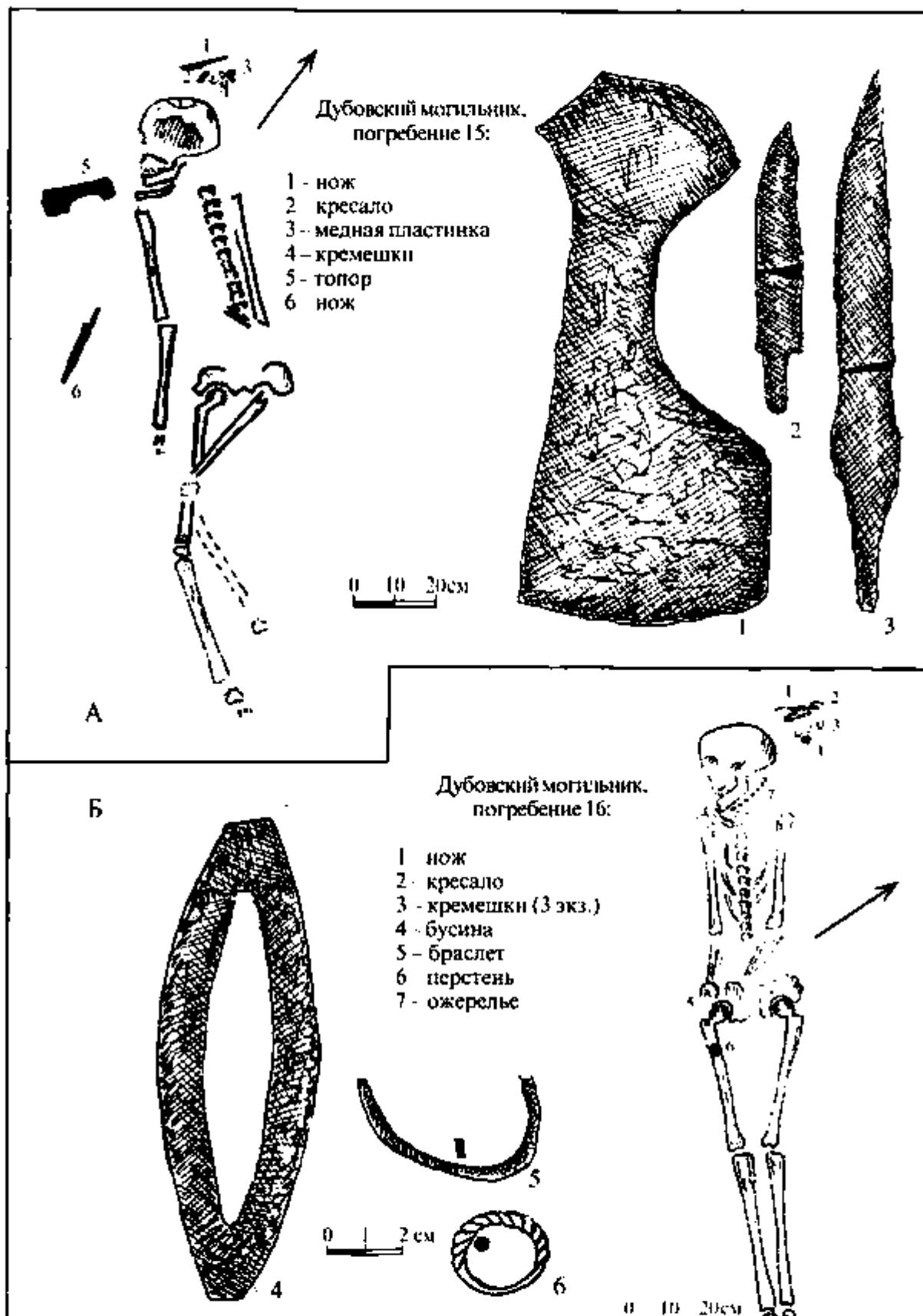
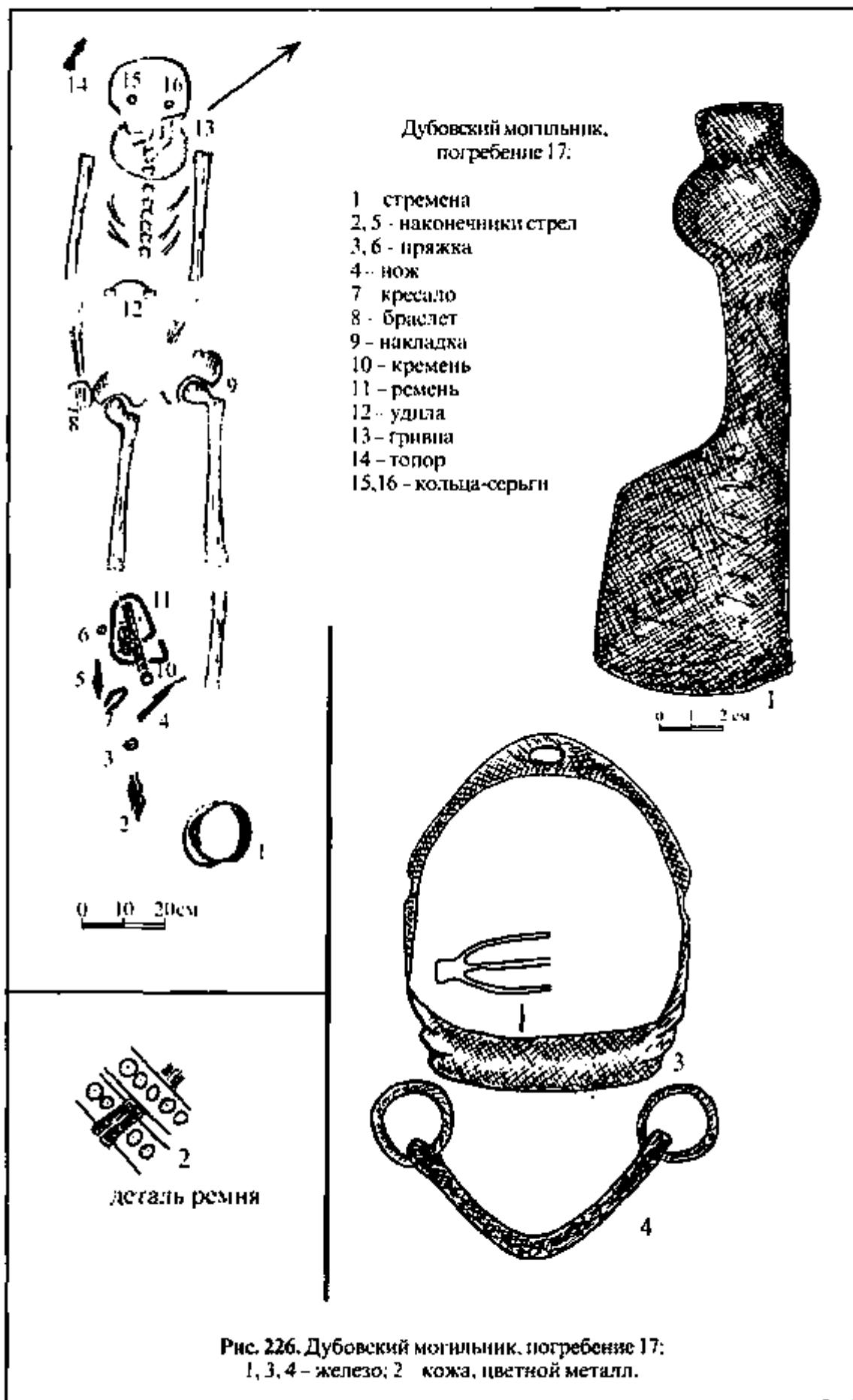

Рис. 225. Дубовский могильник: А - погребение 15; Б - погребение 16:
1 - 5 - железо; 6 - цветной металл.

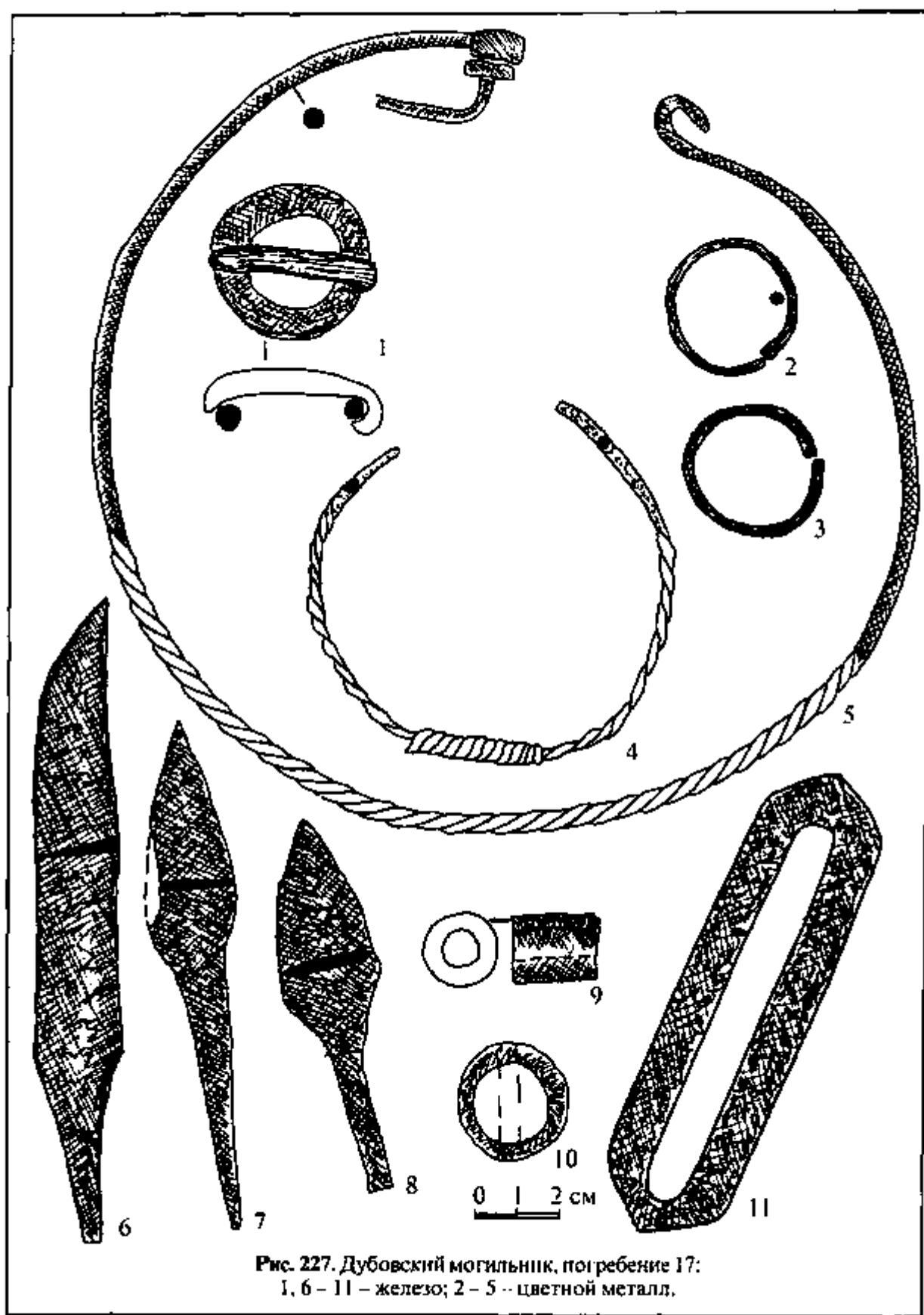
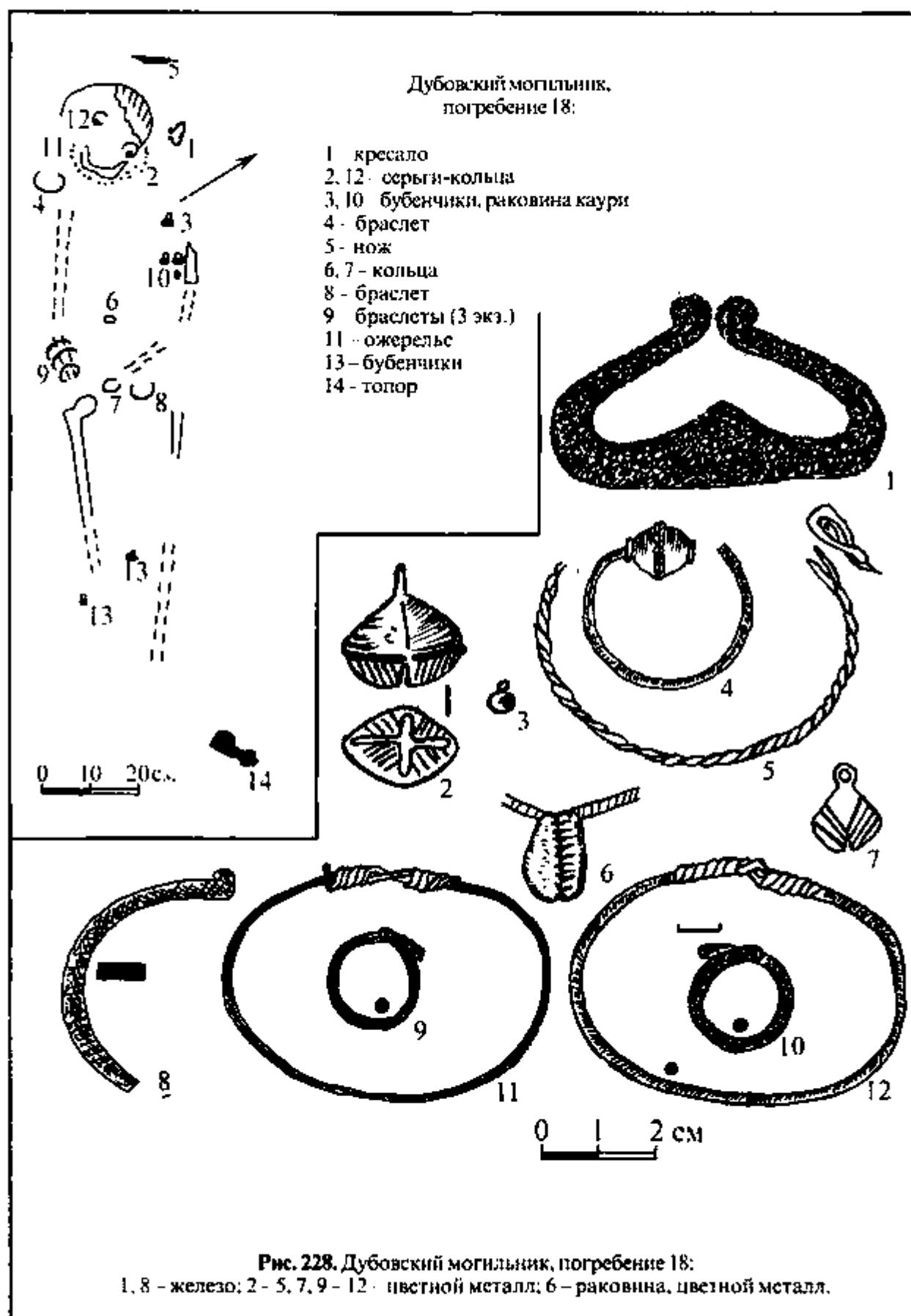
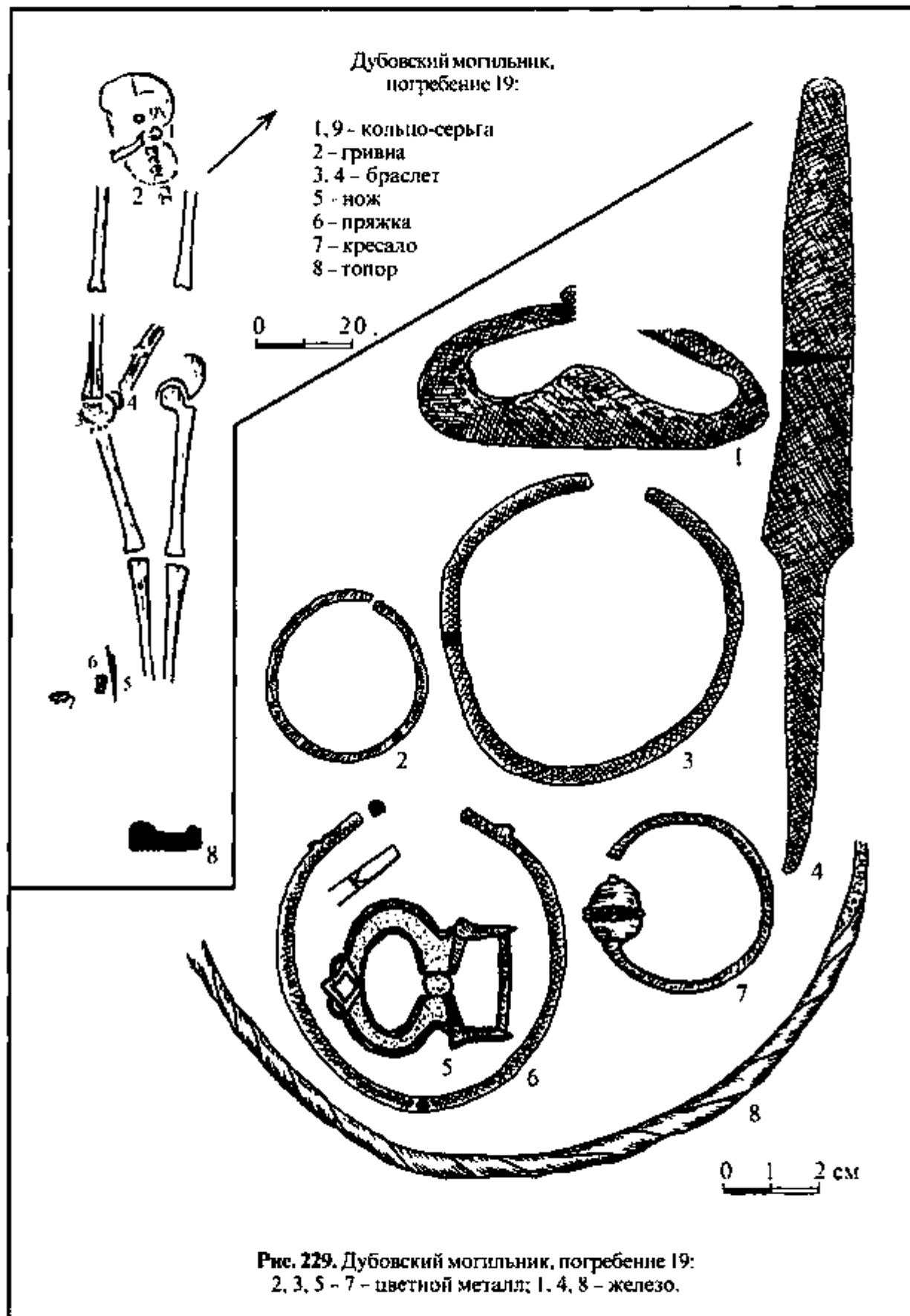
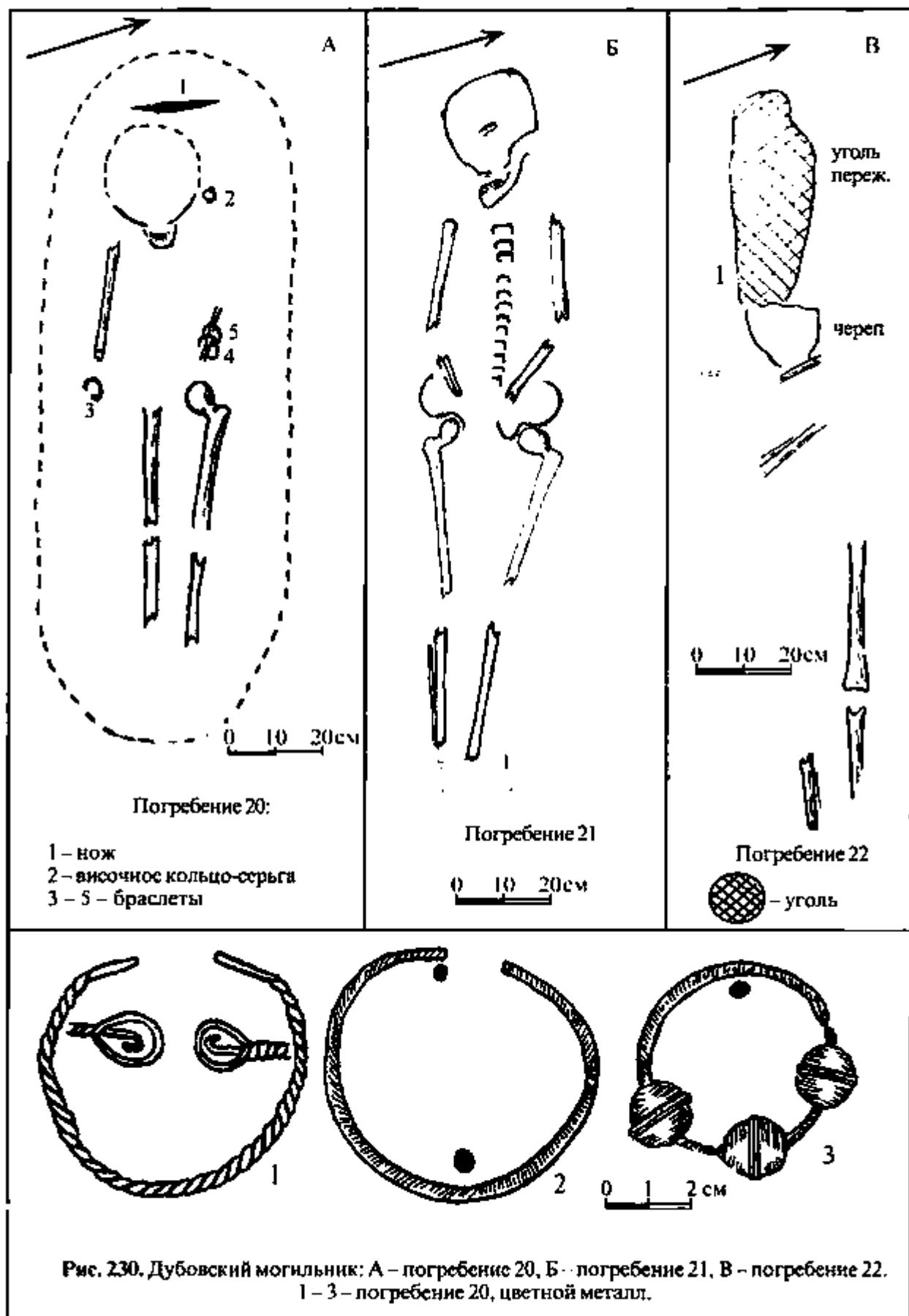

Рис. 227. Дубовский могильник, погребение 17:
1, 6 – 11 – железо; 2 – 5 – цветной металл.

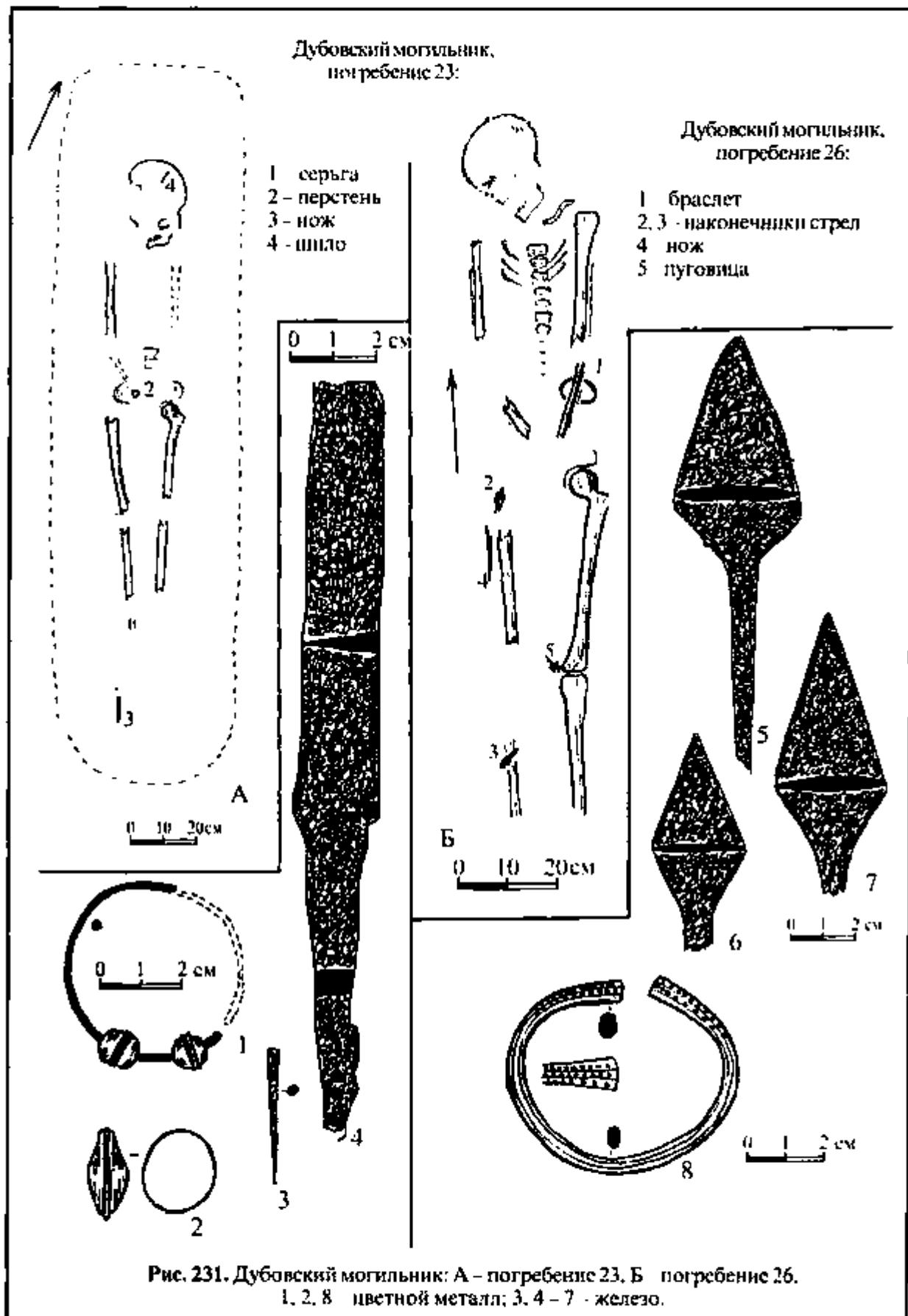
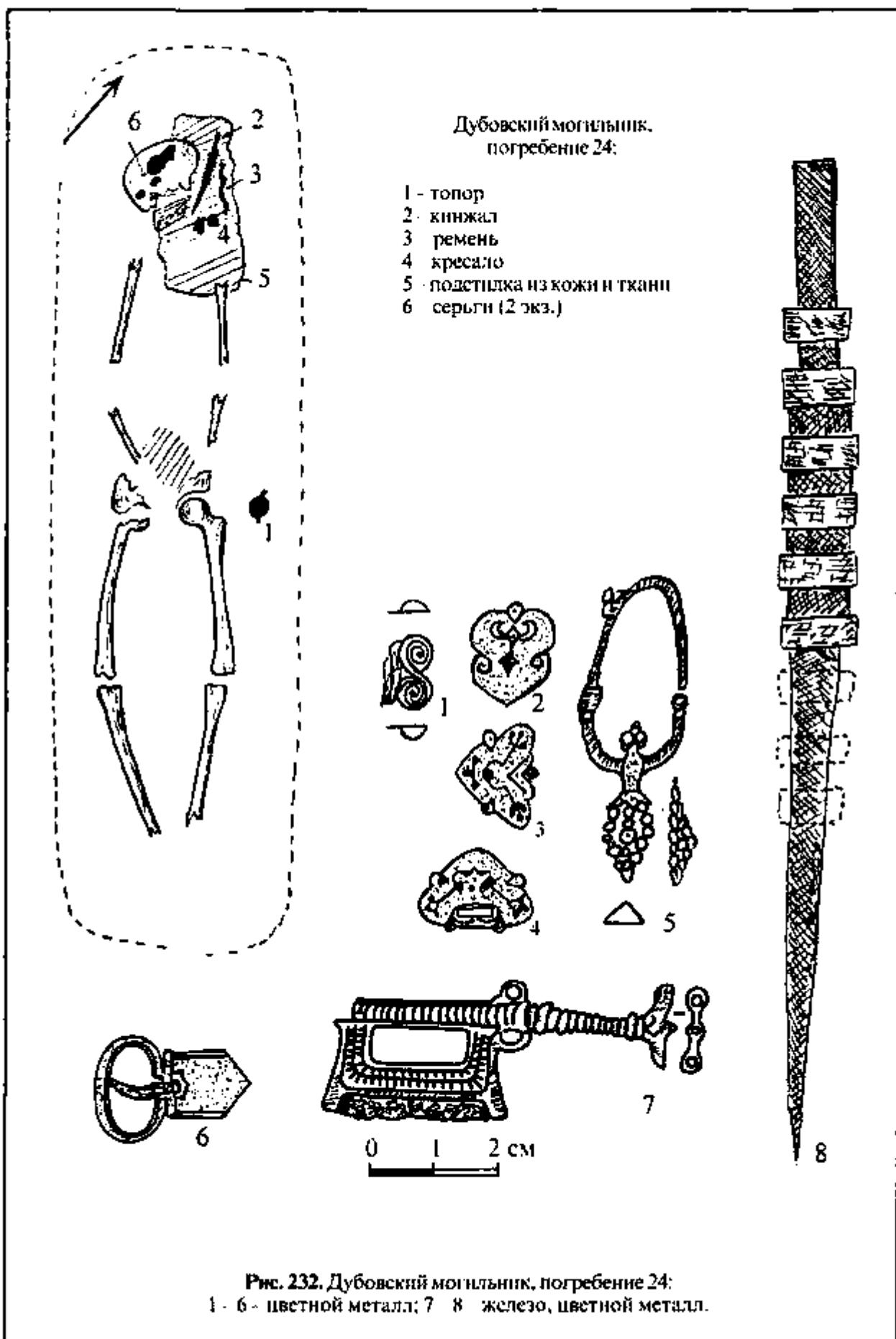
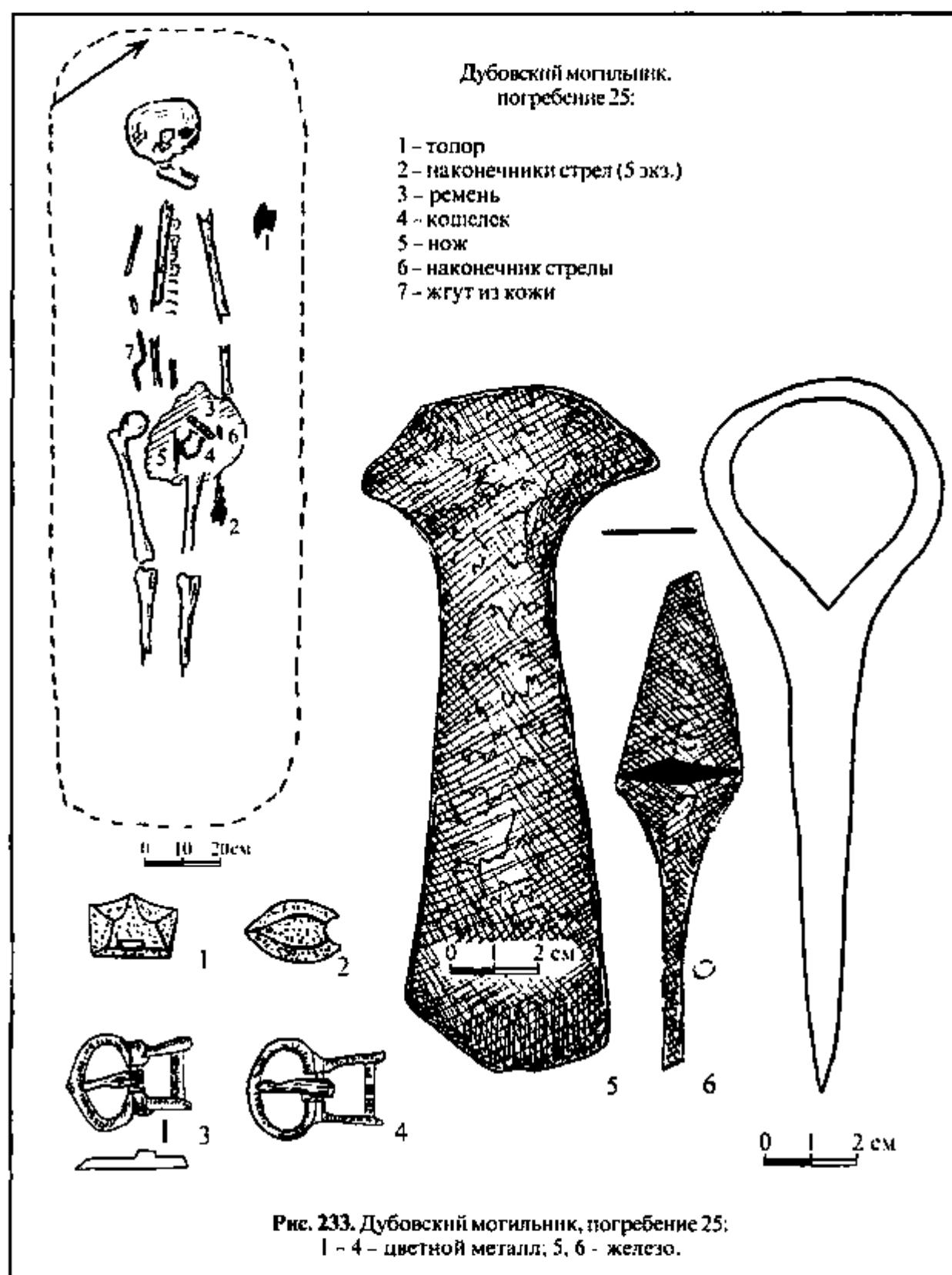
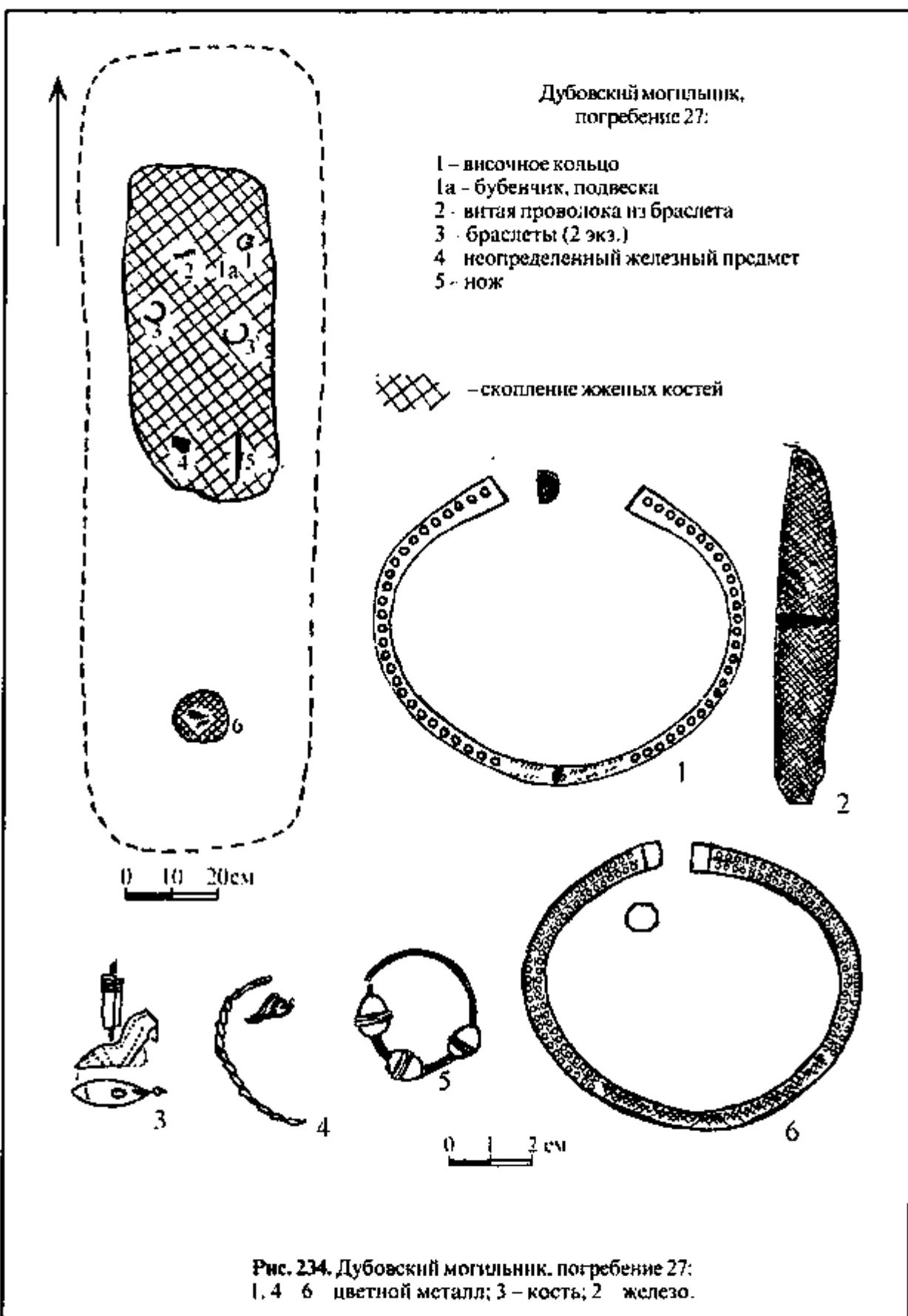
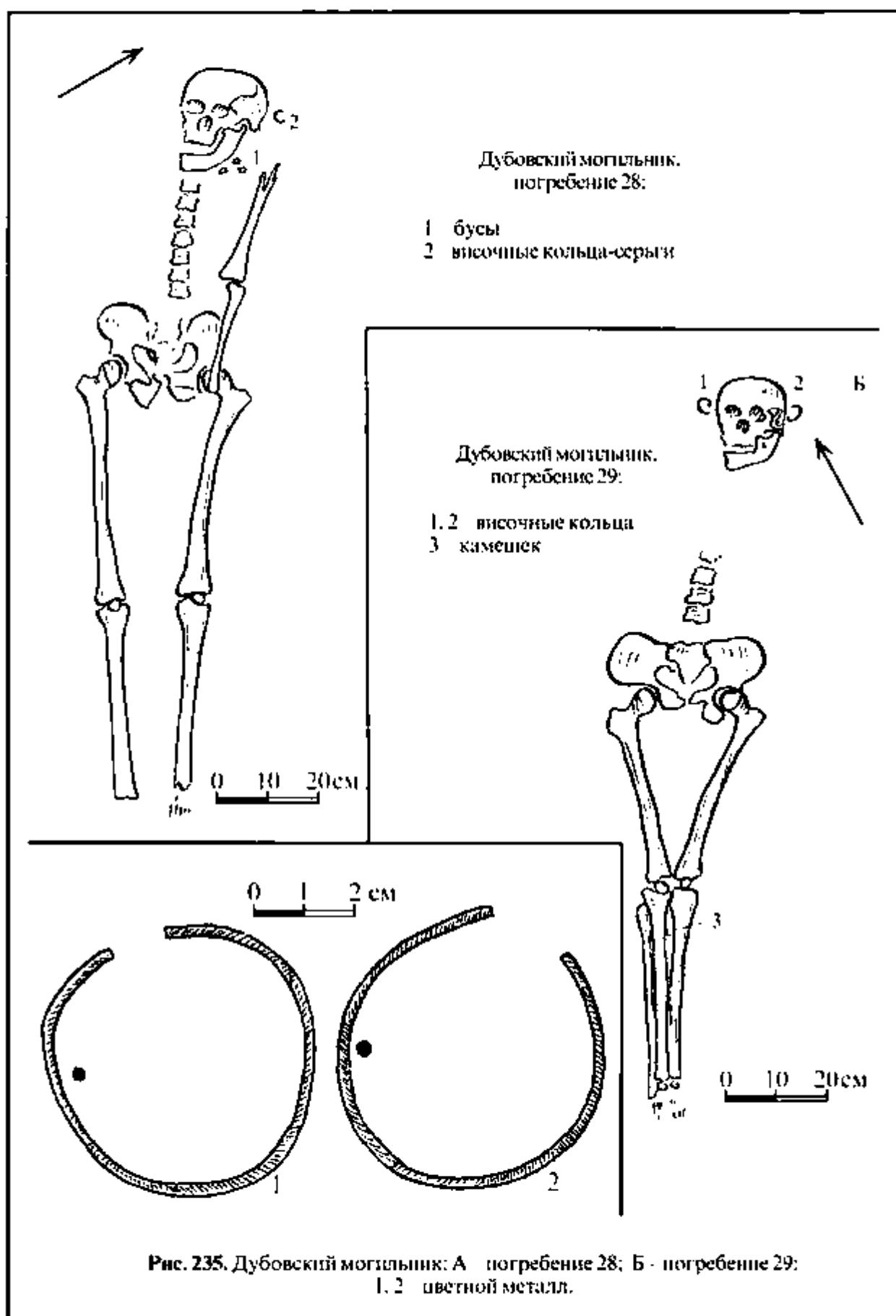

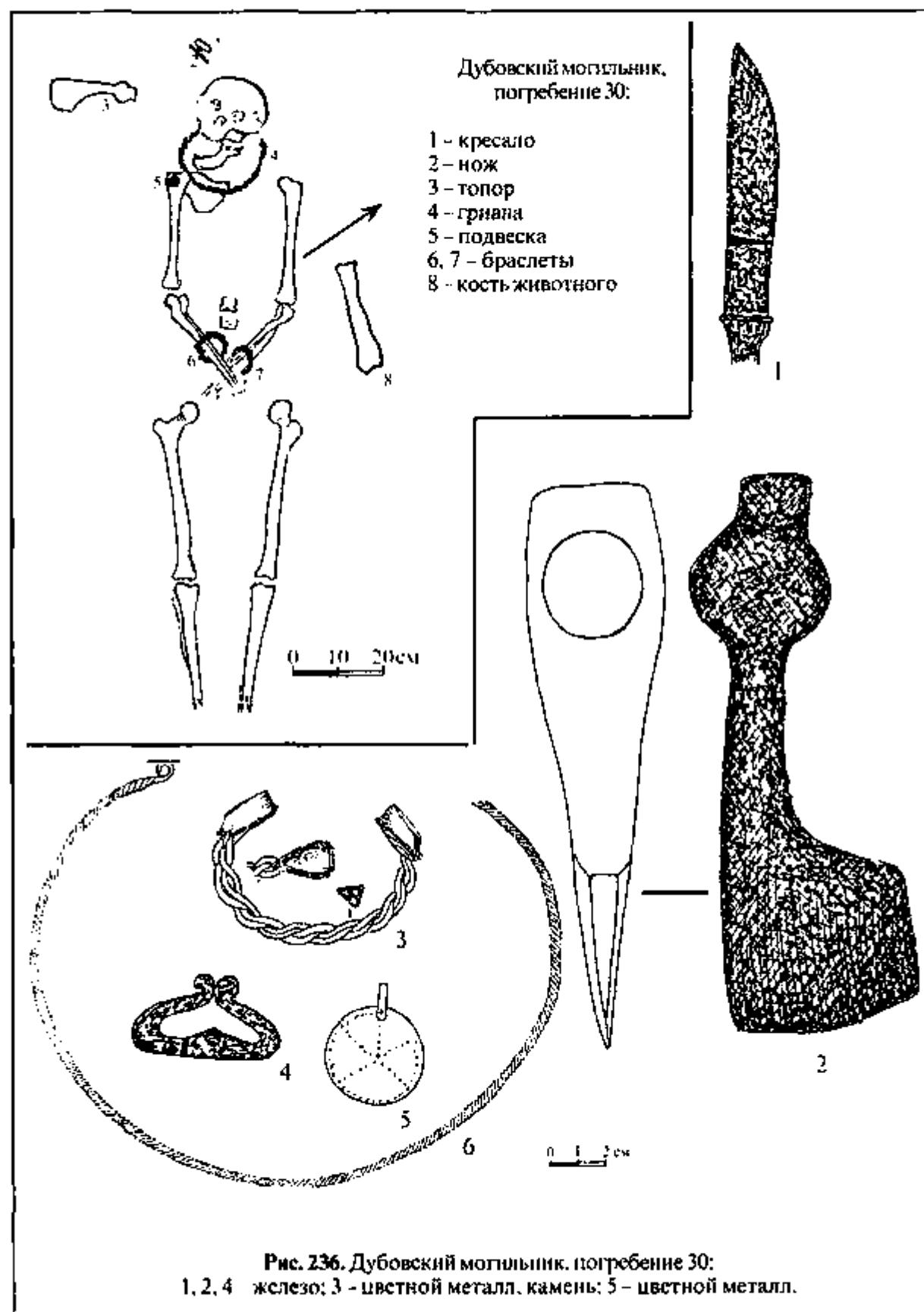
Рис. 231. Дубовский могильник: А – погребение 23. Б – погребение 26.
1, 2, 8 – цветной металл; 3, 4 – 7 – железо.

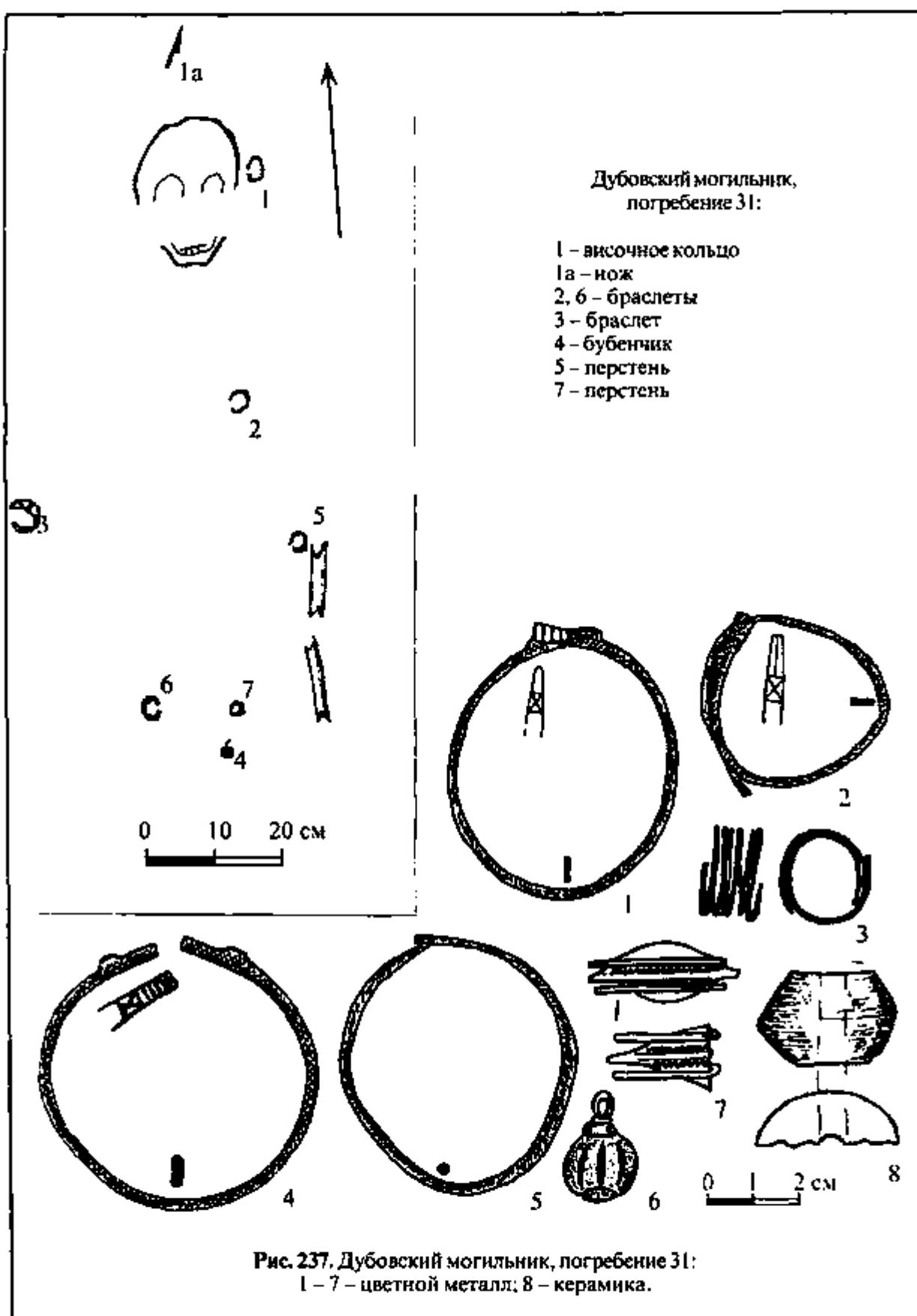

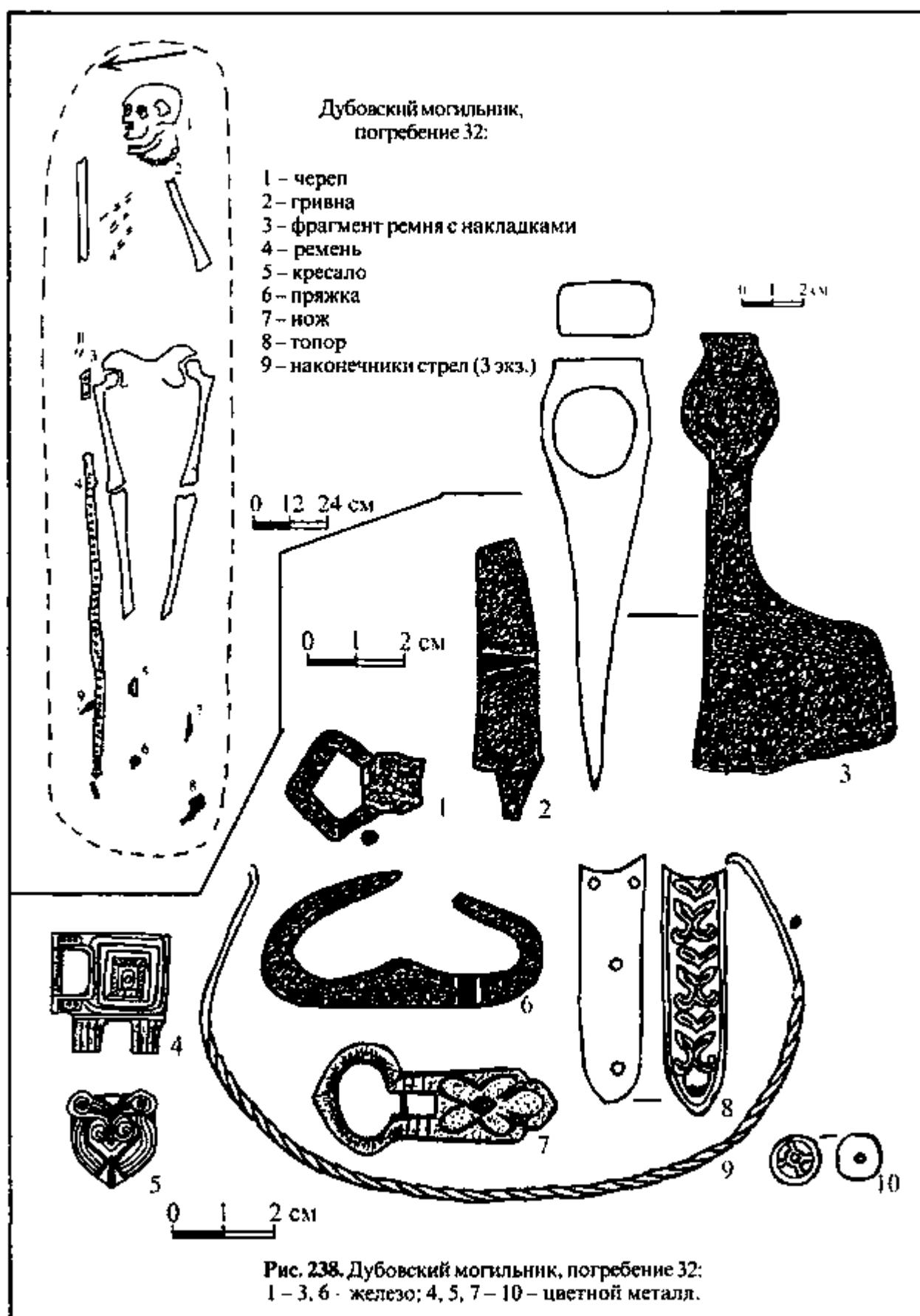
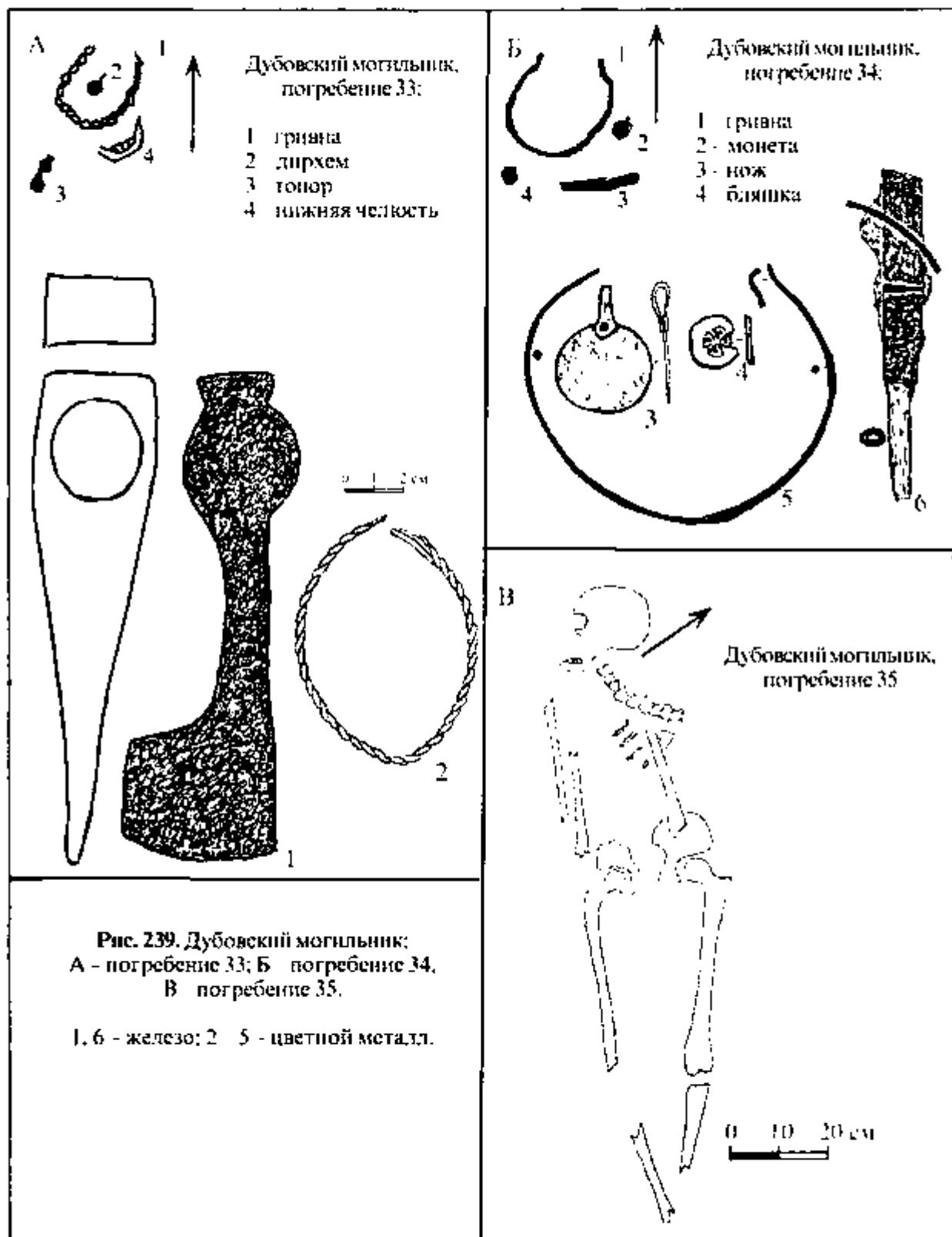
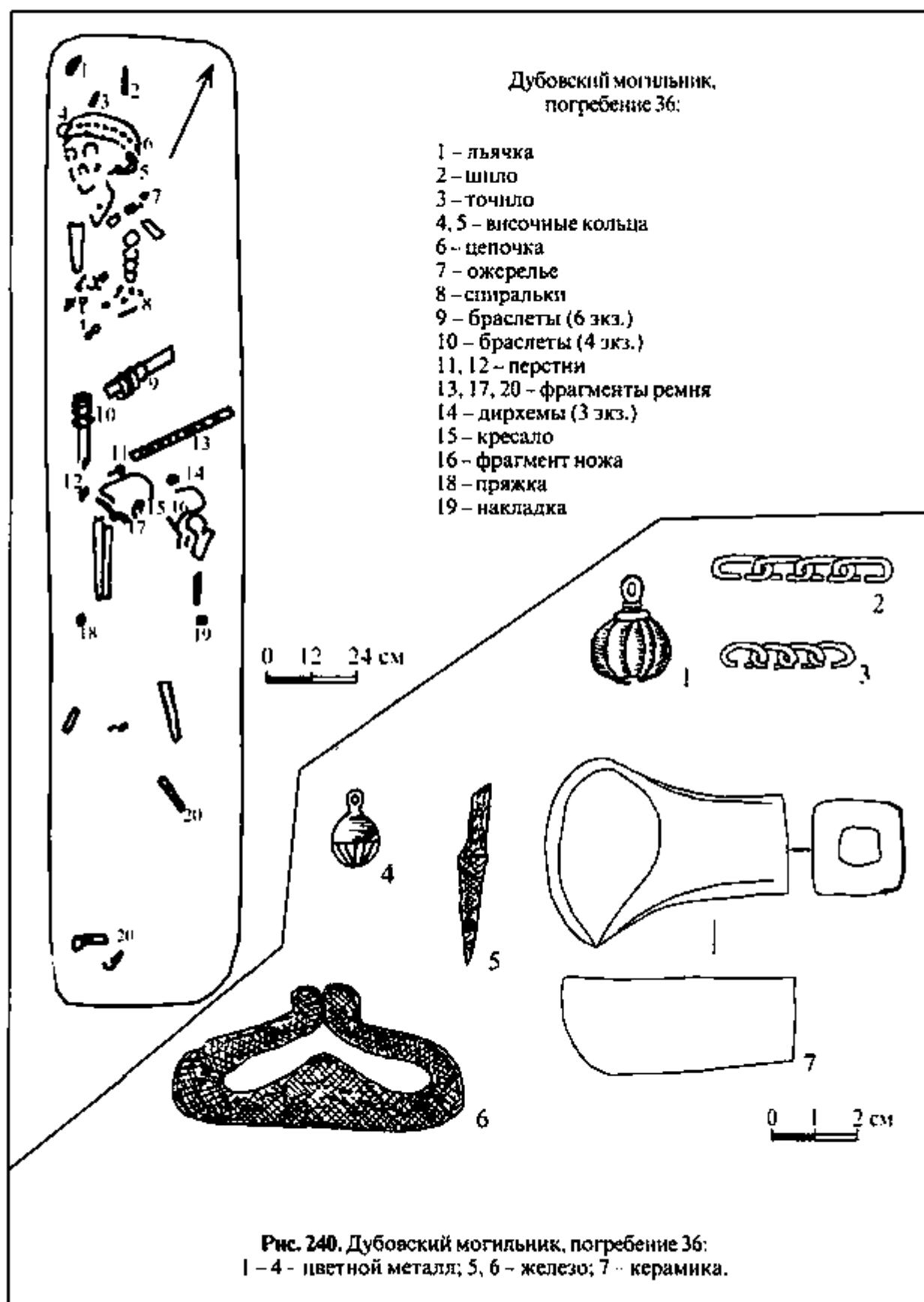

Рис. 238. Дубовский могильник, погребение 32:
1 – 3, 6 – железо; 4, 5, 7 – цветной металла.

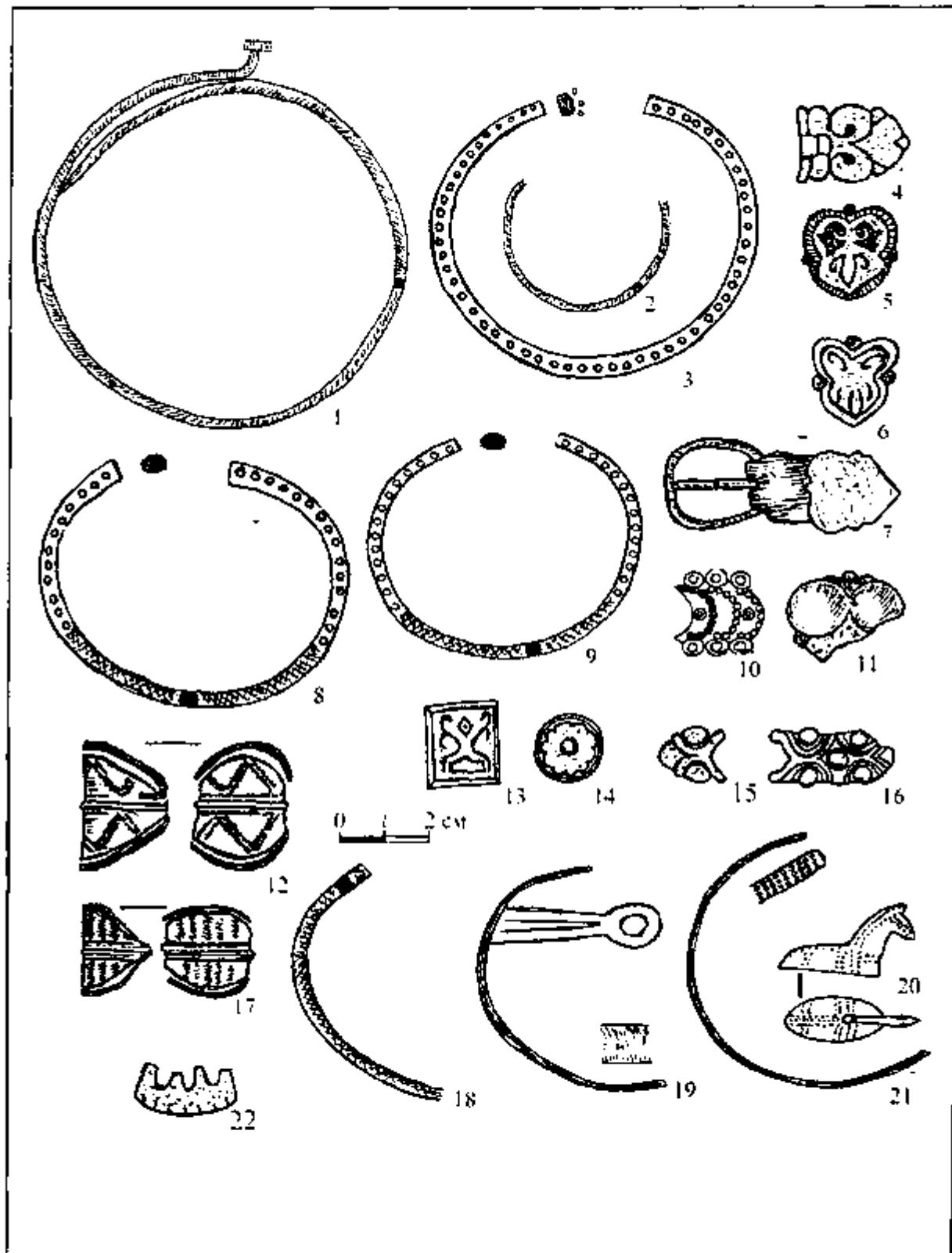

Рис. 241. Дубовский могильник, погребение 36:
1 - 6, 8 - 19, 21, 22 - цветной металл; 7 - кожа, цветной металл; 20 - кость.

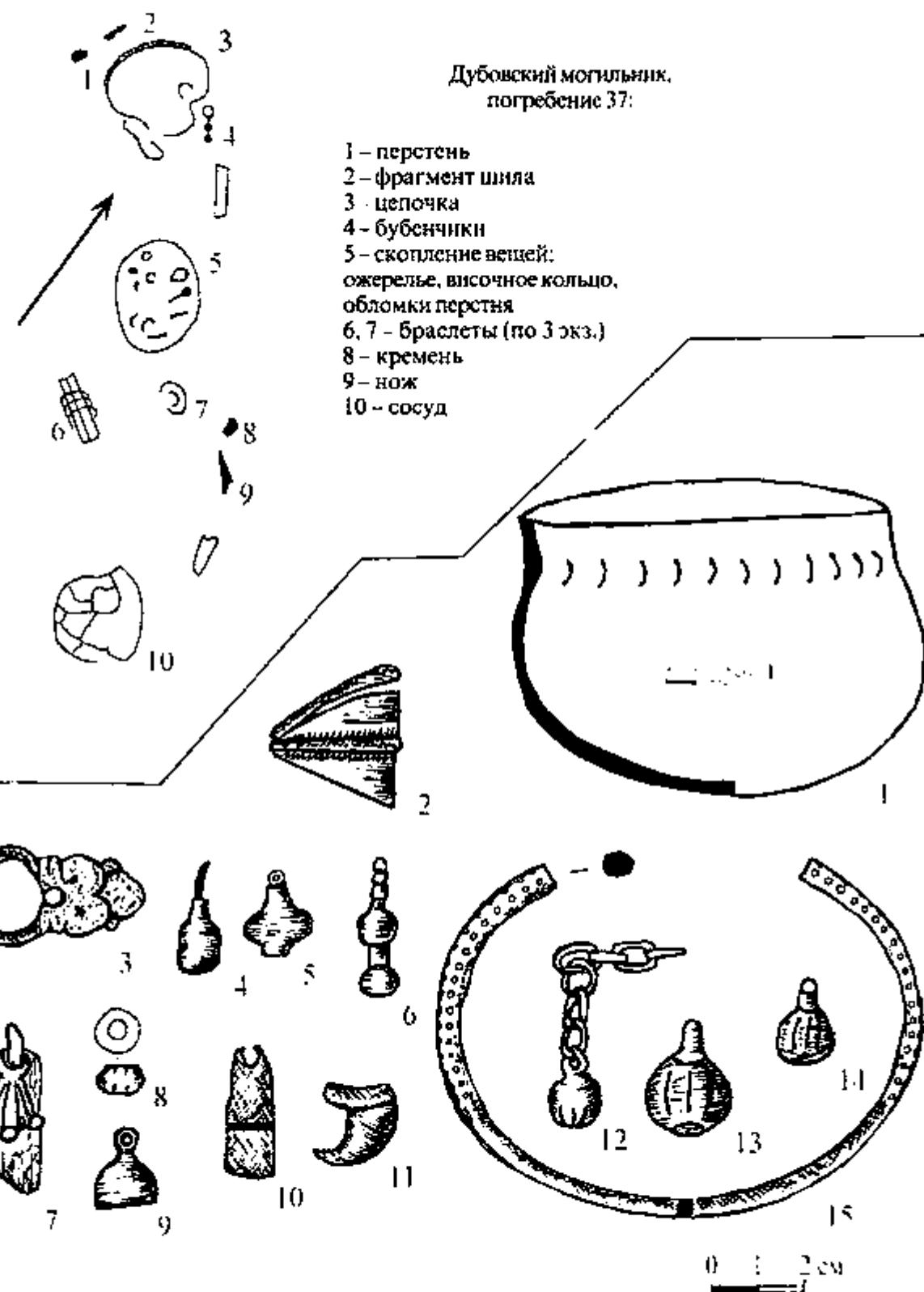
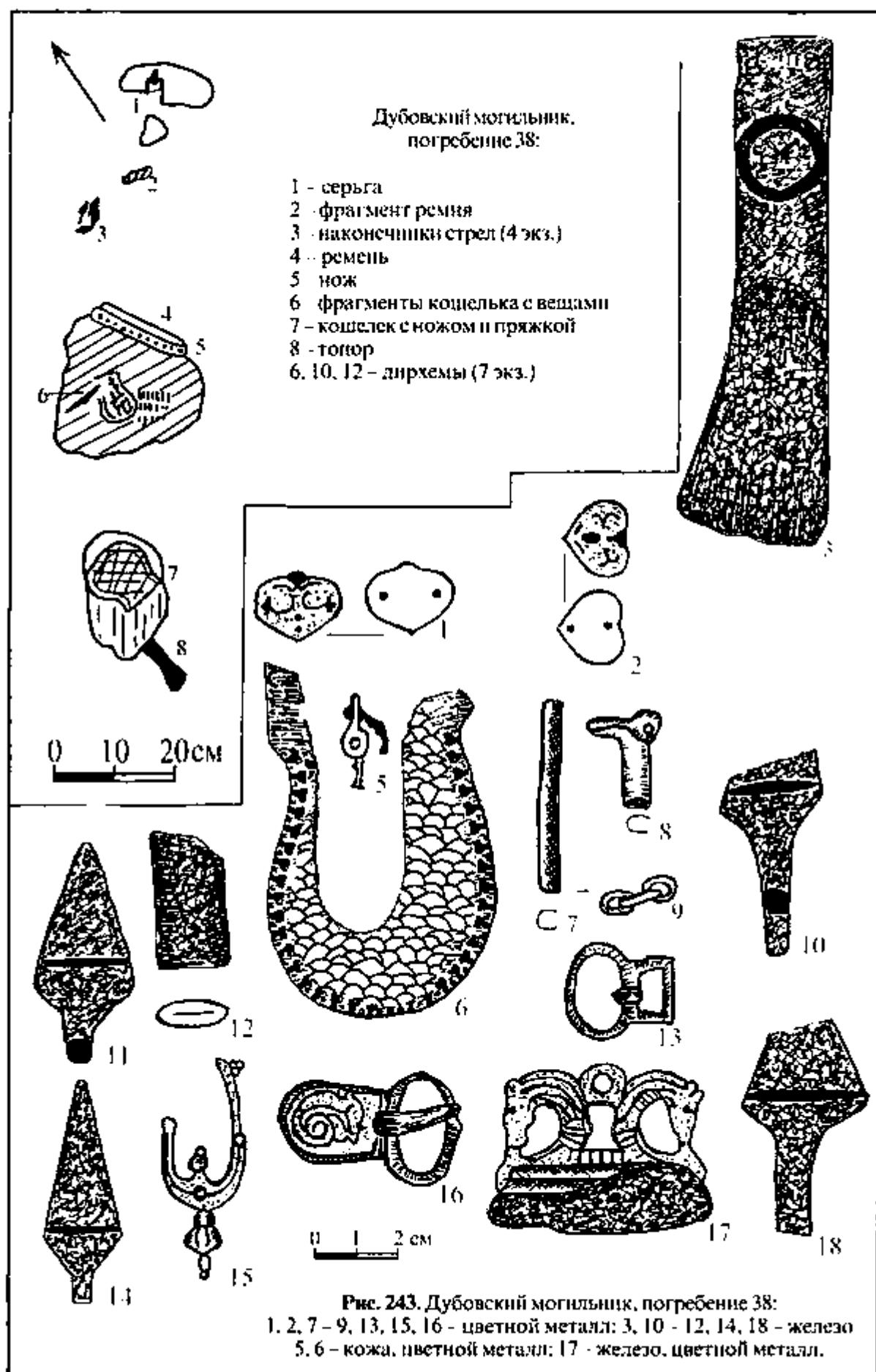
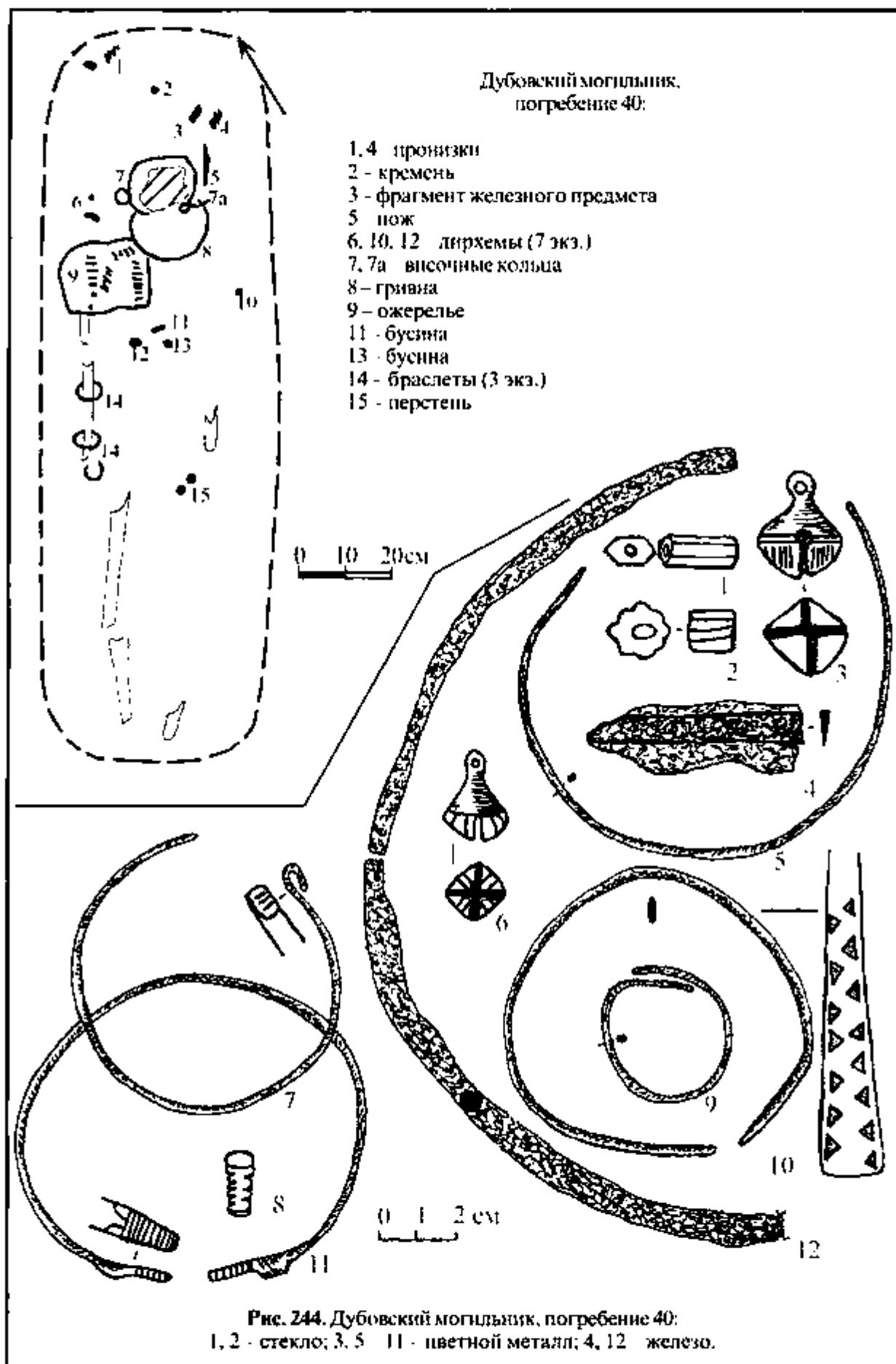

Рис. 242. Дубовский могильник, погребение 37:
 1 - керамика. 2 - 10, 12 - 15 - цветной металл,
 11 - кость.

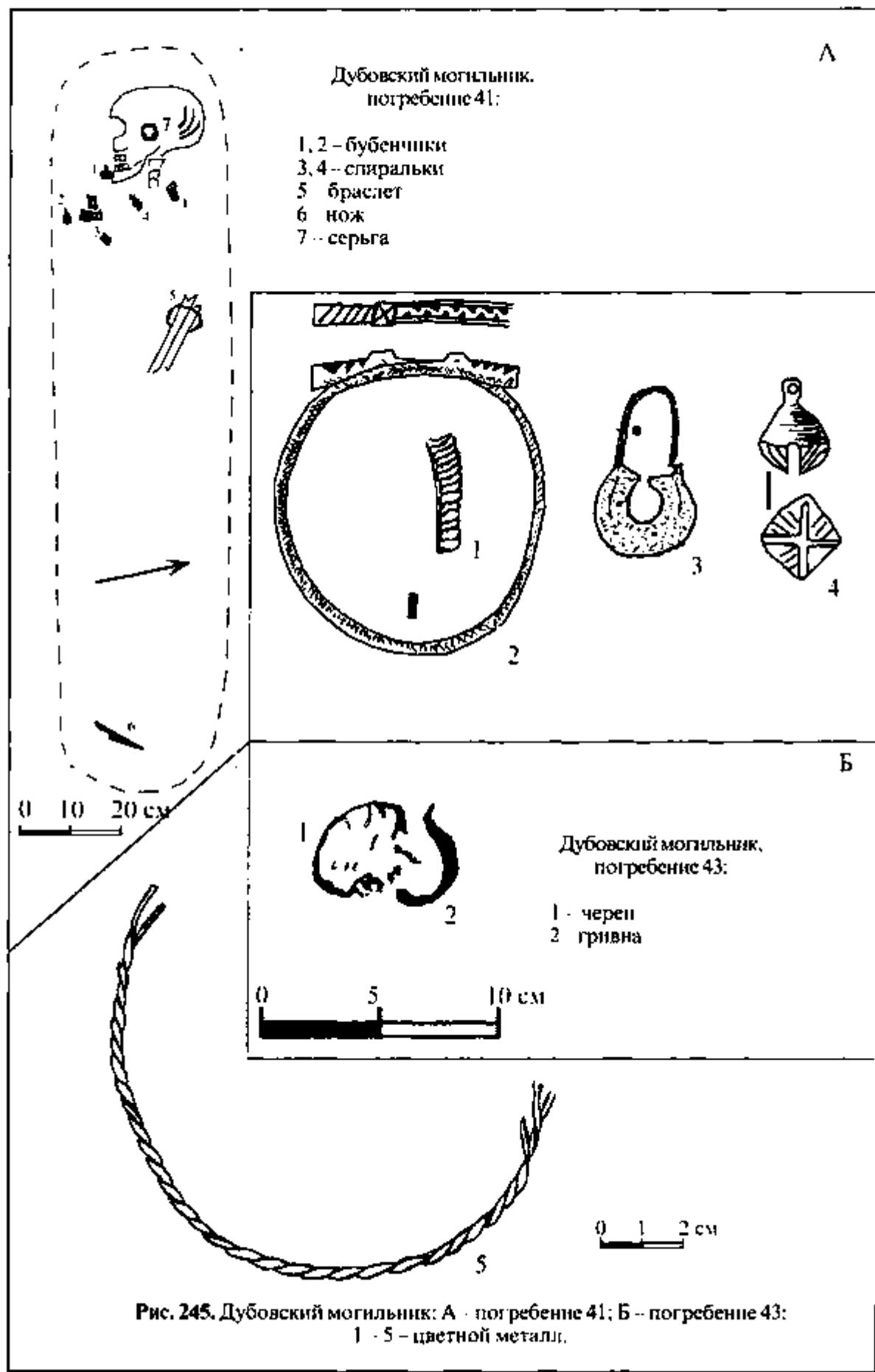
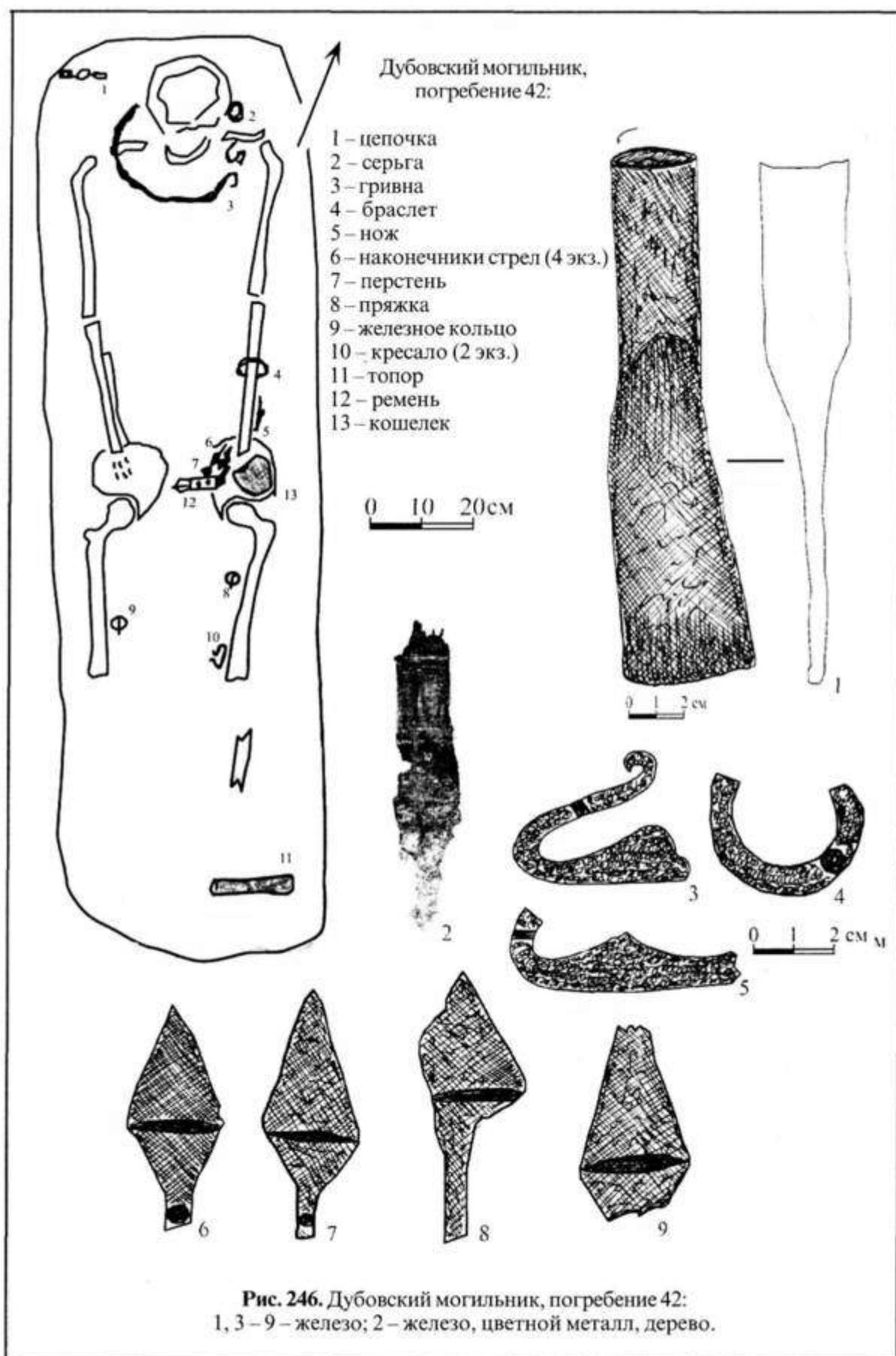

Рис. 245. Дубовский могильник: А - погребение 41; Б - погребение 43:
1 - 5 - цветной металл.

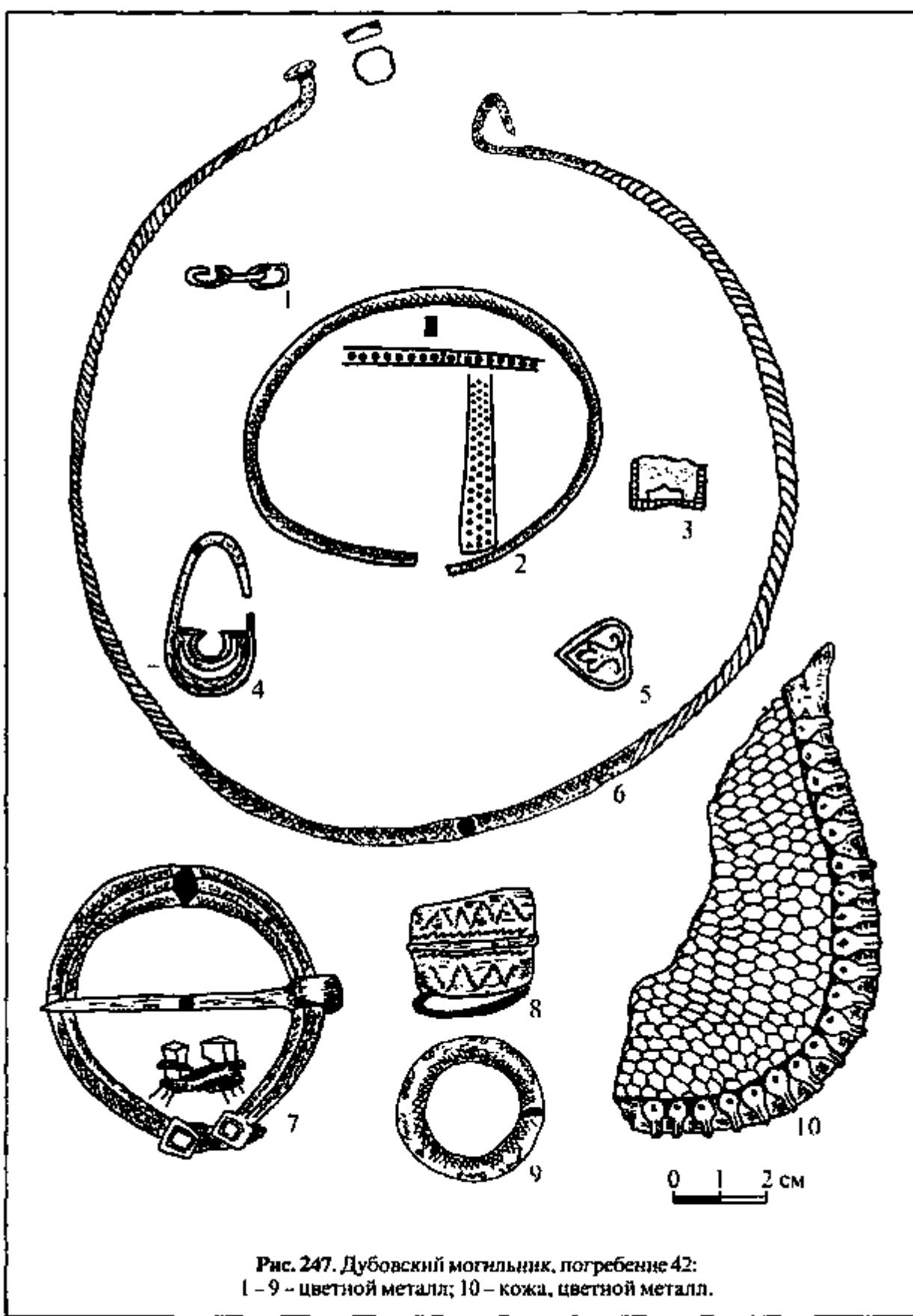

Рис. 247. Дубовский могильник, погребение 42:
1-9 - цветной металл; 10 - кожа, цветной металл.

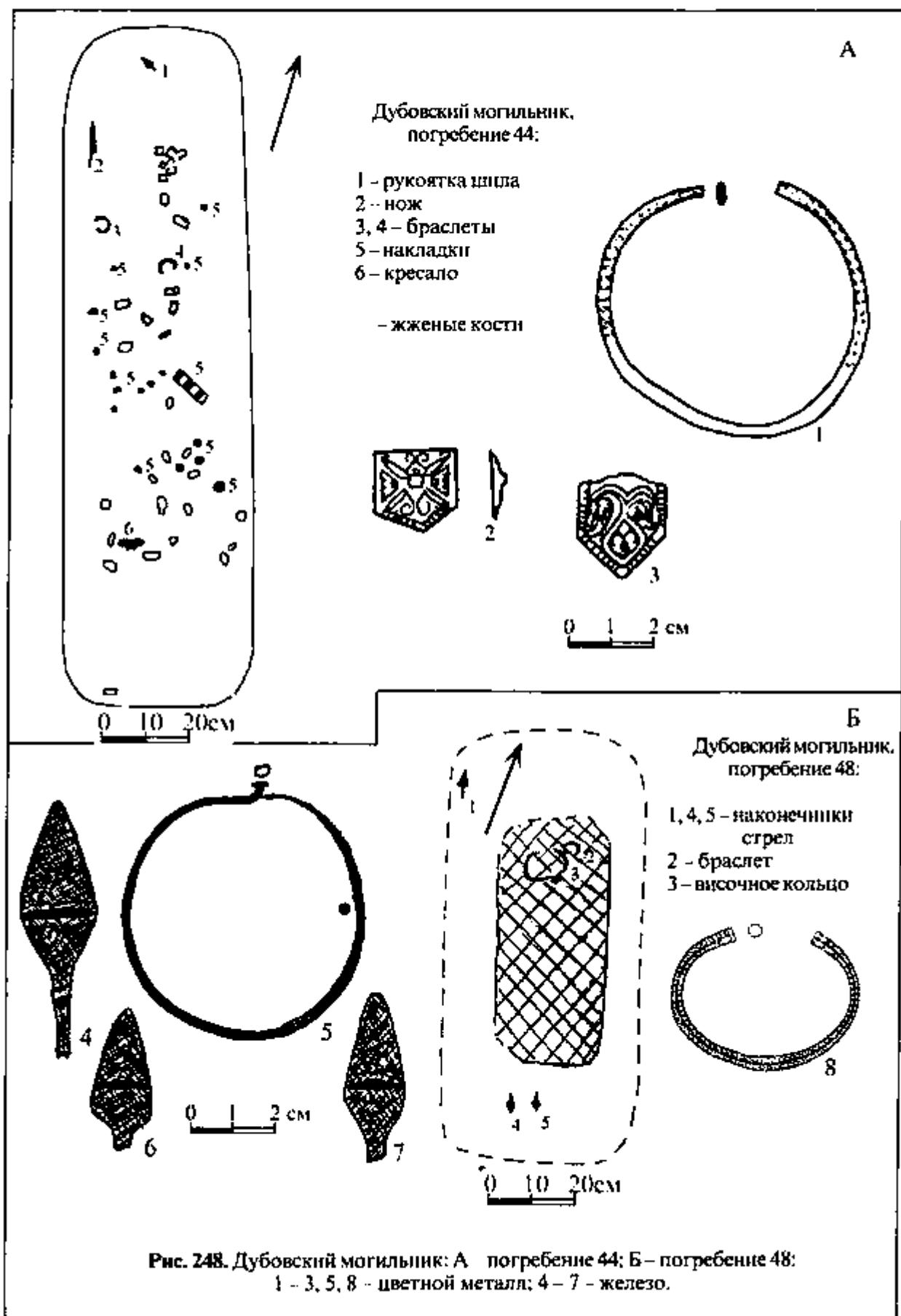
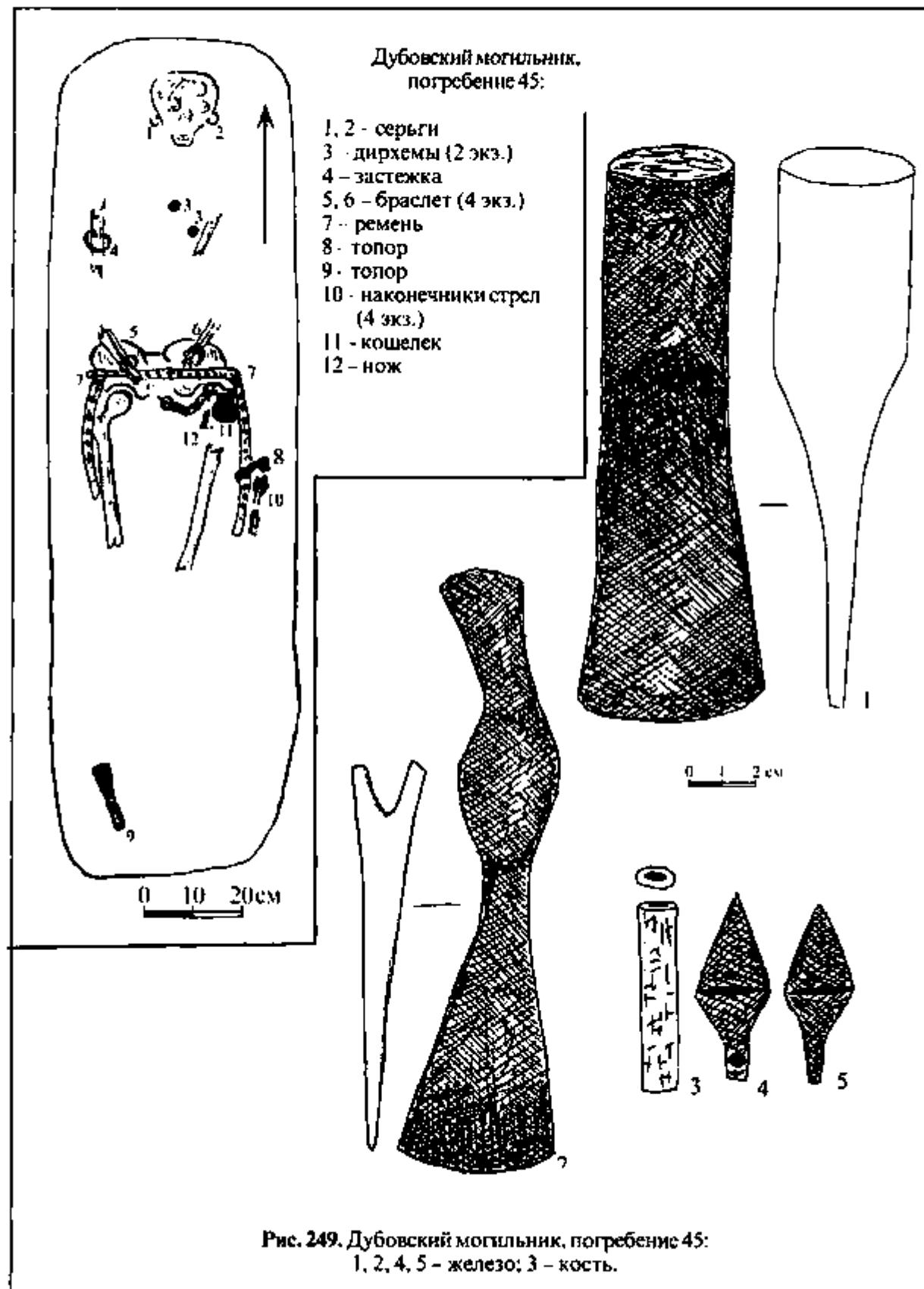

Рис. 248. Дубовский могильник: А – погребение 44; Б – погребение 48:
1 – 3, 5, 8 – цветной металл; 4 – 7 – железо.

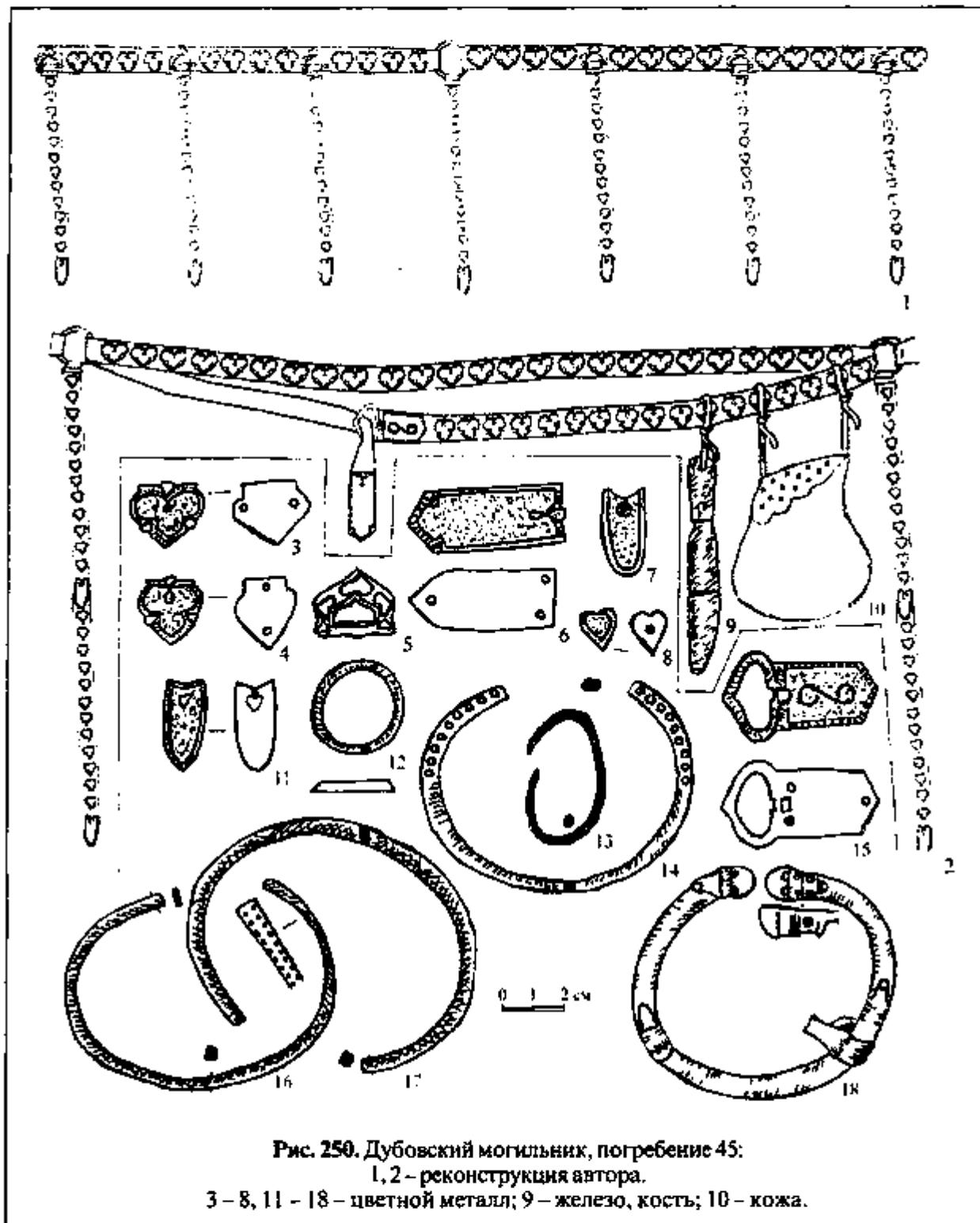
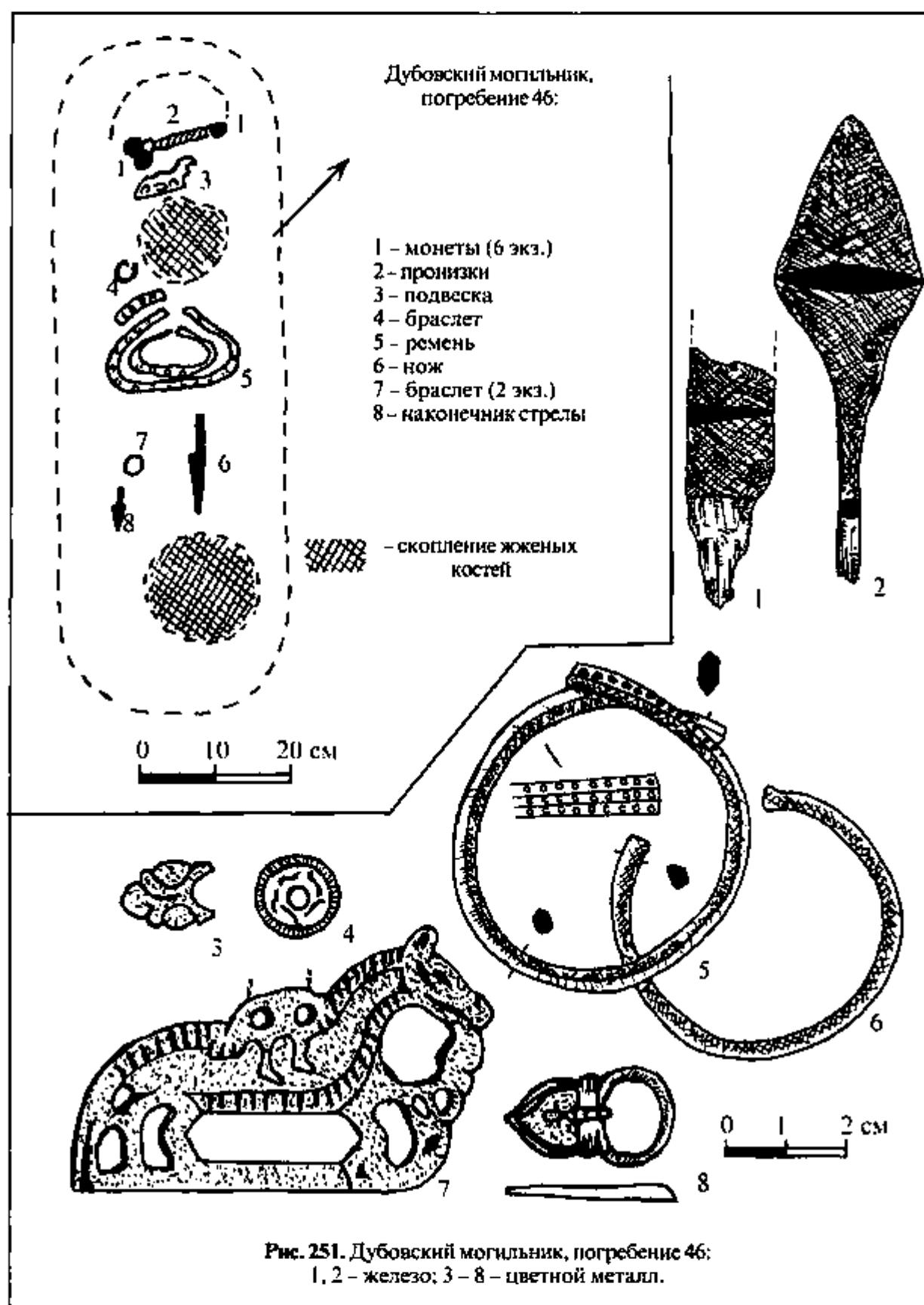
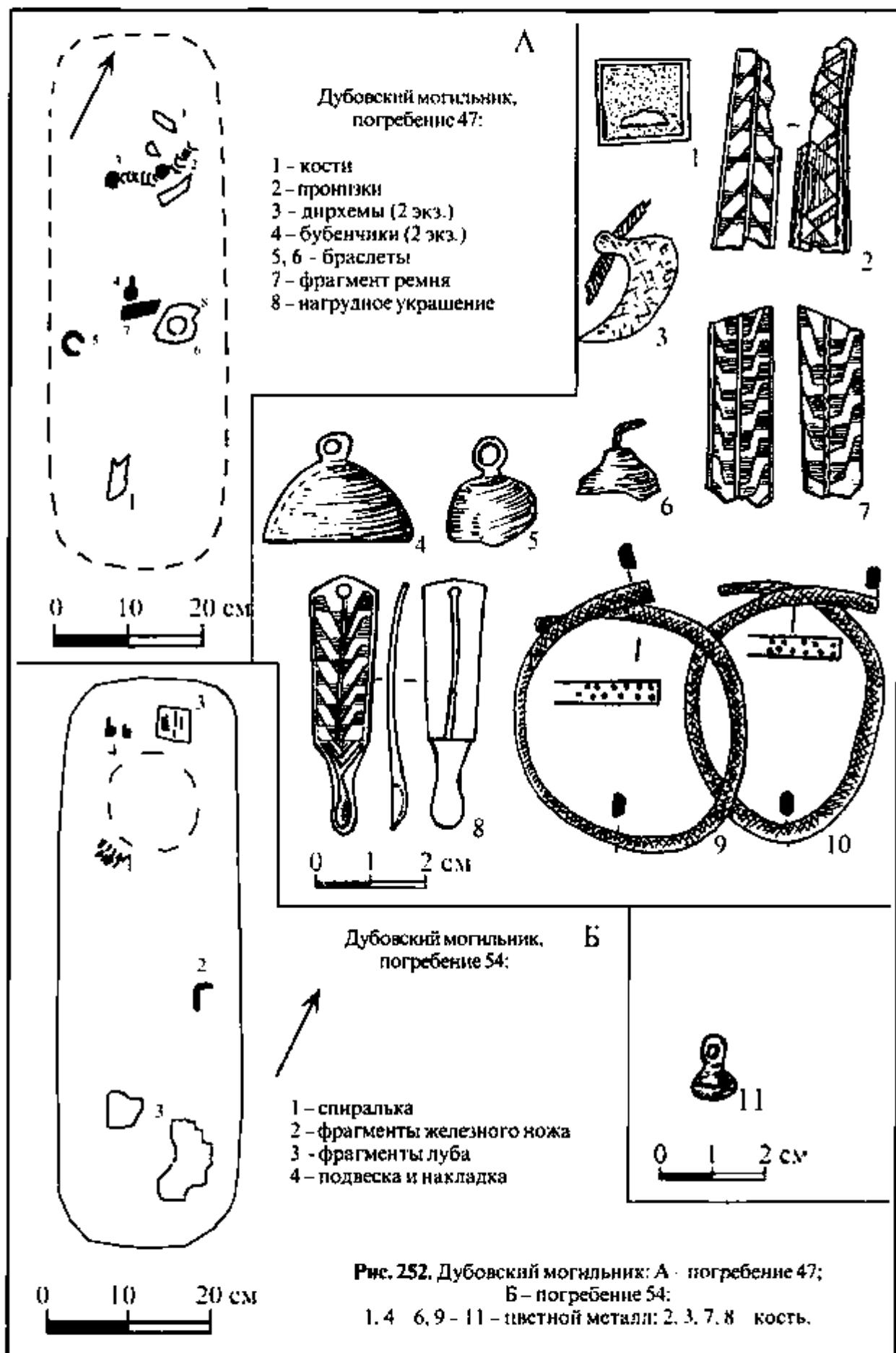

Рис. 250. Дубовский могильник, погребение 45:

1, 2 – реконструкция автора.

3 – 8, 11 – 18 – цветной металл; 9 – железо, кость; 10 – кожа.

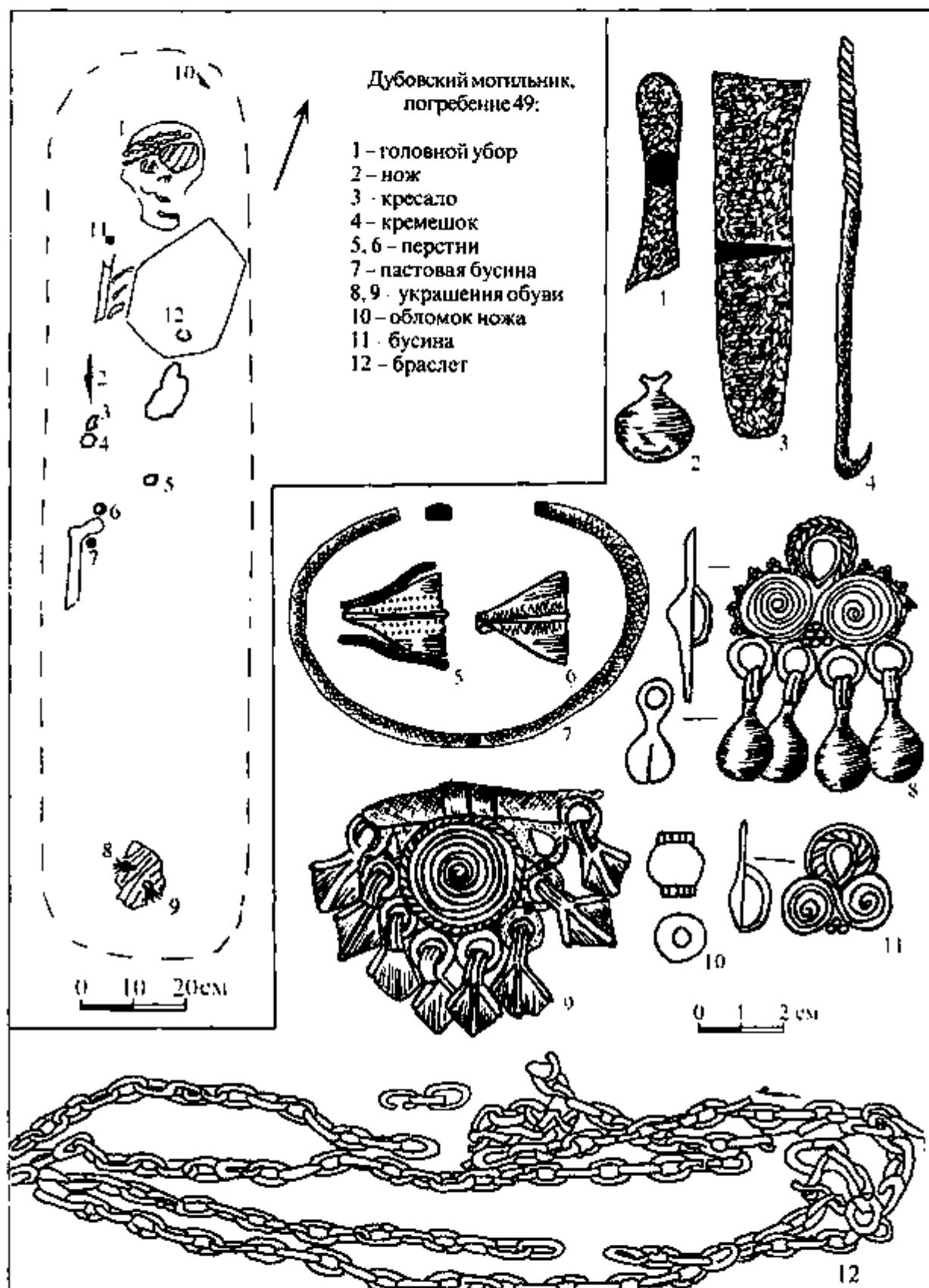
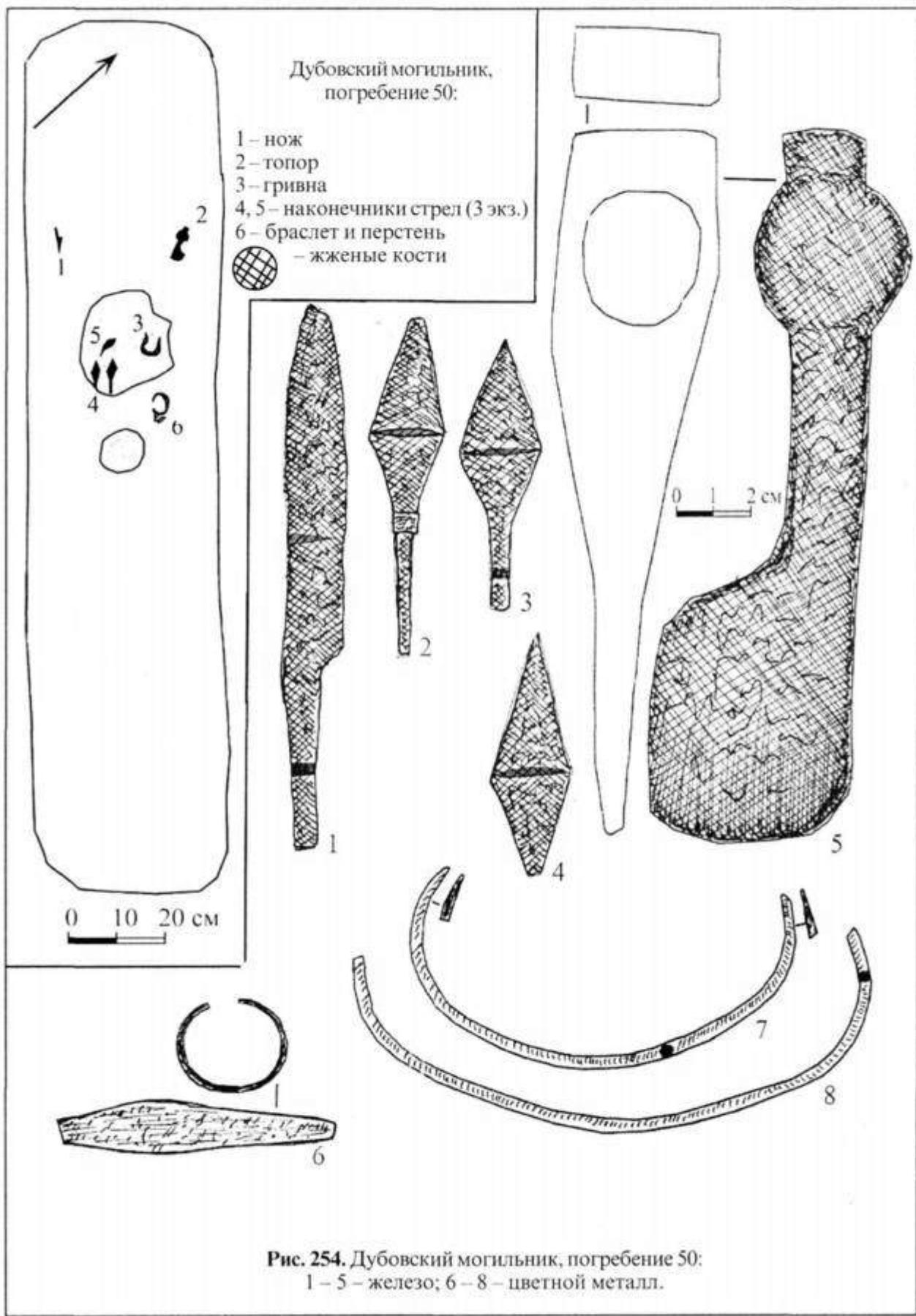
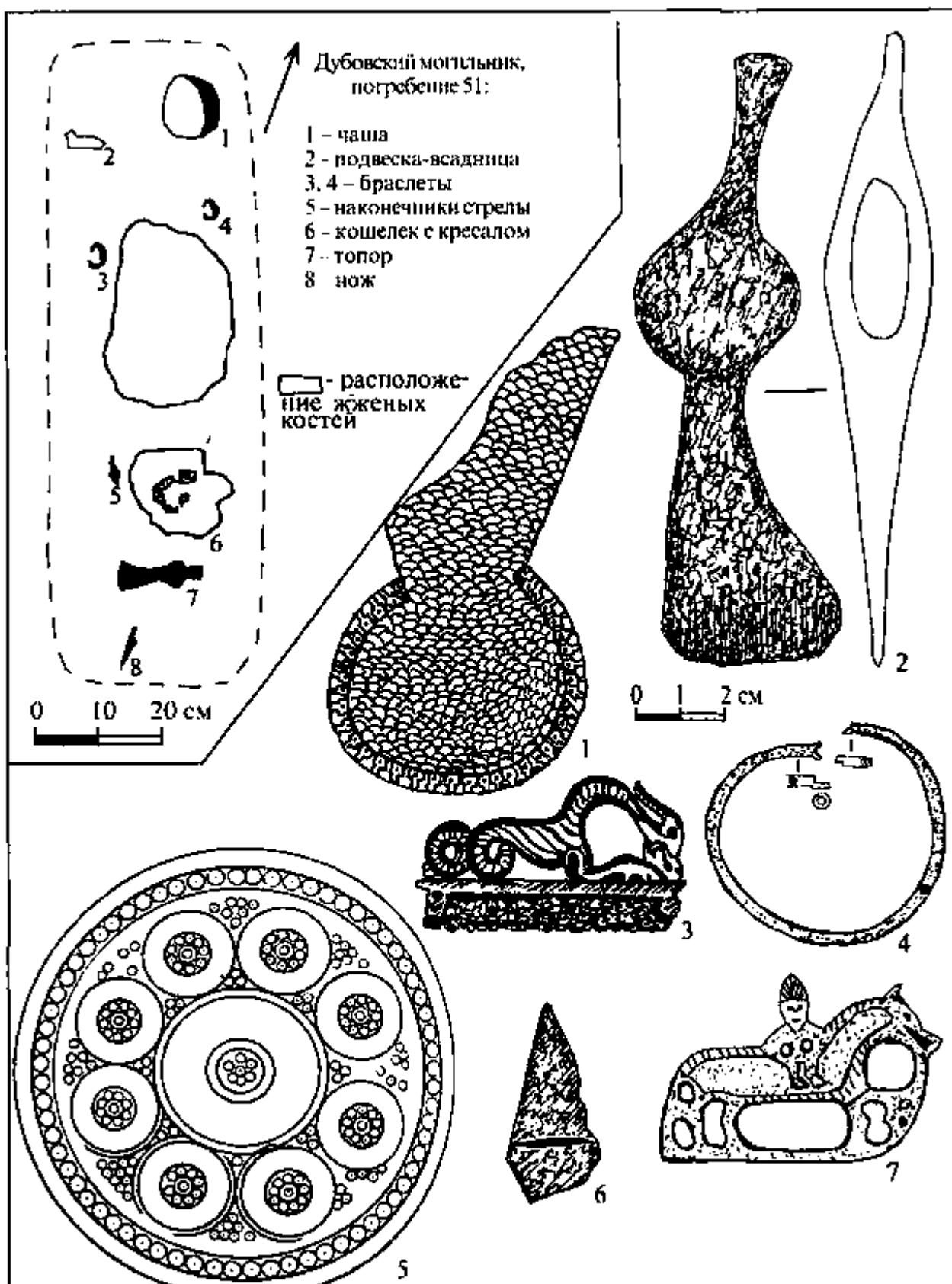

Рис. 253. Дубовский могильник, погребение 49:
1, 3 – железо; 2, 4 – цветной металл.

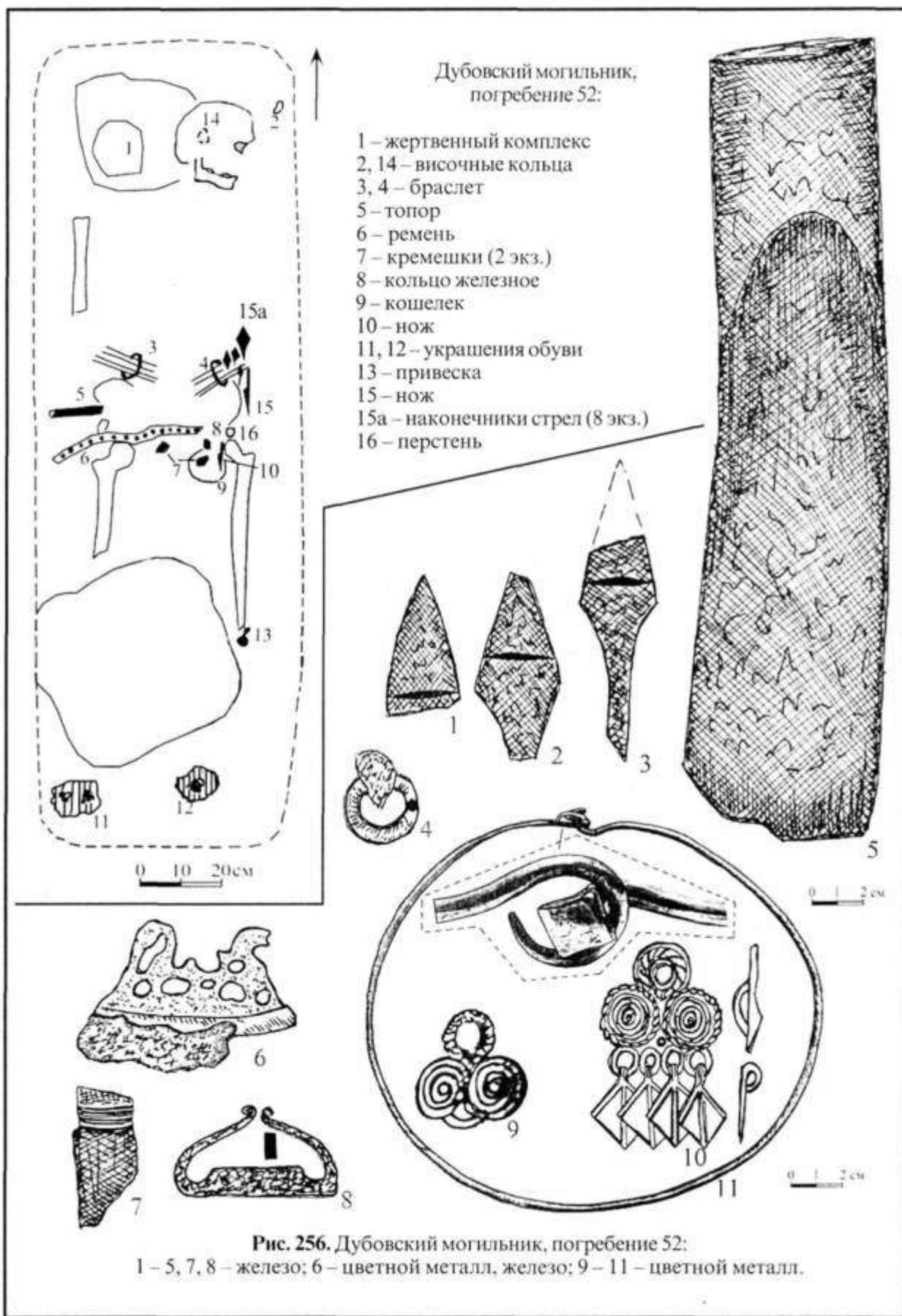

Рис. 256. Дубовский могильник, погребение 52:
1 – 5, 7, 8 – железо; 6 – цветной металл, железо; 9 – 11 – цветной металл.

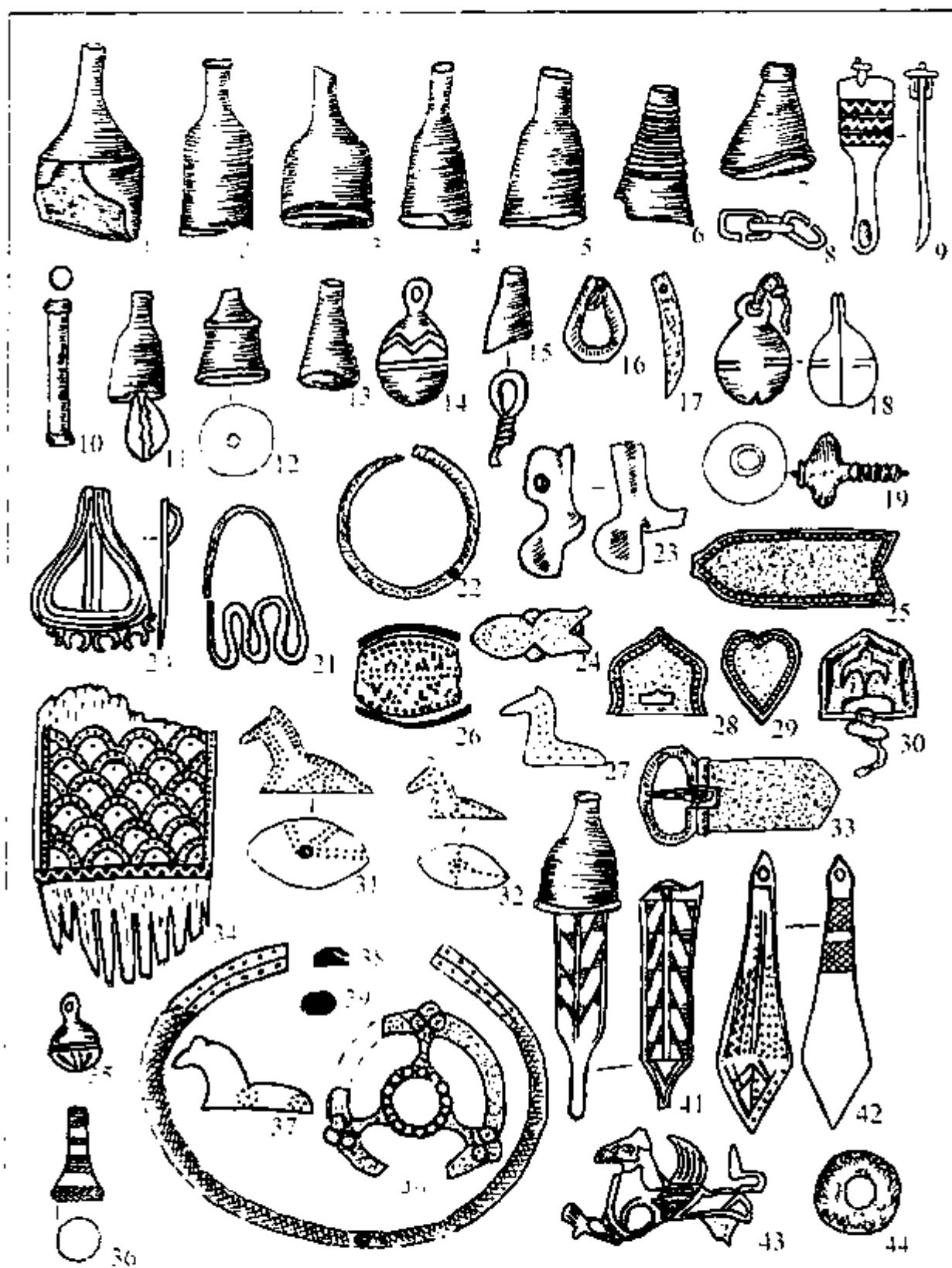
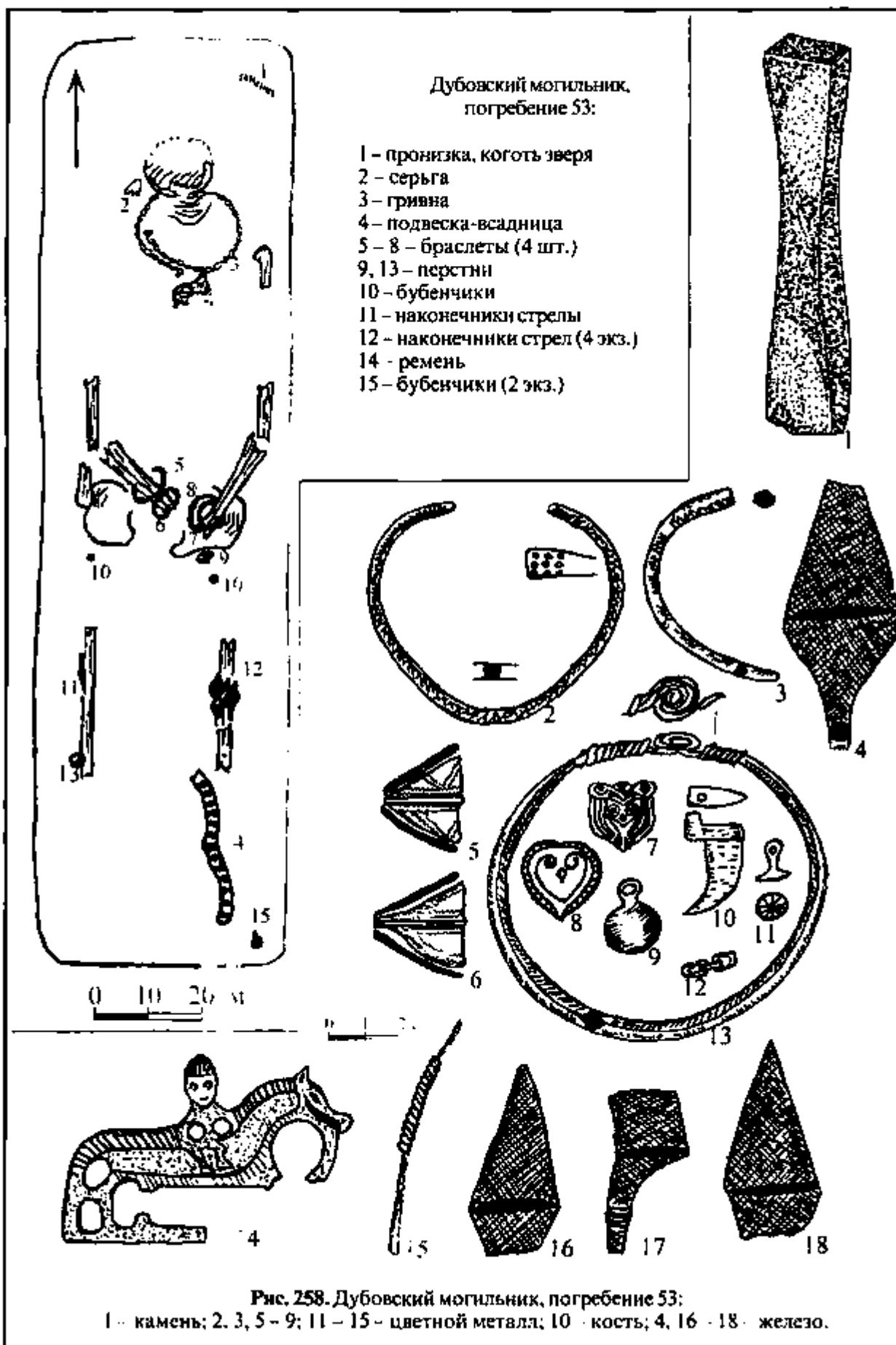
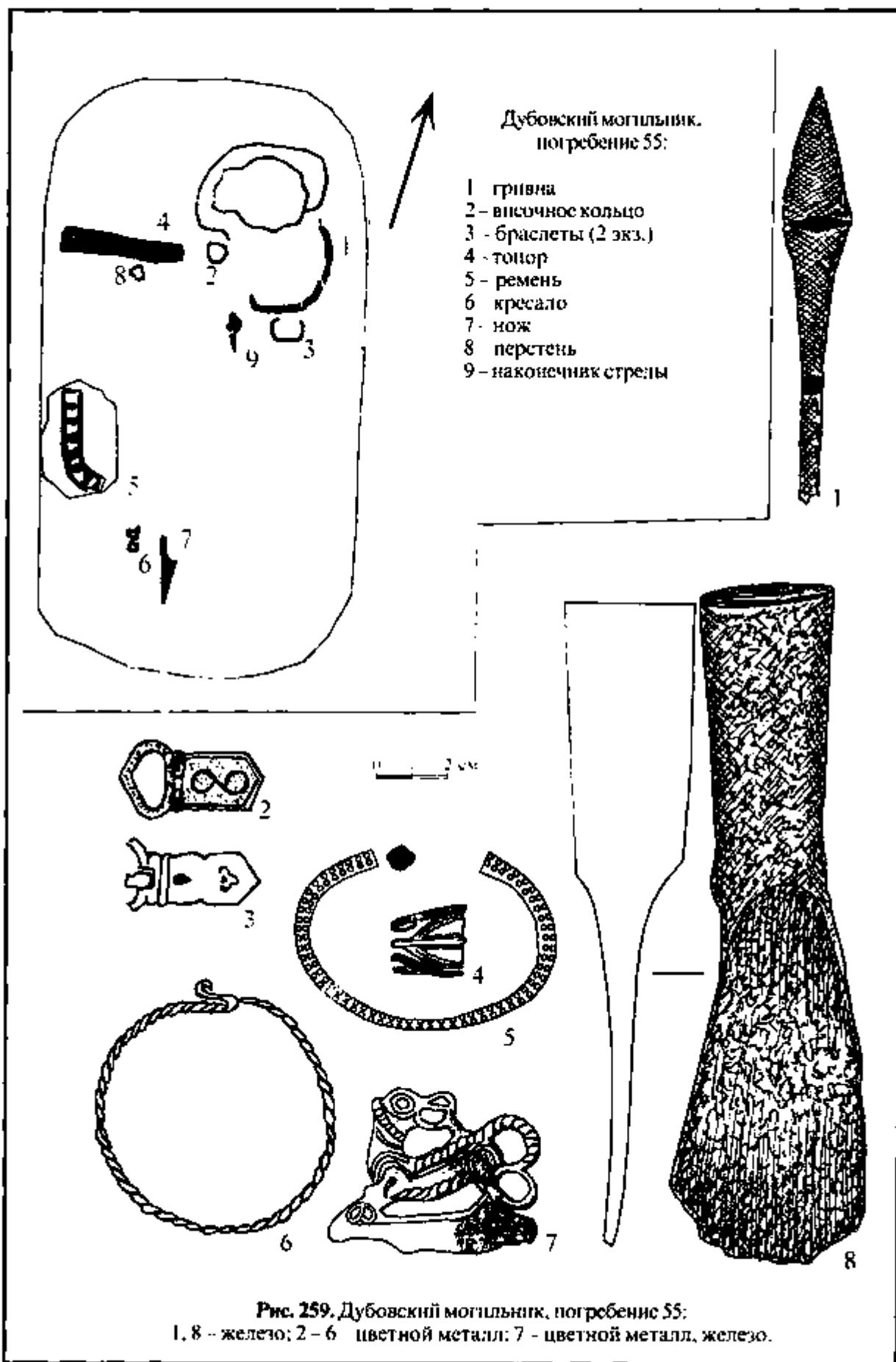
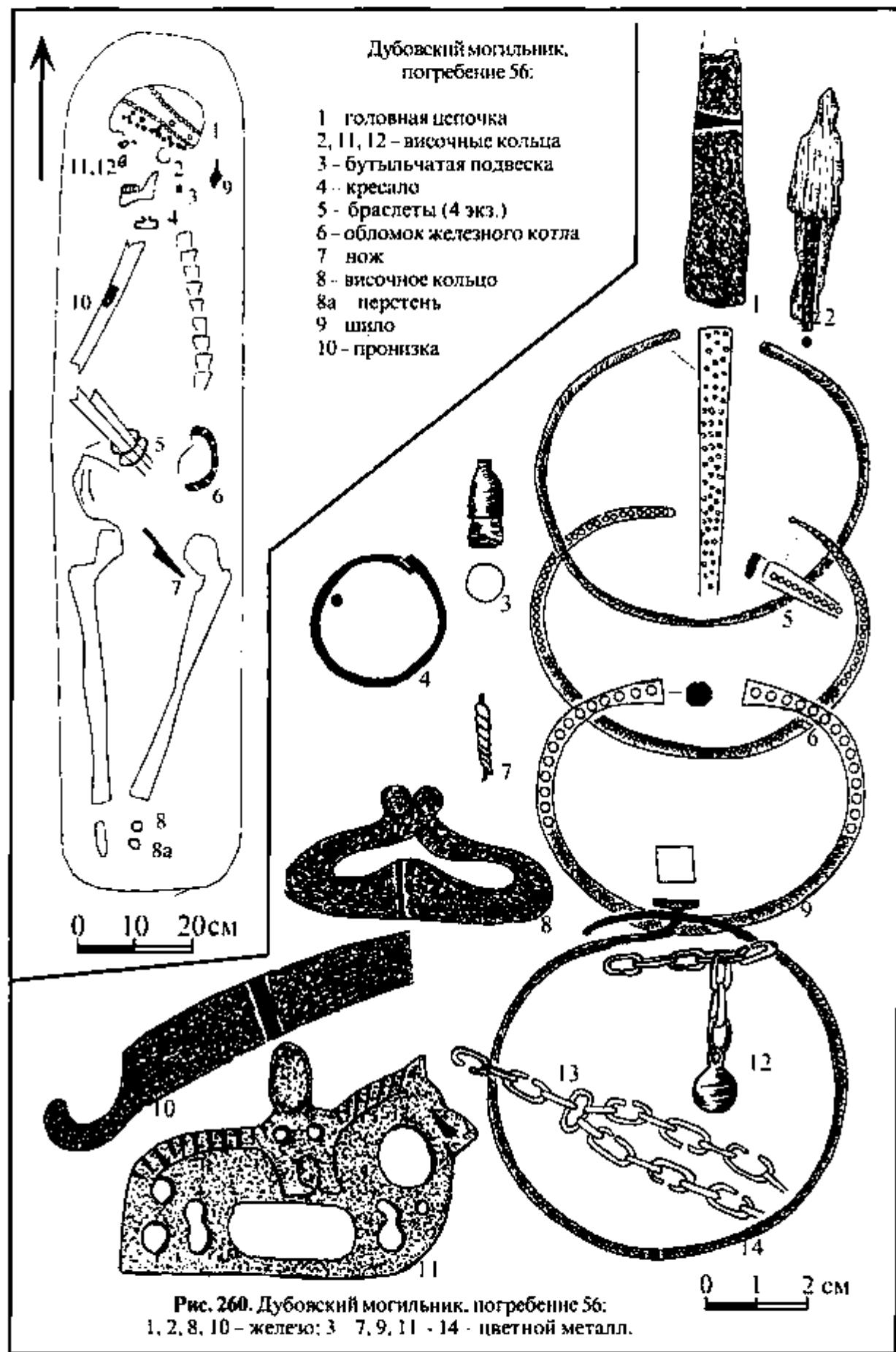
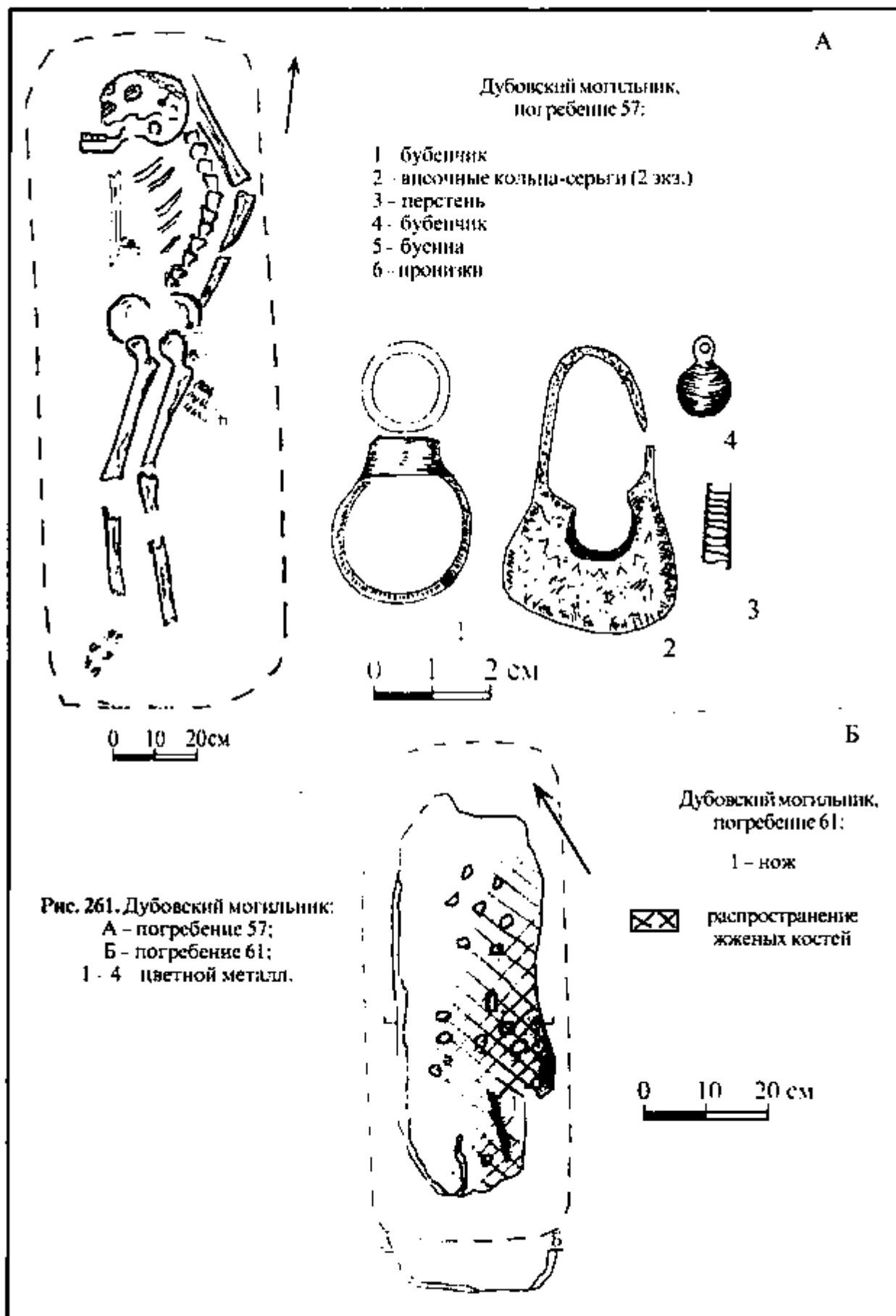

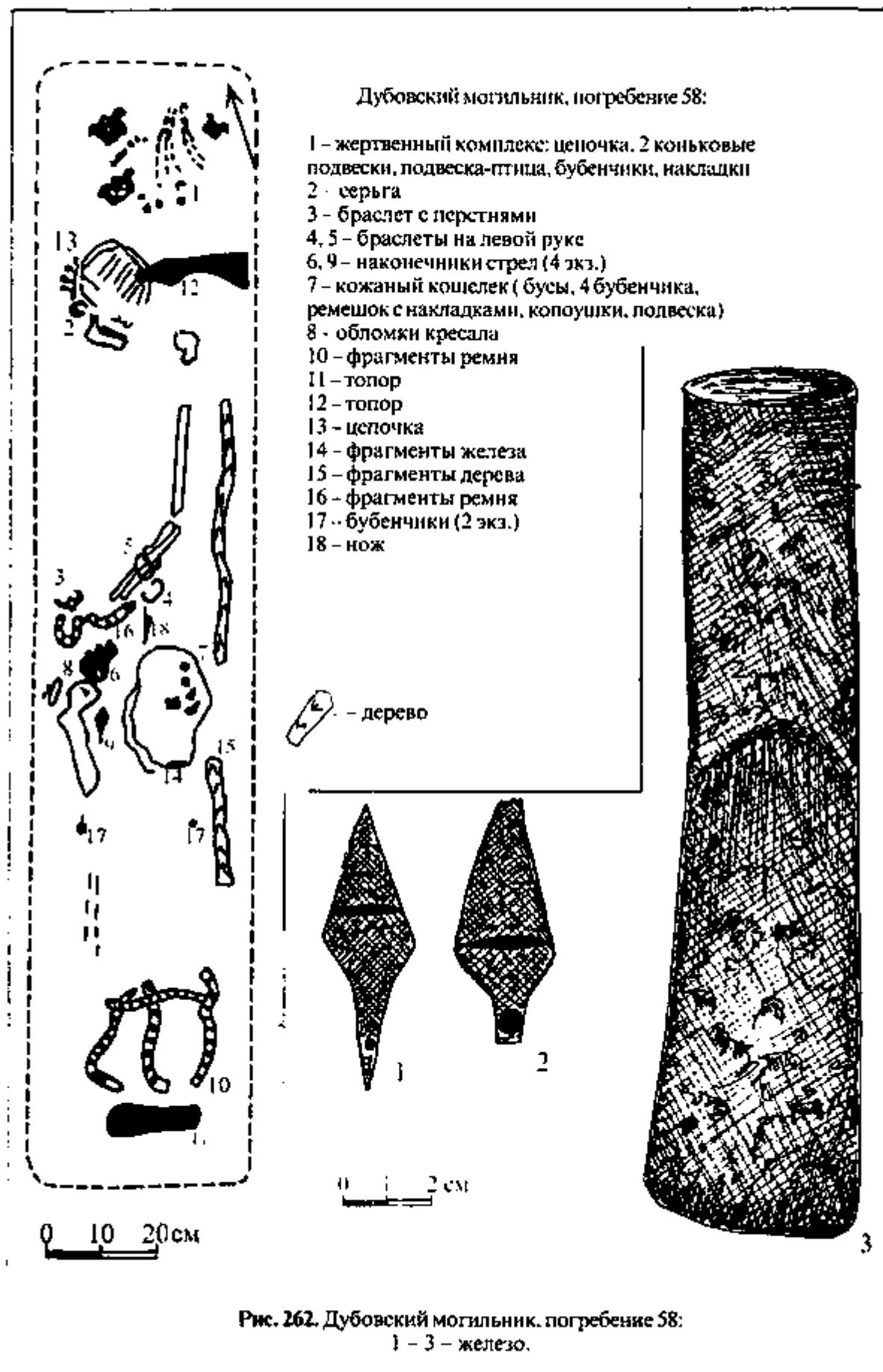
Рис. 257. Дубовский могильник, погребение 52:
1 – 8, 10 – 15, 18 – 22, 24 – 26, 28 – 30, 33, 35, 36, 38, 39, 40, 43, 44 – цветной металл;
9, 17, 23, 27, 31, 32, 34, 37, 41, 42 – кость; 16 – раковина.

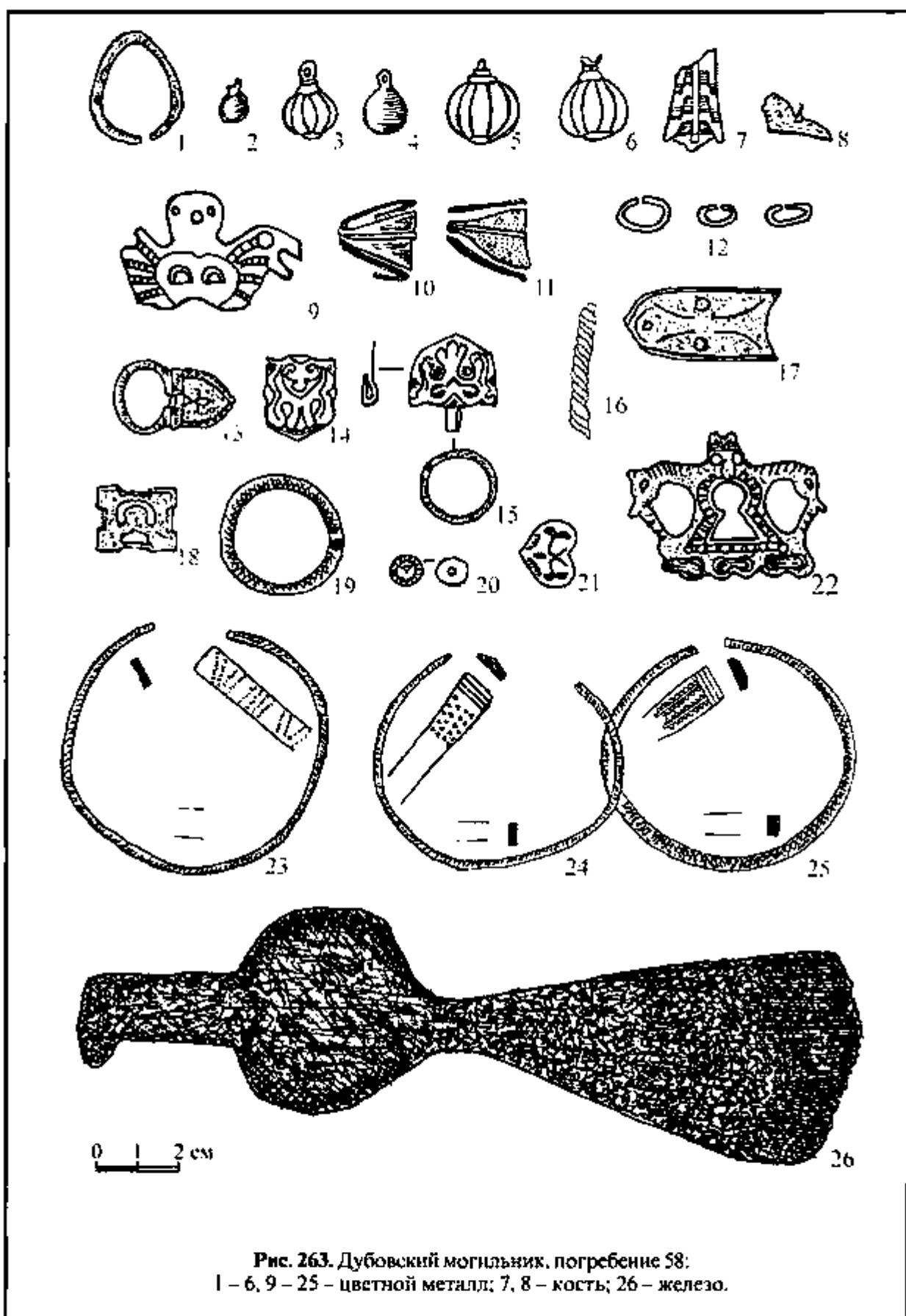

Рис. 263. Дубовский могильник, погребение 58.
1 – 6, 9 – 25 – цветной металл; 7, 8 – кость; 26 – железо.

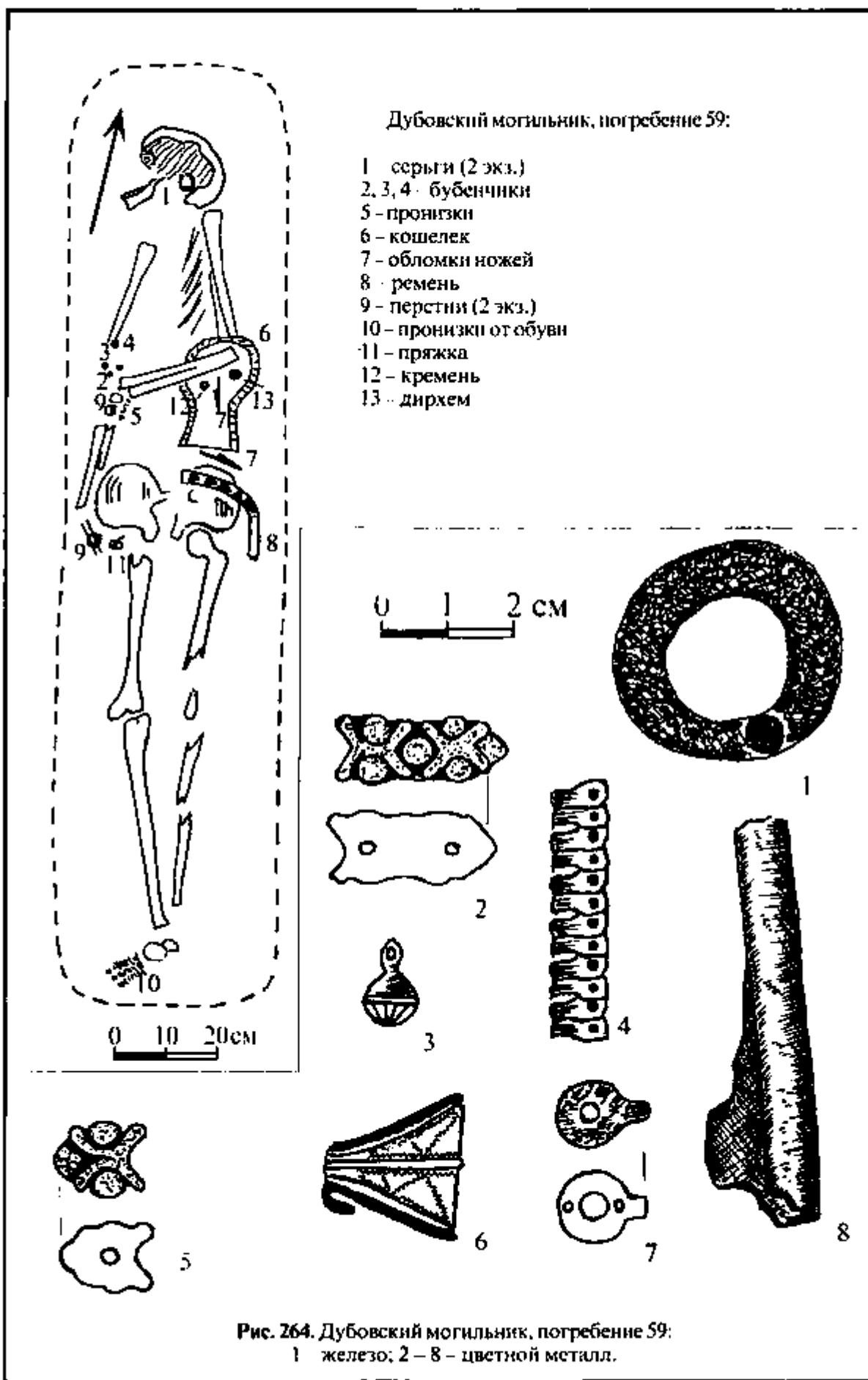

Рис. 264. Дубовский могильник, погребение 59:
1 - железо; 2 – 8 – цветной металл.

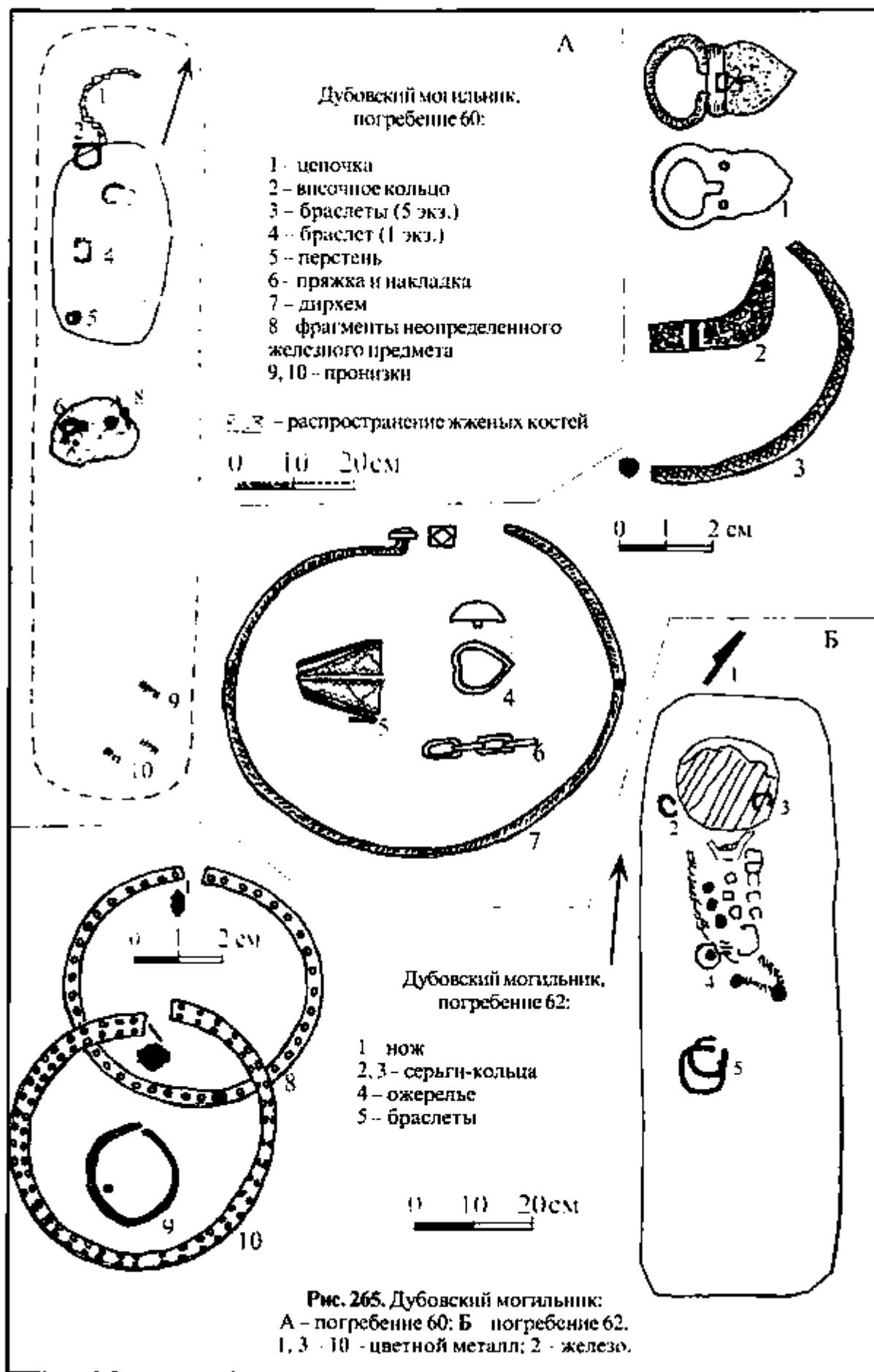

Рис. 265. Дубовский могильник:
А - погребение 60; Б - погребение 62.
1, 3 - 10 - цветной металл; 2 - железо.

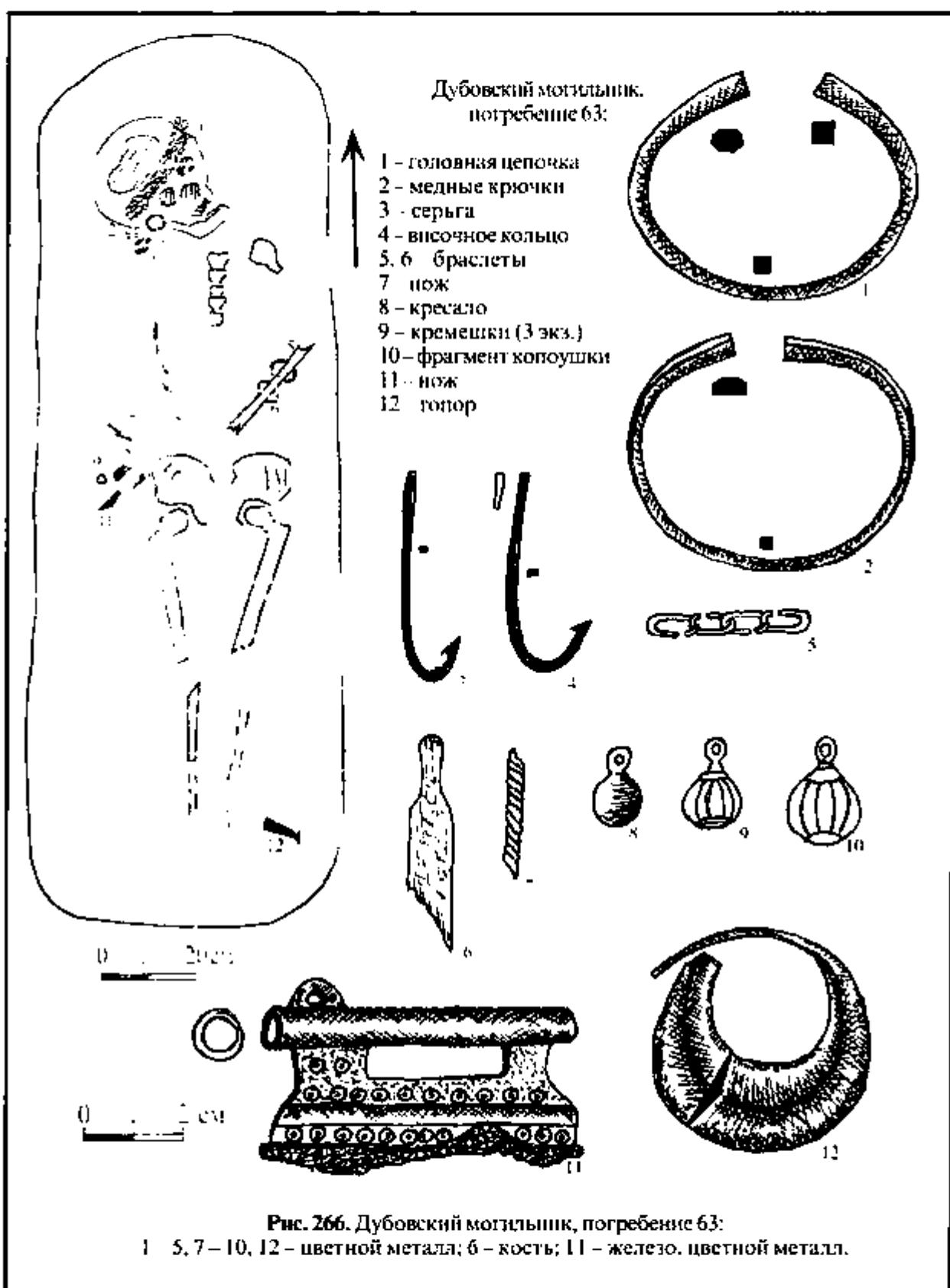

Рис. 266. Дубовский могильник, погребение 63:
1 - 5, 7 - 10, 12 - цветной металл; 6 - кость; 11 - железо, цветной металл.

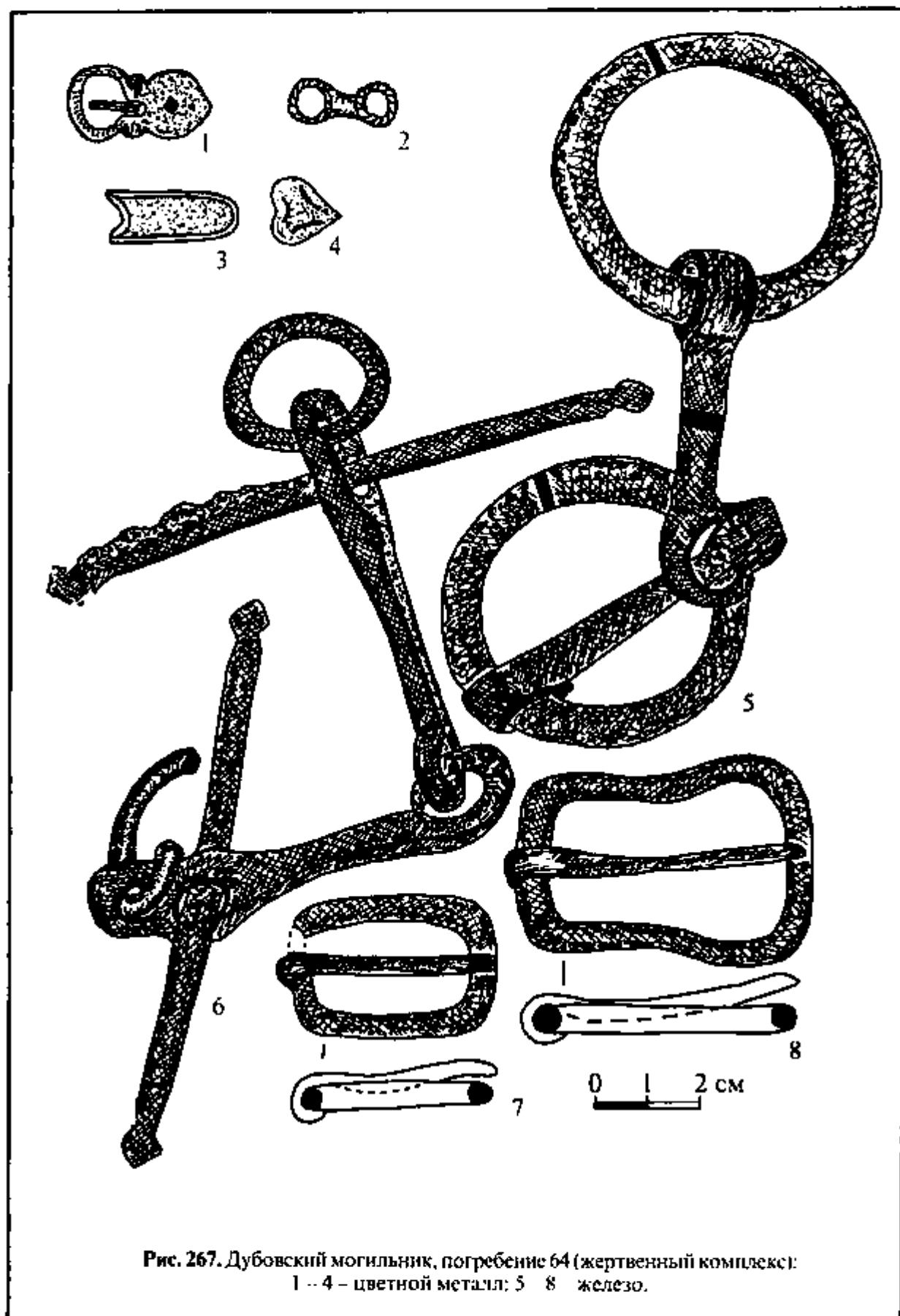

Рис. 267. Дубовский могильник, погребение 64 (жертвенный комплекс):
1 - 4 - цветной металл; 5 - 8 - железо.

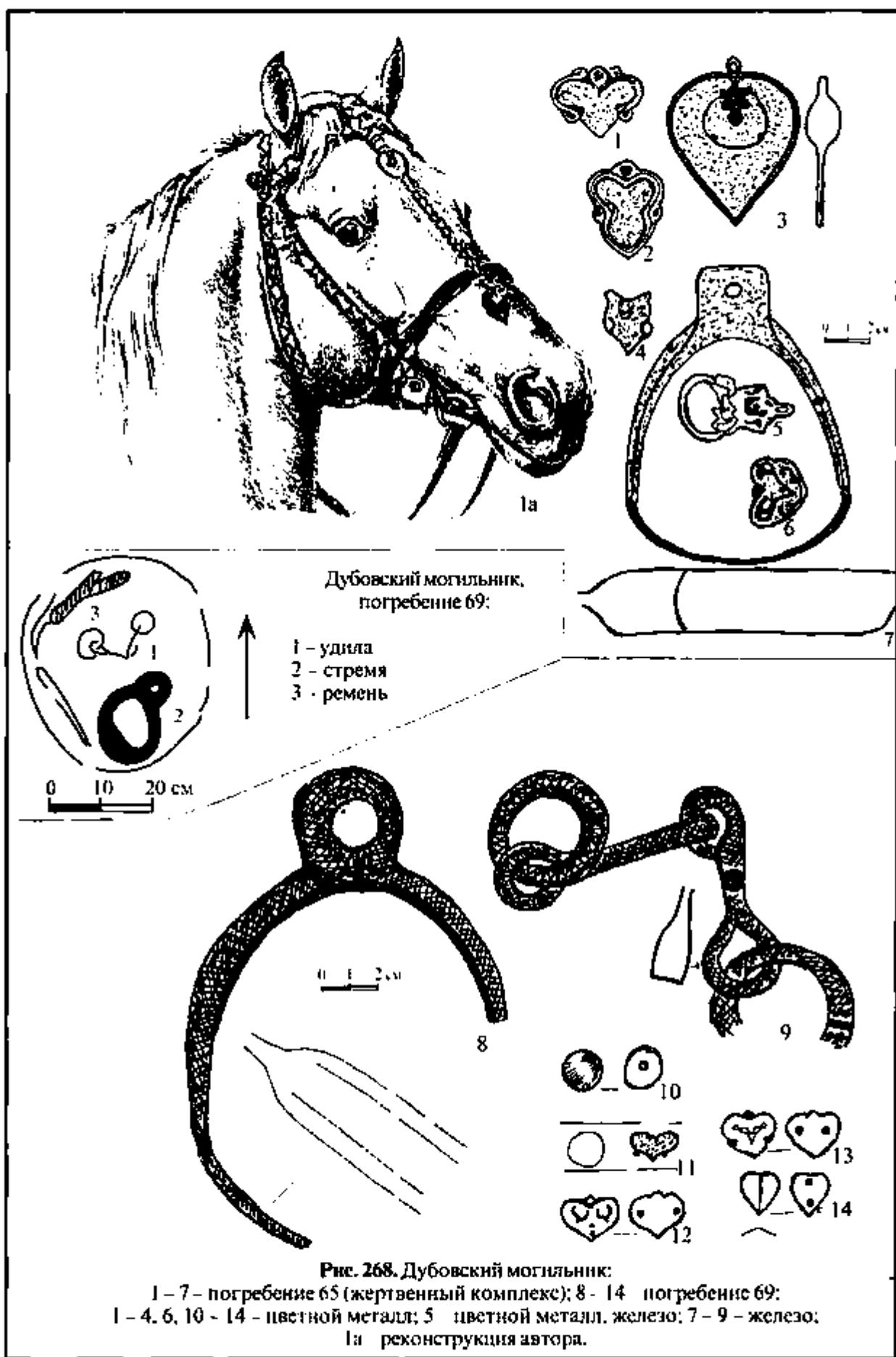
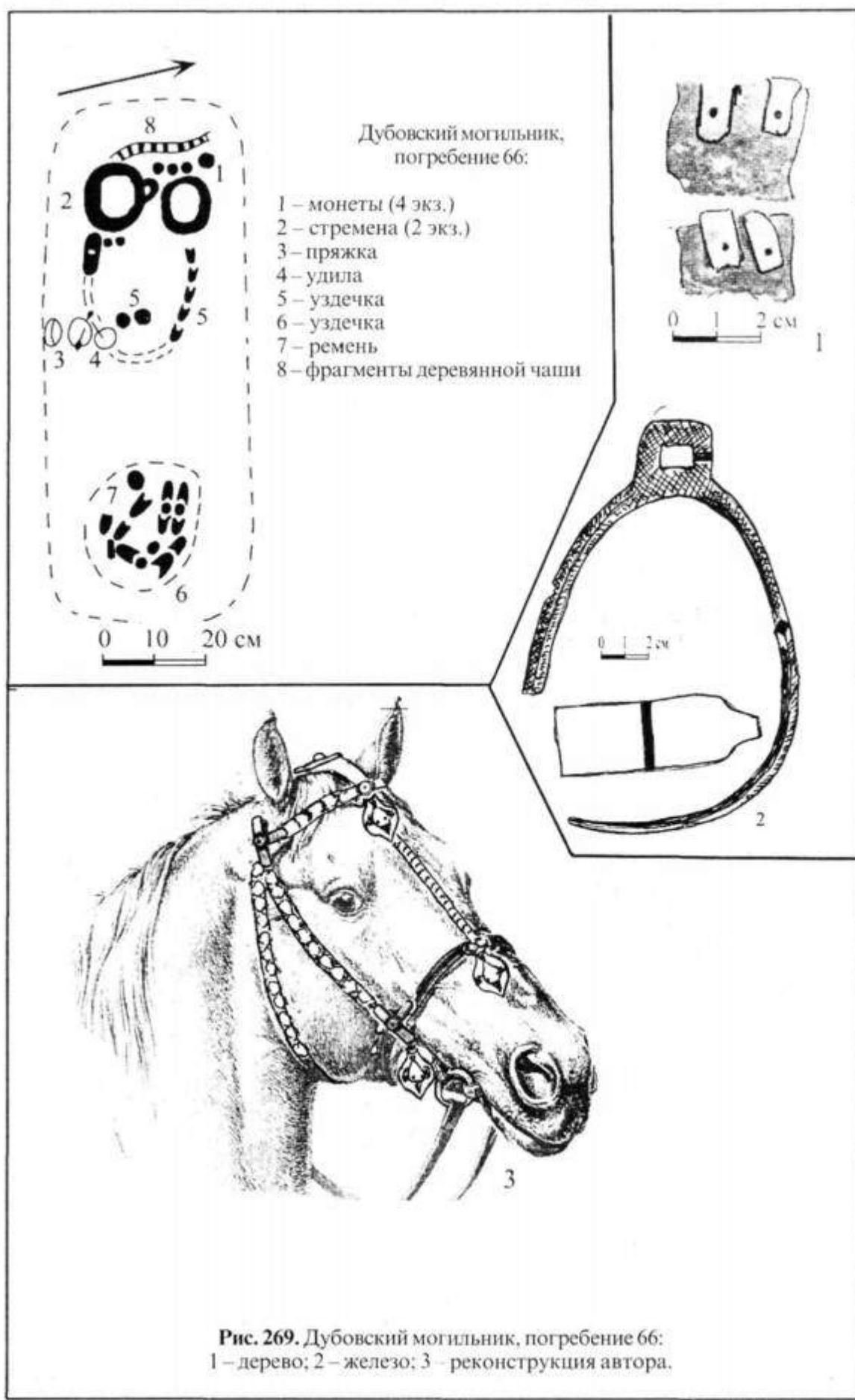

Рис. 268. Дубовский могильник:

1 - 7 - погребение 65 (жертвенный комплекс); 8 - 14 - погребение 69;
1 - 4, 6, 10 - 14 - цветной металл; 5 - цветной металл. железо; 7 - 9 - железо;
1а - реконструкция автора.

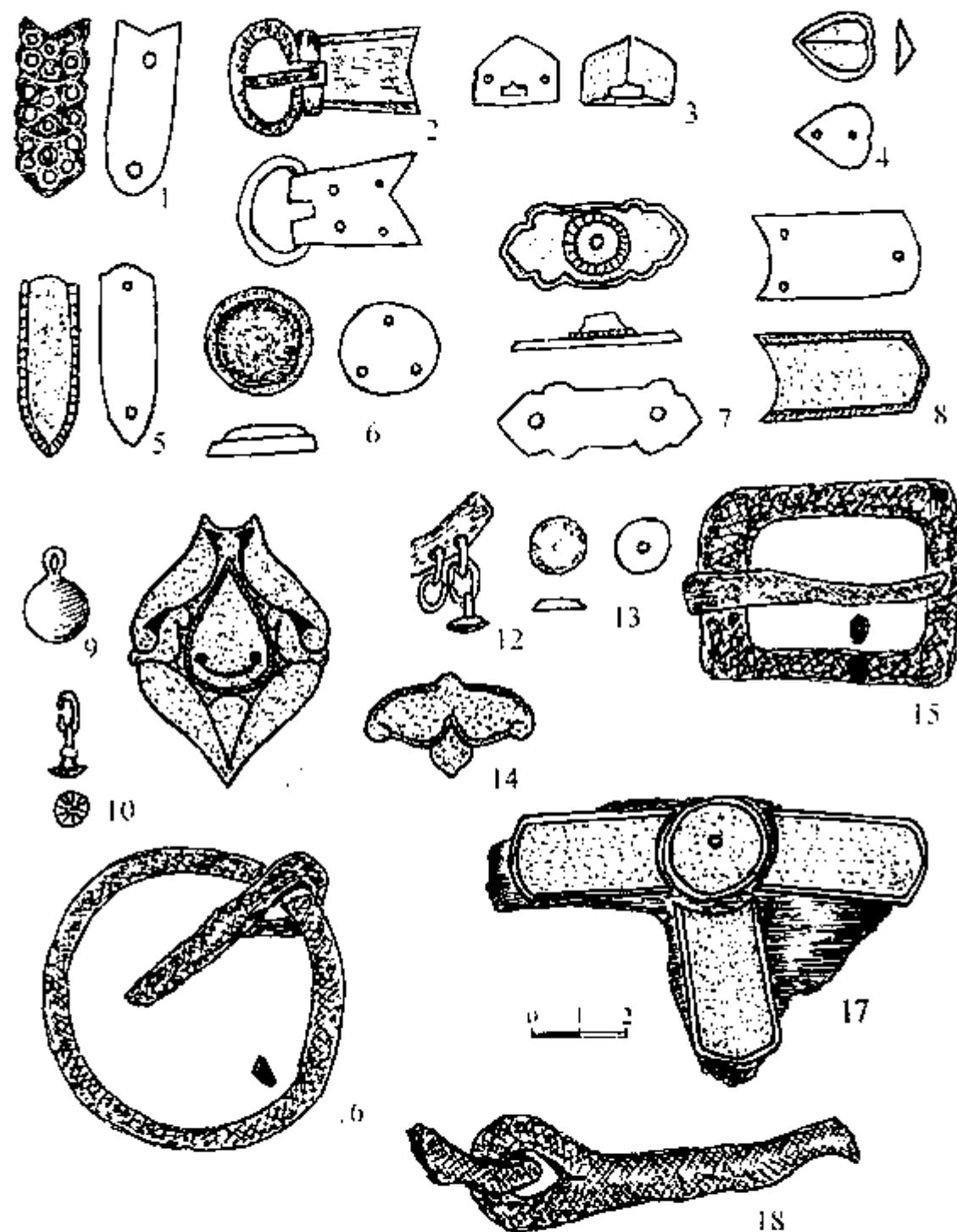
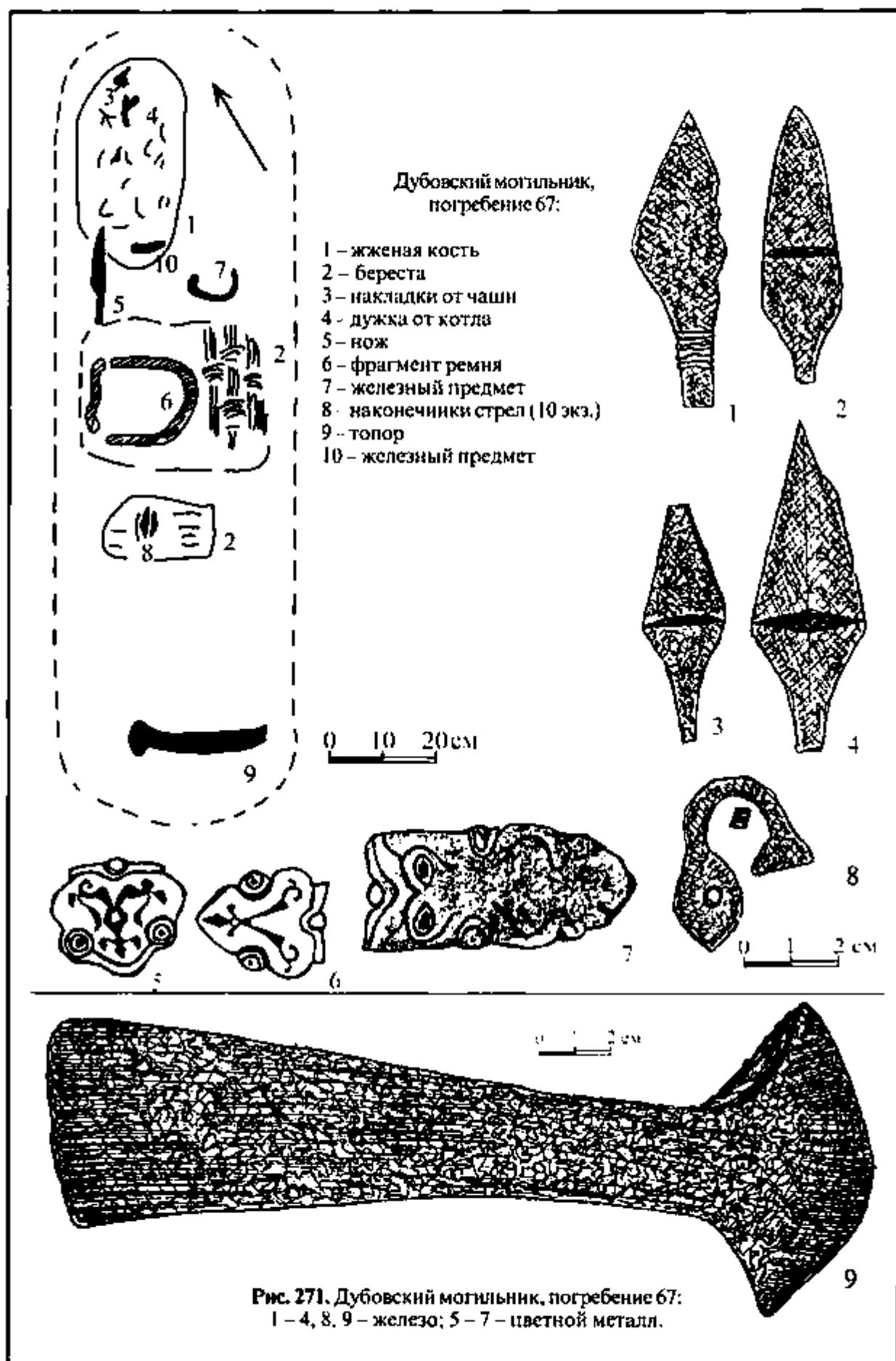
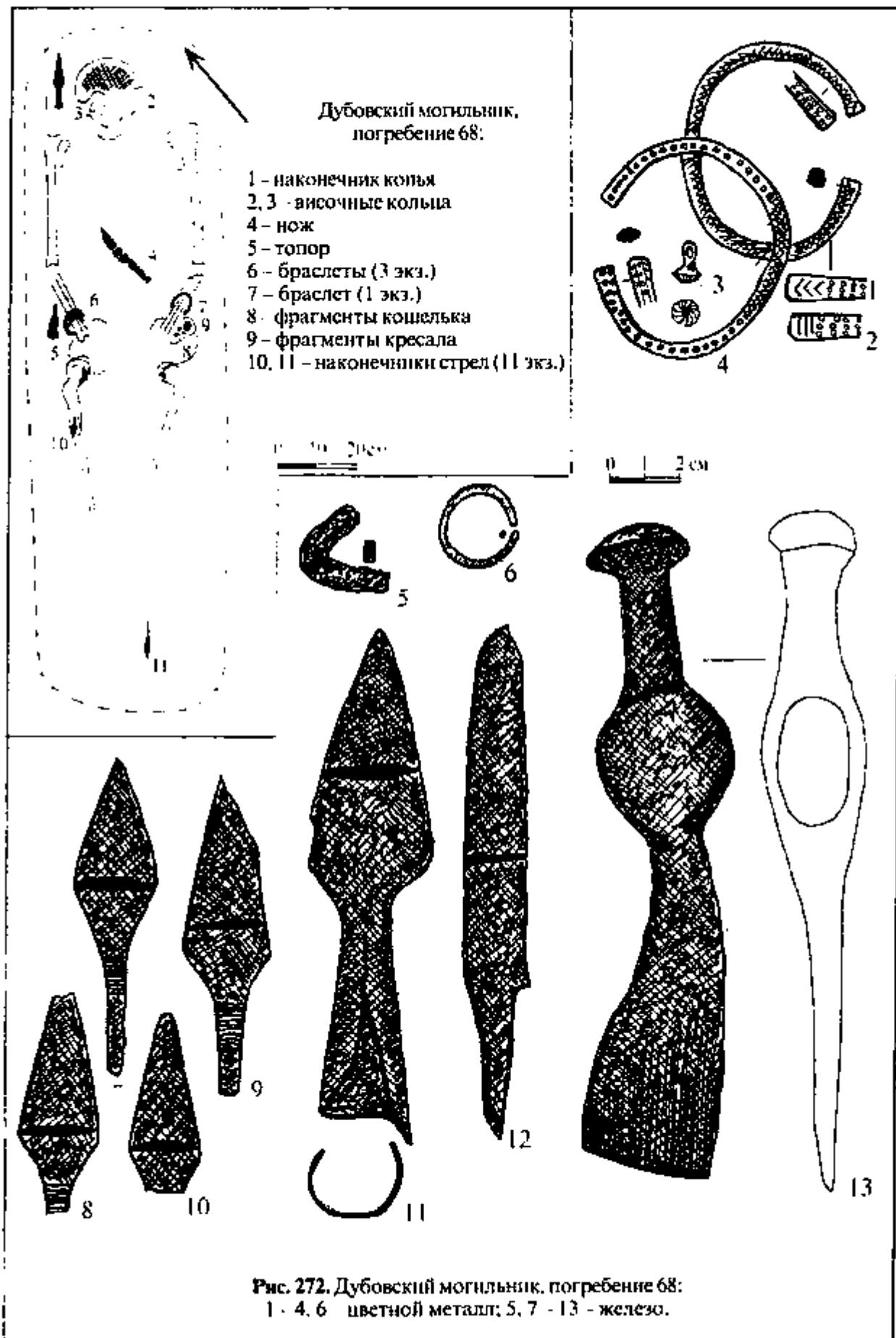
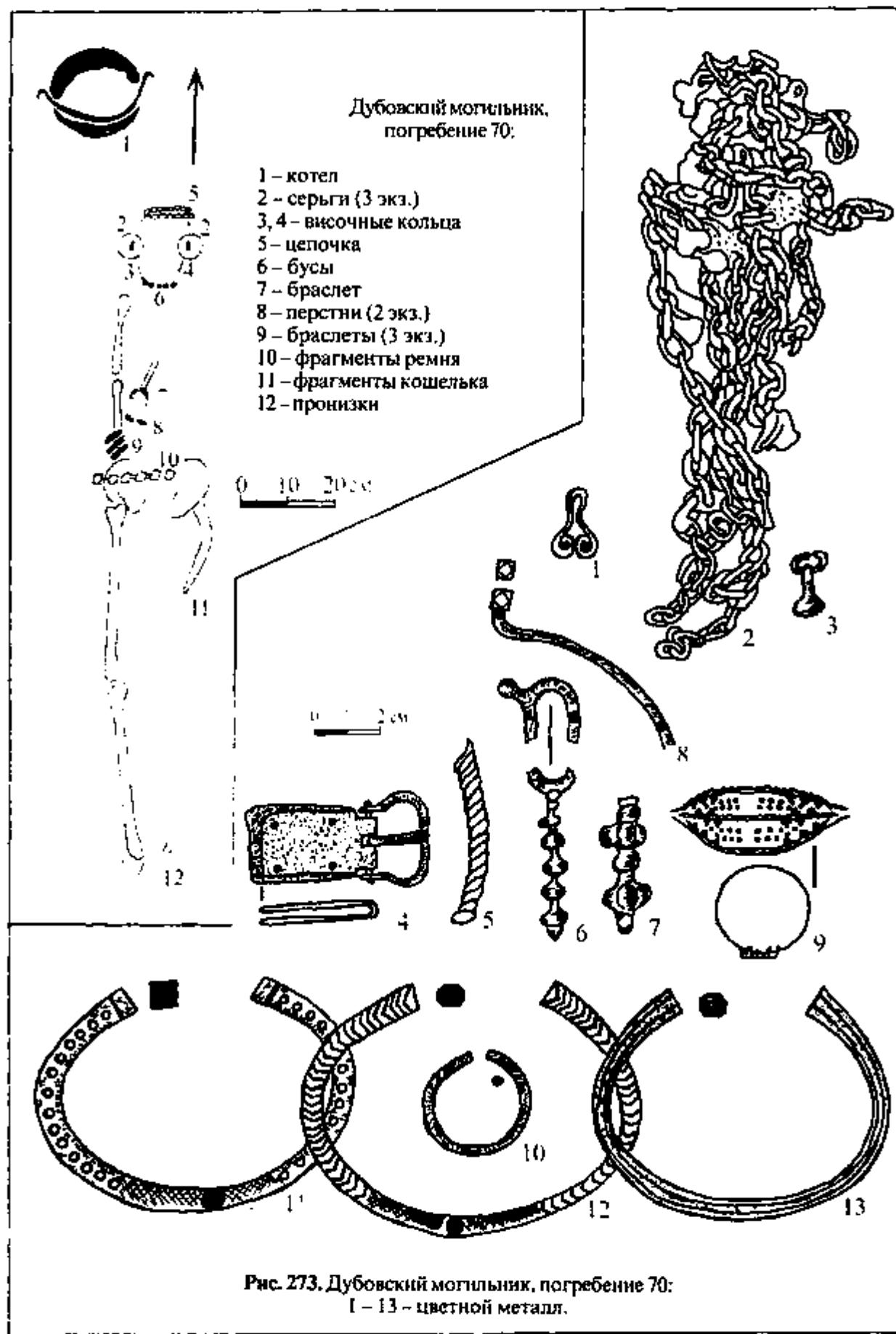
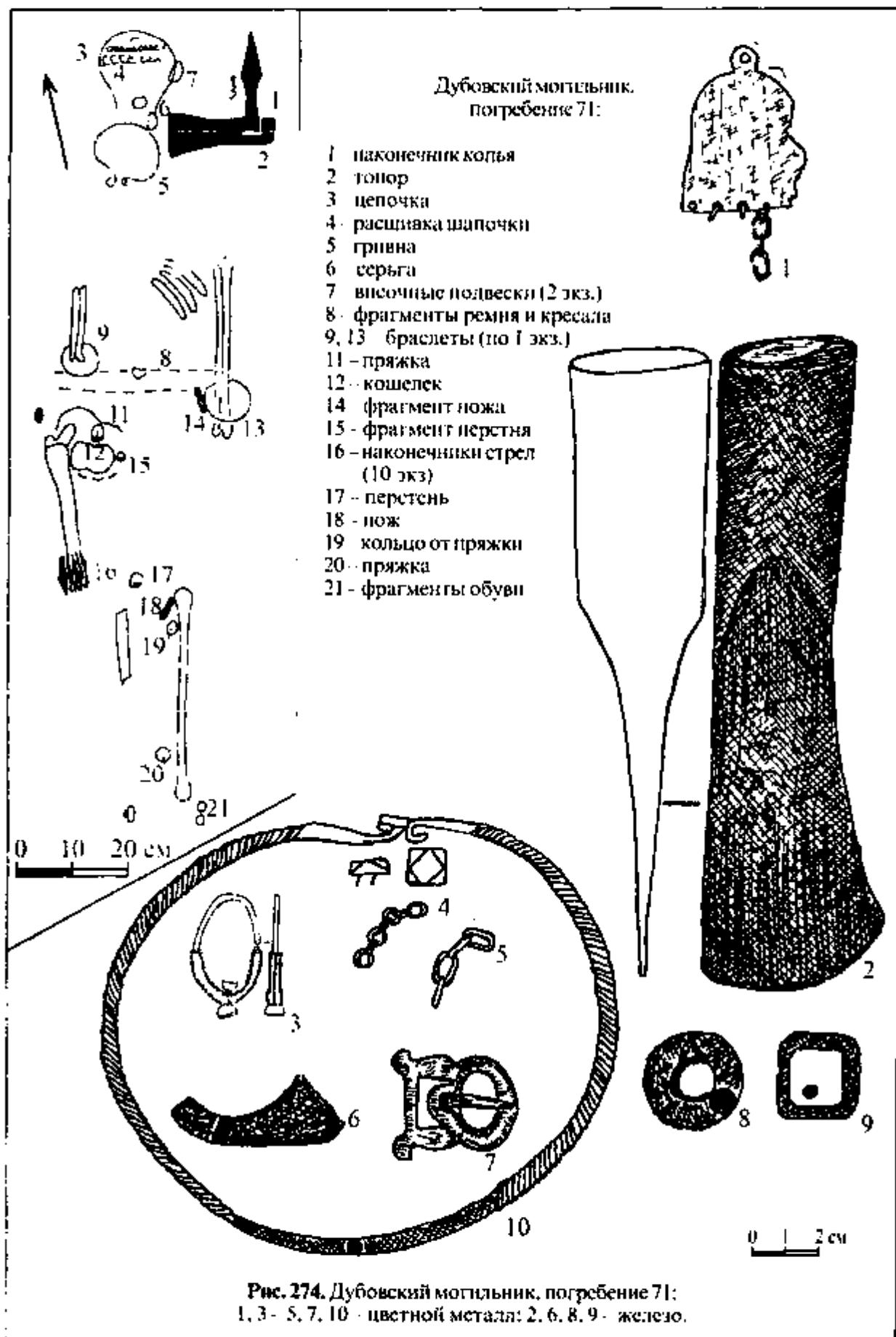

Рис. 270. Дубовский могильник, погребение 66:
1 – 11, 13, 14 – цветной металл; 12, 17 – цветной металл, кожа;
15, 16, 18 – железо.

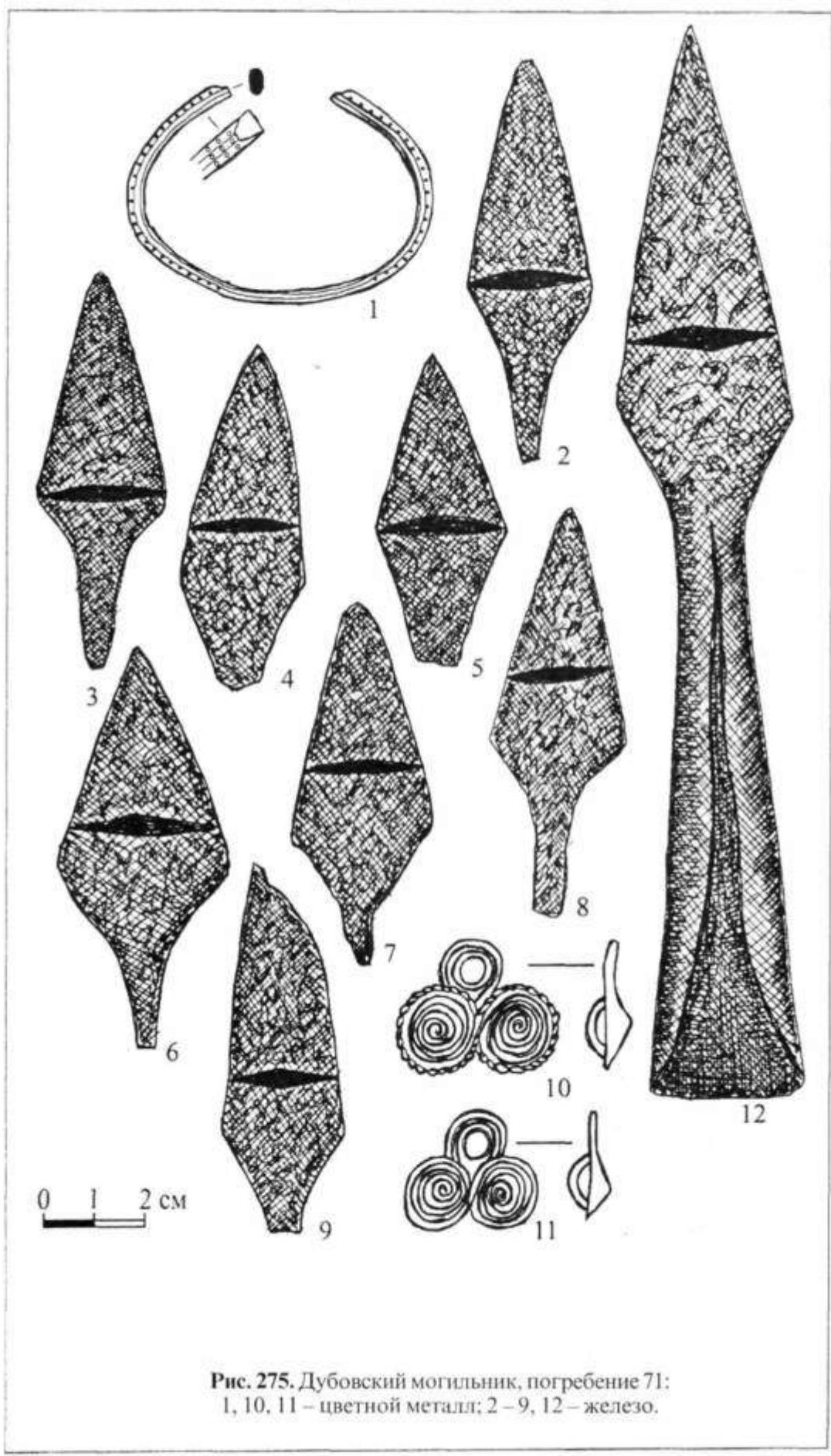
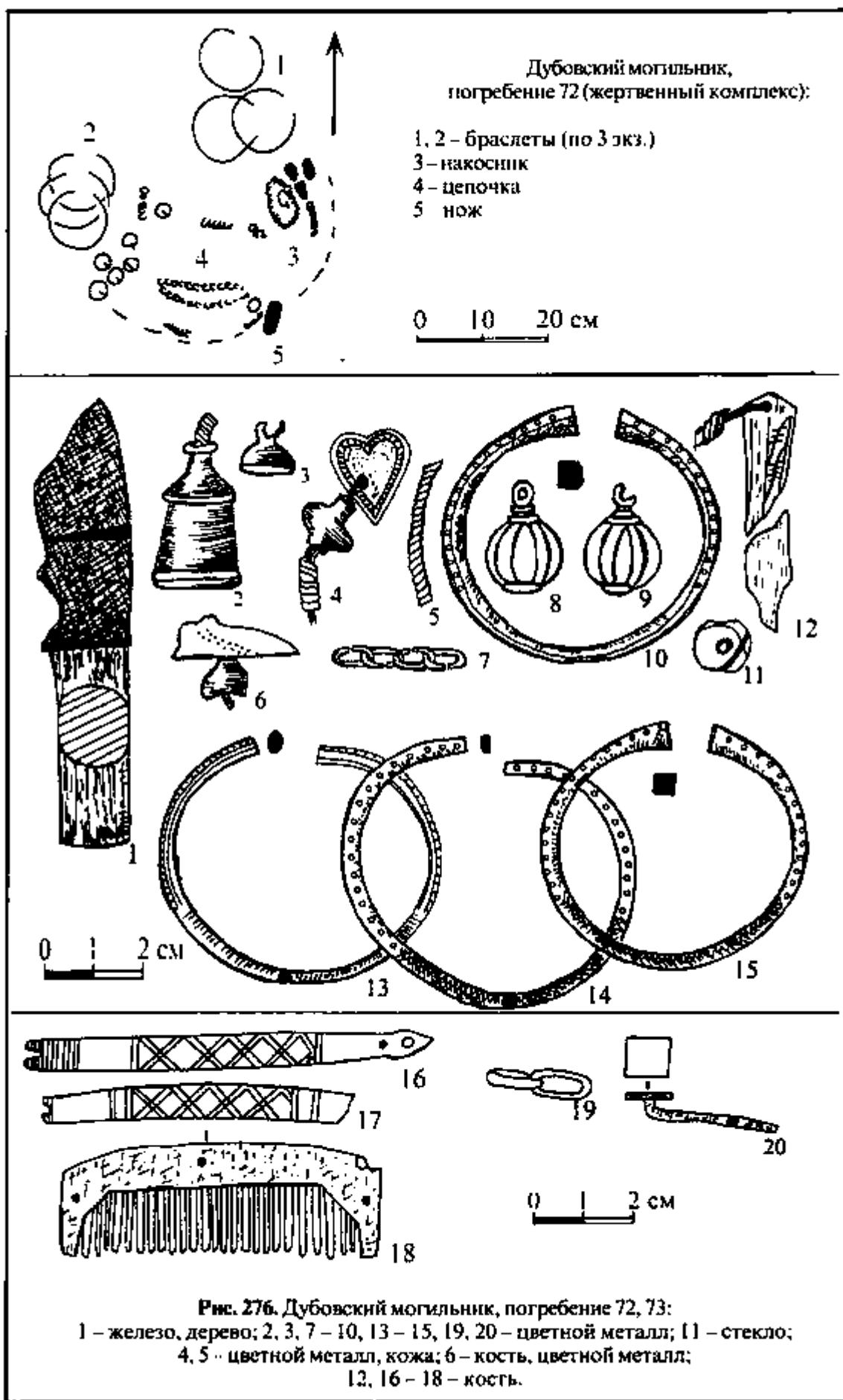
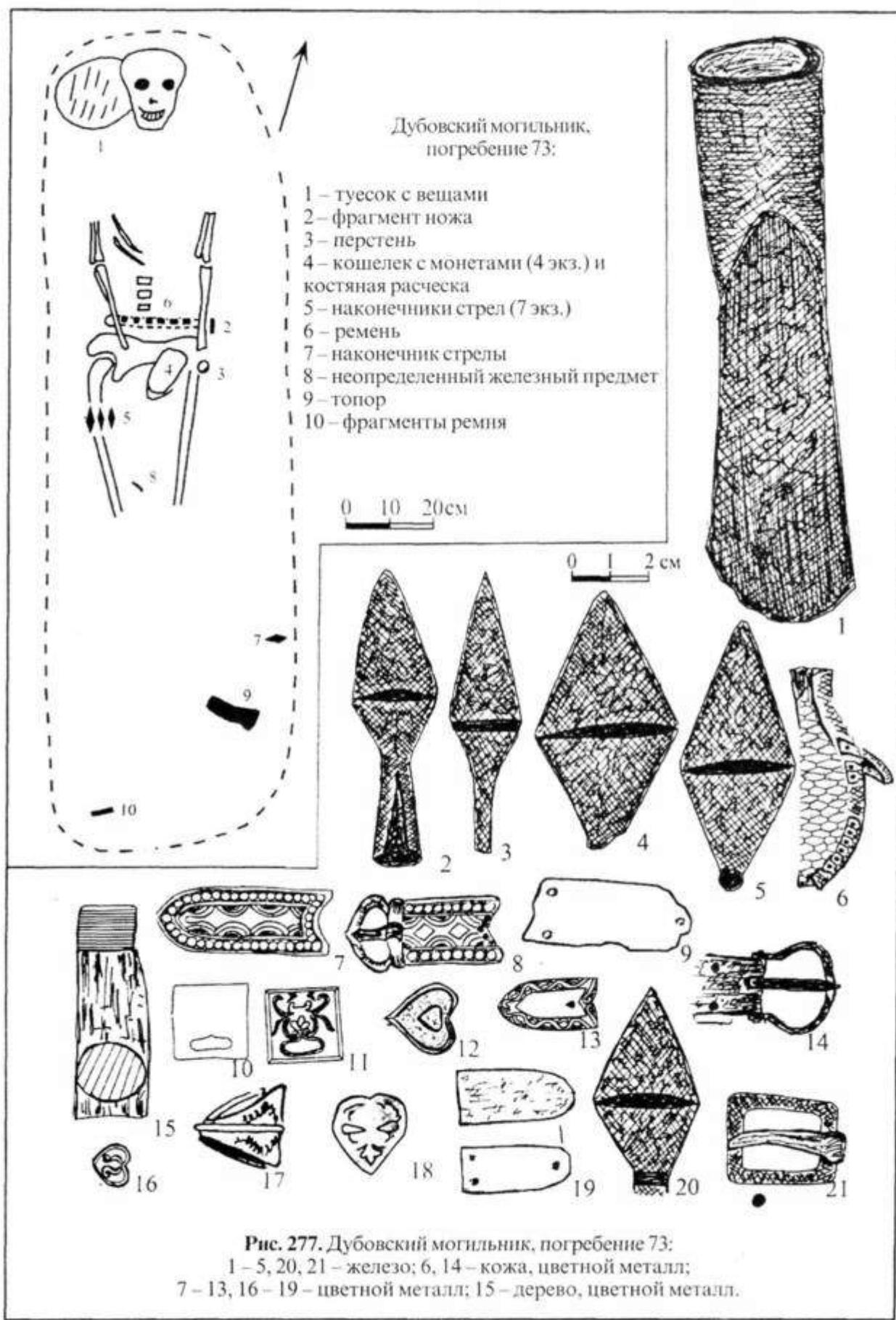
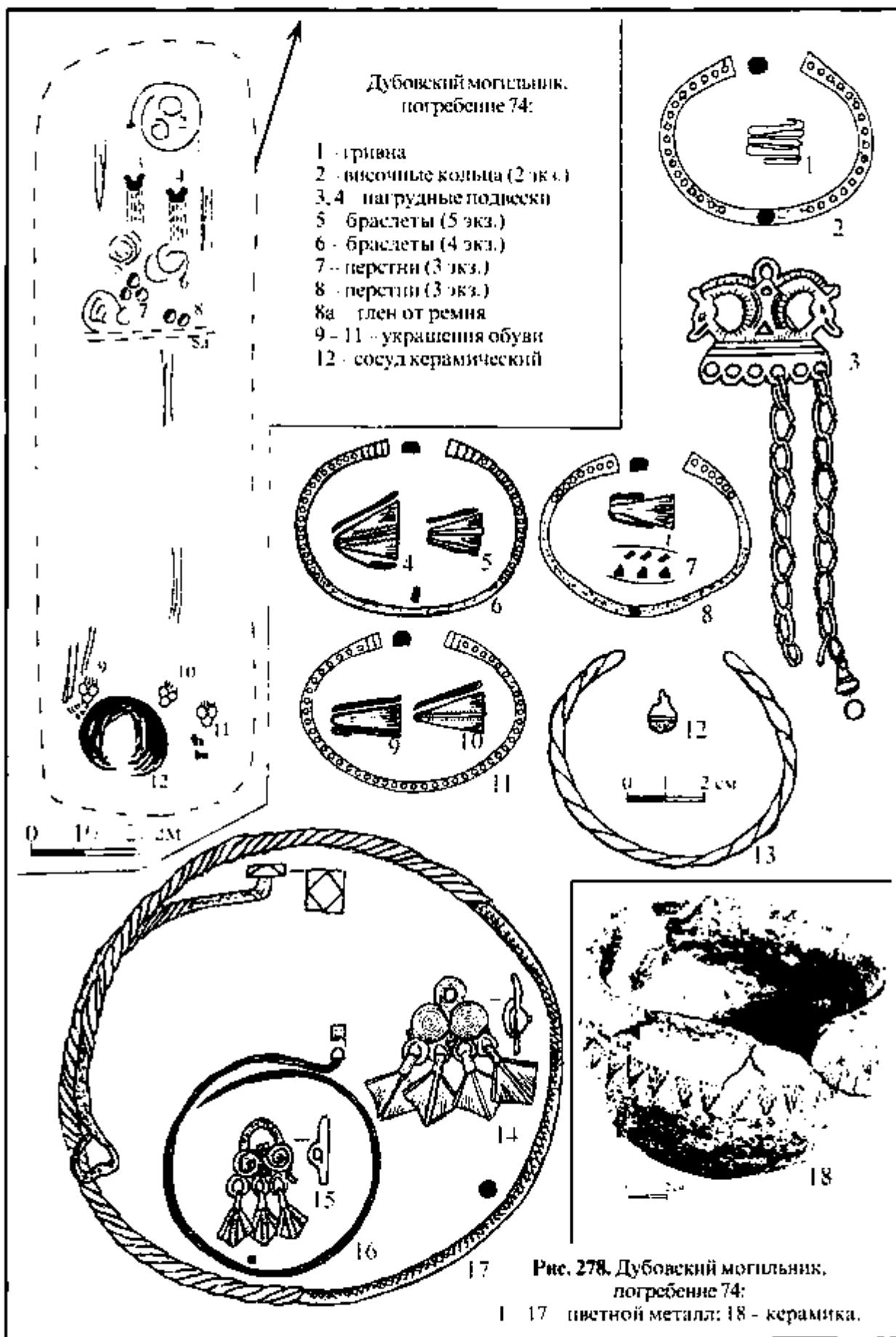
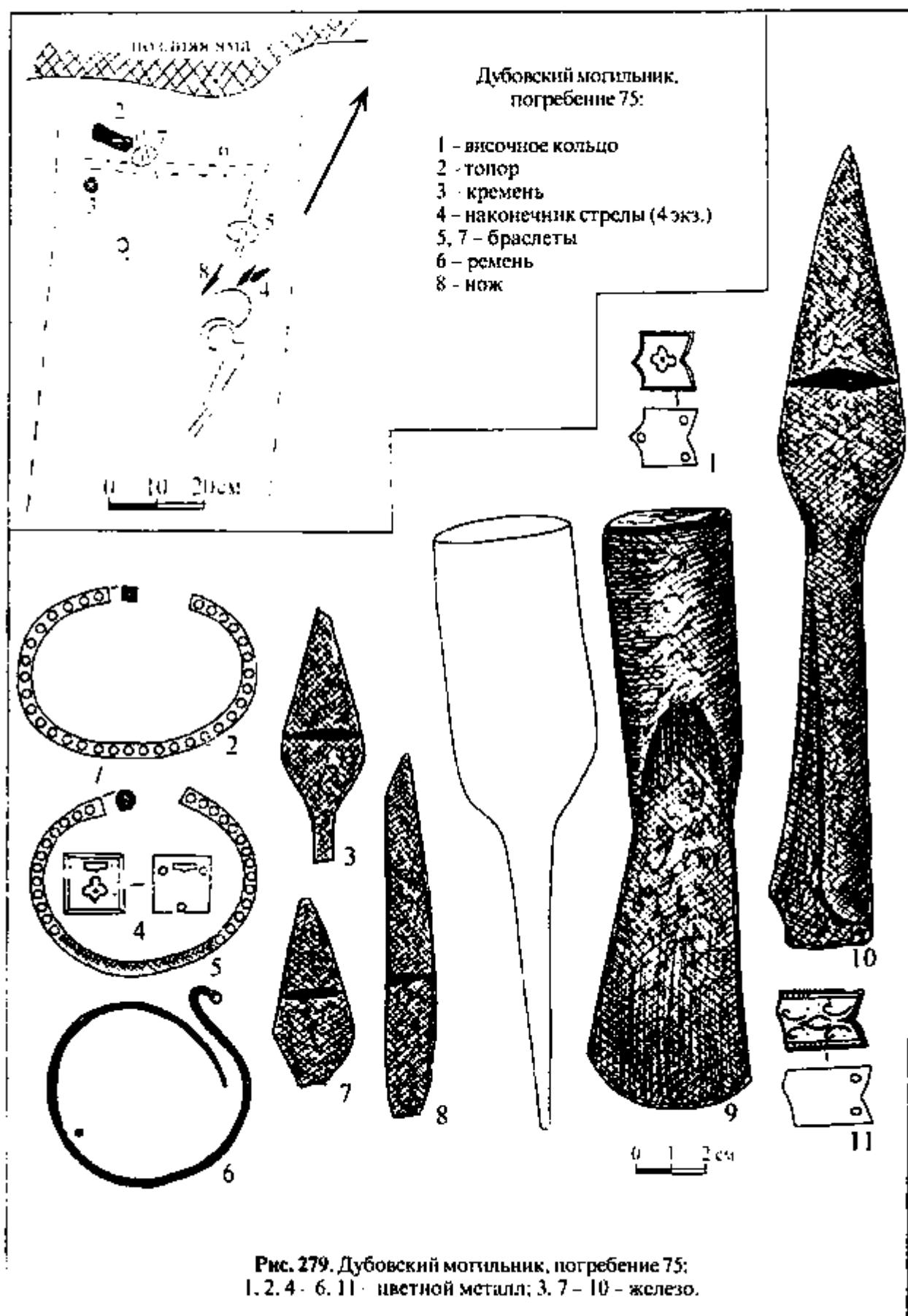

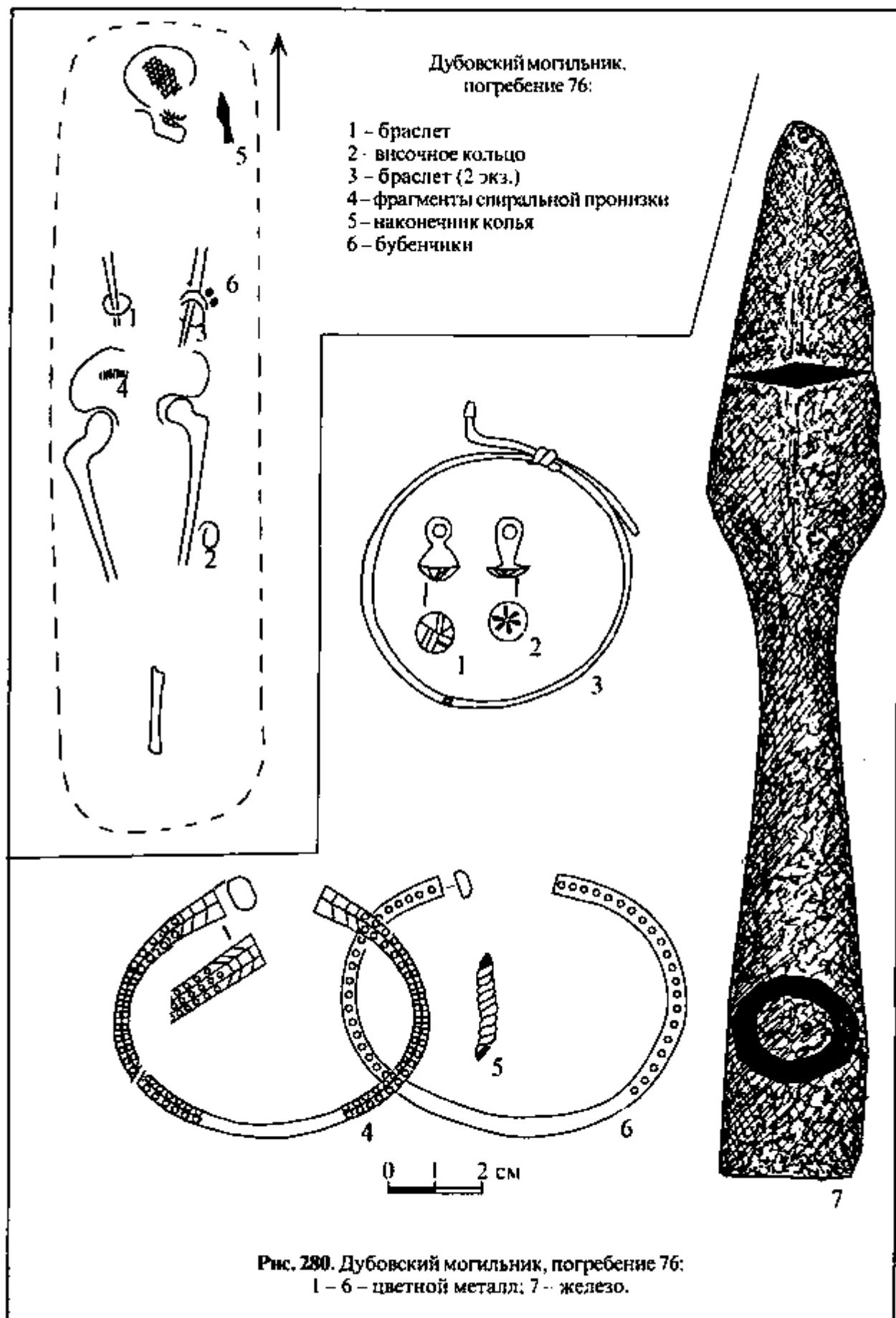
Рис. 275. Дубовский могильник, погребение 71:
1, 10, 11 – цветной металл; 2 – 9, 12 – железо.

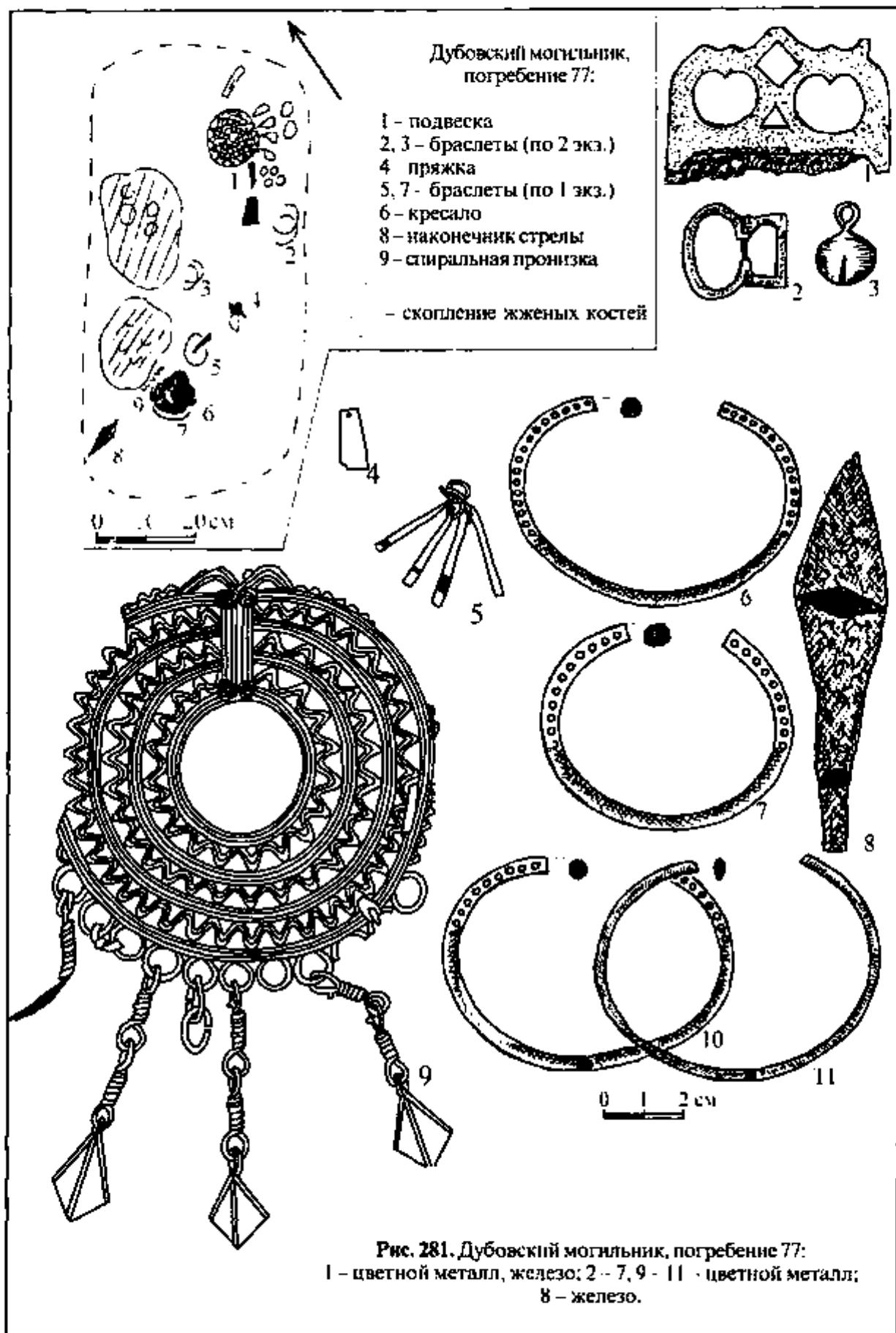

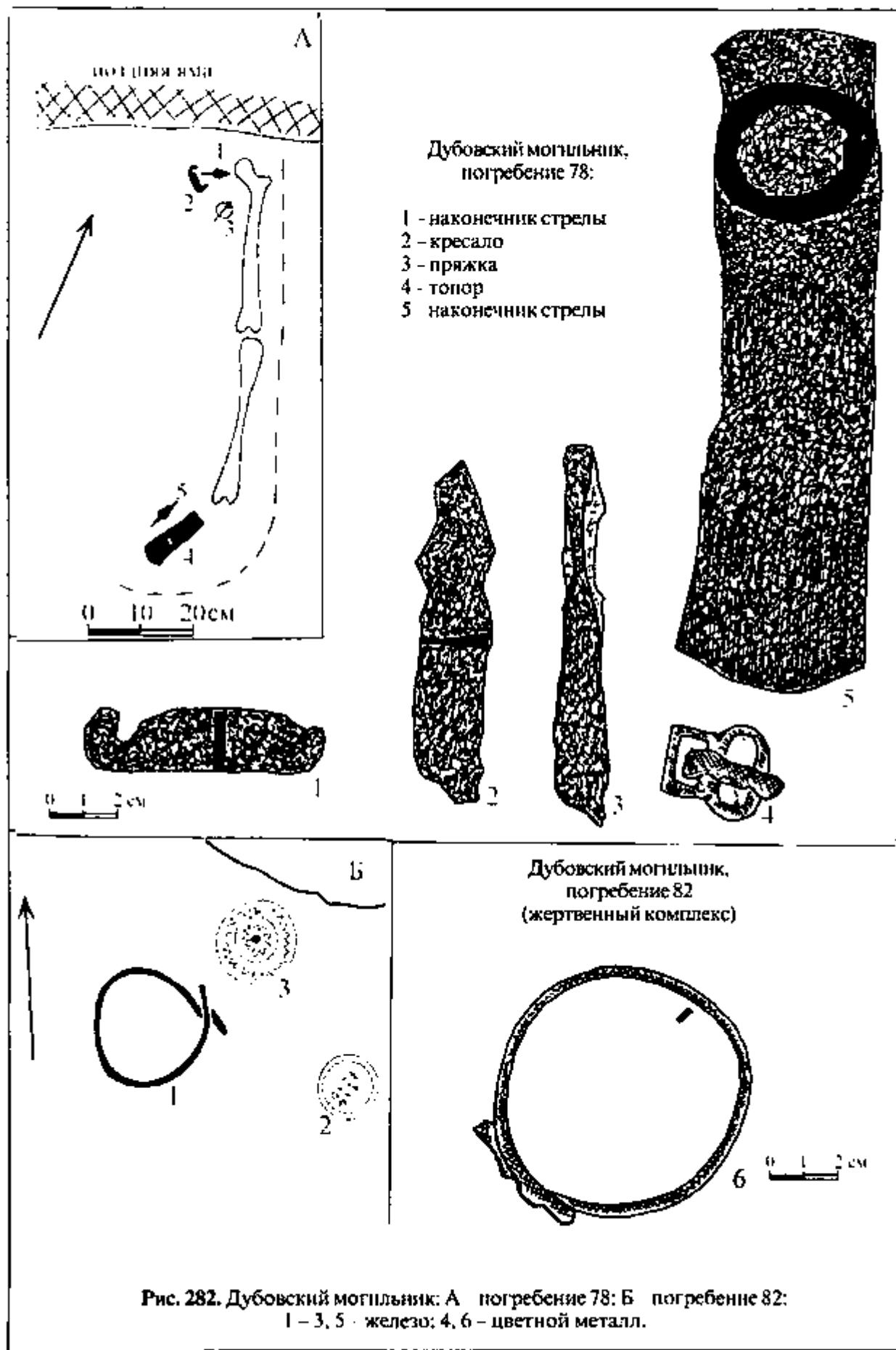

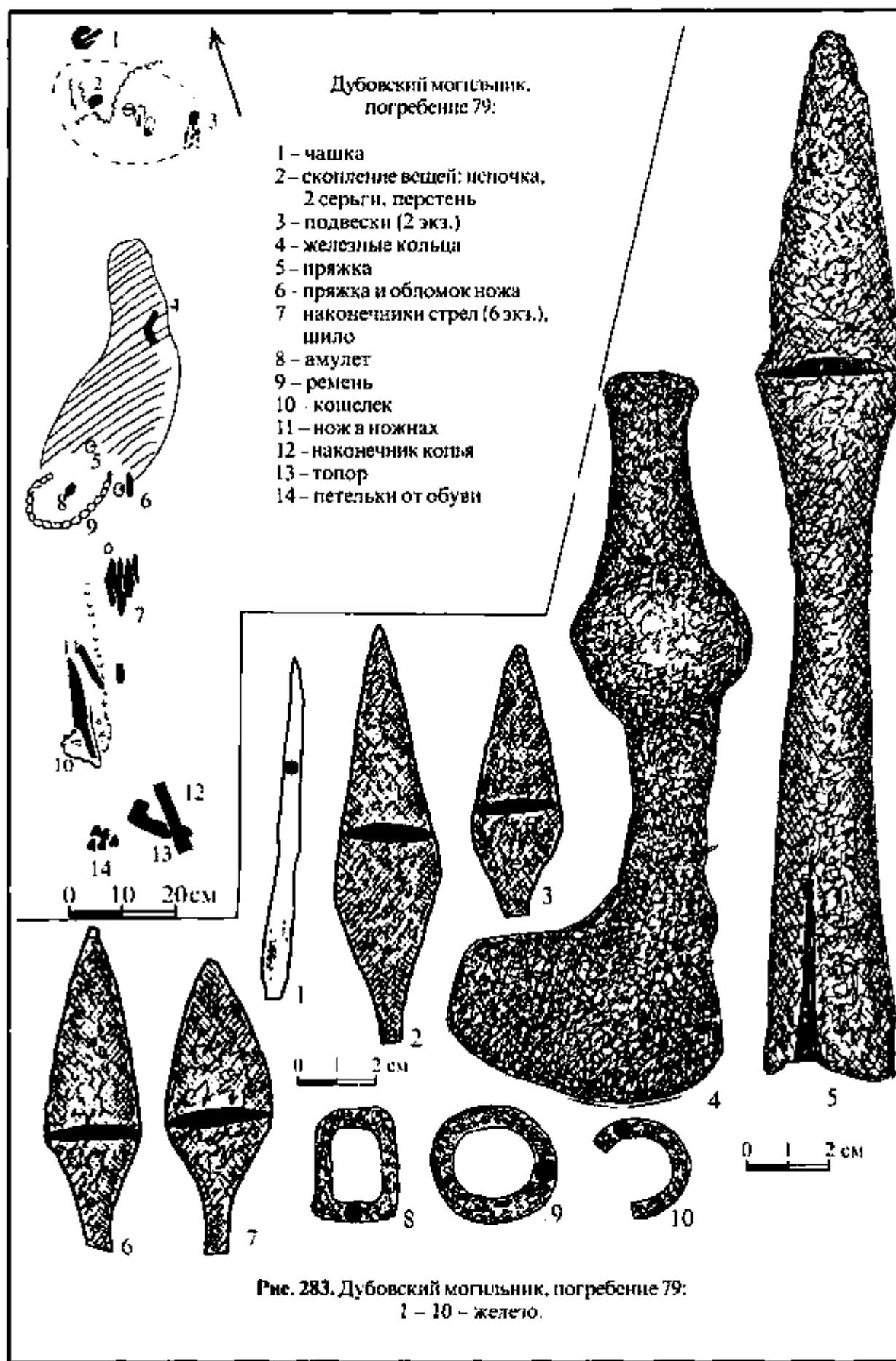

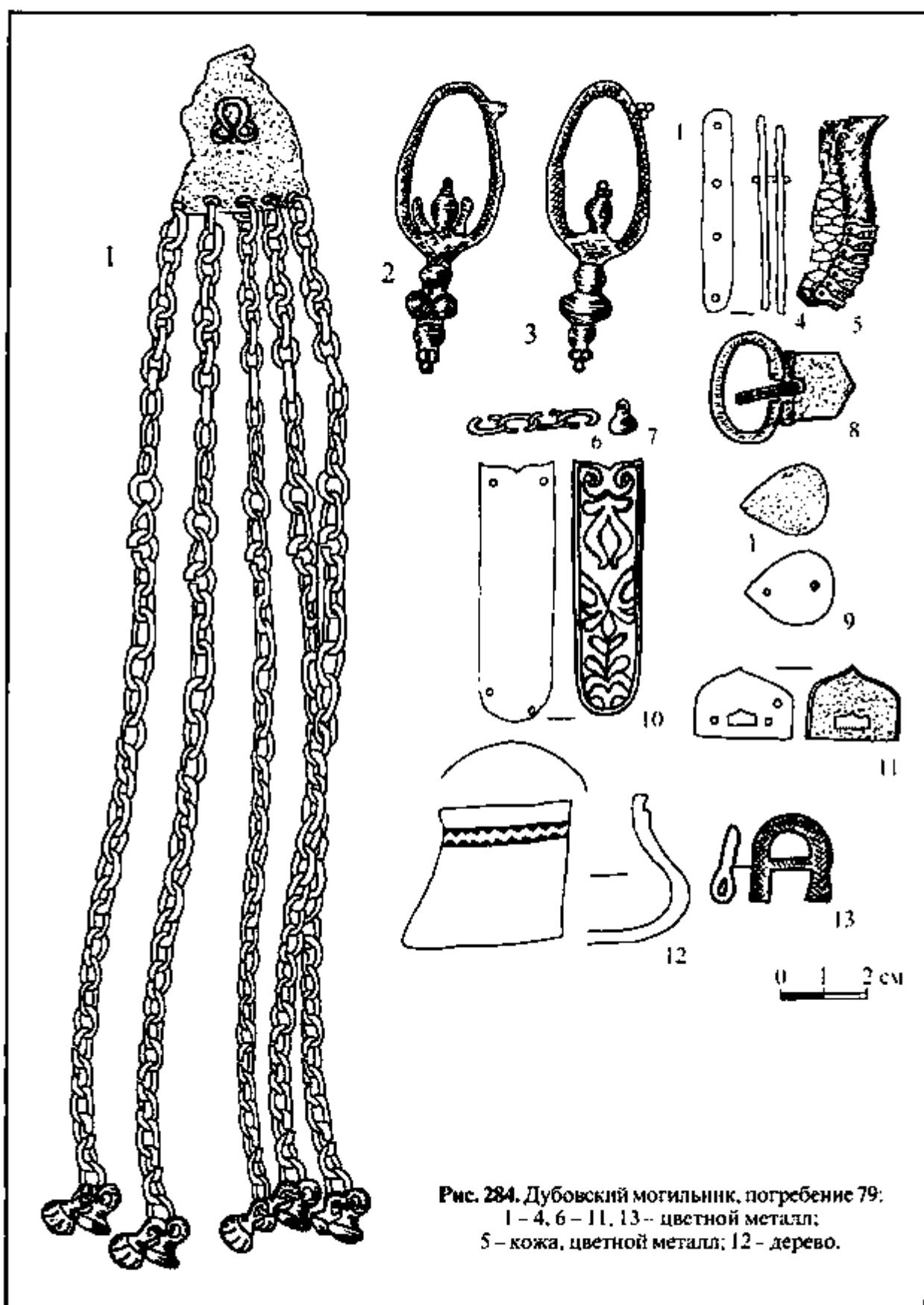

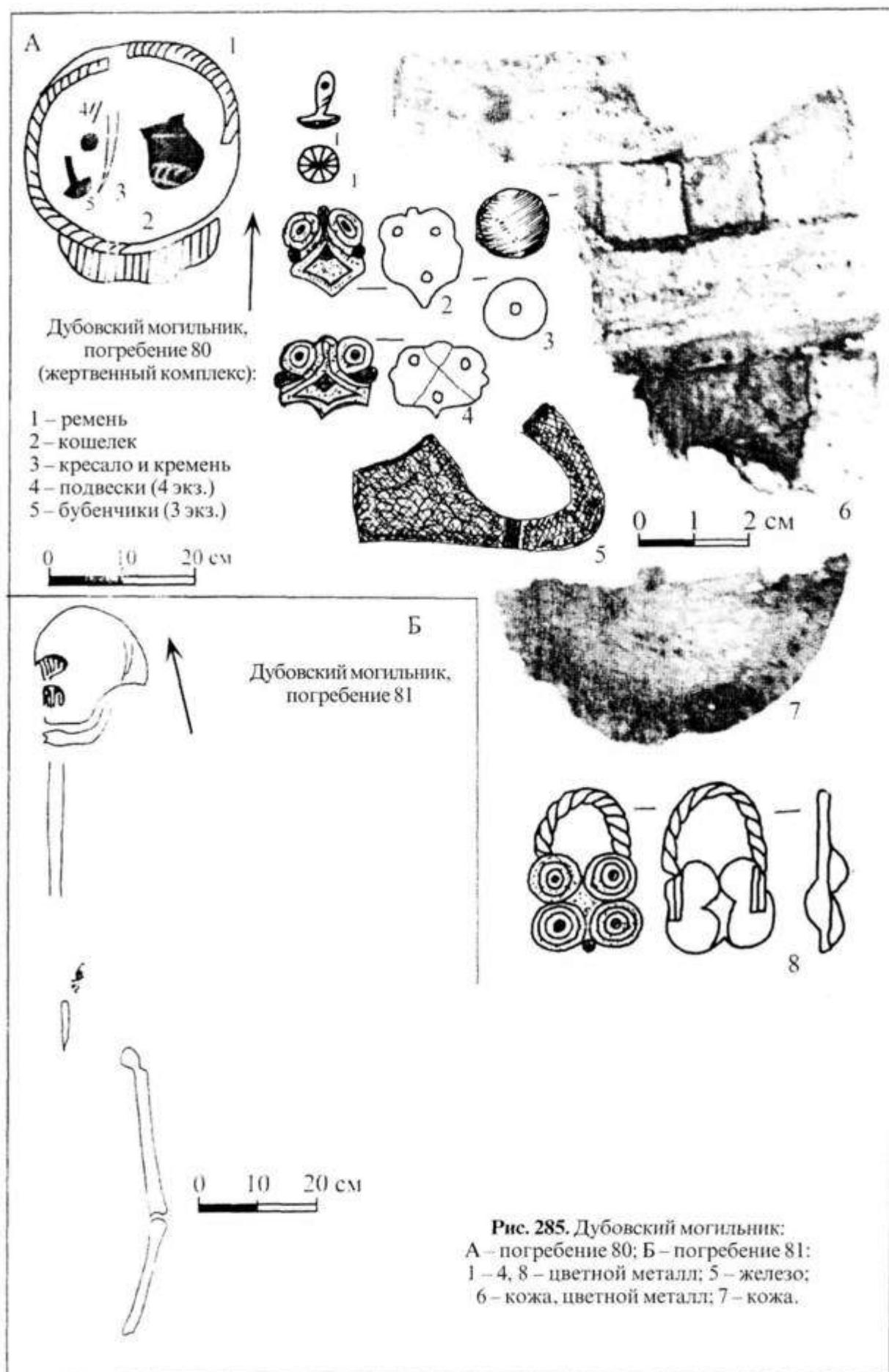
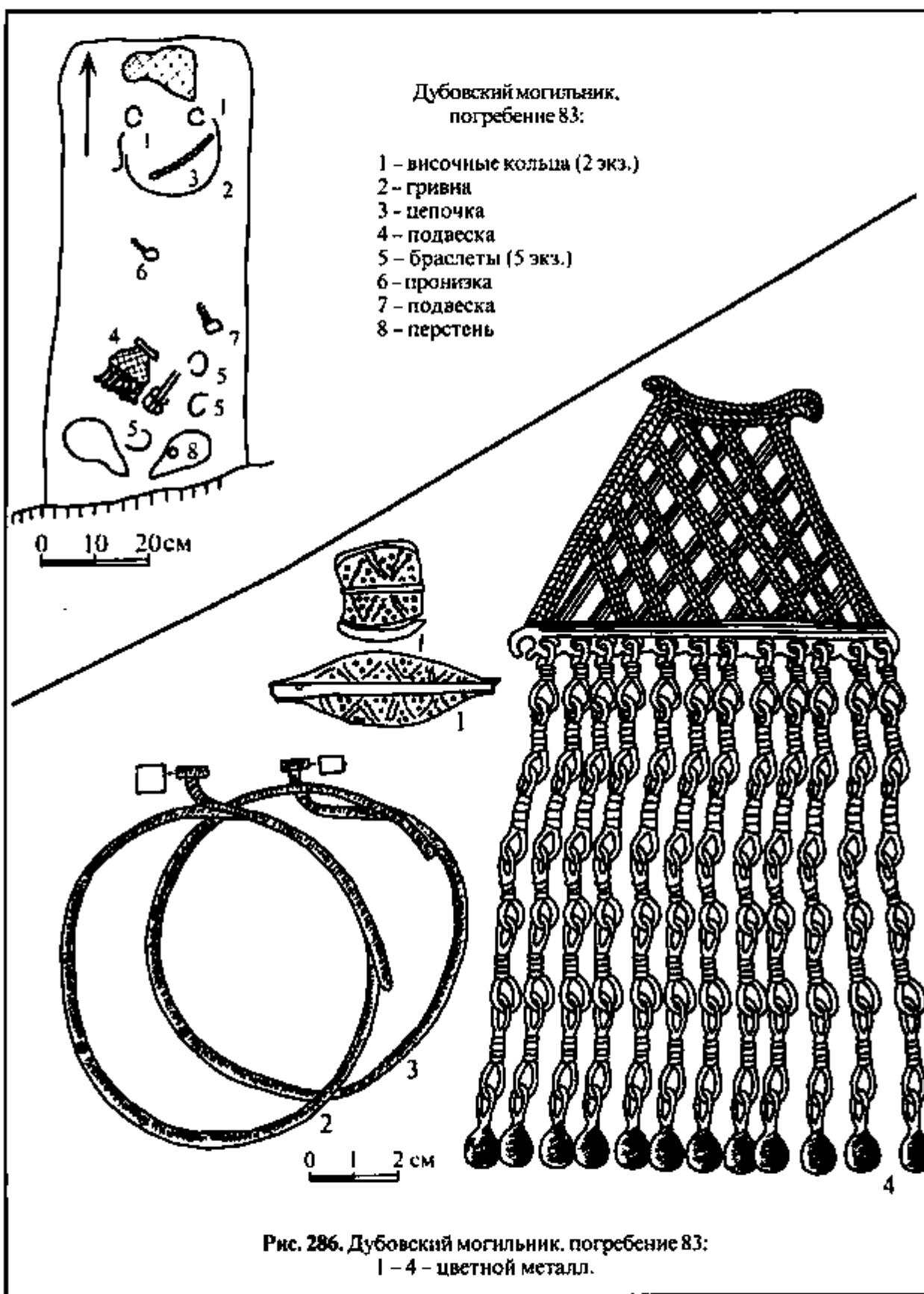

Рис. 285. Дубовский могильник:
А – погребение 80; Б – погребение 81:
1 – 4, 8 – цветной металл; 5 – железо;
6 – кожа, цветной металл; 7 – кожа.

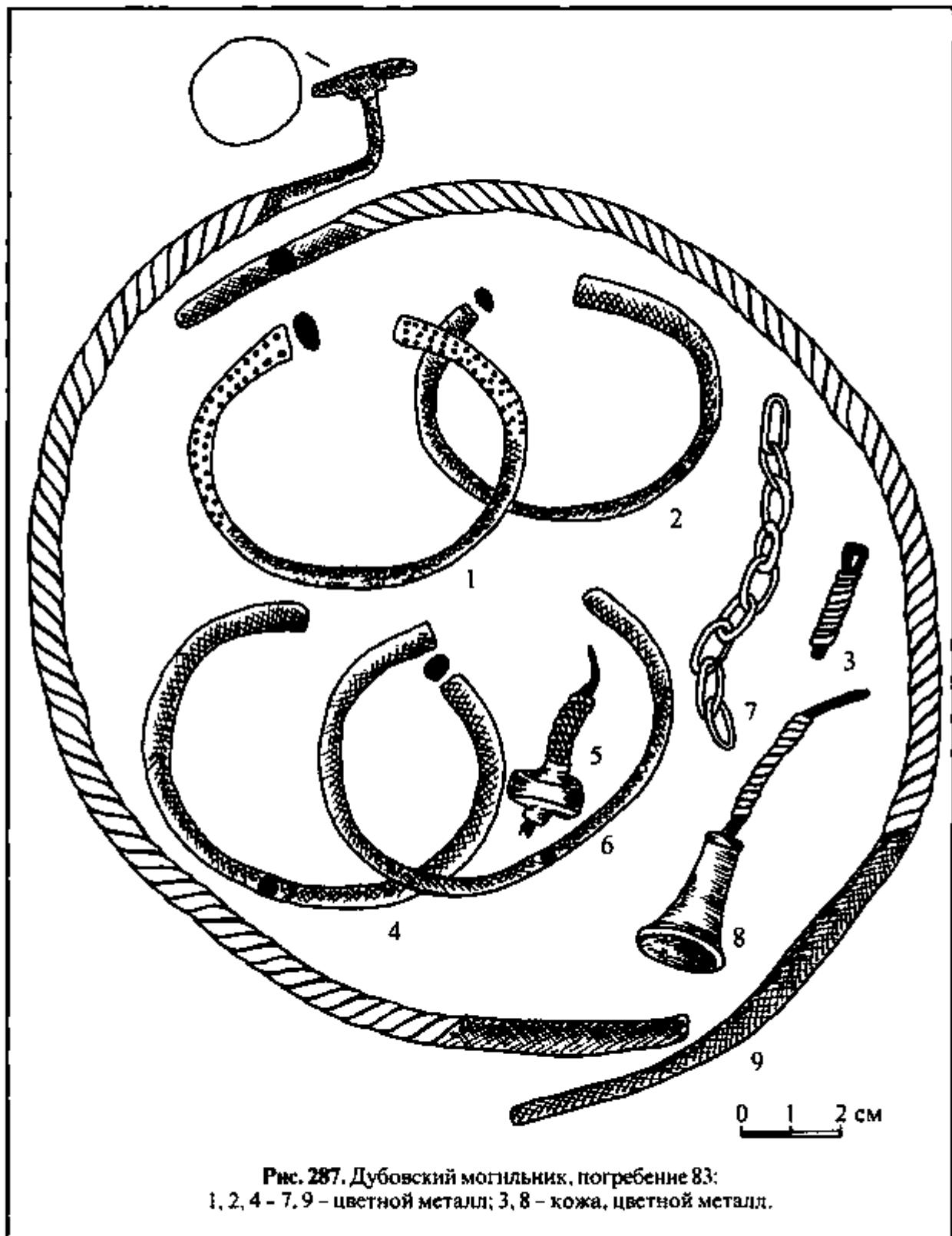

Рис. 287. Дубовский могильник, погребение 83:
1, 2, 4 - 7, 9 - цветной металл; 3, 8 - кожа, цветной металл.

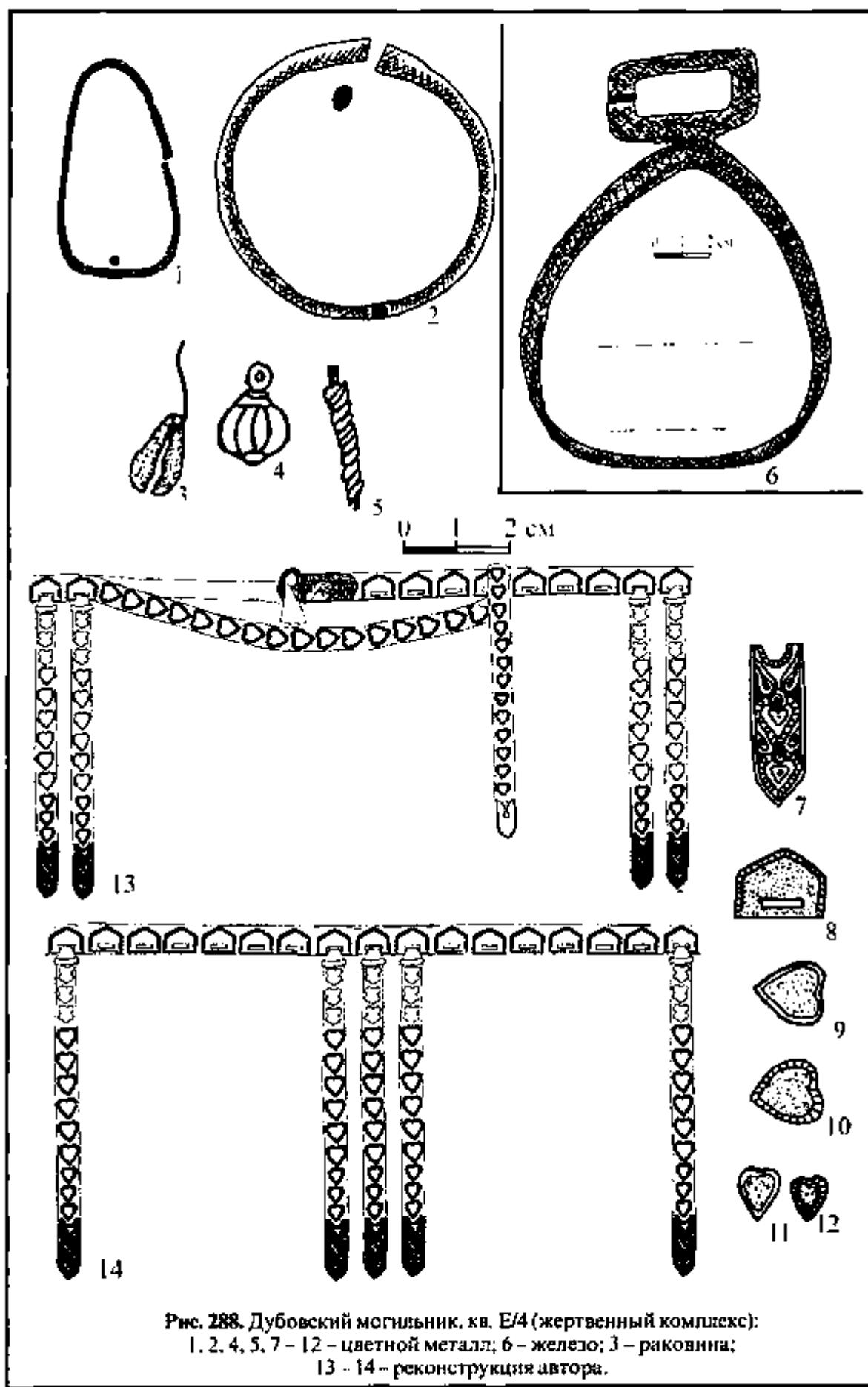

Рис. 288. Дубовский могильник, кв. Е/4 (жертвенный комплекс):
1, 2, 4, 5, 7 – 12 – цветной металл; 6 – железо; 3 – раковина;
13 – 14 – реконструкция автора.

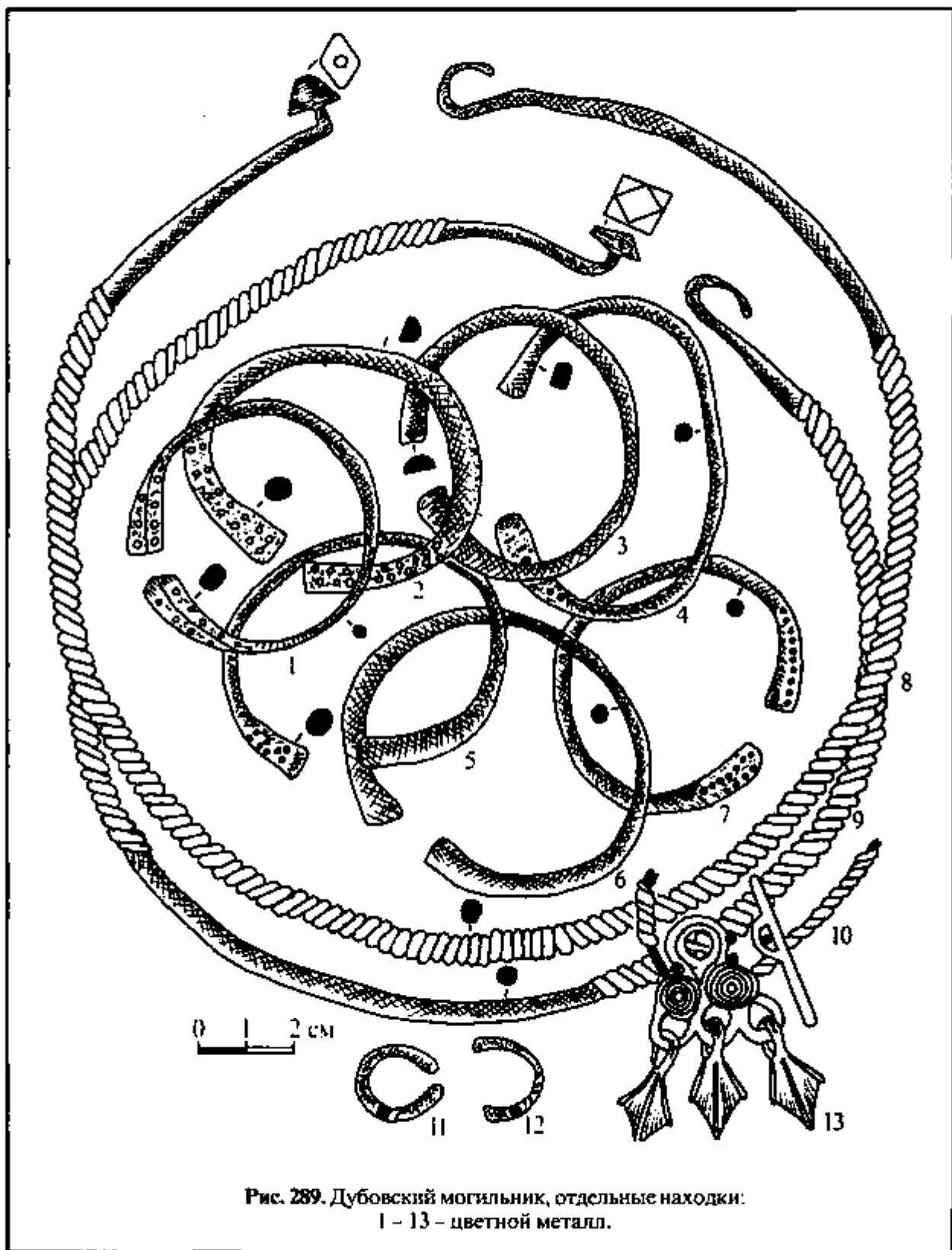

Рис. 289. Дубовский могильник, отдельные находки:
1 – 13 – цветной металл.

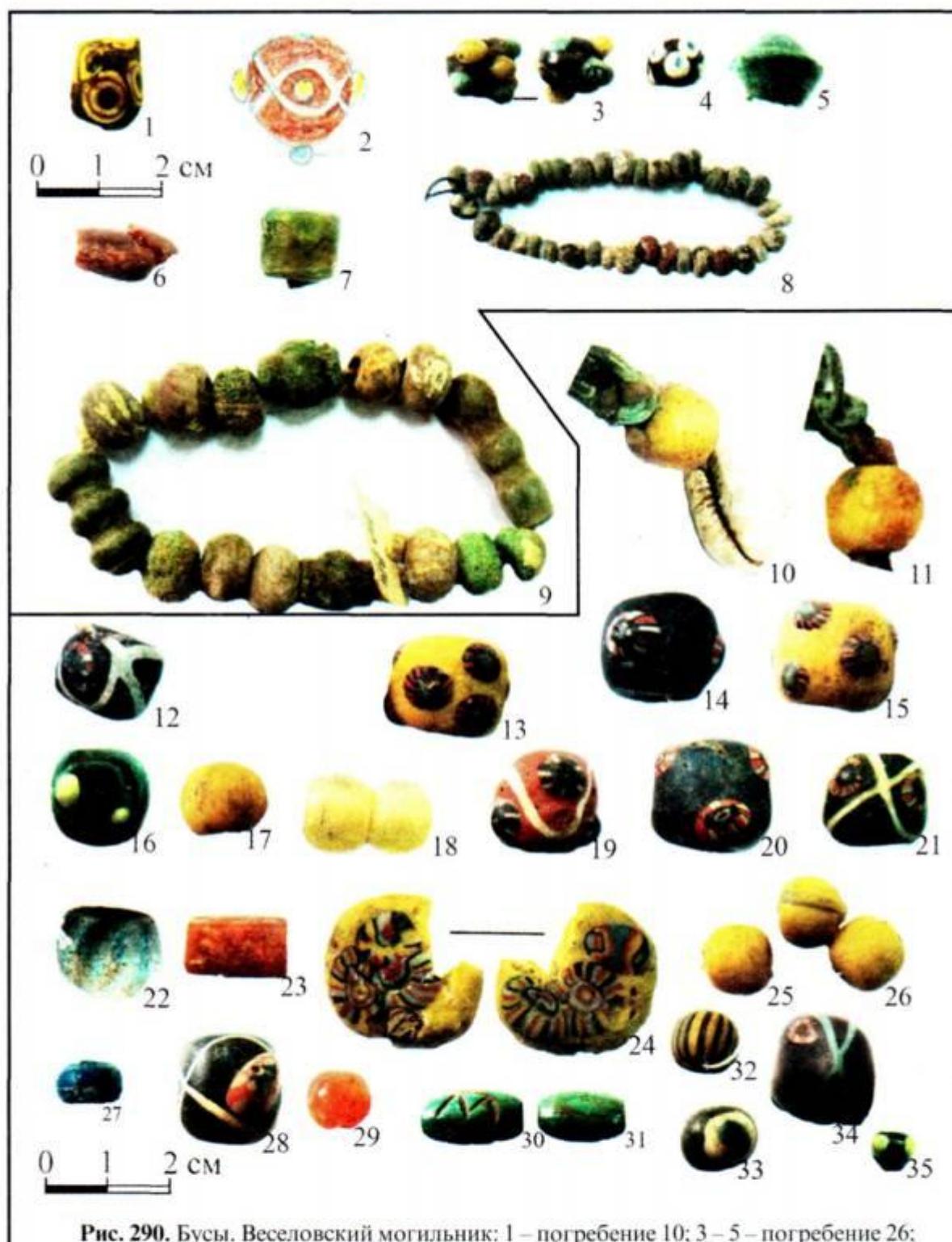

Рис. 290. Бусы. Веселовский могильник: 1 – погребение 10; 3 – 5 – погребение 26; 2 – погребение 8 (зарисовка Г.А. Архипова), 8, 9 – погребение 22; 10, 11 – погребение 6:

Дубовский могильник: 6 – погребение 16; 7 – погребение 10; 12 – 15, 19 – 21 – погребение 14; 16 – погребение 74; 17, 18, 34 – погребение 49; 22, 23 – погребение 40; 24 – погребение 57; 27 – погребение 37; 25, 26, 28 – 33 – погребение 58; 35 – кв. А/1.

Рис. 291. Бусы. Могильник «Нижняя стрелка»:
 1 – 17 – погребение 5; 18 – 21 – погребение 11а;
 22 – погребение 2а; 23 – 26 – жертвенный комплекс 4;
 27 – погребение 19; 28 – погребение 17 (зарисовка Т.Б. Никитиной).

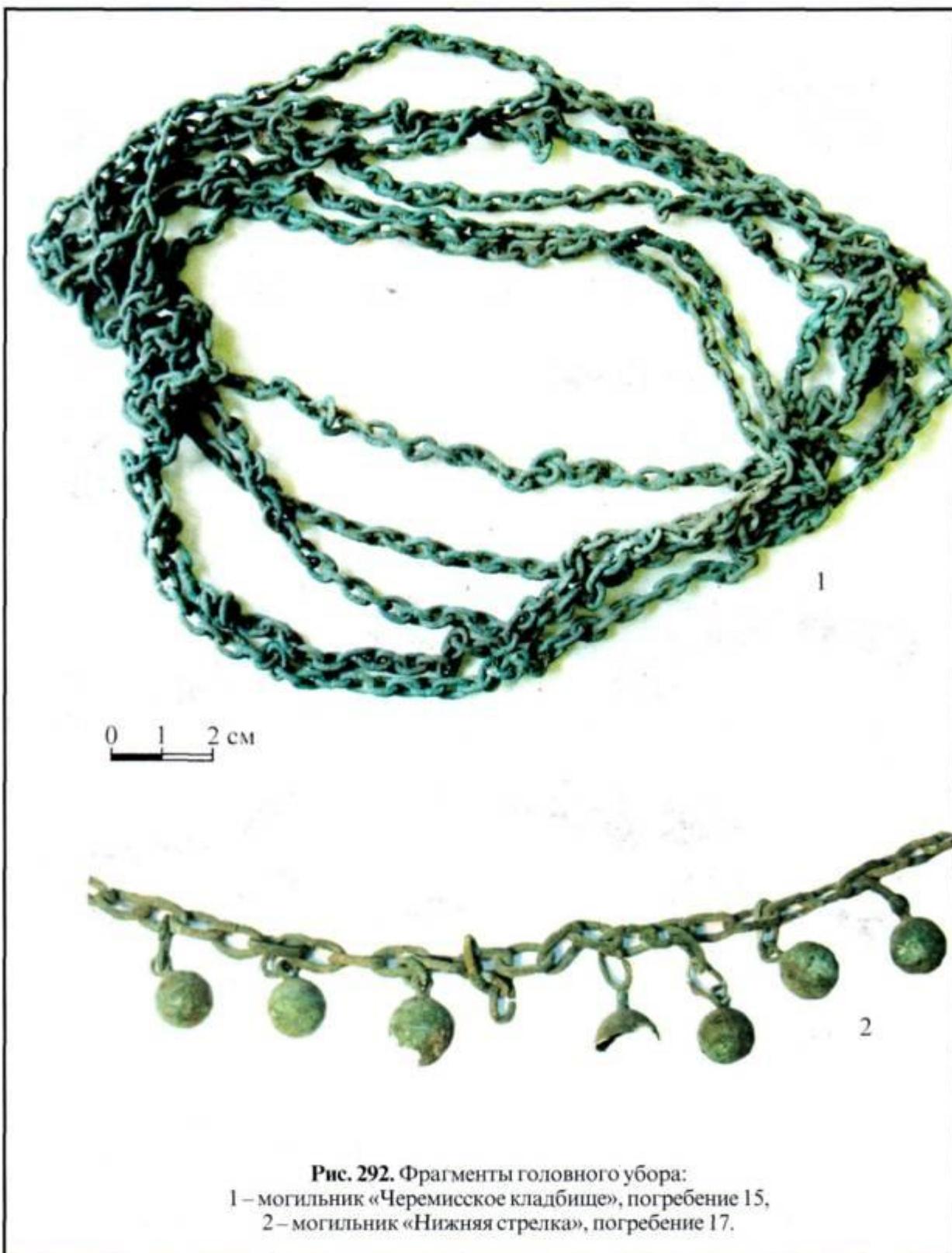

Рис. 292. Фрагменты головного убора:
1 – могильник «Черемисское кладбище», погребение 15,
2 – могильник «Нижняя стрелка», погребение 17.

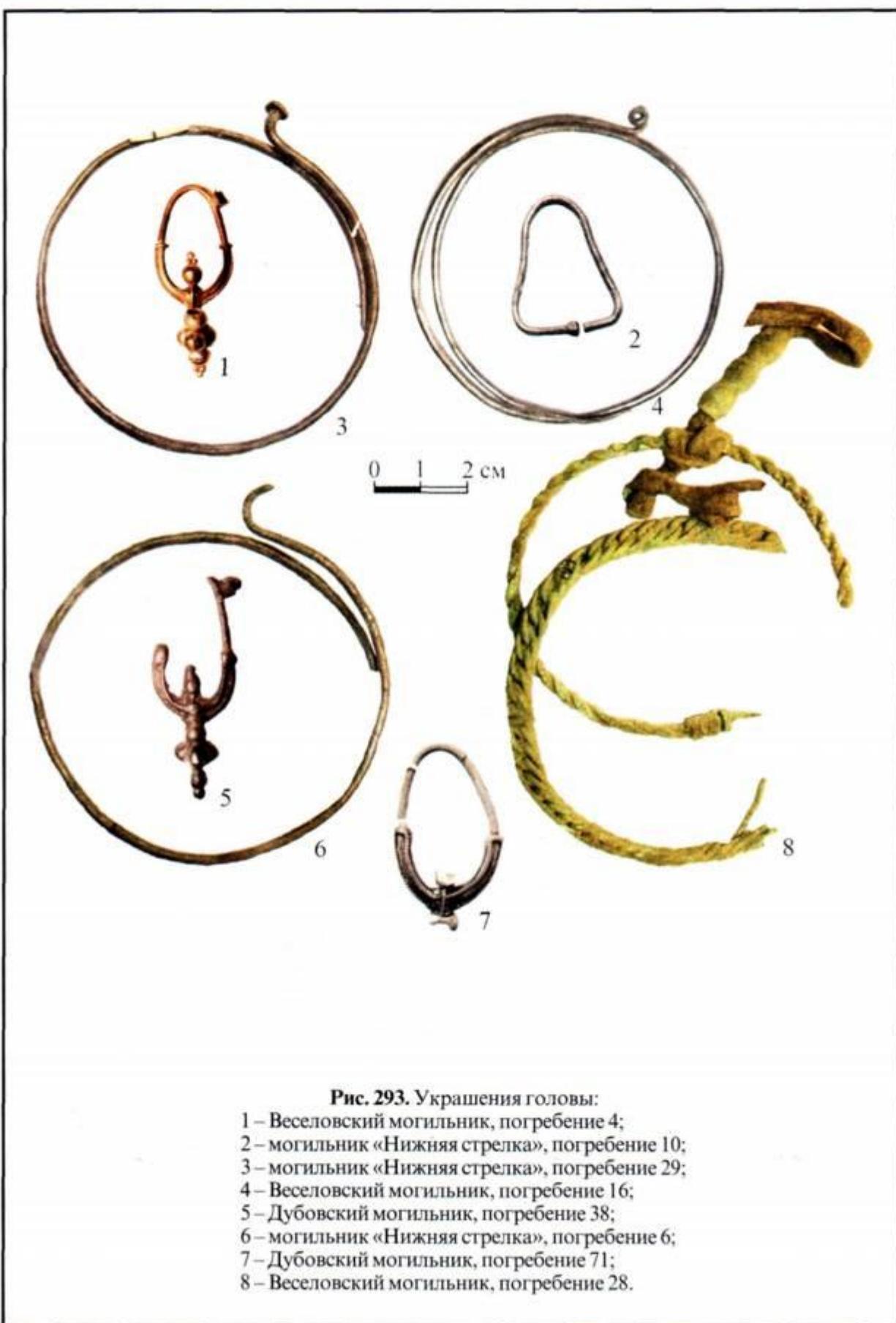

Рис. 293. Украшения головы:

- 1 – Веселовский могильник, погребение 4;
- 2 – могильник «Нижняя стрелка», погребение 10;
- 3 – могильник «Нижняя стрелка», погребение 29;
- 4 – Веселовский могильник, погребение 16;
- 5 – Дубовский могильник, погребение 38;
- 6 – могильник «Нижняя стрелка», погребение 6;
- 7 – Дубовский могильник, погребение 71;
- 8 – Веселовский могильник, погребение 28.

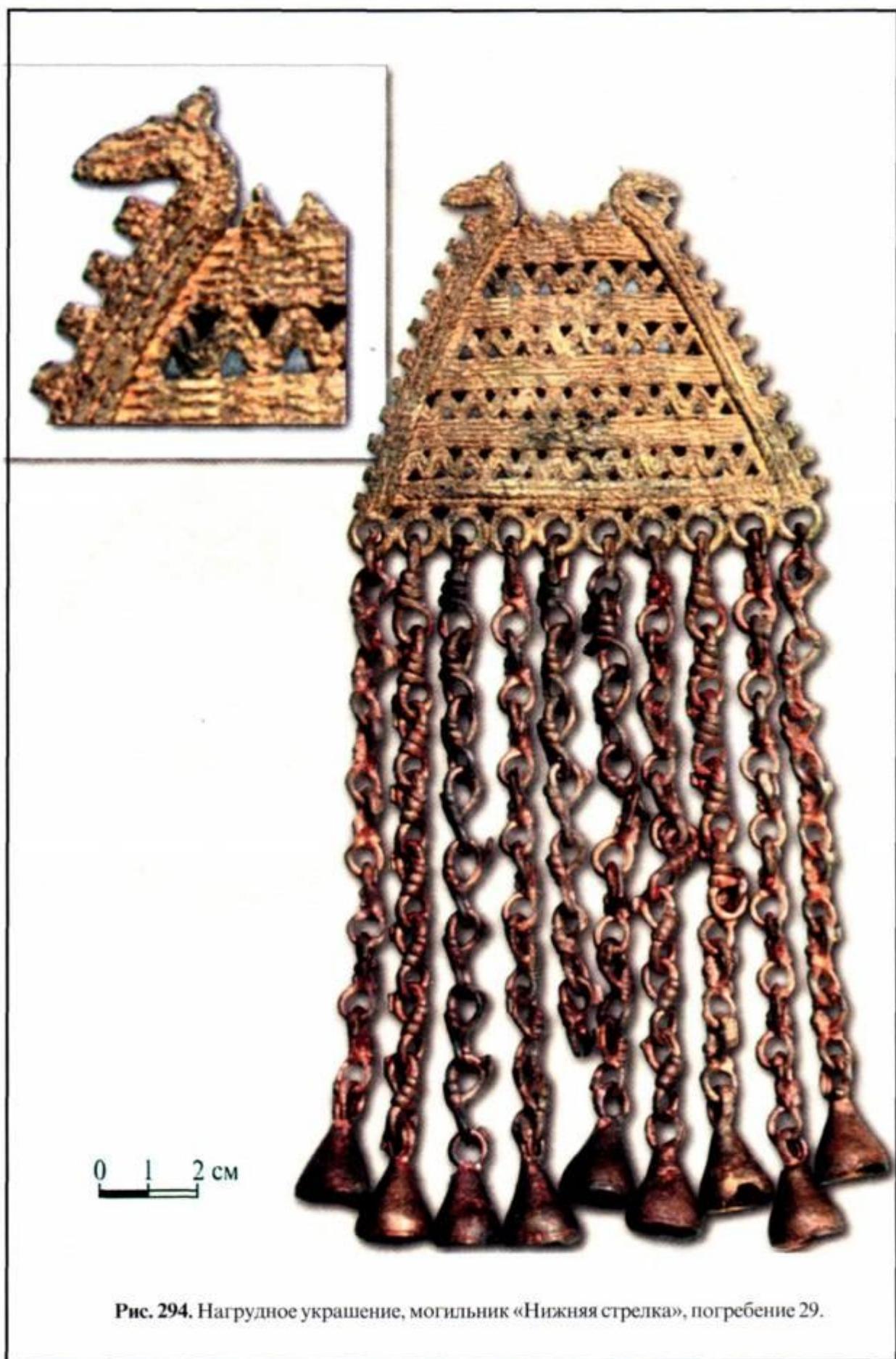

Рис. 294. Нагрудное украшение, могильник «Нижняя стрелка», погребение 29.

Рис. 295. Нагрудное украшение.
Могильник «Черемисское кладбище», погребение 14.

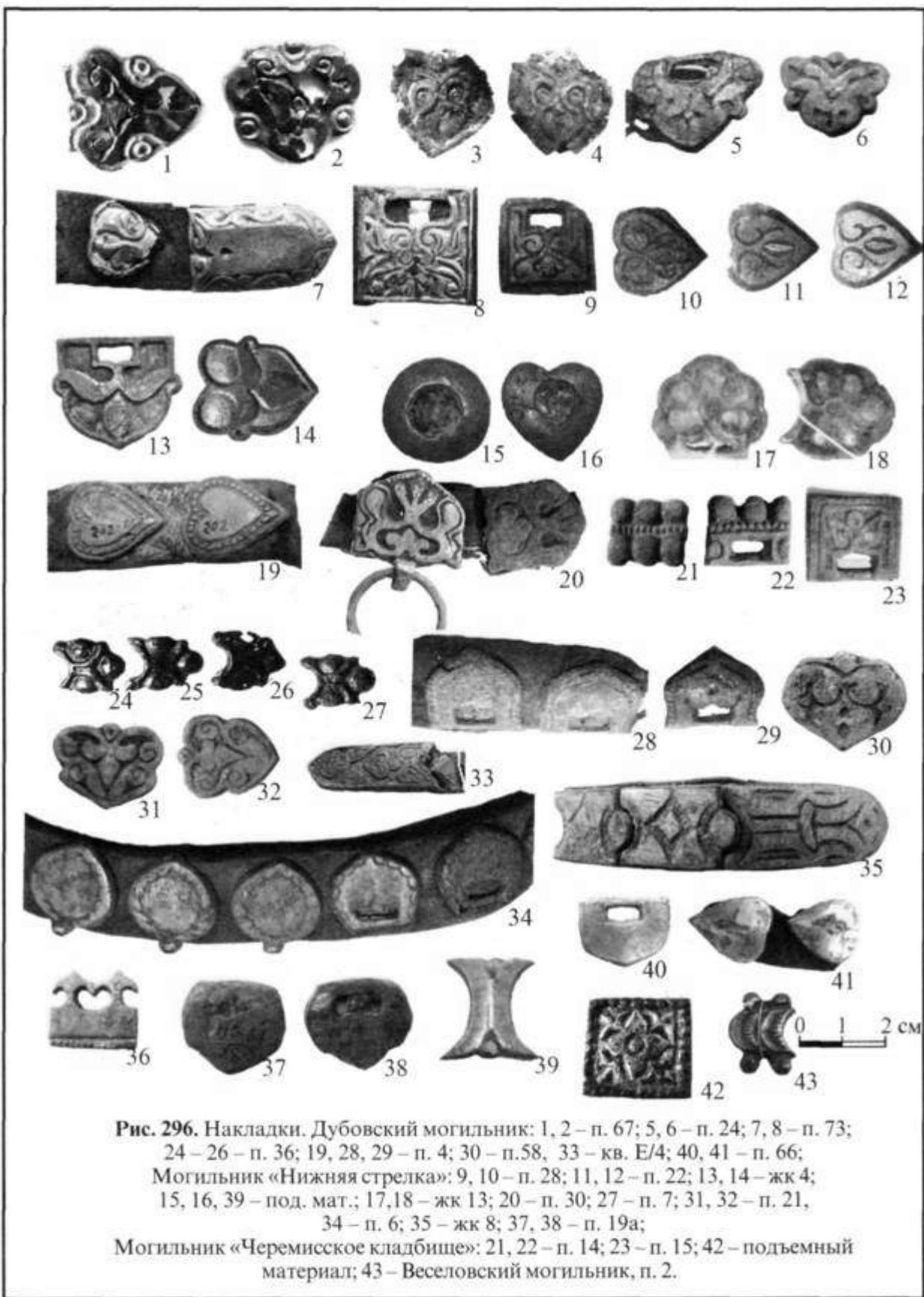

Рис. 296. Накладки. Дубовский могильник: 1, 2 – п. 67; 5, 6 – п. 24; 7, 8 – п. 73;
24–26 – п. 36; 19, 28, 29 – п. 4; 30 – п. 58, 33 – кв. Е/4; 40, 41 – п. 66;
Могильник «Нижняя стрелка»: 9, 10 – п. 28; 11, 12 – п. 22; 13, 14 – жк 4;
15, 16, 39 – под. мат.; 17, 18 – жк 13; 20 – п. 30; 27 – п. 7; 31, 32 – п. 21,
34 – п. 6; 35 – жк 8; 37, 38 – п. 19а;
Могильник «Черемисское кладбище»: 21, 22 – п. 14; 23 – п. 15; 42 – подъемный
материал; 43 – Веселовский могильник, п. 2.

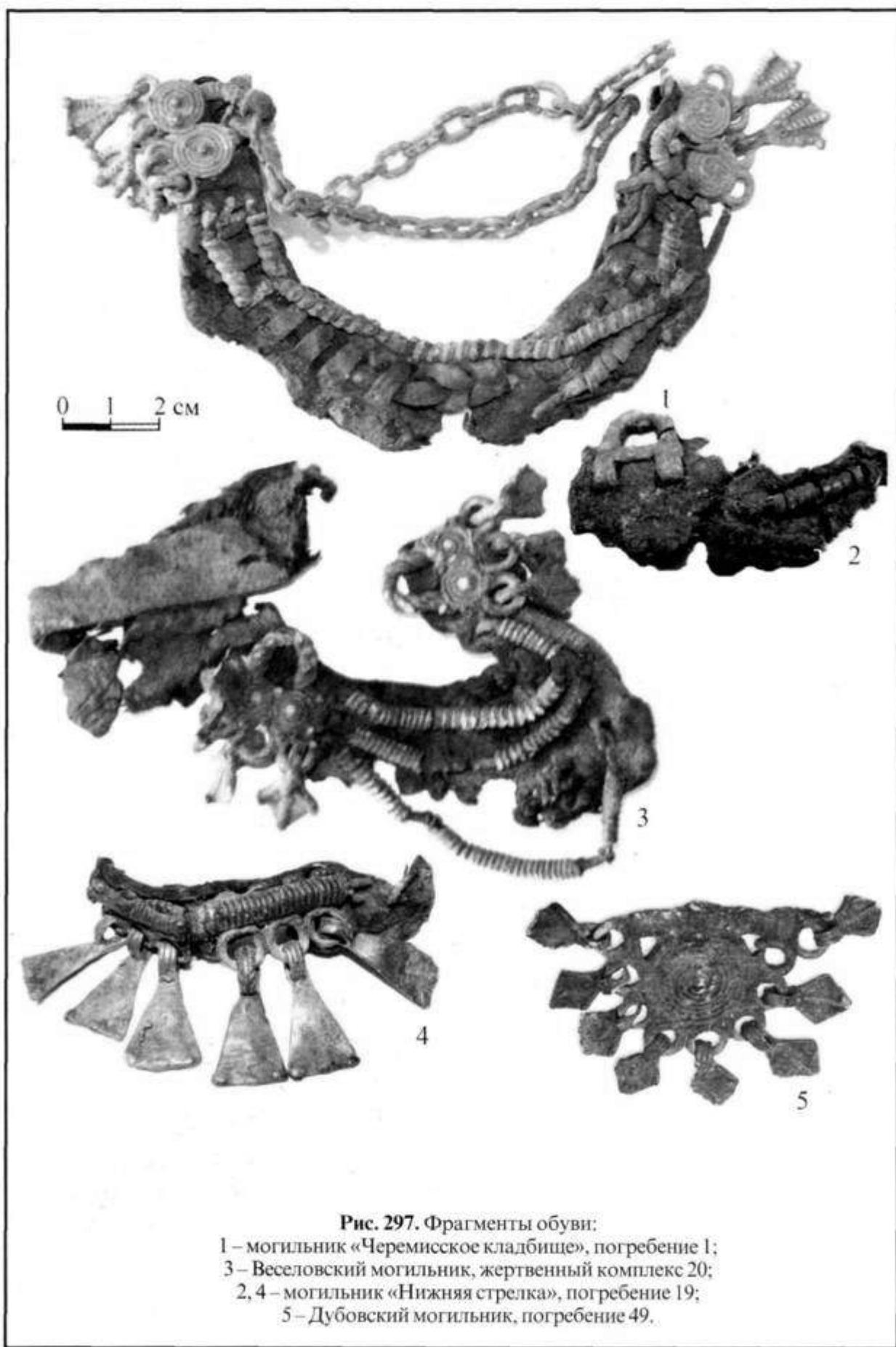

Рис. 297. Фрагменты обуви:

- 1 – могильник «Черемисское кладбище», погребение 1;
- 3 – Веселовский могильник, жертвенный комплекс 20;
- 2, 4 – могильник «Нижняя стрелка», погребение 19;
- 5 – Дубовский могильник, погребение 49.

Рис. 298. Украшения от накосника.
Юмский могильник,
погребение 7.

Рис. 299. Нагрудные и поясные украшения:
1 – могильник «Черемисское кладбище», погребение 14;
2 – Дубовский могильник, погребение 52.

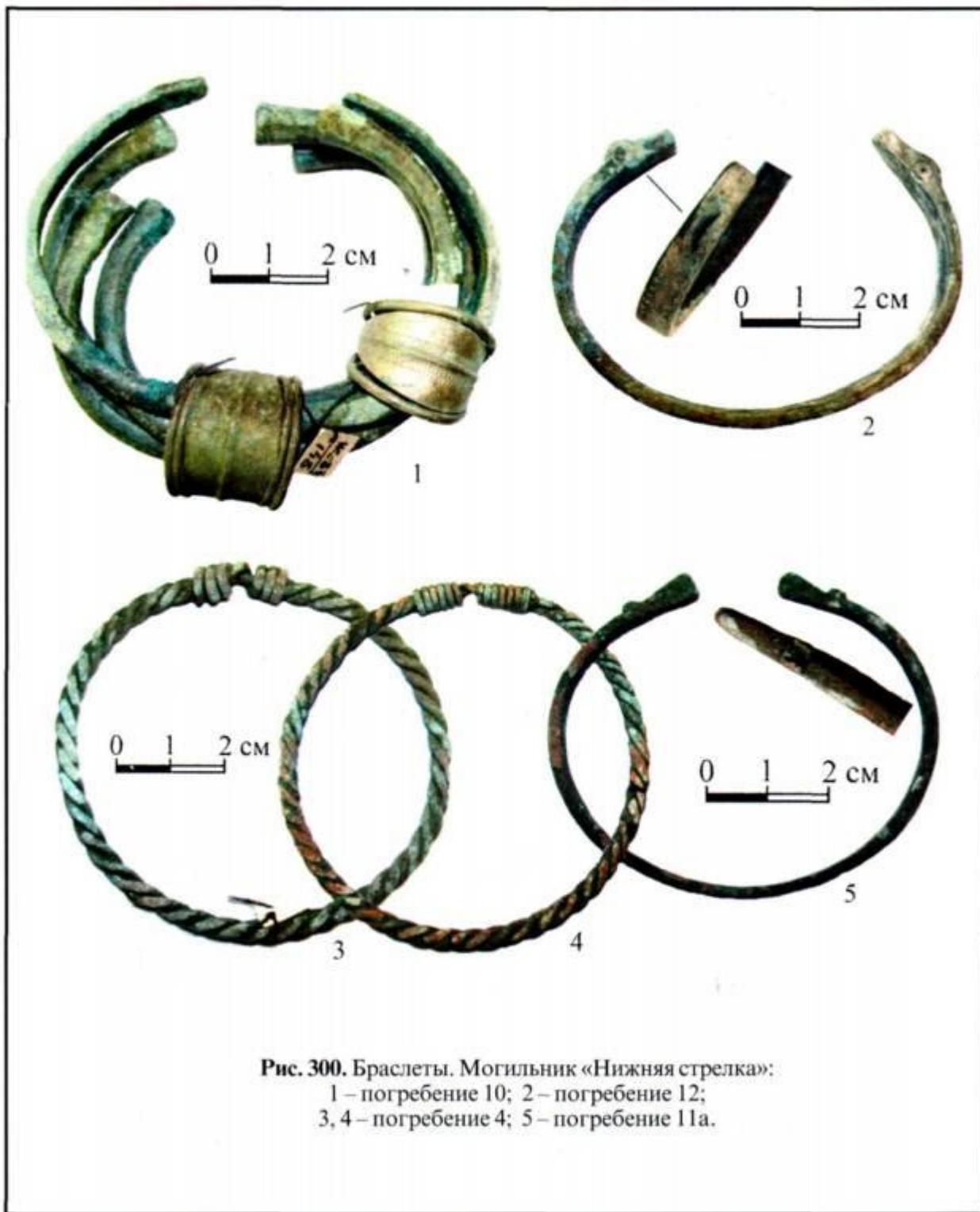

Рис. 300. Браслеты. Могильник «Нижняя стрелка»:
1 – погребение 10; 2 – погребение 12;
3, 4 – погребение 4; 5 – погребение 11а.

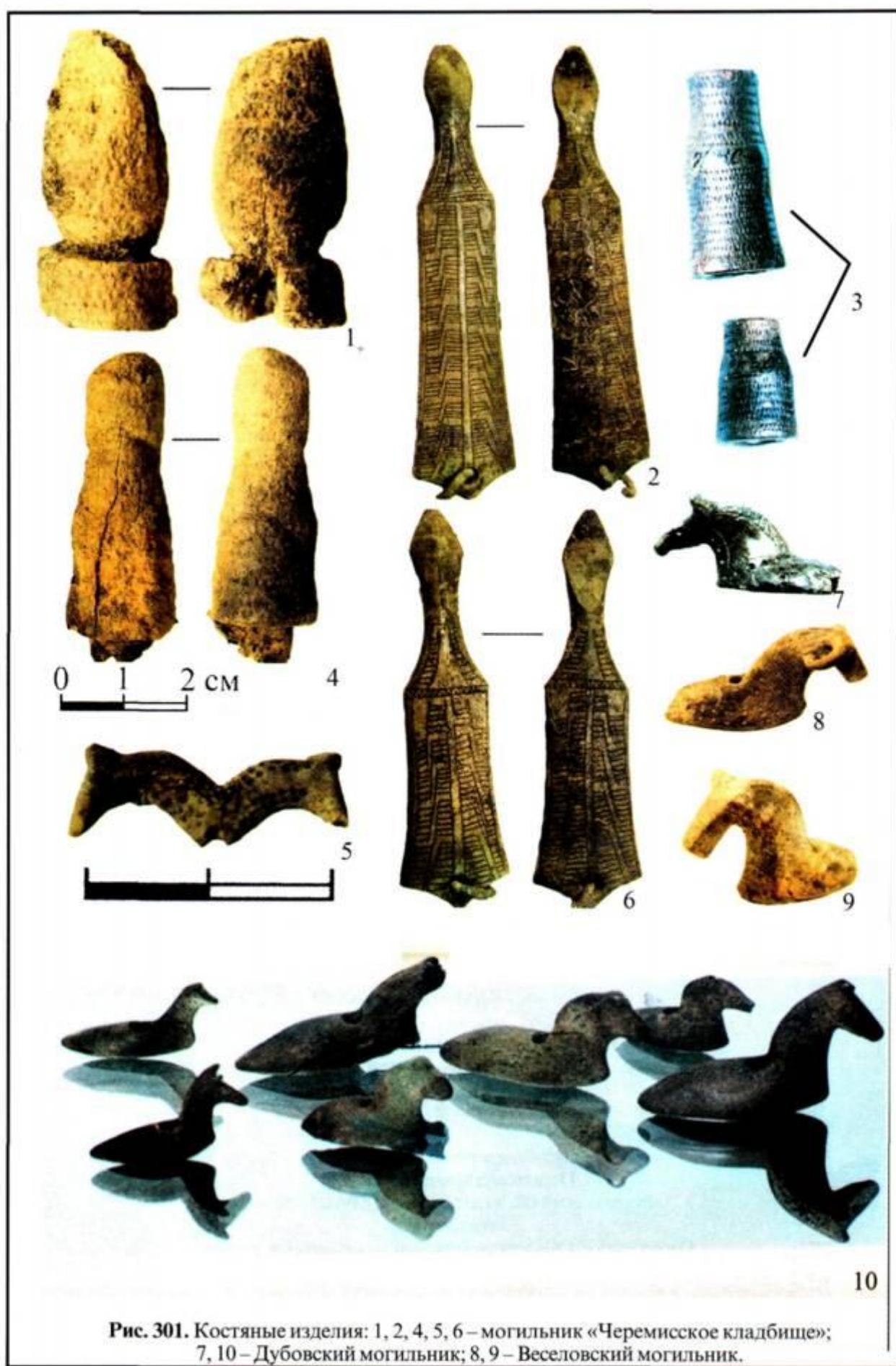

Рис. 301. Костяные изделия: 1, 2, 4, 5, 6 – могильник «Черемисское кладбище»; 7, 10 – Дубовский могильник; 8, 9 – Веселовский могильник.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	3
ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МОГИЛЬНИКОВ IX–XI вв. ВЕТЛУЖСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ	7
ГЛАВА 2. ОПИСАНИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ	10
Веселовский могильник	10
Могильник «Черемисское кладбище»	25
Юмский (Загребинский) могильник	30
Могильник «Нижняя стрелка»	34
Дубовский могильник	47
ГЛАВА 3. ДАТИРОВКА И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ МОГИЛЬНИКОВ ВЕТЛУЖСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ	62
§1. ДАТИРОВКА ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ	62
Веселовский могильник	62
Юмский могильник	65
Могильник «Черемисское кладбище»	65
Могильник «Нижняя стрелка»	66
Дубовский могильник	69
§2. ЭТНООПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА	74
§3. ЭТНООПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ КОСТЮМА	82
§4. К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ВЕТЛУЖСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ	88
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	95
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	101
СПИСОК РИСУНКОВ	102
РЕЗЮМЕ	105
ИЛЛЮСТРАЦИИ	107

Татьяна Багиевна Накатана

**Погребальные памятники IX–XI вв.
Ветлужско-Вятского междуречья**

Научное издание

Дизайн и верстка Козлов А.В.
Подписано в печать 1.11.12 г.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 51. Тираж 500 экз.
Заказ № 6192.

Отпечатано в ООО «Издательский дом «Сельские вести»
п. Медведево, ул. Советская, д. 5